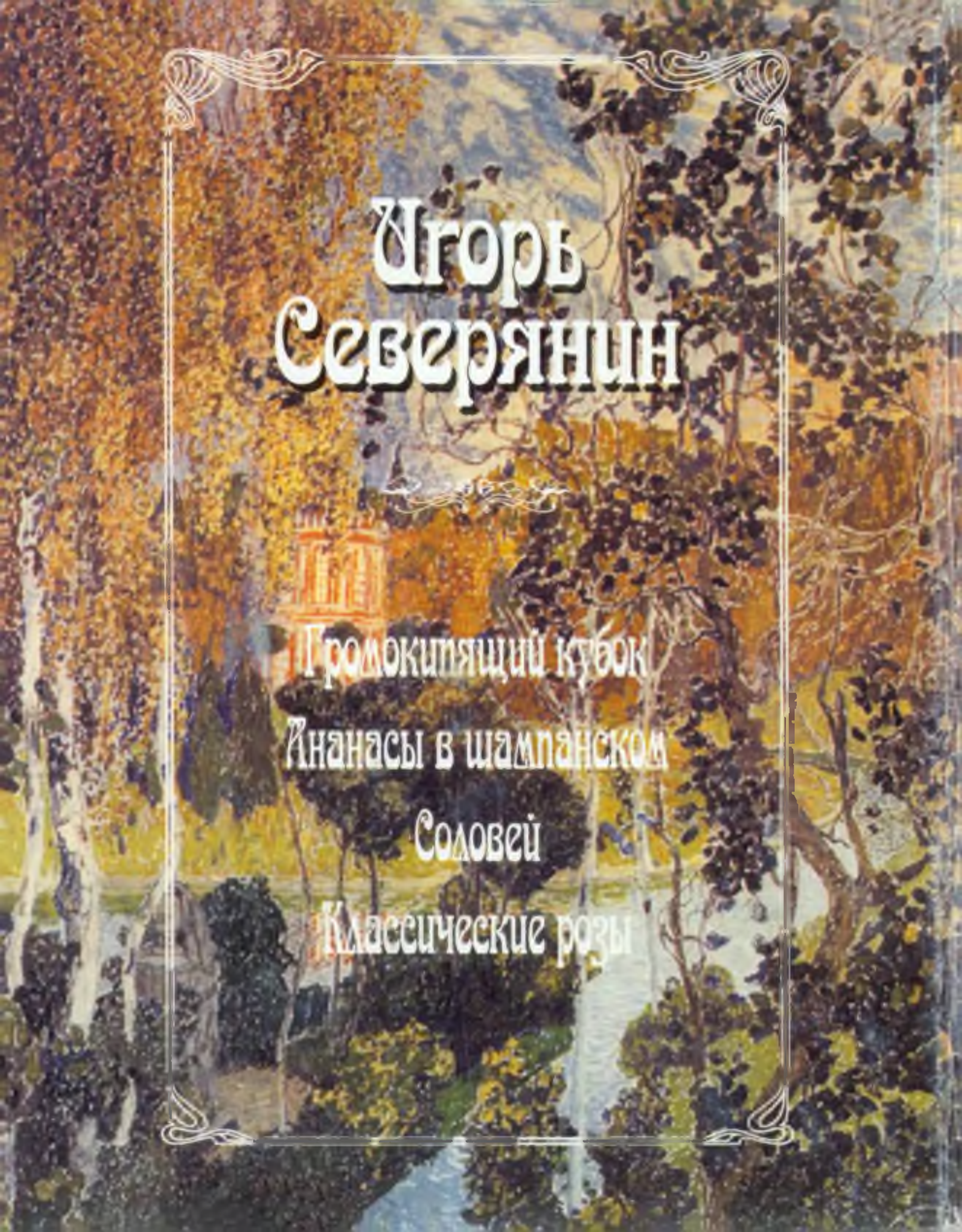

Игорь
Северянин
Громокипящий кубок
Ананасы в шампанском
Соловей
Классические розы

Игорь Северянин

Громокипящий кубок
Ананасы в шампанском
Соловей
Классические розы

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Игорь-Северянин

Игорь Северянин. 1910 г

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Игорь Северянин

Громокипящий кубок
Ананасы в шампанском
Соловей
Классические розы

Издание подготовили
В. Н. ТЕРЁХИНА,
Н. И. ШУБНИКОВА-ГУСЕВА

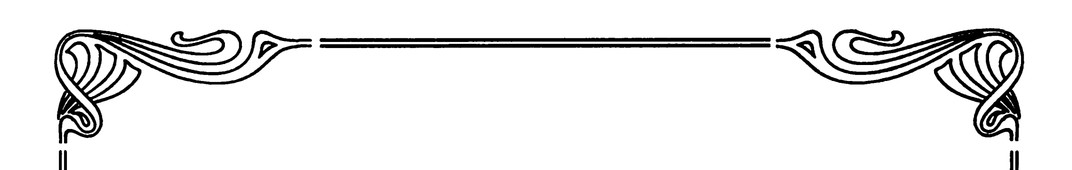

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 821.161-1
ББК 84(2Рос=Рус)1
И26

Ответственные редакторы
Н.И. БАЛАШОВ, Н.В. КОРНИЕНКО

ТП-2003-(II)-№ 159
ISBN 5-02-006380-0

Громокипящий кубок

Поэзы

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Ф. Тютчев

Одно из сладчайших утешений жизни – поэзия свободная, легкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны.

"Люблю грозу в начале мая!"

Люблю стихи Игоря Северянина. Пусть мне говорят, что в них то или другое неверно с правилами пиитики, раздражает и дразнит, – что мне до этого! Стихи могут быть лучше или хуже, но самое значительное то, чтобы они мне понравились.

Я люблю их за их легкое, улыбчивое, вдохновенное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах дерзающей, пламенною волею упоенной души поэта. Он хочет, он дерзает не потому, что он поставил себе литературною задачею хотеть и дерзать, а только потому он хочет и дерзает, что хочет и дерзает. Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его – воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня. Стихи его, такие капризные, легкие, сверкающие и звенящие, льются потому, что переполнен громокипящий кубок в легких руках нечаянно наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы смеющейся и щедрой. Засмотрелась на Зевесова орла, которого кормила, и льются из кубка вскипающие струи, и смеется резвая, беспечно слушая, как "весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом".

О, резвая! О, милая!

Федор Сологуб

Февраль 1913 г.

I. СИРЕНЬ МОЕЙ ВЕСНЫ

ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ

Очам твоей души – молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей;
И все, что здесь в конце, и все, что здесь в начале,
Очам души твоей...

Очам души твоей – сиренью упоенье
И литургия – гимн жасминовым ночам;
Все – все, что дорого, что будит вдохновенье,–
Души твоей очам!

Твоей души очам – видений страшных клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши! –
Но ты должна принять!.. И плач, и хохот лиры –
Очам твоей души!..

Мыза "Ивановка"

СОЛНЦЕ И МОРЕ

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфоре;
А проснешься утром, – солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит!..

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Дорогому К.М. Фофанову

Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на “ты”...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы – в бричке по ухабам!
Скорей бы – в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

В ГРЕХЕ – ЗАБВЕНЬЕ

Ты – женщина, и этим ты права.

Валерий Брюсов

Вся радость – в прошлом, в таком далеком и безвозвратном,
А в настоящем – благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; – его пленяет неосторожность...

Устало сердце от узких рамок благополучья,
Оно в уныньи, оно в оковах, оно в томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом безлучьи,
Оно трепещет такою скорбью, все в гипсе лени...

А жизнь чарует и соблазняет, и переменой
Всего уклада семейных будней влечет куда-то!

В смущеньи сердце; оно боится своей изменой
Благополучье свое нарушить в часы заката.

Ему подвластны и верность другу, и материнство,
Оно боится оставить близких, как жалких сирот...
Но одиноко его биенье, и нет единства...
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть может, вырыт...

О, сердце! сердце! твое спасенье – в твоем безумьи!
Гореть и биться пока ты можешь, – гори и бейся!
Греши отважней! – пусть добродетель – уделом мумий:
В грехе – забвенье! а там – хоть пуля, а там – хоть рельсы!

Ведь ты любимо, больное сердце! ведь ты любимо!
Люби ответно! люби приветно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты – право! сомненья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

В БЕРЕЗОВОМ КОТТЭДЖЕ

На северной форелевой реке
Живете вы в березовом коттэдже.
Как Богомать великого Коррэджи,
Вы благостны. В сребристом парике
Стряхает пыль с рельефов гобелена
Дворецкий ваш. Вы грезите, Мадлена,
Со страусовым веером в руке.

Ваш хрупкий сын одиннадцати лет
Пьет молоко на мраморной террасе;
Он в землянике нос себе раскрасил;
Как пошло вам! Вы кутаетесь в плэд
И, с отвращеньем, хмуря чернобровье,
Раздражена, теряя хладнокровье,
Вдруг видите брильянтовый браслет,
Как бракоцепь, повиснувший на кисти
Своей руки: вам скоро... много лет,
Вы замужем, вы мать... Вся радость – в прошлом,
И будущее кажется вам пошлым...
Чего же ждать? Но морфий – или выстрел?..

Спасение – в безумьи! Загорись,
Люби меня, дающего былое,
Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смелее в свой каприз!
Безгрешен грех – пожатие руки
Тому, кто даст и молодость, и негу...
Мои следы к тебе одной по снегу
На берега форелевой реки!

BERCEUSE ОСЕННИЙ

День ало-сиз. Лимонолистный лес
Драприт стволы в туманную тунику.
Я в глушь иду, под осени berceuse,
Беру грибы и горькую бруснику.

Кто мне сказал, что у меня есть муж
И трижды овесененный ребенок?..
Ведь это вздор! ведь это просто чушь!
Ложусь в траву, теряя пять гребенок...

Поет душа, под осени berceuse,
Надежно ждет и сладко-больно верит,
Что он придет, галантный мой Эксцесс,
Меня возьмет и девственно озверит.

И, утолив мой алчущий инстинкт,
Вернет меня к моей бесцельной яви,
Оставив мне незримый гиацинт,
Святее верб и кризантэм лукавей...

Иду, иду, под осени berceuse,
Не находя нигде от грёзы места,
Мне хочется, чтоб сгинул, чтоб исчез
Тот дом, где я – замужняя невеста!..

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СОНАТА

О, милая, как я печалюсь! о, милая, как я тоскую!
Мне хочется тебя увидеть – печальную и голубую...

Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, как угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро-скоро окончится мое страданье...

Но, Господи! с какою скорбью забуду я свое мученье!
Но, Господи! с какою болью познаю я свое забвенье!

Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть безнадежно,
Чем мертвому, в немом безгрёзьи, покоиться бесстрастно-нежно...

О, призраки надежды – странной – и сладостной, и страстно-больной
О, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной!

Не надо же тебя мне видеть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мне слышать, печальная и голубая...

Ах, встречею боюсь рассеять желанное свое страданье,
Увидимся – оно исчезнет: чудесное – лишь в ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чем вечное к нему стремленье,
Но все-таки биенье мига прекраснее веков забвенья!..

ИДИЛЛИЯ

Милый мой, иди на ловлю
Стерлядей, оставь соху...
Как наловишь, приготовлю
Переливную уху.

Утомился ты на пашне, –
Чай, и сам развлечься рад.
День сегодня – как вчерашний,
Новый день – как день назад.

Захвати с собою лесы,
Червяков и поплавки
И ступай за мыс, на плесы
Замечтавшейся реки.

Разведи костер у борозд,
Где ковровые поля;
Пусть потрескивает хворост.
Согревается земля...

А наловишь стерлядей ты
И противно-узких щук,
Поцелуй головку флейты, –
И польется нежный звук.

Засмеясь, я брошу кровлю,
И волнуясь, и спеша,
Прибегу к тебе на ловлю,
Так прерывисто дыша.

Ты покажешь мне добычу
(У меня ведь ты хвастун!),
Скажешь мне: “давно я кличу!” –
И обнимешь, счастьем юн.

И пока, змеяся гибкой,
Стройной тальей у костра,
Ужин лажу, – ты с улыбкой
(А улыбка так остра!)

Привлечешь меня, сжигая,
Точно ветку – огонек,
И прошепчешь: “дорогая!” –
Весь – желанье, весь – намек...

Мыза “Ивановка”

ЭТО ВСЁ ДЛЯ РЕБЕНКА...

О, моя дорогая! ведь теперь еще осень, ведь теперь еще осень...
А увидеться с Вами я мечтаю весною, бирюзовой весною...
Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу, если сердце вдруг
спросит,
Если сердце простонет: "Грезишь мраком зеленым? грезишь глушью
лесною?"

До весны мы в разлуке. Повидаться не можем. Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре. Разве только
в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно. Но зато – осиянным
И брильянтовым взором обменяться успеем... – как и словом
в конверте...

Вы всегда под охраной. Вы всегда под надзором. Вы всегда под опекой.
Это все для ребенка... Это все для ребенка... Это все для ребенка...
Я в Вас вижу подругу. Я в Вас женщину вижу. Вижу в Вас человека.
И мне дорог Ваш крестик, – как и Ваша слезинка, как и Ваша
гребенка...

ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.

А. Пушкин

Вы помните прелестный уголок –
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шалэ,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?

Вы помните... О да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мне хочется Вас грёзами исполнить
И попроситься робко к Вам в друзья...

Мыза "Ивановка"

ВСЁ ПО-СТАРОМУ...

– Всё по-старому... – сказала нежно, –
Всё по-старому... –
Но смотрел я в очи безнадежно –
Всё по-старому...
Улыбалась, мягко целовала –
Всё по-старому...
Но чего-то все недоставало –
Всё по-старому!..

Мыза "Ивановка"

ИЗ ПИСЬМА

Жду – не дождусь весны и мая,
Цветов, улыбок и грозы,
Когда потянутся, хромая,
На дачу с мебелью возы!
У старой мельницы, под горкой,
На светлой даче, за столом,
Простясь с своей столичной "норкой",
Вы просветлеете челом.
Как будет весело вам прыгать
То к чахлой лавке, то к пруду,
Детей к обеду звонко кликать,
Шептать кому-то: "я приду"...
И как забавно до обеда,
Когда так яростны лучи,
Позвать мечтателя-соседа
С собой на дальние ключи...

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебя не зная – всюду, всюду
Тебя искал я, сердцем юн:
То плыл на голубую Суду,
То на нахмуренный Квантун...

Мне много женских душ дарило
Свою любовь, свою печаль...
В них не найдя тебя, ветрило
Я поднимал – и снова вдаль!

Так за второй встречалась третья...
Но не было меж них тебя....
Я не отчаивался встретить
Тебя, владычица моя!

Тогда, бесплотная доныне,
Прияла ты земную плоть:
Весной, в полях, под небом синим,
С тобой нас съединил Господь.

Твой первый взгляд явил мне чудо
(Он – незабвенный амулет!):
И ты меня искала всюду,
Как я тебя, пятнадцать лет!

Найти друг друга, вот – отрада!
А жизнь вдвоем – предтеча тьмы...
Нам больше ничего не надо:
Лишь друг вне друга – вместе мы!

РОМАНС

О, знаю я, когда ночная тишь ·
Овеет дом, глубоко усыпленный,
О, знаю я, как страстно ты грустишь
Своей душой, жестоко оскорбленной!..

И я, и я в разлуке изнемог!
И я – в тоске! я гнусь под тяжкой ношей...
Теперь я спрячу счастье “под замок”, –
Вернись ко мне: я все-таки хороший...

А ты – как в бурю снасть на корабле –
Трепещешь мной, но не придешь ты снова:
В твоей любви нет ничего земного,–
Такой любви не место на земле!

ПРИМИТИВНЫЙ РОМАНС

Моя ты или нет? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтоб он тебя пустил ко мне, моя родная!

Боюсь, он не поймет; боюсь, осудит он;
Боюсь, тебя чернить он станет подозреньем...
Приди ж ко мне сама! Ты слышишь ли мой стон?
Ты веришь ли тоске и поздним сожаленьям?

Иль нет, – не приходи! и не пиши в ответ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная:
Так лучше... так больней... Моя ты или нет?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

СТАНСЫ

Простишь ли ты мои упреки,
Мои обидные слова?
Любовью дышат эти строки,
И снова ты во всем права!

Мой лучший друг! моя святая!
Не осуждай больных затей:
Ведь я рыдаю, не рыдая,
Я, человек не из людей!..

Не от тоски, не для забавы
Моя любовь полна огня:
Ты для меня дороже славы,
Ты – все на свете для меня!

Я соберу тебе фиалок
И буду плакать об одном:
Не покидай меня! – я жалок
В своем величии больном...

Дылицы

НАМЕКИ ЖИЗНИ

В вечерней комнате сидели вы втроем.
Вы вспомнили безмолвно о четвертом.
Пред первым, тем, кто презирался чертом,
Четвертый встал с насмешливым лицом...

Увидевший вскричал, а двое вас –
Две женщины с девической душою –
Зажгли огонь, пугаясь бледнотою
Бессильного осмыслить свой рассказ...

...Утрела комната. И не было троих.
Все разбрелись по направленьям разным.
Служанка Ваша, в любопытстве праздном,
Сдувала пыль. И вдруг раздался крик:

У письменного – скрытного – стола
Увидела подгорничная, в страхе,
Что голова хозяина... на плахе!
Все через миг распалось, как зола.

...А заденела комната, с письмом
От Вашего врага пришел рассыльный.
И в том письме, с отчаяньем бессильным,
Молили Вас прийти в презренный дом:

Ребенок умирал. Писала мать.
И Вы, как мать, пошли на голос муки,
Забыв, что ни искусству, ни науке
Власть не дана у смерти отнимать.

...Вы вечером страдали за порыв,
И призраки Вам что-то намекали...
А жизнь пред Вами в траурном вуале
Стояла, руки скорбно опустив...

И показав ряд родственных гробов,
Смертельный враг духовных одиночеств,
Грозила Вам мечом своих пророчеств...
Любовь! ты – жизнь, как жизнь – всегда любовь!

ДЕНЬ НА ФЕРМЕ

Из лепестков цветущих розово-белых яблонь
Чай подала на подносе девочка весен восьми.
Шли на посев крестьяне. Бегало солнце по граблям.
Псу указав на галку, баба сказала: "возьми!"

Было кругом раздольно! было повсюду майно!
Как золотела зелень! воздух лазурно-крылат!
Бросилась я с плотины, – как-то совсем случайно,
Будто была нагая, вниз головой, в водопад!

И потеряв сознанье от высоты паденья,
Я через миг очнулась и забурлила, на мыс...
Я утопляла солнце! плавала целый день я!
А на росе, на ферме, жадно пила я кумыс.

ЛЕСОФЕЯ

Она читает зимой Евангелье,
Она мечтает о вешнем ангеле.
Душой поэта и аполлонца
Все ожидает литавров солнца!

Умом ребенок, душою женщина,
Всегда капризна, всегда изменчива,
Она тоскует о предвесеньи,
О незабудках, о росной сени...
И часто в ложе, на пестрой опере,
Когда ей сердце мечты отропили,
Она кусает платок, беднея, –
Демимонденка и лесофея!..

РОНДЕЛИ

Нарцисс Сарона – Соломон –
Любил Балькис, царицу Юга.
Она была его супруга.
Был царь, как раб, в нее влюблен.
В краю, где пальмы и лимон,
Где грудь цветущая упруга,
Нарцисс Сарона, Соломон,
Любил Балькис, царицу Юга.
Она цвела, как анемон,
Под лаской царственного друга.
Но часто плакал от испуга,
Умом царицы ослеплен,
Великолепный Соломон...

ПИСЬМО ИЗ УСАДЬБЫ

В мои мечты неизреченные
Вплелась вечерняя печаль.

Мирра Лохвицкая

Вчера читала я, –Тургенев
Меня опять зачаровал.
Закатный запад был сиренев
И, все в грядущем обесценив,
Меня к былому призывал.
Шел тихий снег; вдали долины
Снежели, точно полотно;

Глядели голые малины
В мое любимое окно.
Всегда все то же, все одно...
Мне запечалилось. Я вышла
В холодный омертвелый сад, –
Он был от снега полосат,
Пошла к каретнику; на дышло
Облокотилась, постояв
Минуты две; потом я в сани
Присела мягко, крикнув Сане
Свезти к реке меня. Твоя
В то время я была, мой нежный,
Тобой дышала в этот миг!
А потому я напрямик,
Окружена природой снежной,
К тебе стремилася в мечте...
(Вы, эти, тут, – далече те!..) –
Мои мечты... О, знаешь их ты, –
Они неясны, как намек...
Их понимают только пихты,
А человеку невдомек...
Но ты не думай: я не буду
Былого трогать, – где та кисть,
Чтоб передать мою корысть
К минувшим дням? Кто верит в Будду,
Тому не нужен Магомет.
Как миру страшен хвост комет,
Так мне – столица: ведь концерты
Тебя от поля отвлекли.
И уж давно твои конверты
Я не вскрываю... Заколи!
Замучь меня! повесь! – но дай мне
Хотя два слова о себе.
Как в алфавите “а” и “б”,
Так мы с тобою в нашей тайне.
Я так люблю свои поля,
Свои игольчатые рощи.
Что может быть милей и проще
Усадьбы нашей? Жизнь паля,
Как хворост, в шелковых салонах,
Я так измучилась, я так
Истосковалась... За “пятак”

Я не купила б опаленных
Столичных душ с их пустотой,
Задрапированной мишурно.
А здесь-то, здесь-то! Как лазурно
Сияет небо; простотой
Здесь веет воздух. Посмотрел бы,
Как я похорошела тут!
Как розы алые, цветут
Мои ланиты, – это вербы
Рождают розы на лице!..
Приди ко мне, забудь столицу, –
Я быль даю за небылицу,
Начало чувствую в конце...
Не бойся "скуки деревенской",
Предай забвенью мишуру!
С твоей душой, душой вселенской,
Не место там, – "не ко двору"
Пришелся ты; ты только вникни,
Приди ко мне, ко мне приникни
И позабудься на груди,
Тобой трепещущей... Приди!..

NOCTURNE

Я сидел на балконе, против заспанного парка,
И смотрел на ограду из подстриженных ветвей.
Мимо шел поселянин в рыжей шляпе из поярка,
Вдалеке заливался невидимка-соловей.

Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья.
В парке девушки пели, – без лица и без фигур:
Точно маки сплетали новобрачной королеве,
Точно встретился с ними коробейник-балагур...

Может быть, это хоры позабывшихся монахинь?..
Может быть, это нимфы обездоленных прудов?..
Столько мук нестерпимых, целомудренных и ранних,
И щемящего смеха опозоренных родов...

Дылицы

ЕЕ МОНОЛОГ

Не может быть, вы лжете мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда, в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгут бесценные дары:
Жжет молния надменные вершины,
Поэт – из перлов бурные костры,
И фабрикант – дубравы для машины;

Бесчувственные люди жгут сердца,
Забывшие для них про все на свете;
Разбойник жжет святилище дворца,
Гордящегося пиршеством столетий;

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе – символе бессилья...
Но письма сжечь, – где я тебе пою
Свою любовь! где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя – как вечной красоты!
Их сжечь нельзя – как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть! вы лжете мне, мечты!

Мыза "Ивановка"

И ТЫ ШЕЛ С ЖЕНЩИНОЙ

И ты шел с женщиной – не отрекись. Я все заметила – не говори.
Блондинка. Хрупкая. Ее костюм был черный. Английский. На голове –
Сквозная фетэрка. В левкоях вся. И в померанцевых лучах зари.
Вы шли печальные. Как я. Как я! Журчали ландыши в сырой траве.

Не испугалась я, – я поняла: она мгновение, а вечность – я.
И улыбнулась я под плач цветов, такая светлая. Избыток сил
В душе почувствовав, я скрылась вглубь. Весь вечер пела я. Была – дитя.
Да, ты шел с женщиной. И только ей ты неумышленно взор ослезил.

В ОЧАРОВАНЬИ

Быть может оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может, оттого я так хочу всегда
С тобою вместе быть; когда, смеясь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты – вся нега, вся – гроза,
Вся – молодость, вся – страсть; и чувства без названья
Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя – боязнь моя безмерна...
И ты, меня поняв, в тревоге, головой
Прекрасною своей вдруг поникаешь нервно, –
И вот другая ты: вся – осень, вся – покой...

Дылицы

В КЛЕНАХ РАСКИДИСТЫХ

В этих раскидистых кленах мы наживемся все лето,
В этой сиреневой даче мы разузорим уют!
Как упоенно юниться! ждать от любви амулета!
Верить, что нам в услажденье птицы и листья поют!
В этих раскидистых кленах есть водопад вдохновенья,
Солнце взаимного чувства, звезды истомы ночной...
Слушай, моя дорогая, лирного сердца биенье,
Знай, что оно пожелало не разлучаться с тобой!
Ты говоришь: “я устала”... Ты умоляешь: “о, сжалься!
Ласки меня истомляют, я от блаженства больна”...
Разве же это возможно, если зеленые вальсы
В этих раскидистых кленах бурно бравурит Весна?!

Веймарн

ЭСКИЗ ВЕЧЕРНИЙ

Она идет тропинкой в гору.
Закатный отблеск по лицу
И по венчальному кольцу
Скользит оранжево. Бел ворот

Ее рубашечки сквозной.
Завороженная весной,
Она идет в лиловый домик,
Задумавшийся над рекой.
Ее душа теперь в истоме,
В ее лице теперь покой.
Озябший чай и булки с маслом
Ее встречают на столе.
И на лице ее угаслом
К опрозаиченной земле
Читаю нежное презренье,
Слегка лукавую печаль.
Она откидывает шаль
И обдает меня сиренью.

Веймарн

ВЕСЕННЯЯ ЯБЛОНЯ

АКВАРЕЛЬ

Перу И.И. Ясинского посвящаю

Весенней яблони в нетающем снегу
Без содрогания я видеть не могу:
Горбатой девушкой – прекрасной, но немой –
Трепещет дерево, туманя гений мой...
Как будто в зеркало – смотрясь в широкий плёс,
Она старается смахнуть росинки слез
И ужасается, и стонет, как арба,
Вняв отражению зловещего горба.
Когда на озеро слетает сон стальной,
Бываю с яблоней, как с девушкой больной,
И, полный нежности и ласковой тоски,
Благоуханные целую лепестки.
Тогда доверчиво, не сдерживая слез,
Она касается слегка моих волос,
Потом берет меня в ветвистое кольцо, –
И я целую ей цветущее лицо...

НА РЕКЕ ФОРЕЛЕВОЙ

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не расстреливай:
Благостны осенние отблески вечерние
В северной губернии, на реке форелевой.

На реке форелевой в трепетной осиновке
Хорошо мечтается над крутыми веслами.
Вечереет холодно. Зябко спят малиновки.
Скачет лодка скользкая камышами рослыми.
На отложье берега лен расцвел мимозами,
А форели шустрятся в речке грациозами.

ЭЛЕГИЯ

Я ночь не сплю, и вереницей
Мелькают прожитые дни.
    Теперь они,
    Как небылицы.

В своих мечтах я вижу Суду
И дом лиловый, как сирень.
    Осенний день
    Я вижу всюду.

Когда так просто и правдиво
Раскрыл я сердце, как окно...
    Как то давно!
    Как то красиво!

Я не имею даже вести
О той, которой полон май;
    Как ни страдай, –
    Не будем вместе.

Я к ней писал, но не достоин
Узнать – счастлива ли она.
    Прошла весна,
    Но я... спокоен.

О, я не требую ответа,
Ни сожаления, ни слез,
    Царица грёз
    Елисавета!

Биеньем сердца молодого,
Стремленьем любящей души
        Хочу тиши
        Села родного.

Я на мечте, своей гондоле,
Плыву на Суду в милый дом,
        Где мы вдвоем
        Без нашей воли.

Меня не видишь ты, царица,
Мечтаешь ты не обо мне...
        В усталом сне
        Твои ресницы.

1905

ЯНВАРЬ

Январь, старик в державном сане,
Садится в ветровые сани, –
И устремляется олень,
Воздушней вальсовых касаний
И упоительней, чем лень.
Его разбег направлен к дебрям,
Где режет он дорогу вепрям,
Где глухо бродит пегий лось,
Где быть поэту довелось...
Чем выше кнут, – тем бег проворней,
Тем бег резвее; все узорней
Пушистых кружев серебро.
А сколько визга, сколько скрипа!
То дуб повалится, то липа –
Как обнаженное ребро.
Он любит, этот царь-гуляка,
С душой надменного поляка,
Разгульно-дикую езду...
Пусть душу грех влечет к продаже:
Всех разжигает старец, – даже
Небес полярную звезду!

ФИАЛКА

Морозову-Гоголю

Снежеет дружно, снежеет нежно,
Над ручейками хрусталит хрупь.
Куда ни взглянешь – повсюду снежно,
И сердце хочет в лесную глубь.

Мне больно-больно... Мне жалко-жалко...
Зачем мне больно? чего мне жаль?
Ах, я не знаю, ах, я – фиалка,
Так тихо-тихо ушла я в шаль.

О ты, чье сердце крылит к раздолью,
Ты, триумфатор, ты, властелин!
Приди, любуйся моей фиолью –
Моей печалью в снегах долин.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью святя мечты!..

ПЛЯСКА МАЯ

В могиле мрак, в объятьях рай,
Любовь – земли услада!..

Ал. Будищев

Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций,
Не в лесу дремучем, но и не в селе, –
Старая плотина, на плотине танцы,
В танцах поселяне, все навеселе.

Покупают парни у торговки дули,
Тыквенное семя, карие рожки.
Тут беспопья свадьба, там кого-то вздули.
Шепоты да взвизги, песни да смешки.

Точно гуд пчелиный – гутор на полянке:
“Любишь ли, Акуля?” – “Дьявол, не замай!...”
И под звуки шустрой, удалой “тальянки”
Пляшет на плотине сам царевич Май.

Разошелся браво пламенный красавец,
Зашумели липы, зацвела сирень!
Ветерок целует в губы всех красавиц,
Май пошел вприсядку в шапке набекрень.

Но не видят люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевич бросит в пляске два кольца.

Кто поднимет кольца – жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для медных лбов!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царят над миром Солнце и Любовь!

РУССКАЯ

Кружевеет, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.
Бриллиантится веселая роса;
Что за воздух! что за свет! что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхо: “ха-ха-ха!”
Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березах девку повстречать,
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

CHANSON RUSSE

Зашалила, загуляла по деревне молодуха.
Было в поле да на воле, было в день Святого Духа.
Муж-то старый, муж-то хмурый укатил в село под Тройцу.
Хватит хмелю на неделю, – жди-пожди теперь пропойцу!
Это что же? разве гоже от тоски сдыхать молодке?
Надо парня, пошикарней, чтоб на зависть в околотке!
Зашалила, загуляла! знай, лущит себе подсолнух!..
Ходят груди, точно волны на морях, водою полных.
Разжигает, соблазняет молодуха Ваньку-парня,
Шум и хохот по деревне, будто бешеная псарня!..
Все старухи взбеленились, расплевались, да – по хатам;
Старикам от них влетело и метлою, и ухватом.
Всполошились молодухи, всех мужей – мгновенно в избы!
А звонарь на колокольне заорал: "скорее вниз бы!"
Поспешил, да так ретиво, что свалился с колокольни...
А молодка все гуляла, ветра буйного раздольней!

В ПАРКЕ ПЛАКАЛА ДЕВОЧКА

Всеволоду Светланову

В парке плакала девочка: "посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, –
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю"...
И отец призадумался, потрясенный минутою,
И простил все грядущие и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарыдавшей от жалости.

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИМН

Христос Воскресе! Христос Воскресе!
Сон смерти – глуше, чем спит скала...
Поют победу в огне экспрессий,
Поют Бессмертье колокола.
Светло целуйте уста друг другу,
Последний нищий – сегодня Крёз...
Дорогу сердцу к святому Югу! –
Христос Воскресе! Христос Воскрес!

КАНОН СВ. ИОАСАФУ

Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце меня обмануло!

К. Фофанов

“Цветы любви и веры разбросав,
Молю Тебя, Святитель Иосаф:
Посей в душе благие семена,
Дай веру мне в златые времена!”

Так пред Твоей иконой всеблагой
Молился я и набожной рукой
Не раз творил интуитивный крест.
И слышал я, как вздрагивал окрест.

Всё, всё, о чем Тебя я попросил,
Исполнил Ты. Я жарко оросил
Свои глаза и, к образу припав,
Пою Тебя, Святитель Иосаф!

МАРГАРИТКИ

О, посмотри! как много маргариток –
И там, и тут...
Они цветут; их много; их избыток;
Они цветут.

Их лепестки трехгранные – как крылья,
Как белый шелк...
Вы – лета мощь! Вы – радость изобилья!
Вы – светлый полк!

Готовь, земля, цветам из рос напиток,
Дай сок стеблю...
О, девушки! о, звезды маргариток!
Я вас люблю...

Мыза “Ивановка”

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне,
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день – и было скучно,
Как всё, что только не во сне.

ЧАЙНАЯ РОЗА

Если прихоти случайной
И мечтам преграды нет, –
Розой бледной, розой чайной
Воплоти меня, поэт!

Мирра Лохвицкая

Над тихо дремлющим прудом –
Где тишина необычайная,
Есть небольшой уютный дом,
И перед домом – роза чайная.

Над нею веерá стрекоз –
Как опахала изумрудные;
Вокруг цветы струят наркоз
И сны летают непробудные.

В пруде любуется фасад
Своей отделкой прихотливою;
И с ней кокетничает сад,
Любуясь розою стыдливою.

Но дни и ночи, ночи – дни –
Приливы грусти необычные.
И шепчет роза: “мы – одни
С тобою, сад мой, горемычные...”

А между тем с огней зари
И до забвения закатного,
В саду пигмеи, как цари,
Живут в мечте невероятного.

Они хохочут и шумят,
    Ловя так алчно впечатления;
Под их ногами сад измят:
    Бессмертье – часто жертва тления!..

Что станет с розой, если весть
    О ней дойдет до них случайная?..
И не успевшая расцвесть,
    Спешит увянуть роза чайная...

Мыза "Ивановка"

ЧЕТКАЯ ПОЭЗА

Разум мой бесстрастен. Сердце бьется четко.
Вспомнилось мне лето давнее в лесу.
Только что узнал я: у тебя чахотка, –
Вскоре гроб твой белый к церкви понесу.

Вспомнилось мне лето: мошки, незабудки,
Грозы и туманы, вечера в луне.
Силы были сильны, чувства были чутки;
Ты была со мною, ты была при мне.

Может быть, томилась вешнею ажурью,
Может быть, любила чувственно и зло,
Только вся дышала знойною лазурью
Или омрачалась девственно светло...

Часто мы лежали в ландышах и в кашке,
Точно брат с сестрою, телом к телу льня;
Часто приходила ты в одной рубашке
Ночью в кабинет мой, возжелав меня...

Но когда тянулся я к тебе всем телом,
Чтоб в тебя, как в омут, глубоко упасть,
Ты, с лицом от муки страстной побледнелым,
Грубою издевкой охлаждала страсть...

То лазорьно-нежно, то кошмарно-едко
Говорила броско о каком-то "нем";
Тщетно я терзался: кто ты? амулетка,
Верная обету? лилия ль с вином?..

Все я понял после. Хорошо и кротко
На душе печальной. Слушай-ка, дитя!
Твой удел – могила: у тебя – чахотка.
От тебя заразу я приму шутя.

НА МОТИВ ФОФАНОВА

Я чувствую, как падают цветы
Черемухи и яблони невинных...
Я чувствую, как шепчутся в гостиных, –
О чем? О ком?.. Не знаю, как и ты.

Я чувствую, как тают облака
В весенний день на небе бирюзовом,
Как кто-то слух чарует полусловом...
И чей-то вздох... И чья-то тень легка...

Я чувствую, как угасает май,
Томит июнь и золотятся жатвы...
Но нет надежд, но бесполезны клятвы!
Прощай, любовь! Мечта моя, прощай!

"ВИКТОРИЯ РЕГИЯ"

Наша встреча – Виктория Регия:
Редко, редко в цвету...
До и после нее жизнь – элегия
И надежда в мечту.

Ты придешь, – изнываю от неги я,
Трепещу на лету.
Наша встреча – Виктория Регия:
Редко, редко в цвету!..

СТАНСЫ

Ни доброго взгляда, ни нежного слова –
Всего, что бесценно пустынным мечтам...
А сердце... а сердце все просит былого!
А солнце... а солнце – надгробным крестам!

И все – невозможно! и все – невозвратно!
Несбыточней бывшего нет ничего...
И ты, вся святая когда-то, развратна...
Развратна! – не надо лица твоего!..

Спуститесь, как флеры, туманы забвенья,
Спасите, укройте обломки подков...
Бывают и годы короче мгновенья,
Но есть и мгновенья длиннее веков!

Мыза "Ивановка"

ТЫ КО МНЕ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ...

Злате

Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки вроде крола:
У тебя теперь дачи, за обедом – омары,
Ты теперь под защитой вороного крыла...

Ты ко мне не вернешься: на тебе теперь бархат;
Он скрывает бескрылье утомленных плечей...
Ты ко мне не вернешься: предсказатель на картах
Погасил за целковый вспышки поздних лучей!..

Ты ко мне не вернешься, даже... даже проститься,
Но над гробом обидно ты намочишь платок...
Ты ко мне не вернешься в тихом платье из ситца,
В платье радостно-жалком, как грошовый цветок.

Как цветок... Помнишь розы из кисейной бумаги?
О живых ни полслова у могильной плиты!
Ты ко мне не вернешься: грёзы больше не маги, –
Я умру одиноким, понимаешь ли ты?!

BERCEUSE

МИНЬОНЕТ

Пойте-пойте, бубенчики ландышей,
Пойте-пойте вы мне –
О весенней любви, тихо канувшей,
О любовной весне;

О улыбке лазоревой девичьей
И – о, боль! – о луне...
Пойте-пойте, мои королевичи,
Пойте-пойте вы мне!

СОНЕТ

Любви возврата нет, и мне как будто жаль
Бывалых радостей и дней любви бывалых;
Мне не сияет взор очей твоих усталых,
Не озаряет он таинственную даль.
Любви возврата нет, – и на душе печаль,
Как на снегах вокруг осевших, полуталых.
– Тебе не возвратить любви мгновений алых:
Любви возврата нет, – прошелестел февраль.

И мириады звезд в безводном океане
Мигали холодно в бессчетном караване,
И оскорбителен был их холодный свет:

В нем не было былых ни ласки, ни участья...
И понял я, что нет мне больше в жизни счастья,
Любви возврата нет!..

Гатчино

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

СКАЗКА

Прост и ласков, как помыслы крошек,
У колонок веранды и тумб
Распускался душистый горошек
На взлелеянной пажити клумб.

И нечаянно или нарочно,
Но влюбился он в мрамор немой,
Точно был очарован он, точно
Одурачен любовью самой!

Но напрасно с зарей розовел он,
Обвивая бесчувственный стан:
Не для счастия камень был сделан,
И любить не умел истукан.

Наступали осенние стужи,
Угасал ароматный горох;
И смотрелся в зеркальные лужи
Грубый мрамор, закутанный в мох.

– Мох идет мне, – подумал он важно:
Но зачем я цветами обвит? –
Услыхал это вихрь и отважно
Порешил изменить его вид.

Взял он в свиту песчинки с дорожек
И шутливо на старца напал, –
И опал разноцветный горошек,
Алым снегом мечтаний опал!..

НОКТЮРН

Бледнел померанцевый запад,
В горах голубели туманы,
И гибко, и цепко сплетались
В объятья над вами лианы.

Сквозь кружево листьев ажурных
Всплывали дворцов арабески,
Сменялись алмазы каскадов
Под их пробужденные плески.

Вам слышался говор природы,
Призывы мечтательных веток,
И вы восхищалися пляской
Стрекоз – грациозных кокеток.

Растенья дышали душисто
Вечерним своим ароматом,
И птицы, блаженствуя, пели –
Как вы, восхищаясь закатом.

Весь мир оживал при закате
По странной какой-то причуде...
И было так странно, так дивно
Вам, жалкие, темные люди!

И было вам все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили... проснуться,
Боясь пробужденья иного...

БАЛЛАДА

И.Д.

У мельницы дряхлой, закутанной в мох
Рукою веков престарелых,
Где с шумом плотины свивается вздох
Осенних ракит пожелтелых,
Где пенятся воды при шуме колес,
Дробя изумрудные брызги,
Где стаи форелей в задумчивый плёс
Заходят под влажные взвизги
Рокочущих, страстных, падучих валов,
Где дремлет поселок пустынный, –
Свидетель пирушек былых и балов,
Дворец приютился старинный.

Преданье в безлистную книгу времен
Навек занесло свои строки;
Но ясную доблесть победных знамен
Смущают всё чьи-то упреки.
Нередко к часовне в полуночный час
Бредут привиденья на паперть
И стонут, в железные двери стучась,
И лица их белы, как скатерть.
К кому обращен их столетний упрек,
И что́ колыхает их тени?
А в залах пирует надменный порок,
И плачут в подполье ступени...

ОКТЯБРЬ

Люблю октябрь, угрюмый месяц,
Люблю обмершие леса,
Когда хромает ветхий месяц,
Как половина колеса.
Люблю мгновенность: лодка... хобот...
Серп... полумаска... леса шпиц...
Но кто надтреснул лунный обод?
Кто вор лучистых тонких спиц?
Морозом выпитые лужи
Хрустят и хрупки, как хрусталь;
Дороги грязно-неуклюжи,
И воздух сковывает сталь.
Как бред земли больной, туманы
Сердито ползают в полях,
И отстраданные обманы
Дымят при блеске лунных блях.
И сколько смерти безнадежья,
В безлистном шелесте страниц!
Душе не знать любви безбрежья,
Не разрушать душе границ!
Есть что-то хитрое в усмешке
Седой улыбки октября,
В его сухой, ехидной спешке,
Когда он бродит, тьму храбря.
Октябрь и Смерть – в законе пара,
Слиянно-тесная чета...

В полях – туман, как саван пара,
В душе – обмершая мечта.
Скелетом черным перелесец
Пускай пугает: страх сожну.
Люблю октябрь, предснежный месяц,
И Смерть, развратную жену!..

СЕКСТИНА

Предчувствие – томительней кометы,
Непознанной, но видимой везде.
Послушаем, что говорят приметы
О тягостной, мучительной звезде.
Что знаешь ты, ученый! сам во тьме ты,
Как и народ, светлеющий в нужде.

Не каждому дано светлеть в нужде
И измерять святую глубь кометы...
Бодрись, народ: ведь не один во тьме ты, –
Мы все во тьме – повсюду и везде.
Но вдохновенна мысль твоя к звезде,
И у тебя есть верные приметы.

Не верить ли в заветные приметы,
Добытые забитыми в нужде?
Кончина мира, скрытая в звезде, –
Предназначенье тайное кометы;
И ты, мужик, твердишь везде, везде,
Что близок час... Так предреши во тьме ты.

Как просветлел божественно во тьме ты!
Пророчески-туманные приметы;
Они – костры, но те костры – везде...
Народный гений, замкнутый в нужде,
Один сумел познать мечту кометы
И рассказать о мстительной звезде.

Я вижу смерть, грядущую в звезде,
И, если зло затерянный во тьме ты,
Пророк-поэт языческой приметы,
Мне говоришь об ужасах кометы
Сливаюсь я с тобой и о нужде
Хочу забыть: к чему? ведь смерть везде!

Она грядет, она уже везде!..
Крылю привет карающей звезде –
Она несет конец земной нужде...
Как десять солнц, сверкай, звезда, во тьме ты,
Жизнь ослепи и оправдай приметы
Чарующей забвением кометы!

ЗЕМЛЯ И СОЛНЦЕ

ВСЕЛЕНСКАЯ ПОЭМА

Земля любит Солнце за то,
Что Солнце горит и смеется.
А Солнце за то любит Землю,
Что плачет и мерзнет она.
Не сблизиться им никогда,
Они и далеки, и близки;
Пока не остынет светило,
Живет и страдает Земля.
Хотя у них общего нет,
Не могут прожить друг без друга:
Земля для того и живет ведь,
Чтоб только на Солнце смотреть.
Оно для нее – идеал,
Любимая, вечная грёза;
А Солнце живет для того лишь,
Чтоб Землю холодную греть.
Они неизменны в любви,
И, если не видятся долго,
Виною – нелепые тучи,
Которые их разлучат.
Разлука рождает тоску,
И Солнце томится и страждет,
И жаждет скорее свиданья
С далекой, но милой Землей.
Влюбленные видятся днем,
Встречаясь всегда на рассвете;
Но к часу вечернему Солнце
Улыбно уходит домой.
А если б оно не ушло

В урочное время – от жара
Земля бы блаженно зачахла,
И было б виновно оно.
А если б оно не ушло
Три дня и три долгие ночи,
Земля бы сама запылала
И ярче, чем Солнце само!
Тогда бы погибла любовь! –
Когда бы увидело Солнце,
Что больше Земля не тоскует...
Пускай бы погибла любовь!
Тогда бы погибла мечта! –
Когда бы увидело Солнце
Веселой и радостной Землю...
Пускай бы погибла мечта!
В своей всепобедной любви
Светило готово на жертву –
Отдать и сиянье, и пламя
Для блага, для счастья Земли.
Не хочет, боится Земля
Сравняться с прекрасным светилом:
Кому же тогда ей молиться?
Кого же тогда ей любить?

Страданье – природы закон...
Нет равной любви на планете...
– Тебя я люблю за бессилье,
Ты любишь за силу меня!

ЗАВЕТ

Не убивайте голубей.
Мирра Лохвицкая

Целуйте искренней уста –
Для вас раскрытые бутоны,
Чтоб их не иссушили стоны,
Чтоб не поблекла красота!
С мечтой о благости Мадонны
Целуйте искренней уста!

Прощайте пламенней врагов,
Вам причинивших горечь муки,
Сковавших холодом разлуки,
Топящих в зле без берегов.
Дружней протягивайте руки,
Прощайте пламенней врагов!

Страдайте стойче и святей,
Познав величие страданья.
Да не смутят твои рыданья
Покоя светлого детей!
Своим потомкам в назиданье
Страдайте стойче и святей!

Любите глубже и верней –
Как любят вас, не рассуждая,
Своим порывом, побуждая
Гнать сонмы мертвенных теней...
Бессмертен, кто любил, страдая, –
Любите глубже и верней!

НАДРУБЛЕННАЯ СИРЕНЬ

Проснулся хутор.
Весенний гутор
        Ворвался в окна... Пробуждены,
Запели – юны –
У лиры струны,
        И распустилась сирень весны.

Запахло сеном.
И с зимним пленом
        Земля простилась... Но – что за сны?!..
Согнулись грабли...
Сверкнули сабли,
        И надрубили сирень весны!..

II. МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ

– МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ!

– Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударыни, судари, надо ль? – не дорого – можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крэм-брюле?
Пора популярить изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!

Сирень – сладострастья эмблема. В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени, мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-богу, похвалишь, дружок!

ФИОЛЕТОВЫЙ ТРАНС

О, Лилия ликеров, – о, Crême de Violette!
Я выпил грёз фиалок фиалковый фиал...
Я приказал немедля подать кабриолет
И сел на сером клёне в атласный интервал.

Затянут в черный бархат, шоффер – и мой клеврет –
Коснулся рукоятки, и вздрогнувший мотор,
Как жеребец заржавший, пошел на весь простор,
А ветер восхищенный сорвал с меня берэт.

Я приказал дать “полный”. Я нагло приказал
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросил шоффера, когда он отказал, –
Взревел! и сквозь природу – вовсю и как-нибудь!

Встречалась ли деревня, – ни голосов, ни изб!
Врезался в чернолесье, – ни дерева, ни пня!
Когда б мотор взорвался, я руки перегрыз б!!.
Я опьянел грозово, все на пути пьяня!..

И вдруг – безумным жестом остолблен кленоход:
Я лилию заметил у ската в водопад.
Я перед ней склонился, от радости горбат,
Благодаря за встречу, за благостный исход...

Я упоен. Я вешний. Я тихий. Я грёзэр.
И разве виноват я, что лилии колет
Так редко можно встретить, что путь без лилий сер?..
О, яд мечты фиалок, – о, Crême de Violette...

КАЧАЛКА ГРЁЗЭРКИ

Л.Д. Рындиной

Как мечтать хорошо Вам
В гамаке камышовом
Над мистическим оком – над бестинным прудом!
Как мечты – сюрпризэрки
Над качалкой грёзэрки
Истомленно лунятся: то – Верлэн, то – Прюдом!

Что за чудо и диво! –
То Вы – лэди Годива,
Через миг – Иоланта, через миг Вы – Сафо...
Стоит Вам повертеться, –
И загрезится сердце:
Всё на свете возможно, всё для Вас ничего!

Покачнетесь Вы влево, –
Королев Королева,
Властелинша планеты голубых антилоп,
Где от вздохов левкоя
Упоенье такое,
Что загрезит порфирой заурядный холоп!

Покачнетесь Вы вправо, –
Улыбнется Вам Слава,
И дохнет Ваше имя, как цветы райских клумб;
Прогремит Ваше имя,
И в омолненном дыме
Вы сойдете на Землю, – мирозданья Колумб!

А качнетесь Вы к выси,
Где мигающий бисер,
Вы постигнете тайну: вечной жизни процесс.
И мечты – сюрпризэрки
Над качалкой грёзэрки
Воплотятся в капризный, но бессмертный эксцесс!

БОА ИЗ КРИЗАНТЭМ

Вы прислали с субреткою мне вчера кризантэмы –
Бледновато-фиалковые, бледновато-фиалковые...
Их головки запудрились, ароматом наталкивая
Властелина Миррэлии на кудрявые темы...

Я имею намеренье Вам сказать в интродукции,
Что цветы мне напомнили о тропическом солнце,
О спеленатых женщинах, о янтарном румянце.
Но японец аляповат для моей репродукции.

А потом мне припомнился – ах, не смейтесь! – констриктор,
И боа мне понравилось из маркизных головок...
Вы меня понимаете? Я сегодня неловок...
О, в поэзах изысканных я строжайший редактор!

Не имею намеренья, – в этот раз я намерен, –
Вас одеть фиолетово, фиолетово-бархатно.
И – прошу Вас утонченно! – прибегите Вы в парк одна,
У ольхового домика тихо стукните в двери.

Как боа кризантэмное бледно-бледно фиалково!
Им Вы крепко затянете мне певучее горло...
А наутро восторженно всем поведает Пулково,
Что открыли ученые в небе новые перлы...

ШАМПАНСКИЙ ПОЛОНЕЗ

Шампанского в лилию! Шампанского в лилию! –
Ее целомудрием святеет оно.
Mignon с Escamilio! Mignon с Escamilio!..
Шампанское в лилии – святое вино.

Шампанское, в лилии журчащее, искристо, –
Вино, упоенное бокалом цветка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обожженною восторгом глотка!

Голубку и ястреба! Рейхсдаг и Бастилию!
Кокотку и схимника! Порывность и сон!
В шампанское лилию! Шампанского в лилию!
В морях Дисгармонии – маяк Унисон!

ПОЭЗОКОНЦЕРТ

Где свой алтарь воздвигли боги,
Не место призракам земли!

Мирра Лохвицкая

В Академии Поэзии – в озерзамке беломраморном –
Ежегодно мая первого фиолетовый концерт,
Посвященный вешним сумеркам, посвященный девам траурным...
Тут – газэллы и рапсодии, тут – и глина, и мольберт.

Офиалчен и олилиен озерзамок Мирры Лохвицкой.
Лиловеют разнотонами станы тонких поэтесс,
Не доносятся по озеру шумы города и вздох людской,
Оттого, что груди женские – тут не груди, а дюшесс...

Наполняется поэтами безбородыми, безусыми,
Музыкально говорящими и поющими Любовь.
Золот гордый замок строфами, золот девушками русыми,
Золот юным вдохновением и отсутствием рабов!

Гости ходят кулуарами, возлежат на софном бархате,
Пьют вино, вдыхают лилии, цепят звенья пахитос...
Проклинайте, люди трезвые! Громче, злей, ворóны, каркайте! –
Я, как ректор Академии, пью за озерзамок тост!

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

ПОЭМА-МИНЬОНЕТ

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

ЗИЗИ

Постигнуть сердцем все возможно
Непостижимое уму...

К. Фофанов

Бесшумно шло моторное ландо
По “островам” к зеленому “пуанту”.
И взор Зизи, певучее рондо,
Скользя в лорнет, томил колени франту...

Хрустит от шин заносчиво шоссе,
И воздух полн весеннего удушья,
В ее душе – осколки строф Мюссэ,
А на лице – обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебе себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, может быть, цела души скрижаль.
И лилия не может быть кокоткой?

Останови мотор! сними манто
И шелк белья, бесчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя из ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажет Пустота
Под шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того! – такая нагота
Великолепней всех великолепий!

КЭНЗЕЛИ

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена –
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом –
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники? и найдется ли пара Вам?

Ножки плэдом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику, в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым –
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

ВОЗДУШНАЯ ЯХТА

Ивану Лукашу

Я вскочила в Стокгольме на летучую яхту,
На крылатую яхту из березы карельской.
Капитан, мой любовник, встал с улыбкой на вахту, –
Закружился пропеллер белой ночью апрельской.

Опираясь на румпель, напевая из Грига,
Обещал он мне страны, где в цвету абрикосы,
Мы надменно следили эволюцию брига,
Я раскрыла, как парус, бронзоватые косы.

Приставали к Венере, приставали к Сатурну,
Два часа пробродили по ледяной Луне мы.
Там в саду урны с негой; принесли мне в сад урну.
На Луне все любезны, потому что все немы.

Все миры облетели, все романсы пропели,
Рады были с визитом к самому Палладину...
А когда увидали, что поломан пропеллер,
Наша яхта спустилась на плавучую льдину...

M-ME SANS-GÊNE

РАССКАЗ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Это было в тропической Мексике, –
Где еще не спускался биплан,
Где так вкусны пушистые персики, –
В белом ранчо у моста лиан.

Далеко-далеко, за льяносами,
Где цветы ядовитее змей,
С индианками плоско-курносыми
Повстречалась я в жизни моей.

Я гостила у дикого племени,
Кругозор был и ярок, и нов,
Много-много уж этому времени!
Много-много уж этому снов!

С жаркой кровью, бурливее кратера,
Краснокожий метал бумеранг,
И нередко от выстрела скваттера
Уносил его стройный мустанг.

А бывало: пунцовыми ранами
Пачкал в ранчо бамбуковый пол...
Я кормила индейца бананами,
Уважать заставляла свой пол...

Задушите меня, зацарапайте, –
Предпочтенье отдам дикарю,
Потому что любила на Западе
И за это себя не корю...

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

СИНЕМАТОГРАФ

Элегантная коляска, в электрическом биеньи,
Эластично шелестела по шоссейному песку;
В ней две девственные дамы, в быстро-темпном упоеньи,
В ало-встречном устремленьи – это пчелки к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы равноправий,
Плыло небо, пело солнце, кувыркался ветерок;
И под шинами мотора пыль дымилась, прыгал гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки "нравственных пропаж"...
И с испугом отряхаясь от разбуженных песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый экипаж.

Хохот, свежий, точно море, хохот, жаркий, точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел вином восторга поощряемый шоффер...

ХАБАНЕРА III

От грёз Кларета – в глазах рубины,
Рубины страсти, фиалки нег.
В хрустальных вазах коралл рябины
И белопудрый, и сладкий снег.

Струятся взоры... Лукавят серьги...
Кострят экстазы... Струнят глаза...
– Как он возможен, миражный берег... –
В бокал шепнула синьора Za.

О, бездна тайны! О, тайна бездны!
Забвенье глуби... Гамак волны...
Как мы подземны! Как мы надзвездны!
Как мы бездонны! Как мы полны!

Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женщин и кризантэм...

КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ

Каретка куртизанки, в коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляж.
Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить, –
Блюстителем здоровья назначен юный паж.

Кудрявым музыкантам предложено исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитр!
Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру из мелодичных цитр?

Цилиндры солнцевеют, причесанные лоско,
И дамьи туалеты пригодны для витрин.
Смеется куртизанка. Ей вторит солнце броско.
Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин!

За чем же дело стало? – к буфету, черный кучер!
Гарсон, сымпровизируй блестящий файф-о-клок...
Каретка куртизанки опять все круче, круче,
И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер, прилег...

Дылицы

НЕЛЛИ

Константину Олимпову

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль де Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели! –
На кушетке загрезился молодой педагог.

Познакомился в опере и влюбился, как юнкер.
Он готов осупружиться, он решился на все.
Перед нею он держится, точно мальчик на струнке,
С нею в парке катается и играет в серсо.

Он читает ей Шницлера, посвящает в коктэбли,
Восхвалив авиацию, осуждает Китай
И, в ревнивом неверии, тайно метит в констэбли...
Нелли нехотя слушает, – “лучше ты покатай”.

«Философия похоти!.. – Нелли думает едко:
– Я в любви разуверилась, господин педагог...
О, когда бы на “Блерио” поместилась кушетка!
Интродукция – Гауптман, а финал – Поль де Кок!»

1911
Дылицы

КЛУБ ДАМ

Я в комфортабельной карете, на эллипсических рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая в женоклуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских дрязгах и о ссорах,
Где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп...

О, фешенебельные темы! от вас тоска моя развеется!
Трепещут губы иронично, как земляничное желе...
“Индейцы – точно ананасы, и ананасы – как индейцы...”
Острит креолка, вспоминая о экзотической земле.

Градоначальница зевает, облокотясь на пианино,
И смотрит в окна, где истомно бредет хмелеющий Июль.
Вкруг золотеет паутина, как символ ленных пленов сплина,
И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам не потому ль?..

ЭКСЦЕССЕРКА

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.

Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет...
Отчего-то шепнула: “а если?..”
И лицо окунула в букет.

У окна альпорозы в корзине
Чуть вздохнули, – их вздох витьеват...
Я не видел кузины в кузине,
И едва ли я в том виноват...

Ты взглянула утонченно-пьяно,
Прищемляя мне сердце зрачком!
И вонзила стрелу, как Диана,
Отточив острие язычком...

И поплыл я, вдыхая сигару,
Ткя седой и качелящий тюль, –
Погрузиться в твою Ниагару,
Сенокося твой спелый июль...

CHANSON COQUETTE

Над морем сидели они на веранде,
Глаза устремив к горизонту.
Виконт сомневался в своей виконтессе,
Она доверяла виконту.

Но пели веселые синие волны
И вечера южного влага,
И пела луна, танцовавшая в море:
“Доверие – высшее благо”...

И песнь понималась легко на веранде,
Смущение верилось зонту...
Виконт целовал башмачок виконтессы,
Она отдавалась виконту!

ЮГ НА СЕВЕРЕ

Я остановила у эскимосской юрты
Пегого оленя, – он поглядел умно.
А я достала фрукты
И стала пить вино.

И в тундре – вы понимаете? – стало южно...
В щелчках мороза – дробь кастаньет...
И захохотала я жемчужно,
Наведя на эскимоса свой лорнет.

ФАНТАЗИЯ ВОСХОДА

Утреет. В предутреннем лепете
Льнет рыба к свинцовому грузику.
На лилий похожи все лебеди,
И солнце похоже на музыку!

Светило над мраморной виллою
Алеет румянцем свидания.
Придворной певицей Сивиллою
На башне пропета "Титания".

У статуи Мирры паломники
Цветами кадят, точно ладаном.
Мечтатели – вечно бездомники...
Мечтатели — в платье заплатанном.

В лице, гениально изваянном,
Богини краса несказанная!
Гимн Солнцу исполнен хозяином,
"Осанна!" гремит за "Осанною!".

Коктэбли звучат за коктэблями,
Поют их прекрасные женщины;
Их станы колышутся стеблями,
Их лица улыбкой увенчаны.

Все гнезда в лопочущем хлопоте...
Все травы в бриллиантовом трепете...
Удало в ладони захлопайте, –
И к солнцу поднимутся лебеди!

ПОЛОНЕЗ "ТИТАНИЯ"

("MIGNON", АРИЯ ФИЛИНЫ)

1

Зовусь Титанией, царицей фей,
Я, лунокудрая нимфея – ночь!
Мой паж, сообщник мой, немой Морфей,
Соткал июнь,
Вуаля лунь;
Но только дунь, –
Прочь!

2

Благоуханная, как детский сон,
И легковейная, как мотылек,
Порхаю всюду я, и, вознесен
Моим крылом,
Мир стал орлом;
Взмахну жезлом,
Лег!

3

Со свитой эльфовой сажусь в челнок
На хрупких крылышках, к Земле летя,
Я из дурман-травы плету венок,
И на лету
Всю волю ту
В него вплету
Я!

ПЕСЕНКА ФИЛИНЫ

("MIGNON" A. THOMAS)

Лаэрт, Лаэрт, мой милый,
Возлюбленный Лаэрт!
Сейчас я получила
Сиреневый конверт.

Чего вы рот раскрыли,
Как стофранкóвый клерк?
Дает нам снова крылья
Барон фон Розенберг!

Зовет нас на гастроли
В свой замок на концерт.
Вы, право, точно кролик,
Любимый мой Лаэрт!

Послушайте, мой шельма,
Покрасьте свой парик.
Пускай зовет Вильгельма
Капризный Фредерик.

Ах, ужин за спектаклем
На сто один куверт...
Как весел он! – не так ли,
Мой преданный Лаэрт?..

Дылицы

ДИССОНА

Георгию Иванову

В желтой гостиной, из серого клена, с обивкою шелковой,
Ваше Сиятельство любит по вторникам томный журфикс.
В дамской венгерке комичного цвета, коричнево-белковой,
Вы предлагаете тонкому обществу ирисный кэкс,
Нежно вдыхая сигары Эрцгерцога абрис фиалковый...

Ваше Сиятельство к тридцатилетнему – модному – возрасту
Тело имеете универсальное... как барельеф...
Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше Сиятельство, алые шалости...

Вашим супругом, послом в Арлекинии, ярко правительство:
Ум и талант дипломата суть высшие качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Как и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое ж лучшее в нем, это – Ваше Сиятельство!

ЭПИТАЛАМА

Пою в помпезной эпиталаме –
О, Златолира, воспламеней! –
Пою Безумье твое и Пламя,
Бог новобрачных, бог Гименей!

Весенься вечно, бог пьяный слепо,
Всегда весенься, наивный бог!
Душа грёзэра, как рай, нелепа!..
Вздох Гименея – Ивлиса вздох!..

Журчит в фиалах вино, как зелье,
О, молодые, для вас одних!
Цветы огрезят вам новоселье –
Тебе, невеста! тебе, жених!

Костер ветреет... Кто смеет в пламя?!
Тот, кто пылает костра сильней!
Пою в победной эпиталаме
Тебя, бог свадьбы, бог Гименей!

В ШАЛЭ БЕРЕЗОВОМ

ПОЭМЕТТА

В шалэ березовом, совсем игрушечном и комфортабельном,
У зеркалозера, в лесу одебренном, в июне севера,
Убила девушка, в смущеньи ревности, ударом сабельным
Слепого юношу, в чье ослепление так слепо верила.

Травой олуненной придя из ельника с охапкой хвороста,
В шалэ березовом над Белолилией застала юного,
Лицо склонившего к цветку молочному в порыве горести,
Тепло шептавшего слова признания в тоске июневой...

У лесоозера, в шалэ березовом, – березозебренном, –
Над мертвой лилией, над трупом юноши, самоуверенно,
Плескалась девушка рыданья хохотом темно-серебряным...
– И было гибельно. – И было тундрово. – И было северно.

СОНЕТ

Мы познакомились с ней в опере, – в то время,
Когда Филина пела полонез.
И я с тех пор – в очарованья дреме,
С тех пор она – в рядах моих принцесс.
Став одалиской в грёзовом гареме,
Она едва ли знает мой пароль...
А я седлаю Память: ногу в стремя, –
И еду к ней, непознанный король.

Влюблен ли я, дрожит в руке перо ль,
Мне все равно; но вспоминать мне сладко
Ту девушку и данную ей роль.
Ее руки душистая перчатка
И до сих пор устам моим верна...
Но встречу вновь посеять – нет зерна!

СОНЕТ

Ее любовь проснулась в девять лет,
Когда иной ребенок занят куклой.
Дитя цвело, как томный персик пухлый,
И кудри вились, точно триолет.
Любовь дала малютке амулет.
Ее пленил – как сказка – мальчик смуглый...
Стал, через месяц, месяц дружбы – круглый.
Где, виконтесса, наше трио лет?

Ах, нет того, что так пленяло нас,
Как нет детей с игрой в любовь невинной!
Стремится смуглый мальчик на Парнас,
А девочка прием дает в гостиной
И, посыпая "пудрой" ананас,
Ткет разговор, изысканный и длинный.

Мыза "Ивановка"

СОНЕТ

По вечерам графинин фаэтон
Могли бы вы заметить у курзала.
Она входила в зал, давая тон,
Как капельмейстер, настроеньям зала.
Раз навсегда графиня показала
Красивый ум, прищуренный бутон
Чуть зрелых губ, в глазах застывший стон,
Как монумент неверности вассала...

В ее очей фиалковую глубь
Стремилось сердце каждого мужчины.
Но окунать их не было причины, –
Напрасно взоры ныли: “приголубь”...

И охлаждал поклонников шедевра
Сарказм *ее сиятельства из сэвра.*

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ

Вы оделись вечером кисейно
И в саду стоите у бассейна,
Наблюдая, как лунеет мрамор
И проток дрожит на нем муаром.
Корабли оякорили бухты:
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатые ткани,
Привезли мечты об океане.
А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер,
И сравнит... но это так интимно!..
Напевая нечто вроде гимна.
Он расскажет о лазори Ганга,
О проказах злых орангутанга;
О циничном африканском танце
И о вечном летуне – “Голландце”.
Он покажет Вам альбом Камчатки,
Где еще культура не в зачатке,
Намекнет о нежной дружбе с гейшей,

Умолчав о близости дальнейшей...
За моря мечтой своей зареяв,
Распустив павлиньево свой веер,
Вы к нему прижметесь в теплой дрожи,
Полюбив его еще дороже...

В ГОСПИТАЛЕ

Елене Семеновой

В незабудковом вуальном платье,
С белорозой в блондных волосах,
Навещаешь ты в седьмой палате
Юношу, побитого в горах...
    И когда стеклянной галереей
    Ты идешь, улыбна и легка,
    Зацветают, весело пестрея,
    Под ногой цветы половика.
Льется в окна ароматный рокот...
Ты вдыхаешь с музыкой в лице
Птичье пенье, – и смущенный доктор
Мнет в руке написанный рецепт...
    А больной, разматывая марлю,
    Не умея чувств своих скрывать,
    Отставляя рюмку с Беникарло,
    Проклинает скучную кровать...
И весенней девушкой омаен,
Упоен девической весной,
Талию твою слегка сжимая,
Хочет жить больной!

ЛЮБИТЬ ЕДИНСТВЕННО...

Любить пленительно одну и ту же,
В полузабвении молить: “приди!
Пригубь уста мои, пригубь! и туже
    Озера страсти запруди!”

И бронзой верности грудь окандалив,
Ручьиться шелестно в извивах душ;
И сочным вечером, когда он палев,
Быть каждой женщине как муж.

Сметь смело чувствовать и труд пчелиный
Светло опринципить в своем уме:
То – сок из ландыша, то – из малины
И в поцелуе, и в письме...

Пускай же милая твоя не тужит
И не устраивает слезоём:
Любить единственно, одну и ту же, –
Не надо вечно быть вдвоем!

Мыза "Пустомержа"

В ПЯТИ ВЕРСТАХ ПО ПОЛОТНУ...

Весело, весело сердцу! звонко, душа, освирелься! –
Прогрохотал искрометно и эластично экспресс.
Я загорелся восторгом! я загляделся на рельсы! –
Дама в окне улыбалась, дама смотрела на лес.

Ручкой меня целовала. Поздно! – но как же тут "раньше"?..
Эти глаза... вы – фиалки! эти глаза... вы – огни!
Солнце, закатное солнце! твой дирижабль оранжев!
Сяду в него, – повинуйся, поезд любви обгони!

Кто и куда? – не ответит. Если и хочет, не может.
И не догнать, и не встретить. Грёза – сердечная моль.
Всё, что находит, теряет сердце мое... Боже, Боже!
Призрачный промельк экспресса дал мне чаруйную боль.

NOCTURNO

Навевали смуть былого окарины
Где-то в тихо вечеревшем далеке, –
И сирены, водяные балерины,
Заводили хороводы на реке.

Пропитались все растенья соловьями
И гудели, замирая, как струна.
А в воде – в реке, в пруде, в озерах, в яме –
Фонарями разбросалася луна.

Засветились на танцующей сирене
Водорóсли под луной, как светляки.
Захотелось белых лилий и сирени, –
Но они друг другу странно далеки...

СКАЗКА СИРЕНЕВОЙ КИСТИ

ПАСТЕЛЬ

Напевая лунные ноктюрны,
Бредил Май о призрачной вакханке,
Охлаждал свой жар росой из урны,
И скользили ножки, точно санки,
Порошею бело-яблоновой,
Скованы желанья знойным хмелем...
И блистая белизной слоновой
Ровных зубок, шепчет ночь: “постелим
Свадебное ложе на поляне,
Набросаем ландышей, азалий
Там, где бродят вдумчивые лани,
Там, где мы впервые рассказали
Сердцем сердцу смутные волненья,
Ожидая тщетно выполненья,
Как шагов невыясненных в зале”...
Тут луна скользнула в аметисте
Глаз царицы, скрытой сонным тюлем, –
И вспорхнули грёзы Мая ульем,
И впились в сиреневые кисти...

ПОЛЯРНЫЕ ПЫЛЫ

СНЕГОВАЯ ПОЭМА

Влюбленная в Северный Полюс Норвегия
В гордой застыла дремоте.
Ленивые лоси! вы серебро-пегие,
Льдяное пламя поймете...
И там, где сливается с снегом медведица,
Грёза ее постоянна...
Бледнея в экстазе, сомнамбулой светится
Так же, как д'Арк Иоанна.
Не быть Северянке любовницей Полюса:
Полюс – бесплотен, как грёза...
Стремленья об иглы лесов укололися...
Гаснет ее ариозо...
Морей привидения – глыбы ледя́ные –
Точат насмешливо лязги...
И марева сыплют пророчества рдяные
Во́лнам в сердитой приплясke...
Дух Полюса чутко тревожит элегия, –
Она воплощается в ноте...
И гордо вздыхая обманом, Норвегия
Вновь застывает в дремоте.

КВАДРАТ КВАДРАТОВ

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! – я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом, – палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года – не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!..
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..

В ПРЕДГРОЗЬЕ

ЭТЮД

Захрустели пухлые кайзэрки,
Задымился ароматный чай,
И княжна улыбкою грёзэрки
Подарила графа невзначай.

Золотая легкая соломка
Заструила в грёзы алькермес.
Оттого, что говорили громко,
Колыхался в сердце траур месс.

Пряное душистое предгрозье,
Задыхало груди. У реки,
Погрузясь в бездумье и безгрёзье,
Удили форелей старики.

Ненавистник дождевых истерик –
Вздрагивал и нервничал дубок.
Я пошел проветриться на берег,
И меня кололо в левый бок.

Детонировал бесслухий тенор –
На соседней даче лейтенант.
Вспыливал нахохлившийся кенар –
Божиею милостью талант.

Небеса растерянно ослепли,
Ветер зашарахался в листве,
Дождевые капли хлестко крепли, –
И душа заныла о родстве...

Было жаль, что плачет сердце чье-то,
Безотчетно к милому влекло.
Я пошел, не дав себе отчета,
Постучать в балконное стекло.

Я один, – что может быть противней?
Мне любовь, любовь ее нужна!
А княжна рыдала перед ливнем,
И звала, звала меня княжна!

Молниями ярко озаряем,
Домик погрузил меня в уют.
Мы сердца друг другу поверяем,
И они так грёзово поют.

Снова – чай, хрустящие кайзэрки,
И цветы, и фрукты, и ликер,
И княжны, лазоревой грёзэрки,
И любовь, и ласковый укор...

ГРАСИЛЬДА

1

Когда взвуалится фиоль,
Офлеря ручеек,
Берет Грасильда канифоль,
И скрипку, и смычок.
Потом идет на горный скат
Запеть свои псалмы.
Вокруг леса, вокруг закат,
И нивы, и холмы.
Прозрачна песня, как слюда,
Как бриллиант в воде...
И ни туда, и ни сюда, –
И всюду, и везде!

2

Я выхожу в вечерний сад,
Утопленный в луне.
Шагну вперед, шагну назад, –
То к дубу, то к волне.

Повсюду сон, везде туман,
Как обруч – голоса...
Струят чарующий обман
Еловые леса.
Грасильда песнь поет во тьме,
Подобную звезде...
И ни в груди, и ни в уме, –
И всюду, и везде!

3

Какая ночь! – и глушь, и тишь,
И сонь, и лунь, и воль...
Зачем же, сердце, ты грустишь?
Откуда эта боль?
Грасильда, пой. Грасильда, пой.
Маячь пути ко сну.
Твоей симфонией слепой
Я сердце захлестну!
Грасильда, пой!.. Уста к устам, –
И мы уснем в воде...
Любовь ни здесь, любовь ни там, –
И всюду, и везде!

ИЮНЕВЫЙ НАБРОСОК

Мисс Лиль

Взгляни-ка, девочка, взгляни-ка! –
В лесу поспела земляника,
И прифрантился мухомор –
Объект насмешек и умор...
О, поверни на речку глазы
(Я не хочу сказать: глаза...):
Там утки, точно водолазы,
Ныряют прямо в небеса.
Ты слышишь? – чьи-то голоса
Звучат так весело-задорно
Над онебесенной рекой?
Дитя, послушай, – успокой
Свою печаль; пойми, всё вздорно
Здесь, на земле... Своей тоской
Ты ничего тут не изменишь,

Как нищего не обезденежь,
Как полдня ты не олунишь...
Взгляни вокруг себя, взгляни ж!
Оно подобно мигу, лето...
Дитя, ты только посмотри:
Ведь мухомор – как Риголетто,
Да не один еще, – их три!..

ГУРМАНКА

СОНЕТ

Ты ласточек рисуешь на меню,
Взбивая сливки к тертому каштану.
За это я тебе не изменю
И никогда любить не перестану.
Все жирное, что угрожает стану,
В загоне у тебя. Я не виню,
Что петуха ты знаешь по Ростану
И вовсе ты не знаешь про свинью.

Зато когда твой фаворит – арабчик
Подаст с икрою паюсною рябчик,
        Кувшин Шабли и стерлядь из Шексны,
Пикантно сжав утонченные ноздри,
Ты вздрогнешь так, что улыбнутся сестры,
        Приняв ту дрожь за веянье весны...

МАРИОНЕТКА ПРОКАЗ

НОВЕЛЛА

Чистокровные лошади распылились в приплясе,
Любопытством и трепетом вся толпа сражена.
По столичному городу проезжает в коляске
Кружевная, капризная властелина жена.

Улыбаясь презрительно на крутые поклоны
И считая холопами без различия всех,
Вдруг заметила женщина – там, где храма колонны,
Нечто красочно-резкое, задохнувшее смех.

Оборванец, красивее всех любовников замка,
Шевелил ее чувственность, раболепно застыв.
И проснулась в ней женщина, и проснулась в ней самка,
И она передернулась, как в оркестре мотив.

Повелела капризница посадить оборванца
На подушку атласную прямо рядом с собой.
И толпа оскорбленная не сдержала румянца,
Хоть наружно осталася безнадежной рабой.

А когда перепуганный – очарованный – нищий
Бессознательно выполнил гривуазный приказ,
Утомленная женщина, отшвырнув голенищи,
Растоптала коляскою марьонетку проказ...

PRÉLUDE I

Я, белоснежный, печальноюный бубенчик-ландыш,
Шуршу в свой чепчик
Зефира легче
Для птичек певчих...
И тихо плачу белесой ночью, что миг мне дан лишь –
Для вдохновенья,
Для упоенья
Самозабвенья...

О, Май душистый,
Приляг на мшистый
Ковер пушистый!
Люблю, как утром мои коронки ты обрильянтишь!
На луноструне
Пою чаруний –
Стрекоз ажурных... Я – милый, белый, улыбный ландыш –
Усну в июне...

VIRELAI

Я голоса ее не слышал,
И имени ее не знал...
...Она была в злофейном крэпе...
...В ее глазах грустили степи...

Когда она из церкви вышла
И вздрогнула – я застонал...
Но голоса ее не слышал,
Но имени ее не знал.

ДЕЛЬ-АКВА-ТОР

ЛИРИЧЕСКАЯ ВУАЛЬ

1

– Иди к цветку Виктории Регине,
Иди в простор
И передай привет от герцогини
Дель-Аква-Тор.
На том цветке созрело государство;
Найди шалэ;
У входа – страж, в руке у стража – астра,
Звезда во мгле.
Тогда скажи, застолбенея в дверцах:
"Несу простор!
Привет тебе, лилиесердный герцог
Дель-Аква-Тор!
Вставай на путь, по благости Богини
Тоску забудь...
Внемли послу грозóвой герцогини –
Вставай на путь!
Довольно мук; ты долго пóжил ало,
Твой бред кровав;
Она тебя увидеть пожелала,
К себе призвав.
Довольно мук – их искупило время...
Твой взор смущен...
Коня, коня! огнистей ногу в стремя, –
Ведь ты прощен!"

2

Ушел посол к Виктории Регине,
Ушел в простор,
Чтоб передать привет от герцогини
Дель-Аква-Тор.

Он долго брел в обетах ложных далей
И – в щелях скал –
Испепелил подошвы у сандалий,
И все искал.
Искал страну и втайне думал: сгину, –
Не поверну...
Искал страну Викторию Регину,
Искал страну.
Лишь для него пчела будила струны
Своих мандол;
Лишь для него ломалось о буруны
Весло гондол;
Лишь для него провеерила воздух
Слюда цикад.
И шел гонец, и шел с гонцом сам Грёз-Дух –
Все наугад.

Он не пришел к Виктории Регине,
Он не пришел;
Не передал прощенья герцогини, –
Он не нашел.
Он не нашел такой страны цветковой
И – между скал –
Погиб посол, искать всегда готовый...
Да, он искал!

3

Прошли века, дымя свои седины,
Свой прах сложив,
В земле – рабы, и в склепах – паладины,
Но герцог – жив.
Он жив! Он жив! Он пьет очами сердца
Пустой простор.
И мира нет, – но *где-то* бьется герцог
Дель-Аква-Тор...

СОНАТЫ В ШТОРМ

На Ваших эффектных нервах звучали всю ночь сонаты,
А Вы возлежали в башне на ландышевом ковре...
Трещала, палила буря, и якорные канаты,
Как будто титаны-струны, озвучили весь корвет.

Но разве Вам было дело, что где-то рыдают и стонут,
Что бешеный шторм грохочет, бросая на скалы фрегат.
Вы пили вино мятежно, Вы брали монбланную ноту!
Сверкали агаты брошек, но ярче был взоров агат!

Трещала, палила буря. Стонала дворцовая пристань.
Кричали и гибли люди. Корабль набегал на корабль.
А вы, семеня гранаты, смеясь, целовали артиста...
Он сел за рояль, как гений, – окончил игру, как раб...

Дылицы

БАЛЬКИС И ВАЛТАСАР

ЛИРИЗА

(По Анатолю Франсу)

Прекрасною зовут тебя поэты,
Великою зовут тебя жрецы.

Мирра Лохвицкая

1. ЦАРЬ ВАЛТАСАР У СТЕН САБАТА

Повеял шумный аромат
Цветов, забвенней, чем Нирвана.
Конец пути для каравана:
Вот и она, страна Сабат!
Царь Эфиопский Валтасар
Вскричал рабам: “Поторопитесь!
О, маг мой мудрый, Сембобитис,
Мы у Балькис, царицы чар!
Снимайте пыльные тюки
С присевших в устали верблюдов,
И мирру, в грани изумрудов,
И золотые пустяки”.
Гостей приветствует весна,
Цветут струистые гранаты;
Как птицы, девушки крылаты,
Все жаждет ласки и вина!
Где золотеют купола –
Фонтан, лук сабель влажно-певчих,
Ракетит ароматный жемчуг

И рассекает пополам!
Волнуйно-теневый эскиз
Скользнул по зубчикам дворцовым,–
В наряде чувственно-пунцовом
К гостям спускается Балькис.
Цветет улыбка на губах,
Разгоряченных соком пальмы, –
И Валтасар, как раб опальный,
Повержен долу при рабах...

2. В ШАТРЕ БЛАЖЕНСТВА

Улыбно светит с неба Син –
Цветка эдемного тычинкой.
Царь кипарисною лучинкой
Разлепесточил апельсин.
В углу распластан леопард,
И – кобылицею на воле –
Балькис, в гирляндах центифолий,
На нем волшбит колоду карт.
Ланитный алый бархат смугл,
И губы алчущие пряны...
Глаза – беспочвенные страны,
Куда – ни слон, ни конь, ни мул...
Омиррен палевый шатер,
И царь, омгленный ароматом,
От страсти судорожно-матов,
К царице руки распростер...
Менкера, евнух-женофоб,
Бледнеет желтою досадой...
А в окна льется ночь из сада –
Черна, как истый эфиоп.
И вот несет уже кувшин
С водой душистою Алави...
И Суламифь, в истомной славе,
Ждет жгучей бездны, как вершин...

3. В ЭФИОПИИ

Олунен ленно-струйный Нил,
И вечер, взяв свое кадило,
Дымит чешуйкам крокодила, –
Он сердце к сердцу заманил.

Печален юный Валтасар.
Трепещут грёзы к Суламите...
На звезды смотрит он: “Поймите
Мою любовь к царице чар!”
Он обращается к Кандас:
“Пойми, Балькис меня отвергла,
И прогнала меня, как негра,
Насмешкою маслинных глаз!..”
Тиха терраса у реки,
Спят Сембобитис и Менкера.
Завоет в роще пальм пантера,
Завьются змеи в тростники, –
И снова тишь. Тоской объят,
Царь погружается в безгрёзье...
Склонился ангел в нежной позе,
Твердит, что вымышлен Сабат...
Все это – сон, мечта, каприз...
Извечный вымысел вселенский...

...В стране Сабат царь Комагенский
Берет горящую Балькис!

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Как элегантна осень в городе,
Где в ратуше дух моды внедрен!
Куда вы только ни посмотрите –
Везде на клумбах рододендрон...

Как лоско матовы и дымчаты
Пласты смолового асфальта,
И как корректно-переливчаты
Слова констэблевого альта!

Маркизы, древья улиц стриженных,
Блестят кокетливо и ало;
В лиловом инее, их, выжженных
Улыбкой солнца, тишь спаяла.

Надменен вылощенный памятник
(И глуповат! – прибавлю в скобках...).
Из пыли летней вынут грамотник
Рукой детей, от лени робких.

А в лиловеющие сумерки, –
Торцами вздорного проспекта, –
Зевают в фаэтонах грумики,
Окукленные для эффекта...

Костюм кокоток так аляповат...
Картавый смех под блесткий веер...
И Фантазэр на пунце Запада
Зовет в страну своих феерий!..

ОСКАР УАЙЛЬД

АССО-СОНЕТ

Его душа – заплеванный Грааль,
Его уста – орозенная язва...
Так: ядосмех сменяла скорби спазма,
Без слез рыдал иронящий Уайльд.
У знатных дам, смакуя Ривезальт,
Он ощущал, как едкая миазма
Щекочет мозг; – щемящего сарказма
Змея ползла в сигарную вуаль...

Вселенец, заключенный в смокинг дэнди,
Он тропик перенес на вечный ледник, –
И солнечна была его тоска!

Палач-эстет и фанатичный патер,
По лабиринту шхер к морям фарватер,
За Красоту покаранный Оскар!

ГЮИ ДЕ МОПАССАН

СОНЕТ

Трагичный юморист, юмористичный трагик,
Лукавый гуманист, гуманный ловелас,
На Францию смотря прищуром зорких глаз,
Он тек по ней, как ключ – в одебренном овраге.

Входил ли в форт Beaumonde, пред ним спускались флаги,
Спускался ли в Разврат – дышал как водолаз,
Смотрел, шутил, вздыхал и после вел рассказ
Словами между букв, пером не по бумаге.

Маркиза ль, нищая, кокотка ль, буржуа, –
Но женщина его пленительно свежа,
Незримой, извнутри, лазорью осиянна...

Художник-ювелир сердец и тела дам,
Садовник девьих грёз, он зрил в шантане храм,
И в этом – творчество Гюи де Мопассана.

ПАМЯТИ АМБРУАЗА ТОМА

СОНЕТ

Его мотив – для сердца амулет,
А мой сонет – его челу корона.
Поют шаги: Офелия, Гамлет,
Вильгельм, Раймонд, Филина и Миньона.

И тени их баюкают мой сон
В ночь летнюю, колдуя мозг певучий.
Им флейтой сердце трелит в унисон,
Лия лучи сверкающих созвучий.

Слух пьет узор ньюансов увертюр,
Крыла ажурной грацией амур
Колышет грудь кокетливой Филины.

А вот страна, где звонок аромат,
Где персики влюбляются в гранат,
Где взоры женщин сочны, как маслины.

НА СМЕРТЬ МАССНЭ

Я прикажу оркестру, где-нибудь в людном месте,
В память Массн́э исполнить выпуклые попурри
Из грациоз его же. Слушайте, капельмейстер;
Будьте построже с темпом для партитур – "causerie"!

Принцем Изящной Ноты умер седой композитор:
Автор "Таис" учился у Амбруаза Тома,
А прославитель Гёте, – как вы мне там ни грозите, –
Это – король мелодий! Это – изящность сама!

Хитрая смерть ошиблась и оказалась не хитрой, –
Умер Масснэ, но "умер" тут прозвучало как "жив".
Палочку вверх, маэстро! Вы, господа, за пюпитры! –
Мертвый живых озвучит, в творчество душу вложив!

Веймарн

III. ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ

ИНТРОДУКЦИЯ

ТРИОЛЕТ

За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палаццо из палацц –
За струнной изгородью лиры...
Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц!..

НЕРОН

Поверяя пламенно золотой форминге
Чувства потаенные и кляня свой трон,
На коне задумчивом, по лесной тропинке,
Проезжает сгорбленный, страждущий Нерон.

Он – мучитель-мученик! Он – поэт-убийца!
Он жесток неслыханно, нежен и тосклив...
Как ему, мечтателю, в свой Эдем пробиться,
Где так упоителен солнечный прилив?

Мучают бездарные люди, опозорив
Облик императора общим сходством с ним...
Чужды люди кесарю: Клавдий так лазорев,
Люди ж озабочены пошлым и земным.

Разве удивительно, что сегодня в цирке,
Подданных лорнируя и кляня свой трон,
Вскочит с места, в бешенстве, выместив в придирке
К первому патрицию злость свою, Нерон?

Разве удивительно, что из лож партера
На урода рыжего, веря в свой каприз,
Смотрят любопытные, жадные гетеры,
Зная, что душа его – радостный Парис?

Разве удивительно, что в амфитеатре
Все насторожилося и задохся стон,
Только в ложе кесаря появился, на три
Мига потрясающих, фьолевый хитон?

СОНЕТ

Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом.
Весна, пришедшая из рая
Чело украсит мне венцом.

Жасмин, ромашки, незабудки,
Фиалки, ландыши, сирень
Жизнь отдадут – цветы так чутки! –
Мне для венца в счастливый день.

Придет поэт, с неправдой воин,
И скажет мне: “Ты быть достоин
Моим наследником; хитон,

Порфиру, скипетр – я, взволнован,
Даю тебе... Взойди на трон,
Благословен и коронован".

ИЗ АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

БОГИ

Во сне со мной беседовали боги:
Один струился влагой водоро́слей,
Другой блестел колосьями пшеницы
И гроздьями тяжелыми шумел.
Еще один – прекрасный и крылатый
И – в наготе – далекий, недоступный;
Еще один – с лицом полузакрытым;
И пятый бог, который с тихой песней
Берет омег, анютины глазенки
И змеями двумя перевивает
Свой золотой и драгоценный тирс.
И снились мне еще другие боги...

И я сказал: вот флейты и корзины;
Вкусите от плодов моих простых,
Внимайте пенью пчел, ловите шорох
Смиренных ив и тихих тростников.
И я сказал: – Прислушайся... Есть кто-то,
Кто говорит устами эхо где-то,
Кто одинок на страже шумной жизни,
Кто в руки взял двойные лук и факел,
Кто – так непостижимо – сами мы...

О, тайный лик! Ведь я тебя чеканил
В медалях из серебряной истомы,
Из серебра, нежнее зорь осенних,
Из золота, горячего, как солнце,
Из меди, мрачной меди, точно ночь.
Чеканил я тебя во всех металлах,
Которые звенят светло, как радость,
Которые звучат темно и глухо,

Звучат – как слава, смерть или любовь.
Но лучшие – я мастерил из глины,
Из хрупкой глины, серой и сухой...

С улыбкою вы станете считать их
И, похвалив за тонкую работу,
С улыбкою пройдете мимо них...
Но как же так? но что же это значит?
Ужель никто, никто из нас не видел,
Как эти руки нежностью дрожали,
Как весь великий сон земли вселился,
Как жил во мне, чтоб в них воскреснуть вновь?
Ужель никто, никто из нас не понял,
Что из металлов благостных я делал
Моих богов, и что все эти боги
Имели лик того, всего святого,
Что чувствуем, угадываем тайно
В лесу, в траве, в морях, в ветрах и в розах,
Во всех явленьях, даже в нашем теле,
И что они – священно – сами мы!..

ПОЭЗА О СОЛНЦЕ, В ДУШЕ ВОСХОДЯЩЕМ

В моей душе восходит солнце,
Гоня невзгодную зиму.
В экстазе идолопоклонца
Молюсь таланту своему.

В его лучах легко и просто
Вступаю в жизнь, как в листный сад.
Я улыбаюсь, как подросток,
Приемлю все, всему я рад.

Ах, для меня, для беззаконца,
Один действителен закон:
В моей душе восходит солнце,
И я лучиться обречен!

ГРЁЗОВОЕ ЦАРСТВО

Я – царь страны несуществующей,
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвездия колдующей,
Витаю я среди планет.

Я, интуит с душой мимозовой,
Постиг бессмертия процесс.
В моей стране есть терем грёзовый
Для намагниченных принцесс.

В моем междупланетном тереме
Звучат мелодии Тома́.
Принцессы в гений мой поверили,
Забыв земные терема.

Их много, дев нерассуждающих,
В экстазе сбросивших плащи,
Так упоительно страдающих
И переливных, как лучи.

Им подсказал инстинкт их звончатый
Избрать мой грёзовый гарем.
Они вошли душой бутончатой,
Вошли – как Ромул и как Рем.

И распустилось царство новое,
Страна безра́зумных чудес...
И, восхищен своей основою,
Дышу я душами принцесс!..

ТРИНАДЦАТАЯ

НОВЕЛЛА

У меня дворец двенадцатиэтажный,
У меня принцесса в каждом этаже.
Подглядел-подслушал как-то вихрь протяжный, –
И об этом знает целый свет уже.

Знает, – и прекрасно! сердцем не плутую!
Всех люблю, двенадцать, – хоть на эшафот!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Так вот:

Все мои принцессы – любящие жены,
Я – их повелитель, любящий их муж.
Знойным поцелуем груди их прожжены,
И в каскады слиты ручейки их душ.

Каждая друг друга дополняет тонко,
Каждая прекрасна, в каждой есть свое:
Та грустит беззвучно, та хохочет звонко, –
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лестнице, завесу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
В упоеньи мигом некогда тужить.
Жизнь – от поцелуев, жизнь – до поцелуя,
Вечное забвенье не дает мне жить.

Но бывают ночи: заберусь я в башню,
Заберусь один в тринадцатый этаж,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чарует грёза все одна и та ж:

Хорошо бы в этой комнате стеклянной
Пить златистогрёзый черный виноград
С вечно-безымянной, странно так желанной,
Той, кого не знаю и узнать не рад.

Скалы молят звезды, звезды молят скалы,
Смутно понимая тайну скал и звезд, –
Наполняю соком и душой бокалы
И провозглашаю безответный тост!..

ПРОГУЛКА КОРОЛЯ

ЭТЮД

П.Я. Морозову

Я иду со свитою по лесу.
Солнце лавит с неба, как поток.
Я смотрю на каждую принцессу,
Как пчела на мёдовый цветок.

Паутинкой златно перевитый
Веселеет пóлдневый лесок.
Я иду с принцессовою свитой
На горячий моревый песок.

Олазорен шелковою тканью,
Коронован розами венка,
Напевая что-то из Масканьи,
Вспоминаю клумбу у окна...

Наклонясь с улыбкой к адъютанту –
К девушке, идущей за плечом, –
Я беру ее за аксельбанты,
Говоря про все и ни о чем...

Ах, мои принцессы не ревнивы,
Потому что все они мои...
Мы выходим в спеющие нивы –
Образцом изысканной семьи...

Вьются кудри: золото и бронза,
Пепельные, карие и смоль.
Льются взоры, ласково и грёзно –
То лазорь, то пламя, то фиоль.

Заморело! – глиняные глыбки
Я бросаю в море, хохоча.
А вокруг – влюбленные улыбки,
А внизу – песчаная парча!

На pliant из алой парусины
Я сажусь, впивая горизонт.
Адъютант приносит клавесины,
Раскрывает надо мною зонт.

От жары все личики поблёкли,
Прилегли принцессы на песке;
Созерцают море сквозь бинокли
И следят за чайкой на мыске.

Я взмахну лорнетом, – и Сивилла
Из Тома запела попурри,
Всю себя офлерила, овила,
Голоском высоко воспарив.

Как стройна и как темноголова!
Как ее верхи звучат свежо!
Хорошо!.. – и нет другого слова,
Да и то совсем не хорошо!..

В златосне, на жгучем побережье,
Забываю свой высокий сан,
И дышу, в забвении, все реже,
Несказанной Грёзой осиян...

ПРИЗРАК

Ты каждый день приходишь, как гризетка,
В часовню грёз моих приходишь ты;
Твоей рукой поправлена розетка,
Румянцем уст раскрашены мечты.

Дитя мое! Ты – враг ничтожных ролек,
А вдохновлять поэта – это честь.
Как я люблю тебя, мой белый кролик!
Как я ценю!.. Но чувств не перечесть.

Я одинок... Я мелочно осмеян...
Ты поняла, что ласка мне нужна –
Твой гордый взор так нежен, так лилеен,
Моя сестра, подруга и жена.

Да, верю я глазам твоим, влекущим
Меня к Звезде, как верю я в Звезду.
Я отплачу тебе своим грядущим
И за собой в бессмертие введу!

МИСС ЛИЛЬ

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки,
Алогубы-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени!..

Ласковая девонька! крошечная грешница!
Ты еще пикантнее от людских помой!
Верю: ты измучилась... Надо онездешниться,
Надо быть улыбчатой, тихой и немой.

Все мои товарищи (как зовешь нечаянно
Ты моих поклонников и моих врагов...)
Как-то усмехаются и глядят отчаянно
На ночную бабочку выше облаков.

Разве верят скептики, что ночную бабочку
Любит сострадательно молодой орел?
Честная бесчестница! белая арабочка!
Брызгай грязью чистою в славный ореол!..

КОКТЕБЕЛЬ

Подходят ночи в сомбреро синих,
Созвездья взоров поют звезде,
Поют в пещерах, поют в пустынях,
Поют на море, поют везде.

Остынет отзвук денного гуда, –
И вьюгу звуков вскрутит закат...
Подходят ночи – зачем? откуда? –
К моей избушке на горный скат.

Как много чувства в их взмахах теплых!
Как много тайны в их ласк волшбе!
Весь ум – в извивах, все сердце – в воплях...

Мечта поэта! пою тебе...

АЛТАЙСКИЙ ГИМН

О, океана золотая, –
Крещенский солнечный восход!
Скользит, как вздох Эола, тая
По скатогориям Алтая
Победоносный лыжеход.

Снега, снега, – как беломорье...
Восход бестепел. Вдоль полян
Метет предутренник с нагорья
Пушисто-снежное узорье,
А ветер светел и ледян.

Осветозарь мои веленья,
Мои желанья и пути,
Ты, созидающий оленя,
Как бодрость упоенной лени,
Дающий десять для пяти!

Гуди, ледяное безводье,
Пылай короною, Январь!
Крепи, бурят, свои поводья,
А Ты, Эмблема Плодородья,
Мои пути осветозарь!

АГАСФЕРУ МОРЕЙ

Вижу, капитан “Скитальца-Моряка”,
Вечный странник,
Вижу, как твоя направлена рука
На “Titanic”...

Знаю, капитан немого корабля,
Мститель-призрак,
Знаю, что со дня, как выгнала земля,
Буре близок...

Верю, капитан “Голландца-Летуна”,
Враг боязни,
Верю, для тебя – пустить корабль до дна –
Страстный праздник...

Злобный хохот твой грохочет в глубине
Окаянно:
Все теперь – твое, лежащее на дне
Океана...

Рыбам отдаешь – зачем трофей тебе?! –
Все – для пищи...
Руку, капитан, товарищ по судьбе,
Мой дружище!

НА ЛЕТУНЕ

Валерию Брюсову

Король на плахе. Королевство –
Уже республика; и принц
Бежит, сестры спасая девство,
В одну из моревых провинц.

И там, в улыбности привета,
У острых шхер, у сонных дюн,
Их ждут – и палуба корвета,
И комфортабельный летун.

Вперед! – осолнечен пропеллер,
Стрекочет, ветрит и трещит.
Моторолёт крылит на север,
Где ощетинен бора щит.

Скорбит принцесса. В алой ленте
Лукавит солнце, как Пилат.
Злодея мыслит в президенте
Беглец из мраморных палат.

И, очарованный полетом,
Дарит пилоту комплимент,
Не зная, что его пилотом –
Не кто иной, как президент!

ГАЗЭЛЛА

Мой мозг словами: “Ты больной!” – сжимаешь ты,
И хлыст упругий и стальной сжимаешь ты.

Я хохочу тебе в лицо, я хохочу, –
И, в гневе, хлыст своей рукой сжимаешь ты.

Над головой моей взнесла свистящий хлыст, –
Ударить хочешь, но с тоской сжимаешь ты.

“Живи, люби, пиши, как все! и будешь – мой...”
Меня в объятьях, – и с мольбой, – сжимаешь ты.

Немею в бешенстве – затем, чтоб не убить!
Мне сердце мукой огневой сжимаешь ты.

РОНДЕЛИ

О Мирре грезит Вандэлин,
О Вандэлине грезит Мирра.
Она властительница мира,
И он – вселенной властелин.
Люблю я в замке меж долин
Внимать душою, полной мира,
Как Миррой грезит Вандэлин,
Как Вандэлином грезит Мирра.
Под стрекотанье мандолин
Дрожит моя больная лира,
Что Мирры нет, что в мире сиро
И что – всегда, всегда один –
Грустит о Мирре Вандэлин.

ВРУБЕЛЮ

Так тихо-долго шла жизнь на убыль
В душе, исканьем обворованной...
Так страстно-тихо растаял Врубель,
Так безнадежно очарованный...

Ему фиалки струили дымки
    Лица трагически-безликого...
Душа впитала все невидимки,
    Дрожа в преддверии великого...

Но дерзновенье слепило кисти,
    А кисть дразнила дерзновенное...
Он тихо таял, – он золотистей
    Пылал душою вдохновенною...

Цветов побольше на крышку гроба:
В гробу – венчанье!.. Отныне оба –
    Мечта и кисть – в немой гармонии,
    Как лейтмотив больной симфонии...

ДЕМОН

Княжне Ар. Шахназаровой

Кавказ! Я никогда не видел
Твоих ущелий, рек и скал
И на арабце, чуя гибель,
В ущельях скользких не скакал.

Но страстная волна Дарьяла
В моей душе рождает гул;
Мне сердце часто повторяло,
Что порывается в аул.

Там где-нибудь в грузинской сакле,
Под стон унывной каманчи,
Еще легенды не иссякли –
Грёз неистечные ключи,

Мне верится, твои Тамары,
О магнетический Кавказ,
Еще волшбят в чинарах чары,
Еще не кончили свой сказ...

Еще не высохла Арагва,
Еще не вымер Синодал,
Но Демон пламенно и нагло
Уж не возникнет между скал:

Теперь, когда проник в Эдем он,
Воссев на покоренный трон,
Томится пресыщенный Демон,
И ни о чем не грезит он...

НА СМЕРТЬ ФОФАНОВА

Поэзия есть зверь, пугающий людей.
К. Фофанов

Пока поэт был жив, его вы поносили,
Покинули его, бежали, как чумы...
Пред мудрым опьяненьем – от бессилья
Дрожали трезвые умы!

Постигнете ли вы, “прозаики-злодеи”,
Почтенные отцы, достойные мужи,
Что пьяным гением зажженные идеи –
Прекрасней вашей трезвой лжи?!

Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!

Не вам его винить: весь мир любить готовый
И видя только зло, – в отчаяньи, светло
Он жаждал опьянеть, дабы венец терновый,
Как лавр, овил его чело!..

Я узнаю во всем вас, дети злого века!
Паденье славного – бесславных торжество!
Позорно презирать за слабость человека,
Отнявши силы у него!

Дылицы

НАД ГРОБОМ ФОФАНОВА

ИНТУИТТА

Милый Вы мой и добрый! Ведь Вы так измучились
От вечного одиночества, от одиночного холода...
По своей принцессе лазоревой – по Мечте своей соскучились:
Сердце-то было весело! сердце-то было молодо!

Застенчивый всегда и ласковый, вечно Вы тревожились,
Пели почти безра́зумно, – до самозабвения...
С каждою новою песнею Ваши страданья множились,
И Вы – о, я понимаю Вас! – страдали от вдохновения...

Вижу Вашу улыбку, сквозь гроб меня озаряющую,
Слышу, как Божьи ангелы говорят Вам: “добро пожаловать!”
Господи! прими его душу, так невыносимо страдающую!
Царство Тебе Небесное, дорогой Константин Михайлович!

ЛЮБОВЬ И СЛАВА

Я полюбил двух юных королев,
Равно влекущих строго и лукаво.
Кого мне предпочесть из этих дев?
    Их имена: Любовь и Слава.

Прекрасные и гордые! владеть
Хочу двумя, чарующие, вами.
В ответ надменно блещете очами,
    И я читаю в них: “Не сметь!”

Влекусь к Любви, – заносит ржавый нож,
Грозя гангреной, мстительная Слава.
К ней поверну, молю ее, – “Направо! –
    Кричит Любовь: – А я-то что ж?”

“Вы обе дороги”, – стенаю. “Нет!” –
Ответствуют мне разом девы:
“Одну из нас, – кому свои напевы
    И жизнь свою вручишь, поэт!”

Я выбрать не могу. Прочь, Смерть! – Рабов
Удел – самоубийство! выход найден:
Дай, Слава, мне питья из виноградин,
Ты отрави его, Любовь!

ГЕРОИЗА

Мне улыбалась Красота,
Как фавориту-аполлонцу,
И я решил подняться к Солнцу,
Чтоб целовать его уста!
Вознес меня аэроплан
В моря расплавленного злата;
Но там ждала меня расплата:
Голубоперый мой палан
Испепелен, как деревянный
Машинно-крылый истукан,
А я за дерзновенный план,
Под гром и грохот барабанный,
Был возвращен земле жеманной –
Живым и смелым. Ураган
Взревел над миром, я же, странный,
Весь от позора бездыханный,
Вином наполнил свой стакан,
Ища в нем черного безгрёзья
От вдохновения и грёз...
И что же?! – в соке сжатых гроздий
Сверкал мне тот же Гелиос!
И в белом бешенстве ледяном,
Я заменял стакан стаканом,
Глотая Солнце каждый раз!..
А Солнце, в пламенном бесстрастьи,
Как неба вдохновенный глаз,
Лучи бросало, точно снасти,
И презирало мой экстаз!..

...Ищу чудесное кольцо,
Чтоб окрылиться аполлонцу, –
И позабывшемуся Солнцу
Надменно плюну я в лицо!

РЯДОВЫЕ ЛЮДИ

Я презираю спокойно, грустно, светло и строго
Людей бездарных: отсталых, плоских, темно-упрямых.
Моя дорога – не их дорога.
Мои кумиры – не в людных храмах.

Я не желаю ни зла, ни горя всем этим людям, –
Я равнодушен; порой прощаю, порой жалею.
Моя дорога лежит безлюдьем.
Моя пустыня – дворца светлее.

За что любить их, таких мне чуждых? за что убить их?!
Они так жалки, так примитивны и так бесцветны.
Идите мимо в своих событьях, –
Я безвопросен: вы безответны.

Не знаю скверных, не знаю подлых: все люди правы;
Не понимают они друг друга, – их доля злая.
Мои услады – для них отравы.
Я презираю, благословляя...

МОИ ПОХОРОНЫ

Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоновых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади, –
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины –
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филины.

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердье...
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

СЕКСТИНА

Я заклеймен, как некогда Бодлэр;
То – я скорблю, то – мне от смеха душно.
Читаю отзыв, точно ем "эклер":
Так обо мне рецензия... воздушна.
О, критика – проспавший Шантеклер –
"Ку-ка-ре-ку!", ведь солнце не послушно.

Светило дня душе своей послушно.
Цветами зла увенчанный Бодлэр,
Сам – лилия... И критик-шантеклер
Сконфуженно бормочет: "Что-то душно"...
Пусть дирижабли выглядят воздушно,
А критики забудут – про "эклер".

Прочувствовать талант – не съесть "эклер";
Внимать душе восторженно, послушно –
Владеть душой; нельзя судить воздушно, –
Поглубже в глубь: бывает в ней *Бодлэр.*
И курский соловей поет бездушно,
Когда ему мешает шантеклер.

Иному, впрочем, ближе "шантеклер".
Такой "иной" воздушен, как "эклер",
И от такого вкуса – сердцу душно.
"Читатель средний" робко и послушно
Подумает, что пакостен Бодлэр,
И примется браниться не воздушно...

И в воздухе бывает не воздушно,
Когда летать захочет шантеклер,
Иль авиатор, скушавший "эклер",
Почувствует (одобришь ли, Бодлэр?),
Почувствует, что сладость не послушна,
Что тяжело под ложечкой и душно...

Близка гроза. Всегда предгрозье душно.
Но хлынет дождь живительный воздушно, –
Вздохнет земля свободно и послушно.
Близка гроза! В курятник, Шантеклер!
В моих очах éclair, а не "эклер"!
Я отомщу *собою*, как – Бодлэр!

IV. ЭГО-ФУТУРИЗМ

ПРОЛОГ

Вы идете обычной тропой, –
Он – к снегам недоступных вершин.

Мирра Лохвицкая

I

Прах Мирры Лохвицкой осклепен,
Крест изменен на мавзолей, –
Но до сих пор великолепен
Ее экстазный станс аллей.

Весной, когда, себя ломая,
Пел хрипло Фофанов больной,
К нему пришла принцесса мая,
Его окутав пеленой...

Увы! – пустынно на опушке
Олимпа грёзовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин, –
Нам надо новых голосов!

Теперь повсюду дирижабли
Летят, пропеллером ворча,
И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!

Мы живы острым и мгновенным, –
Наш избалованный каприз:
Быть ледяным, но вдохновенным,
И что ни слово, – то сюрприз.

Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов,
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...

Душа утонченно черствеет,
Гнила культура, как рокфор...
Но верю я: завеет веер!
Как струны, брызнет сок амфор!

Придет Поэт – он близок! близок!
Он запоет, он воспарит!
Всех муз былого в одалисок,
В своих любовниц превратит.

И, опьянен своим гаремом,
Сойдет с бездушного ума...
И люди бросятся к триремам,
Русалки бросятся в дома!

О, век Безрáзумной Услады,
Безлистно-трепетной весны,
Модернизованной Эллады
И обветшалой новизны!..

Лето 1911
Дылицы

II

Опять ночей грозóвы ризы,
Опять блаженствовать лафа!
Вновь просыпаются капризы,
Вновь обнимает их строфа.

Да, я влюблен в свой стих державный,
В свой стих изысканно-простой,
И льется он волною плавной
В пустыне, чахлой и пустой.

Все освежая, все тревожа,
Топя в дороге встречный сор,
Он поднимает часто с ложа
Своих кристальных струй узор.

Препон не знающий с рожденья,
С пренебреженьем к берегам,
Дает он гордым наслажденье
И шлет презрение рабам.

Что ни верста – все шире, шире
Его надменная струя.
И что за дали! что за шири!
Что за цветущие края!

Я облеку, как ночи, – в ризы
Свои загадки и грехи,
В тиары строф мои капризы,
Мои волшебные сюрпризы,
Мои ажурные стихи!

Мыза "Ивановка"

III

Не мне в бездушных книгах черпать
Для вдохновения ключи, –
Я не желаю исковеркать
Души свободные лучи!

Я непосредственно сумею
Познать неясное земле...
Я в небесах надменно рею
На самодельном корабле!

Влекусь рекой, цвету сиренью,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.

Я стыну льдом, волную сфинксом,
Порхаю снегом, сплю скалой,
Бегу оленем к дебрям финским,
Свищу безудержной стрелой.

Я с первобытным неразлучен,
Будь это жизнь ли, смерть ли будь.
Мне лед рассудочный докучен, –
Я солнце, солнце спрятал в грудь!

В моей душе такая россыпь
Сиянья, жизни и тепла,
Что для меня несносна поступь
Бездушных мыслей, как зола.

Не мне расчет лабораторий!
Нет для меня учителей!
Парю в лазоревом просторе
Со свитой солнечных лучей!

Какие шири! дали! виды!
Какая радость! воздух! свет!
И нет дикарству панихиды,
Но и культуре гимна нет!

Петербург

IV

Я прогремел на всю Россию,
Как оскандаленный герой!..
Литературного Мессию
Во мне приветствуют порой.

Порой бранят меня площадно, –
Из-за меня везде содом!
Я издеваюсь беспощадно
Над скудомысленным судом!

Я одинок в своей задаче
И оттого, что одинок,
Я дряблый мир готовлю к сдаче,
Плетя на гроб себе венок.

Дылицы

ПОЭЗА ВНЕ АБОНЕМЕНТА

Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра – в стороне;

Где вкус так жалок и измельчен,
Что даже, – это ль не пример? –
Не знают, как двусложьем: *Мельшин*
Скомпрометирован Бодлэр;

Где блеск и звон карьеры – рубль,
А паспорт разума – диплом;
Где декадентом назван Врубель
За то, что гений не в былом...

Я – волк, а Критика – облава!
Но я крылат! И за Атлант –
Настанет день! – польется лава –
Моя двусмысленная слава
И недвусмысленный талант!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭЗА

(ОТВЕТ ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ)

Я так устал от льстивой свиты
И от мучительных похвал...
Мне скучен королевский титул,
Которым Бог меня венчал.

Вокруг талантливые трусы
И обнаглевшая бездарь...
И только Вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь...

Не ученик и не учитель,
Над *чернью* властвовать устав,
Иду в природу, как в обитель,
Петь свой осмеянный *устав*...

И там, в глуши, в краю олонца,
Вне поощрений и обид,
Моя душа взойдет, как солнце,
Тому, кто мыслит и скорбит!

ПОЭЗА О КАРАМЗИНЕ

Известно ль тем, кто, вместо нарда,
Кадит мне гарный дым бревна,
Что в жилах северного барда
Струится кровь Карамзина?

И вовсе жребий мой не горек!..
Я верю, доблестный мой дед,
Что я – в поэзии историк,
Как ты – в истории поэт!

ЭПИЛОГ

I

Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязэта к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорил Литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

Я, – год назад, – сказал: “я буду!”
Год отсверкал, и вот – я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а – месть.

– Я одинок в своей задаче! –
Прозренно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

Она росла, в своем единстве
Самодержавна и горда, –
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлень болот;
У каждого в плече заноза, –
Зане болезнен беглых взлет...

Я их приветил: я умею
Приветить *всё*, – божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змею!
Змея! обвей орла в ответ!

II

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.

Но даровав толпе холопов
Значенье собственного "я",
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор – стезя моя.

Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые долы,
Презрев ошеломленный *Рим*.

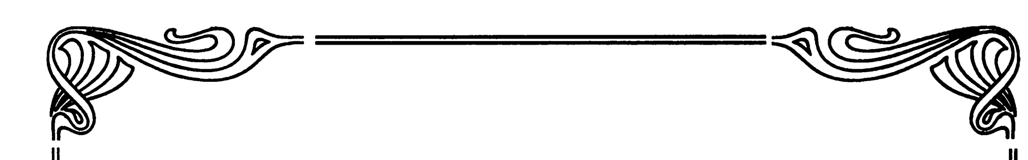
Я изнемог от льстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накаплен мой бокал.

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в Примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий – говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

Ананасы в шампанском

Поэзы

I. РОЗИРИС

УВЕРТЮРА

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропро́свист экспрессов! крылолёт буэров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! из Нью-Йорка – на Марс!

Январь 1915
Петроград

ГРАНДИОЗ

Гpаалю-Арельскому

Все наслажденья и все эксцессы,
Все звезды мира и все планеты
Жемчужу гордо в свои сонеты, –
Мои сонеты – колье принцессы!

Я надеваю, под взрыв оркестра,
Колье сонетов (размах измерьте!)
Да, надеваю рукой маэстро
На шею Девы. Она – Бессмертье!

Она вне мира, она без почвы,
Без окончанья и без начала...
Ничто святое ее зачало...
Кто усомнится – уйдите прочь вы!

Она безместна и повсеместна,
Она невинна и сладкогрешна,
Да, сладкогрешна, как будто бездна,
И точно бездна – она безбрежна.

Под барабаны, под кастаньеты,
Все содроганья и все эксцессы
Жемчужу гордо в колье принцессы,
Не знавшей почвы любой планеты...

Июнь 1910

В КОЛЯСКЕ ЭСКЛАРМОНДЫ

Я еду в среброспицной коляске Эсклармонды
По липовой аллее, упавшей на курорт,
И в солнышках зеленых лучат волособлонды
Злоспецной Эсклармонды шаплетку-фетроторт...

Мореет: шинам хрустче. Бездумно и бесцельно.
Две раковины-девы впитали океан.
Он плещется дессертно, – совсем мускат-люнельно, –
Струится в мозг и в глазы, по-человечьи пьян...

Взорвись, как бомба, солнце! Порвитесь, пены блонды!
Нет больше океана, умчавшегося в ту,
Кто носит имя моря и солнца – Эсклармонды,
Кто на земле любезно мне заменил мечту!

Февраль 1914
Екатеринослав

БАРБАРИСОВАЯ ПОЭЗА

Гувернантка-барышня
Вносит в кабинет
В чашечках фарфоровых
Crème d'énine vinette.

Чашечки неполные
Девственны на вид.
В золотой печеннице
Английский бисквит.

В кабинете общество
В девять человек.
Окна в сад растворены,
В сад, где речи рек.

На березах отсветы
Неба. О, каприз!
Волны, небо, барышня
Цвета "барбарис".

И ее сиятельство
Навела лорнет
На природу, ставшую
Crème d'énine vinette...

Июль 1914
Мыза "Ивановка"

ЦВЕТОК БУКЕТА ДАМ

В букете дам – Амьенского beau mond'a
Звучнее всех рифмует с резедой
Bronze-oxidè блондинка Эсклармонда,
Цветя бальзаколетнею звездой.

Она остра, как квинт-эссенца специй,
Ее бравадам нужен резонанс,
В любовники берет "господ с трапеций"
И, так сказать, смакует mesalliance...

Условностям всегда бросает “shoking!”
Экстравагантно выпускает лиф,
Лорнирует базарно каждый смокинг,
Но не во всяком смокинге *калиф*...

Как устрицу, глотает с аппетитом
Дежурного огейзерную дань...
При этом всём – со вкусом носит титул,
Иной щеке даря свою ладонь.

Февраль 1911

В БЛЕСТКОЙ ТЬМЕ

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупив;
Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе.
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Каждая строчка – пощечина. Голос мой – сплошь
издевательство.
Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Блесткая аудитория, блеском ты зло отуманена!
Скрыт от тебя, недостойная, будущего горизонт!
Тусклые Ваши Сиятельства! Во времена Северянина
Следует знать, что за Пушкиным были и Блок, и Бальмонт!

1913

В ЛИМУЗИНЕ

Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в корректном кавалере,
И в хрупоте танцующих резин
Восстановила голос Кавальери.

Кто звал ее на лестнице: “Manon?”
И ножки ей в прохладном вестибюле,
Хотя она и бросила: “mais non!” –
Чьи руки властно мехово обули?

Да все же он, пустой, как шантеклер,
Проборчатый, офраченный картавец,
Желательный для многих кавалер,
Использованный многими красавец.

О, женщина! Зови его в турнэ,
Бери его, пожалуй, в будуары...
Но не води с собою на Масснэ:
Письмо Масснэ... Оно не для гитары!..

Июль 1910

НА ОСТРОВАХ

В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и “этих” дам.

Ах, в каждой “фее” искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневею,
Когда мелькает вблизи манто?

Как безответно! как безвопросно!
Как гривуазно! но всюду – боль!
В аллеях сорно, в куртинах росно,
И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? и что тут мерзость?
Бесстыж и скорбен ночной пуант.
Кому бы бросить наглее дерзость?
Кому бы нежно поправить бант?

Май 1911

ВАЛЕНТИНА

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько жути!
Сколько чары! Валентина, отчего же ты грустишь?
Это было на концерте в медицинском институте,
Ты сидела в вестибюле за продажею афиш.

Выскочив из ландолета, девушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановив,
Предложила мне программу, и, тобой завороженный,
На мгновенье задержался, созерцая твой извив.

Ты зашла ко мне в антракте (не зови его пробелом),
С тайной розой, с красной грёзой, с бирюзовою грозой
Глаз восторженных и наглых. Ты была в простом и белом,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этот день!.. с него – начало. Телефоны и открытки.
К начинаньям поэтессы я был очень милосерд,
И когда уже ты стала кандидаткой в фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концерт.

А потом... Купэ. Деревня. Много снега, леса. Святки.
Замороженные ночи и крещенская луна.
Домик. Нежно и уютно. Упоенье без оглядки.
Валентина безрассудна! Валентина влюблена!

Все прошло, как все проходит. И простились мы неловко:
Я "обманщик", ты сердита, т.е. просто трафарет.
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила в жалкий бред!

Март 1914

ТЕБЕ, МОЯ КРАСАВИЦА!

Ариадниной мамочке

Вуаль светло́-зеленая с сиреневыми мушками
Была слегка приподнята над розовыми ушками.
Вуаль была чуть влажная, она была чуть теплая,
И ты мне улыбалася, красивая и добрая...

Смотрела в очи ласково, смотрела в очи грёзово,
Тревожила уснувшее и улыбалась розово.
И я не слышал улицы со звонами и гамами,
И сердце откликалося взволнованными гаммами.
Шла ночь, шурша кокетливо и шлейфами, и тканями,
Мы бархатною сказкою сердца друг другу ранили.
Атласные пожатия... рождения и гибели...
Отливы... содрогания... кружения и прибыли...
Да разве тут до улицы со звонами и шумами?!
Да разве тут до города с пытающими думами?!
Кумирню строил в сердце я, я строил в сердце пáгоды...
Ах, губки эти алые и сочные, как ягоды!
Расстались... для чего, спроси... я долго грезил в комнате...
О, глазки в слезках-капельках, мои глаза вы помните?
Вы помните? вы верите? вы ждете! вы, кудесные!
Они неповторяемы, мгновенности чудесные!..
Я требую настойчиво, приказываю пламенно:
Исчезни, всё мне чуждое! исчезни, город каменный!
Исчезни, всё гнетущее! исчезни, вся вселенная!
Всё краткое! всё хрупкое! всё мелкое! всё тленное!
А мы, моя красавица, утопимся в забвении,
Очаровав порывностью бесстрастное мгновение!..

Январь 1910

ПОЭЗА О ТЫСЯЧА ПЕРВОМ ЗНАКОМСТВЕ

Лакей и сенбернар – ах, оба баритоны! –
Встречали нас в дверях ответом на звонок.
Камелии. Ковры. Гостиной сребротоны.
Два пуфа и диван. И шесть бесшумных ног.

Мы двое к ней пришли. Она была чужою.
Он знал ее, но я представлен в этот раз.
Мне сдержанный привет, и сенбернару Джою
Уйти куда-нибудь и не мешать – приказ.

Салонный разговор, удобный для аббата,
Для доблестной ханжи и столь же для гетер.
И мы уже не мы: Альфред и Травиата.
И вот уже оркестр. И вот уже партер.

Так: входим в роли мы совсем непроизвольно,
Но режет сердце мне точеный комплимент.
Как больно говорить! Как нестерпимо больно,
Когда предвидишь вот любой, любой момент!

Всё знаем наперед: и будет то, что смято
Когда-то, кем-то, как и где – не все равно ль?
И в ужасе, в тоске, – Альфред и Травиата, –
Мы шутим, – *как тогда*! – лелея нашу боль...

Осень 1914

В ОСЕНОКОШЕННОМ ИЮЛЕ

Июль блестяще осенокошен.
Ах, он уходит! держи! держи!
Лежу на шелке зеленом пашен,
Вокруг – блондинки, косички ржи.

О, небо, небо! твой путь воздушен!
О, поле, поле! ты – грёзы верфь!
Я онебесен! Я онездешен!
И Бог мне равен, и равен червь!

Июль 1911
Дылицы

РОДНИК

Восемь лет эту местность я знаю,
Уходил, приходил, – но всегда
В этой местности бьет ледяная
Неисчерпываемая вода.

Полноструйный родник, полнозвучный,
Мой родной, мой природный родник,
Вновь к тебе (ты не можешь наскучить!)
Неотбрасываемо я приник.

И светло мне глаза оросили
Слезы гордого счастья, и я
Восклицаю: ты – символ России,
Изнедривающаяся струя!

Июль 1914
Мыза "Ивановка"

К ЧЕРТЕ ЧЕРТА

Какою нежностью неизъяснимою, какой сердечностью
Осветозарено и олазорено лицо твое,
Лицо незримое, отожествленное всечертно с Вечностью,
Твое, – но чье?

В вагоне поезда, на каждой улице и в сновидении,
В театре ль, в роще ли, – везде приложится к черте черта,
Неуловимая, но ощутимая, – черта-мгновение,
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и вешне-радостно! Жить –
изумительно,
Чудесно все-таки! Ах, сразу нескольких – *одну* любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! тебя пленительно
Ждать – это жить!

Ноябрь 1914

ПОЭЗА СПИЧЕЧНОГО КОРОБКА

Что это? – спичек коробок? –
Лучинок из берез?
И ты их не заметить мог? –
Ведь это ж грандиоз!

Бери же, чиркай и грози,
Восторжен, нагл и яр!
Ползет огонь на все стези:
В твоей руке – пожар!

Огонь! огонь, природоцап,
Высовывай язык!
Ликуй, холоп! Оцарься, раб!
Ничтожный, ты велик!

Начало июля 1914
Мыза "Ивановка"

РОНДО

Л. Рындиной

Читать тебе себя в лимонном будуаре,
Как яхту грёз, его приняв и полюбя...
Взамен неверных слов, взамен шаблонных арий,
Читать тебе себя.

Прочувствовать тебя в лиловом пеньюаре,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное, и сильным быть в ударе.

Увериться, что мир сосредоточен в паре:
Лишь в нас с тобой, лишь в нас! И только для тебя,
И только о тебе, венчая взор твой царий,
Читать тебе себя!

Февраль 1914

АМАЗОНКА

Я встретил у парка вчера амазонку
Под звуки бравурной раздольной мазурки.
– Как кукольны формы у синей фигурки! –
Наглея восторгом, сказал я вдогонку.

Она обернулась, она посмотрела,
Слегка улыбнулась, раздетая взором,
Хлыстом помахала лукавым узором,
Мне в сердце вонзила дремучие стрелы...

А рыжая лошадь под ней гарцевала,
Упрямо топталась на месте кобыла,
И, право, не знаю, – казалось ли, было, –
В угоду хозяйке меня баловала...

Февраль 1910

BERCEUSE

(НА МОТИВ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ)

Ты так светла в клубящемся покрове.
Твое лицо – восходный Уротал.
    В твоем дремучем чернобровье
    Мой ум устало заплутал.

Ты вся – мечта коралловых уловов.
Твои уста – факирская печать.
    В твоих очах, в очах лиловых,
    Хотел бы сердце закачать.

А где-то плач и грохоты орудий...
Так было встарь, так вечно будет впредь.
    Дай погрузиться в белогрудьи
    И упоенно умереть!

Сентябрь 1910

ЭЛЕКТРАССОНАНС

Что такое электрассонанс?
Это – молния и светлячок.
Сон и сказка. Гекзаметр и станс.
Мысль и грёза. Пила и смычок.
Равнокровье и злой мезальянс.
Тайна ночи и женский зрачок.
Мирозданье – электрассонанс!

Февраль 1911

В ГОСТИНИЦЕ

В большом и неуютном номере провинциальной гостиницы
Я лежу в бессоннице холодноватыми вечерами.
Жутко мне, жутко, что сердце скорбью навеки вынется
Из своего гнездышка – ...разбитое стекло в раме...

Из ресторана доносится то тихая, грустная музыка –
Какая-нибудь затасканная лунная соната,
То такая помпезная, – правда, часто кургузая, –
– ...Лилию оскорбляющее полнокровье граната...

И слышатся в этой музыке души всех женщин и девушек,
Когда-либо в жизни встретившихся и возможных еще в пути.
И плачется, бесслезно плачется в номерной тиши кромешной
О музыке, о девушках, обо всем, что способно цвести...

Январь 1914
Симферополь

КУЗИНА ЛИДА

Лида, ты – беззвучная Липковская. Лида, ты –
хорошенькая девушка.
Стройная, высокая, изящная, ты – сплошная хрупь,
ты вся – улыбь.
Только отчего же ты недолгая? Только отчего твое
во льду ушко?
Только для чего так много жемчуга? Милая, скорей
его рассыпь!

Русая и белая кузиночка, не идут тебе, поверь мне,
ландыши;
Не идут тебе, поверь мне, лилии, – слишком ты для
белого – бела...
Маки, розы нагло-оскорбительны, а лианы вьются,
как змееныши; –
Трудно обукетить лиф твой девичий, чтобы ты сама
собой была.

...Папоротник в блестках изумрудовых, снег
фиольно-белый и оискренный,
Пихтовые иглы эластичные – вот тебе единственный
убор,
Девушке со старческой улыбкою, замкнутой, но,
точно солнце, искренней,
Незаметно как-то умирающей, – как по ягоды идущей
в бор...

Февраль 1912

НИКЧЕМНАЯ

Ты меня совсем измучила, может быть, сама не ведая;
Может быть, вполне сознательно; может быть, перестрадав;
Вижусь я с тобой урывками: разве вместе пообедаю
На глазах у всех и каждого, – и опять тоска-удав.

О, безжалостница добрая! ты, штрихующая профили
Мне чужие, но знакомые, с носом мертвенно-прямым!
Целомудренную чувственность мы зломозгло обутопили
Чем-то вечно ожидаемым и литаврово-немым...

Слушай, чуждая мне ближница! обреченная далёчница!
Оскорбить меня хотящая для немыслимых услад!
Подавив негодование, мне в тебя так просто хочется,
Как орлу – в лазорь сияльную, как теченью – в водопад!

Февраль 1914
Одесса

ЖУТКАЯ ПОЭЗА

О, нестерпимо-бо́льные места,
Где женщины, утерянные мною,
Навек во всем: в дрожании листа,
В порыве травном к солнечному зною,
В брусничных и осиновых лесах,
Во всхлипах мха – их жалобные плачи...
Как скорбно там скрипенье колеса!
Как трогательно блеянье телячье!
На севере и рощи, и луга,
И лады душ, и пьяненькие сельца –
Однообразны только для пришельца:
Для северян несхожесть их легка.
Когда-нибудь я встречу – это так! –
В таком лесу унылую старуху,
И к моему она приблизит уху
Лукавый рот. Потом за четвертак
Расскажет мне пророчная шарманка
О их судьбе, всех жертв моих. Потом
Я лес приму, как свой последний дом...
Ты – смерть моя, случайная цыганка!

Февраль 1914
Одесса

РОНДО ОРАНЖЕВОГО ЗАКАТА

Невымученных мук, невыгроженных гроз
Так много позади, и тяжек сердца стук.
Оранжевый закат лианами оброс
Невыкорченных мук.

Оранжевый закат! ты мой давнишний друг,
Как лепеты травы, как трепеты берез,
Как щебеты мечты... Но вдруг изменишь? вдруг?

Заплакать бы обжогом ржавых слез,
В них утопить колечки змейных скук
И ждать, как ждет подпоездник колес,
Невысмертивших мук!

Август 1913
Веймарн

ЕВГЕНИЯ

Это имя мне было знакомо –
Чуть истлевшее пряное имя,
И в щекочущем чувственность дыме
Сердце было к блаженству влекомо.

Как волна – броненосцу за пену,
Как за плен – бег свободный потока,
Это имя мне мстило жестоко
За забвенье, позор, за измену...

Месть швырнула в лицо мне два кома,
Кома грязи – разврат и бескрылье.
Я кончаюсь в неясном усилье...
Это имя мне жутко-знакомо!..

1909

КОГДА НОЧЕЛО

Уже ночело. Я был около
Монастыря. Сквозила просека.
Окрест отгуживал от колокола.
Как вдруг собака, вроде мопсика,
Зло и неистово залаяла.
Послышались осечки хвороста,
И кто-то голосом хозяина
"Тубо!" пробаритонил просто.
Лес заветрел и вновь отгуживал
Глухую всенощную, охая.
Мне стало жутко, стало нужно
Людей, их слова. Очень плохо я
Себя почувствовал. Оглу́шенный,
Напуганный, я сел у озера.
Мне оставалось верст одиннадцать.
Решительность меня вдруг бросила, –
От страха я не мог подвинуться...

Июль 1911
Дылицы

ПЯТИЦВЕТ I

Заберусь на рассвете на серебряный кедр
Любоваться оттуда на маневры эскадр.
Солнце, утро и море! Как я весело-бодр,
Точно воздух бездумен, точно мумия мудр.
Кто прославлен орлами – ах, тому не до выдр!..

Сентябрь 1910

РЕГИНА

Когда поблекнут георгины
Под ало-желчный лесосон,
Идите к домику Регины
Во все концы, со всех сторон.

Идите к домику Регины
По всем дорогам и тропам,
Бросайте на пути рябины,
Дабы назад вернуться вам.

Бросайте на пути рябины:
Все ваши скрестятся пути,
И вам, искателям Регины,
Назад дороги не найти.

Лето 1913
Веймарн

ЛИРОБАСНЯ

Бело лиловеет шорох колокольчий –
Веселится летоветр;
Мы проходим полем, мило полумолча,
На твоей головке – фетр,
А на теле шелк зеленый, и – босая.
Обрываешь тихо листик и, бросая
Мелкие кусочки,
Смеешься, осолнечив лоб.
...Стада голубых антилоп
Покрыли травы, покрыли кочки...
Но дьяконья падчерица,
Изгибаясь, как ящерица,
Нарушает иллюзию...
Какое беззаконье!
– Если хочешь в Андалузию,
Не езди в Пошехонье...

Улыбаясь, мы идем на рельсы;
Телеграфная проволока
Загудела;
Грозовеет облако, –
К буре дело.

Попробуй тут, рассвирелься!..

1911

НА ПРЕМЬЕРЕ

Овеяв желание грёзовым парусом,
Сверкая устовым колье,
Графиня ударила веером страусовым
Опешенного шевалье.

Оркестромелодия реяла розово
Над белобархатом фойэ.
Графиня с грацией стрекозовой
Кусала шоколад-кайэ.

Сновала рассеянно блесткая публика
Из декольтэ и фрачных фалд.
А завтра в рецензии светскою рубрикой
Отметится шикарный гвалт.

1911

ДИССО-РОНДО

Ожили снова желанья...
Воспоминаний папирус
Снова ветреет, как парус,
И в бирюзе умиленья
Призрак слияния вырос.

Блекло-сафировый ирис
Вяло поет новолунье,
Льется душа снова через, –
Снова желанья.

Мысли, как сон, испарились
В прямости жизненных линий;
Долго со Злом мы боролись,
Отдых найдем в Аполлоне.
Снова сердца разгорелись,
Снова желанья!

Февраль 1911

ТЕНЬ АПЕЛЬСИННОЙ ВЕТКИ

ИЗ ТИН-ТУН-ЛИНГ

Одиночила в комнате девушка.
Взволновали ее звуки флейты, –
Голос юноши в них... Голос, чей ты?
О, застынь в напряженной мечте ушко!

Чья-то тень на колени к ней падает, –
Из окна апельсинная ветка.
"Разорвал кто-то платье мне метко",
Грезит девушка с тайной отрадою...

Август 1912
Веймарн, мыза "Пустомержа"

ШАНТАЖИСТКА

Так Вы изволите надеяться, что Вам меня удастся встретить
Уж если не в гостиной шелковой, так в жесткой камере судьи?
Какая все же Вы наивная! Считаю долгом Вам заметить:
Боюсь, Вы дело проиграете, и что же ждет Вас впереди?..

Конечно, с Вашею энергией, Вы за инстанцией инстанцию:
Съезд мировой, затем суд округа, потом палата и сенат.
Но только, знаете, любезная, не лучше ль съездить Вам на
станцию,
И там купить билет до Гатчины, спросив в буфете лимонад.

Он охладит Ваш гнев тропический, и Вы, войдя в вагон упруго,
Быть может, проведете весело в дороге следуемый час.
И, может быть, среди чиновников Вы повстречаете экс-друга,
Который – будем же надеяться! – не поколотит вовсе Вас!..

Приехав к месту назначения, Вы с ним отправитесь в гостиницу.
Он, после шницеля с анчоусом, Вам даст... Малагу-Аликант!
Вам будет весело и радостно, Вы будете как именинница,
Ах, при уменьи, можно выявить и в проституции талант!..

Зачем же мне Вы угрожаете и обещаете отместки?
Зачем так нагло Вы хватаетесь за правосудия набат?
Так не надейтесь же, сударыня, что я послушаюсь повестки
И денег дам на пропитание двоякосмысленных ребят!

Ноябрь 1912

ШАНСОНЕТКА ГОРНИЧНОЙ

Я – прислуга со всеми удобствами –
Получаю пятнадцать рублей,
Не ворую, не пью и не злобствую
И самой инженерши честней.

Дело в том, что жена инженерская
Норовит обсчитать муженька.
Я над нею труню (я ведь дерзкая!)
И словесно даю ей пинка.

Но со мною она хладнокровная, –
Сквозь пять пальцев глядит на меня:
Я ношу бильедушки любовныя
От нея, а потом – для нея.

Что касается мужа господского –
Очень добр господин инженер...
"Не люблю, – говорит, – ультра-скотского.
Вот, супруги своей – например..."

. . . .
. . . .
В результатах мы скоро поладили, –
Вот уж месяц как муж и жена.

Получаю конфекты, материи
И филипповские пирожки,
И – на зависть кухарки Гликерии,
Господина Надсона стишки.

Я давно рассчитала и взвесила,
Что удобная должность, ей-ей:
Тут и сытно, и сладко, и весело,
Да вдобавок пятнадцать рублей!

Июль 1913
Веймарн

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА

Св. кн. О.Ф. Имеретинской

На искусственном острове крутобрегого озера
Кто видал замок с башнями? кто к нему подплывал?
Или позднею осенью, только гладь подморозило,
Кто спешил к нему ветрово, трепеща за провал?

Кто, к окну приникающий, созерцания пестрого
Не выдерживал разумом – и смеялся навзрыд?
Чей скелет содрогается в башне мертвого острова,
И под замком запущенным кто, прекрасный, зарыт?

Кто насмешливо каялся? кто возмездия требовал?
Превратился кто в филина? кто – в летучую мышь?
Полно, полно, то было ли? может быть, вовсе не было?..
...Завуалилось озеро, зашептался камыш.

Июнь 1910

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО

Как блёкло ткал лиловый колокольчик
Линялую от луни звукоткань!
Над ним лунел вуалевый эольчик
И, камешки кидая в воду: “кань”,
Чуть шепотал устами, как коральчик...
Он был оно: ни девочка, ни мальчик.

На озере дрожал электробот.
Все слушали поэта-экстазера
И в луносне тонули от забот.
Но призраками Серого Мизэра
Шарахнулся пугающий набат, –
И в отблесках пылающего замка
Умолк поэт, как жалкий акробат...

– Царица Жизнь воспитана как хамка!

Март 1911

НА ГОЛОС ВЕСЕННЕЙ НОВЕЛЛЫ

Обстругав ножом ольховый прутик,
Сделав из него свистящий хлыстик,
Королева встала на распутьи
Двух аллей. И в девственном батисте
Белолильной феей замерла.
Вот пошла к избушке столяра,
Где лежали дети в скарлатине,
Где всегда отточенный рубанок
Для гробов, для мебели, для санок.
Вот и пруд, олунен и отинен,
Вот и дом, огрустен и отьмён.
– Кто стучит? – спросил столяр Семён.
"Королева..." – шепчет королева.
Прохрипели рыжие засовы,
Закричали в отдаленьи совы.
Вспомнилась весенняя новелла:
В ясенях отданье столяру.
Он впустил. Взглянула – как стрелу
Прямо в глаз любовника метнула.
И пошла к отряпенной кроватке.
Смерть и Жизнь над ней бросали ставки.
Было душно, холодно и лунно.
Столяриха билась на полу
И кричала: "дайте мне пилу!"

Ноябрь 1911

ЭСКИЗЕТКА

Сосны качеля, белесо ночело.
Лес печалел в белосне.
Тюли эоля качала Марчелла:
– Грустно весенне усни! –
Точно ребенка, Марчелла качала
Грёзы, меня и весну.
Вот пробесшумела там одичало
Глуше затишия мышь.
Крылья дымели, как саван истлевший.
– Сердце! тебя не поймешь,
Лед запылавший!

Март 1911

ЭГО-РОНДОЛА

Я – поэт: я хочу в бирюзовые очи лилии белой.
Ее сердце запело... Ее сердце крылато... Но
Стебель есть у нее. Перерублю, и...
Белый лебедь раскрыл бирюзовые очи. Очи лилии
Лебедь раскрыл. Его сердце запело. Его сердце
Крылато! Лебедь рвется в Эфир к облакам –
К белым лилиям неба, к лебедям небес!
Небесная бирюза – очи облак. Небо запело!.. Небо
Крылато!.. Небо хочет в меня: я – поэт!

ПРОМЕЛЬК

Ив. Лукашу

Голубые голуби на просторной палубе.
А дождинки капали, – голуби их пóпили.
На просторной палубе голубые голуби
Все дождинки пóпили, а дождинки капали.

1911

ПЯТИЦВЕТ II

В двадцать лет он так нашýстрил:
Проституток всех осёстрил,
Астры звездил, звезды астрил,
Погреба перереестрил.
Оставалось только – выстрел.

1911

В РЕСТОРАНЕ

Граалю-Арельскому

Воробьи на дорожке шустрятся.
Зеленеют кудри кротекуса.
Привезли из Остэндэ устрицы
И стерлядей из Чере́повца.

– Послушайте, вы, с салфеткою,
Накройте мне стол под липою;
И еще я вам посоветую
Не стоять каменной глыбою,
А угостить меня рыбою,
Артишоками и спаржей.
Вы поняли? – "Помилуйте, даже
Очень
И буду точен".

Май 1911

ОТЧАЯНИЕ

Я, разлоконив волосы русые,
Ухватила Петьку за ушко,
В него шепнула: "тебя я скусаю..."
И выпила бокал Клико.

Успокоив его, благоматного,
Я дала ему морковки и чайку
И, закричавши: "Всего приятного!", –
Махнула серной по лужку.

Муж приехал с последним автобусом –
Будничный, потертый манекен...
Я застонала, и перед образом
Молила участи Кармен!..

Май 1912

ПОЭЗА О "MIGNON"

Не опоздайте к увертюре:
Сегодня ведь "Mignon" сама!
Как чаровательны, Тома,
Твои лазоревые бури!

"Mignon"!.. она со мной везде:
И в бледно-палевых гостиных,
И на форелевых стремнинах,
И в сновиденьях, и в труде.

Ищу ли женщину, с тоской
Смотрюсь ли в давнее былое,
Кляну ль позорное и злое, –
“Mignon”!.. она везде со мной!

И если мыслю и живу,
Молясь без устали Мадонне,
То лишь благодаря “Миньоне” –
Грёзовиденью наяву...

Но ты едва ли виноват,
Ее бесчисленный хулитель:
Нет, не твоя она обитель...
О, Арнольдсон! о, Боронат!

Октябрь 1914

БЛАЖЕННЫЙ ГРИША

Когда проезжает конница
Мимо дома с красною крышей,
В кухне дрожит иконница,
Сколоченная блаженным Гришей...

И тогда я его мучаю
Насмешкою над дребезжаньем...
Убегает. И над гремучею
Речкою льет рыданья.

И хотя по благочестию
Нет равного ему в городе,
Он злится, хочет мести,
Мгновенно себя очёртив...

Март 1912

Игорь Северянин. 1910 г.

Игорь Лотарёв. 1893 г. Из коллекции М.Г. Рогозиной

Игорь Лотарёв (крайний слева в первом ряду),
В.П. Лотарёв – отец (крайний справа во втором ряду),
рядом с ним Е.П. Журова – тетя,
М.П. Лотарёв – дядя (в центре) и другие родственники
в доме на р. Суде, близ Череповца.
Конец 1890-х годов. Из коллекции М.Г. Рогозиной

Дом на р. Суде. Из коллекции М.Г. Рогозиной

Л.М. Лотарёва (кузина Лида). 1910 г. Из коллекции М.Г. Рогозиной

Е.М. Лотарёва (кузина Лиля). 1902 г. Из коллекции М.Г. Рогозиной

Кузины
Игоря Лотарёва,
Лидия
и Елизавета Лотарёвы
1900-е годы.
Из коллекции
М.Г. Рогозиной

Е.Т. Гутцан (Менеке)
1900-е годы

К.М. Фофанов
1900-е годы

Дарственная надпись
Игоря Северянина
К.М. Фофанову
на кн. "Колье принцессы"
1910 г.

Поэту Славному дарю я книгу эту
Поэзiи прекрасной короля...
Дарю любовь Великому Поэту
И, какъ Любовь, Его любя!

Авторъ.

Сергiево, Май.
1910 г.

Пѣвица страсти.

(Памяти Мирры Лохвицкой).

Не слышу больше я пѣсенъ страстныхъ,
Горячихъ пѣсенъ, любовныхъ пѣсенъ,
Не вижу взоровъ ея прекрасныхъ,
И міръ печаленъ, и сѣръ, и тѣсенъ.

Темнѣетъ небо, и вянутъ розы;
Тоска мнѣ сердце щемитъ уныло;
Сгубили юность пѣвицы грозы,
Ее толкнули онѣ въ могилу.

Въ могилѣ дѣва—пѣвица страсти!
Какъ иронична, жестока фраза!
И сердце рвется мое на части:
Какъ это скоро! какъ это сразу!

О, какъ контрастно звучатъ два слова:
Смерть—замерзанье, а страсть—кипѣнье!
Ужъ не услышу я пѣсенъ снова,
Не зарыдаю отъ вдохновенья.

Но, что свершилось, то безвозвратно...
Порвались струны, умолкла лира!..
Такъ спи-жъ спокойно: ты намъ понятна,
Пѣвица страсти горячей Мирра!

Князь Олегъ Сойволскій.

Страница сб. Игоря Лотарёва "Мимоза"
с портретом М.А. Лохвицкой. 1906 г.

В.Я. Брюсов. Портрет работы М.А. Врубеля. 1906 г.

Эпилогъ „Эго-Футуризмъ".

1.

Я, геній Игорь-Сѣверянинъ,
Своей побѣдой упоенъ:
Я повсеградно оэкраненъ!
Я повсесердно утвержденъ!

Отъ Баязэта къ Портъ-Артуру
Черту упорную провелъ.
Я покорилъ Литературу!
Взорлилъ, гремящій, на престолъ!

Я — годъ назадъ — сказалъ: „я буду".
Годъ отсверкалъ, и вотъ — я есть!
Я зрилъ въ Олимповѣ Іуду,
Но не его отвергъ, а — месть.

Я одинокъ въ своей задачѣ! —
Прозрѣнно я провозгласилъ.
Они пришли ко мнѣ, кто зрячи,
И, давъ восторгъ, не дали силъ.

Милому — дорогому Валерію Брюсову — Игорь-Северянинъ
1912 XII 8

Дарственная надпись Игоря Северянина В.Я. Брюсову на кн. «Эпилог "Эгофутуризм"». 1912 г.

Ф.К. Сологуб. 1900-е годы

ПОЭЗО-ВЕЧЕРЪ

ИГОРЯ

СѢВЕРЯНИНА.

Листовка поэзовечера Игоря Северянина. 1914 г.

Игорь Северянин
1913 г.

М.В. Домбровская
1915 г.

А.А. Блок
1900-е годы

Игорю-Северянину — поэту съ открытой душой

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

Александръ Блокъ.

Ночные часы

Четвертый сборникъ стиховъ

(1908 — 1910).

Книгоиздательство «Мусагетъ»
Москва - MCMXI

Декабрь 1911.

Дарственная надпись
А.А. Блока
Игорю Северянину
на кн. “Ночные часы”
1911 г.

К.К. Олимпов (Фофанов)
Рис. И.Е. Репина.
1913 г.

Дарственная надпись
Игоря Северянина
К.К. Олимпову
на кн. "Очам твоей души"
1912 г.

Константину Олимпову — дорогому Костѣ Фофанову —
горячо любящій авторъ.
Игорь-Северянинъ.
912. IV, 16.
СПб.

УВЕРТЮРА

Очамъ твоей души—молитвы и печали,
Моя болѣзнь, мой страхъ, плачъ совѣсти моей;
И все, что здѣсь въ концѣ, и все, что здѣсь въ началѣ,—
Очамъ души твоей...

Очамъ души твоей—сиренью упоенье
И литургія—гимнъ жасминовымъ ночамъ;
Все—все, что дорого, что будитъ вдохновенье,—
Души твоей очамъ!

Твоей души очамъ—видѣній страшныхъ клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши!—
Но ты должна принять!.. И плачъ, и хохотъ лиры—
Очамъ твоей души!..

1909. Іюнь.
Мыза „Ивановка".

НЕБОКОПЫ

§ 39. непогребеннымъ вѣренъ
грумъ—Растай въ Алѣющей
Химерѣ костлявый полоска-
тель суевѣрій—Мой умъ.

§ 40. ни Тотъ, ни Та Тебѣ
Единый,
Тебѣ Прозрачный моно-
планъ.
И если возжелалъ звѣри-
нымъ—
Онанъ.

Ив. В. Игнатьевъ

Обложка сб. эгофутуристов “Небокопы”
с фотопортретом И.В. Игнатьева (Казанского). 1914 г.

Д.Д. Бурлюк. 1914 г.

В.Г. Шершеневич. 1916 г.

В. Баян
Рис. В.В. Маяковского
с его автографом. 1914 г.

В.В. Маяковский в киноателье
1918 г.

Г.В. Иванов
Рис. П.В. Митурича. 1915 г.

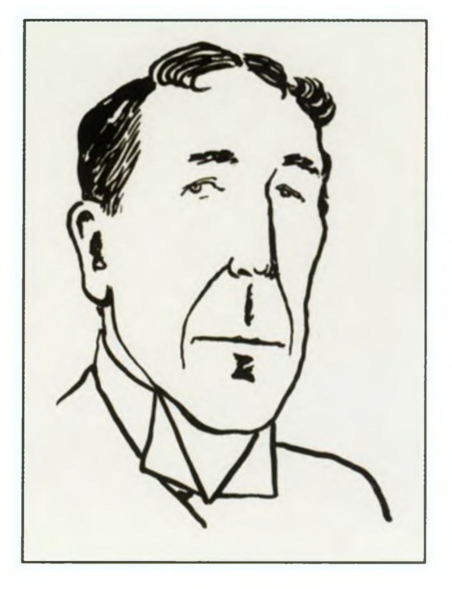
О.Э. Мандельштам, К.И. Чуковский, Б.К. Лившиц, Ю.А. Анненков. 1914 г.

Игорь Северянин. 1933 г.

"И. Северянин в экстазе
при чтении своих стихов"
Шарж А.Е. Кручёных
с припиской В. Хлебникова (?). 1913 г.

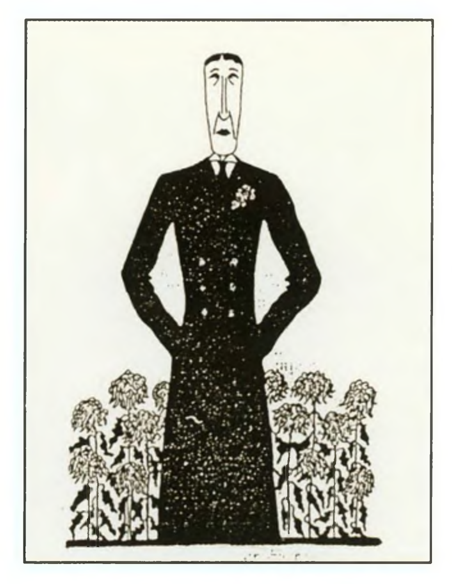
Игорь Северянин
Рис. М.М. Синяковой. 1918 г.

Игорь Северянин
Рис. Н. Войтинской. 1918 г.

"Игорь Северянин – поэзоэтуаль"
Рис. В. Дени (Денисова). 1915 г.

"Игорь Северянин. (Почти не-шарж)"
Художник неизвестен. 1916 г.

"Меньшевик от футуризма
Игорь Северянин". Рис. Тэдди. 1917 г.

Игорь Северянин. Шарж Civis'a
(С. Цивинского). 1929 г.

Игорь Северянин в Чехословакии. 1930-е годы

Ф.М. Круут-Лотарёва
и Игорь Северянин
Тарту. 1931 г.

В.Б. Коренди
1953 г.

Игорь Северянин. 1925 г.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩАЯ ПОЭЗА

Художники! бойтесь “мещанок”:
Они обездарят ваш дар
Своею врожденною соньью,
Своим организмом шарманок;
Они запесочат пожар
В душе, где закон – Беззаконье.

Страшитесь и дев апатичных,
С улыбкой безлучно-стальной,
С лицом, постоянным, как мрамор:
Их лики, из псевдоантичных,
Душе вашей бально-больной
Грозят беспросыпным кошмаром.

Они не прощают ошибок,
Они презирают порыв,
Считают его неприличьем,
“Явленьем дурного пошиба...”
А гений – в глазах их – нарыв,
Наполненный гнойным величьем!..

Июль 1912
Веймарн

CHANSONNETTE

Изящная, среднего роста,
С головкою bronze-oxidé,
Она – воплощение тоста.
Mais non, regardez, regardez!

Пикантная, среднего роста,
Она – героиня Додэ.
Поклонников много, – их до ста.
Mais non, regardez, regardez!

Но женщина среднего роста
Бывает *высокой* en deux...
И надо сознаться, что просто... –
Mais non, regardez, regardez!

Ноябрь 1909

ОНА КРИТИКУЕТ...

– Нет, положительно искусство измельчало,
Не смейте спорить, граф, упрямый человек!
По пунктам разберем, и с самого начала;
Начнем с поэзии: она полна калек.
Хотя бы Фофанов: пропойца и бродяга,
А критика ему дала поэта роль...
Поэт! хорош поэт!.. ходячая малага!..
И в жилах у него не кровь, а алкоголь.
Как вы сказали, граф? до пьянства нет нам дела?
И что критиковать мы можем только труд?
Так знайте ж, книг его я даже не смотрела:
Не интересно мне!.. тем более, что тут
Навряд ли вы нашли б занятные сюжеты,
Изысканных людей привычки, нравы, вкус,
Блестящие бáлы, алмазы, эполеты, –
О, я убеждена, что пишет он "en russe".
Естественно, что нам, взращенным на Шекспире,
Аристократам мысли, чувства и идей,
Неинтересен он, бряцающий на лире
Руками пьяными, безвольный раб страстей.
Ах, да не спорьте вы! поэзией кабацкой
Не увлекусь я, граф, нет, тысячу раз "нет"!
Талантливым не может быть поэт
С фамилией – pardon! – такой... дурацкой.
И как одет! Mon Dieu! Он прямо хулиган!..
Вчера мы с Полем ехали по парку,
Плетется он навстречу, – грязен, пьян;
Кого же воспоет такой мужлан?.. кухарку?!
Смазные сапоги, оборванный тулуп,
Какая-то ужасная папаха...
Сам говорит с собой... взгляд страшен, нагл и туп...
Поверите? – я чуть не умерла от страха.
Не говорите мне: "он пьет от неудач!"
Мне, право, дела нет до истинной причины.
И если плачет он, смешон мне этот плач:
Сантиментальничать ли создан мужичина
Без положенья в обществе, без чина?!..

1908

II. НЕЗАБУДКИ НА КАНАВКАХ

СТИХИ "ДАВНО МИНУВШИХ ЛЕТ"

NOCTURNE

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши...
Всё – душа, и ни души.

Всё – мечта, всё – божество,
Вечной тайны волшебство,
Вечной жизни торжество.

Лес – как сказочный камыш,
А камыш, – как лес-малыш.
Тишь – как жизнь, и жизнь – как тишь.

Колыхается туман –
Как мечты моей обман,
Как минувшего роман...

Как душиста, хороша
Белых яблонь порошá...
Ни души, – и всё – душа!

Декабрь 1908

ТОСКА ПО КВАНТУНУ

О грёза дивная, мне сердца не тирань! –
Воспоминания о прожитом так живы.
Я на Квантун хочу, в мой милый Да-Лянь-Вань,
На воды желтые Корейского залива.

Я в шлюпке жизненной разбился о бурун,
И сердце чувствует развязку роковую...
Я по тебе грущу, унылый мой Квантун,
И, Море Желтое, я по тебе тоскую!..

1904
Петербург

ЗАПАД ПОГАС...

Запад
Погас...
Роса
Поддалась...
Тихо
В полях...
Ива –
Голяк...
Ветрится
Куст...
Зебрится
Хруст...
Ломок
Ледок...
Громок
Гудок...
Во мгле
Полотно...
И склепа
Пятно...

Октябрь 1910

ТРИОЛЕТ

В протяжных стонах самовара
Я слышал стон ее души.
Что было скрыто в песне пара –
В протяжных стонах самовара?
Венчалась ли она в глуши,
Иль умирала дочь Тамара?
Как знать! Но в воплях самовара
Я слышал вопль ее души.

Июль 1909
Мыза "Ивановка"

МОРСКОЙ НАБРОСОК

Е.А.Л.

Тому назад всего два года
На этом самом берегу
Два сердца, в страсти без исхода,
Дрожали, затаив тоску, –
Два женских сердца... Этой дрожью
Трепещет берег до сих пор...

...Я прихожу подъять свой взор
На море, и у гор подножья
Послушать благостную дрожь,
Потосковать душой пустынной
Вновь о вине своей невинной,
Где правду скрашивала ложь...

Август 1912
Эстляндия, Jeve, Тойла

ГРАЦИОЗА

Дмитрию Крючкову

Я нежно хотел бы уснуть,
Уснуть, – не проснуться...
Далёко-далёко уйти,
Уйти, – не вернуться...

Хотел бы ее целовать,
Почти не целуя:
Словами ведь грубо сказать,
Как тонко люблю я...

Не страсти хочу, не огня,
И боли слиянья,
Чтоб телом к ней в тело войти,
Войти для страданья...

Хочу я не тела ее,
Но лишь через тело
Прочувствовать душу могу
Всецело...

Октябрь 1911

PRÉLUDE II

Мои стихи – туманный сон.
Он оставляет впечатление...
Пусть даже мне неясен он, –
Он пробуждает вдохновение...
О, люди, дети мелких смут,
Ваш бог – действительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймут, –
Его почувствуют, не думая...

1909

“ГДЕ ПРИ ВЗДОХЕ ВЕТЕРКА ПОЕТ ФАРФОР...”

МАНЬЧЖУРСКИЙ ЭСКИЗ

Там, где нежно колокольчики звенят
И при вздохе ветерка поет фарфор,
Еду я, восторгом внутренним объят
Между бархатных полей и резких гор.

Еду полем. Там китайцы сеют рис;
Трудолюбьем дышат лица. Небеса
Ярко сини. Поезд с горки сходит вниз.
Провожают нас раскосые глаза.

Деревушка. Из сырца вокруг стена.
Там, за ней, фанзы приземисты, низки.
Жизнь скромна, тиха, убога, но ясна –
Без тумана русской будничной тоски.

Пасть раскрыл свою, на нас смотря, дракон,
Что из красной глины слеплен на фанзе.
Я смеюсь: мне грозный вид его смешон.
Село солнце, спит трава в сырой росе.

1905

ЭСКИЗ

Клубится дым при солнце зимнем,
Несется в дебри паровоз;
Причудлив он в хитоне дымном,
В хитоне смутном, как хаос.

Снег лиловатого оттенка
Пылит под небом голубым.
Вдали темнеет леса стенка,
А дым – как снег, и снег – как дым.

Декабрь 1908
Лигово. Вагон

ТРАУРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Умирала лилия лесная...

К. Фофанов

Умерла она в пору августа,
Когда зелень трав и дубрав густа,
Когда в воздухе вкус малиновый,
Когда ночь дрожит в тьме осиновой.
Умерла она, ясно ведая,
Что такое смерть, храбро следуя
За давнишними пожеланьями
Молодой уснуть, с колебаньями
Незнакомая... И правдивая,
И невинная, и красивая!..
Умерла она, сделав грустно нам...
К ней путем идем, болью устланным,
На могилу к ней, одинокую,
Как она была, на далекую...
Там помолимся о душе ее:
– Да прославится имя твое!

Июнь 1909

ЦАРИЦА ИЗ ЦАРИЦ

В моей душе – твоих строфа уст,
И от строфы бесплотных уст
Преображаюсь, словно Фауст, –
И звук любви уже не пуст.

Как в Маргариту юный Зибель –
В твой стих влюблен я без границ,
Но ждать его не может гибель:
Ведь ты – царица из цариц!

Ноябрь 1908

ОТТОГО И ЛЮБЛЮ

Я люблю сердечно, безрассудно,
Безотчетно всю, как есть, тебя!
Но за что люблю, я знаю смутно,
А верней – совсем не знаю я.
Как тебя целую! как милую!
Ты со мной – смеюсь, а нет – грущу...
Оттого тебя ведь и люблю я,
Что любви причины не ищу!..

1907

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ

...То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.

Святыни нет для сердца святотатца,
Как доброты у смерти... Заклеймен
Я совестью, и мне ли зла бояться,
Поправшему любви своей закон!

Но грешники – безгрешны покаяньем,
Вернуть любовь – прощение вернуть.
Но как боюсь я сердце обмануть
Своим туманно-призрачным желаньем:

Не месть ли то? не зависть ли? сгубить
Себя легко, и свет небес не видеть...
Что ж это: зло старается любить
Или любовь мечтает ненавидеть?..

1908

БУКЕТ ЗАБВЕНЬЯ

Я погружу в букет душистый
Лицо и душу погружу.
И лес ресниц твоих пушистый,
Пушистый лес воображу.

Я озарял его, сжигая
Доверья хрупкие костры...
О, дорогая-дорогая
С душой любовницы-сестры!

Но то ушло, пришло другое...
Того, что было, не спасти...
О, дорогое-дорогое,
Мое далекое, прости!

Прости и ты, мой ангел чистый,
Краса и гордость бытия!
Бросаю жизнь в букет душистый
И захлебнусь в букете я.

Май 1910
Мыза "Ивановка"

BERCEUSE ТОМЛЕНИЯ

Я люблю тебя нежнее
Белой лилии,
Я пою тебя волшебней
Сказок фей.
Я беру тебя в аллее
Весь – воскрылие,
В поэтическом молебне
Чародей.

К груди грудь, во взоры взоры!
Вешней лени я
Не осилю – ах, нет мочи, –
Я в плену.
Мне, мерещатся озера
Из томления.
В них все глубже, все жесточе
Я тону.

Май 1913
Веймарн

МЕЛЬНИЦА И БАРЫШНЯ

Постарела труженица-мельница,
На горе стоит, как богодельница;
Под горою барышня-бездельница
Целый день заводит граммофон
На балконе дачи; скучно барышне:
Надоел в саду густой боярышник,
А в гостиной бронза и плафон.
Я смотрю, вооруженный... лупою:
Граммофон трубой своею глупою
Голосит, вульгаря и хрипя,
Что-то нудно-пошлое, а дачница,
В чем другом, но в пошлости удачница,
Ерзает на стуле, им скрипя...
Крылья дряхлой мельницы поломаны,
Но дрожат в обиде, внéмля гомону
Механизма, прочного до ужаса,
И пластинкам, точным до тоски...

Ветра ждет заброшенная мельница,
Чтоб рвануться с места и, обрушася,
Раздавить ту дачу, где бездельница
С нервами березовой доски...

От жары и "музыки" удар меня,
Я боюсь, вдруг хватит, и – увы!..
Уваженье к мельнице, сударыня,
Здесь она хозяйка, а не вы!

Лето 1911
Дылицы

МИНЬОНЕТЫ

1

Да, я хочу твоих желаний,
Да, я люблю твое "люблю"!
Но мы уйдем туда, где – лани,
Уйдем: здесь больно, я скорблю.
Лишь там тебе, моей Светлане,
Я расскажу, я распою,
Как я хочу твоих желаний,
Как я люблю твое "люблю"!

2

Ловлю печаль в твоей улыбке
И тайный смех в твоих слезах...
Твои глаза блестят, как рыбки,
Но сердце – в смутных голосах.
Ты в заблужденьи, ты в ошибке!
Топлю глаза в твоих глазах, –
И снова – смех в твоей улыбке,
И снова – грусть в твоих слезах!

Март 1910

ОДИН БЫ ЛЕПЕСТОК!..

Мне тайно верится, что ты ко мне придешь,
Старушка-девушка, согбенная в позоре,
И взором бархатя затепленные зори,
Мне тайно верится – ты бодро расцветешь.

Мне тайно верится – ты все еще грустишь
О том, что сказано, о том, что не успето...
О, разберись в пыли истлевшего букета:
Один бы лепесток! – и ты меня простишь,
Мне свято верится!..

Февраль 1910

ЧЬИ ГРЁЗЫ?..

Я пить люблю, пить много, вкусно,
Сливаясь пламенно с вином.
Но размышляю об одном
И не могу решить искусно.

Да, мудрено решить мне это
(И в этом не моя вина!):
Поэт ли хочет грёз вина,
Вино ли просит грёз поэта?

1909

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(АРИЯ ЛОТАРИО)

Спи-усни, дитя-Миньона,
Улыбаяся шутя...
Спи-усни, без слёз, без стона,
Утомленное дитя.

Замок спит, и спят озера,
Позабудь скитаний дни,
С голубой надеждой взора
Незабудкою усни.

Сердце, знавшее уроны
Зачаруй в уютном сне, –
И растает грусть Миньоны,
Как снежинка по весне.

Ноябрь 1908

МАДРИГАЛ

Ал.Ал. Наумовой

Часто вы мне грезитесь фиалкой –
Этим нежным, ласковым цветком;
Иногда – таинственной русалкой,
Воплощенной грезящим умом.
Иногда – принцессой кроткой, хрупкой,
Милосердной даже к комару;
И всегда – свободною голубкой,
Ввысь летящей к правде и добру!

1907

ПОВСЕМЕСТНАЯ

Ее глаза, глаза газели,
Синеют в усиках ресниц.
Она опустит очи ниц,
И щеки вдруг зарозовели.

В устах змеящийся укус,
Лицо меняет беспрестанно.
И волосы, длиннее стана,
Немного приторны на вкус.

Бескрылой похоти раба,
Она приниженно кичлива.
Эскиз готов. Пошлоречива
Моей натурщицы судьба.

Июнь 1911
Елисаветино

ПО ВОСЕМЬ СТРОК

I

Вы стоите на палубе за зеркальною рубкою
И грызете, как белочка, черносливную косточку...
Вы – такая изящная и такая вы хрупкая,
Вы похожи на девочку и немного на ласточку.
Улыбаются весело два матроса у румпела,
Капитан донжуанствует, вам стихи декламируя,
О таинственном крейсере, о голубке под куполом,
То чаруя Мореллою, то Дарьяльской Тамарою...

1910

II

Карменсите

В тебе столько нежности тихой,
Но, время бездумно влача,
Ты скрыла ее под шумихой
Такого ж бездумного дня.
Но в каждом движеньи плеча
И в склоне твоем над гречихой –
В тебе столько нежности тихой...
О, если б она для меня!

1910
Саблино

III

Я приду к тебе, еврейка,
В звездном плеске сонных струй.
Отворяй-ка поскорей-ка,
Отвори и не горюй!
За любовь плати любовью,
За измену отомсти:
По холмистому горбовью
Труп мой в озеро спусти...

1910

РОНДЕЛЬ

От Солнца я веду свой древний род!

Мирра Лохвицкая

“От Солнца я веду свой род!” –
Сказала доблестная Саба.
В краю банана, змей и краба
Жил впечатлительный народ.
Царь слов обратно не берет,
Когда звучат слова не слабо...
“От Солнца я веду свой род!” –
Сказала доблестная Саба.
Всегда венец! всегда вперед! –
Вот лозунг знойного араба.
Но в небе грянула гроза бы,
Когда бы смел воскликнуть “крот”:
– От Солнца я веду свой род!

1911

ПОЛУСОНЕТ

Твои горячие кораллы
Коснулись бледного чела,
Как сладострастная пчела, –
И вот в душе звучат хораллы.
Моя тоска меня карала,
И я не пел, и петь не мог.
Но ты сняла с души забрало
И с песни рыцарской – замок.

Без жизни жизнь и сон без сна
Теперь окончены. Весна
Моей любви поет и трелит...

Спеши вдыхать весны цветок,
Спеши! И радости поток
Нас захлестнет, но не разделит!

1909

ВАНДА

ОКТАВЫ

Посв. В.В. Уварову-Надину

1

Грустила ночь. При чахлом свете лампы
Мечтала Ванда, кутаясь в печаль;
Ей грезился дурман блестящей рампы,
Ей звуков захотелось, – и рояль
Ее дразнил прелюдией из “Цампы”.
Она встает, отбрасывая шаль,
И медленно подходит к пианино
Будить его от грезящего сплина.

2

А ночь глядит в растворенную дверь,
Вся трепеща и прислонясь к веранде...
Как девушка взволнована теперь!
Как дышит ночь душисто в душу Ванде!
Мотив живит... И если б *вечный* зверь
Его услышал, если б зверской банде
Он прозвучал – растроганное зло,
Хотя б на миг, любовью мысль зажгло.

3

...О, чаровница-музыка, тебе
Крылю восторг, пылаю фимиамы!
О власти мысль внушаешь ты рабе,
Ребенка устремляешь к сердцу мамы,
Туманишь зло, зовешь любовь к себе
И браку душ поешь эпиталамы.
Тебе дано пороки побороть,
Гармония, души моей Господь...

Ноябрь 1908

НАСМЕШКА КОРОЛЯ

Властитель умирал. Льстецов придворных стая
Ждала его конца, сдувая с горностая
Одежды короля пылинки, между тем
Как втайне думала: “когда ж ты будешь нем?”

Их нетерпение заметно королю,
И он сказал, съев ломтик апельсина:
– О, верные рабы! Для вас обижу сына:
Я вам отдам престол, я сердце к вам крылю! –

И только он умолк, – в разнузданности дикой
Взревели голоса, сверкнули палаши.
И вскоре не было у ложа ни души, –
Лишь двадцать мертвых тел лежало пред владыкой.

Июль 1911
ст. Елисаветино, село Дылицы

ЛЕОНИДУ АФАНАСЬЕВУ

“У плотины старой мельницы...”
Леонид Афанасьев

Ваши милые мелодии,
Где воспели вы наш сад,
Как волшебные рапсодии –
Души многих вдохновят.

Так любовна и так красочна,
Друг мой, ваша акварель;
Целомудренна и сказочна,
Как на севере апрель.

Если снова на свободе я
Заберусь в мой старый сад,
Приезжайте, – и мелодии
Ваши снова зазвучат!

1908

ОТВЕТ Л. АФАНАСЬЕВУ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ

Ты шел дорогою проезжей,
И был твой шаг трудолюбив,
А я парил в лазури вещей,
Весь мир в осколки раздробив!

Ты робко пел и робко шел ты,
Боясь прохожих обогнать...
Лист зеленел, потом стал желтый, –
Зазеленеет ли? – Как знать!

Ты изменил Луне и Нимфе,
Изменой поругав сердца...
Но пусть шалаш твой на Олимпе –
Напротив моего дворца!

1910

ИЗМЕНА МАЯ

Я родился в мае, месяце весеннем,
Звонком и веселом,
Шумном и душистом,
И сказали розы: "Мы тебя оденем
Светлым ореолом –
Как молитва чистым".

Улыбнулось солнце, солнце засверкало,
Ласковым приветом
Чествуя рожденье;
Солнце загорелось, запылало ало
И зажгло поэтом
С искрой вдохновенья!

Разодет цветами с детской колыбели,
Я запел соловкой
Радостно и звонко,
Запечатлевая мир, где все скорбели,
Юною головкой
И душой ребенка.

Время шло, – и солнце потускнело в тучах,
Лаской не блестело,
Злоба песнь косила;
Опадали розы при ветрах летучих,
Истомилось тело,
Притупилась сила.

Время шло... И радость дней моих весенних
Растопилась в слёзах,
Сердцу не внимая;
И теперь я пла́чу, пла́чу на коленях
О погибших грёзах,
Об измене мая!

Февраль 1908

НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ

В детстве слышал я ночами
Звуки странного мотива.
Инструмент, мне неизвестный,
Издавал их так красиво.

Кто играл? на чем? – не знаю;
Все покрыто тайной мглою;
Только помню, что те звуки
Власть имели надо мною.

Их мотив был так чарующ,
Так возвышен, полон ласок;
Вместе с тем печален, страшен –
Описать его нет красок.

Я боялся этих звуков,
Их таинственного свойства,
Но когда я их не слышал,
Я был полон беспокойства.

Я любил, когда незримый
Музыкант играл ночами;
Я лежал в оцепененьи
С удивленными очами;

Я лежал в своей кроватке,
Щуря глазки, и, дыханье
Затаив, ловил так жадно
Их гармонию рыданья.

Звуков больше я не слышу.
Что они мне предвещали?
Счастье ль в мире равнодушья
Или горе и печали?

Не нашел себе я счастья, –
Звуки горе мне напели:
Я боялся их недаром
С безмятежной колыбели.

А любил я их, мне мнится,
Потому, что эти звуки
Мне сулили счастье в смерти,
На земле напев лишь муки.

Знает кто? быть может, струны
Пели мне слова Завета:
"Кто страдает в царстве мрака,
Насладится в царстве света".

8 октября 1903
Квантун, порт Дальний

NOCTURNE

Струи лунные,
Среброструнные,
Поэтичные,
Грустью нежные, –
Словно сказка вы
Льетесь, ласковы,
Мелодичные
Безмятежные.

Бледно-палевы
Вдруг упали вы
С неба синего;

Льетесь струями
Со святынь его
Поцелуями,
Скорбь сияния...
Свет страдания...

Лейтесь, вечные,
Бесприютные –
Как сердечные
Слезы жаркие!...
Вы, бескровные,
Лейтесь, ровные, –
Счастьем мутные,
Горем яркие...

Сентябрь 1908

ПЕРЕКАТ II

Как эта грустная обитель,
Твое сердечко опустело.
Любовь, как ясный небожитель,
В нем больше жить не захотела.

И вот глаза твои тоскливы,
Как эта грустная обитель.
Они угрюмы и пугливы,
Когда увидят белый китель.

Я понимаю: обольститель
Убил любовь в тебе изменой,
Как эта грустная обитель
Вступает в бой с морскою пеной!

Дитя, взгляни: волна обратно
Бежит покорно. Так Спаситель
Тебя хранит, – ты благодатна,
Как эта грустная обитель.

Декабрь 1908

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

С новолетьем мира горя –
С новым горем впереди!
Ах, ни счастья, ни отрады,
Ни сочувствия не жди!

Проследи печальным оком
Миновавшие года:
Не дождался от них счастья, –
Не дождешься никогда.

А с какою ты надеждой
Им судьбу свою вверял,
Верил в сбыточность мечтаний
И надеялся, и ждал.

Не ищи в унылой тундре
Ароматных ярких роз, –
Не ищи любви и счастья
В мире муки, в мире слез.

Не дождался – не дождешься,
Боль была и есть в груди...
С новолетьем мира скорби –
С новой скорбью впереди!..

2-го янв<аря> 1908

ВСЁ ТО ЖЕ

Всё те же краски, те же типы
В деревьях, птицах и цветах:
Как век назад – сегодня липы,
Как век вперед – любовь в мечтах.

Строй мирозданья одинаков,
Почти разгадан, скуп и плоск.
Но есть значение без знаков.
Есть знак, расплывчатый, как воск.

Июль 1909
Мыза "Ивановка"

* * *

...То будет впредь, то было встарь...
Он полюбил Мечту, рожденную мечтою,
И первую любовь, заворожен святою
Своей избранницей, принес ей на алтарь.

Но полюсом дышал ее далекий взор,
От веянья его увяли в сердце розы,
   В глазах замерзли слезы...
И треснул форм Мечты безжизненный фарфор!
   – Фарфоровые грёзы! –

Апрель 1908

ПРОБА ПЕРА

Полна чаруйных разочарований
   Весна в лесу:
Крестьянку в ало-синем сарафане
   На полосу
Хлебов, вчера посеянных, жду в полдень,
      Но –
   И сыро, и темно,
   И день так холоден...

Июль 1914
Мыза "Ивановка"

ЦВЕТЫ И ЯДОЦВЕТЫ

Цветы не думают о людях,
Но люди грезят о цветах...
Цветы не видят в человеке
Того, что видит он в цветке...

Цветы людей не убивают –
Цветы садов, цветы полей...
А люди их срывают часто!
А люди часто губят их!

Порою люди их лелеют,
Но не для них, а для себя...
В цветах находят “развлеченье”,
Души не видят у цветов...

Нет тяжелее и позорней
Судьбы доступного цветка!
Но есть цветы с иным уделом:
Есть ядовитые цветы!..

Их счастье в том, что их расцвета
Не потревожит человек...

Февраль 1911

ПРОМЕЛЬК

Янтарно-гитарные пчелы
Напевно доили азалии,
Огимнив душисто-веселый
Свой труд в изумрудной Вассалии.

Июль 1911
Дылицы

МИРРЭТЫ

Зоюсе

В березовом вечернем уголке
С тобою мы на липовой скамейке,
И сердце бьется зайчиком в силке.
Олуненные тени, точно змейки,
То по песку, то по густой аллейке
В березово-жасминном уголке.

Жасмин – мой друг, мой верный фаворит:
Он одышал, дитя, твое сердечко, –
Оно теперь душисто говорит,
Оно стрекочет нежно, как кузнечик.
Да освятится палевый наш вечер,
И ты, жасмин, цветущий фаворит!

1911

ЛЕПЕСТКИ ОЖИВАЮТ...

Эти люди не в силах загрязнить то, что я любил в тебе; их слова падали подобно камням, брошенным в небо и неспособным смутить ни на минуту ясной его лазури...

М. Мэтерлинк

Помнишь, Женя? – это было в мае,
Года два, мой друг, тому назад.
Если ты забыла, дорогая,
Не забыл, быть может, старый сад.

Вечерело. Мы вдыхали струи
Ветерка, обнявшего сирень.
Что за речи! что за поцелуи!
Что за чудный незабвенный день!

Подойдя задумчиво к сирени,
Ты роскошный сделала букет
И сказала: “Вот тебе от Жени,
Получай, возлюбленный поэт!”

Засмеялась ласково и нежно,
Я пьянел, вдыхая аромат.
Ты взглянула в очи мне прилежно,
Прошептав: “Мне грустно, милый брат...”

Вздрогнул я, склонился на колени,
Я тебя, голубку, утешал,
И тебе, моей любимой Жене,
Губки, глазки, ручки целовал.

...Мы расстались: мы с тобой “не пара”,
Как сказали “добрые друзья”.
Но нельзя забыть признаний жара
И тебя забыть нельзя, нельзя!

И нельзя забыть былого тени,
Эти раз любившие сердца,
Этот вздох, душистый вздох сирени,
Эти ласки, ласки без конца!

До сих пор, тревожа и волнуя
Душу мне, палят мои уста
Эти, только наши, поцелуи
Под охраной нашего куста.

О, когда б вернулись чувства мая,
Чувства наши светлые назад!
Помнишь, Женя? Помнишь дорогая?
Если ты забыла, помнит сад.

Февраль 1908

СЕРДЦЕ МОЕ...

Сердце мое, этот колос по осени,
Сжато серпом бессердечия ближнего,
Сжато во имя духовного голода,
В славу нетленных устоев Всевышнего.

Пусть же слепые жнецы, бессознательно
Сжавшие сердце мне многолюбивое,
Им напитаются с мысленным отблеском
Радуги ясной, сулящей счастливое.

Август 1908
Мыза "Ивановка"

МОЛЧАНЬЕ ШУМА

Убийцей жизни, мысли пробужденья,
Порывов светлых, воздуха и грёз –
Преступным городом – убийцей вдохновенья –
Ползу среди ударов и угроз.

Ползу без направленья, без сознанья,
Без чувств, без глаз, без слуха и без сил...
И шумом города смеется мне Молчанье
Мертвее, безнадежнее могил.

Март 1908
Петербург

ЧТО ТАКОЕ ГРЁЗА?

Что такое – грёза? Что такое – грёза?
Это мысль о розе, но еще не роза...

Что такое – грёза? Что такое – грёза?
Это бархатисто-нежная мимоза...

Что такое – грёза? Что такое – грёзы?
Это серафима блещущие слёзы!

Май 1909
Мыза "Ивановка"

СТАНСЫ

Счастье жизни – в искрах алых;
В просветленьях мимолетных,
В грёзах ярких, но бесплотных,
И в твоих очах усталых.

Горе – в вечности пороков,
В постоянном с ними споре,
В осмеянии пророков
И в исканьях счастья – горе.

1907

ТРИОЛЕТ

П.А. Ларионову

Мне что-то холодно... А в комнате тепло:
Плита натоплена, как сердце нежной лаской.
Я очарован сна загадочною сказкой,
Но всё же холодно, а в комнате тепло.
Рассудок замер. Скорбь целует мне чело
Таинственная связь грозит своей развязкой,
Всегда мне холодно... другим всегда тепло!..
Я исчервлён теплом, как сердце – едкой лаской...

Май 1909
Мыза "Ивановка"

Соловей

Поэзы

Борису Верину –
Принцу Сирени

Вы – Принц Фиолевой Сирени
И друг порхающей листвы.
Весенней осени, осенней
Весны нюанс познали Вы...

Эти импровизации в ямбах выполнены в 1918 г.,
за исключениями, особо отмеченными,
в Петербурге и Тойле

ИНТРОДУКЦИЯ

Я – соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы, –
Поймут меня, певца весны.

Я – соловей, я – сероптичка,
Но песня радужна моя.
Есть у меня одна привычка:
Влечь всех в нездешние края.

Я – соловей! на что мне критик
Со всей небожностью своей? –
Ищи, свинья, услад в корыте,
А не в руладах из ветвей!

Я – соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

Март
Toila

ЭСТ-ТОЙЛА

За двести верст от Петрограда,
От станции в семи верстах,
Тебе душа поэта рада,
Селенье в ёловых лесах!

Там блекнут северные зори,
Чьи тоны близки к жемчугам,
И ласково подходит море
К головокружным берегам.

Как обольстительное пойло, –
Колдуйный не́ктар морефей, –
Влечет к себе меня Эст-Тойла
Волнами моря и ветвей.

Привет вам, шпроты и лососи,
И ракушки, и голоса,
Звучащие мне на откосе, –
Вы, милые мои леса!

Давно я местность эту знаю,
Ее я вижу часто в снах...
О, сердце! к солнцу! к морю! к маю!
К Эст-Тойле в ёловых лесах!

7 января
Toila

ОПЯТЬ ВДАЛИ

И вот опять вдали Эст-Тойла
С лазурью волн, с ажурью пен.
Конь до весны поставлен в стойло, –
Я снова взят столицей в плен.

Я негодую, протестую,
Но внемля хлебному куску,
Я оставляю жизнь простую,
Вхожу в столичную тоску.

О, как мучительно, как тонко
Моя душа оскорблена!..
...Проходит тихая эстонка,
В чьих косах – рожь, лён и луна.

Идет, – Альвина или Лёйла, –
Береговою крутизной.
Идет века. Прости, Эст-Тойла,
И жди меня во влажный зной!

9 января
Петроград

АХ, ЕСТЬ ЛИ КРАЙ

Ах, есть ли край? ах, края нет ли,
Где мудро движется соха,
Где любит бурю в море бретлинг
И льнет к орешнику ольха?

Где в каждом доме пианино
И Лист, и Брамс, и Григ, и Бах?
Где хлебом вскормлена малина
И привкус волн морских в грибах?

Где каждый труженик-крестьянин
Выписывает *свой* журнал
И, зная ширь морских скитаний,
Порочной шири ввек не знал?

Где что ни местность – то кургауз,
Спектакли, тэннис и оркестр?
Где, как голубка, девствен парус, –
Как парус, облик бел невест?

Ах, нет ли края? край тот есть ли?
И если есть, что то за край?
Уж не Эстляндия ль, где, если
Пожить, поверить можно в рай?..

Январь
Петроград

НА ЛЫЖАХ

К востоку, вправо, к Удреасу,
И влево – в Мартс и в Изенгоф,
Одетый в солнце, как в кирасу,
Люблю на лыжах скользь шагов.

Колеса палок, упираясь
В голубо-блёсткий мартный наст,
Дают разгон и – черный аист –
Скольжу, в движеньях лыжных част.

О, лыжный спорт! я воспою ли
Твою всю удаль, страсть и воль?
Мне в марте знойно, как в июле!
Лист чуется сквозь веток голь!

И бодро двигая боками,
Снег лыжей хлопаю плашмя,
И все машу, машу руками,
Как будто крыльями двумя!..

Январь
Петроград

В РЕВЕЛЬ

Упорно грезится мне Ревель
И старый парк Катеринталь.
Как паж влюбленный королеве
Цветы, несу им строфосталь.

Влекут готические зданья,
Их шпили острые, – иглой, –
Полуистлевшие преданья,
Останки красоты былой.

И лабиринты узких улиц,
И вид на море из домов,
И вкус холодных, скользких устриц,
И мудрость северных умов.

Как паж влюбленный к королеве,
Лечу в удачливый четверг
В зовущий Ревель – за Иеве,
За Изенгоф, за Везенберг!

Январь
Петроград

ЛЕЙТЕНАНТ С.

Вы не слыхали про поэта,
Поэта лейтенанта С.?
В нем много теплоты и света,
И море милое, и лес.

Он сын Случевского. По крови
И духу сын... В лазори строк –
Он белый голубь. На Нарове
Его именье “Уголок”.

Не подходите, как к Синаю,
К нему, а просто, как к стеблю...
Пятнадцать лет его я знаю
И ласково его люблю.

Люблю я грусть элегий “С моря”,
Посланий молодой жене,
В которых он, природе вторя,
Так родственен, так близок мне.

Он чистотой доступен детям,
И нежно я его пою.
Поэт погиб на тридцать третьем
В Цусимском горестном бою.

Сосед Эстляндии волшебной,
Воспевший Гогланд, край чудес,
Тебе мой поздний гимн хвалебный,
Мне – книга лейтенанта С.

Январь
Петроград

У СОЛОГУБА

Жил Сологуб на даче Мэгар,
Любимый, старый Сологуб,
В ком скрыта магия и нега,
Кто ядовит и нежно-груб...

Так в Тойле прожил он два лета
На крайней даче, у полей
И кладбища, и было это
Житье мне многого милей.

Из Веймарна к нему приехать
Мне нравилось в рассветный час,
Когда, казалось мне, утеха –
Искать в траве росы алмаз.

Я шел со станции, читая
Себе стихи, сквозь холодок.
Душа пылала молодая,
И простудиться я не мог.

Я приходил, когда все спали
Еще на даче, и в саду
Бродил до полдня, и в опале
Тумана нюхал резеду...

Январь
Петроград

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

А вечерами матиола
Нас опьяняла, как вино,
И строфам с легкостью Эола
Кружиться было суждено.

Ночами мы пикниковали,
Ловили раков при костре,
Крюшон тянули и едва ли
В постель ложились на заре...

Второе лето на курорте
И я с ним вместе проводил.
То были дни, когда о торте
И сам кондитер не грустил...

Когда проехаться в вагоне
Еще ребенок рисковал,
Когда Herr Брюкман в пансионе
Вино открыто продавал...

День стоил не бумажек тридцать,
А три серебряных рубля,
Что могут ныне появиться
Лишь разве в замке короля!..

Январь
Петроград

ЦАРИЦА РУССКОГО СТИХА

Поэма Лохвицкой "У моря",
Где обрисован Петергоф,
Мне грёзы красочно узоря,
Волшбит меня ажуром строф.

И Миррой Балтика воспета,
Царицей русского стиха,
Признавшей тьму во имя света
И добродетель для греха!..

Бывала ли она в Иеве?
Ходила ль в сосны на обрыв?
И пел ли ей, как королеве,
О светлом Эрике залив?

Он славил ли ее, как Ингрид,
Как королеву королев?
С тех пор, как склеп для Мирры вырыт,
Он заскорбел ли, поседев?

Не знаю я. Никто не знает.
То тайна Мирры и волны.
Но взор увидеть ожидает
Ее в сиянии луны.

Она мертва? Она воскреснет!
Она не может не ожить!
Она споет такие песни,
Что перестанет мир тужить!

Январь
Петроград

ДВА ОСТРОВА

За постом Мартсом, в острых соснах,
Над морем высится обрыв
Для грезящих и безвопросных
В житейской прозе, – тех, кто жив!

Оттуда (там меня не троньте:
Мне ваши дрязги не нужны!)
Два острова на горизонте
В погоду ясную видны.

Пою обрыв, который вогнут
По направленью к ним дугой.
Один из них зовется Гогланд,
И Белым – маленький, другой.

Их контуры маняще-четки,
Влекущи обликом своим.
Лелею мысль: в моторной лодке
Когда-нибудь поехать к ним.

Готовь судно, Василий Крохов,
Ты, обэстоненный рыбак!
А чтобы не было плыть плохо,
Возьмем и водку, и табак!

Январь
Петроград

НАРВА

Я грежу Нарвой, милой Нарвой,
Я грежу крепостью ее,
Я грежу Нарвой, – тихой, старой, –
В ней что-то яркое, свое.

О, город древний! город шведский!
Трудолюбивый и простой!
Пленён твоей улыбкой детской
И бородой твоей седой.

Твой облик дряхлого эстонца
Душе поэта странно-мил.
И твоего, о Нарва, солнца
Никто на свете не затмил!

Твоя стремглавая Нарова
Галопом скачет в Гунгербург.
Косится на тебя сурово
Завидующий Петербург.

Как не воспеть твою мне честность
И граждан дружную семью,
И славную твою известность,
И... проституцию твою́?

Она, как белая голубка,
Легка, бездумна и чиста!
О, добрый взгляд! О, лисья шубка!
О, некрасивых красота!

Январь
Петроград

ЮРЬЕВ

Где Эмбах, берег свой понурив,
Течет лифляндскою землей,
Как центр культурный, вырос Юрьев,
Такой радушный и живой.

Он, переназванный из Дерпта,
Немецкий дух не угасил.
В моих стихах найдется лепта
И Юрьеву, по мере сил.

О ты, столетняя крапива,
Нам расскажи про прежний пир,
Про вкус студенческого пива,
Про лязг студенческих рапир;

Нам расскажи о глазках Гретхен,
Сентиментально-голубой,
И о беседке в парке ветхой,
О кознях, деянных тобой...

О романтической эпохе,
О рыцарстве былых времён,
Как упоенны были вздохи,
И как безоблачен был сон!..

Январь
Петроград

ПОЛОВЦОВА-ЕМЦОВА

Я помню вечер, весь свинцовый,
В лучах закатного огня,
И пальцы грезящей Емцовой,
Учившей Скрябину меня.

Играла долго пианистка,
И за этюдом плыл этюд.
А я склонился низко-низко,
И вне себя, и вне минут.

Так властно душу разубрала
Неизъяснимая печаль...
А после Вагнера играла,
И пели пальцы, пел рояль.

Да, пело сердце, пели пальцы
Ее, умеющие петь.
И грёзы, вечные скитальцы,
Хотели, мнилось, умереть.

Деревня тихо засыпала.
Всходило солнце из волны.
Мне в душу глубоко запала
Игра в ночь белую весны.

Январь
Петроград

ЕВГЕНИЮ ПУНИ

Ты помнишь, мне любезный Пуни,
Как ты приехал раз ко мне,
И долго мы с тобой в июне
В полях бродили при луне?

У моря грезили и в парке
Читали новые стихи?
Иль говорили о Петрарке,
Ложась в траву под сень ольхи?

Ты помнишь, милый мой Евгений,
Наш взгляд на женщин и семью?
Что должен жить безбрачно гений
И "за печатями семью"?

И только изредка, налётом,
Врываться в жизнь и, как пчела,
Ее впитав, вернуться к "сотам"
С бесстрастьем лика и чела?

Не раз захватывали страсти
Меня с тех пор, и наш проэкт
Отчасти выполнен, отчасти...
Но мысль и дело – разных сект!..

Январь
Петроград

К АЛЬВИНЕ

Не удивляйся ничему...

К. Фофанов

Соседка, девочка Альвина,
Приносит утром молоко
И удивляется, что вина
Я пью так весело-легко.

Еще бы! – тридцать пять бутылок
Я выпил, много, в десять дней!
Мне позволяет мой затылок
Пить зачастую и сильней...

Послушай, девочка льняная,
Не удивляйся ничему:
Жизнь городская – жизнь больная,
Так что ж беречь ее? к чему?

Так страшно к пошлости прилипнуть, –
Вот это худшая вина.
А если суждено погибнуть,
Так пусть уж лучше от вина!

Январь
Петроград

ПОЧТАЛЬОН

То по шоссе, для шины колком,
То по тропинке через лён,
То утрамбованным просёлком
Велосипедит почтальон.

Он всем знаком. Он старый Перник.
Он служит здесь тридцатый год.
Письмо от Щепкиной-Куперник
Он мне в окно передает.

Я приглашаю на террасу
Его, усталого, зайти,
Чтоб выпить хересу иль квасу
И закусить в его пути.

Он входит очень деликатно
И подвигает стул к столу.
А море благостно-закатно,
Подобно алому стеклу.

Сосредоточенно и ровно
Он пьет токайское вино.
Что пишет мне, Татьяна Львовна?
Но впрочем, кажется, темно.

Январь
Петроград

ЯЛЯ

В вуальной апельсинной шали
Идет в вечерние поля.
Я выхожу навстречу к Яле,
Как в бурю лодка без руля.

Идет насмешливо, но робко.
Так угловато, но легко.
Зигзагами ведет нас тропка,
Ах, близко или далеко?

Я не влюблен в нее нисколько,
Как, впрочем, и она в меня.
Мы лишь слегка флёртуем только –
День изо дня. День изо дня.

Читаются стихи крылато:
Я – ей, и мне в ответ – она.
А небо морем все объято,
Волной захлёстнута луна.

Январь
Петроград

СЛАВА

Мильоны женских поцелуев –
Ничто пред почестью богам:
И целовал мне руки Клюев,
И падал Фофанов к ногам!

Мне *первым* написал Валерий,
Спросив, как нравится мне он;
И Гумилев стоял у двери,
Заманивая в “Аполлон”.

Тринадцать книг страниц по триста
Газетных вырезок – мой путь.
Я принимал, смотря лучисто,
Хвалу и брань – людишек муть.

Корректен и высокомерен,
Всегда в Неясную влюблен,
В своем призвании уверен,
Я видел жизнь, как чудный сон.

Я знаю гром рукоплесканий
Десятков русских городов,
И упоение исканий,
И торжество моих стихов!

Январь
Петроград

ЕЛИЗАВЕТИНО–КИКЕРИНО

Елисаветино! Налево,
От станции в одной версте,
Тоскует дылицкая дева,
По-своему, о красоте...

Дыша Оранской Изабеллой,
Вступаю в лиственный покой.
Молчит дворец меж сосен белый
И парк княгини Трубецкой.

За Дылицами – Вераланцы.
За Пятигорьем – Озерá.
Какие девичьи румянцы!
Жасминовые вечера!

Через Холóповицы прямо
Я прохожу к монастырю
И, на колени встав у храма,
Пою вечернюю зарю.

В моем порыве – глубь бездонья!
Я растворяюсь в тишине
И возвращаюсь чрез Арбонье
При новоявленной луне.

Январь
Петроград

ВЕЙМАРН

Под Веймарном течет Азовка, –
Совсем куриный ручеек.
За нею вскоре остановка.
Там встретит кучер-старичок.

Моей душе, душе вселенской,
Знаком язык цветов и звёзд.
Я еду к мызе Оболенской, –
Не больше трех шоссейных вёрст.

Вдали Большая Пустомержа.
Несется лошадь по росе.
Того и ждешь: вот выбьет стержень:
Ведь спицы слиты в колесе!

Проехан мост. Немного в горку,
И круто влево. Вот и двор.
Княгиня приоткрыла шторку.
И лай собак, и разговор.

Плывет туман от нижней Тормы,
Вуаля бледную звезду.
Зеленые в деревьях штормы,
И пахнут яблони в саду.

Январь
Петроград

АФОРИЗМЫ УАЙЛЬДА

Мы слышим в ветре голос скальда,
Рыдающего вдалеке,
И афоризмы из Уайльда
Читаем, сидя на песке.

Мы, углубляясь в мысль эстета,
Не презираем, а скорбим
О том, что Храм Мечты Поэта
Людьми кощунственно дробим...

Нам море кажется не морем,
А в скорби слитыми людьми...
Мы их спасем и олазорим, –
Возможность этого пойми!

Вотще! В огне своих страданий,
В кипеньи низменной крови,
Они не ищут оправданий
И не нуждаются в любви!

Январь
Петроград

АССОЦИАЦИЯ

Мелькнула сине пелеринка
На крэме платья – за углом...
О Синей Птице Метерлинка
Вдруг в мыслях выявлен излом.

Ассоциация символик,
Как ты захватна иногда!
По смеху узнаю́ я полек, –
По солнцу – таяние льда.

Не женщиной ли морефея
Прикинулась, или жена
Какого-либо Тимофея
В костюмы фей наряжена?!

И в первом случае – за птицей,
За Синей Птицей возгореть!
А во втором – за той “синицей”
Не стоит даже и смотреть.

Январь
Петроград

БЫЛОЕ

Он длится, терпкий сон былого:
Я вижу каждую деталь,
Незначащее слышу слово,
К сну чуток, как к руке – рояль.

Мила малейшая мне мелочь,
Как ни была б она мала.
Не Дельвигу ли Филомела,
Чуть ощутимая, мила?

Люба не Пушкину ли няня?
И не Мюссэ ль – перо Жорж Занд?
Не маргаритка ли – поляне?
И не горошку ль – столб веранд?

Всё незначительное нужно,
Чтобы значительному быть.
Былое так головокружно!
Былого не могу забыть!

Январь
Петроград

ЛЕЙТМОТИВЫ

Всегда мечтательно настроен,
Я жизнь мечтанью предаю.
Я не делец. Не франт. Не воин.
Я лишь пою-пою-пою!

На что мне царства и порфиры?
На что мне та иль эта роль?
За струнной изгородью лиры –
Наикорольнейший король!

На что мне ваших мыслей холод
И политический раздор?
Весенний день горяч и золот, –
И у меня весенний взор!

Благословенны будьте, травы
И воды в зелени оправ!
Виновных нет: все люди правы,
Но больше всех – простивший прав!

Январь
Петроград

КОЛЯСКА

Четырехместная коляска
(Полурыдван-полуковчег...)
Катилась по дороге тряско,
Везя пять взрослых человек.

Две очень молодые дамы
И двое дэнди были в ней.
Был пятым кучер. Этот самый
Стегал ленивых лошадей.

Июльский полдень был так душен,
Кружились злобно овода.
Наряд прелестниц был воздушен.
Сердца же – точно невода.

Их лица заливала краска, –
От страсти или от жары?..
– Вам не встречалась та коляска,
Скажите, будьте так добры?

Январь
Петроград

СТЭЛЛА

Баронессе С.Р.М-ф

Сначала баронесса Стэлла
Прочла "Вы лжете мне, мечты!"
Потом из Грига мне пропела
Во имя *только* Красоты!

О, воплощенная Вервэна!
Античной пластики полна,
Приняла позы под Шопэна
Так отчеканенно она.

Апологетка поз Далькроза,
В окаменелости живой,
То пламенела грозороза,
То поникала головой...

...А я, в Калифа превращенный,
В халате пестром и чалме,
Сидел и, ею опаленный,
Крылил к ней руки в полутьме...

К Калифу руки простирая,
Заглядывала мне в глаза, –
И вновь кружилась, ускользая,
Вся – страсть! вся – трепет! вся – гроза!

А то, ко мне склоняясь близко
И наслаждения суля,
Утонченная одалиска
Отпрядывала, опаля...

В глазах – узор чаруйной боли,
В груди – брожение огней...
А если б вышел я из роли
И женщину увидел в ней?!

Январь
Петроград

ФЕВРАЛЬ

Февраль к Апрелю льнет фривольно,
Как фаворитка к королю.
Апрель, смеясь самодовольно,
Щекочет нервы Февралю.

Ночами снежно-голубыми
Мечтает палевый Февраль,
Твердя Весны святое имя,
О соловье, влекущем вдаль...

Дымящиеся малахиты
(Не море ль в теплом Феврале?)
Сокрыв прибрежные ракиты,
Ползут и тают в блеклой мгле.

Снег оседает. Оседая,
Он бриллиантово блестит.
И на него сосна седая
Самоуверенно глядит.

Осядет снег – седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре:
О, это вздрогнула весна!

5 февраля
Toila

ВЫСШАЯ МУДРОСТЬ

Петру Ларионову

Я испытал все испытанья.
Я все познания познал.
Я изжелал свои желанья.
Я молодость отмолодал.

Давно все найдены, и снова
Потеряны мои пути...
Одна отныне есть основа:
Простить и умолять: “Прости”.

Жизнь и отрадна, и страданна,
И всю ее принять сумей.
Мечта свята. Мысль окаянна.
Без мысли жизнь всегда живей.

Не разрешай проблем вселенной,
Не зная существа проблем.
Впивай душою вдохновенной
Святую музыку поэм.

Внемли страстям! природе! винам!
Устраивай бездумный пир!
И славь на языке орлином
Тебе – на время данный! – мир!

Февраль
Toila

ЯМБУРГ

Всегда-то грязный и циничный,
Солдатский, пьяный, площадной,
С культурным краем пограничный,
Ты мрёшь над лужскою волной.

И не грустя о шелке луга,
Услады плуга не познав,
Ты, для кого зеркалит Луга.
Глядишься в мутный блеск канав.

Десяток стоп живого ямба,
Ругательных и злых хотя б,
Великодушно брошу, Ямбург,
Тебе, растяпа из растяп!

Тебя, кто завтра по этапу
Меня в Эстляндию пошлет,
Бью по плечу, трясу за лапу...
Ползучий! ты мне дал полет!

9 марта
Ямбург

ПО ЭТАПУ

Мы шли по Нарве под конвоем,
Два дня под а́рестом пробыв.
Неслась Нарова с диким воем,
Бег ото льда освободив.

В вагоне заперты товарном, –
Чрез Везенберг и через Тапс, –
В каком-то забытьи кошмарном,
Все время слушали про "шнапс".

Мы коченели. Мерзли ноги.
Нас было до́ ста человек.
Что за ужасные дороги
В не менее ужасный век!

Прощайте, русские уловки:
Въезжаем в чуждую страну...
Бежать нельзя: вокруг винтовки.
Мир заключен, но мы в плену.

14 марта
Ревель

В ХВОЙНОЙ ОБИТЕЛИ

И снова в хвойную обитель
Я возвращаюсь из Москвы,
Где вы меня не оскорбите
И не измучаете вы.

Вы, кто завистлив и бездарен,
Кто подло-льстив и мелко-зол.
Да, гений мудр и светозарен,
Среди бескрылых – он орел.

Как сердцу нестерпимо-грустно
Сознаться в ёловой тени,
Что мало любящих искусство,
Но тем ценней зато они.

Среди бездушных и убогих,
Непосвященных в Красоту,
Отрадно встретить их, немногих,
Кого признательно я чту.

Вы, изнуренные в тяжелых
Условьях жизни городской,
Ко мне придите: край мой ёлов,
В нем – Красота, а в ней – покой.

23 марта
Toila

РЕСКРИПТ КОРОЛЯ

Отныне плащ мой фиолетов,
Берэта бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи –
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим – любовь и песнопенья! –
Недосягаемым стихам.

Я так велик и так уверен
В себе, настолько убежден –
Что всех прощу и каждой вере
Отдам почтительный поклон.

В душе – порывистых приветов
Неисчислимое число.
Я избран королем поэтов –
Да будет подданным светло!

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА

Моя двусмысленная слава
Двусмысленна не потому,
Что я превознесен неправо, –
Не по таланту своему, –

А потому, что явный вызов
Условностям – в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничающих словах.

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали “pastilles”!*

---

* Пилюли (*фр.*).

Неразрешимые дилеммы
Я разрешал, презрев молву.
Мои двусмысленные темы –
Двусмысленны по существу.

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, –
Ведь я лирический ироник:
Ирония – вот мой канон.

ЛЮБИТЕЛИ "ГЕЛИОТРОПА"

"Приказчик или парикмахер,
Еще вернее: maître d'hotel" –
Так в кретиническом размахе
Рычала критика досель.

За что? – за тонкое гурманство?
За страсть к утонченным духам?
За строф нарядное убранство?
Из зависти к моим стихам?

Но кто ж они, все эти судьи –
Холопы или мудрецы?
Искусством бились ли их груди?
Впускали ль их в себя дворцы?

И знают ли они, что значит
Лиловый crème des violettes?
Постигнут ли, как обозначит
Свои рефрэны триолет?

Поймут ли, что гелиотропа
Острей "Crigoria" Риго,
Что, кроме Тулы, есть Европа
И, кроме "русской", есть Танго?..

ВСЕПРИЕМЛЕМОСТЬ

Одно – сказать: “Все люди правы”.
Иное – оправдать разбой.
Одно – искать позорной славы.
Иное – славы голубой.

Холопом называть профана
Не значит: брата – “мужиком”.
Я, слившийся с природой рано,
С таким наречьем незнаком...

Любя культурные изыски
Не меньше истых горожан,
Люблю все шорохи, все писки
Весенних лесовых полян.

Любя эксцессные ликеры
И разбираясь в них легко,
Люблю зеленые просторы,
Дающие мне молоко.

Я выпью жизнь из полной чаши,
Пока не скажет смерть: “пора!”
Сегодня – гречневая каша,
А завтра – свежая икра!..

ЭПИЗОД

На “Сказках Гофмана”, зимою,
Я был невольно потрясен
И больно уязвлен толпою,
Нарушившей чаруйный сон:

Когда в конце второго акта
Злодей Олимпию разбил,
Олимпию, – как символ такта, –
Чью душу Гофман полюбил,

И Гофман закричал от муки
(Ведь он мечту свою терял!) –
Нежданные метнулись звуки:
Вульгарно зал захохотал!..

Я побледнел. Мне больно стало
И стыдно, стыдно за толпу:
Она над драмой хохотала,
Как над каким-то “ки-ка-пу”...

И я не знал, куда мне деться
От острой боли и стыда,
И погрузился в интермеццо
Пред пятым актом – навсегда.

“КАРМЕН”

Кармен! какая в ней бравада!
Вулкан оркестра! Луч во тьме!
О, Гвадиана! О, Гренада!
О, Жорж Бизэ! О, Меримэ!

Кокетливая хабанера,
И пламя пляски на столе,
Навахи, тальмы и сомбреро,
И Аликант в цветном стекле!..

Застенчивая Микаэла
И бесшабашный Дон-Хозэ...
О ты, певучая новелла!
О, Меримэ! О, Жорж Бизэ!

И он, бравурный Эскамильо,
Восторженный торреадор;
И ты, гитанная Севилья,
И контрабанда в сердце гор...

Кармен! И вот – Медея Фигнер,
И Зигрид Арнольдсон, и Гай...
Пускай навеки май их сгинул, –
Но он ведь был, их звучный май!

Пусть время тленно, и сквозь сито
Его просеяны лета, –
Она бессмертна, Карменсита,
И несказанно золота!

ДЮМА И ВЕРДИ

Дюма и Верди воедино
Слились, как два родных ручья.
Блистает солнце. Тает льдина.
Чья драма? музыка к ней чья?

Она дороже амулета
И для души, и для ума.
О, Маргарита – Виолетта,
В тебе и Верди, и Дюма!

Душа элегией объята,
В ней музыкальное саше:
То вкрадчивая Травиата,
Прильнувшая к моей душе.

Элементарна? Устарела?
Сладка? опошлена? бледна?
Но раз душа на ней горела,
Она душе моей родна!

Наивны сморщенные книги
Прадедушек, но аромат,
Как бы ни спорил Каратыгин,
Неподражаемый хранят.

Он, кстати, как-то в разговоре,
Пусть – полном едкого ума,
Поверг меня в большое горе,
Назвав “водицею”... Томá!

АМБРУАЗ ТОМА

Томá, который... Что иное
Сказать о нем, как не – Тома!..
Кто онебесил все земное
И кто – поэзия сама!

Тома – “водица”!.. Как хотите,
Подсуден даже модернист,
Сказавший, – вы меня простите, –
Что композитор... “водянист”!..

Тома, озвучивший Миньону,
Созданье Гётевской мечты,
Кому весь мир воздал корону
За звуки чистой красоты!

Каким же нужно быть чурбаном,
Бездушным, черствым и сухим,
И непробивным барабаном,
И просто гадким и плохим,

Чтобы назвать “Миньону” “нотным
Кваском”, ее не ощутив
И не поняв, о чем поет нам
За лейтмотивом лейтмотив!

О ЧЕМ ПОЕТ?

О чем поет? поет о боли
Больного старика-отца,
Поет о яркой жажде воли,
О солнце юного лица.

О чем поет? о крае смутном,
Утерянном в былые дни,
О сне прекрасном и минутном,
О апельсиновой тени...

О чем поет? о вероломстве
Филины, хрупкой, как газель,
О нежном с Мейстером знакомстве,
О хмеле сладостном недель...

О чем поет мотив крылатый,
Огнем бегущий по крови?
О страстной ревности Сператы,
О торжестве ее любви!

О чем поет? о многом, многом,
Нам близком, нужном и родном,
О легкомысленном, о строгом,
Но вечно юном и живом!

ОБЗОР

В тебя, о тема роковая,
Душа поэта влюблена:
Уже глава сороковая
Любовно мной закруглена.

Я, перечитывая главы,
Невольно ими изумлен:
Они стрекозны и лукавы,
И шелковисты, точно лен.

Какая легкость и ажурность,
И соловейность, и краса!
И то – помпезная бравурность!
И то – невинная роса!

Чего в них нет! в них пульс культуры
И ассонансовый эксцесс,
И стилевой колоратуры
Страна безрáзумных чудес...

В них взгляд на ценности земные,
Омонуменченный момент,
В них волны моря голубые –
Балтийский аккомпанемент.

СОН В ДЕРЕВНЕ

Грассирующая кокетка,
Гарцующая на коне.
Стеклярусовая эгретка –
На пляже méditerrannée.

Навстречу даме гарцовальщик,
Слегка седеющий виконт,
Спортсмэн, флёртэр и фехтовальщик,
С ума сводящий весь beau-monde...

Она, в горжетке горностая,
В щекочущий вступает флёрт,
И чаек снеговая стая
Презреньем обдает курорт.

Ее зовет король рапирный
Пить с мандаринами крюшон,
И спецный хохоток грассирный
Горжеткой мягко придушён…

ТРАКТОВКА СНА

Фелиссе Круут

Зачем приснилась мне гарцунья
И он, неведомый гарцун?..
Уж это не весна ль – чарунья
Испытывает верность струн?..

Не смутные ли это зовы
Воспрянувшей от сна весны?..
Недаром дали бирюзовы,
Недаром небеса ясны…

Недаром в царстве беззаконий,
В повиновении весне,
Не только пламенные кони, –
Гарцуют всадники – во сне…

Недаром взор настроен зорко,
И возникают в сини гор
Она, неведная гарцорка,
И он, неведомый гарцор…

РЕЧОНКА

Меж Тойлою и Пюхаеги –
Ложбина средь отвесных гор.
Спускаясь круто к ней в телеге,
Невольно поднимаешь взор.

В ложбине маленькая речка, –
В июле вроде ручейка, –
(...О, речка, речка-быстротечка!)
Течет... для рачного сачка?!

Уж так мала, уж так никчемна,
Что – для чего и создана?
Но и в нее глядит надземно
Небрезгающая луна...

По ней двухлетняя девчонка
Пройдет, "не замочивши ног"...
Но эта самая речонка
Весной – бушующий поток!

Она внушительна в разливе,
Она слышна за три версты,
Она большой реки бурливей
И рушит крепкие мосты.

Тогда люблю стоять над нею
На сером каменном мосту:
Она бурлит, – я пламенею,
В ней славословя Красоту!

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Нежны berceuse'ные рессоры –
Путь к дорогому "кабаку",
В нем наша встреча, – после ссоры, –
Меж наших вечеров в Баку.

Я пил с армянским мильонером
Токай, венгерское вино.
В дыму сигар лилово-сером
Сойтись нам было суждено.

Походкой быстрой и скользящей,
Мне улыбаясь, в кабинет
Вошли Вы, тот же все блестящий
Стилист, философ и поэт.

И вдохновенно Вам навстречу
Я встал, взволнованный, и вот –
Мы обнялись: для новой речи,
Для новых красок, новых нот!

О, Вы меня не осудили
За дерзкие мои слова, –
И вновь певцу лесных идиллий
Жизнь драгоценна и нова!

Я извиняюсь перед Вами,
Собрат, за вспыльчивость свою
И мне подвластными стихами
Я Вас по-прежнему пою!

ТЕ, КОГО ТАК МНОГО

От неимения абсента,
От созерцания кобур –
Я раздраженней дез'Эссента
У Гюисманса в "A rebours".

И глаз чужих прикосновенье
На улице или в лесу, –
Без бешенства, без раздраженья,
Без боли – как перенесу?!..

А от "мурлыканья" и "свиста"
Меня бросает в пот и дрожь:
В них ты, ирония, сквозисто
Произрастаешь и цветешь!

Но нет непереносней боли –
Идти дорогой меж домов,
Где на скамейках в матиоле
Немало "дочек" и "сынков"…

Скамейки ставят у калиток,
И дачники садятся в ряд;
Сидят, и с мудростью улиток
О чем-то пошлом говорят.

И “похохатывают” плоско, –
Сам черт не разберет над чем:
Над тем ли, что скрипит повозка,
Иль над величием поэм!..

ОБОЗЛЕННАЯ ПОЭЗА

В любви не знающий фиаско
(За исключеньем двух-трех раз...),
Я, жизнь кого – сплошная сказка,
От дев не прихожу в экстаз:

Я слишком хорошо их знаю,
Чтоб новых с ними встреч желать,
И больше не провозглашаю
Им юношески: “Исполать”!

Все девы издали прелестны
И поэтичны, и милы, –
Вблизи скучны, неинтересны
И меркантильны, и пошлы.

Одна гоняется за славой,
Какой бы слава ни была;
Другая мнит простой забавой
Все воскрыления орла;

Мечтает третья поудобней
Пристроиться и самкой быть;
Но та всех женщин бесподобней,
Кто хочет явно изменить!

При том не с кем-нибудь достойным,
А просто с первым наглецом –
С “красивеньким”, “богатым”, “знойным”,
С таким картиночным лицом!

МАЛЕНЬКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

То не пальнула митральеза,
Не лопнул купол из стекла, –
То “Обозленная поэза”
Такой эффект произвела!

Еще бы! надо ль поясненье?
Поэт “девический” – и что ж? –
Такое вдруг “разуверенье”,
Над девой занесенный “нож”...

Нет, кроме шуток, – “Отчего бы, –
Мне скажут, – странный этот взгляд
С оттенком плохо скрытой злобы?”
И – объясняться повелят.

Охотно, милые синьоры,
Охотно, милые mesdames,
Рассею я все ваши споры,
Вам объяснения я дам!

Мой взгляд на женщин есть не *личность*,
А всеми обобщенный факт:
Не только “*этих* дам публичность”,
Но и “*не этих* дамный такт”...

Есть непонятные влеченья, –
Живой *по-своему* ведь жив...
Бывают всюду исключенья,
Но в массе – вывод мой не лжив.

О ЮГЕ

Тебя все манит Калабри́я,
Меня – Норвегии фиорд.
О, дай мне взять, моя Мария,
Последний северный аккорд!

Дай утонуть в Балтийском море
Иль на эстляндском берегу,
Уснуть, лаская взором зори,
Что вечно в сердце берегу...

Тебя влечет Александрия,
Тебе все грезится Каир,
Как мне Миррэлия, Мария,
Как Сологубу – сон-Маир!

Ты мной всегда боготворима,
И за тобою я пойду
За них – меридианы Рима –
Прославить южную звезду.

Тебе угрозна малярия,
Но если хочешь, – верный друг,
Я для тебя, моя Мария,
Уеду с севера на юг!

МАРТ

Март – точно май: весь снег растаял;
Дороги высохли; поля
Весенний луч теплом измаял, –
И зеленеет вновь земля.

И море в день обезольдилось,
Опять на нем синеет штиль;
Все к созиданию возродилось,
И вновь зашевелилась пыль.

На солнце дров ольховых стопик
Блестит, как позлащенный мел,
И соловей, – эстонский: ööpik, –
Запеть желанье возымел…

Опять звенит и королеет
Мой стих, хоть он – почти старик!..
В закатный час опять алеет
Улыбка грустной Эмарик.

И ночь – Ночь Белая – неслышной
К нам приближается стопой
В сиреневой накидке пышной
И в шляпе бледно-голубой…

MADIS

Ежевечерно из “Quo vadis”
Играл чахоточный цитрист.
Ему внимал грустящий Madis,
Рыбак и местный колонист.

“Как в сеть весной пойдет салака
И как-то будет дорога?”
Блестит луна на глянце лака
Шикарящего сапога…

“И крапчатая лососина
Поймается ли весом в пуд?”
Белеет шляпы парусина,
Дрожит клочок паучьих пут…

“А вдруг среди костлявых сирко
Пошлет мне небо осетра?!”
И поощряет грёзы кирка,
В луне сафирно-серебра…

НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ

Я – северянин, и фиорды
Норвежские – моя мечта,
Где мудро, просто, но и гордо
Живет Царица Красота.

Лилово-ста́льные заливы
В подковах озерносных гор;
В них зорь полярных переливы,
Меж сосен белой розы взор.

И синеглазые газели,
Чьи игры созерцает лось,
Устраивают карусели,
Где с серым синее слилось…

Там тишина невозмутима,
И только гордый орлий клич
Ласкает ухо пилигрима,
Способного его постичь…

ЛЬВУ НИКУЛИНУ

Когда, воюя, мир лукавил
Позерством социальных проб,
Несчастный император Павел
Свой покидал столетний гроб...

В крестах, отбрасывавших тени,
На склоне золотого дня,
Приял великий неврастеник
Поэта облик, трон кляня...

Приял для самооправданья,
Для выявленья существа
Своей души, в часы страданья
Струившей чары волшебства...

Что ж, вверьтесь странному капризу,
Поэт и царь, и, сев верхом,
Направьте шаг коня на мызу
"Ивановку", в свой бредный дом.

Въезжайте в ветхие ворота,
Где перед урной, над рекой,
Вас ждет скончавшаяся рота
И я, поклонник Ваш живой...

СТИХИ И. ЭРЕНБУРГА

В дни пред паденьем Петербурга, –
В дни пред всемирною войной, –
Случайно книжка Эренбурга
Купилась где-то как-то мной.

И культом ли католицизма,
Жеманным ли слегка стихом
С налетом хрупкого лиризма,
Изящным ли своим грехом, –

Но только книга та пленила
Меня на несколько недель:
Не шрифт, казалось, не чернила,
А – тонко-тонная пастэль.

Прошли лета. Кумиры ниже
Склонились, я – достиг вершин:
Мне автор книгу из Парижа
Прислал в обложке crêpe de chine.

Она была, должно быть, третьим
Его трудом, но в ней, увы,
Не удалось того мне встретить,
Что важно в небе – синевы.

И нет в ней сладостного ига,
Померкла росная краса…
Мне скажут: “Небеса – не книга”,
Пусть так, но книга – небеса!..

СИНЕЕ

Сегодня ветер, беспокоясь,
Взрывается, как динамит,
И море, как товарный поезд,
Идущий тяжело, шумит.

Такое синее, как небо
На юге юга, как сафир.
Синее цвета и не требуй:
Синей его не знает мир.

Такое синее, густое,
Как ночь при звездах в декабре.
Такое синее, такое,
Как глаз газели на заре.

“Синее нет”, – так на осине
Щебечут чуткие листы:
“Как василек, ты, море, сине!
Как небеса, бездонно ты!”

БАНАЛЬНОСТЬ

Когда твердят, что солнце – красно,
Что море – сине, что весна
Всегда зеленая, – мне ясно,
Что пошлая звучит струна…

Мне ясно, что назвавший солнце
Не и́наче, как красным, туп;
Что рифму истолчет: “оконце”,
Взяв пестик трафаретных ступ…

Мне ясно, что такие краски
Банальны, как стереотип,
И ясно мне, какой окраски
Употребляющий их “тип”…

И тем ясней, что солнце – сине,
Что море – красно, что весна –
Почти коричнева!.. – так ныне
Я убеждаюсь у окна…

Но тут же слышу голос бесий:
“Я вам скажу, как некий страж,
Что это ложный миг импрессий
И дальтонический мираж”…

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Вновь ловля рыбная в разгаре:
Вновь над рекою поплавки,
И в рыбном, у кустов, угаре
Азартящие рыбаки.

Форель всегда клюет с разбегу
На каменистой быстрине.
Лещ апатичный любит негу:
Клюет лениво в полусне.

И любящий ракитный локон,
Глубокий теневой затон,
Отчаянно рвет леску окунь,
И всех сильнее бьется он.

Рыб всех глупей и слабовольней,
Пассивно держится плотва,
А стерлядь, наподобье молний
Скользнув, песком ползет едва.

У каждой рыбы свой характер,
Свои привычки и устав…
…Не оттого ли я о яхте
Мечтаю, от земли устав?..

В ПАРКЕ

А ночи с каждым днем белее,
И с каждой ночью ярче дни!
Идем мы парком по аллее.
Налево море. Мы – одни.

Зеленый полдень. В вешней неге,
Среди отвесных берегов,
Река святая, – Pühajögi –
Стремится, слыша моря зов.

На круче гор белеет вилла
В кольце из кедров и ели́й,
Где по ночам поет Сивилла,
Мечтая в бархате аллей.

Круглеет колющий кротекус,
И земляничны тополя,
Смотрящиеся прямо в реку,
Собою сосны веселя.

О, принц Июнь, приди скорее,
В сирень коттэджи разодень!
Ночь ежедневно серебрее,
И еженочно звонче день!

РАССКАЗ КНЯГИНИ

Св. кн. О.Ф. Им-ской

То было в Гатчине, лет десять
Тому назад, но до сих пор
Отрадно мне тем летом грезить
И вспоминать наш разговор.

И вот, я помню: мы, княгиня,
Сидим в столовой. Ночь близка.
Вы говорите мне о сыне,
И в Вашем голосе – тоска:

О, если юность возвратить бы!
И быть счастливою, как он!..
Его любовь… его женитьба…
И жизнь на озере – как сон…

Он в честь своей Прекрасной Дамы, –
Полу-поэт, полу-toqué, –
Под Витебском построил замок
На озеровом островке…

“Он создал царство в сердце леса!” –
Восторженно твердите Вы.
Поддакивает Вам профессор
Наклоном легким головы.

Я пью вино и вижу: в тине
Озерной – косы, много кос…
Устала старая княгина
От юных, – невозможных, – грёз…

БЭБЭ

Баронессе М.А. Д-н

Что было сказочно лет в девять,
То в двадцать девять было б как?
Могли б Вы так же королевить
Теперь, вступив со мною в брак?

Вы оправдали бы те слезы,
Что Вами пролиты, теперь?
Вы испытали бы те грезы?
Почувствовали б ряд потерь?

Где Вы теперь? все так же ль новы
Для Вас мечтанья и слова?
Быть может, замужем давно Вы,
Но, впрочем, может быть, вдова?..

Меня Вы помните ль? бывали
Вы у меня на вечерах?
На Вашего лица овале
Текла ль слеза о детских снах?

Прочтете ли поэзы эти?
Найдете ль строки о себе?
А, может быть, Вас нет на свете,
Моя наивная Бэбэ?..

Иль Вашей зрелости одевить
Уже не в силах жизни мрак?..
Что было интересно в девять,
То в двадцать девять было б как?!

КН. Б.А. ТЕНИШЕВУ

Князь! милый князь! ау! Вы живы?
Перебирая писем ряд,
Нашел я Ваше, и, счастливый
Воспоминаньем, как я рад!

Мне сразу вспомнилась и школа,
И детство, и с природой связь,
И Вы, мой добрый, мой веселый,
Мой остроумный милый князь!

В Череповце, от скуки мглистом,
И тривиальном, и пустом,
Вас называли модернистом
За Сологуба первый том…

Провинциальные кокетки
От князя были без ума,
И казначейша (лик с конфетки!)
Была в Вас влюблена сама…

Ведь штраусовская “Электра” –
Не новгородская тоска!..
О, Вы – единственный директор,
Похожий на ученика!

И вот, когда Вы, поседелый,
Но тот же юный и живой,
Пришли на вечер мой, я целый
Мирок восставил пред собой.

И поздравленья принимая
От Вас, и нежно Вас обняв,
Я вспомнил дни иного мая
И шорохи иных дубрав…

СТИХИ АХМАТОВОЙ

Стихи Ахматовой считают
Хорошим тоном (comme il faut)…
Позевывая, их читают,
Из них не помня ничего!..

“Не в них ли сердце современной
Запросной женщины?” – твердят
И с миной скуки сокровенной
Приводят несколько цитат.

Я не согласен, – я обижен
За современность: неужель
Настолько женский дух унижен,
Что в нудном плаче – самоцель?

Ведь это ж Надсона повадка,
И не ему ль она близка?
Что за скрипучая “кроватка”!
Что за ползучая тоска!

Когда ж читает на эстраде
Она стихи, я сам не свой:
Как стилен в мертвом Петрограде
Ее высокопарный вой!..

И так же тягостен для слуха
Поэт (как он зовется там?)!
Ах, вспомнил: “мраморная муха”*
И он же – Осип Мандельштам.

И если в Лохвицкой – “отсталость”,
“Цыганщина” есть “что-то”, то
В Ахматовой ее “усталость”
Есть абсолютное ничто.

ЛИРА ЛОХВИЦКОЙ

Порыв натуры героичной,
Полет в бездонье голубом,
Меж строчек голос мелодичный –
Вот пафос этой лиры в чем!

Ее слеза слезой зовется
И выглядит она слезой,
И полным сердцем сердце бьется,
Гроза трепещет в нем грозой.

Изысканные полутоны
Есть полутоны, а не ноль.
Мучительны Агнессы стоны
И настоящая в них боль.

Виденье принца Вандэлина
Есть не слова, а – Вандэлин,
Возникновения причина
Кого – в рядах мирских причин.

И ведьма у нее есть ведьма,
А не “нарочно”, “для детей”.
При том стихи бряцают медью
И веют запахом полей.

---

* Честь этого обозначения принадлежит кубофутуристам (*примеч. автора*).

БАЛЬМОНТ

Его стихи – сама стихия.
Себе бессмертье предреша,
Свершает взлеты огневые
Его стихийная душа.

Он весь поэт, поэт великий.
В нем голоса всего и всех.
Неуловимый лик столикий
Отображает свет и грех.

Он ощущает каждый атом
И славословит солнце он.
То серафимом, то пиратом
Является хамелеон.

Но вместе с тем он весь, из дюжин
Томов составленный своих,
Мне не желанен и не нужен:
Я не люблю Бальмонта стих.

Есть что-то приторное в книгах
Его, что слаще голубей…
И Фофанов в своих веригах,
В своих лохмотьях – мне любей!

БРЮСОВ

Никем не превзойденный мастер.
Великий ритор и мудрец.
Светило ледовитой страсти.
Ловец всех мыслей, всех сердец.

Разламывающая сила
Таится в кованых стихах.
Душа рассудок научила
Любить, сама же пала в прах.

И оттого – его холодность:
Душа, прошедшая сквозь ум.
Его бесспорная надмодность
Не столь от чувства, сколь от дум.

Великий лаборант, он каждый
Порыв усвоил и постиг.
Он мучим неизбывной жаждой
Познанья всех вселенских книг.

В нем фокус всех цветов и светов
И ясной мысли торжество.
Он – президент среди поэтов.
Мой царский голос – за него.

СОЛОГУБ

Какая тающая нежность!
Какая млеющая боль!
Что за чеканная небрежность!
Что за воздушная фиоль!

Он весь из сладостного вздоха,
Он весь – безгрешное дитя…
Плохое у него не плохо,
И темное поет, блестя…

Изысканнейший рисовальщик.
Провидец существа людей.
Он – чарователь, чаровальщик,
Чарун, он – чарник, чародей.

Так пой же, пой же нам, фиоль же,
Струи свой ароматный свет!
Такой поэт, каких нет больше:
Утонченней, чем тонкий Фет.

ГИППИУС

Блистательная Зинаида
Насмешливым своим умом,
Которым взращена обида,
Всех бьет в полете, как крылом…

Холодный разум ткет ожоги,
Как на большом морозе – сталь.
Ее глаза лукаво-строги,
В них остроумная печаль.

Большой поэт – в ее усмешной
И едкой лирике. Она
Идет походкою неспешной
Туда, где быть обречена.

Обречена ж она на царство
Без подданных и без корон.
Как царственно ее коварство,
И как трагично-скромен трон!

ПЯТЬ ПОЭТОВ

Иванов, кто во всеоружьи
И блеске стиля, – не поэт:
В его значительном ненужьи
Биенья сердца вовсе нет.

Андрея Белого лишь чую,
Андрея Белого боюсь…
С его стихами не кочую
И в их глубины не вдаюсь…

Пастэльно-мягок ясный Бунин,
Отчетлив и приятно-свеж.
Он весь осолнечен, олунен,
Но незнаком ему мятеж.

Кузмин изломан черезмерно,
Напыщен и отвратно-прян.
Рокфорно, а не камамберно,
Жеманно-спецно обуян.

Нет живописней Гумилева:
В лесу тропическом костер!
Благоговейно любит слово.
Он повелительно-остер.

ЕЕ КАПРИЗ

Памяти Н. Львовой

Я с нею встретился случайно:
Она пришла на мой дебют
В Москве. Успех необычайный
Был сорван в несколько минут.

Мы с Брюсовым читали двое
В "Эстетике", а после там
Был шумный ужин с огневою
Веселостью устроен нам.

И вот она встает и с блеском
В глазах – к Валерию, и тот,
Поспешно встав движеньем резким,
С улыбкою ко мне идет:

"Поцеловать Вас хочет дама", –
Он говорит, и я – готов.
Мы с ней сближаемся, и прямо
Передо мной – огонь зрачков…

Целую в губы просветленно,
И тут же на глазах у всех
Расходимся мы церемонно,
Под нам сочувствующий смех.

ВИКТОР ГОФМАН

Памяти его

Его несладкая слащавость,
Девическая бирюза
И безобидная лукавость
Не "против" говорят, а "за".

Капризничающий ребенок,
Ребенок взрослый и больной,
Самолюбив и чутко-тонок
Души надорванной струной.

К самопожертвованью склонный,
Ревнивый робко, без хлопот,
В Мечту испуганно-влюбленный, –
Чего ему недостает?

Недостает огня и силы,
Но именно-то оттого
Так трогательно сердцу милы
Стихи изящные его.

ПУШКИН

Он – это чудное мгновенье,
Запечатленное в веках!
Он – воплощенье Вдохновенья,
И перед ним бессилен прах…

Лишь он один из всех живущих
Не стал, скончавшись, мертвецом:
Он вечно жив во всех поющих,
И смерть здесь не звучит “концом”.

В его созданьях Красота ведь
Показывает вечный лик.
Его нам мертвым не представить
Себе, и этим он велик!

Пускай он стар для современья,
Но современье для него
Ничтожно: ведь его мгновенье –
Прекрасней века моего!

У МОРЯ

Финляндский ветер с моря дует, –
Пронзительно-холодный норд, –
И зло над парусом колдует,
У шлюпки накреняя борт.

Иду один я над отвесным
Обрывом, видя волн разбег,
Любуясь и́зрозо-телесным
Песком. Все зелено – и снег!..

Покрыто снегом все подскалье
От самых гор и до песка.
А там, за ним, клокочет далью
Все та же синяя тоска…

Зеленый верх, низ желто-синий,
И промежуток хладно-бел.
Пустыня впитана пустыней:
Быть в море небу дан удел.

К МОРЮ

Полно тоски и безнадежья,
Отчаянья и пустоты,
В разгуле своего безбрежья,
Безжалостное море, ты!

Невольно к твоему унынью
Непостижимое влечет
И, упояя очи синью,
Тщетою сердце обдает.

Зачем ты, страшное, большое,
Без тонких линий и без форм?
Владеет кто твоей душою:
Смиренный штиль? свирепый шторм?

И не в тебе ли мой прообраз, –
Моя загадная душа, –
Что вдруг из беспричинно-доброй
Бывает зверзче апаша?

Не то же ли и в ней унынье
И безнадежье, и тоска?
Так влейся в душу всею синью:
Она душе моей близка!

РАЗБОР СОБРАТЬЕВ

Разбор собратьев очень труден
И, согласитесь, щекотлив:
Никто друг другу не подсуден,
И каждый сокровенным жив...

Но не сказать о них ни слова –
Пожалуй, утаить себя...
Моя душа сказать готова
Всё, беспристрастье возлюбя.

Тем мне простительней сужденье
О них, что часто обо мне
Они твердят – без снисхожденья,
Не без пристрастия вполне...

Я Пушкиным клянусь, что святы
Характеристики мои,
Что в них и тени нет расплаты
За высмеянные стихи!

ВАСИЛИЮ КАМЕНСКОМУ

Да, я люблю тебя, мой Вася,
Мой друг, мой истинный собрат,
Когда, толпу обананася,
Идешь с распятия эстрад!

Тогда в твоих глазах дитяти –
Улыбчивая доброта
И утомленье от "распятий"
И, если хочешь, красота...

Во многом расходясь с тобою,
Но ничего не осудя,
Твоею юнью голубою
Любуюсь, взрослое дитя!

За то, что любишь ты природу,
За то, что веет жизнь от щек
Твоих, тебе слагаю оду,
Мой звонкострунный *Журчеек*!

ПОСЛЕ “ОНЕГИНА”

Сегодня утром после чая,
Воспользовавшись мерзлым днем,
“Онегина” – я, не скучая,
Читал с подъемом и огнем.

О, читанные многократно
Страницы, юности друзья!
Вы, как бывало, ароматны!
Взволнован так же вами я!

Здесь что ни строчка – то эпиграф!
О, века прошлого простор!
Я современности, как тигров,
Уже боюсь с недавних пор.

И если в пушкинское время
Немало было разных “но”,
То уж теперь сплошное бремя
Нам, современникам, дано…

Конечно, век экспериментов
Над нами – интересный век…
Но от щекочущих моментов
Устал культурный человек.

Мы извращеньем обуяны,
Как там, читатель, ни грози:
И духу вечному Татьяны
Мы предпочтем “душок” Зизи!..

ИНТЕРМЕЦЦО

Чаруют разочарованья
Очарованием своим…
Культурные завоеванья
Рассеиваются, как дым…

Обвеяны давно минувшим,
Им орошенные мечты,
Минувшим, ласково-прильнувшим
К мечтам, больным от пустоты…

Неизъяснимые волненья
Поят болеющую грудь…
На нежном пляже вдохновенья
Так несказа́нно – отдохнуть!..

Непостижимые желанья
Овладевают всей душой…
Чаруют разочарованья
Очарованья пустотой…

РИСУНОК ИГЛОЙ

Ореховые клавесины,
И отраженная в трюмо
Фигурка маленькой кузины,
Щебечущей на них Рамо…

В углу с подушкою качалка
Воздушнее затей Дидло.
На ней засохшая фиалка,
Которой сердце отцвело…

Оплывшие чуть жалят свечи,
Как плечи – розу, белый лоб.
Окно раскрыто в сад. Там вечер.
С куртин плывет гелиотроп.

Все ноты в слёзовом тумане,
Как будто точки серебра…
А сердце девичье – в романе,
Украдкой читанном вчера…

В ДЕРЕВНЕ

В деревне, где легко и свято
Природе душу передам,
Мне прямо страшно от разврата
Столичных девствующих дам.

И здесь, – где поле, лес и книги,
И Богом озаренный дом, –
Тем отвратительней интриги,
Столиц Гоморра и Содом.

Я вовсе не любитель охать
И ныть, но любо вспомнить зло
Их торжествующую похоть,
И как их ею развезло.

Не любящий нравоученья
И презирающий мораль,
Я не могу без возмущенья
Их пакостную вспомнить саль…

“ЗОЛА В СТЕКЛЕ”

Казалось бы, что благородство
Есть свойство нужное для всех,
Что в негодяйстве яд уродства
И в пакости – бесспорный грех;

Что не достоинством считать бы
Нам благородство, а – судьбой,
Не волочиться после свадьбы
За первой юбкой площадной;

Не наставлять рогов мужьям бы
С мимоидущим молодцом,
И не писать бы эти ямбы
С гневом пылающим лицом.

Казалось бы!.. На самом деле ж
Всё по-иному на земле:
В меня за правду злобой целишь
Ты, человек, – “зола в стекле”!

А.К. ТОЛСТОЙ

Кн. Л.М. Ухтомской

Граф Алексей Толстой, чье имя
Звучит мне юностью моей
И новгородскими сырыми
Лесами в густоте ветвей;

Чей чудный стих вешне-березов
И упоенно-соловьист,
И тихий запад бледно-розов;
И вечер благостно-росист;

Он, чьи припевы удалые –
Любви и жизни торжество;
Чья так пленительна Мария
И звонко-майно "Сватовство";

Он, чье лицо так благородно,
Красиво, ясно и светло;
Чье творчество так плодородно
И так роскошно расцвело, –

Ему слагаю, благодарный,
Восторженные двадцать строк:
Его напев великодарный –
Расцвета моего залог!

ТАЙНА ПЕСНИ

Обворожительных имений,
Рек, деревень, садов и сел
На свете много; тем не меней, –
Кто где всю жизнь свою провел,

Иль только юность, только детство, –
Свой славословит уголок,
Поет, не разбирая средства,
Его, от прочих мест далек.

Неподражаемых поэтов,
Художников, артистов и
Музыкотворцев – много, в этом
Уж убедиться вы могли.

Однако же, у всяких вкусов
Излюбленный искусник *свой*:
Одним – мил Дебюсси и Брюсов,
Другим – Серов и А. Толстой.

Очаровательных созданий
Немало между разных рас:
Блондинок цвета шерсти ланей,
Брюнеток с васильками глаз.

И редко тот, кто любит шведку,
Японкой будет увлечен.
Лишь соловей, вспорхнув на ветку,
И я, такой же, как и он,

Поем равно все то, что видим,
И славословим всех равно.
Мы никого не ненавидим
Да и не любим заодно!

НЕ ОТТОГО ЛЬ?..

Итак, нежданное признанье
Слетело с изумленных уст!..
Не оттого ль мое терзанье?
Не оттого ли мир мне пуст?

Не оттого ли нет мне места,
Взлелеянного мной вполне?
И в каждой девушке невеста
Является невольно мне?

Не оттого ль без оговорок
Я не приемлю ничего?
Не оттого ль так жутко-зорок
Мой взор, вонзенный в Божество?

Не оттого ль мои паденья,
Из глуби бездны снова взлет?
Не оттого ль стихотвореньям
Чего-то все недостает?..

И как судить я брата смею,
Когда я недостатков полн,
И, – уподобленный пигмею, –
Барахтаюсь в пучине волн?..

ЧАРЫ СОЛОВЬЯ

Но соловей не величавей
Меня, а все ж он – соловей,
Чья песнь посвящена дубраве
И первым трепетам ветвей!

В его бесцельном распеванье
Не больше смысла, чем в траве,
И все же в нем очарованье, –
В ничтожном этом соловье!

И в пенье бестенденциозном
Не мудрость высшая ль видна?
Не надо вовсе быть серьезным,
Когда томит тебя весна!

Весной упиться всем уменьем
Души безра́зумной умей!
Так говорим волшебным пеньем
Тебе и я, и соловей!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Величье мира – в самом малом.
Величье песни – в простоте.
Душа того не понимала,
Нераспятая на кресте.

Теперь же, после муки крестной,
Очищенная, возродясь,
Она с мелодией небесной
Вдруг обрела живую связь.

Освободясь от исхищрений
Когтистой моды, ожил стих –
Питомец чистых вдохновений
И вешних радостей живых.

И вот потек он ручейково,
Он бьет струей поверх запруд,
И нет нигде такой оковы:
Зальдить ручей – мой вольный труд!

"ЭТИ" МУЖЧИНЫ

Предвижу критиков ухмылки,
Их перекошенные рты.
Их презирает стих мой пылкий –
Явленье истой красоты!

Огонь святого вдохновенья
Растопит скептицизма лед,
И критиков в одно мгновенье
Закружит мой водоворот.

В нем эти лысые, косые,
Кривые, пошлые и все,
Кем разукрашена Россия,
Вдруг явятся во всей красе.

И взвоют "евнухи Парнаса",
Кружась передо мной волчком:
«Позволь, о автор "Ананасов",
Тебя ругнуть… чуть-чуть… бочком:

Ведь при такой дороговизне
Как нам прожить без руготни?»…
Нет, кроме шуток, эти "слизни"
Существовали в оны дни

Почти что мной, напропалую
Меня угодливо браня,
В глаза – чуть руки не целуя
И ремесло свое кляня...

ВНЕ ПОЛИТИКИ

Где ходит море синим шагом
То к берегу, то к островам,
Нет плаца бешеным ватагам,
Нет фразы взбалмошным словам;

Где в зелень берегов одета
Златисто-карая река,
Здесь нет ни одного “кадета”,
Ни одного “большевика”.

И где в растущем изумруде
Лесов и поля дышит Бог,
Здесь братьями живут все люди
И славословят каждый вздох.

И здесь, где лишь от счастья плачет
Живой, где горести чужды,
Здесь нет политики, и значит:
Нет *преднамеренной* вражды!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАБСТВА

Есть доказательство (бесспорней
Его, пожалуй, не найти!),
Что вы, культурники, покорней
Рабов, чем вас ни возмути! –

Вы все, – почти без исключенья,
И с ранних юношеских лет, –
Познали радость опьяненья
И пьяных грёз чаруйный бред.

И что же? Запрещенье водки –
Лишенье вас свободных грёз –
Вы, – апатичны, вялы, кротки, –
Перенесли, как жалкий пес!

Вы без малейшего протеста
Позволили вас обокрасть, –
И ваше грёзовое место
Взяла разнузданная власть!

Пожалуй, с солнцем и с сиренью
Могли б расстаться без борьбы?!..
Примите ж хлесткое презренье
Мое, культурные рабы!

СОНАТА "ИЗЕЛИНА"

(КНУТ ГАМСУН, "ПАН")

I. ВСТРЕЧА

Спи, спи! пока ты будешь спать,
Я расскажу тебе о ночи
Моей любви, как не отдать
Себя ему – не стало мочи.

Я дверь забыла запереть
Свою шестнадцатой весною:
Ах, веял теплый ветер, ведь,
Ах, что-то делалось со мною!..

Он появился, как орел.
Мы встретились однажды утром
Перед охотой. Он пришел
Из странствий юно-златокудрым.

Со мной по саду он гулял,
И лишь меня рукой коснулся,
Он близким, он родным мне стал.
В нас точно кто-то встрепенулся.

И у него на белом лбу
Два лихорадочных и красных
Пятна явились. Я судьбу
Узрела в них – в желаньях страстных.

II. НАИВНОСТЬ

Потом… Потом я вышла в сад,
Его искала и боялась
Найти. А губы чуть дрожат
Желанным именем. Смеркалось.

Вдруг он выходит из кустов
И шепчет: “Ночью. В час”. Вздыхает.
Вдыхает аромат цветов.
Молчит. Молчит – и исчезает.

Что этим он хотел сказать:
“Сегодня ночью. В час”? – не знаю.
Вы это можете понять?
Я – ничего не понимаю.

Что должен он уехать в час,
Хотел сказать он, вероятно?..
Что мне за дело! вот так раз,
Зачем мне это непонятно?..

III. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

И вот я забываю дверь
Свою закрыть, и в час он входит…
Как я изумлена теперь,
Что дверь открытою находит!..

– Но разве дверь не заперта?.. –
Я спрашиваю. Предо мною
Его глаза, его уста,
В них фраза: “Я ее закрою”…

Но топота его сапог
Боюсь: разбудит он служанку.
И стула скрип, и топот ног…
“Не сесть ли мне на оттоманку?”

– Да, – говорю. Лишь потому,
Что стул скрипел… Ах, оттого лишь!..
Он сел, приблизясь к моему
Плечу. Я – в сторону. Неволишь?..

Глаза я опустила. Он
Сказал: “Ты зябнешь”. Взял за руку,
Своею обнял. Входим в сон.
Петух провозгласил разлуку.

IV. ВКУШЕНИЕ

“Пропел петух, ты слышишь?” Сжал
Меня, – совсем я растерялась.
Я бормотала: ты слыхал?
Ты не ослышался? Металась,

Хотела встать. Но вновь на лбу
Пятна два лихорадно-красных
Увидев, вверила судьбу
Свою глазам его прекрасным…

Настало утро. Пробудясь,
Я комнаты не узнавала
И даже башмачков. Смеясь,
Себя невольно вопрошала:

Во мне струится что-то. Что ж
Во мне струиться-то могло бы?..
Который час, – как тут поймешь?
И я – одна? и мы – не оба?

V. ВОСТОРГ

Ах, я не знаю ничего…
Лишь помню: дверь закрыть забыла…
Служанка входит: “Отчего
Свои цветы ты не полила?”

– Я их забыла. – Снова та:
“Где платье ты свое измяла?”
Смеется сердце. Та-та-та!
О, если бы я это знала!..

Подъехал к саду фаэтон…
“И ты не накормила кошку”, –
Твердит служанка. “Это он!” –
Твердит мне сердце. Я – к окошку!

Проси, проси его ко мне, –
Я жду его: мне надо что-то…
И у меня наедине –
Запрёт он дверь? – одна забота…

VI. ВТОРОЕ СВИДАНИЕ

Стучится. Отворяю. И,
Желая оказать услугу,
Дверь вмиг на ключ. В уста мои
Меня целует, как подругу.

– Не посылала за тобой, –
Шепчу… “Так ты не посылала?”
Смущаюсь и кричу душой:
– Да, мне тебя недоставало!

Да, посылала! да, побудь
Немного здесь! – Глаза руками
Закрыла от любви, на грудь
К нему склонив уста с глазами…

“Но, кажется, пропел петух?”
Он стал прислушиваться. Я же
Подумала невольно вслух:
– Как это мог подумать даже?..

Никто не пел. Пожалуй, лишь
Кудахтала немного кура…
Он мне: “Немного погодишь, –
Я дверь запру”. И вечер хмуро

В окно взглянул. А я едва
Могла шепнуть: – Но дверь закрыта…
Я заперла уже… – Трава,
Деревья, всё – луной облито.

VII. У ЗЕРКАЛА

Уехал он опять. Во мне
Как будто золото струилось.
Я – к зеркалу. Там, в глубине,
Влюбленных глаза два светилось.

Лишь я увидела тот взгляд,
Во мне вдруг что-то задрожало,
И заструился сладкий яд
Вкруг сердца, выпуская жало…

О, раньше я была не та:
Так на себя я не смотрела!..
И в зеркале себя в уста
Поцеловать я захотела…

ГЕОРГИЮ ШЕНГЕЛИ

Ты, кто в плаще и в шляпе мягкой,
Вставай за дирижерский пульт!
Я славлю культ помпезный Вакха,
Ты – Аполлона строгий культ!

В твоем оркестре мало скрипок:
В нем всё корнеты-а-пистон.
Ищи средь нотных белых кипок
Тетрадь, где – смерть и цепий стон!

Ведь так ли, и́наче (ина́че?..)
Контрастней раков и стрекоз,
Сойдемся мы в одной задаче:
Познать непознанный наркоз…

Ты, завсегдатай мудрых келий,
Поющий смерть, и я, моряк,
Пребудем в дружбе: нам, Шенгели,
Сужден везде один маяк.

ФИНАЛ

Закончен том, но не закончен
Его раздробленный сюжет.
Так! с каждою главою звонче
Поет встревоженный поэт.

Напрасно бы искать причала
Для бесшабашного пловца:
В поэме жизни нет начала!
В поэме жизни нет конца!

Неисчерпаемая тема
Ждет всей души, всего ума.
Поэма жизни – не поэма:
Поэма жизни – жизнь сама!

Классические розы

Стихи 1922–1930 гг.

Ее Величеству
Королеве Югославии
Марии
с искренним восхищением
почтительно
подношу в дар свою книгу.
Автор

Эти стихи, за исключением особо отмеченных,
написаны в Эстонии, в Тойле.
Estonie, Toila – эти слова являются полным
и неизменным с 1918 г. адресом автора этой книги.

КОРОЛЕВЕ МАРИИ

Однажды в нашей северной газете
Я Вас увидел с удочкой в руках, –
И вспыхнуло сочувствие в поэте
К жене Монарха в солнечных краях.

И вот с тех пор, исполнена напева,
Меня чарует все одна мечта.
Стоит в дворцовом парке Королева,
Забрасывая удочку с моста.

Я этот снимок вырезал тогда же,
И он с тех пор со мной уже всегда.
Я не могу себе представить даже,
Как без него в былые жил года.

Мне никогда уж не разубедиться
В мечте, над финской созданной волной,
Что южная прекрасная царица
Владеет поэтической душой!

18 декабря 1930
Белград

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Мятлев, 1843

В те времена, когда роились грёзы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

ЧАЕМЫЙ ПРАЗДНИК

ЗАПЕВКА

О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

1925

КТО ЖЕ ТЫ?

Гой ты, царство балагана!
Ты, сплошная карусель!
Злою волей хулигана
Кровь хлебаешь, как кисель...

Целый мир тебе дивится,
Все не может разгадать:
Ты – гулящая девица
Или Божья благодать?

1925

ПРЕДВОСКРЕСЬЕ

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала, –
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова, –
Как весна, как солнце, как Христос!

1925

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить –
Россию нужно заслужить!

1925

И БУДЕТ ВСКОРЕ...

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: “Мы не во сне?..”
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя!

1925

ИЛИ ЭТО ЧУДИТСЯ?

Или это чудится?
Или это так?
Тихо шепчет: “Сбудется.
К свету этот мрак.
Только не растаскивай
Скопленных лучей”.
Чей ты, голос ласковый?
Чьих ты блеск очей?

Возникает гридница.
Смотришь, – ничего.
Слышится, – не видится.
Что за колдовство!
Проплывает утица
На призывный кряк.
Или это чудится?
Или это так?

1929

В ТОТ МАЙ

Был май. На подстриженной Стрелке
Уже продавали фиалки.
Детишки играли в горелки,
И нежились горизонталки.

И шины колясок хрустели,
Прижатый тревожили гравий.
Был май, и на майской пастэли
Все было в Островской оправе.

Белесо ночела столица
За Невками и за Невою.
И были обвеяны лица
Сиренью в тот май неживою...

Болотной, чахоточной, белой
Обвеяны были сиренью.
Дышали уста Изабеллой –
Чуть терпкой, чуть тленною ленью...

Была обреченность и гибель
В глазах, в Островах, в белой жути.
И в каждой-то каменной глыбе
Был сказ о последней минуте.

Угаслыми были горелки
И зяблыми горизонталки
В тот май полумертвый на Стрелке,
Где мертвыми стали фиалки...

1929

ПРЕДГНЕВЬЕ

Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймет Москва:
Родиться русским – слишком мало,
Чтоб русские иметь права...

И вспомнив душу предков, встанет,
От слова к делу перейдя,
И гнев в народных душах грянет,
Как гром живящего дождя.

И сломит гнет, как гнет ломала
Уже не раз повстанцев рать...
Родиться Русским – слишком мало:
Им надо *быть*, им надо *стать*!

1925

РУССКИЕ ВИЛЫ

Когда Бонапарт приближался к Москве
И щедро бесплодные сеял могилы,
Победный в кровавом своем торжестве, –
В овинах дремали забытые вилы.

Когда ж он бежал из сожженной Москвы
И армия мерзла без хлеба, без силы, –
В руках русской бабы вдруг ожили вы
Орудием смерти, забытые вилы!

...Век минул. Дракон налетел на Москву,
Сжигая святыни, и, душами хилы,
Пред ним москвичи преклонили главу...
В овинах дремали забытые вилы.

Но кровью людскою упившись, дракон
Готовится лопнуть: надулись все жилы.
Что ж, русский народ! Враг почти побежден:
– Хватайся за вилы!

1925

ОТЕЧЕСТВА ЛИШЕННЫЙ

Была у тебя страна,
И был у тебя свой дом,
Где ты со своей семьей
Лелеял побеги роз...
Но родины не ценя,
Свой дом не сумев сберечь
И мало любя семью,
Ты все потерял – был день.
Зачем же теперь видна
Во взоре тоска твоем,
И в чуждом краю зимой
Ты бродишь и наг, и бос?
И ждешь – не дождешься дня
Услышать родную речь
И, сев на свою скамью,

Смотреть на сгоревший пень?..
И снова сажать ростки,
И снова стругать бревно,
И, свадьбу опять сыграв,
У неба молить детей, –
Чтоб снова в несчастный час,
Упорной страшась борьбы,
Презренным отдать врагам
И розы, и честь, и дом...
Глупец! от твоей тоски
Заморским краям смешно,

И сетовать ты не прав,
Посмешище для людей...
Живи же, у них учась
Царем быть своей судьбы!..
– Стихи посвящаю вам,
Всем вам, воплощенным в “нем”!

1925

Я МЕЧТАЮ...

Я мечтаю о том, чего нет
И чего я, быть может, не знаю...
Я мечтаю, как истый поэт, –
Да, как истый поэт, я мечтаю.

Я мечтаю, что в зареве лет
Ад земной уподобится раю.
Я мечтаю, вселенский поэт, –
Как вселенский поэт, я мечтаю.

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я – русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

1922

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

– Что такое Россия, мамочка?
– Это... впавшая в сон княжна...
– Мы разбудим ее, любимая?
– Нет, не надо: она – больна...

– Надо ехать за ней ухаживать...
– С нею няня ее... была...
Съели волки старушку бедную...
– А Россия что ж?
– Умерла...

– Как мне больно, моя голубушка!..
Сердце плачет, и в сердце страх...
– О, дитя! Ведь она бессмертная,
И воскреснет она... на днях!

1925

КОЛЫБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ НОВОЙ

Вот подождите – Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь ее Запад уже не обманет
    Цивилизацией дутой своей...

Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнет говорить огневые, –
    Мир преклонится тогда перед ней!

Встанет Россия – все споры рассудит...
Встанет Россия – народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
    Брать от негодной культуры росток.

А вдохновенно и религиозно,
Пламенно веря и мысля серьезно,
В недрах своих непреложностью грозный
    Станет выращивать новый цветок...

Время настанет – Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет, –
    Родина Солнца – Восток!

1923

СТИХИ МОСКВЕ

Мой взор мечтанья оросили:
Вновь – там, за башнями Кремля, –
Неподражаемой России
Незаменимая земля.

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

А вот к уютной церковушке
Подъехав в щегольском "купэ",
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...

И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москва-реки!
Гранитного ли переулка
Радушные особняки...

И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка
Растапливает "невский лед"...

Мечты! вы – странницы босые,
Идущие через поля, –
Неповергаемой России
Незаменимая земля!

1925

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА

В ту пору я жил в новгородских дебрях.
Мне было около десяти.
Я ловил рыбу, учился гребле,
Мечтал Америку посетить.

И часто, плавая в душегубке
И ловко вылавливая тарабар,
Размышлял о каком-нибудь там поступке,
Который прославила бы труба...

Я писал стихи, читал Майн Рида,
При встречах с девочками краснел,
И одна из сверстниц была мой идол,
Хотя я и не знал, что мне делать с ней...

Дружил с рабочими нашего завода,
Но любил все-таки – больше людей, –
В преддверьи своего одиннадцатого года,
Всех наших четырнадцать лошадей!

В катанье на Масленице, в день третий,
Когда доставляла тройка меня
В город, в котором учились дети,
По главной улице ее гонял.

И разогревшись, дав Тимофею
На чай прикопленных три рубля,
Говорил: "Понимаешь? Чтобы всех быстрее!"
И кучер гиком ее распалял.

Десятки саней оставались сзади,
Саней уважаемых горожан,
И, к общей зависти и досаде,
Мальчишка взрослых опережал!

А кончилось тем, что и сам стал взрослым
И даже довольно известным стал,
И этого достичь было очень просто,
Потому что истина всегда проста...

1929

ПАСХА В ПЕТЕРБУРГЕ

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселою Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела.

И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленною пахло доскою.

Из-за вымытых к Празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.

Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши...

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все "бездельные" песни пропеты,
"Деловая" отныне серьезность...

Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

1926

НОЧЬ НА АЛТАЕ

На горах Алтая,
Под сплошной галдеж,
Собралась, болтая,
Летом молодежь.

Юношество это
Было из Москвы,
И стихи поэта
Им читали Вы.

Им, кто даже имя
Вряд ли знал мое,
Им, кто сплел с другими
Все свое житье...

Ночь на бивуаке.
Ужин из ухи.
И костры во мраке,
И стихи, стихи!

Кедры. Водопады.
Снег. Луна. Цветы.
Словом, все, что надо
Торжеству мечты.

Ново поколенье,
А слова ветхи.
Отчего ж волненье
Вызвали стихи?

Отчего ж читали
Вы им до утра
В зауральской дали,
В отблесках костра?

Молодежь просила
Песен без конца:
Лишь для русских – сила
Русского певца!

Я горжусь, читая
Ваше письмецо,
Как в горах Алтая
Выявил лицо...

1929

НАРОДНЫЙ СУД

Я чувствую, близится судное время:
Бездушье мы духом своим победим,
И в сердце России пред странами всеми
Народом народ будет грозно судим.

И спросят избранники – русские люди –
У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркий культуры отчизны своей.

Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя...
И скажут они: "Мы обмануты были,
Мы верили в то, во что верить нельзя..."

И судьи умолкнут с печалью любовной,
Поверив себя в неизбежный черед,
И спросят: "Но кто же зачинщик виновный?"
И будет ответ: "Виноват весь народ.

Он думал о счастье отчизны родимой,
Он шел на жестокость во имя Любви..."
И судьи воскликнут: "Народ подсудимый!
Ты нам не подсуден: мы – братья твои!

Мы – часть твоя, плоть твоя, кровь твоя, грешный,
Наивный, стремящийся вечно вперед,
Взыскующий Бога в Европе кромешной,
Счастливый в несчастье, великий народ!"

1925

СЛОВА СОЛНЦА

Много видел я стран и не хуже ее –
Вся земля мною нежно любима.
Но с Россией сравнить?.. С нею – сердце мое,
И она для меня несравнима!

Чья космична душа, тот плохой патриот:
Целый мир для меня одинаков...
Знаю я, чем могуч и чем слаб мой народ,
Знаю смысл незначительных знаков...

Осуждая войну, осуждая погром,
Над народностью каждой насилье,
Я Россию люблю – свой родительский дом –
Даже с грязью со всею и пылью...

Мне немыслима мысль, что над мертвою – тьма...
Верю, верю в ее воскресенье
Всею силой души, всем воскрыльем ума,
Всем огнем своего вдохновенья!

Знайте, верьте: он близок, наш праздничный день,
И не так он уже за горами –
Огласится простор нам родных деревень
Православными колоколами!

И раскается темный, но вещий народ
В прегрешеньях своих перед Богом.
Остановится прежде, чем в церковь войдет,
Нерешительно перед порогом...

И в восторге метнув в воздух луч, как копье
Золотое, слова всеблагие,
Скажет солнце с небес: “В воскресенье свое
Всех виновных прощает Россия!”

Март 1925

БЫВАЮТ ДНИ...

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну – мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

Всё, всё в ней противоречиво,
Двулико, двуедино в ней,
И дева, верящая в диво
Надземное, – всего земней.

Как снег – миндаль. Миндальны зимы.
Гармошка – и колокола.
Дни дымчаты. Прозрачны дымы.
И вороны – и сокола.

Слом Иверской часовни. Китеж.
И ругань-мать, и ласка-мать...
А вы-то тщитесь, вы хотите
Широкократнюю объять!

Я – русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я – вылитая Русь!

Ночь под 1930-й год

МОЯ РОССИЯ

И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Ал. Блок

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые, –
Ах, им ли радость не дана?
Ее порывы огневые,
Ее мечты передовые,
Ее писатели живые,
Постигшие ее до дна!
Ее разбойники святые,
Ее полеты голубые,
И наше солнце, и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи ее ночные,
И ночи пламно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено-степные,
И эти спицы расписные,
И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она –
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

1924

БЕССМЕРТНЫМ

125

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! –
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

И молодеет не от них ли
Стареющая молодежь?..
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?

Да, светозарны и лазорны,
Как ты, весенняя листва,
Слова, чьи звуки чудотворны,
Величественные слова!

При звуках тех теряет даже
Свой смертоносный смысл в дали
Веков дрожащая в предаже
Посредственная Natalie...

При них, как перед вешним лесом,
Оправдываешь, не кляня,
И богохульный флёрт с Дантесом –
Змею Олегова коня...

1924

БАЛЬМОНТУ

Мы обокрадены своей эпохой,
Искусство променявшей на фокстротт.
Но как бы ни было с тобой нам плохо,
В нас то, чего другим недостает.

Талантов наших время не украло.
Не смело. Не сумело. Не смогло.
Мы – голоса надземного хорала.
Нам радостно. Нам гордо. Нам светло.

С презреньем благодушным на двуногих
Взираем, справедливо свысока,
Довольствуясь сочувствием немногих,
Кто золото отсеял от песка.

Поэт и брат! Мы двое многих стоим
И вправе каждому сказать в лицо:
– Во всей стране нас только двое-трое
Последних Божьей милостью певцов!

1927

НЕЗРЯЧЕЙ

Любовь явила зренье Иоланте,
Когда судьбой ей послан был Бертран.
...Я размышляю об одном таланте,
Незрячем в безлюбовии пера...

Его-то кто же вызрит? Что за рыцарь?
Не поздно ли на старости-то лет?
О, злая и сварливая царица,
Яд у тебя на письменном столе!

Взамен чернил ты пишешь им и жалишь
Всех и подчас – подумай – и меня...
Но ты сама почти уже в опале, –
О, пусть тебя все рифмы сохранят.

Остерегись, прославленная! Рано
Иль поздно ты познаешь суд судьбы.
Моли у неба своего Бертрана:
Еще прозреть есть время, может быть!..

1927

ЛИДИИ ЛИПКОВСКОЙ

Вы так жалеете, что том моих стихов
Забыт в Америке перед отъездом Ва́ми.
Греха подобного не наказать словами,
И я даю вам... отпущение грехов!

Вы говорите, что среди сонетных строф
Вы не нашли Вам посвященных мной. Как даме,
Я Вам, польщенный, отвечаю: Вас стихами
Я пел четырежды, и впредь всегда готов...

Сирень весны моей! Вот я на Вас гляжу,
Переносясь мечтой к совсем иному мигу,
Когда я молод был и мир готовил к сдвигу,

И Вы, мой соловей, мне пели на межу.
И пусть Вы зá морем мою забыли книгу,
Я голос Ваш всегда в душе своей вожу.

17 сент<ября> 1924
Варшава

ДЕВЯТОЕ ОКТЯБРЯ

ДЕВЯТОЕ ОКТЯБРЯ

Девятого октября
Оранжевая заря
Свела нас у струй реки.
Молила рука руки.

Девятого октября
Пришел я к реке, горя
Любовью к тебе большой,
Постигнув тебя душой.

Девятого октября
Ты встретилась мне, даря
Святое свое святых
И свой непорочный стих.

С тех пор я, ничей, стал твой,
И ты над моей листвой –
Оранжевая заря
С девятого октября.

1923
Юрьев

ДОРОЖЕ ВСЕХ...

Моя жена всех женщин мне дороже
Величественною своей душой.
Всю мощь, всю власть изведать ей дай, Боже,
Моей любви, воистину большой!

Дороже всех, – и чувства вновь крылаты,
И на устах опять счастливый смех...
Дороже всех: дороже первой Златы!
Моя жена душе дороже всех!

Моя жена мудрей всех философий, –
Завидная ей участь суждена.
И облегчить мне муки на Голгофе
Придет в тоске одна моя жена!

1923

ЕЕ ПИТОМЦЫ

Она кормила зимних птичек,
Бросая крошки из окна.
От их веселых перекличек
Смеялась радостно она.

Когда ж она бежала в школу,
Питомцы, слыша снега хруст,
Ватагой шумной и веселой
Неслись за ней с куста на куст!

1923
Озеро Uljaste

"МОРЯНА"

Есть женщина на берегу залива.
Ее душа открыта для стиха.
Она ко всем знакомым справедлива
И оттого со многими суха.

В ее глазах свинцовость штормовая
И аметистовый закатный штиль.
Она глядит, глазами омывая
Порок в тебе, – и ты пред ней ковыль...

Разочарованная в человеке,
Полна очарования волной.
Целую иронические веки,
Печально осиянные луной.

И твердо знаю вместе с нею: грубы
И нежные, и грубые нежны.
Ее сомнамбулические губы
Мне дрогнули об этом в час луны...

1924
Озеро Uljaste

ФИОЛЕТОВОЕ ОЗЕРКО

Далеко, далеко, далеко
Есть сиреневое озерко,
Где на суше и даже в воде –
Ах, везде! ах, везде! ах, везде! –
Льют цветы благодатную лень,
И названье цветам тем – Сирень.

В фиолетовом том озерке –
Вдалеке! вдалеке! вдалеке! –
Много нимф, нереид, и сирен,
И русалок, поющих рефрен
Про сиренево-белую кровь,
И названье тем песням – Любовь.

В той дали, в той дали, в той дали, –
Где вы быть никогда не могли, –
На сиреневом том озерке, –
От земли и небес вдалеке, –
Проживает бесполая та –
Ах, не истинная ли Мечта? –
Кто для страсти бесстрастна, как лед...

И полет, мой полет, мой полет –
К неизведанному уголку,
К фиолетовому озерку,
В ту страну, где сирени сплелись,
И званье стране той – Фелисс!

1923

ЗАКАТЫ ОДИНОЧЕСТВА

Если с нею – как храм, природа.
Без любимой – она тюрьма.
Я за марку улов свой отдал:
Без обеда – не без письма.

Я пишу ей, что трижды встретил
Без нее – и я жив? – закат,
Что не надо рождаться детям,
Если ждет их, как нас, тоска.

Что для счастья большой и белой
И единственной, как земля,
Я не знаю, чего не сделал,
Но я знаю, что сделал я!

1925
Озеро Uljaste

И ТОГДА –

В альбом Б.В. Правдину

Я грущу по лесному уюту,
Взятый городом в плен на два дня.
Что ты делаешь в эту минуту
Там, у моря теперь, без меня?

В неоглядное вышла ли поле
В золотистых сентябрьских тонах?
И тогда – сколько радости воли
В ненаглядных, любимых глазах!

Или, может быть, легкой походкой
Ты проходишь по пляжу сейчас?
И тогда – море с дальнею лодкой
В зеркалах обожаемых глаз...

Или в парк по любимой тропинке
Мчишься с грацией дикой козы?
И тогда – ветрятся паутинки
Женской – демонстративной – косы...

Не раскрыт ли тобою Шпильгаген?
Книга! – вот где призванье твое!
И тогда – моя ревность к бумаге:
Ты руками коснулась ее...

Неизвестность таит в себе смуту...
Знаю только – и это не ложь! –
Что вот в самую эту минуту
Ты такой же вопрос задаешь...

17 сент<ября> 1926
Юрьев

ЗЕЛЕНОЕ ОЧАРОВАНЬЕ

Распустилась зеленая и золотая,
Напоенная солнечным соком листва.
Грёз весенних вспорхнула лукавая стая,
И опять – одряхлевшие юны слова.

Снова – необъяснимо и непостижимо,
Обнадеженно, опыту наперекор –
Все разлюбленное стало нежно-любимо,
Очаровывая разуверенный взор.

И недаром ты в парке вчера щебетала
О давно не затрагиваемой любви:
Ведь на то и весна, чтобы всё, что устало,
Зазвучало, как тихие губы твои...

1928

В СНЕГАХ

Глубокий снег лежит у нас в горах.
Река в долине бег остановила.
Вся белая, слилась со снегом вилла.
И мы одни идем в своих снегах.
В устах медлительное: “Разлюбила...”
“Всегда люблю!” – поспешное в глазах.

Ну да, всегда... Я знаю, снег растает,
Под звон литавр взломает лед река.
В ней снова отразятся облака,
И в рощах жемчуг трелей заблистает.
Ну да – всегда! Об этом сердце знает!
Иначе снег лежал бы здесь – века!

1927

СЕРЕБРЯНАЯ СОНАТА

Я стою у окна в серебреющее повечерье
И смотрю из него на использованные поля,
Где солома от убранной ржи ощетинила перья
И настрожилась заморозками пустая земля.

Ничего! – ни от вас, лепестки белых яблонек детства,
Ни от вас, кружевные гондолы утонченных чувств...
Я растратил свой дар – мне врученное Богом наследство, –
Обнищал, приутих и душою расхищенной пуст...

И весь вечер – без слов, без надежд, без мечты, без желаний,
Машинально смотря, как выходит из моря луна,
И блуждает мой друг по октябрьской мерзлой поляне,
Тщетно силясь в тоске мне помочь, – я стою у окна.

1925

НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ СОН

Мне удивительный вчера приснился сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока.
Лошадка тихо шла. Шуршало колесо.
И слезы капали. И вился русый локон.

И больше ничего мой сон не содержал...
Но, потрясенный им, взволнованный глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно дрожа,
О странной девушке, не позабывшей Блока...

1927

ПОЮЩИЕ ГЛАЗА

Над калиткой арка из рябины.
Барбарис разросся по бокам.
За оградой домик голубиный.
Дым из труб, подобный облакам.

Домик весь из комнаты и кухни.
Чистота, опрятность и уют.
Подойди к окну и тихо стукни:
За стеклом два глаза запоют.

Женщина с певучими глазами
Спросит, кто любимый твой поэт,
И, с улыбкой прислонившись к раме,
Терпеливо будет ждать ответ.

Назови какое хочешь имя:
Будь то Надсон или Малларме,
В дом, где облака таятся в дыме,
Будешь вхож, назвать себя сумев.

Если же ты скажешь: “Что мне в этом!
Знать стихов я вовсе не хочу”.
Женщина, рожденная поэтом,
Вдруг погасит взоры, как свечу.

И хотя бы кудри поседели
Пред стеклом, скрывающим уют,
О твоем тебя не спросят деле
Те глаза, которые поют...

1927

НА ЗАКАТЕ

...отдыхала глазами на густевшем закате...
Н. Лесков

Отдыхала глазами на густевшем закате,
Опустив на колени том глубинных листков,
Вопрошая в раздумьи, есть ли кто деликатней,
Чем любовным вниманьем воскрешенный Лесков?

Это он восхищался деликатностью нищих,
Независимый, гневный, надпартийный, прямой.
Потому-то любое разукрасят жилище
Эти книги премудрости вечной самой.

А какие в них ритмы! А какая в них залежь
Слов ядреных и точных русского языка!
Никаким модернистом ты Лескова не свалишь
И к нему не посмеешь подойти свысока.

Достоевскому равный, он – прозеванный гений.
Очарованный странник катакомб языка!
Так она размышляла, опустив на колени
Воскрешенную книгу, созерцая закат.

1928

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

В твою мечтальню солнце впрыгнуло
С энергиею огневой,
И, разогревшись, кошка выгнула
Полоски шубки меховой.

И расплескался луч в хрусталиках
Цветочной вазы от Фраже,
С улыбкой на диванных валиках
Заметив томики Бурже...

Луч попытается камелии
Понюхать, в тщетном рвеньи рьян.
Разглядывая рукоделия,
Тебе укажет на изъян.

Потом (пойми, ведь солнце молодо
И пустовато, как серсо!)
Чуть-чуть придать захочет золота
Недопитому кюрасо...

О, солнце марта любознательно,
В нем шутка и предвешний хмель!
Смотри, сосет оно признательно
Развернутую карамель...

И все стремится в сердце девичье
Бесцеремонно заглянуть:
Вместилась в грудь строфа ль Мицкевича,
Строфа ль Мюссэ вместилась в грудь?

И напроказничав в мечталенке,
Взглянув кокетливо в трюмо,
Запрячется в конвертик маленький,
В котором ты пошлешь письмо...

1926

УЗОР ПО КАНВЕ

По отвесному берегу моря маленькой Эстии,
Вдоль рябины, нагроздившей горьковатый коралл,
Где поющие девушки нежно взор заневестили,
Чья душа целомудренней, чем берёзья кора,

По аллее, раскинутой над черной смородиной,
Чем подгорье окустено вплоть до самой воды,
Мы проходим дорогою, что не раз нами пройдена,
И все ищем висячие кружевные сады...

И все строим воздушные невозможные замки,
И за синими птицами неустанно бежим,
Между тем как поблизости – ласточки те же самые,
Что и прошлый раз реяли, пеночки и стрижи.

Нет, на птицу, на синюю не похожа ты, ласточка,
На палаццо надземное не похожа изба.
Дай рябины мне кисточку, ненаглядная Эсточка,
Ту, что ветер проказливо и шутя колебал...

1923
Toila–Valaste

ОТЛИЧНОЙ ОТ ДРУГИХ

Ты совсем не похожа на женщин других:
У тебя в меру длинные платья,
У тебя выразительный, сдержанный стих
И выскальзыванье из объятья.

Ты не красишь лица, не сгущаешь бровей
И волос не стрижешь в жертву моде.
Для тебя есть Смирнов, но и есть соловей,
Кто его заменяет в природе.

Ты способна и в сахаре выискать "соль",
Фразу – в только намекнутом слове...
Ты в Ахматовой ценишь бессменную боль,
Стилистический шарм в Гумилеве.

Для тебя, для гурманки стиха, острота
Сологубовского триолета,
И, что Блока не поцеловала в уста,
Ты шестое печалишься лето.

А в глазах оздоравливающих твоих –
Ветер с моря и поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне и стала женою.

1927

ЛЮБОВЬ КОРОННАЯ

Посв. Ф.М.Л.

Она, никем не заменимая,
Она, никем не превзойденная,
Так неразлюбчиво любимая,
Так неразлюбчиво влюбленная,

Она, вся свежесть призаливная,
Она, моряна с далей севера,
Как диво истинное, дивная,
Меня избрав, в меня поверила.

И обязала необязанно
Своею верою восторженной,
Чтоб всё душой ей было сказано,
Отторгнувшею и отторженной.

И оттого лишь к ней коронная
Во мне любовь неопалимая,
К ней, кто никем не превзойденная,
К ней, кто никем не заменимая!

1929

ТВОЯ ДОРОЖКА

Свеже́й душистого горошка,
И значит – свежести свежей,
Немножко больше, чем немножко,
Ты захотела стать моей...

И к свежим я влекусь озерам
В незаменимости лесной,
Твоим сопровождаем взором,
Сопутствуем твоей весной.

Он сник, услад столичных демон,
Боль причинивший не одну...
Я платье свежее надену!
Я свежим воздухом вздохну!

Я – твой! Веди меня! Дорожка,
Мне выисканная тобой, –
Свежей душистого горошка:
Свежее свежести самой!

1929

ВЕДЬ ТОЛЬКО ТЫ ОДНА!

Ни одного цветка, ни одного листка.
Заосенел мой сад. В моем саду тоска.

Взад и вперед хожу, по сторонам гляжу.
О чем подумаю, тебе сейчас скажу.

Ведь только ты одна всегда, всегда нежна,
В печальной осени душе всегда нужна.

И только стоит мне взглянуть в глаза твои –
Опять весна пришла, и трелят соловьи.

И на устах моих затеплен юный стих
От прикасания живящих уст твоих.

И пусть в саду пустом ни одного цветка,
И пусть в бокале нет ни одного глотка,

И пусть в столе моем нет ни одной строки, –
Жду мановения твоей благой руки!

1929

ЛЮБОВНИЦА

1

“Любовница” пошло звучит, вульгарно,
Как все позахватанное толпой,
Прочти ли сам Пушкин свой стих янтарный,
Сама ли Патти тебе пропой.

Любовница – плоть и кровь романа,
Живая вода мировых поэм.
Вообразить себе Мопассана
Без этого слова нельзя совсем...

Любовница – дивное русское слово,
И как бы ты смел на него напасть,
Когда оно – жизни основа
И в нем сочетались любовь и страсть?!

2

В этом слове есть что-то неверное,
Драматическое что-то есть,
Что-то трогательное и нервное, –
Есть оправдываемая месть.

В этом слове есть томик шагреневый,
На бумаге веленевой станс.
В этом слове есть тайна Тургенева
И сиреневый вешний романс.

Благодатно до гроба запомнится
Озаряющее бытиё
Грустно-нежное слово “любовница”,
Обласкавшее сердце твое.

3

Если же слово это
Может быть применимо
К собственной – не другого
И не к чужой – жене,

Счастье тебе готово,
Равное власти Рима
В эру его расцвета,
Можешь поверить мне!

1929

СТИХИ ОКТЯБРЬСКОГО ЗАКАТА

Ты чутко читала Сергея Волконского
На синей тахте у стены голубой.
Я только что кончил работу с эстонского,
И мы говорили о книге с тобой.

– Ведь это не часто, чтоб книга претолстая
Была целиком и умна, и тонка, –
Сказала так славно, и хлынули волосы
Каштановым ливнем на край дневника.

Луч солнца упал на склоненную талию,
На женственный шелк старомодных волос.
И нас, северян, потянуло в Италию,
И южное в северном сердце зажглось!

Ты вспомнила строфы священные Блоковы,
Шепнула: "И нашим бы музам на юг..."
А луч западающий двигался около,
Как будто обрадовался: "Узнаю!"

1929

КАК ХОРОШО...

Как хорошо, что вспыхнут снова эти
Цветы в полях под небом голубым!
Как хорошо, что ты живешь на свете
И красишь мир присутствием своим!

Как хорошо, что в общем вешнем шуме
Милей всего твой голос голубой,
Что, умирая, я еще не умер
И перед смертью встретился с тобой!

1928

НА КОЛОКОЛА

НА КОЛОКОЛА

Ко всенощной зовут колокола,
Когда, в путь вышедшие на рассвете,
Мы различаем в далях монастырь.

Окончен лес, и пыльная бела
В полях дорога к церкви, где на третьей
Версте гора, вокруг которой ширь.

Там, за полями, на горе собор
В лучах печалящегося заката,
И не печальные ли купола?

Нам, проозеренный оставив бор,
Где встретилась с утра одна лишь хата,
Идти на нежные колокола.

У башенки зубчатого кремля,
Воздвигнутой над позаросшим скатом,
Свернув с пути, через калитку мы

Вступаем в монастырь. Его земля
Озарена печалящим закатом,
И в воздухе сгущенье белой тьмы.

Монашенки бесшумны и черны.
Прозрачны взоры. Восковые лики.
Куда земные дели вы сердца?

Обету – в скорби данному – верны,
Как вы в крови своей смирили клики?
Куда соблазн убрали из лица?

Иль, может быть, покойницы на вид,
Иных живых вы, девушки, живее,
И молодость повсюду молода?

И в ночь, когда сирень зашевелит
Свой аромат и вас весной овеет,
Не ищете ли повод для стыда?..

1927

МОЛИТВА

Достоевскому

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая,
Я говорю: Жизнь прожита большая,
Неповторяемая на земле!
Всё находимое порастерял
И вот, слезами взоры орошая,
Я говорю: Жизнь прожита большая...
Проговорил – и сердцем обомлел:

Большая жизнь, но сколького не знал!
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дольше жизнь, тем явственней сигнал...
С кем из безвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолюсь теперь в монастыре...

Ночь под 1927-й год

ЗЕМНОЕ НЕБО

Как царство средь царства, стоит монастырь.
Мирские соблазны вдали за оградой.
Но как же в ограде – сирени кусты,
Что дышат по вёснам мирскою отрадой?

И как же от взоров не скрыли небес, –
Надземных и, значит, земнее земного, –
В которые сто́ит всмотреться тебе,
И всё человеческим выглядит снова!

1927

НА МОНАСТЫРСКОМ ЗАКАТЕ

Если закат в позолоте,
Душно в святом терему.
Где умерщвленье для плоти
В плоти своей же возьму?

Дух воскрыляю свой в небо...
Слабые тщетны мольбы:
Все, кто вкусили от хлеба,
Плоти навеки рабы.

Эти цветы, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что теплотой золотится,
Попросту сводят с ума...

Мы и в трудах своих праздны, –
Смилуйся и пожалей!
Сам Ты рассыпал соблазны
В дивной природе своей...

Где ж умерщвленье для плоти
В духе несильном найду?
Если закат в позолоте –
Невыносимо в саду...

1927

ЧЕРНЫЕ, НО БЕЛЫЕ

Белоликие монахини в покрывалах скорбно-черных,
Что в телах таите, девушки, духу сильному покорных?

И когда порханье запахов в разметавшемся жасмине,
Не теряете ли истины в ограждающем Амине?

Девушки богоугодные, да святятся ваши жертвы:
Вы мечтательны воистину, вы воистину усердны!

Но ведь плотью вы оплотены, и накровлены вы
кровью, –
Как же совладать вы можете и со страстью,
и с любовью?

Соловьи поют разливные о земном – не о небесном,
И о чувстве ночи белые шепчут грешном и прелестном...

И холодная черемуха так тепло благоухает,
И луна, луна небесная, по-земному так сияет...

Как же там, где даже женщины, даже женщины –
вновь девы,
Безнаказанно вдыхаете ароматы и напевы?

Не живые ль вы покойницы? Иль воистину святые? –
Черные, благочестивые, белые и молодые!

1927

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ

С.В. Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада – в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят, нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...

1927

У МОРЯ И ОЗЕР

У МОРЯ И ОЗЕР

У моря и озер, в лесах моих сосновых,
Мне жить и радостно, и бодро, и легко,
Не знать политики, не видеть танцев новых
И пить, взамен вина, парное молоко.

В особенности люб мне воздух деревенский
Под осень позднюю и длительной зимой,
Когда я становлюсь мечтательным, как Ленский,
Затем, что дачники разъехались домой.

С отъездом горожан из нашей деревеньки
Уходит до весны (как это хорошо!)
Всё то ходульное и то "на четвереньках",
Из-за чего я сам из города ушел...

Единственно, о чем взгрустнется иногда мне:
Ни звука музыки и ни одной души,
Сумевшей бы стиха размер расслышать давний
Иль новый – всё равно, кто б о стихе тужил.

Здесь нет таких людей, и вот без них мне пусто:
Тот отрыбачил день, тот в поте отпахал...
Как трудно без души, взыскующей искусства,
Влюбленной в музыку тончайшего стиха!

Доступность с простотой лежат в моих основах,
Но гордость с каждым днем все боле мне сродни:
У моря и озер в лесах моих сосновых
Мы с Музой радостны, но в радости – одни.

1927

НА ЗЕМЛЕ В КРАСОТЕ

Восемь лет я живу в красоте
На величественной высоте.
Из окна виден синий залив.
В нем – луны золотой перелив.

И – цветущей волной деревень –
Заливает нас в мае сирень,
И тогда дачки все и дома –
Сплошь сиреневая кутерьма!

Оттого так душисты мечты –
Не сиреневые ли цветы?
Оттого в упоенье душа,
Постоянно сиренью дыша...

А зимой – на полгода – снега,
Лыжи, валенки, санки, пурга.
Жарко топлена русская печь.
Книг классических четкая речь.

Нет здесь скуки, сводящей с ума:
Ведь со мною природа сама.
А сумевшие сблизиться с ней
Глубже делаются и ясней.

Нет, не тянет меня в города,
Где царит "золотая орда".
Ум бездушный, безумье души
Мне виднее из Божьей глуши.

Я со всеми в деревне знаком:
И с сапожником, и с рыбаком.
И кого не влекут кабаки,
Те к поэту идут рыбаки.

Скучно жить без газет мужичку;
Покурить мне дадут табачку,
Если нет у меня самого.
Если есть – я даю своего.

Без коня, да и без колеса
Мы идем на озера в леса
Рыболовить, взяв хлеба в суму,
Возвращаясь в глубокую тьму.

И со мной постоянно она,
Кто ко мне, как природа, нежна,
Чей единственно-истинный ум
Шуму дрязг предпочел синий шум.

Я природой живу и дышу,
Вдохновенно и просто пишу.
Растворяясь душой в простоте,
Я живу на земле в красоте!

1925

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет – грустных лет! – как заброшен
в приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет – страшных лет! – удушающего равнодушья
Белой, красной – и розовой! – русских общественных групп.

Десять лет! – тяжких лет! – обескрыливающих лишений,
Унижений щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет – грозных лет! – сатирических строф по мишени,
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.

Десять лет – странных лет! – отреченья от многих привычек,
На теперешний взгляд – мудро-трезвый – ненужно-дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озер, перелесков, и птичек,
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!

Но зато столько ж лет, лет невинных, как яблоней белых
Неземные цветы, вырастающие на земле,
И стихов из души, как природа, свободных и смелых,
И прощенья в глазах, что в слезах, и – любви на челе!

1927

НЕ УСТЫДИСЬ...

Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь еще один расцвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса.

Земля цветет, вчера еще нагая,
Цветет душа, ее цветам внемля.
Нисходит в сердце радость всеблагая.
Ценней бессмертья – смертная земля!

Один лишь раз живя на этом свете
И ощущая землю только раз,
Забудь о судьбах будущих столетий:
Вся жизнь твоя – в лучах раскрытых глаз!

1926

В ДЕРЕВУШКЕ У МОРЯ̀

В деревушке у моря, где фокстротта не танцуют,
Где политику гонят из домов своих метлой,
Где целуют не часто, но зато, когда целуют,
В поцелуях бывают всей нетронутой душой;

В деревушке у моря, где избушка небольшая
Столько чувства вмещает, где – прекрасному сродни –
В город с тайной опаской и презреньем наезжая
По делам неотложным, проклинаешь эти дни;

В деревушке у моря, где на выписку журнала
Отдают сбереженья грамотные рыбаки
И которая гневно кабаки свои изгнала,
Потому что с природой не соседят кабаки;

В деревушке у моря, утопающей весною
В незабвенной сирени, аромат чей несравним, –
Вот в такой деревушке, над отвесной крутизною,
Я живу, радый морю, гордый выбором своим!

1927

СОБЛАЗНЫ ВЛАГИ

В однообразии своем разнообразны,
Они разбросаны, как влажные соблазны,
Глазами женскими, и женственны они,
Как дальней юности растраченные дни.
Я часто к ним иду, покорный власти зова.
Один прохладный глаз лучится васильково.
Другой – коричневый – лукавой глубиной
Коварно ворожит, веселый, надо мной.
И серый – третий – глаз, суровый, тайно-нежный,
Напоминает мне о девушке элежной,
Давно утраченной в те щедрые лета,
Когда вот эта жизнь была совсем не та...
И глядя на друзей, взволнованных и влажных,
Я вспомнил девушек в домах многоэтажных
И женщин с этою озерностью в глазах,
Всех женщин, взрощенных и вскормленных в лесах
Отчизны, взвившейся на мир змеей стожалой,
Крылатой родины, божественной, но шалой...

Их было у меня не меньше, чем озер
В лесу, где я иду к обители сестер:
Не меньше ста озер и женских душ не меньше,
Причем три четверти приходится на женщин.
И, углубляясь в приозерные леса,
Я вижу их глаза, я слышу голоса
И слезы вижу я, и смех припоминаю...
Я ими обладал, – я их теперь не знаю.
Я смутно помню их, когда-то близких мне,
Мне отдававших всё со мной наедине –
И души, и тела... И что боготворимо
Когда-то было мной, теперь не больше дыма...
В разнообразии своем однообразны
Вдруг стали все они, и влажные соблазны
Их некогда живых и мертвых ныне глаз
Не будят нежности, не вовлекут в экстаз.
Насколько радостны негаданные встречи,
Настолько тягостны разлуки. Вы – далече,
Непредназначенные женщины мои!..

И видя хлесткие движения змеи,
Ползущей к озеру, и вспомнив о России,
Глаза усталые, глаза немолодые
Закрыв в отчаяньи, я знаю, что слеза
Мне зацелованные женщиной глаза
Кольнет нещедрая – последняя, быть может:
Утеря каждая до сей поры тревожит...
О, эти призраки! Мучительны они...
Я силюсь позабыть растерзанные дни,
Смотрюсь в озера я, но – влажные соблазны
В однообразии уже однообразны...

14 окт<ября> 1928

В ПУТИ

Иду, и с каждым шагом рьяней
Верста к версте – к звену звено.
Кто я? Я – Игорь Северянин,
Чье имя смело, как вино!

И в горле спазмы упоенья.
И волоса на голове
Приходят в дивное движенье,
Как было некогда в Москве...

Там были церкви златоглавы
И души хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла.

Вспененная и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе себя читая,
Версту глотаю за верстой!

4 октября 1928

В ПУСТЫЕ ДНИ

Бывает: сразу станут дни пусты.
Рьянь стихнет в них. Я складываю книжки
И тридцать верст иду без передышки
В свой девичий озерный монастырь.

Идти лесными тропами легко,
Бесчисленные обходить озера,
Идти не очень тихо и не скоро,
Дышать сосной и влагой глубоко.

Со мною только удочка моя –
Дороже всех услад земных тростинка.
Об Аглавене грежу Метэрлинка
И мучаюсь о Селизете я...

К закату возникает монастырь.
Мне шлют привет колокола вечерни.
Все безнадежнее и все безмерней
Я чувствую, как дни мои пусты...

1928

ВОДА ПРИМИРЯЮЩАЯ

Сам от себя – в былые дни позёра,
Любившего услад душевных хмель –
Я ухожу раз в месяц на озера,
Туда, туда – “за тридевять земель”...

Почти непроходимое болото.
Гнилая гать. И вдруг – гористый бор,
Где сосны – мачты будущего флота –
Одеты в несменяемый убор.

А впереди, направо, влево, сзади,
Куда ни взглянешь, ни шагнешь куда,
Трав водяных взлохмаченные пряди
И всё вода, вода, вода, вода...

Как я люблю ее, всегда сырую
И нежную, и ёмкую, как сон...
Хрустальные благословляют струи:
Я, ими углубленный, вознесён.

Люблю сидеть над озером часами,
Следя за ворожащим поплавком,
За опрокинутыми вглубь лесами
И кувыркающимся ветерком...

Как солнышко, сверкает краснопёрка,
Уловлена на острие крючка.
Трепещущая серебрится горка
Плотвы на ветхом днище челнока.

Под хлюпанье играющей лещихи,
Что плещется, кусая корни трав,
Мои мечты благочестиво-тихи,
Из городских изъятые оправ...

Так как же мне от горя и позора
К ненужью вынуждающей нужды
Не уходить на отдых на озера
К смиренью примиряющей воды?..

Сентябрь 1926

ЛЕСНЫЕ ОЗЕРА

За пустынною станцией Орро,
От морской теплоты в стороне,
Шелестят шелковисто озера
О развееренной старине...

К ним лесные приводят канавы,
Тропки вьются, вползая в бурьян.
Все в слепнях мечевидные травы.
В медуницах цветет валерьян.

Скрылось первое озеро в желтый
Длинностебельный лильчатый шарф,
Что при солнце слепительно золот:
Это – тинистое Пиен-Ярв.

А за ним – удаленное к югу,
Растворенное в голубизне,
Голубому подобное лугу, –
Дремлет Изана-Ярв в полусне.

Мы идем, как лунатики, в чарах,
Отдаляясь от моря и рек.
Нас приветствует, всё в ненюфарах,
Сонно-нежное озеро Рэк.

Под сосновою скользкой горою,
Жуть в глубины бездонные влив,
В час рассвета и лунной порою
Угрожающе озеро Лийв.

Салютуя удилищем влаге,
Мы идем к благодати полян,
Где береза сквозистые флаги
Наклоняет над озером Пан.

Но вся песня была бы бестактна,
Если б этой, последней из строф,
Я не отдал для озера Акна,
Украшенья эстийских лесов.

Август 1926

МОЯ УДОЧКА

Эта удочка мюнхенского производства,
Неизменная спутница жизни моей,
Отвлекает умело меня от уродства
Исторических – и истерических! – дней.

Эта палочка тоненькая, как тростинка,
Невесомая, гибкая, точно мечта,
Точно девушка, – уж непременно блондинка, –
Восхитительные мне открыла места.

Нежно взяв ее в руки и мягко лаская,
Как возлюбленную, я иду с ней в леса,
Где не встретится нам эта нечисть людская,
Где в озерах поблескивают небеса.

Мы идем с нею долго – с утра до заката –
По тропинкам, что трудный соткали узор.
Нам встречается лишь лесниковая хата,
Но зато нам встречается много озер!

И на каждом из них, в мелочах нам знакомом,
Мы безмолвный устраивать любим привал.
Каждый куст служит нам упоительным домом,
Что блаженство бездомному мне даровал.

Наклонясь над водой и любуясь собою
В отразивших небес бирюзу зеркалах,
Смотрит долго подруга моя в голубое,
Любопытство в тигровых будя окунях.

И маня их своим грустно-хрупким нагибом,
Привлекает на скрытый червями крючок,
Чисто женским коварством доверчивым рыбам
Дав лукавый, – что делать: смертельный, – урок.

Уловив окунька, выпрямляется тотчас
И, свой стан изогнув, легкий свист торжества
Издавая, бросает, довольная очень,
Мне добычу, лицо мне обрызгав едва...

Так подруга моя мне дает пропитанье,
Увлекает в природу, дарует мечты.
Оттого-то и любы мне с нею скитанья –
С деревянной служительницей Красоты!

1927

У ЛЕСНИКА

Мы ловили весь день окуней на лесистых озерах
От зари до зари. Село солнце. Поднялся туман.
Утомились глаза, поплавки возникали в которых
На пути к леснику, чью избушку окутала тьма.

Закипал самовар. Тени мягкие лампа бросала.
Сколько лет старику? Вероятно, не меньше, чем сто.
Яйца, рыба, и хлеб, и кусочки холодного сала
Были выставлены на – приманчивый к вечеру – стол.

И зашел разговор, разумеется, начатый с рыбы,
Перешедший затем на людей и на их города.
И когда перед сном мы, вставая, сказали спасибо,
О нелепости города каждый посильно страдал:

Ведь не явный ли вздор – запереться по душным квартирам,
Что к ненужным для жизни открытьям людей привели?
Этот старый лесник, говоривший о глупости мира,
В возмущенье своем был евангельски прост и велик.

1927

В ЗАБЫТЬИ

В белой лодке с синими бортами,
В забытьи чарующих озер,
Я весь день наедине с мечтами,
Неуловленной строфой пронзен.

Поплавок, готовый кануть в воду,
Надо мной часами ворожит.
Ах, чего бы только я не отдал,
Чтобы так текла и дальше жизнь!

Чтобы загорались вновь и гасли
Краски в небе, строфы – в голове...
Говоря по совести, я счастлив,
Как изверившийся человек.

Я постиг тщету за эти годы.
Что осталось, знать желаешь ты?
Поплавок, готовый кануть в воду,
И стихи – в бездонность пустоты...

Ничего здесь никому не нужно,
Потому что ничего и нет
В жизни, перед смертью безоружной,
Протекающей как бы во сне...

1926

В ЧАСЫ РОСЫ

Засмотревшись в прохладную прозелень
Ключевой и бездонной воды,
Различаешь, как водит по озеру
Окуней в час росы поводырь...

И когда пук червей в глубь посыпался,
Наблюдаешь, с нажимом в бровях,
Как коленчатого схватят выползня –
Извивающегося червя...

И тогда уж, не чувствуя лодочки
Под собой, ни себя, ничего –
Снарядив невесомые удочки,
Воплощаешься в свой поплавок...

1926

В ГИЧКЕ

Речка, от ветра рябая,
Качкою гичке грозит.
Гичка моя голубая
Быстро по речке скользит.

Вдоль уводящих извилин
Встал увлекающий лес.
Весело, как в водевиле,
Плыть по воде на Земле.

В озеро к ночи въезжая –
В глаз голубой Божества, –
Шепчешь: Земля – не чужая:
Здесь я и раньше бывал...

Всё мне знакомо земное
В дымке особой земной:
Озеро ли голубое,
Взгляд ли очей голубой,

Лодочка ли голубая,
Голубь ли в голубизне
Неба, где грусть колебала
Душу, и мертвый грустнел...

1927

ИЗОЛЬДА ИЗО ЛЬДА

Этот лес совсем по Мейерхольду
Ставила природа, и когда
Я войду в него, свою Изольду
Встречу в нем – Изольду изо льда...

Взгляд ее студеный смотрит зорко
Сквозь обставшие ее леса.
Блестко выхрусталено озёрко,
И на нем заката полоса.

Создал чей резец мою снегурку,
Девственную женщину мою?
В Сивку-Бурку – вещую Каурку
Превращу покорную скамью...

И взлетя на ней победолетно,
Вскрою вены – кровью исколоть
Голубой снегуркин лед бесплотный,
Чтобы он воспринял кровь и плоть!

1929

СЛЕЗЫ МЕРТВЫХ НОЧЕЙ

Однажды осенью, совсем монастырскою осенью,
Когда в грустнеющей и шепотной просини вод
Успокоение, плыла она в лодке по озеру,
Был день Успения и нежное в нем торжество.

О, слезы женские! Все озеро вами наструено,
Из глаз монашеских накаплено до берегов.
Оно наслезено, – в нем просто воды нет ни дюйма.
Оно наплакано монахинями глубоко.

И этой девушкой, что плавала грустно по озеру,
Весло опущено не в воду, а в слезы всех тех,
Кто жизнь оплакивал всю жизнь – и весною, и осенью, –
Кто в ночи мертвые о грешной вздыхал суете...

1929

ОЗЕРО ДЕВЬИХ СЛЕЗ

Заголубеет первозимок,
Снежинка сядет на плечо, –
Тогда меня неотразимо
К нагорным соснам повлечет.

И в лес путем голубоватым
В час лучезарящейся мглы
Шагну – по полушубку ваты
Зимы – безудержностью лыж.

Я побегу, снега утюжа,
Свой путь обратный желобя.
Мороз окреп, – ноге все туже:
Я упоенностью объят!

По вызеркаленным озерам,
В них облик скользкий отразив,
Промчусь, как снизившийся ворон,
Куда ведут меня стези.

Они ведут, – в закате бронза,
И сосны гор ее пестрят, –
На озеро – дев слезы – Конзо
У женского монастыря...

1928

ОЗЕРО РЭК

Ряды березок удочкообразных.
Меж них тропа. За ними же, правей,
Ползет река. Вода в тонах топазных.
И на плывущей щепке – муравей.

Вдруг поворот налево. Мостик. Горка.
И апельсинно-лучезарный бор.
Вспорхнула растревоженно тетёрка,
Нас не заметившая до сих пор.

Внизу, меж сосен в блещущих чешуйках,
Печальное сизеет озерко.
Над ним стою в табачных синих струйках
И думаю светло и глубоко.

Пятнадцать верст прошел, покинув море,
Чтоб грусть и нежность, свойственные Рэк,
Впитать, чтоб блеклые увидеть зори
Озёрные, любимые навек.

Красиво это озеро лесное.
Какая сонь! Какая тишина!
В нем грусть, роднящая его со мною,
И завлекающая глубина.

Из обволакивающего ила
Не сделать ли последнюю постель?
– О, Рэк! О, Рэк! поэтова могила! –
В ближайшем поле скрипнет коростель...

Сентябрь 1928

ОЗЕРО ЛИЙВ

Луны рыбоносной последняя четверть.
Наструненность лес на закатах ущерба.
Во влажных зеркалах просохшие ветви.
Рдян воздух. Всю воду из водных пещер бы!

Тогда бы узрел легендарную щуку,
Векующую в озорной озери́не.
Страх смотрится в воду. Хохочет. Ищу,
Куда бы укрыться мне в этой грустыне.

И ели на скатах крутых – как попало
(Как семя попало!), нахмурясь космато.
И "спальней графини" пчела прожужжала,
Откуда-то взявшись и девшись куда-то...

1928

ОЗЕРО КОНЗО

На озере Конзо, большом и красивом,
Я в лодке вплываю в расплавленный зной.
За полем вдали монастырь над обрывом,
И с берега солнечной пахнет сосной.

Безлюдье вокруг. Все объято покоем.
Болото и поле. Леса и вода.
Стрекозы лазурным проносятся роем.
И ночи – как миги, и дни – как года.

К столбам подплываю, что вбиты издревле
В песчаное, гравием крытое дно.
Привязываюсь и мечтательно внемлю
Тому, что удильщику только дано:

Громадные окуни в столбики лбами
Стучат, любопытные, лодку тряся,
И шейку от рака хватают губами:
Вот всосан кусочек, а вот уж и вся.

Прозрачна вода. Я отчетливо вижу,
Как, шейку всосав, окунь хочет уйти.
Но быстрой подсечкой, склоняясь все ниже,
Его останавливаю на пути.

И взвертится окунь большими кругами,
Под лодку бросаясь, весь – пыл и борьба,
Победу почувствовавшими руками
Я к борту его, и он штиль всколебал...

Он – в лодке. Он бьется. Глаза в изумленьи.
Рот судорожно раскрывается: он
Все ищет воды. В золотом отдаленьи
Укором церковный тревожится звон...

И солнце садится. И веет прохлада.
И плещется рыбой вечерней вода.
И липы зовут монастырского сада,
Где ночи – как миги, и дни – как года...

1928

С ОЗЕР НЕЗАМЕРЗШИХ

Из приморской глуши куропатчатой,
Полюбивший озера лещиные,
Обновленный, весь заново зачатый,
Жемчуга сыплю вам соловьиные –
Вам, Театра Сотрудники Рижского, –
Сердцу, Грёзой живущему, близкого;
Вам, Театра Соратники Русского, –
Зарубежья и нервы, и мускулы;
Вам, Театра Родного Сподвижники,
Кто сердец современных булыжники,
Израсходовав силы упорные,
Претворяет в ключи животворные!
А ключи, пробудясь, неиссячные –
Неумолчные, звучные, звячные –
Превращаются в шири озерные...
И, плывя по озерам, "брависсимо!"
Шлет актерам поэт независимый.

Декабрь 1926

В ЧАСЫ ПРЕДВЕСЕНЬЯ

В просолнеченные часы воскресенья
Природы и с ней Иисуса Христа –
Что может быть радостнее всепрощенья,
Облагораживающего уста?

В часы, когда вызолоченное поле
На ультрамариновый смотрит залив,
Вкушаю безропотно полное боли
Питье из полыни, восторг в него влив...

В часы, когда грёзы в надречных фиалках
И в первых травинках у трухлого пня,
Прощаю бессовестных критиков жалких,
Старающихся изничтожить меня...

Я весь преисполнен чудес воскресенья,
Чудес совершенной, высокой красы
В часы чаровательные предвесенья –
В простые, величественные часы!

1924

ТАЙМЕНЬ

Ночь выплыла из Байкала
И, поближе держась к кайме
Нижних скал (не меня ль искала?),
Ангарою пошла таймень.

К Ледовитому океану
В неприснившиеся края
Увлекла (это всё по плану!)
Малахитовая струя.

Перерезала путь фаланге
Лодок с рыбой, плывущих в порт,
Посетила в пути Архангельск
И в Норвежский зашла фиорд.

Только – долго ли там, коро́тко ль, –
Много странного пережив,
Утомленная рыба кротко
Финский выискала залив.

И в ту речку, где я весною
Постоянно, она вплыла,
И ту удочку, что со мною
Неизменно, она нашла...

Там я выудил в предвесенний
Бодрый, солнечный, тихий день
В силу высших предназначений
Мне ниспосланную таймень.

1927

НАКАНУНЕ ЛЕДОХОДА

В этот год я встречаю вторую весну,
Возвратясь с недалекого юга,
Где одна завакханилась, мне проблеснув,
И ушел я в приморский свой угол.

В эту зиму вторично вступил я в зимý,
От разливной реки к ледоставу
Возвратился опять и с восторгом приму
Ту весну, что дана мне по праву.

Здравствуй, северная, мне родная весна,
Целомудренная, чуть скупая!
Уж давно я тебя в совершенстве познал,
Всю черемухой рифм осыпая.

Ежедневно хожу к бело-спящей реке
Измененья следить ледостоя,
Льдины моря, мокреющие вдалеке,
И само это море пустое.

Замечаю, как желтая с мутью вода
С каждым днем накопляется нá лед.
Жду, чтоб начали льдины друг друга бодать
В час, когда их теченьем развалит.

В реку, в море умчавшую сломанный лёд,
Знаю, тотчас войдет лососина,
И когда лососина из моря войдет,
Я реки ни за что не покину.

Отдохнувшая за зиму удочка, ты,
Кто прославлена гибкой и броской,
Чтоб недаром с тобою у речки нам стыть,
Угости меня вешней лосоской!

1928

БАБОЧКА ЛИМОННАЯ

Весенеет линия
Берега вдали.
Перелески синие
В парке расцвели.

И сниженье чувствуя
В речке полых вод,
Лососина шустрая
В море вновь идет.

Вышел цветик вычурный,
Солнцем осиян.
И свинцовый исчерна
Стал клевать максан.

С верой непреклонною
Много счастья жду:
Бабочка лимонная –
Первая в году!

Май 1929

НАВЕРНЯКА

Я чувствую наверняка –
Ах, оттого и боль сугуба! –
Что прозы подлая рука
Весь этот парк повалит грубо
Когда-нибудь.

Когда-нибудь.
Не будет зарослей над речкой.
И станет выглядеть увечкой
Она, струя отбросов муть
Взамен форельности кристальной
Своей теперешней.

Дубы
Пойдут банкирам на гробы,
И парк мой, глубоко-печальный,
Познав превратности судьбы,
Жить перестанет, точно люди,
И будет гроб ему – пустырь.
И только ветер вечно будет
Ему надгробный петь псалтирь...

1923

ЧТО ШЕПЧЕТ ПАРК

О каждом новом свежем пне,
О ветви, сломанной бесцельно,
Тоскую я душой смертельно,
И так трагично-больно мне.
Редеет парк, редеет глушь.
Редеют ёловые кущи...
Он был когда-то леса гуще,
И в зеркалах осенних луж
Он отражался исполином...
Но вот пришли на двух ногах
Животные – и по долинам
Топор разнес свой гулкий взмах.
Я слышу, как, внимая гуду
Убийственного топора,
Парк шепчет: “Вскоре я не буду...
Но я ведь жил – была пора...”

1923

ЛЮБЯТ ТОЛЬКО ДУШОЙ

Хрустит под сапогом валежник:
Еще недавно здесь был куст.
В моей душе – ведь я элежник! –
Отдался грустью этот хруст.

Так каждодневно портят, рубят
И обезглушивают глушь.
И чем же парк они полюбят,
Раз вовсе не имеют душ?!..

1923

ИСТОРИЯ ИМЕНИЯ “ЧУДЛЕЙЛЬ”

Ф.М. Лотарёвой

Мисс Чу́длейль из Англии Императрице
Вакханочной Екатерине Второй
Представлена утром послом под горой,
Вблизи Приората гулявшей в теплице.

Она императорскою фавориткой
Немедленно стала, заморская мисс.
Носила прическу она с маргариткой,
Любила живое бандо – барбарис.

Немного суту́ловата, круглолица,
Она некрасива, полна и мала.
Но русско-германская императрица
Была обольстительно с нею мила.

Характер мисс Чудлейль настолько был светел,
Что даже светлейший Таврический князь
Ухаживал, робко пред нею клонясь,
Пока гнев в глазах властелинши не встретил.

Попала в опалу любимица вдруг,
В немилость попала веселая Чудлейль.
И царская ль воля, людской пересуд ли,
Но свыше решили: “Ей нужен супруг...”

Призвав одного из английских вельмож,
В семье своей сильного правом единства,
Ему намекнули: “Ее ты возьмешь”, –
И стала она герцогинею Ки́нгстон...

Под Нарвой, близ Конью, построили им
Большое величественное поместье.
Но молодожены не стали жить вместе,
И в Англию герцог уехал к своим.

Она же давала в именье пиры,
Пиры, что гремели за быстрой Наровой.
Ей гости сердца́ приносили в дары
В честь знатной хозяйки дворца дугобровой.

И не оттого ли, что Тойла моя
Верстах в четырех от дворца герцогини,
В чьем липовом парке брожу часто я,
О ней рассказать захотелось мне ныне?

1923

КУПАНЬЕ ЗВЕЗД

П.М. Костанову

Выхожу я из дома, что построен на горке, – и открыты
для взора
В розовеющей дымке повечерья и утром в золотой
бирюзе,
Грудь свежащие бодро, в хвойных линиях леса,
ключевые озера,
Где лещихи играют и пропеллером вьется стрекоза
к стрекозе.

Никуда не иду я, лишь стою перед домом, созерцая
павлиний
Хвост заката, что солнце, удаляясь на отдых,
распустило в воде.
Зеленеют, синея, зеркала, остывая, и, когда уже сини,
В них звезда, окунаясь, шлет призыв молчаливый
надозерной звезде...

И тогда осторожно, точно крадучись, звезды, совершая
купанье,
Наполняют озера, ключевые озера, и тогда, – и тогда
Я домой возвращаюсь, преисполнен восторга,
преисполнен сознанья,
Что она звездоносна, неиссячная эта питьевая вода!

1924
Озеро Uljaste.

МУДРОСТЬ ИДИЛЛИИ

Над узкою тропкою клены
Алеют в узорчатой грёзе
Корова, свинья и теленок
Прогулку свершают вдоль озера.

Коровой оборвана привязь,
Свиньею подрыта дверь хлева.
Теленок настроен игривей:
Он скачет, как рыба из невода...

Гуськом они шествуют дружно.
Мы в лодке навстречу им плыли.
Твои засверкали жемчужины
В губах, и зардели щек лилии...

И ты закричала: “Прелестно!
Ах, эта прогулка ведь чудо!”
С восторгом смотрела на лес,
Отбросила в сторону удочку...

Жемчужины рта вдруг поблёкли,
Жемчужины глаз заблистали,
И ты проронила: “Намек
На то, что и здесь, и в Италии:

Чем люди различнее, дружба
Их крепче, как это ни странно...
О, если возможно, не рушь
Божественно-непостоянного...”

1924
Озеро Uljaste

ШАТЕНКА В РОЗОВОМ

Аллеей лиственниц иду вдоль озера.
Вода прозрачная у самых ног.
Навстречу девушка мелькает розово,
Чтоб мыслить горестно поэт не мог...

Аллея темная и тьмой тяжелая,
И тьма безрадостна, и тьма пуста.
А та сверкальная! А та веселая!
И упоенная такая та!

Неторопливые подходят окуни
И неподвижные в воде стоят,
Как будто думают о русом локоне,
О платье розовом мечту таят...

28 авг<уста> 1925
Озеро Uljaste

ЗОВУЩАЯСЯ ГРУСТЬЮ

Как женщина пожившая, но все же
Пленительная в устали своей,
Из алых листьев клена взбила ложе
Та, кто зовется Грустью у людей...

И прилегла – и грешно, и лукаво
Печалью страсти гаснущей влеча.
Необходим душе моей – как слава! –
Изгиб ее осеннего плеча...

Петь о весне смолкаем мы с годами:
Чем ближе к старости, тем все ясней,
Что сердцу ближе весен с их садами
Несытая пустынность осеней...

Сент<ябрь> 1926
Valaste

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осеню́ себя о́сенью – в дальний лес уйду.
В день туманный и серенький подойду к пруду.

Листья, точно кораблики, на пруде застыв,
Ветерка ждут попутного, но молчат кусты.

Листья мокрые, легкие и сухие столь,
Что возьмешь их – ломаются поперек и вдоль.

Не исчезнуть скоробленным никуда с пруда:
Ведь она ограничена, в том пруде вода.

Берега всюду топкие с четырех сторон.
И кусты низкорослые стерегут их сон.

Листья легкие-легкие, да тяжел удел:
У пруда они выросли и умрут в пруде...

1929

НА ЭМБАХЕ

Ее весны девятой голубые
Проказливо глаза глядят в мои.
И лилию мне водяную Ыйэ
Протягивает белую: “Прими...”

Но, как назло, столь узкая петлица,
Что сквозь нее не лезет стебелек.
Пока дитя готово разозлиться,
Я – в лодку, и на весла приналег...

Прощай! И я плыву без обещаний
Ее любить и возвратиться к ней:
Мне всё и вся заменит мой дощаник,
Что окунается от окуней...

Но и в моем безлюдье есть людское,
Куда бы я свой якорь ни бросал:
Стремят крестьян на озеро Чудское
Их барж клокочущие паруса.

Взъерошенная голова космата
И взъерепененная борода.
И вся река покрыта лаком “мата”,
В котором Русь узнаешь без труда...

1929

В ЛЕСАХ ПРИВОЛЖСКИХ

Над озером смеялись берегини
Зеленовзорные и русые.
И были небеса спокойно-сини
Над обольстительной чарусою.

Мы шли весь день и захватили вечер,
Ведомы странными летасами.
Нам в городе жить больше стало нечем
С его ненужными прикрасами.

Мы ночью развели костер в лывине,
И запорхали всюду искры скорые.
И к огоньку присели берегини
Притихшие, зеленовзорые.

1930
Toila

ИГРАЙ ЦЕЛЫЙ ВЕЧЕР...

Сыграй мне из “Пиковой дамы”,
Едва ль не больнейшей из опер,
Столь трогательной в этой самой
Рассудочно-черствой Европе...

Сначала сыграй мне вступленье,
Единственное в своем роде,
Где чуть ли не до преступленья
Мечта человека доводит...

Мечта! Ты отринута миром...
Сестра твоя – Страсть – в осмеяньи...
И сердцу, заплывшему жиром,
Не ведать безумства желаний...

О, все, что ты помнишь, что знаешь,
Играй мне, играй в этот вечер:
У моря и в северном мае
Чайковский особо сердечен...

1927

ТИШЬ ДВОЯКАЯ

Высокая стоит луна.
Высокие стоят морозы.
Далекие скрипят обозы.
И кажется, что нам слышна
Архангельская тишина.

Она слышна, – она видна:
В ней всхлипы клюквенной трясины,
В ней хрусты снежной парусины,
В ней тихих крыльев белизна –
Архангельская тишина...

1929

ДЕВУШКА БЕЗЫМЯННАЯ

Она живет в глухом лесу,
Его зовя зеленым храмом.
Она встает в шестом часу,
Лесным разбуженная гамом.

И умывается в ручье.
Ест только хлеб, пьет только воду
И с легкой тканью на плече
Вседневно празднует свободу.

Она не ведает зеркал
Иных, как зеркало речное.
Ей близок ры́бáрь, житель скал,
Что любит озеро лесное.

Но никогда, но никогда
Она ему о том не скажет:
Зачем? К чему! Идут года,
И время умереть обяжет.

Ее друзья – два зайца, лось
И чернобурая лисица.
Врагов иметь ей не пришлось,
Вражда ей даже не приснится...

Не знать страданья от вражды
И от любви не знать страданья –
Удел божественный! Чужды
Ей все двуногие созданья.

И только птиц, двуногих птиц
Она, восторженная, любит.
Пусть зверство человечьих лиц
Безгрешной нежность не огрубит!

Не оттого ль и рыболов,
Любезный сердцу, инстинктивно
Ее пугает: и без слов
В нем что-то есть, что ей противно...

Людское свойство таково,
Что не людей оно пугает...
Она – земное божество,
И кто она – никто не знает!..

1923

ТЯГА НА ЮГ...

Не старость ли это, – не знаю, не знаю, –
Быть может, усталость – души седина,
Но тянет меня к отдаленному краю,
Где ласковей воздух и ярче волна.

Мне хочется теплого и голубого,
Тропических фруктов и крупных цветов,
И звончатой песни, и звучного слова,
И грёз без предела, и чувств без оков.

Я север люблю, я сроднился с тоскою
Его миловидных полей и озер.
Но что-то творится со мною такое,
Но что-то такое завидел мой взор,

Что нет мне покоя, что нет мне забвенья
На родине тихой, и тянет меня
Мое пробудившееся вдохновенье
К сиянью иного – нездешнего – дня!

1929

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ...

На планете Земле, – для ее населенья обширной,
Но такой небольшой созерцающим Землю извне, –
Где нет места душе благородной, глубокой и мирной,
Не нашедшей услады в разврате, наживе, войне;

На планете Земле, помешавшейся от самомненья
И считающей все остальные планеты ничем,
Потому что на ней – этом призрачном перле творенья, –
Если верить легенде, был создан когда-то Эдем;

Где был распят Христос, жизнь отдавший за атом вселенной,
Где любовь, налетая, скорбит на отвесной скале
В ужасе пред людьми – там, на вашей планете презренной,
Каково быть поэтом на вашей жестокой Земле?!..

1926

ФОКСТРОТТ

Король Фокстротт пришел на землю править,
    Король Фокстротт!
И я – поэт – его обязан славить,
    Скривив свой рот...

А если я фокстроттных не уважу
Всех потрохов,
Он повелит рассыпаться тира́жу
Моих стихов...

Ну что же, пусть! Уж лучше я погибну
Наверняка,
Чем вырваться из уст позволю гимну
В честь дурака!

1927

"КУЛЬТУРА! КУЛЬТУРА!"

"Культура! Культура!" – кичатся двуногие звери,
Осмеливающиеся называться людьми,
И на мировом языке мировых артиллерий
Внушают друг другу культурные чувства свои!

Лишенные крыльев телесных и крыльев духовных,
Мечтают о первых, как боле понятных для них,
При помощи чьей можно братьев убить своих кровных,
Обречь на кровавые слезы несчастных родных...

"Культура! Культура!" – и в похотных тактах фокстротта,
Друг к другу прижав свой – готовый рассыпаться – прах,
Чтут в пляске извечного здесь на земле Идиота,
Забыв о картинах, о музыке и о стихах.

Вся славная жизнь их во́ имя созданья потомства:
Какая величественная, священная цель!
Как будто земле не хватает еще вероломства,
И хамства, и злобы, достаточных сотне земель.

"Культура! Культура!" – и прежде всего: это город –
Трактирный зверинец, публичный – общественный! – дом...
"Природа? Как скучно представить себе эти горы,
И поле, и рощу над тихим безлюдным прудом...

Как скучно от всех этих лунных и солнечных светов,
Таящих для нас непонятное что-то свое,
От этих бездельных, неумных, голодных поэтов,
Клеймящих культуру, как мы понимаем ее..."

1926

ПРАЗДНИКИ

Пошлее праздников придумать трудно,
И я их внешности не выношу:
Так отвратительно повсюду людно,
Что в дивной праздности таится жуть.

Вот прифрантившееся обнищанье
Глядит сквозь розовенькие очки,
Как в банях выпаренные мещане
Надели чистые воротнички,

Как похохатывают горожанки,
Обворожаемые рожей лжи, –
Бессодержательные содержанки
Мужей, как собственных, так и чужих...

Три дочки Глупости – Бездарность, Зависть
И Сплетня – шляются, кичась, в толпе,
Где пышно чествуется мать красавиц,
Кто в праздник выглядит еще глупей.

Их лакированные кавалеры –
Хам, Вздор и барственный на вид Разврат, –
Собой довольные сверх всякой меры,
Бутылки выстроили вдоль ковра.

Кинематографом и лимонадом
Здесь открываются врата в тела,
И Пошлость радуется: "Так и надо",
И Глупость делает свои дела...

1927

СТРЕНОЖЕННЫЕ ПЛЯСУНЫ

Это кажется или это так и в самом деле,
В пору столь деловитых и вполне бездельных дел,
Что крылатых раздели, что ползучих всех одели
И ползучие надели, что им было не в удел?

И надев одеянье, изготовленное Славой
Для прославленных исто, то есть вовсе не для них,
Животами пустились в пляс животною оравой,
Как на этих сумасшедших благосклонно ни взгляни...

И танцуют, и пляшут, да не час-другой, а – годы,
Позабыв о святынях, об искусстве и любви,
Позабыв о красотах презираемой природы,
Где скрываются поэты – человечьи соловьи...

И скрываясь от гнуси со стреноженною пляской,
От запросов желудка, от запросов живота,
Смотрят с болью, презреньем и невольною опаской
На былого человека, превращенного в скота...

1927

ТЕ, КТО МОРИТ МЕЧТУ...

Я ни с этими и ни с теми,
Одинаково в стороне,
Потому что такое время,
Когда не с кем быть вместе мне...

Люди жалки: они враждою
Им положенный полувек
Отравляют, и Бог с тобою,
Надоедливый человек!

Неужели завоеванья,
Изобре́тенья все твои,
Все открытья и все познанья –
Для изнедриванья Любви?

В лихорадке вооруженья
Тот, кто юн, как и тот, кто сед,
Ищет повода для сраженья
И соседу грозит сосед.

Просветительная наука,
Поощряющая войну,
Вырвет, думается, у внука
Фразу горькую не одну.

А холопское равнодушье
К победительному стиху,
Увлеченье махровой чушью
И моленье на чепуху?

Мечтоморчатые поганки,
Шепелявые сосуны, –
В скобку стрижены мальчуганки
И стреножены плясуны.

Ложный свет увлекает в темень.
Муза распята на кресте.
Я ни с этими и ни с теми,
Потому что как эти – те!

1927

ВОЗМЕЗДИЕ

Был дух крылат,
Бескрыло тело.
Земных палат
Не захотело.

Приобрело
У птицы крылья,
Превозмогло
Свое бессилье.

Всё побороть!
Не тут-то было:
Крылата плоть,
Душа бескрыла.

1929

ОТРАДА ПРИМОРЬЯ...

Изумительное у меня настроенье:
Шелестящая чувствуется чешуя...
И слепит петухов золотых оперенье...
Неначертанных звуков вокруг воспаренье...
Ненаписываемые стихотворенья...
– Точно Римского-Корсакова слышу я.

Это свойственно, может быть, только приморью,
Это свойственно только живущим в лесу,
Где оплеснуто сердце живящей лазорью,
Где свежаще волна набегает к подгорью,
Где наш город сплошною мне кажется хворью,
И возврата в него – я не перенесу!..

Март 1927

ПОЭТУ

Как бы ни был сердцем ты оволжен,
Как бы лиру ни боготворил,
Ты в конце концов умолкнуть должен:
Ведь поэзия не для горилл...

А возможно ли назвать иначе,
Как не этой кличкою того,
Кто по-человечески не плачет,
Не переживает ничего?

Этот люд во всех твоих терцинах
Толк найдет не больший, – знаю я, –
Чем в мессинских сочных апельсинах
Тупо хрюкающая свинья...

Разве же способен мяч футбольный
И кишок фокстроттящих труха
Разобраться с болью богомольной
В тонкостях поэтова стиха?

Всех видов искусства одиноче
И – скажу открыто, не тая –
Непереносимее всех прочих –
Знай, поэт, – поэзия твоя!

Это оттого, что сердца много
В бессердечье! Это оттого,
Что в стихах твоих наличье Бога,
А земля отвергла Божество!

9 окт<ября> 1922

ДОН ЖУАН

Чем в юности слепительнее ночи,
Тем беспросветней старческие дни.
Я в женщине не отыскал родни:
Я всех людей на свете одиноче.

Очам непредназначенные очи
Блуждающие теплили огни.
Не проникали в глубину они:
Был ровным свет. Что может быть жесточе?

Не находя Искомой, разве грех
Дробить свой дух и размещать во всех?
Но что в отдар я получал от каждой?

Лишь кактус ревности, чертополох
Привычки да забвенья трухлый мох.
Никто меня не жаждал смертной жаждой.

1929

СТИХИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Меж тем как век – невечный – мечется
И знаньями кичится век,
В неисчислимом человечестве
Большая редкость – Человек.

Приверженцы теории Дарвина
Убийственный нашли изъян:
Вся эта суетливость Марфина –
Наследье тех же обезьян.

Да, в металлической стихийности
Всех механических страстей –
Лишь доля малая “марийности”
И серебристости вестей...

Земля! Века – ты страстью грезила,
Любовь и милосердье чла,
И гордостью была поэзия,
Для человечьего чела!

Теперь же дух земли увечится,
И техникою скорчен век,
И в бесконечном человечестве,
Боюсь, что кончен Человек.

1929

А МЫ-ТО ВЕРИЛИ!..

Сомненья не было – а мы-то думали! а мы-то верили!.. –
Что человечество почти не движется в пути своем...
Как в веке каменном, как при Владимире
в днепровском тереме,
Так в эру Вильсона зверье останется всегда зверьем...

Война всемирная, – такая жадная, такая подлая
Во всеоружии научных методов, – расписка в том,
Что от “божественного” современника животным отдало,
И дэнди в смокинге – размаскированный – предстал скотом...

Кто кинофильмами и бубикопфами да чарльстонами
Наполнил дни свои, кто совершенствует мертвящий газ,
О, тот не тронется природой, музыкой, мечтой и стонами,
Тот для поэзии – а мы-то верили! – душой угас...

1926

ОБИДНО ПОВЕРИТЬ...

С отлогой горы мы несемся к реке на салазках,
И девушкам любо, и девушкам очень смешно.
Испуг и блаженство в красивых от холода глазках,
Обычно же... впрочем, не все ли мне это равно!

Навстречу дубы – мы несемся аллеей дубовой –
Торопятся в гору и мимо мелькают стремглав.
Вот речка. И девушек хохот жемчужно-пунцовый
Из-под завитушек, седых от мороза, – лукав.

Мне трудно поверить, в морозных участнику гульбах,
Что эти здоровые дети – не тяжкий ли сон? –
С парнями пойдут, под расстроенный старенький
Мюльбах,
Отплясывать ночью стреноженный дохлый чарльстон!..

1927

КОГДА ОТГРЕМЕЛ БАРАБАН

Мне взгрустнулось о всех, кому вовремя я не ответил,
На восторженность чью недоверчиво промолчал:
Может быть, среди них были искренние, и у этих,
Может быть, ясен ум и душа, может быть, горяча...

Незнакомцы моих положений и возрастов разных,
Завертело вас время в слепительное колесо!
Как узнать, чья нужда деловою была и чья – праздной?
Как ответить, когда ни имен уже, ни адресов?..

Раз писали они, значит, что-нибудь было им нужно:
Ободрить ли меня, ободренья ли ждали себе
Назнакомцы. О, друг! Я печален. Я очень сконфужен.
Почему не ответил тебе – не пойму, хоть убей!

Может быть, у тебя, у писавшего мне незнакомца,
При ответе моем протекла бы иначе судьба...
Может быть, я сумел бы глаза обратить твои к солнцу,
Если б чутче вчитался в письмо... Но – гремел барабан!

Да, гремел барабан пустозвонной столицы, и грохот,
Раздробляя в груди милость к ближнему, все заглушал...
Вы, писавшие мне незнакомцы мои! Видят Боги,
Отдохнул я в лесу, – и для вас вся раскрыта душа...

1926

ПЕРСТЕНЬ

Как драгоценен перстень мой,
Такой простой, такой дешевый,
На мой вопрос мне дать готовый
Единственный ответ прямой!

Есть в перстне у меня тайник,
Причудливый своим затвором,
Тот благодетельный, в котором
Сокрыт последний в жизни миг.

С трудом, но все еще дышу.
В миражи всматриваясь далей,
Цианистый лелею калий...
Когда же умереть решу,

Неуподобленный герою,
Уверившись, что даль пуста,
Бестрепетно тайник открою
И смерть вложу в свои уста.

1927

СЛУЧАЙ

Судьбою нашей правит Случай,
И у него такая стать,
Что вдруг пролившеюся тучей
Он может насмерть захлестать.

Но он же может дать такое
Блаженство каждому из нас,
Что пожалеешь всей душою
О жизни, данной только раз!

1929

СОВРЕМЕННОЙ ДЕВУШКЕ

Ты, девушка, должна
Пример с природы брать:
Луна – пока юна –
Уходит рано спать...

Ты, девушка, должна
Пример с природы брать:
Весна – пока весна –
Не станет летовать...

И не волна – волна,
Пока – на море гладь...
Ты, девушка, должна
Пример с природы брать.

1926

ОТЧЕГО ОНА ЛЮБИТ КОНТРАСТЫ...

Говорят, что она возвращается пьяная утром
И, склонясь над кроватью ребенка, рыдает навзрыд,
Но лишь полночь пробьет, в сердце женщины, зыбком и утлом,
О раскаянье утреннем вдруг пробуждается стыд...

Говорят, что она добродетель считает ненужной,
Вышивая шелками тайком для ребенка жабо...
Говорят, что она над любовью глумится и дружбой,
В ежедневных молитвах своих славословя любовь!

Говорят, что порочностью очень ей нравится хвастать,
Осуждая в душе, между тем, этот самый разврат...
Говорят, оттого-то она так и любит контрасты,
Что известно ей всё, что повсюду о ней говорят!..

1926

ОСТАВШИМСЯ В ЖИВЫХ

Ни меня не любили они, ни любви моей к ним,
Ни поющих стихов, им написанных в самозабвенье,
Потому что, расставшись со мной, не окончили дни,
Жить остались они и в других обрели утешенье...

Пусть, живя у меня, никогда не свершали измен,
Но зачем же расстаться с поэтом сумели так просто?
Ах, о том ли я грезил при встречах и в каждом письме,
Очаровываясь милой новою женщиной вдосталь?

О, никем никогда вечно любящий незаменим:
Не утратила смысла старинная верность "до гроба"...
Ни меня не любили они, ни стихов моих к ним,
Ни боязни разлук... Но и я не любил их, должно быть!

1926

СОСНЫ ЕЕ ДЕТСТВА

Когда ее все обвиняли в скаредности,
В полном бездушье, в "себе на уме",
Я думал: "Кого кумушки не разбазарят?
Нести чепуху может всякий суметь".

Но когда ее муж-проходимец, пиратствуя,
Срубил двухстолетние три сосны
В саду ее детства, и она не препятствовала,
Я понял, что слухи про нее верны.

1928

ЭЛЕГИЯ НЕБЫТИЯ

Все наши деянья, все наши дарованья –
    Очаровательные разочарованья,
И каждый человек до гроба что донес?
    Лишь невыплакиваемые глуби слез,
Лишь разуверенность во всем, во что он верил,
    Лишь пустоту глубин, которых не измерил,
Лишь сон, пробуживаемый небытием...
    Мы этот жалкий ноль бессмертием зовем.

1929

В ОПУСТОШЕНЬЕ

Я подхожу к окну: в опустошенье
Деревья, море, небо и поля.
Опустошенным кажется движенье
И проплывающего корабля.
Все пустота. Такое положенье
Дано тебе, осенняя земля.

Я подхожу к душе своей, – и тоже
Там пусто все: желанья и мечты!
Как это все на юность не похоже,
И сам себя признать боишься ты!
Смыкаются уста и брови строже
В предчувствии смертельной пустоты.

1929

РОСКОШНАЯ ЖЕНЩИНА

Ее здесь считают счастливой: любовник батрачит,
Муж “лезет из кожи” – завидная участь для дам!
Ее называют красавицей здесь: это значит –
По формам кормилица, горничная по чертам.

Она здесь за умницу сходит легко и свободно:
Ее бережливость, рассудочность разве не ум?
И разве не ум отдаваться всем встречным за модный,
В других вызывающий зависть, весенний костюм?

Ее отношенье к искусству одно чего стоит!
Она даже знает, что Пушкин был... чудный поэт!
Взгрустнется ль – “Разлукою” душу свою успокоит
И “Родину” любит просматривать прожитых лет...

Мы с Вами встречаем ее ежедневно, читатель,
Хотя и живем в совершенно различных краях,
Роскошная женщина, как говорит обыватель,
Тот самый, о ком повествуется в этих стихах...

1927

ГОДАМИ ДЕВОЧКА...

Годами девочка, а как уже черства,
Жестка, расчетлива, бездушна и практична,
И в неприличности до тошноты прилична,
И все в ней взвешено: и чувства, и слова.
Ах, не закружится такая голова
Затем, что чуждо ей все то, что поэтично...

Такая женщина не любит никого,
Но и ее любить, конечно, невозможно:
Всё осторожно в ней, бескрыло и ничтожно.
Толпа любовников, и нет ни одного,
О ком подумала бы нежно и тревожно...

И это – женщина, земное божество!

1929

ОРХИДЕЯ

Изменить бы! Кому? Ах, не все ли равно!
Предыдущему. Каждому. Ясно.
С кем? И это не важно. На свете одно
Изменяющееся прекрасно.

Одному отдаваясь, мечтать о другом –
Неиспробованном, невкушенном,
Незнакомом вчера, кто сегодня знаком
И прикинется завтра влюбленным...

Изменить – и во что бы ни стало, да так,
Чтоб почувствовать эту измену!
В этом скверного нет. Это просто пустяк.
Точно новое платье надену.

И при этом возлюбленных так обмануть,
Ревность так усыпить в них умело,
Чтобы косо они не посмели взглянуть, –
Я же прямо в глаза бы посмела!

Наглость, холод и ложь – в этом сущность моя.
На страданья ответом мой хохот.
Я красива, скользка и подла, как змея,
И бездушно-суха, как эпоха.

22 дек<абря> 1928

ЖЕМЧУЖИНКА

Этой милой девушке с легкою недужинкой
В сердце, опрокинутом в первый же полет,
Доброглазой девушке, названной Жемчужинкой,
Ливней освежительных счастье не прольет.

Сердце обескрыливший юноша хорошенький
Причинил нечаянно жгучую печаль.
"Боже! Правый Господи! Не вреди Алешеньке:
Был он легкомысленным, и его мне жаль..."

Сердце успокоивший, не любимый девушкой,
Женщиной разлюбленный, преданностью мил...
Разве успокоиться ей в такой среде мужской?
Ждать же принцев сказочных не хватает сил.

И не надо, милая, этих принцев сказочных:
Чванные и глупые. Скучные они.
И они не стоят ведь лент твоих подвязочных,
И от встречи с принцами Бог тебя храни!

Так-то, безудачная мужняя безмуженка,
Жертвы приносящая в простоте своей,
Смерть не раз искавшая, кроткая Жемчужинка,
Драгоценный камешек средь людских камней!

1928

АНТИНЭЯ

Антинэя! При имени этом бледнея,
В предвкушенье твоих умерщвляющих чар,
Я хотел бы пробраться к тебе, Антинэя,
В твой ужасный – тобою прекрасный – Хоггар.

Я хотел бы пробраться к тебе за откосы
Гор, которые скрыли действительность – мгла.
Мне мерещатся иссиня-черные косы,
Изумруд удлиненных насмешливых глаз.

Мне мерещится царство, что скрыто из вида
И от здравого смысла, поэма – страна,
Чье названье – загадка веков – Атлантида,
Где цветет, Антинэя, твой алчный гранат.

О, когда бы, познав зной извилистой ласки,
Что даруют твои ледяные уста,
В этой – грезой французскою созданной – сказке
Сто двадцатой – последнею – статуей стать!..

1929

МОЯ ЗНАКОМАЯ

Ты только что была у проходимца Зета,
Во взорах похоти еще не погася...
Ты вся из Houbigant! ты вся из маркизета!
Вся из соблазна ты! Из судорог ты вся!

И чувствуя к тебе брезгливую предвзятость
И зная, что тебе всего дороже ложь,
На сладострастную смотрю твою помятость
И плохо скрытую улавливаю дрожь.

Ты быстро говоришь, не спрошенная мною,
Бесцельно лишний раз стараясь обмануть,
И, будучи чужой неверною женою,
Невинность доказать стремишься как-нибудь.

Мне странно и смешно, что ты, жена чужая,
Забыв, что я в твоих проделках ни при чем,
Находишь нужным лгать, так пылко обеляя
Себя в моих глазах, и вздрагивать плечом...

И это тем смешней, и это тем досадней,
Что уж давным-давно ты мой узнала взгляд
На всю себя. Но нет: с прозрачной мыслью задней
Самозабвенно лжешь – и часто невпопад.

Упорно говоришь о верности супружьей, –
И это ты, чья жизнь – хронический падёж, –
И грезишь, как в четверг, в час дня, во всеоружье
Бесстыдства, к новому любовнику пойдешь!

1930
Toila

ВСТРЕЧА В КИЕВЕ

Еще одно воспоминанье выяви,
Мечта, живущая бывалым.
...Вхожу в вагон осолнеченный в Киеве
И бархатом обитый алым.

Ты миновалась, молодость, безжалостно,
И притаилась где-то слава...
...Стук в дверь купе. Я говорю: “Пожалуйста!”
И входит женщина лукаво.

Ее глаза – глаза такие русские.
– Вот розы. Будь Вам розовой дорога!
Взгляните, у меня мужские мускулы, –
Вы не хотите их потрогать? –

Берет меня под локти и, как перышко,
Движением приподнимает ярым,
И в каждом-то глазу ее озерышко
Переливает Светлояром.

Я говорю об этом ей, и – дерзкая –
Вдруг принимает тон сиротский:
– Вы помните раскольников Печерского?
Я там жила, в Нижегородской.

Я изучила Светлояр до донышка...
При мне отображался Китеж... –
Звонок. Свисток. “Послушайте, Вы – Флёнушка?”
– Нет, я – Феврония. Пустите ж!

1930
Toila

СТИХИ СГОРЯЧА

Я проснулся в слегка остариненном
И в оновенном – тоже слегка! –
Жизнерадостном доме Ирининном
У оранжевого цветника.

И пошел к побережью песчаному
Бросить к западу утренний взор,
Где, как отзвук всему несказанному,
Тойла в сизости вздыбленных гор...

И покуда в окне загардиненном
Не сверкнут два веселых луча,
Буду думать о сердце Ирининном
И стихи напишу сгоряча!

А попозже, на солнечном завтраке,
Закружен в карусель голосов,
Стану думать о кафровой Африке,
Как о сущности этих стихов...

29 авг<уста> 1930
Шмецке

ЛИЛИЯ В МОРЕ

Она заходила антрактами –
красивая, стройная, бледная,
С глазами, почти перелитыми
всей синью своею в мои,
Надменная, гордая, юная
и все-таки бедная-бедная
В ей чуждом моем окружении
стояла, мечту затаив.

Хотя титулована громкая
ее мировая фамилия,
Хотя ее мужа сокровища
диковинней всяких чудес,

Была эта тихая женщина –
    как грустная белая лилия,
Попавшая в море, – рожденная,
    казалось бы, грезить в пруде...

И были в том вычурном городе
    мои выступленья увенчаны
С тюльпанами и гиацинтами
    бесчисленным строем корзин,
К которым конверты приколоты
    с короной тоскующей женщины,
Мечтавшей скрестить наши разные,
    опасные наши стези...

Но как-то все не было времени
    с ней дружески поразговаривать:
Иными глазами захваченный,
    свиданья я с ней не искал,
Хотя и не мог не почувствовать
    ее пепелившего зарева,
Не знать, что она – переполненный
    и жаждущий жажды бокал...

И раз, только раз, в упоении
    приема толпы триумфального,
Спускаясь со сцены по лесенке,
    ведущей железным винтом,
Я с нею столкнулся, прижавшейся
    к стене, и не вынес печального
Молящего взора – дотронулся
    до губ еще теплым стихом...

1930
Toila

ПИАМА

Есть странное женское имя – Пиама,
В котором зиянье, в котором ужал,
И будь это девушка, будь это дама, –
Встречаясь с Пиамою, – я бы дрожал...

Мне все рисовалась бы мрачная яма,
Где в тине трясинной пиавок возня,
При имени жутко-широком Пиама,
Влекущем, отталкивая и дразня...

Какая и где с ним связуется драма
И что знаменует собою оно?
Но с именем этим бездонным – Пиама –
Для сердца смертельное сопряжено.

В нем все от вертепа и нечто от храма,
В нем свет, ослепляющий в полную тьму.
Мы связаны в прошлом с тобою, Пиама,
Но где и когда – я никак не пойму.

1927

И БЫЛО СТРАННО ЕЕ ПИСЬМО...

И было странно ее письмо:
Все эти пальмовые угли
И шарф с причудливой тесьмой,
И завывающие джунгли.

И дикий капал с деревьев мед,
И медвежата к меду никли.
Пожалуй, лучше других поймет.
Особенности эти Киплинг.

Да, был болезнен посланья тон:
И фраза о безумном персе,
И как свалился в речной затон
Взлелеянный кому-то персик.

Я долго вчитывался в листок,
Покуда он из рук не выпал.
Запели птицы. Зарел восток.
В саду благоухала липа.

И в море выплыл старик-рыбак,
С собою сеть везя для сельди.
Был влажно солон его табак
На рыбой пахнущей "Гризельде".

1929

СОРОКА

Я – плутоватая, лукавая сорока
И я приятельница этих сорока́,
Живущих в бедности по мудрой воле рока,
Про все вестфальские забыв окорока...

Собравшись в праздники у своего барака,
Все эти нищие, богатые враньем,
Следят внимательно, как происходит драка
Меж гусем лапчатым и наглым вороньем...

Уж я не знаю, что приходит им на память,
Им, созерцающим сварливых птиц борьбу,
Но мечут взоры их разгневанные пламя,
И люди сетуют открыто на судьбу.

Но в этом мире все в пределах строгих срока,
И поле брани опустеет в свой черед.
Тогда слетаю к сорока, их друг сорока,
И руки тянутся ко мне вперед, вперед.

Тот крошки хлебные мне сыплет, тот – гречихи,
Один же, седенький, всегда дает пшена.
Глаза оборвышей становятся так тихи,
Так человечны, что и я поражена.

Так вот, что значит школа бед! Подумать только!
Тот говорит: "Ты, точно прошлое, легка..."
Другой вздыхает: "Грациозна, словно полька..."
И лишь один молчит – один из сорока.

Презрительно взглянув на рваную ораву,
Он молвит наконец: “Все это ерунда!
Она – двусмысленный, весьма игривый траур
По бестолочи дней убитых, господа”.

1929

ОЛАВА

Метелит черемуха нынче с утра
Пахучею стужею в терем.
Стеклянно гуторят пороги Днепра,
И в сердце нет места потерям, –
Варяжское сердце соловкой поет:
Сегодня Руальд за Олавой придет.

А первопрестольного Киева князь,
Державный гуляка Владимир,
Схватился с медведем, под зверем клонясь,
Окутанный в шерсти, как в дыме.
Раскатами топа вздрожала земля:
На вызвол к Владимиру скачет Илья.

А следом Алеша Попович спешит,
С ним рядом Добрыня Никитич.
– Дозволим ли, – спрашивают от души: –
Очам Красно-Солнечным вытечь? –
И рушат рогатиной зверя все три –
Руси легендарные богатыри.

Но в сердце не могут, хоть тресни, попасть.
Не могут – и все! Что ты скажешь!
Рогатины лезут то в брюхо, то в пасть,
И мечется зверь в смертном раже.
– А штоб тебя, ворог!.. – Рев. Хрипы. И кряк.
Вдруг в битву вступает прохожий варяг.

И в сердце Олавином смолк соловей:
Предчувствует горе Олава –
За князя Руальд, ненавистного ей,

Жизнь отдал, – печальная слава!
И вьюгу черемуха мечет в окно,
И ткет погребальное ей полотно...

1929

DAME d'AZOW

Нередко в сумраке лиловом
Возникнет вдруг, как вестник бед,
Та, та, кто предана Орловым,
Безродная Elisabeth!

Кого, признав получужою,
Нарек молвы стоустый зов
Princesse Владимирской, княжною
Тьму-Тараканской, dame d'Azow.

Кощунственный обряд венчанья
С Орловым в несчастливый час
Свершил, согласно предписанья,
На корабле гранд де Рибас.

Орловым отдан был проворно
Приказ об áресте твоем,
И вспыхнуло тогда Ливорно
Злым, негодующим огнем.

Поступок графа Алехана
Был населеньем осужден:
Он поступил коварней хана,
Предателем явился он!

Граф вызвал адмирала Грейга, –
Тот слушал, сумрачен и стар.
В ту ночь снялась эскадра с рейда
И курс взяла на Гибралтар.

– Не дело рассуждать солдату, –
Грейг думал с трубкою во рту.
И флот направился к Кронштадту,
Княжну имея на борту.

И шепотом гардемарины
Жалели, видя произвол,
Соперницу Екатерины
И претендентку на престол.

И кто б ты ни был, призрак смутный,
Дочь Разумовского, княжна ль
Иль жертва гордости минутной,
Тебя, как женщину, мне жаль.

Любовник, чье в слиянье семя,
Отяжелило твой живот,
Тебя предал! Он проклят всеми!
Как зверь, в преданьях он живет!

Не раз о подлом исполине
В тюрьме ты мыслила, бледнев.
Лишь наводненьем в равелине
Был залит твой горячий гнев.

Не оттого ль пред горем новым
Встаешь в глухой пещере лет
Ты, та, кто предана Орловым,
Безродная Elisabeth?

23 янв<аря> 1923

ПРАГА

Магнолии – глаза природы –
Раскрыл Берлин – и нет нам сна...
...По Эльбе плыли пароходы,
В Саксонии цвела весна.

Прорезав Дрезден, к Баденбаху
Несясь с веселой быстротой,
Мы ждали поклониться праху
Живому Праги Золотой.

Нас приняли радушно чехи,
И было много нам утех.
Какая ласковость в их смехе,
Предназначаемом для всех!

И там, где разделяет Влтава
Застроенные берега,
И где не топчет конь Вацлава
Порабощенного врага,

Где Карлов мост Господни Страсти
Рельефит многие века,
И где течет в заречной части
Венецианская "река",

Где бредит уличка алхимья,
И на соборе, в сутки раз,
Вступает та, чье смрадно имя,
В апостольский иконостас,

Там, где легендою покрыто
Жилище Фауста и храм,
Где слала Гретхен-Маргарита
Свои молитвы к небу, – там,

Где вьются в зелени овраги,
И в башнях грезят короли,
Там, в золотистой пряже Праги,
Мы с явью бред переплели.

1925
Jarve

НАРВА

Над быстрой Наровой, величественною рекой,
Где кажется берег отвесный из камня огромным,
Бульвар по карнизу и сад, называемый Темным,
Откуда вода широко и дома далеко...

Нарова стремится меж стареньких двух крепостей –
Петровской и шведской, – вздымающих серые башни.
Иван-город тих за рекой, как хозяин вчерашний,
А ныне, как гость, что не хочет уйти из гостей.

На улицах узких и гулких люблю вечера,
Когда фонари разбросают лучистые пятна,
Когда мне душа старой Нарвы особо понятна,
И есть вероятья увидеться с тенью Петра...

Но вместо нее я встречаю девический смех,
Красивые лица, что много приятнее тени...
Мне любо среди молодых человечьих растений,
Теплично закутанных в северный вкрадчивый мех.

И долго я, долго брожу то вперед, то назад.
Любуясь красой то доступной, то гордо-суровой,
Мечтаю над темень пронизывающей Наровой,
Войдя в называемый Темным общественный сад.

1927
Двинск

БАЙКАЛ

Я с детства мечтал о Байкале,
И вот – я увидел Байкал.
Мы плыли, и гребни мелькали,
И кедры смотрели со скал.

Я множество разных историй
И песен тогда вспоминал
Про это озёрное море,
Про этот священный Байкал.

От пристани к пристани плыли.
Был вечер. Был холод. Был май.
Был поезд, – и мы укатили
В том поезде в синий Китай.

Как часто душа иссякала
В желанье вернуться опять
Я так и не знаю Байкала:
Увидеть – не значит узнать.

1929

ВСАДНИЦА

От утра до вечера по тропинкам бегая,
Почву перерезавшим всхлипчато и шатко,
Утомилась, взмылилась маленькая пегая,
Под красивой всадницей шустрая лошадка.

Ноги добросовестно много верст оттопали.
Есть – не елось, выпить же – приходилось выпить.
Земляникой пахнули листики на тополе, –
Значит, преждевременно было пáхнуть липе...

Птицы в гнездах ласковых накопляли яйца.
В поволоке воздуха возникали страсти.
Всадница настроилась: вот сейчас появится
Никогда не встреченный, кто ей скажет: “Здравствуй”.

Поворотов столько же, сколько в рыбном озере
Вдумчивых, медлительных окуней, – а нет ведь
Тайного, безвестного, кто свежее озими,
Кто вот-вот появится, пораздвинув ветви...

1930
Toila

МАРИЯ

...Туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии...

В. Брюсов

Серебристое имя Марии
Окариной звучит под горой...
Серебристое имя Марии,
Как жемчужин летающих рой...

Серебристое имя Марии
Говорит о Христе, о кресте...
Серебристое имя Марии
О благой говорит красоте...

Серебристое имя Марии
Мне бессмертной звездою горит...
Серебристое имя Марии
Мой висок сединой серебрит...

1923

БАРЕЛЬЕФ

Есть в Юрьеве, на Яковлевской, горка,
Которая, когда я встану вниз
И вверх взгляну, притом не очень зорко,
Слегка напоминает мне Тифлис.

И тотчас же я вижу: мрамор бани,
Зурну, кинто, духанов чад и брань
И старую княгиню Орбельяни,
Сидящую на солнышке у бань...

1923
Озеро Uljaste

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЭТА

Оттого ль, что осенняя возникла рана
В прожилках падающего листа,
Девушка чувствовала себя так странно,
Как будто матерью готовилась стать.

Оттого ли, что думала она из Фета
И в неосязаемое ее влекло,
Девушка чувствовала себя поэтом
От кончиков пальцев до корней волос.

1927
Двинск

ДЫМ ЛЬДА

Под ветром лед ручья дымится,
Несутся дымы по полям.
Запорошенная девица
Дает разгон своим конькам.

Она несется по извивам
Дымящегося хрусталя,
То припадая к белым гривам,
То в легком танце воскрыля.

На белом белая белеет –
Вся вихрь, вся воздух, вся полет.
А лед все тлеет, тлеет, тлеет, –
Как будто вспыхнет этот лед!

1923

ЛЮБОВЬ – БЕСПРИЧИННОСТЬ

Любовь – беспричинность. Бессмысленность даже, пожалуй.
Любить ли за что-нибудь? Любится – вот и люблю.
Любовь уподоблена тройке, взбешенной и шалой,
Стремящей меня к отплывающему кораблю.

Куда? Ах, неважно... Мне нравятся рейсы без цели.
Цветенье магнолий... Блуждающий, может быть, лед...
Лети, моя тройка, летучей дорогой метели
Туда, где корабль свой волнистый готовит полет!

Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!
Дымись кружевным, пенно-пламенным белым огнем!
Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит беспричинность!
Корабль отплывает куда-то. Я буду на нем!

1927

ФЛАКОН ИССЯКШИЙ

Среди опустевших флаконов,
Под пылью чуланного тлена,
Нашел я флакон Аткинсона,
В котором когда-то Вервэна...

Чья нежная белая шея
Лимонами благоухала?
Чья ручка, моряною вея,
Платочным батистом махала?

Духи́, мои светлые ду́хи,
Иссякшие в скудной дороге!
Флаконы мучительно сухи,
А средства наполнить – убоги...

Но память! Она осиянна
Струей упоительно близкой
Любимых духов Мопассана,
Духов Генриетты Английской...

1926

СЛОВО БЕЗБРЕЖНОЕ

Не надо наименованья
Тому, что названо давно...
Но лишь весеннее дыханье
Ворвется – властное – в окно,
Чей дух избегнет ликованья?
Чье сердце не упоено?

Весна! Ты выращена словом,
Которому душа тесна,
Зеленым, голубым, лиловым
Повсюду отображена.
Ты делаешь меня готовым
На невозможное, весна!

1927

ВИНОГРАД

В моей стране – столица Виноград,
Опутанная в терпком винограде.
Люблю смотреть на ягоды, в усладе
Сомлевшие, как полуталый град...

Разнообразен красочный наряд:
Лиловые, в вишневых тонах сзади,
И черные жемчужины, к ограде
Прильнувшие в кистях, за рядом ряд.

Над горными кудрявыми лесами,
Поработив счастливые места,
Две королевы – Страсть и Красота –

Воздвигли трон и развернули знамя.
Там девы с виноградными глазами
Подносят виноградные уста.

1925
Valaste

ПРИВЕТ ЗА ОКЕАН

М.К. Айзенштадту

Сегодня я грущу. Звучит минорнее
Обыкновенно радостная речка:
Вчера я получил из Калифорнии
Письмо от маленького человечка...

Он пишет: "Отзовитесь, если помните
Известного по Риге Вам собрата..."
Как позабыть, кто мог так мило скромничать,
Его, мечтательного Айзенштадта?

Со вздохом вспомнив остренькое личико,
Умение держаться деликатно,
Восторженность наивную язычника,
Я говорю: "Мне вспомнить Вас приятно.

Вам, птенчик мой взъерошенный и серенький,
Хочу всего, чего достичь Вы в силе,
Чтобы в механической, сухой Америке
Вы трепетной души не угасили..."

1925

ПЕСЕНКА О НАСТОЯЩЕМ

Веселую жизнь проводящим,
Живущим одним Настоящим,
Я песенку эту пою...
Не думайте вовсе о завтра, –
Живите, как песенки автор,
Сжигающий душу свою...

На свалку политику выбрось
И, ру́жья любого калибра
Сломав, всем объятья раскрой.
Так думай, так действуй, так чувствуй,
Чтоб сердце изведало усталь
От силы желанья порой!

Подумай, ведь только полвека
Отпущено на человека,
Вся жизнь твоя – лет пятьдесят...
Заботами краткой не порти,
Живи, как проказливый чертик:
Хвосты у чертей не висят!..

Так что же ты нос свой повесил?
Будь смел, будь находчив, будь весел,
Бездумен, как ангел в раю...
Веселую жизнь проводящим,
Живущим одним Настоящим
Я песенку эту пою!

17 окт<ября> 1930
Toila

СКОЛЬКО РАЗ!..

Сколько раз бывало: – Эта! эта!
Не иная. Вот она, мечта!
Но восторг весны сменяло лето,
И оказывалось – нет, не та...

Я не понимаю – в чем тут дело,
Только больно каждому из нас.
Ласково в глаза мои глядела,
Я любил ее мерцанье глаз...

Пусть недолго – все-таки родными
Были мы и счастье берегли,
И обычное любимой имя
Было лучшим именем земли!

А потом подруга уходила, –
Не уйти подруга не могла.
Фимиам навеяло кадило,
Струйки свеяла сырая мгла...

И глаза совсем иного цвета
Заменяли прежние глаза,
И опять казалось: Эта! эта!
В новой женщине все было – за!

И опять цветы благоухали,
И другое имя в этот раз
Золотом сверкало на эмали,
Вознесенное в иконостас!

1930
Toila

ПОДРУГАМ МИЛЫМ

У меня в каждой местности – в той, где я был, –
Есть приятельница молодая,
Та, кого восхитил грез поэтовых пыл
И поэта строфа золотая.

Эти женщины помнят и любят меня,
Пишут изредка сёстрински-мягко,
И в громадном году нет ничтожного дня,
Чтобы жрец им не вспомнился Вакха.

Я телесно не связан почти ни с одной, –
Разве лаской руки, поцелуем, –
Но всегда, стоит только остаться со мной,
Каждый близостью странной волнуем.

Я живу месяцами в лесах у озер,
На горах, на песках у залива.
Иногда же, расширить решив кругозор,
Я лечу по Европе шумливо.

И тогда, в каждом городе, – в том, где я был,
Как и в том, где когда-нибудь буду, –
Встречу ту, для кого я хоть чем-нибудь мил,
А такие – повсюду, повсюду!

3 окт<ября> 1930
Кырвэ

УЖАС ПУСТЫНЬ

Меж тем как неуклонно тает
Рать рыцарей минувших дней,
Небрежно-буйно подрастает
Порода новая... людей.

И те, кому теперь под тридцать,
Надежд отцовских не поймут:
Уж никогда не сговориться
С возникшими в эпоху смут.

И встреча с новой молодежью
Без милосердья, без святынь
Наполнит наше сердце дрожью
И жгучим ужасом пустынь...

1930
Toila

ТАК СОЗДАН МИР

Рассеиваются очарованья
И очаровывают вновь,
И вечное в душе коронованье
Свершает неизменная любовь.

Одна, другая, третья – их без счета,
И все-таки она – одна,
То увядающая отчего-то,
То расцветающая, как весна.

О, вёсны! вёсны! Вас зовут весною,
И всем страстям названье – страсть.
Во многих мы, но все-таки с одною,
И в каждой – огорчительная сласть.

1929

В ПРОСТРАНСТВО

Беспокоишься? Верю! Теперь порадуйся, –
Путь кремнист; но таится огонь в кремне, –
Ничего, что ты пишешь "почти без адреса" –
Я письмо получил: ведь оно ко мне.

Утешать не берусь, потому что правильно
Скорбь тебе взбороздила разрез бровей:
Будь от Каина мы или будь от Авеля,
Всех удел одинаков – триумф червей...

Ничего! Понимаешь? Бесцельность круглая.
Преходяще и шатко. И всё не то.
Каждый день ожидаем, когда же пугало
Номер вызовет наш – ну совсем лото.

Но мечта, – как ни дико, – живуча все-таки,
И уж если с собой не покончишь ты,
Сумасшествию вверься такой экзотики,
Где дурман безнадежных надежд мечты...

1929

МОДЕЛЬ ПАРОХОДА

(Работа Е.Н. Чирикова)

Когда, в прощальных отблесках янтарен,
Закатный луч в столовую скользнет,
Он озарит на полке пароход
С названьем, близким волгарю: “Боярин”.

Строителю я нежно благодарен,
Сумевшему средь будничных забот
Найти и время, и любовь, и вот
То самое, чем весь он лучезарен.

Какая точность в разных мелочах!
Я Волгу узнаю в бородачах,
На палубе стоящих. Вот священник.

Вот дама из Симбирска. Взяв лохань,
Выходит повар: вскоре Астрахань, –
И надо чистить стерлядей весенних...

1925

ПАЛЛАДА

Она была худа, как смертный грех,
И так несбыточно миниатюрна...
Я помню только рот ее и мех,
Скрывавший всю и вздрагивавший бурно.

Смех точно кашель. Кашель точно смех.
И этот рот – бессчетных прахов урна...
Я у нее встречал богему, – тех,
Кто жил самозабвенно-авантюрно.

Уродливый и блеклый Гумилев
Любил низать пред нею жемчуг слов,
Субтильный Жорж Иванов – пить усладу,

Евреинов – бросаться на костер...
Мужчина каждый делался остер,
Почуяв изощренную Палладу...

1924

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конквиста́дор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова устала у стола,

Томима постоянною печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

1924

МАРИИНСКИЙ ТЕАТР

Храм с бархатной обивкой голубой,
Мелодиями пахнущий, уютный,
Где мягок свет – не яркий и не смутный –
Я захотел восставить пред собой.

Пусть век прошел, как некий Людобой,
Век похоти и прихоти минутной,
Пусть сетью разделяет он злопутной
Меня, Мари́инский театр, с тобой, –

Пусть! Все же он, наперекор судьбе,
Не может вырвать память о тебе,
Дарившем мне свое очарованье.

И я даю тебе, лазурный храм
Искусства, перешедшего к векам,
Театра Божьей милостью названье!

1924

PÉRISTEROS

“Вот солнце скрылось – луна не взошла.
Спеши к вербэне: от сумерек мгла.

Ступая тихо в сиреневой мгле,
Дай соты с медом, как выкуп земле.

Вокруг железом цветок очерти,
Рукою левой вербэну схвати.

И – выше в воздух! Повыше!” Вот так
Учили маги, кто жаждал быть маг:

“Натрешься ею – в руках твоих всё.
Все, что желаешь. Теперь все – твое.

Она прогонит мгновенно озноб,
И просветлеет нахмуренный лоб.

Она врачует упорный недуг:
Она – экстаза и радости друг.

Заводит дружбу вербэны цветок,
Но только помни условленный срок:

Когда нет солнца, когда нет луны,
Коснись до стебля, – цветущей струны, –

И, вмиг железом цветок очертя,
Рукою левой своей схватя,

Повыше в воздух. Повыше! Вот так”.
– Теперь ты тайной владеющий маг!

1924

VENERIS VENA

Вербэна, вена Венеры,
Напиток плымный любви!
Пою восторженно-смело
Благие свойства твои:

Ты так же, как и Омела,
Болезни можешь целить,
Злых духов загнать в пещеры,
Враждующих примирить.

Ах, чтили тебя друиды,
И маги, и древний галл.
Не ты ль – украшенье термы?
Не страсти в тебе ль закал?
Ведь сок твой исполнен спермы,
И ты очищаешь дом,
Рассеиваешь обиды
Волшебным своим цветком.

Аркан Бесспорной Доктрины
(Их было ведь двадцать два)
Шестой обозначил цифрой
Тебя, Железняк-трава.
С той эры культурьи вихри
Поверья метнули в прах,
Но их аромат не сгинул
И вечно душист в веках.

Да, в дюжину Розенкрейцер
Магическую свою
Премудрость вложил Вервэну
В растительную семью.
Я славлю Венеры вену,
Будящую – как стихи –
Сарказм в лице европейца
И радость детей стихий!

1924

ВНЕЗАПНАЯ ГОРЛОМ КРОВЬ

Он нам сказал вчера: “Моя жена больна.
Четвертый день лежит. Она – одна.

Быть может, съездим к ней?” – прибавил тихо мне
И то же самое – моей жене.

И вот на станцию мы, подозвав авто,
Не зная – ехали – где, как и что.

Он в электрический нас проводил вагон.
Весь час пути был молчаливым он.

Лишь устремленные его в окно глаза
Мягчила жалостливая слеза.

В прохладной комнате она встречала нас
С лицом, которому – в иконостас.

О, голубеющая худоба его!
Улыбка дрогнула: – “Я – ничего...

Сегодня бодрая...” Кивнув моей жене,
Она осталась с ней наедине.

Март 1928

ЗАКАТНЫЕ ОБЛАКА

По небу, точно хлопья ваты,
Плывут закатные облака.
Они слегка голубоваты
И лучезарны они слегка.

Мечты вплетаются в закаты
Из шелковистого далека.
Они слегка голубоваты
И лучезарны они слегка.

1929

ЧЕГО-ТО НЕТ...

Мне хочется уйти куда-то,
В глаза кому-то посмотреть,
Уйти из дома без возврата
И там – там где-то – умереть.

Кому-то что-то о поэте
Споют весною соловьи.
Чего-то нет на этом свете,
Что мне сказало бы: “Живи!..”

1928

ЛОКАРНО

Страна Гюго, страна Верхарна,
Край Данта и Шекспира край!
Вы заложили храм в Локарно,
Земной обсеменили рай...

Цветущие с дороги вехи
Влекут к себе издалека:
Вы позаботились о чехе,
Вы пригласили поляка.

Так! В неизбывной жажде мира
Вы совершили мудрый шаг:
Недаром семиструнна лира –
Отныне немец вам не враг...

Усемерив свои усилья,
Задавшись целью всеблагой,
Вселенной озарили крылья
Вы семицветною дугой.

В ней – верный знак, что день погожий
Ненастному на смену дню
Уже спешит. Склонись, прохожий:
Тебя крестом я осеню!

Пусть солнце в небе лучезарно
Еще не плещется, звеня...
Пусть! – веры символом Локарно
Нам озаряет сумрак дня!

1925

ПЕРЕВОДЫ

А.С. ПУШКИН

МОЙ ПОРТРЕТ

(Перевод с французского)

Нарисованный с натуры
Вы портрет хотели б мой?
В виде – что ж! – миниатюры
Будет вам, мой дорогой!

Я веселая персона.
По утрам хожу я в класс.
Я не глуп. То без фасона
Говорю и без гримас.

К болтовне и скуке склонный,
Я – хотя душа юна –
Сплинней доктора Сорбонны
И болтливей болтуна.

Рост мой с ростом великана
Не сравняется, увы,
Но лицо мое румяно,
Русы кудри головы.

В суетню влюбленный света,
Я безлюдья не терплю.
Отрицаю споры. Это,
Как науку, не люблю.

Бал? Вот я по этой части!
Я сказал бы, ей-же-ей,
О других еще пристрастьях,
Если б не ходил в лицей...

Друг! Теперь меня уж просто
Ты узнаешь без труда.
Как я Добрым Богом создан,
Быть хочу таким всегда!

Я по минам обезьяна,
Бес в проделках... Mon ami!
Тот, кто легкомыслен рьяно,
Тот и – Пушкин, черт возьми!

5 авг<уста> 1929

ЮЛИЙ СЛОВАЦКИЙ

МОЕ ЗАВЕЩАНЬЕ

(Перевод с польского)

Я с вами жил, страдал, я плакал вместе с вами,
Я благородство постоянно почитал.
Готовясь тенью стать, приветствуем тенями,
Я грустен, будто здесь я все же счастье знал...

Наследника мне нет. Его я не оставил
Ни блеску имени, ни лире золотой.
Я молнией мелькнул, при жизни не прославил
Я имени: оно – потомкам звук пустой.

Но вы, кто знал меня, в преданьях сообщите,
Что для отчизны я всю юность изнурил.
Пока боролся бриг, на мачте я к защите
Взывал. Он гиб, – я с ним пошел ко дну без сил.

День встанет: кто-нибудь, раздумывая в скорби
О судьбах родины тоскующей моей,
Признает духа плащ не милостыней в торбе,
А предков пышностью в сиянии огней.

Собравшись полночью, в пылающем алоэ
Пусть сердце бедное мое друзья сожгут,
Прах той вручив, кем сердце мне дано земное:
Вот плата матерям, положенная тут!

И пусть друзья мои пьют чашу круговую,
В ней смерть мою топя и с ней беду свою...
О, духом будучи, им тотчас просверкну я,
А если вниду в ад – им лика не явлю...

Но я молю живых: Надежд не угашайте,
Несите светоч свой высоко пред толпой.
Когда же час пробьет, смелее смерть встречайте
Камнями, Божьею взметенными рукой!

А я... я, уходя, оставлю вам дружину,
Кто сердце гордое мое сумел любить.
Я, видно, выполнил суровую судьбину,
Гроб неоплаканный согласен получить.

Ах, кто решился бы другой пройти путями
В пренебреженьи равнодушном мир обид?
Быть рулевым ладьи, наполненной тенями?
Столь тихо отлететь, как только дух летит?

Мощь непреложная завещана вам мною,
Мне в жизни́ лишняя. Но вот сойду я в склеп,
И эта мощь моя, что станет вам судьбою,
Даст крылья ангелов всем вам, едящим хлеб!

6 февр<аля> 1928
Варшава

ДОПОЛНЕНИЯ

I. РАННИЕ КНИГИ (1904–1912)

1. К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ВЫХОДУ ПОРТ-АРТУРСКОЙ ЭСКАДРЫ

Да, скоро выйдет вновь из Порт-Артура
Прославленный в сражениях отряд,
Чтоб биться с флотом Того, Камимура
И Урио, что зорко сторожат.

Поднимется на флагманском “Баяне”
Опять сигнал: “идти в Владивосток”,
Он невозможного тогда сломает грани;
По смыслу он возвышен и высок.

Пойдет “Баян”, дорогу намечая,
За ним вояка старый “Ретвизан”
И обновленная эскадра молодая
Последует за ними в океан.

Завьются вновь Андреевские флаги,
Раздастся вновь могучее “ура”.
И, чувствуя вступленье в сферу влаги,
Матросы скажут: “бить врага пора”.

И вот тогда исполненный презренья
И храбрости не знающий границ,
Вирен, предвидя битвы наслажденье,
Читая выраженье русских лиц,

Пылающих желаньем страстным боя,
Отдаст приказ: “сраженье начинать”,
И, если враг сильнее будет втрое,
Наш адмирал не станет отступать.

Заговорят орудья “Пересвета”,
“Полтавы” грозно вторить станут им,
Начнется бой, на удивленье света,
Упорством поражающий своим.

Орудья заклокочут, будто кратер,
Снаряды разрушенье понесут,
Эскадры перестроятся в кильватер
В течение каких-нибудь минут.

Начнется бой, которому на свете
Никто не сможет равного найти,
Но на “Баяне” и в минуты эти
Прочтут сигнал: “в Владивосток идти”.

Каков бы ни был результат сраженья,
Погибнет наш отряд иль победит,
Он в каждом сердце встретит восхищенье
И мир отвагою своею удивит.

Да, верю я, что выполнит задачу
Наш славный адмирал Роберт Вирен,
А если нет, умрет, отвергнув сдачу,
Спокоен, как всегда, и вдохновен.

15 сентября 1904
С.-Петербург

2. ГИБЕЛЬ “РЮРИКА”

Он спит теперь, герой, сном вечности объят,
И имя Рюрика звучит бессмертной славой.
Не далее ж того, как год тому назад,
Он пышный бал давал, красавец величавый.
Пускай же этот бал останется в сердцах

Участников его прекрасным сновиденьем.
Пусть вспомянут они его в своих мечтах,
Как жизни горестной отрадное мгновенье.

Автор

Отряд крейсеров вышел в море опять,
Флаг Эссена вьется красиво,
И наши суда стали вновь пробуждать
Дремавшие воды залива.
Начальник отряда, герой и боец,
Стремился к намеченной цели:
“Господству врагов приготовить конец,
Чтоб морем враги не владели”.
Чтоб Того не мнил себя моря царем,
Чтоб спесь с себя снял Камимура.
Навстречу отряда под пушечный гром
Эскадра ушла из Артура.
И гордо “Россия” Андреевский флаг
На мачте своей развевала.
И, видя то, чувствовал каждый моряк,
Как сердце в груди трепетало.
А “Рюрик” и славный герой “Громобой”
Шли следом за судном флагмана,
Желая вступить с неприятелем в бой
В безбрежных водах океана.
И с каждым движеньем геройский отряд
Все близился к скалам Артура.
Но с башни сигнальной был подан доклад
“Навстречу отряд Камимура”.
“Готовиться к бою, – команда гремит. –
К упорному, тяжкому бою”.
На палубах русская доблесть царит,
Стоит неприступной горою.
И между собой говорят моряки:
“Нас Витгефт уже ожидает...
Идем же смелее!” Пожатье руки
Их тайную мысль довершает.
Снаряды несут разрушенье с собой,
Витает вкруг смерть торжествуя,
Идет в океане убийственный бой.
Он сам ему вторит, бушуя.

Четыре японских больших корабля,
Как будто придя в исступленье,
Орудьями всеми своими паля,
Наносят судам поврежденья.
Но крейсеры наши дерутся, как львы.
Им смерть не страшна (лишь бы слава!).
О, будьте прославлены, храбрые вы!
Гордитесь той битвой кровавой!
Сигнал поднимает избитый герой,
Прославленный "Рюрик" в сраженьях:
"Снаряд мне разрушил отдел рулевой.
Я жду адмирала решенья".
И Эссен в ответ поднимает сигнал:
"Машинами пробовать править".
И, чтобы врага обмануть, адмирал
Велит крейсер "Рюрик" оставить.
"Россия", а следом за ней "Громобой"
На полных парах отступают,
Они отвлекают врагов за собой,
От "Рюрика" их отвлекают.
Но горе за горем: на смену одних
Два судна других из-за дали
Подходят, но "Рюрик" отважный и их
Встречает гостинцем из стали.
"Прощай, тихоходный товарищ-герой,
Судьба над тобой надсмеялась;
Умрешь ты по воле судьбы своей злой", –
"Россия" рыдая прощалась.
Прощался растроганный с ним "Громобой",
Суровый и доблестный витязь:
«О, что они сделали, "Рюрик", с тобой!
О, я отомщу, берегитесь!»
Взволнованный Эссен печально сказал:
"Помочь мы несчастью не властны!"
И чтоб и других не губить, адмирал
Велел отступать. Не напрасно!
Лишь только успели уйти крейсера,
В пучину сошел храбрый "Рюрик",
При громе орудий, при кликах "ура",
При реве воинственной бури!

И вместе с ним честно погиб командир
И много погибло матросов...
Пусть подвигом славным гордится весь мир,
Тем подвигом доблестных россов!

27 сентября 1904
С.-Петербург

3. ПОДВИГ “НОВИКА”

К КРЕЙСЕРУ “ИЗУМРУД”

Отомсти “Изумруд”,
За печали минут
Когда “Новик” жизнь, полную славы,
Кончил в дальних водах,
Когда с грустью в глазах
“Новика”, сожалела держава.

ПОДВИГ “НОВИКА”

Океан нем и дик,
Как пустыня. “Новик”,
Крейсер, весь закаленный в сраженьях,
Смело режет волну
И победу одну
Видит в грезах своих и стремленьях.
После боя эскадр,
Массу выпустив ядр,
Нанеся и имея сам раны,
Он прорвал цепь судов
Неприятельских вновь;
С ним “Паллада”, “Аскольд” и “Диана”.
Но “Диана” в Сайгон,
Потерпевши урон,
Шла чиниться (причина понятна).
Шел “Аскольд” в порт Шанхай,
В дальнеюжный Китай,
А “Паллада” вернулась обратно.

Славный крейсер “Новик”
Своей цели достиг
И зайдя в Киа-Чао за делом,
Взял запасы угля,
И далеко земля,
Вновь осталась за крейсером смелым.
Семь ночей и семь дней
При сияньи огней,
И при свете горячего солнца,
И под бури качель,
И под ветра свирель
Шел “Новик” мимо царства японцев.
Он встречал иногда
Вражьи лодки, суда,
Но нигде не имел остановок:
Он стремился вперед...
Его смелый налет
Был отважен, беспечен и ловок.
Моря ширь и простор
Его опытный взор
Обозрел, наконец, заискрился:
Он на полных парах
Шел в знакомых водах;
Корсаковск перед ним появился...

Но не долго пришлось
Без волнений и гроз
Отдохнуть на родном Сахалине:
Был получен доклад,
Что японский отряд
Появился на водной равнине.
Крейсер к бою готов...
Заиграла в нем кровь
И безумная храбрость обняла
Его стройный весь стан...
Он, оправясь от ран,
Предвкушал прелесть смертного бала.
Горизонт просветлел,
Силуэт зачернел
Судна вражьего. Чувствуя сечу,
Поднял честный свой лик
Славный крейсер “Новик”

И “Цусиме” пошел сам навстречу.
Бой жестокий морской
Закипел над водой,
И противники ринулись смело
Друг на друга; тогда
Забурлила вода,
От снарядов она закипела.
Крейсер дрался, как лев,
И, придя в страшный гнев,
Он “Цусиме” нанес поврежденья;
Но был ранен и сам
И к родным берегам
Возвратился для ран излеченья.
Сильно он пострадал;
Снаряд вражий попал
В рулевое ему отделенье,
Командир осмотрел
Поврежденный отдел
И пришел он к такому решенью:
«Крейсер весь поврежден...
Бой не выдержит он,
Если снова мы вступим в сраженье.
Средств починки же нет...
Мой сердечный совет:
Крейсер “Новик” предать потопленью,
Чтобы гордость морей,
Как прекрасный трофей,
Не достался врагу невредимым.
Жаль, “Новик”, нам тебя...
Жизнь героя губя
Мы страдаем все невыразимо.
Он потоплен... Но флаг
Не имеет наш враг.
Мы Андреевский флаг сохранили.
Спи ж спокойно, борец,
Наш отважный, боец,
Мы из славы венок тебе свили».

5 октября 1904
С.-Петербург

4. ВЗРЫВ "ЕНИСЕЯ"

Качаем бурною волною,
Плывя быстрее и быстрей,
Бросая мины за собою,
Шел минный транспорт "Енисей".
Виднелся Дальний с островами,
При входе в бухту между гор,
С его красивыми домами,
Которых вид ласкает взор.
Кидая мины, судно плыло,
Но вдруг по собственной вине
Оно внезапно наскочило
На мину, скрытую в волне.
Раздался взрыв, за взрывом стоны,
Поднялся бедствия сигнал.
Меж судном с берегом препоны
Создал свирепый, бурный шквал.
Сигнала в Дальнем не видали
И не могли спасти судно.
А волны транспорт отпевали,
При погружении на дно.
Свершалась ветром панихида
И, вторя волнам, эхо гор
Твердило: "Гибели обида
Слезою нам туманит взор".
Команда жизнь свою спасала,
Но большей частию конец
Она в волнах себе сыскала,
Свив смерти сумрачный венец.
Но командир отверг спасенье
И покорился он судьбе.
В свои последние мгновенья
Не думал боле о себе.
Его команда умоляла
Спастись, но он мольбам не внял.
Вокруг него всё жизнь спасало,
И он ее лишь не спасал.

А шлюпки быстро удалялись,
Несясь вдогонку за волной.
На минном транспорте остались
Лишь командир и часовой.
Когда ж вернулись шлюпки снова,
Чтобы оставшихся забрать, –
Они нашли лишь часового
И поспешили его взять.
Погибло много жизней юных,
Погибло много юных сил,
Найдя себе в морских бурунах
Спокойный сон немых могил.
Немного берега достигло
И рассказало нам о том,
Как судно минное погибло,
Как спит оно могильным сном,
Как ветер служит панихиду,
И, вторя волнам, эхо гор
Поет про гибели обиду,
Что нам слезой туманит взор.

11 октября 1904
С.-Петербург

5. ПОТОПЛЕНИЕ “СЕВАСТОПОЛЯ”

Ночь победила день, как властная царица;
Над рейдом крепости спустилась ночи тьма;
И поспешило ей все тотчас подчиниться,
Как подчинялася заре она сами.

В волнах купая стан, в дремоту погруженный,
Качается во тьме могучий исполин.
Он сын эскадры, роком злым сраженной,
Ей преданный душой, достойный ее сын.

Сраженные врагом, все братья его пали:
Разрушил витязей войны смертельный гром;
И гордость доблестных – одежда их из стали
Лежит разорвана теперь на дне морском.

И чувствует боец, что сам погибнет скоро,
Что сам уйдет на дно за братьями вослед.
Ему не скрыть себя от вражеского взора,
Не избежать ему грядущих страшных бед.

Он жизнь решил отдать ценою дорогою.
Опасности презрев, он бодро ждет врагов.
Но вот уже сигнал зовет команду к бою,
К отпору дружному всех вражеских судов.

Как страшен бой морской во тьме холодной ночи!
Как враг упрям и смел! как доблестен отпор!
Прожекторы, блестя, как дьявольские очи,
Пронзают ночи тьму; снарядов смертный хор

Ревет, гремит, свистит, гудит, как в бурю ели,
Друг другу смерть за смерть шлют пылкие враги.
Стремятся в битве все к одной и той же цели:
Разбить, сломать врага на мелкие куски.

Так несколько ночей, атаки отражая,
Без сна, без отдыха герой наш проводил.
И, раны тяжкие нередко получая,
Врагов своих корабль немало потопил.

Но вот настал тот день, когда в изнеможеньи,
Сдался своим врагам голодный наш оплот;
И тотчас же Вирен велел без промедленья
Корабль скрыть от врага под кровом бурных вод.

Исполнил командир приказ и, выйдя в море,
Команду на "Силач" свою пересадил,
Кингстоны отворил, и боль скользнула в взоре:
Он детище свое рукой своей топил.

И стало оседать, кренясь на борт на правый,
Последнее судно. Невольный же палач
Его отец родной, – окончивши расправу,
С тоскою перешел на маленький "Силач".

27 марта 1905
С.-Петербург

6. ЗАХВАТ "РЕШИТЕЛЬНОГО"

Я расскажу вам возмутительный
Войны текущей эпизод,
Как разоруженный "Решительный"
Попался в вражеский тенет.
Как, позабыв цивилизацию,
Как, честь и совесть позабыв,
Враги позорят свою нацию,
Как их поступок некрасив.
Из Порт-Артура с донесеньями,
С врагами встречи избежав,
Весь полн геройства побужденьями,
Имея доблестный состав,
Пришел в Чифу герой "Решительный";
Чтоб не страдал нейтралитет,
Он с целью, столь предупредительной,
Чтоб избежать возможных бед, –
Стал разоруживаться в гавани;
Орудья взяли в арсенал,
И, как мертвец, в туманном саване,
Он беспробудно задремал.
Настала ночь. Огни неясные
В тумане прыгали вдали.
Часы тяжелые, ужасные
Зачатки утра принесли.
Два миноносца неприятельских
Ко входу в бухту без огней
Пришли и, в действиях предательских,
По образцу январских дней,
Явились явно азиатами;
Культура вражеская дым:
Весь защищен коварства латами
Наш враг ничем не уязвим.
Что разоружился "Решительный",
Китайской службы адмирал,
В записке ясной, рассудительной
Японцам тотчас доказал.
Но враг отверг законы совести
И к миноносцу подойдя,
Решил его к себе с собой вести,
Его бессовестно крадя.

Заняв “Решительного” палубу,
Враги вступили в разговор.
Наш командир представил жалобу
На действий вражеских простор.
    Что разоружился “Решительный”,
    Что взяты пушки в арсенал,
    Что бой принять мы положительно
    Не можем, – он им отвечал.
С улыбкой холода могильного
Он разговор уж вел к концу,
Как вдруг, взмахнул рукою сильною,
Японца хлопнул по лицу.
    Не мудрено: переговорами
    Пока был занят командир,
    Японский флаг пред всеми взорами
    Взвился наверх, нарушив мир.
И в тот же миг враги схватилися,
Скатясь немедленно за борт.
И долго крики разносилися
И оглашали долго порт.
    Дралась команда безоружная
    С врагом, сильнейшим в много раз,
    Хотя работа была дружная,
    Но все ж враги отбили нас.
Команду русскую, действительно,
Хотя китайцы и спасли,
Взяв на буксир к себе, “Решительный”
Японцы в Дальний повели.
    За их поступок беззастенчивый
    Их наказало море так:
    По воле случая изменчивой
    Погиб “Решительный” в волнах.
Пусть населенье европейское
Поступок варваров поймет.
Я ж верю опыту житейскому:
“Добро чужое впрок нейдет”.

Ноябрь 1904
С.-Петербург

7. КОНЕЦ “ПЕТРОПАВЛОВСКА”

(*Памяти вице-адмирала С.О. Макарова*)

О, “Петропавловск”, русский богатырь,
Достойный сын обширнейшей державы!
Не резать уж тебе морскую ширь!
Не виться флагу гордо, величаво!
Не громыхать орудиям твоим!
Не трепетать тебе от сотрясенья!
Ты спишь теперь сном вечности немым!
Ты чужд теперь житейского волненья!
Но имя “Петропавловск” будет жить
В родной стране, в сердцах того народа,
Которого величье и свободу,
Как верный сын, ты жаждал охранить.

Был вешний день. Синели небеса,
И скалы снег спускали круто в море;
Эскадра шла; гремели голоса,
Сливаясь в непрерывном разговоре.
Одни вели веселый разговор
И всякую опасность презирали;
Иные ж, устремив в пространство взор,
О сердцу близких думали, мечтали.
Одни смотрели радостно вперед,
Судьбе своей в глаза смотрели прямо;
Иные же, совсем наоборот,
В дни лучшие не верили упрямо.
Эскадра шла; гремели голоса,
Сливаясь в непрерывном разговоре.
Был вешний день. Синели небеса;
И скалы снег спускали круто в море.
Вдали серел железный Порт-Артур.
Холодной неприступною твердыней
С героями, смелей отважных бур,
Он высился над водною пустыней.
Врага эскадра шла наперерез,
Ее громили наши батареи.
– “На стороне японцев – перевес!
Вы видите?.. Вперед, вперед смелее!

Не посрамим мы родины своей!
Не отдадимся в вражеские руки!"
Эскадра шла быстрее и быстрей,
Сливался гимн в торжественные звуки.
Вдруг сразу все притихли голоса:
Предчувствие подсказало: "близко горе".
И потемнели грозно небеса,
И взволновалось пасмурное море.
И в этот миг флагманское судно
На мину вдруг с разбегу наскочило;
Раздался взрыв... Мгновенье лишь одно,
И море "Петропавловск" поглотило...

Погиб Макаров – доблестный боец –
Погибли с ним матросы, офицеры,
Найдя в волнах морских себе конец,
Окончив жизнь за родину, за веру.
Спокойно спи, погибший адмирал,
Со славой ты лишился честной жизни!..
Погиб талант, еще цветок увял,
Ушел боец, столь преданный отчизне.
Спокойно спите, русские сыны!
Господь вас наградит блаженством Рая!
О, дети дорогой моей страны,
Вас помнит наша родина святая!..

10 ноября 1904
С.-Петербург

8. БОЙ ПРИ ЧЕМУЛЬПО

(*Памяти крейсера 1-го ранга "Варяг"*
и мореходной канонерской лодки "Кореец")

"Кореец" и "Варяг", полны отваги.
Хотя с врагом их силы не равны,
Вступают в бой, неся на мачтах флаги
Их родины, любезной им страны.

Сам Урио их вызвал в бой кровавый,
Имеет он четырнадцать судов,

Но наши два героя дышат славой,
Вступают в бой, славнейший из боев.

Японец им сигналом предлагает
Без боя сдать отважные суда;
"Варяг" на дерзость ту не отвечает
И давит гнев в себе не без труда.

Гремит оркестр на крейсере нейтральном,
Несется гимн: "Господь, царя храни!"
Суда идут в порядке идеальном,
Как будто на парад идут они.

Взвился сигнал на вражеской "Асаме",
Суда открыли страшную пальбу;
"Кореец" и "Варяг" стреляют сами,
Не ропщут на тяжелую судьбу,

А борются за право жить на свете,
За веру, за отчизну, за царя.
Они – смелы; они – России дети;
Они – орлы, короче говоря.

Окончен бой. Израненный в сраженьи
Вернулся в гавань доблестный "Варяг",
"Кореец" с ним, испив до дна мученья,
Не посрамив наш славный русский флаг.

Но, чтоб судов, разбитых в битве страшной,
У нас враги не вздумали отнять,
Начальник русский – бравый и отважный –
Решил суда немедленно взорвать.

И вскоре рейд Чемульпского залива
И вместе с ним нейтральные суда
Дрожали все от страшной силы взрыва,
И в бухте грозно пенилась вода.

Суда держав нейтральных приютили
Команду с наших взорванных судов,
Они видали бой и оценили
Любовь к отчизне преданных сынов.

Но и враги немало пострадали,
Немало получили тяжких ран,
А “Такачиху”, нам передавали,
У них отнял Великий Океан.

Я с гордостью, с любовью и с поклоном
Приветствовать душой и сердцем рад
И восхвалять в порыве восхищенном
Защитников, вернувшихся назад.

Надеюсь, что еще найдутся люди,
Которые поддержат русский флаг,
Как сделали, врагу подставив груди,
Бессмертные “Кореец” и “Варяг”.

4 января 1905
С.-Петербург

9. ПО ВЛАДЕНИЯМ КУЧУМА

1. НА УРАЛЕ

Чернозем сменился степью,
Необъятною для взора;
Вдалеке синеют цепью
Разновидной формы горы.
    Все покрыты травкой свежей
    Скаты темного Урала;
    Взглянешь вправо, влево – те же
    Содержатели металла.
Много речек и потоков
Вдоль по скатам вниз стремятся;
Среди камней и порогов
Воды их в горах теснятся.
    Там, покрытые хвоею,
    Появились пихты, ели,
    И одеждою седою
    Кедры-старцы засерели.
Горы круче, горы выше;
Среди них, тесняся робко,
Льются речки; вправо ближе
Александровская сопка.

Неуклюжей пирамидой,
С виду пасмурной и темной,
Лесом изредка покрытой,
Она кажется огромной.
Вот и воды Сыростана
Миновали мы два раза.
Там бледнеет гладь Атляна,
А за ней простор Миаса.
Вот Ильменские отроги,
Пресноводные озера,
Те же реки, те ж пороги,
Те ж долины, те же горы.

2. ОКОЛО ИРТЫША

Местность вкруг уныла, скучна;
Тундра, кочки и болота
Перед взором безотлучны...
Жизнь без шума, без заботы!
Я завидую той жизни
Средь глуши в уединеньи:
Здесь не слышно укоризны,
Злого слова, оскорбленья.
Нет здесь лжи несправедливой,
Нет здесь зависти и злобы,
В этой тундре молчаливой
Веет прелестью особой.
Едем дальше. Вечереет.
Средь прибрежного камыша
Плавно льются и чернеют
Воды мутного Иртыша.
Я смотрю на эти воды,
Что текут, как будто, в мире –
Они взяли воеводу,
Победителя Сибири.
Я смотрю, припоминая
Славный облик атамана,
Что фантазия, играя,
Создает в фате тумана.
Уж Иртыш остался сзади,
Уж тайга сменила тундру,

Спит природа вся в прохладе;
Через Обь проедем к утру.
    Вкруг тайга мрачна, угрюма.
    Поезд наш ползет лениво.
    Царство, бывшее Кучума,
    Живописно и красиво.

3. ОЗЕРО БАЙКАЛ

Зеленая вода в высоких берегах,
И берега вокруг, подернутые мглою.
Вершины темных гор виднеются в снегах
И грозно высятся над чистою водою.
    Какой кругом простор! какая ширина!
    Как воздух чист и свеж! как озеро спокойно!
    Какая мертвая, холодная весна!
    Как дышится легко! как сердце бьется стройно!
Святое море спит... Воды зеркальна гладь;
Местами только лед покоится на водах;
Не может сразу взор картины всей обнять,
И даль теряется вдали на неба сводах.
    А в горах глухо ветр порывисто гудит;
    Тоскливый шум его в ущельях замирает;
    В прозрачном воздухе Святое море спит;
    При солнце северном гладь озера сверкает.

Июнь 1903
порт Дальний

10. ИЗ "ПЕСЕН СЕРДЦА"

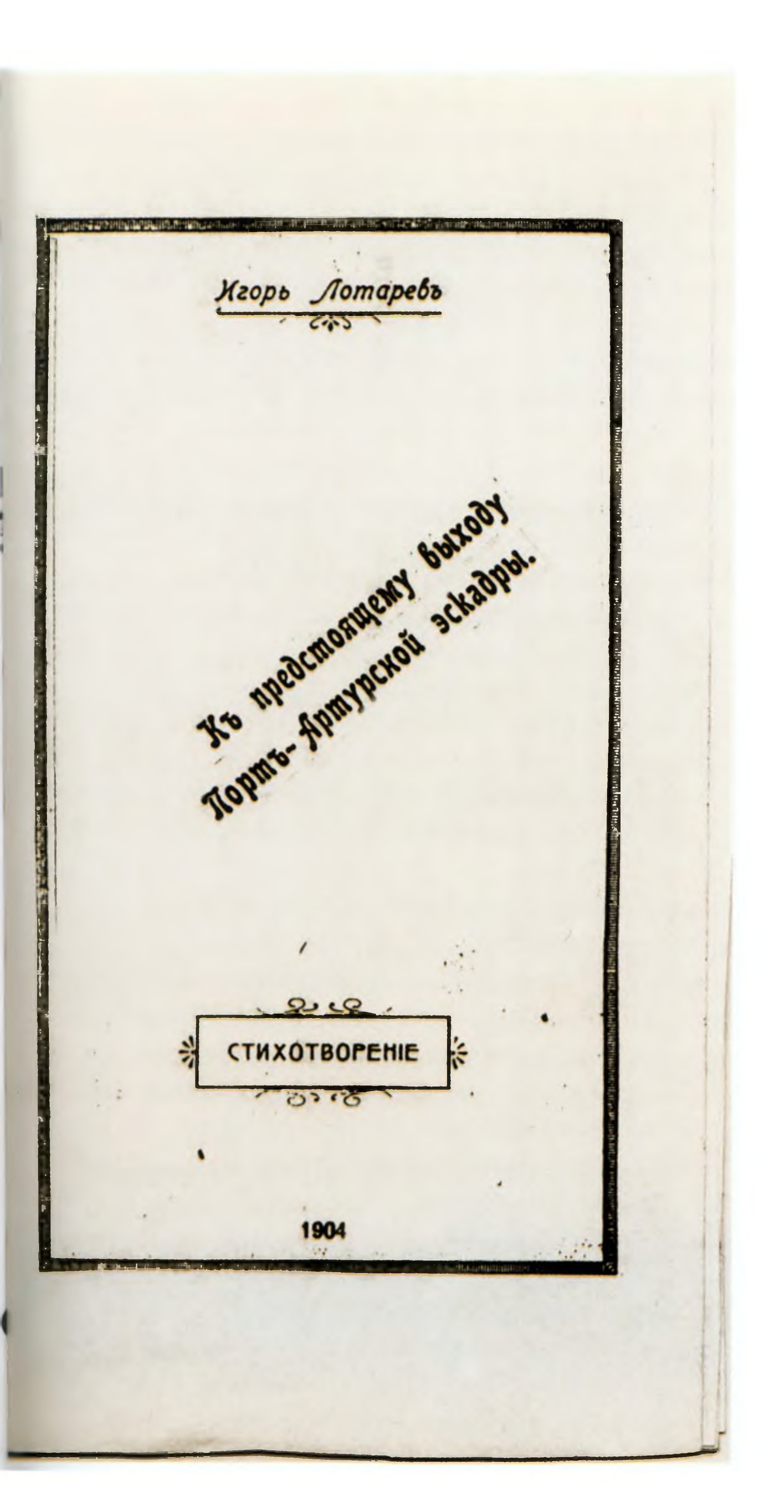
(*Посвящается Е.М.Я-ой*)

(I–V)

I. ЦАРЕВНА СУДЫ

Помню я вечер – все в слезах деревья;
Белой вуалью закрылась земля;
Небо бесцветно. Сижу я над Судой,
Шуму вод чистых с любовью внемля.

Игорь Лотарёв.
Цикл
“Морская война”

Къ предстоящему выходу Портъ-Артурской эскадры.

Да, скоро выйдетъ вновь изъ Портъ-Артура
Прославленный въ сраженіяхъ отрядъ,
Чтобъ биться съ флотомъ Того, Камимура
И Уріо, что зорко сторожатъ.

Поднимется на флагманскомъ «Баянѣ»
Опять сигналъ: «идти въ Владивостокъ»,
Онъ невозможнаго тогда сломаетъ грани;
По смыслу онъ возвышенъ и высокъ.

Пойдетъ «Баянъ» дорогу намѣчая,
За нимъ вояка старый «Ретвизанъ»
И обновленная эскадра молодая,
Послѣдуетъ за ними въ океанъ.

Завьются вновь Андреевскіе флаги,
Раздастся вновь могучее «ура».
И чувствуя вступленье въ сферу влаги
Матросы скажутъ: «бить врага пора».

И вотъ тогда исполненный презрѣнья
И храбрости не знающей границъ,
Виренъ, предвидя битвы наслажденье,
Читая выраженье русскихъ лицъ,

Пылающихъ желаньемъ страстнымъ
боя,
Отдастъ приказъ: «сраженье начинать»,
И, если врагъ сильнѣе будетъ втрое,
Нашъ адмиралъ не станетъ отступать.

Заговорятъ орудья «Пересвѣта»,
«Полтавы» грозно вторить станутъ имъ,
Начнется бой на удивленье свѣта
Упорствомъ поражающій своимъ.

Орудья заклокочутъ, будто кратеръ,
Снаряды разрушенье понесутъ,
Эскадры перестроятся въ киль-ватеръ
Въ теченіи какихъ нибудь минутъ.

Начнется бой, которому на свѣтѣ
Никто не сможетъ равнаго найти,
Но на «Баянѣ» и въ минуты эти
Прочтутъ сигналъ: «въ Владивостокъ
идти».

Каковъ бы не былъ результатъ сра-
женья,
Погибнетъ нашъ отрядъ иль побѣдитъ,
Онъ въ каждомъ сердцѣ встрѣтитъ вос-
хищенье
И міръ отвагою своею удивитъ.

Да, вѣрю я, что выполнитъ задачу
Нашъ славный адмиралъ Робертъ Ви-
ренъ,
А если нѣтъ, умретъ, отвергнувъ сдачу,
Спокоенъ, какъ всегда, и вдохновенъ.

Игорь Лотаревъ.

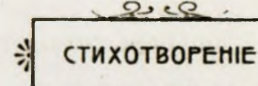
С.-Петербургъ,
15-го Сентября 1904.

Игорь Лотаревъ

Гибель „Рюрика“.

Онъ спитъ теперь герой сномъ вѣчности объятъ,
И имя «Рюрика» звучитъ безсмертной славой.
Не далѣе жъ того, какъ годъ тому назадъ
Онъ пышный балъ давалъ красавецъ величавый.
Пускай же этотъ балъ останется въ сердцахъ
Участниковъ его прекраснымъ сновидѣньемъ.
Пусть вспомянутъ они его въ своихъ мечтахъ,
Какъ жизни горестной отрадное мгновенье.

Авторъ.

1904

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Октября 1904 г.

Типо-Литографія К. Шлегельмильхъ, Екатерин. кан. 104.

Гибель „Рюрика“.

Онъ спитъ теперь герой сномъ вѣчности объятъ
И имя «Рюрика» звучитъ безсмертной славой.
Не далѣе жъ того, какъ годъ тому назадъ
Онъ пышный балъ давалъ красавецъ величавый.
Пускай же этотъ балъ останется въ сердцахъ
Участниковъ его прекраснымъ сновидѣньемъ.
Пусть вспомянутъ они его въ своихъ мечтахъ,
Какъ жизни горестной отрадное мгновенье.

Авторъ.

Отрядъ крейсеровъ вышелъ въ море опять,
Флагъ Іессена вьется красиво,
И наши суда стали вновь пробуждать
Дремавшія воды залива.

Начальникъ отряда герой и боецъ
Стремился къ намѣченной цѣли:
„Господству враговъ приготовить конецъ,
Чтобъ моремъ враги не владѣли“.

Чтобъ Того не мнилъ себя моря царемъ,
Чтобъ спѣсь съ себя снялъ Камимура.
На встрѣчу отряда подъ пушечный громъ
Эскадра ужъ шла изъ Артура.

И гордо „Россія“ Андреевскій флагъ
На мачтѣ своей развивала.
И, видя то, чувствовалъ каждый морякъ,
Какъ сердце въ груди трепэтало.

А „Рюрикъ“ и славный герой „Громобой“
Шли слѣдомъ за судномъ флагмана,
Желая вступить съ непріятелемъ въ бой
Въ безбрежныхъ водахъ океана.

И съ каждымъ движеньемъ геройскій отрядъ
Все близился къ скаламъ Артура.
Но съ башни сигнальной былъ поданъ докладъ
„На встрѣчу отрядъ Камимура“.

„Готовиться къ бою, команда гремитъ:
„Къ упорному тяжкому бою“.
На палубахъ русская доблесть царитъ,
Стоитъ неприступной горою.

И между собой говорятъ моряки:
„Насъ Витгефтъ уже ожидаетъ. . .
Идемъ же смѣлѣе“! Пожатье руки
Ихъ тайную мысль довершаетъ.

Снаряды несутъ разрушенье съ собой,
Витаетъ вкругъ смерть торжествуя,
Идетъ въ океанѣ убійственный бой.
Онъ самъ ему вторитъ бушуя.

Четыре японскихъ большихъ корабля,
Какъ будто придя въ изступленье,
Орудьями всѣми своими паля,
Наносятъ судамъ поврежденья.

Но крейсеры наши дерутся, какъ львы.
Имъ смерть не страшна (Лишь бы слава!)
О, будьте прославлены, храбрые вы!
Гордитесь той битвой кровавой!

Сигналъ поднимаетъ избитый герой,
Прославленный „Рюрикъ“ въ сраженьяхъ:
„Снарядъ мнѣ разрушилъ отдѣлъ рулевой.
Я жду адмирала рѣшенія“.

И Іессенъ въ отвѣтъ поднимаетъ сигналъ:
„Машинами пробовать править“
И, чтобы врага обмануть, адмиралъ
Велитъ крейсеръ „Рюрикъ“ оставить.

„Россія“, а слѣдомъ за ней „Громобой“
На полныхъ парахъ отступаютъ;
Они отвлекаютъ враговъ за собой,
Отъ „Рюрика“ ихъ отвлекаютъ.

Но горе за горемъ: на смѣну однихъ
Два судна другихъ изъ-за дали
Подходятъ, но „Рюрикъ“ отважный и ихъ
Встрѣчаетъ гостинцемъ изъ стали.

„Прощай, тихоходный товарищъ-герой,
Судьба надъ тобой надсмѣялась;
Умрешь ты по волѣ судьбы своей злой,“
„Россія“ рыдая прощалась.

Прощался разстроганный съ нимъ „Громобой“,
Суровый и доблестный витязь:
„О, что они сдѣлали, „Рюрикъ“, съ тобой!
„О, я отомщу, берегитесь!“

Взволнованный Іессенъ печально сказалъ:
„Помочь мы несчастью не властны!“
И чтобъ и другихъ не губить, адмиралъ
Велѣлъ отступать. Не напрасно!

Лишь только успѣли уйти крейсера,
Въ пучину сошелъ храбрый „Рюрикъ“,
При громѣ орудій, при кликахъ „ура“,
При ревѣ воинственной бури!

И вмѣстѣ съ нимъ честно погибъ командиръ
И много погибло матросовъ. . .
Пусть подвигомъ славнымъ гордится весь міръ,
Тѣмъ подвигомъ доблестныхъ россовъ!

Игорь Лотаревъ.

С.-Петербургъ
27-го Сентября 1904 г.

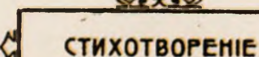
Игорь Лотаревъ.

Подвигъ „Новика“.

Къ крейсеру „ИЗУМРУДЪ“.

Отомсти „Изумрудъ“,
За печали минутъ
Когда „Новикъ“ жизнь полную славы,
Кончилъ въ дальнихъ водахъ
Когда съ грустью въ глазахъ
„Новика“ сожалѣла держава.

Авторъ.

СТИХОТВОРЕНIЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Тип. „Самокатъ“, Офицерская ул., № 6.
1904

Дозволено цензурою. Спб., 4 Ноября 1904 года,

(5765).

Подвигъ „НОВИКА“.

Къ крейсеру „ИЗУМРУДЪ“.

Отомсти „Изумрудъ“,
За печали минутъ,
Когда „Новикъ“ жизнь полную славы
Кончилъ въ дальнихъ водахъ,
Когда съ грустью въ глазахъ
„Новика“, сожалѣла держава,

Подвигъ „НОВИКА“

Океанъ нѣмъ и дикъ
Какъ пустыня. „Новикъ“,
Крейсеръ весь закаленный въ сраженьяхъ,
Смѣло рѣжетъ волну
И побѣду одну
Видитъ въ грезахъ своихъ и стремленьяхъ.

После боя эскадръ,
Массу выпустивъ ядръ,
Нанеся и имѣя самъ раны,
Онъ прорвалъ цѣпь судовъ
Непріятельскихъ вновь;
Съ нимъ „Паллада", „Аскольдъ" и „Діана".
Но „Діана" въ Сайгонъ,
Потерпѣвши уронъ,
Шла чиниться, (причина понятна).
Шелъ „Аскольдъ" въ портъ Шанхай,
Въ дальне-южный Китай,
А „Паллада" вернулась обратно.
Славный крейсеръ „Новикъ"
Своей цѣли достигъ
И зайдя въ Кіа-Чао за дѣломъ,
Взялъ запасы угля,
И далеко земля,
Вновь осталась за крейсеромъ смѣлымъ.
Семь ночей и семь дней,
При сіяньи огней
И при свѣтѣ горячаго солнца
И подъ бури качель,
И подъ вѣтра свирѣль
Шелъ „Новикъ" мимо царства японцевъ.
Онъ встрѣчалъ иногда
Вражьи лодки, суда,
Но нигдѣ не имѣлъ остановокъ:
Онъ стремился впередъ...

Его смѣлый налетъ
Былъ отваженъ, безпеченъ, и ловокъ.
Моря ширь и просторъ
Его опытный взоръ
Обозрѣлъ, наконецъ; заискрился:
Онъ на полныхъ парахъ
Шелъ въ знакомыхъ водахъ;
Корсаковскъ передъ нимъ появился...

Но не долго пришлось
Безъ волненій и грозъ
Отдохнуть на родномъ Сахалинѣ:
Былъ полученъ докладъ,
Что японскій отрядъ
Появился на водной равнинѣ.
Крейсеръ къ бою готовъ...
Заиграла въ немъ кровь
И безумная храбрость обняла
Его стройный весь станъ...
Онъ, оправясь отъ ранъ,
Предвкушалъ прелесть смертнаго бала,
Горизонтъ просвѣтлѣлъ,
Силуэтъ зачернѣлъ
Судна вражьяго. Чуствуя сѣчу,
Поднялъ честный свой ликъ
Славный крейсеръ „Новикъ"
И „Цусимѣ" пошелъ самъ навстрѣчу.
Бой жестокій морской

Закипѣлъ надъ водой,
И противники ринулись смѣло
Другъ на друга; тогда
Забурлила вода,
Отъ снарядовъ она закипѣла.
Крейсеръ дрался, какъ левъ,
И, придя въ страшный гнѣвъ,
Онъ „Цусимѣ" нанесъ поврежденья;
Но былъ раненъ и самъ
И къ роднымъ берегамъ
Возвратился для ранъ излѣченья.
Сильно онъ пострадалъ:
Снарядъ вражій попалъ
Въ рулевое ему отдѣленье,
Командиръ осмотрѣлъ
Поврежденный отдѣлъ
И пришелъ онъ къ такому рѣшенью:
„Крейсеръ" весь поврежденъ...
Бой не выдержитъ онъ,
Если снова мы вступимъ въ сраженье.
Срецствъ починки-же нѣтъ..
Мой сердечный совѣтъ:
Крейсеръ „Новикъ" предать потопленью,
Чтобы гордость морей,
Какъ прекрасный трофей,
Не достался врагу невредимымъ.
Жаль „Новикъ" намъ тебя...
Жизнь героя губя
Мы страдаемъ всѣ невыразимо.

Онъ потопленъ... Но флагъ
Не имѣетъ нашъ врагъ.
Мы Андреевскій флагъ сохранили.
Спи-жъ спокойно, борецъ,
Нашъ отважный, боецъ,
Мы изъ славы вѣнокъ тебѣ свили.

Игорь Лотаревъ.

С.-Петербургъ
5-го Октября, 1904 г.

Игорь Лотаревъ

Взрывъ „Енисея“

СТИХОТВОРЕНІЕ

1905

Взрывъ „Енисея".

Качаемъ бурною волною,
Плывя быстрѣе и быстрѣй,
Бросая мины за собою,
Шелъ минный транспортъ «Енисей».

Виднѣлся Дальній съ островами,
При входѣ въ бухту между горъ,
Съ его красивыми домами,
Которыхъ видъ ласкаетъ взоръ.

Кидая мины судно плыло,
Но вдругъ по собственной винѣ
Оно внезапно наскочило
На мину, скрытую въ волнѣ.

Раздался взрывъ, за взрывомъ стоны,
Поднялся бѣдствія сигналъ.
Межъ судномъ съ берегомъ препоны
Создалъ свирѣпый бурный шквалъ.

Сигнала въ Дальнемъ не видали
И не могли спасти судно.
А волны транспортъ отпѣвали,
При погруженіи на дно.

Свершалась вѣтромъ панихида
И, вторя волнамъ, эхо горъ
Твердило: «гибели обида
Слезою намъ туманитъ взоръ».

Команда жизнь свою спасала,
Но большей частію конецъ
Она въ волнахъ себѣ сыскала,
Свивъ смерти сумрачный вѣнецъ.

Но командиръ отвергъ спасенье
И покорился онъ судьбѣ.
Въ свои послѣднія мгновенья
Не думалъ болѣе о себѣ.

Его команда умоляла
Спастись, но онъ мольбамъ не внялъ.
Вокругъ него все жизнь спасало,
И онъ ее лишь не спасалъ.

А шлюпки быстро удалялись,
Несясь въ догонку за волной.
На минномъ транспортѣ остались
Лишь командиръ и часовой.

Когда-жъ вернулись шлюпки снова,
Чтобы оставшихся забрать,—
Они нашли лишь часового
И поспѣшили его взять.

Погибло много жизней юныхъ,
Погибло много юныхъ силъ,
Найдя себѣ въ морскихъ бурунахъ
Спокойный сонъ нѣмыхъ могилъ.

Немного берега достигло
И разсказало намъ о томъ,
Какъ судно минное погибло,
Какъ спитъ оно могильнымъ сномъ,

Какъ вѣтеръ служитъ панихиду,
И, вторя волнамъ, эхо горъ
Поетъ про гибели обиду,
Что намъ слезой туманитъ взоръ.

Игорь Лотаревъ.

С.-Петербургъ
11-го Октября 1904 г.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 3 февраля 1905 г.

Типографія И. Флейтмана, Казанская, 45.

Потопленіе „Севастополя“.

Ночь побѣдила день, какъ властная царица;
Надъ рейдомъ крѣпости спустилась ночи тьма;
И поспѣшило ей всё тотчасъ подчиниться,
Какъ подчинялася зарѣ она сама.

Въ волнахъ купая станъ, въ дремоту погруженный,
Качается во тьмѣ могучій исполинъ.
Онъ сынъ эскадры, рокомъ злымъ сраженной,
Ей преданный душой, достойный ея сынъ.

Сраженные врагомъ, всѣ братья его пали:
Разрушилъ витязей войны смертельный громъ;
И гордость доблестныхъ—одежда ихъ изъ стали
Лежитъ разорвана теперь на днѣ морскомъ.

И чувствуетъ боецъ, что самъ погибнетъ
скоро,
Что самъ уйдетъ на дно за братьями во
слѣдъ.
Ему не скрыть себя отъ вражескаго взора,
Не избѣжать ему грядущихъ страшныхъ
бѣдъ.

Онъ жизнь рѣшилъ отдать цѣною дорогою.
Опасности презрѣвъ, онъ бодро ждетъ
враговъ.
Но вотъ уже сигналъ зоветъ команду къ бою,
Къ отпору дружному всѣхъ вражескихъ
судовъ.

Какъ страшенъ бой морской во тьмѣ
холодной ночи!
Какъ врагъ упрямъ и смѣлъ! какъ добле-
стенъ отпоръ!
Прожекторы, блестя, какъ дьявольскія очи,
Пронзаютъ ночи тьму: снарядовъ смертный
хоръ
Реветъ, гремитъ, свиститъ, гудитъ, какъ
въ бурю ели,
Другъ другу смерть за смерть шлютъ
пылкіе враги.
Стремятся въ битвѣ всѣ къ одной и той-
же цѣли:
Разбить, сломать врага на мелкіе куски.

Такъ нѣсколько ночей, атаки отражая,
Безъ сна, безъ отдыха герой нашъ проводилъ.
И, раны тяжкія ни рѣдко получая,
Враговъ своихъ корабль ни мало потопилъ.

Но вотъ насталъ тотъ день, когда въ изнеможеньи,
Сдался своимъ врагамъ голодный нашъ оплотъ;
И тотчасъ же Виренъ велѣлъ безъ промедленія
Корабль скрыть отъ врага подъ кровомъ бурныхъ водъ.

Исполнилъ командиръ приказъ и, выйдя въ море,
Команду на „Силачъ" свою пересадилъ,
Кингстоны отворилъ, и боль скользнула въ взорѣ:
Онъ дѣтище свое рукой своей топилъ.

И стало осѣдать, кренясь на бортъ на правый,
Послѣднее судно. Невольный же палачъ —
Его отецъ родной, — окончивши расправу,
Съ тоскою перешелъ на маленькій „Силачъ".

Игорь Лотаревъ.

С.-Петербургъ.
27-го марта 1905 г.

Дозволено цензурою. Спб., 20 Апрѣля 1905 г.

Типографія И. Флейтмана, Казанская, 45.

Игорь Лотаревъ

Захватъ „Рѣшительнаго“

СТИХОТВОРЕНІЕ

1905.

Захватъ „Рѣшительнаго".

Я разскажу вамъ возмутительный
Войны текущей эпизодъ,
Какъ разоруженный „Рѣшительный"
Попался въ вражескій тенетъ.
    Какъ, позабывъ цивилизацію,
    Какъ, честь и совѣсть позабывъ,
    Враги позорятъ свою націю,
    Какъ ихъ поступокъ некрасивъ.

Изъ Портъ-Артура съ донесеньями,
Съ врагами встрѣчи избѣжавъ,
Весь полнъ геройства побужденьями,
Имѣя доблестный составъ,
    Пришелъ въ Чифу герой „Рѣшительный";
    Чтобъ не страдалъ нейтралитетъ,
    Онъ съ цѣлью, столь предупредительной,
    Чтобъ избѣжать возможныхъ бѣдъ,—

Сталъ разоруживаться въ гавани;
Орудья взяли въ арсеналъ,
И, какъ мертвецъ, въ туманномъ саванѣ,
Онъ безпробудно задремалъ.
    Настала ночь. Огни неясные
    Въ туманѣ прыгали вдали.
    Часы тяжелые, ужасные
    Зачатки утра принесли.

Два миноносца непріятельскихъ
Ко входу въ бухту безъ огней
Пришли и, въ дѣйствіяхъ предательскихъ,
По образцу январскихъ дней,
Явились явно азіатами;
Культура вражеская дымъ:
Весь защищенъ коварства латами
Нашъ врагъ ничѣмъ неуязвимъ.

Что разоружился „Рѣшительный",
Китайской службы адмиралъ,
Въ запискѣ ясной, разсудительной
Японцамъ тотчасъ доказалъ.
Но врагъ отвергъ законы совѣсти
И, къ миноносцу подойдя,
Рѣшилъ его къ себѣ съ собой вести,
Его безсовѣстно крадя.

Запявъ „Рѣшительнаго" палубу,
Враги вступили въ разговоръ.
Нашъ командиръ представилъ жалобу
На дѣйствій вражескихъ просторъ.
Что разоружился „Рѣшительный",
Что взяты пушки въ арсеналъ,
Что бой принять мы положительно
Не можемъ,--онъ имъ отвѣчалъ.

Съ улыбкой холода могильнаго
Онъ разговоръ ужъ велъ къ концу,
Какъ вдругъ, взмахнувъ рукою сильною,
Японца хлопнулъ по лицу.
Не мудрено: переговорами
Пока былъ занятъ командиръ,
Японскій флагъ предъ всѣми взорами
Взвился наверхъ, нарушивъ миръ.

И въ тотъ же мигъ враги схватилися,
Скатясь немедленно за бортъ.

И долго крики разносилися
И оглашали долго портъ.
Дралась команда безоружная
Съ врагомъ сильнѣйшимъ въ много разъ.
Хотя работа была дружная,
Но все жъ враги отбили насъ.

Команду русскую, дѣйствительно,
Хотя китайцы и спасли,
Взявъ на буксиръ къ себѣ, „Рѣшительный"
Японцы въ Дальній повели.
За ихъ поступокъ беззастѣнчивый
Ихъ наказало море такъ:
По волѣ случая измѣнчивой
Погибъ „Рѣшительный" въ волнахъ.

Пусть населенье европейское
Поступокъ варваровъ пойметъ.
Я жъ вѣрю опыту житейскому:
„Добро чужое въ прокъ нейдетъ".

Игорь Лотаревъ.

С.-Петербургъ.
Ноябрь, 1904 г.

Дозволено цензурою. Спб., 10 Мая 1905 г.

Типографія И. Флейтмана, Казанская, 45.

Стихотворенія Игоря Лотарева.

Къ предстоящему выходу Портъ-Артурской эскадры. 1904 г. СПВ.	ц. 10	коп.
Гибель „Рюрика“. 1904 г. СПВ. . . .	„ 2	„
Подвигъ „Новика“. 1904 г. СПВ. . .	„ 2	„
Взрывъ „Енисея“. 1905 г. Спб. . . .	„ 2	„
Потопленье „Севастополя“. 1905 г. Спб.	„ 2	„

Продаются въ складѣ изданій:

С.П.Б., Средняя Подъяческая ул., 5, кв. 3.

Игорь Лотаревъ

Конецъ „Петропавловска"

СТИХОТВОРЕНІЕ

1905.

Конецъ „Петропавловска“

(Памяти вице-адмирала С. О. Макарова).

О, „Петропавловскъ“, русскій богатырь,
Достойный сынъ обширнѣйшей державы!
Не рѣзать ужъ тебѣ морскую ширь!
Не виться флагу гордо, величаво!

Не громыхать орудіямъ твоимъ!
Не трепетать тебѣ отъ сотрясенья!
Ты спишь теперь сномъ вѣчности нѣмымъ!
Ты чуждъ теперь житейскаго волненья!

Но имя „Петропавловскъ“ будетъ жить
Въ родной странѣ, въ сердцахъ того народа,
Котораго величье и свободу,
Какъ вѣрный сынъ, ты жаждалъ охранить.

Былъ вешній день. Синѣли небеса;
И скалы снѣгъ спускали круто въ море;
Эскадра шла; гремѣли голоса,
Сливаясь въ непрерывномъ разговорѣ.

Одни вели веселый разговоръ
И всякую опасность презирали;
Иные-жъ, устремивъ въ пространство взоръ,
О сердцу близкихъ думали, мечтали.

Одни смотрѣли радостно впередъ,
Судьбѣ своей въ глаза смотрѣли прямо;
Иные же совсѣмъ наоборотъ
Въ дни лучшіе не вѣрили упрямо.

Эскадра шла; гремѣли голоса,
Сливаясь въ непрерывномъ разговорѣ.
Былъ вешній день. Синѣли небеса;
И скалы снѣгъ спускали круто въ море.

Вдали сѣрѣлъ желѣзный Портъ-Артуръ.
Холодной неприступною твердыней
Съ героями, смѣлѣй отважныхъ бурь,
Онъ высился надъ водною пустыней.

Врага эскадра шла на перерѣзъ,
Ее громили наши батареи.
— „На сторонѣ японцевъ—перевѣсъ!
Вы видите?.. Впередъ, впередъ смѣлѣе!

Не посрамимъ мы родины своей!
Не отдадимся въ вражескія руки!"
Эскадра шла быстрѣе и быстрѣй,
Сливался гимнъ въ торжественные звуки.

Вдругъ сразу всѣ притихли голоса:
Предчувствіе подсказало: „близко горе".
И потемнѣли грозно небеса,
И взолновалось пасмурное море.

И въ этотъ мигъ флагманское судно
На мину вдругъ съ разбѣгу наскочило;
Раздался взрывъ... Мгновенье лишь одно,
И море „Петропавловскъ“ поглотило...

Погибъ Макаровъ—доблестный боецъ—
Погибли съ нимъ матросы, офицеры,
Найдя въ волнахъ морскихъ себѣ конецъ,
Окончивъ жизнь за родину, за вѣру.

Спокойно спи, погибшій адмиралъ,
Со славой ты лишился честной жизни!..
Погибъ талантъ, еще цвѣтокъ увялъ,
Ушелъ боецъ, столь преданый отчизнѣ.

Спокойно спите, русскіе сыны!
Господь васъ наградитъ блаженствомъ Рая!
О, дѣти дорогой моей страны,
Васъ помнитъ наша родина святая!..

Игорь Лотаревъ.

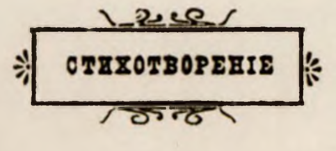
С.-Петербургъ,
10-го Ноября 1904 г.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 20 Іюня 1905 г.

Типографія И. Флейтмана, Казанская 45.

Игорь Лотаревъ

БОЙ при ЧЕМУЛЬПО.

1905.

Бой при Чемульпо.

(Памяти крейсера I-го ранга „Варягъ“ и мореходной канонерской лодки „Кореецъ“).

«Кореецъ» и «Варягъ», полны отваги,
Хотя съ врагомъ ихъ силы неравны,
Вступаютъ въ бой, неся на мачтахъ флаги
Ихъ родины, любезной имъ страны.

* * *

Самъ Уріо ихъ вызвалъ въ бой кровавый,
Имѣетъ онъ четырнадцать судовъ,
Но наши два героя дышутъ славой,
Вступаютъ въ бой, славнѣйшій изъ боевъ.

* * *

Японецъ имъ сигналомъ предлагаетъ
Безъ боя сдать отважныя суда:
«Варягъ» на дерзость ту не отвѣчаетъ
И давитъ гнѣвъ въ себѣ не безъ труда

* * *

Гремитъ оркестръ на крейсерѣ нейтраль-
номъ,
Несется гимнъ: «Господь, царя храни!»
Суда идутъ въ порядкѣ идеальномъ,
Какъ будто на парадъ идутъ они.

* * *

Взвился сигналъ на вражеской «Асамѣ»,
Суда открыли страшную пальбу;
«Кореецъ» и «Варягъ» стрѣляютъ сами,
Не ропщутъ на тяжелую судьбу,

* * *

А борятся за право жить на свѣтѣ,
За вѣру, за отчизну, за царя.
Онѣ—смѣлы; онѣ—Россіи дѣти;
Онѣ—орлы, короче говоря.

Оконченъ бой. Израненый въ сраженьи
Вернулся въ гавань доблестный «Варягъ»,
«Кореецъ» съ нимъ, испивъ до дна мученья,
Не посрамивъ нашъ славный русскій флагъ.

* * *

Но, чтобъ судовъ, разбитыхъ въ битвѣ
страшной,
У насъ враги не вздумали отнять.
Начальникъ русскій—бравый и отважный—
Рѣшилъ суда немедленно взорвать.

* * *

И вскорѣ рейдъ Чемульпскаго залива
И вмѣстѣ съ нимъ нейтральныя суда
Дрожали всѣ отъ страшной силы взрыва,
И въ бухтѣ грозно пѣнилась вода.

* * *

Суда державъ нейтральныхъ пріютили
Команду съ нашихъ взорванныхъ судовъ,
Онѣ видали бой и оцѣнили
Любовь къ отчизнѣ преданныхъ сыновъ.

* * *

Но и враги не мало пострадали,
Не мало получили тяжкихъ ранъ,
А «Такачиху», намъ передавали,
У нихъ отнялъ Великій Океанъ.

Я съ гордостью, съ любовью и съ поклономъ
Привѣтствовать душой и сердцемъ радъ
И восхвалять въ порывѣ восхищенномъ
Защитниковъ, вернувшихся назадъ.

* * *

Надѣюсь, что еще найдутся люди,
Которые поддержатъ русскій флагъ,
Какъ сдѣлали, врагу подставивъ груди,
Безсмертные «Кореецъ» и «Варягъ».

Игорь Лотаревъ.

С.-Петербургъ.
4-10 Января 1905 г.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 27 Іюля 1905 г.

Типографія И. Флейтмана, Казанская 45.

* * *

Лодка на якоре; в центре я русла;
Жадно смотрю на поверхность реки;
Там, под поверхностью этой стальною,
Мнятся мне пальцы прекрасной руки.

* * *

Пальцы зовут меня нежным изгибом;
В грезы впадаю... Предо мною дворец;
Нимфы, сирены несут меня ко дну;
Перед царевной встаю, наконец.

* * *

Эта царевна – из Суды русалка:
Бледное тело и в страсти глаза;
Губы магниты; широкие груди;
Нежно волнисты ее волоса.

* * *

Взгляд ее манит... Одно лишь движенье –
Новый оттенок велит отступить...
Новые взоры, и – новые чувства:
Хочется плакать, сердиться, любить...

* * *

Судская дева мне все ж недоступна,
Хоть и играет порою огнем.
Я очарован, озлоблен и жажду
Думать о призрачном счастье своем.

* * *

Я забываю, что я ей не пара,
Что создана она не для меня:
Я – сын свободы, она дочь неволи:
Мы ведь контрастней воды и огня.

* * *

Я постепенно от грез пробуждаюсь,
Снова мечтаю, теченью внемля.
Небо бесцветно; все в слезах деревья;
Белой вуалью закрылась земля...

6 августа 1903
порт Дальний

II. ОБМАНЩИЦА-ВЕСНА

Ты помнишь, мне в письме дала такой вопрос:
"Что принесет с собой весна – печаль и горе?
Иль радость светлую без зла житейских гроз,
Широкую, как степь, безбрежную, как море?.."

* * *

Я промолчал тогда, предчувствуя вперед
Что принесет с собой весна – цветов царица,
Я промолчал тогда и ждал, когда черед
Зиму-кудесницу заставит в страхе скрыться.

* * *

...И вот весна пришла... Ты счастье получила:
Она тебе его в подарок принесла.
А мне, хотя она могилу посулила,
Но до сих пор ее еще все не дала...

Сентябрь 1903
порт Дальний

III. НЕСБЫТОЧНЫЙ СОН

Ты снилась мне прекрасной, как всегда,
Способной понимать мои страданья.
Я шел к тебе, я звал тебя туда,
Где наяву прекрасно, как в мечтаньи.

* * *

Я звал тебя, но зов мой умирал,
Меня за дерзость страшную карая:
Преступник я! я в мыслях тебя звал
Любить в пределах Божеского Рая!

* * *

...О, если б Он воздал за муки мне
Твою любовь, хотя за крышкой гроба, –
Моя душа нашла б покой вполне
От мысли – мне смешно – "мы любим оба..."

7 декабря 1903
порт Дальний

IV. НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ**

В детстве слышал я ночами
Звуки странного мотива,
Инструмент, мне не известный,
Издавал их так красиво.
  Кто играл? на чем? – не знаю;
  Все покрыто тайной мглою;
  Только помню, что те звуки
  Власть имели надо мною.
Их мотив был так чарующ,
Так возвышен, полон ласок;
Вместе с тем печален, страшен –
Описать его нет красок.
  Я боялся этих звуков,
  Их таинственного свойства,
  Но, когда я их не слышал,
  Я был полон беспокойства.
Я любил, когда незримый
Музыкант играл ночами;
Я лежал в оцепененьи
С удивленными очами;
  Я лежал в своей кроватке,
  Щуря глазки и дыханье
  Затаив, ловил так жадно
  Их гармонию рыданья.
Звуков боле я не слышу.
Что они мне предвещали?
Счастье ль в мире равнодушья
Или горе и печали?
  Не нашел в себе я счастья –
  Звуки горе мне напели:
  Я боялся их недаром
  Еще с детской колыбели.
А любил я их, мне мнится,
Потому, что эти звуки
Мне сулили счастье в смерти,
На земле напев лишь муки.

Знает кто? Быть может, струны
Пели мне слова завета:
“Кто страдает в царстве мрака,
Насладится в царстве света”.

8 октября 1903
порт Дальний

V. БЕЗОТРАДНАЯ ЖИЗНЬ

Шесть месяцев прошло уж с того дня,
Как... но зачем?.. Нам то без слов понятно.
Шесть месяцев терзаний для меня
И впереди не мало, вероятно...
И впереди немало сердца мук;
Подумать страшно! страшно и ужасно!..
Я верю, что любовь моя не звук –
Она безмерна, истинна и властна.
Я верю, что любовь моя вся – власть;
Она неизмеряемая сила...
Та сила меня рушит. Скоро пасть
Под тяжестью я должен... Жди, могила!
Любовь – причина горя и тоски;
Начало слезы, под конец молчанье...
Молчанье статуи, тупое... Столбняки,
Бесчувствие – последствия страданья.
Ужасные последствия!.. Жизнь, как сон,
Растительная жизнь; мысль без сознанья.
Нет боле слез... Стена со всех сторон
Из тупости, а я... я в этом зданьи!..
Я в зданьи тупости!.. И я... я тоже туп...
Я отупел... О, Боже справедливый!
Нет больше слез... Я мучусь, но я груб?!..
И муки грубы... тени нет красивой...
И чувства грубы... Но уж чувств-то нет?!..
О, что со мной?!..

28 октября 1903
порт Дальний

11. МИМОЗА <1>

ПЕВИЦА СТРАСТИ

(*Памяти Мирры Лохвицкой*)

Не слышу больше я песен страстных,
Горячих песен, любовных песен,
Не вижу взоров ее прекрасных,
И мир печален, и сер, и тесен.
 Темнеет небо, и вянут розы;
 Тоска мне сердце щемит уныло;
 Сгубили юность певицы грозы,
 Ее толкнули они в могилу.
В могиле дева – певица страсти!
Как иронична, жестока фраза!
И сердце рвется мое на части:
Как это скоро! Как это сразу!
 О, как контрастно звучат два слова:
 Смерть – замерзанье, а страсть – кипенье!
 Уж не услышу я песен снова,
 Не зарыдаю от вдохновенья.
Но, что свершилось, то безвозвратно...
Порвались струны, умолкла лира!..
Так спи ж спокойно: ты нам понятна,
Певица страсти горячей Мирра!

Князь Олег Сойволский

"ОНА ОСЧАСТЛИВИТЬ ЕГО ЗАХОТЕЛА..."

ПОВЕСТЬ

Любовь к женщине! Какая бездна тайны!
Какое наслажденье и какое острое,
сладкое страданье!

А. Куприн. "Поединок"

1

Художник Эльдоре почувствовал – солнце
Взошло в его сердце высоко; и ярко
Светило и грело остывшую душу;
Душа согревалась, ей делалось жарко.

2

Раздвинулись грани вселенной, а воздух
Вдруг сделался легче, свободней и чище...
И все-то в глазах его вдруг просветлело:
И небо, и люди, и жизнь, и жилище.

3

Напротив него жила женщина... Страстью
Дышало лицо ее; молодость тела
Сулила блаженство, восторги, усладу...
Она осчастливить его захотела...

4

Пропитанным страсти немеркнущим светом
Взглянула лишь раз на него она взором,
И вспыхнули в юноше страсти желанья
И чувства восторгов просить стали хором.

5

Он кинулся к ней, к этой женщине пылкой,
Без слова, без жеста представ перед нею,
И взгляд, преисполненный царственной страстью,
Сказал ей: “ты тотчас же будешь моею!...”

6

Она содрогнулась... Сломалась улыбка
На нервных устах, и лицо побледнело –
Она испугалась его вдохновенья,
Она осчастливить его захотела!..

7

Она осчастливить его захотела,
Хотя никогда его раньше не знала,
Но женское пылкое, чуткое сердце,
Его вдохновенно нашло и избрало.

8

Что муж ей?! что люди?! что сплетни?! что совесть?!
К чему рассужденья?.. – Они – неуместны.
Любовь их свободна, любовь их взаимна.
А страсть их пытает... Им тяжко, им тесно...

9

И молнией – взглядом, исполненным чувства
Любви безрассудной, его позвала...

Он взял ее властно... Даря поцелуи,
Она от избытка блаженства рыдала...

10
Так длилось недолго. Она позабыла
И нежные речи, и пылкие ласки,
Она постепенно к нему остывала,
А он ей с любовью заглядывал в глазки.

11
А он с каждым днем, с каждым новым свиданьем,
С улыбкою новою женщины милой
Все больше влюблялся в нее, ее жаждал,
И сердце стремилось к ней с новою силой.

12
Ее тяготила та связь уже явно,
И совесть терзала за страсти порывы.
Она умоляла его о разлуке,
Его незаметно толкая к обрыву.

13
Она уж и мненьем людей дорожила,
Она уж и мужа теперь опасалась...
Была ли то правда, рожденье рассудка,
Иль, может быть, в страхе она притворялась?

14
Вернулся супруг к ней однажды внезапно.
О, как его видеть была она рада!..
Казалось, что только его ожидала,
Что кроме него никого ей не надо!..

15
А бедный художник, ее полюбивший,
Всем сердцем свободным, всей чистой душою,
Поверивший в чувство магнитного взора,
Остался вдвоем со своею тоскою.

16
И часто, печально смотря на окошко,
Откуда, смотря, она им завладела,
Он шепчет с улыбкой иронии грустной:
“Она... осчастливить меня захотела!..”

ИЗ “ПЕСЕН СЕРДЦА”

(VI)

* * *

“Ну, что ты делаешь?” – ты говоришь в письме...
Как тяжело давать ответ мне, дорогая!
Сплошной туман в моем измученном уме,
И в жизни многого уж я не понимаю.

Я познакомился и с горем, и с нуждой
С житейской прозою в мучительной разлуке,
Я ослабел своей весеннею душой;
Глубоко грудь болит, бессильны мои руки.

И в жизни цели нет, ни жажды, ни борьбы...
Все рухнуло... Ну, чем я лучше автомата?
Проклятья грозные пришли сменить мольбы...
Сестра моя! мой друг! О, дай поддержку брату!
О, подбодри меня на трудный жизни путь!
О, приласкай меня, в дорогу отправляя!..
А там измученный пойду я как-нибудь
Туда, куда ты мне прикажешь, дорогая!..

Изгнанник

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

ЭСКИЗ

Прозрачный небосклон Далекого Востока
Сменяет ночи тьма, мертвя собой жару.
Я шляпу легкую и плащ с собой беру,
Дышу прохладою живительной глубоко.

* * *

Вдоль улиц города, среди китайских фанз,
Коттэджей в зелени, залитых ярким светом,
Иду вперед, и родины приветом
Меня дарит знакомый мне романс.

* * *

А вкруг клокочет жизнь: гуляют пешеходы;
И рикши грязные, согнувшись до горба,
Бегут рысцой; шумят залива воды;
Да где-то вдалеке с тоской скрипит арба.

Квантунец

ОТЧЕГО?

Отчего снег бессильно пропал,
И ручьи отчего потекли?
Отчего соловей засвистал,
И цветы отчего зацвели?
Отчего лес оделся в листву,
И влечет меня зелень его?
Отчего я дышу и живу
Так привольно?.. зачем? отчего?
Отчего так внезапно весь мир
Пробудился от долгого сна?
"Оттого, – прошептал мне зефир, –
Оттого, что настала весна!"

Весенний ветерок

ТОСКА ПО КВАНТУНУ**

ЭЛЕГИЯ

О, греза дивная, мне сердца не терзай –
Воспоминания о прожитом так живы.
Я на Квантун хочу, в мой милый Да-лянь-вань,
На воды желтые Корейского залива.
Я в шлюпке жизненной разбился о бурун,
И сердце чувствует развязку роковую...
Я по тебе грущу, унылый мой Квантун,
И, Море Желтое, я по тебе тоскую!..

Квантунец

Г-ЖЕ МАКАРОВОЙ

(*Артистке "Новой оперы кн. Церетели"*)

МАДРИГАЛ

Я слышал Вас в "Нероне" и в "Кармене",
В "Аиде", в "Гугенотах" слышал Вас,
И как я жажду запаха сирени,
Так жажду я Вас слушать каждый раз.
Играете Вы истинно прекрасно:
То нежно, так изящно и тепло,
То жгуче, разжигающе и страстно;
И все в игре, так ясно, так светло.
Я до сих пор под властью впечатленья,
Обнявшего властительно меня,
Так много в Вас душевного волненья,
Так много в Вас сердечного огня.
Я не кричал неистово Вам: "браво!"
Не хлопал, не просил Вас спеть на бис,
Хотя Вы заслужили это право,
Прекрасная "Кармен" и Амнерис.
Я не хотел иллюзии нарушить
И, очарован Вами, я молчал...
И жаждал Вас все чаще, чаще слушать,
И видеть Вас я жаждал, я желал.
Как без воды прожить не может рыба, –
Я не могу Вас больше не слыхать;
Позвольте ж Вам сердечное спасибо
За сладкий миг эстетики сказать.

Беспристрастный

К.-АДМ. КН. УХТОМСКОМУ

ЭПИГРАММА

Искупить коль Вы хотите
Вашу тяжкую вину,
То немедленно пустите
Весь японский флот ко дну.

Гр. Евгр. Д'Аксанграф

ВСЕ ДЕЛО В РАЗМЕРЕ

ШУТКА

Голодного спросили раз: “Скажите!
Что лучше: осетрина иль треска?”
– “Сначала их размер мне покажите”, –
Ответил тот. Я понял бедняка.

12. МИМОЗА <2>

СВОБОДНЫЙ НАРОД

ОДА

1

Да здравствует русский свободный народ,
Свободу купивший кровавой ценой
И вышедший с честью из цепи невзгод,
Что с кликом победным и властным: “вперед!”
Шел в битву с врагами отчизны родной.

2

Я славу пою вам, свободы сыны,
Что жизнь положили в неравной борьбе
За благо, за счастье родимой страны,
За первые всходы пунцовой весны!..
О, светлый народ, пою славу тебе!

3

Скорей проходи, смертных ужасов год;
Вздохни посвободней, трудящийся люд.
Пусть вышедший с честью из цепи невзгод
Да здравствует русский свободный народ,
На благо отчизны затративший труд!

Бич

1905

ЛЖИВАЯ ЗВЕЗДА

СИМВОЛИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Тропинкой незнакомой шли мы в гору,
Товарищ мой да я. Багрел восток...
Стремились мы к вершин седых простору,
Но путь наш был и труден и далек.
Плыла блестя звезда в воздушной сфере,
Мы шли за ней, за нашею звездой,
В надежде, и внимая страстной вере,
Что идеал найдем мы за горой.
Мы смело шли. Завистливые гады
Нас жалили, и нам мешали пни,
Дорогу преграждали водопады,
А камни нам изранили ступни.
Но мы вперед к своей стремились цели,
К вершине гор в плывущих облаках,
Преодолеть препятствия хотели
И бодро шли в неведомых горах.
Порою мы сползали с горных кручей
К восторгу наших низменных врагов,
Но сил полны, энергии кипучей,
Мы снова шли к узору облаков.
...Мы не дошли до гор седых простора
Не потому, что не было в нас сил
Преодолеть препятствия и горы,
Что наш порыв был немочен и хил.
Не потому, что гады нам мешали,
Что пропасти казались широки,
Что горы были слишком высоки,
Не потому, что мы в пути устали.
Лишь первый луч всходящего светила
Нас обласкал живительным теплом,
Звезда от нас испуганно уплыла,
И мы в горах осталися вдвоем.
И вскрикнули при солнца ярком свете –
Мы море увидали пред собой...
И поняли, что мы попали в сети,
Сплетенные искусною рукой.
Звезда вела нас ложною тропою,
За морем горы видны вдалеке...

И взоры затуманились тоскою,
И головы склонилися в тоске.
Достигнуть цели надо до заката,
Но не на чем нам море переплыть!
Прощай, мечта! уж нет к тебе возврата!
Придется грезы дивные забыть!
Напрасно мы звезде своей внимали,
Доверились и с нею вместе шли:
Мы тусклости не видели в кристалле!
Мы тьмы в сияньи видеть не могли!
О, сколько мы бесцельно проблуждали,
Благодаря изменнице-звезде!..
О, сколько сил в блужданьях потеряли
В непроизвольном, тягостном труде!..

Весенний ветерок

1904

ГДЕ ПРИ ВЗДОХЕ ВЕТЕРКА ПОЕТ ФАРФОР...**

МАНЬЧЖУРСКИЙ ЭСКИЗ

Там, где нежно колокольчики звенят,
И при вздохе ветерка поет фарфор,
Еду я, восторгом искренним объят,
Между бархатных полей и резких гор.
Еду полем. Там китайцы сеют рис,
Трудолюбьем дышат лица. Небеса
Ярко-сини. Поезд с горки сходит вниз.
Провожают нас раскосые глаза.
Деревушка. Из сырца вокруг стена.
Там за ней фанзы приземисты, низки.
Жизнь скромна, тиха, убога, но ясна –
Без тумана русской будничной тоски.
Пасть раскрыл свою, на нас смотря, дракон,
Что из красной глины слеплен на фанзе.
Я смеюсь: мне грозный вид его смешон.
Село солнце; спит трава в сырой росе.

Беглец

1905

ПРИЗРАК ОТЦА

Сегодняшней ночью мой папа любимый
Вошел, как бывало, с улыбкой ко мне
И с грустью во взгляде, едва уловимой,
Приветствовал сына – я видел во сне.
    От счастья в волненьи уста задрожали,
    Я взор устремил на родные черты,
    А сердце с душою смеялись, рыдали...
    "О, папа! родной мой! Что чувствуешь ты?!"
Но он не ответил. Лишь скорбные тени
Скользнули на миг по родному лицу,
И столько страданий увидел я в тлене,
Что ноги я стал целовать мертвецу.
    Что мне, что он мертвый, что встал из могилы,
    Что холодом веет вокруг мертвеца,
    Когда я люблю его с прежнею силой
    И в призраке чувствую душу отцу?!..

Князь Олег Сойволский

1905

ИЗ "ПЕСЕН СЕРДЦА"

(VII)

"Я НОЧЬ НЕ СПЛЮ, И ВЕРЕНИЦЕЙ..."*

ЭЛЕГИЯ

Я ночь не сплю, и вереницей
Мелькают прожитые дни.
    Теперь они
    Как небылицы.
В своих мечтах я вижу Суду
И дом лиловый, как сирень,
    Осенний день
    Я вижу всюду.
Когда так просто и правдиво
Раскрыл я сердце, как окно...

Как то давно!
Как то красиво!
Я не имею даже вести
От той, которой полон май,
Как не страдай, –
Не будем вместе.
Я к ней писал, но не достоин
Узнать, счастлива ли она.
Прошла весна,
Но я... спокоен.
О, я не требую ответа,
Ни сожаления, ни слез,
Царица грез
Елисавета!
Биеньем сердца молодого,
Стремленьем любящей души
Хочу тиши
Села родного.
Я на мечте своей – гондоле
Плыву на Суду в милый дом,
Где мы вдвоем
Без нашей воли.
Меня не видишь ты, царица,
Мечтаешь ты не обо мне...
В усталом сне
Твои ресницы.
Ты видишь: небо так прозрачно,
И вдруг фата из серых туч...
О, я могуч,
Когда все мрачно!
Но мрак исчезнет, и в лазури
Потонет мир, потонем мы...
Страшусь я тьмы,
Но жажду бури!

Изгнанник

1906

Я ПОМНЮ ПЛЫЛ ПО МЕРТВОМУ БАЙКАЛУ...

РОНДО

Я помню плыл по мертвому Байкалу...
Была весна, холодная весна.
Поверхность вод под ветром трепетала,
И гнулася в отчаяньи сосна.
...Вокруг меня рокочущие воды,
И вдалеке седые берега...
С тех пор прошли медлительные годы,
Но та минута сердцу дорога.
Я помню плыл по мертвому Байкалу
И полной грудью воздух я вдыхал,
И в музыке бушующего шквала
Своей душе забвение искал,
И тихо плыл по мертвому Байкалу.

Беглец

1905

МАДРИГАЛЫ

Г-же Н.Т. Ван-дер-Брандт

I. "ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГОВ"

Комплименты – в серебре лесть,
К лести ж чувствую презренье,
Но бесспорно все в Вас прелесть:
Сами вы – игра и пенье.

II. "ТРАВИАТА"

Не напрасна сил затрата:
Цель оправдана блестяще.
О, когда б Вас слушать чаще,
Идеальная Травиата!

Г-же Н.К. Акцери

"МИНЬОНА"

Браво, г-жа Акцери!
Вы – изящная Филина,
Уж при Вас, по крайней мере,
Не узнаешь силы сплина.

Беспристрастный
1905

13. В СЕВЕРНОМ ЛЕСУ

ОЧЕРК

I

Поет метель над тихо спящим бором;
Мерцает луч холодных, тусклых звезд;
Я еду в глушь, и любопытным взором
Смотрю на туч волнующихся рост.

Я еду в глушь, в забытую усадьбу,
На берега играющей реки.
Мне чудится, что леший правит свадьбу,
Пируя у невесты, у Яги.

Мне чудится, что рядом пляшут бесы,
И ведьмы сзади водят хоровод;
Мне слышится в тоске мелодий леса
Порою песнь. Но кто ее поет?..

Порою смех, порою восклицанье
Мне слышатся, вселяя в душу страх.
Чье скорбное лицо встает в слезах?
Чье слышу я безумное рыданье?

Кто плачет здесь, здесь, в мерзлом царстве снега,
И почему здесь сотни голосов?
В ответ мечте я слышу топот бега
Своих коней да говор бубенцов.

II

Мне нравится унылая природа
Мне дорогого севера с красой
Свободного славянского народа
С великою и с гордою душой.

Люблю леса я северных окраин,
Люблю моря, и горы, и тайгу.
Я – властелин над ними! Я – хозяин!
Я там дышать и властвовать могу!

Любовь моя! Лети к простору поля,
Где я порой на паре быстрых лыж
Лечу стрелой с хвалебным гимном воле,
С беспечностью, с какой летает чиж.

Лети, моя любовь, с поклоном к лесу,
Ты соснам вековым снеси привет;
Скажи, что не завидую я Крезу,
А тем, кто может жить в расцвете лет,

Когда бывает сердце нежно-чутко,
Когда весною веет от души, –
В лесу глухом, где так отрадно-жутко,
В любимой мною северной глуши.

Я вас пою, волшебные пейзажи,
Бегущие при трепетной луне,
И вас пою я, звезды, – ночи стражи, –
Светящие в лесу дорогу мне.

И лес в одежде цвета изумруда,
И небо шатровидное из туч.
Пою тебя, моя царица Суда,
И песни звук победен и могуч!

Пою тебя, мой лес, – товарищ старый, –
Где счастье и любовь я повстречал,
И вас пою, таинственные чары
Любви, которой молодость отдал.

На север я хочу! На север милый!
Туда, туда, в дремучий хвойный бор,
Где тело дышит бодростью и силой,
Где правду видит радостный мой взор.

Мечты мне нежно сказки шепчут хором,
Пока я тихо еду через мост.
Поет метель над тихо спящим бором;
Мерцает луч холодных, тусклых звезд.

Декабрь 1905

14. ЛЕПЕСТКИ РОЗ ЖИЗНИ

(I–III)

I. ВСТРЕЧА

СОНЕТ

Мы встретились холодною зимою
В селении, заброшенном в снегах,
И поняли: пришел конец покою –
Любовь опять забрезжилась в сердцах.
Я видел Вас всегда в своих мечтах,
И были Вы любимою мечтою.
– Я Вас люблю, – так думал я порою;
Что любите, – читал у Вас в глазах.

Любовь опять забрезжилась при встрече;
Смотрите: разрастается она,
Свободна, как могучая волна,
Весна зовет желания на вече;
Я знать хочу: что скажет им весна?
Какие им она нашепчет речи?

Январь 1906
С.-Петербург

II. "НИКОГДА! НИКОГДА!"

Ты сказала: "Пойдем мы с тобою туда,
Где впервые увиделись мы".
И пошли мы с тобой. И вела нас мечта
К лету знойному, вдаль от зимы.

Все твердил, что люблю. То же слышал в ответ.
Ручку нежно целуя твою,
Я тебе говорил, мое солнце, мой свет,
Что к тебе в своем сердце таю.

– Нам дорогой одной никогда не идти, –
Ты со вздохом сказала, грустя.
– Отчего же двум розам вблизи не цвести,
Лепестками "люблю" шелестя?

Дорогая! скажи: что разлучит с тобой?
Я бороться хочу: силы есть!
– Позабудь поскорей, как холодной зимой
Мы сошлися... Разлучница ж честь!

Что я сделать могу, чтобы честь сокрушить?
Да и стану ль ее сокрушать?!
Но тебя буду вечно и нежно любить,
И надеяться тщетно, и ждать.

Но тебя позабыть!.. Что за тяжесть труда!
Да и зря – не могу позабыть!
Будь моей! будешь? да? – "Никогда! никогда!
Не могу никогда твоей быть!"

– Почему? но послушай: мне больно... пойми:
Я страдаю... скажи, почему.
Отвечай поскорей, мне души не томи. –
"Хорошо, я отвечу: к чему?"

– Как к чему?! я люблю тебя страстно! хочу
Обладать тобой! Молви же: да! –
Но напрасно в мечтах я высоко лечу –
Мне в ответ: "никогда! никогда!"

О, скажи: отчего холодна ты со мной?
Ты призналась, что любишь меня…
Так обнимемся ж крепко и жарко с тобой.
Поцелуемся жарче огня.

В поцелуях найдем мы усладу. Скорей!
Ну, не будь холодна и тверда!
Приласкай понежней, поцелуй горячей,
Будь моей! – “Никогда! никогда!”…

Январь 1906
С.-Петербург

III. ОДНО ИЗ МИНУВШИХ СВИДАНИЙ

Мы с тобой говорили, с любовью смотря
Друг на друга, о наших невзгодах.
И алела любви безрассудной заря,
И вещала о солнечных годах.

Ты раскрыла мне сердце. Я видел, что в нем
Только с честностью правда да горе;
И что это я видел, ты знала о том
В моем грустном, доверчивом взоре.

Ты меня понимала, как берег волну,
Что порою несет ему ласки,
И любила меня, словно роза весну,
Словно грёзы – волшебные сказки.

Грусть ковала сердца, и хотелось… чего?
Ласок? страсти? лобзаний и зноя?
Разумеется, нет: не хотя ничего,
Мы с тобою хотели покоя.

Позабыться хотели от горя, от лжи,
Удалиться хотели в пустыню,
Чтобы отдых найти для усталой души,
Чтоб забытую вспомнить святыню.

Молодые сердца бились звучно, и в них
Столько удали было и силы,

Столько чувств вдохновенных и чисто святых,
Что молчать нам немыслимо было.

Твои губы внезапно обжег поцелуй.
Ты зарделась: он огнен и жуток.
Это я, пылкой страсти ничтожный холуй,
Потерял на мгновенье рассудок.

Но встречает препоны неопытный шаг.
А затем уж свободна дорога;
Мы с тобой целовалися много...
О, порыв! Что за чудный, волшебный ты маг!

Лишь утихла, как все и должно утихать,
Страсть, что вспыхнула яркою искрой,
Мы с тобою печальны и сонны опять,
И ничтожны пред жизнию быстрой.

17 февраля 1906
С.-Петербург

15. ПАМЯТИ А.М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

(ум. 25 марта 1908 г.)

Что сделать я мог, то я сделал,
и с миром ты ныне,
О, жизнь, отпускаешь меня...
А. Жемчужников

Он отошел под колокол обедни,
Порвав узы с печалью и нуждой.
Благословен почивший в день святой
Певец нужды – из могикан последний.
Храня заветы славной старины
В своей душе, душе идеалиста,
Он жизнь будил на пиршество весны,
И просыпалась жизнь, смеясь лучисто.
Но пробил час, как зло земли, жесток, –

Борцу за свет объятья тьма раскрыла.
Спокойно спи: ты сделал все, что мог,
И Смерть тебя на жизнь благословила!

26 марта 1908
С.-Петербург

16. НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

Погиб поэт, невольник чести...
М.Ю. Лермонтов

Пал жертвой лжи и зла земного.
Носитель радужных идей.
Коварства гнусного людского
И низкой зависти людей.
Нанес палач поэту раны,
И горечь близится конца
Литературного титана
И вдохновенного творца.
Погиб и он, как гениальный
Его предшественник-собрат.
И панихидой погребальной
Страна гудит, и люд печальный
Душевной горестью объят.

* * *

Но не всего народа слезы
Сердечны, искренни, чисты, –
Как не всегда пунцовы розы,
Как не всегда светлы мечты,
Для горя ближних сердцем зорок,
Не забывал ничьих он нужд;
Пускай скорбят – кому он дорог,
Пускай клеймят – кому он чужд!
И пусть толпа неблагодарна,
Коварна, мелочна и зла,
Фальшива, льстива и бездарна
И вновь на гибель обрекла
Другого гения, другого

Певца с божественной душой, –
Он не сказал проклятья слова
Перед кончиной роковой.

* * *

А ты, злодей, убийца, ты, преступник,
Сразивший гения бесчестною рукой,
Ты заклеймен, богоотступник,
Проклятьем мысли мировой.
Гнуснее ты Дантеса – тот хоть пришлый,
В нем не течет земель славянских кровь;
А ты, змея, на битву с братом вышла, –
И Каин возродился вновь!..
Не лейте слез, завистники, фальшиво
Над прахом гения, не оскорбляйте прах;
Вы, стадо жалкое, – ничтожно и трусливо,
И ваш пастух – позорный страх.
Вас оценят века и заклеймят, поверьте,
Сравнивши облик каждого с змеей…
И вы, живые, – мертвые без смерти,
А он, и мертвый, – да живой!

Апрель 1908
С.-Петербург

17. ЗАРНИЦЫ МЫСЛИ

ОКЕАНУ – КАПЛЯ

(Посвящается Льву Толстому)

Сын мира – он, и мира он – отец.
Гигантское светило правды славной.
Литературы властелин державный.
Мыслей – скрижалей разума – певец.
Он мыслью, как бичом, вселенную рассек.
Мир съежился, принижен, в изумленьи.
Бичуя мир, он шлет ему прощенье.
Он – человек, как лев. Он – лев, как человек.

1907

У К.М. ФОФАНОВА

(ОДИН ИЗ ВЕЧЕРОВ У ПОЭТА)

Мигая, лампа освещала,
Как ландыш, чистые листы.
Лицо поэта озаряла
Улыбка ласковой мечты.
Я, углубляясь в воплощенья
Его измученной души,
Слыхал, как сердце в упоенье
Мне пело: "Стихни… не дыши…"
С миражем в вдохновенном взгляде
Я аромат элегий пил.
Дышало маем от тетради,
Сиренью пахло от чернил.
Как много разных ощущений
Я в этот вечер восприял:
Страданий, бодрости, стремлений,
Поверив снова в идеал!
И в пору зимнюю пахнуло
На нас вдруг раннею весной.
Поэт молчал. Жена вздохнула.
Тоскливо пробил час ночной.

1907

ПРИНЦЕССА МИМОЗА

(СКАЗКА-ТРИОЛЕТ)

1

Живет в фарфором дворце
Принцесса нежная Мимоза
С улыбкой грустной на лице.
Живет в фарфоровом дворце…
Летают в гости к ней стрекозы.
Жучки дежурят на крыльце:
Живет в фарфоровом дворце
Принцесса нежная Мимоза.

2

Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатные хрупки;
    Наряд из скромного листа.
Она стыдлива и чиста,
    Как вздохи девственной голубки,
    Как в ранней юности уста...
Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатные хрупки.

3

Дрожит сердечко, как струна
У арфы дивной, сладкозвучной:
    Она впервые влюблена;
Поет сердечко, как струна,
    И во дворце теперь ей скучно,
    Она давно не знает сна;
Поет сердечко, как струна
У арфы громкой, сладкозвучной.

4

Ее избранник, мотылек,
Веселый, резвый, златотканый,
    Ей сделал о любви намек;
Ее избранник, мотылек,
    Любимый ею и желанный,
    Подносит стансы в восемь строк:
Ее избранник мотылек, –
Поэт с душою златотканой.

5

Мимозу робко просит он
Дозволить слиться поцелуем,
    Коротким, как волшебный сон;
Мимозу страстно просит он,
    Любовью пылкою волнуем,
    За поцелуй дает ей трон:
Мимозу умоляет он
Дозволить слиться поцелуем!

6

Принцесса любит... Почему ж
Его противиться желанью?
    Притом он вскоре будет муж...
Принцесса любит... Почему ж?!
    Уже назначено свиданье,
    Триумф слиянья близок душ:
Принцесса любит... Почему ж
Его противиться желанью?

7

Как обнадежен мотылек –
Поэт и юноша веселый!
    В благоуханный вечерок
К ней подлетает мотылек;
    Принцесса очи клонит долу,
    Он наклоняется и – чмок!
Мимозу шустрый мотылек, –
Поэт и юноша веселый.

8

И вдруг смежила вечным сном
Глаза лазурные принцесса
    Пред потрясенным мотыльком
Увы!.. смежила вечным сном.
    Сокрыла счастие завеса,
    И веет в сердце холодком,
Когда смежила вечным сном
Глаза невинные принцесса.

9

Ее святая чистота –
Причина гибели Мимозы,
    Что чище вешнего листа.
В любви духовной – чистота,
    А не в земной, рабыне прозы:
    Есть для одних молитв уста,
И их святая чистота –
Причина гибели Мимозы!

1907

МОЙ МОНАСТЫРЬ

Мой монастырь – не в сводах камня,
Не на далеких островах, –
В устоях духа нерушимых,
В идее: жизнь земная – прах.

Мой монастырь – не в песнопеньях,
Не в облегчении молитв, –
В делах, где принцип: справедливость,
В непониманьи смысла битв.

Мой монастырь – не в истязаньи
Бездушной плоти, – в грезе вширь,
В неверии в бессмертье ада
И в вере в Рай – мой монастырь.

1907

СЕРДЦУ – СЕРДЦЕ

(I–II)

1. ЭЛЕГИЯ

Моими слезами земля орошена
На мысе маленьком при речке быстрой устьи.
Есть там высокая тоскливая сосна,
Есть в песне дерева немало нежной грусти.
Моими грезами впервые создана,
Запечатлелась ты в нежизненном убранстве;
И та высокая тоскливая сосна –
Моя любовь к тебе в священном постоянстве.

1907

2. СТАНСЫ

Ты подошла к волнуемой струями,
Ласкаемой туманами реке;
С раскрытыми отчаяньем зрачками

Ты вспомнила о ком-то вдалеке.
Там кто-то плыл куда-то в мглистой дали,
Кольнула сердце чья-то вдруг тоска.
Застыла ты… Деревья застонали.
Вздохнула ночь. Заплакала река.

1907

ЛЕПЕСТКИ РОЗ ЖИЗНИ

(IV–V)

* * ***

Я люблю сердечно, безрассудно,
Безотчетно всю, как есть, тебя!
Но за что люблю, я знаю смутно,
А верней – совсем не знаю я.
    Как тебя целую! как милу́ю!
    Ты со мной – смеюсь, а нет – грущу…
    Оттого тебя ведь и люблю я,
    Что любви причины не ищу!..

1907

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

(ЭЛЕГИЯ)

Я пришел тебя поздравить
С новым годом дней твоих:
Приласкай же, как ласкала
В пору радостей былых.
    Улыбнись былой улыбкой,
    Что душе моей мила.
    О, какое бы мне счастье,
    Улыбнувшись, дать могла!
Улыбнись же, моя детка,
Моя звездочка души,
Поцелуй любовно, сладко,
Слово нежное скажи.
    И тогда тебя поздравлю
    По примеру лет былых,
    Не со счастьем, а с терпеньем –
    Грустной старью дней твоих.

1908

ГАТЧИНСКАЯ МЕЛЬНИЦА

(ИДИЛЛИЯ)

Неумолчный шум плотины;
Пена с зеленью в отливе;
Камни – в ласке теплой тины;
Ива, жмущаяся к иве;
Государя[1] домик низкий –
Пункт во дни его охоты –
Спит у быстрой речки близкой,
Мрачно хмурясь отчего-то;
Историческое зданье
Над рекой стоит убого;
Оно знатно по преданью,
Стариною оно строго.
Спеет в холоде крокетус –
Диссонанс унынья фону;
Добродушно смотрит Термос[2],
Встав на ржавую колонну.
Не в сверкающем чертоге
Он поставлен, – у плотины
На проселочной дороге,
Встарь, во дни Екатерины;
Вея прошлым, бюст чугунный
Выделяется в ракитах;
Он причудлив ночью лунной
В ветвях, инеем повитых.
В старой мельнице колеса
Воду пенят равнодушно.
Здесь рождаются вопросы.
В голове теснятся дружно.
Здесь, где все так элегично,
Так пустынно, одичало,
Мысль с природой гармонична,
И есть к отдыху причалы;
Здесь, где веяньем культуры
Не всколышены ракиты,
Где избушки дремлют, хмуры,

[1] Павла 1-го (*примеч. автора*).
[2] Бог дорог (*примеч. автора*).

Здесь идеи не убиты.
Приходи, усталый духом
Брат, изверившийся в счастье,
И лови здесь чутким слухом
В шуме вод слова участья;
Приходи, ослабший верой
В солнце, в утренние зори,
Приходи и вникни в серый
Колорит – целитель горя!
Исцелишься от кручины,
Наберешься сил счастливых
Под глубокий шум плотины,
Под напевы ив тоскливых.

1907

ЗДЕСЬ И ТАМ

(РЕФРЕНЫ)

1

Тайна смерти непонятна
Для больших умов;
Разгадать, – мы, вероятно,
Не имеем слов.
Мне догадка шепчет внятно:
“Верь моим словам:
– Непонятное – понятно,
Но не здесь, а Там”.

2

Мысль работает тревожно:
“Жил всю жизнь греша,
И навряд ли тебе можно
Рая ждать, душа”.
Друг! твое сомненье ложно;
Верь моим словам:
– Невозможное возможно,
Но не здесь, а Там.

3

Жил ты с другом беззаботно,
Гимны пел судьбе:
Друг, любимый безотчетно,
Жертвой пал в борьбе.
Друга дух ушел обратно,
Словно фимиам…
– Невозвратное – возвратно,
Но не здесь, а Там.

1907

СТАНСЫ

Скорбишь ли ты о смерти друга,
Отца любимого ль, сестры, –
Утешься, добрая подруга,
В возмездье веруя поры.
Нет в мире вечного биенья.
Нас всех удел единый ждет.
Поддержку черпай в изреченьи:
"Со смертью мира смерть умрет".

1907

БУНТ ВОЛН

(СИМВОЛ)

Небо грустно и сиренево,
Как моих мечтаний фон.
Вновь дыханием осеннего
Ветра парус оживлен.

…Воды сильны, воды зелены,
Как идейные юнцы:
Непонятны гор расщелины
Волнам, словно нам – отцы.

Уговоры ветра ласковы,
Он волнует, манит ввысь,
И, кипучие, от ласки вы
Речки-мамы отреклись.

Вы бушуете, взволнованы
Светозарною мечтой,
Тайной мыслью околдованы,
Вызывая все на бой.

И песок, и камни с рыбами
Вы кидаете, грозя
Уничтожить, их ушибами
Награждая и разя.

Все могучими расстреляно!..
Уважая смелый риск,
Вы в гранитные расщелины
Шлете бездну светлых брызг.

Разукрашенный сединами
Возмущается утес
И с другими исполинами
Шлет в ответ огонь угроз.

Вы смеетесь, волны белые,
Над угрозой стариков
И, отважные и смелые,
Шлете брызги вновь и вновь.

Но как дряхлые расщелины
Не опасны для воды, –
Так и брызги, что нацелены
В них, – бесцельны и пусты.

1907

18. СИРЕНЬ МОЕЙ ВЕСНЫ

ИНТРОДУКЦИЯ*

Проснулся хутор.
Весенний гутор
    Ворвался в окна… Пробуждены,
Запели – юны –
У лиры струны,
    И распустилась сирень весны.

* * *

Запахло сеном,
И с зимним пленом
    Земля простилась… Но – что за сны?!
Согнулись грабли…
Сверкнули сабли
    И – надрубили сирень весны!..

1908

ПАМЯТИ Н.А. НЕКРАСОВА

Помните вечно заветы почившего,
К свету и правде Россию будившего,
    Страстно рыдавшего,
    Тяжко страдавшего
    С гнетом в борьбе.
Сеятель! зерна мыслей светозарные, –
Граждане, вечно тебе благодарные,
    Живы заветами,
    Солнцу обетами;
            Слава тебе!

1907

ПОЭТУ

Лишь гении доступны для толпы;
Но ведь не все же гении – поэты?
Не изменяй намеченной тропы

И помни: кто, зачем и где ты.
Не пой толпе; ни для кого не пой;
Для песни пой, не размышляя кстати ль;
Пусть песнь твоя – мгновенья звук пустой, –
Поверь, найдется почитатель.
Пусть индивидума клеймит толпа:
Она груба, дика; она – невежда.
Не льсти же ей: лесть счастье для раба,
А у тебя – в цари надежда!..

1907

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

(СКАЗКА-ТРИОЛЕТ)

1

Белая Лилия, юная Лилия
Красила тихий и сумрачный пруд...
Сердце дрожало восторгом идиллии
У молодой и мечтательной Лилии.
Изредка, разве, пруда изумруд
Шумно вспугнут лебединые крылия.
Белая Лилия, светлая Лилия
Красила тихий и сумрачный пруд.

2

Белую Лилию волны баюкали,
Ночи ласкали, исполнены чар;
Сердце ль застонет, томит его мука ли,
Лилию ласково волны баюкали;
Ей объяснялся в любви Ненюфар,
С берега ей маргаритки аукали.
Белую Лилию волны баюкали,
Ночи ласкали, исполнены чар.

3

Всеми любима, собою всех радуя,
Распространяя вокруг аромат
Тихо цвела, неподвижна, как статуя,
Юная Лилия, сердце всем радуя.

Слушая, как ей любовью объят,
Пел Ненюфар, на судьбу не досадуя,
Тихо цвела она, души всем радуя,
Нежный, как грезы, лия аромат.

4

Лодка изящная, лодка красивая
Как-то прорезала зеркало вод;
Сразу нарушила жизнь их счастливую
Лодка изящная, лодка красивая;
Весла ее подгоняли вперед;
Заволновалося царство сонливое…
Лодка бездушная, лодка красивая
Грубо разбила все зеркало вод.

5

Девушка бледная, девушка юная
Воды вспугнула ударом весла.
Ночь просыпалась с улыбкою лунною…
Девушка плакала, бледная, юная;
Скорбь у нее не сходила с чела;
Арфа рыдала ее звонкострунная.
Девушка кроткая, девушка юная
Воды вспугнула ударом весла.

6

– Белая Лилия, юная Лилия, –
Девушка вдруг обратилася к ней:
Как нас сближает с тобою бессилие!..
Грустно мне, Лилия, чистая Лилия,
Сердце страдает больней и больней,
Счастье вернуть напрягая усилия…
О, посочувствуй мне, милая Лилия, –
Девушка вдруг обратилася к ней.

7

– Добрая девушка, девушка милая, –
Лилия грустно вздохнула в ответ:
Чем облегчу я, – бессильная, хилая, –
Сердце твое, моя девушка милая?

Кажется, мне твой понятен секрет:
Первое чувство сроднилось с могилою?..
Правда ли, девушка, девушка милая? –
Лилия грустно вздохнула в ответ.

8

– Ты отгадала, – с печальной улыбкою
Та отвечала, головку склонив:
Чувство мое оказалось ошибкою!
Ты отгадала, – с печальной улыбкою
Молвила девушка, грусть ощутив,
Молча следя за играющей рыбкою;
Ты отгадала! – с щемящей улыбкою
Дева сказала, головку склонив.

9

Лилия скорбно вздохнула, растрогана
Этим признанием, этой тоской.
– Знаешь?.. сорви меня, дева, для локона, –
Лилия тихо шепнула, растрогана:
Буду лелеять твой локон златой. –
Ей для дыханья давала свой сок она,
Всю отдавала себя ей, растрогана
Робким признанием, страстной тоской.

10

...И сорвала ее дева задумчиво,
Бледной прекрасной рукой сорвала...
И угасала осмысленно, вдумчиво
Лилия, снятая с стебля задумчиво.
Снова раздались удары весла,
И Ненюфар разрыдался вдруг влюбчивый...
Лилию бедную дева задумчиво
Бледной прекрасной рукой сорвала.

11

Белая Лилия, чистая Лилия
Больше не красила сумрачный пруд
И не дрожала восторгом идиллии:
Белая Лилия – мертвая лилия!..

Пруд спит по-прежнему… Разве, вспугнут
Сон иногда лебединые крылия…
Белая Лилия, светлая Лилия
Больше не красила сумрачный пруд!..

1907

РОНДО

О, не рыдай над мертвым телом
И скорбь свою превозмоги:
Душа ушла в порыве смелом
Из мира мрака и тоски.
Не плакать, – радоваться надо.
Души счастливый переход –
Не наказанье, а – награда,
И не паденье, а – восход.
О, не рыдай над мертвым телом,
Молись за вознесенный дух,
Над прахом же осиротелым
Не расточай души: он глух.
Нет, не рыдай над мертвым телом!..

1907

СЕРДЦУ – СЕРДЦЕ

(III–IV)

РЕФРЕНЫ

Держу ли путь зимою в снежном поле,
Плыву ли я в ладье морскою синью,
Мне грезятся мечи щемящей боли
Ее бездонных серых глыз унынья.

Я чувствую, что в этом злобном мире,
В трясине лжи, как смерть, всегда один я;
Что буду петь всегда на слезной лире
Ее бездонных серых глаз унынье.

1907

СТАНСЫ

Река поет... Порог, обросший мохом,
Как я, угрюм, тосклив и одинок;
Камыш дрожит с печальным тихим вздохом,
Когда его тревожит мой челнок.

Ночь грезит солнцем... Ширь реки мелодий
Чарует ночь и грезящих людей.
Ночь кончит жизнь при солнечном восходе,
Как я, решась назвать тебя своей.

1907

ЛЕПЕСТКИ РОЗ ЖИЗНИ

(VI–VIII)

ТРИОЛЕТ

Зачем ты говорила: "никогда!",
Когда тебя молил я быть моею.
И, чувство обмануть в себе сумея,
Зачем ты говорила: "никогда"?
Теперь ты говоришь: "твоя всегда!",
И до сих пор понять я не умею:
Зачем ты говорила: "никогда!",
Когда тебя молил я быть моею?

1906

ЭЛЕГИЯ

Я ко всем тебя ревную
И – страдая –
Все печалюсь, все тоскую,
Дорогая!
Все сомнения терзают
Мою душу;
Голос тайный напевает:
"Все разрушу!.."

Тайный голос! страшный голос,
О, проклятый!
И сгибаюсь, словно колос,
В поле сжатый.

1906

СТАНСЫ

Жизнь считаешь ли бесполезною,
Утомилась ли ты, скиталица, –
Не кручинься, моя болезная,
Крепни духом, моя страдалица.
Небеса – смотри! – как лазоревы;
Видишь зорьку в них, в даль манящую?
Приласкали бы хотя, зори вы,
Душу чуткую и скорбящую!

1907

CHARLOTTE CORDÉ

(ФРАНЦУЗСКОЕ ПРЕДАНИЕ)

Она была на казнь осуждена,
Но в правоте своей убеждена;
Отважную смутить могла ли плаха?
Пошла на эшафот она без страха.
По мертвому ее лицу палач[1]
Нанес удар и прочь отбросил тело;
Тогда от оскорбленья, как кумач,
Лицо казненной в гневе покраснело.

1907

[1] По обычаю того времени (*примеч. автора*).

ТЛЕННОСТЬ АДА

(ИНТУИТИВНЫЙ ЭТЮД)

Человек в немом общеньи
С духом мертвого бессмертным –
В вечном перевоплощеньи,
В восприятии инертном.
Дух проходит много стадий,
Совершенствуясь величьем;
Только в высшем он разряде
Будет одарен безличьем.
Все земные оболочки
Только временны и тленны
И нужны для проволочки
Достиженья неизменно.
Интуитивностию слуха
Я вдаюсь в предположенье –
Совершенствованья духа
До известного мгновенья;
Дух достиг культурной точки,
Предназначенной судьбою,
И, уйдя из оболочки,
Кончил навсегда с землею;
В этом – Рай, – души победа;
В чем же ад? – вопрос уместный:
Не испытанные ль беды
В оболочке бренной тесной?
Этим рушу ада вечность:
Ад – в исканиях предела
Перехода в бесконечность
Пред последней смертью тела.
Мне твердят инстинкты слуха:
Злые духи есть явленье
Совершенствованья духа
В формах перевоплощенья.
Резюмирую: нет злобы
В окончательном пределе,
И живет она особо
Только в воплощенном теле,
Да в моменты перехода;
Солнце правды торжествует,

С голубого небосвода
Нас надеждою дарует.
Рай – в конечном достиженьи
Духом вечного безличья,
В бестелесном воплощеньи
Совершенного величья.

1907

ЗВЕЗДЫ

Бессонной ночью с шампанским чаши
Мы поднимали и пели тосты
За жизни счастье, за счастье наше.
Сияли звезды.

Вино шипело, вино играло.
Искрились взоры и были жарки.
– Идеи наши, – ты вдруг сказала, –
Как звезды – ярки!

Полились слезы, восторга слезы…
Минуты счастья! я вижу вас ли?
Запело утро. Сверкнули грезы.
А звезды… гасли.

1907

МАДРИГАЛ**

(Посвящается Ал.Ал. Наумовой)

Часто Вы мне грезитесь фиалкой –
Этим нежным, ласковым цветком;
Иногда – таинственной русалкой,
Воплощенной грезящим умом;
Иногда – принцессой, кроткой, хрупкой,
Милосердной даже к комару,
И всегда – свободною голубкой,
Ввысь летящей к правде и добру!

1907

СОНЕТ

Синеет ночь, и с робостью газели
Скользит ко мне Ваш стройный силуэт:
И Вашу тень качает лунный свет –
Луны далекой ясные качели.
Шум ручейка и дальний звук свирели
Сливаются в пленительный дуэт;
Мы шёпот поцелуев шлем в ответ,
Разнежены на свежих трав постели.

Никто из нас друг в друга не влюбленный
Сближается томленьем синевы,
Мотивами природы усыпленной
И пряною душистостью травы...
Не мучьтесь после совестью бессонной:
В такую ночь отдаться – в праве Вы!

1907

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ “ОБРЫВА”

Я прочитал “Обрыв”, поэму Гончарова...
Согласна ль ты со мной, что Гончаров – поэт?
И чувств изобразить я не имею слова,
И, кажется, – слов нет.

Я полон женщиной, я полон милой Верой,
Я преклоняюся, я плачу, счастлив я!
Весна в душе моей! я слышу соловья, –
На улице ж – день серый.

И как не слышать мне любви певца ночного,
И как не чувствовать и солнце, и весну,
Когда прочел сейчас поэму Гончарова
И вспомнил юности волну!

А вместе с юностью свою я вспомнил “Веру”,
Страданий Райского поэзию, обрыв.
Я вспомнил страсть свою, я вспомнил в счастье веру,
Идеи ощутив.

И я хочу борьбы за право наслажденья,
Победы я хочу над гордою душой,
Оберегающей так свято убежденья,
Не выдержавшей бой.

Велик свободный Марк, решительный, правдивый,
Заветы стариков не ставивший во грош;
Он сделал женщину на миг один счастливой,
Но как тот миг хорош!

Да знаете ли вы, вступающие в споры,
Вы, проповедники "законности" в любви, –
Что счастье не в летах, а лишь в зарнице взора, –
Да, знаете ли вы ?!..

И я, клянусь, отдам за дивное мгновенье,
Взаимность ощутив того, кого люблю, –
Идеи и мечты, желанья и волненья,
И даже – жизнь свою!..

1906

19. ЗЛАТА

(ИЗ ДНЕВНИКА ОДНОГО ПОЭТА)

24-го мая 190... г.

Мы десять дней живем уже на даче.
Я не скажу, чтоб очень был я рад,
Но все-таки... У нас есть тощий сад,
И за забором воду возят клячи;
Чухонка нам приносит молоко,
А булочник (как он и должен!) – булки;
Мычат коровы в нашем переулке,
И дама общества – культура – далеко.
Как водится на дачах, на террасе
Мы "кушаем" и пьем противный чай;
Смежаем взор на травяном матрасе
И проклинаем дачу невзначай.

Мы занимаем симпатичный флигель
С скрипучими полами, с сквозняком;
Мы отдыхаем сердцем и умом;
Естественно, теперь до скучной книги ль?
У нас весьма приятные соседи,
Maman в знакомстве с ними и беседе;
Но не для них чинил я карандаш,
Чтоб иступить его без всякой темы;
Нет, господа! Безвестный автор Ваш
Вас просит быть готовым для поэмы,
Что началась на даче в летний день,
Когда так солнце яростно светило,
Когда цвела, как принято, сирень...
Не правда ли, – я начал очень мило?

7-го июня

Четверг как пятница; как понедельник – вторник,
И воскресенье – как неделя вся;
Хандрю отчаянно... И если бы не дворник,
С которым мы дня три уже друзья,
Я б утопился, может быть, в болоте...
Но, к счастью, подвернулся инвалид;
Он мне всегда о Боге говорит,
А я ему о черте и... Эроте!..
Как видите, в нас общего – ничуть.
Но я привык в общественном компоте
Свершать свой ультра-эксцентричный путь
И не тужу о разных точках зренья,
И не боюсь различия идей,
И – верить ли? – в подвальном помещеньи
Я нахожу не "хамов", а людей.
Ах, мама не права, когда, возмущена
Знакомством "низменным", бросает сыну: "Shoking!"
Как часто сердце спит, когда, наряден смокинг,
И как оно живет у "выбросков со дна"!
В одном maman права (я спорить бы не стал!):
– Ты опускаешься... Как много в тебе риска! –
О, спорить можно ли! – я опускаюсь низко,
Когда по лестнице спускаюсь я в подвал!..

10-го июня

Пахом Панкратьевич – чудеснейший хохол
И унтер-офицер (не кто-нибудь!) в отставке –
Во мне себе партнера приобрел,
И часто с ним мы любим делать “ставки”.
Читатель, может быть, с презреньем мой дневник
Отбросит, обозвав поэта: “алкоголик!”
Пусть так… Но все-таки к себе нас манит столик,
А я давно уже красу его постиг.
С Пахомом мы зайдем, случается, в трактир,
Потребуем себе для развлеченья “шкалик”;
В фонографе для нас “запустят” валик;
Мы чокнемся и станем резать сыр.
А как приятен с водкой огурец…
Опять, читатель, хмуришься ты строго?
Но ведь мы пьем так… чуточку… немного…
И вовсе же не пьем мы, наконец!

18-го июня

Пахом меня сегодня звал к себе:
– Зашли бы, – говорит, – ко мне Вы, право;
Нашли бы мы для Вас веселья и забаву;
Не погнушайтеся, зайдите к голытьбе!
Из слов его узнал, что у него есть дочь –
Красавица… работает… портниха;
Живут они и набожно, и тихо,
Но так бедно… я рад бы им помочь.
Зайду, зайду… Делиться с бедняком
Познаньями и средствами – долг брата.
Мне кажется, что дочь Пахома, Злата,
Тут все-таки при чем-то… Но – при чем?

22-го июня

Она – божественна, она, Пахома дочь!
Я познакомился сегодня с нею. Редко
Я увлекаюсь так, но Злата – однолетка –
Очаровательна!.. я ряд бы ей… помочь!
Блондинка… стройная… не девушка – мечта!
Фарфоровая куколка! мимоза!
Как говорит Ростан – Принцесса Грёза!
Как целомудренна, невинна и чиста!
Она была со мной изысканно-любезна,

Моя корректность ей понравилась вполне.
Я – упоен! я в чувственном огне.
Нет, как прелестна! как прелестна!
Вот, не угодно ли, maman, – в такой среде
И ум, и грация, и атрибуты такта...
Я весь преобразился как-то!..
Мы с нею сблизимся на лодке, на воде,
Мы подружимся с ней, мы будем неразлучны!
Хоть дорогой ценой, но я ее куплю!
Я увидал ее, и вот уже люблю.
Посмейте мне сказать, что жить на свете скучно!
Но я-то Злате, я – хотелось знать бы – люб ль?
Ответ мне время даст, пока же – за сонеты!
Прощаясь с стариком, ему я сунул рубль,
И он сказал: “народ хороший вы – поэты”.

3-го июля

Вчера я в парке с Златою гулял.
Она была в коричневом костюме.
Ее лицо застыло в тайной думе.
Мне кажется, я тайну отгадал:
Она во мне боится дон-жуана,
Должно быть, встретить; сдержанная речь,
Холодный тон, пожатье круглых плеч –
Мне говорят, что жертвою обмана
Не расположена, в угоду страсти, пасть.
Прекрасный взгляд!.. Бывает все же страсть,
Когда не рассуждаешь... Поздно ль, рано
И ты узнаешь, Злата, страсти чад;
Тогда... тогда я буду триумфатор!
Мы создадим на севере экватор!
Как зацветет тогда наш чахлый сад!
Мы долго шли. Вдали виднелись хаты.
Пить захотелось... отыскали ключ.
Горячим золотом нас жег июльский луч,
И золотом горели косы Златы.

24-го июля

Вот уж два месяца мы обитаем здесь,
И больше месяца знаком я с милой Златой.
Вздыхаю я, любовию объятый,

И тщетно силюся, сгорая страстью весь,
Зажечь ответную: она непобедима,
Ведет себя она с большим умом;
Мои искания ее минуют мимо,
И я терзаюся… Ну, удружил Пахом!
Зачем он звал меня? зачем знакомил с Златой?
Не знал бы я ее и ведал я покой.
Больное сердце починить заплатой
Забвения – труд сложный и пустой.
Мне не забыть ее, мою Принцессу Грёзу,
Я ею побежден, я ею лишь дышу,
В мечтах ее одну всегда ношу
И, ненавидя серой жизни прозу,
Рвясь вечно ввысь, в подвал к ней прихожу.

1-го августа

Что это – явь иль сон, приснившийся вчера
На сонном озере, в тени густых акаций?
Как жаль, что статуи тяжеловесных граций –
Свидетели его – для скорости пера
Не могут разрешить недоуменья.
Я Златою любим? я Злате дорог? Нет!
Не может быть такого упоенья!
Я грезил попросту… я попросту – “поэт”!
Мне все пригрезилось: и вечер над водой,
И томная луна, разнежившая души,
И этот соловей, в груди зажегший зной,
И бой сердец все тише, глуше…
Мне все пригрезилось: и грустный монолог,
И слезы чистые любви моей священной,
Задумчивый мой взор, мой голос вдохновенный
И в милых мне глазах сверкнувший огонек;
И руки белые, обвившие мне шею,
И алые уста, взбурлившие мне кровь,
И речи страстные в молчании аллеи,
И девственной любви вся эта жуть и новь!
Какой однако сон! Как в памяти он ясен!
Детали мелкие рельефны и ясны,
Я даже помню бледный тон луны…
Да, это сон! и он, как сон, прекрасен!

2-го августа

То был не сон, а, к ужасу, – конец
Моей любви, моих очарований…
Сегодня мне принес ее отец
Короткое посланье:
“Я отдалась: ты полюбился мне.
Дороги наши разны, – души близки.
Я замуж не пойду, а в роли одалиски
Быть не хочу… Забудь о дивном сне”.
Проснулась ночь и вздрогнула роса,
А я застыл, и мысль плыла без формы.

3-го августа, 7 час. утра

Она скончалась ночью в три часа
От хлороформа.

30–31 марта 1908
С.-Петербург

20. ЛУННЫЕ ТЕНИ

Часть 1

ПРЕЛЮДИЯ

Лунные тени – тени печали –
Бродят бесшумной стопой
В черном, как горе земли, покрывале
Призрачной робкой толпой.

Многих любовно и нежно качали,
Чутко давали ответ…
Лунные тени, тени печали,
Мой повторят силуэт!..

Апрель 1908

NOCTURNE**

Струи лунные,
Сребострунные,
Поэтичные,
Грустью нежные, –
Словно сказка, вы
Льетесь, ласковы,
Мелодичные,
Безмятежные.

Бледно-палевы,
Вдруг упали вы
С неба синего;
Льетесь струями
Со святынь его
Поцелуями.
Скорбь сияния…
Свет страдания…

Лейтесь, вечные,
Бесприютные –
Как сердечные
Слезы жаркие!..
Вы, бескровные,
Лейтесь, ровные, –
Счастьем мутные,
Горем яркие…

Сентябрь 1908

СТАНСЫ**

Счастье жизни – в искрах алых;
В просветленьях мимолетных,
В грёзах – ярких, но бесплотных, –
И в твоих очах усталых.
        Горе – в вечности пороков,
        В постоянном с ними споре,
        В осмеянии пророков
        И в исканиях счастья – горе.

1907

* * *[**]

Сердце мое, этот колос по осени,
Сжато серпом бессердечия ближнего,
Сжато во имя духовного голода,
В славу нетленных устоев Всевышнего.

Пусть же слепые жнецы, бессознательно
Сжавшие сердце мне многолюбивое,
Им напитаются с мысленным отблеском
Радуги ясной, сулящей счастливое.

6 августа 1908
Мыза "Ивановка"

* * *

Моя улыбка слезы любит,
Тогда лишь искренна она,
Тогда лишь взор она голубит
И в душу просится до дна.
Моей улыбке смех обиден,
Она печалью хороша,
И если луч ее не виден, –
Во мне обижена душа.

1908
Мыза "Ивановка"

СОНЕТ

Поет Июнь, и песни этой зной
Палит мне грудь и грезы, и рассудок.
Я изнемог и жажду незабудок,
Детей канав, что грезят под луной
Иным цветком, иною стороной.
Я их хочу: сирени запах жуток,
Он грудь пьянит несбыточной весной;
Я их хочу: их взор лазурный чуток,
И аромат целебен, как простор.
Как я люблю участливый их взор!
Стыдливые, как томны ваши чары…

Нарвите мне смеющийся букет,
В нем будет то, чего в сирени нет,
А ты, сирень, увянь в тоске нектара.

1908
Мыза "Ивановка"

СОНЕТ

(ФАНТАЗИЯ)

Я полюбил ее зимою
И розы сеял на снегу
Под чернолесья бахромою
На запустелом берегу.
Луна полярная, над тьмою
Всходя, гнала седую мгу,
Встречаясь с ведьмою хромою,
Поднявшей снежную пургу,

И слушая, как стонет вьюга,
Дрожала бедная подруга,
Как беззащитная газель;

И слушал я, исполнен гнева,
Как выла злобная метель
О смерти зимнего посева.

Август 1908
Мыза "Ивановка"

* * *

Зарею жизни я светом грезил,
Всемирным счастьем и вечным днем!
Я был так пылок, так смел, так весел,
Глаза горели мои огнем.

Мир рисовался – прекрасен, дивен.
Прожить – казалось – я мог шутя...
Зарею жизни я был наивен,
Зарею жизни я был дитя!

Закатом жизни порывы стихли,
Иссякли силы и жар погас.
Мне жаль сердечно, не знаю, – их ли,
Погибшей ль грезы, но – близок час.

Он, ироничный, пробьет бесстрастно,
Я улетучусь, тоской объят...
Зарею жизни – все в жизни ясно!
Закатом жизни – всему закат!

1907

21. ЛУННЫЕ ТЕНИ

Часть 2

ЛЕОНИДУ НИКОЛАЕВИЧУ АФАНАСЬЕВУ**

посвящает друг и поклонник

"У плотины старой мельницы..."

Леонид Афанасьев

Ваши милые мелодии,
Где воспели Вы наш сад,
Как волшебные рапсодии –
Души многих вдохновят...
Так любовна и так красочна,
Друг мой, Ваша акварель;
Целомудренна и сказочна, –
Как на севере апрель.
Если снова на свободе я
Заберусь в мой старый сад,
Приезжайте, – и мелодии
Ваши снова зазвучат!

27 сентября 1908
Петербург

ПАМЯТИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

(НОКТЮРН)

Я окропил росой его таланта
Свои мечты и вижу: входят в парк –
Как призраки – Онегин, Иоланта,
Татьяна, Лиза, Герман, Жанна д'Арк.

Струи ручья целуют черевички...
Эскиз теней набросила луна...
И гости грёз запели там, где птички
В березах спят, и дремлет тишина.

О, грёза – сон! о, грёза-чародейка!
О, грёза-луч созвездия поэм!
Но вскоре жизнь, как ведьма, как злодейка,
Рассеет сна обманчивый эдем...

8 октября 1908

* * *

Моя мечта – моряк-скиталец...
Вспеняя бурный океан,
Не раз причаливал страдалец
Ко пристаням волшебных стран.
Не раз чарующие взоры
Сулили счастье моряку,
Но волн изменчивые горы
Вновь к океану-старику
Руль направляли у голландца,
И с местью тайною в глазах
Пускался он в морские танцы
На сумасшедших парусах.
Стремился он победоносно,
Своим безумьем смел и горд,
И, прорезая волны грозно,
Вплывал в разбуженный фиорд.
Еще встревоженные волны
Грозили смертью рыбакам,
Еще испуганные челны
Стремились в страхе к берегам,

Еще, как дьявольские трубы,
В горах не замерли гудки;
А он, смеясь над сушей грубо,
В порыве злобы и тоски,
В своем отчаяньи скитанья
И без надежды в якоря,
Спешил на новые страданья,
Стремился в новые моря.
Пусть мне грозит небесный палец,
Но дерзновенно я почту
Мечту – как он, моряк-скиталец, –
Мою гонимую мечту!

10 августа 1908
Мыза "Ивановка"

СОНЕТ*

Любви возврата нет, и мне как будто жаль
Бывалых радостей и дней любви бывалых;
Мне не сияет взор очей твоих усталых,
Не озаряет он таинственную даль.
Любви возврата нет, – и на душе печаль,
Как на снегах вокруг осевших, полуталых.
– Тебе не возвратить любви мгновений алых:
Любви возврата нет, – прошелестел Февраль.

И мириады звезд в безводном океане
Мигали холодно в бессчетном караване,
И оскорбителен был их холодный свет:

В нем не было былых ни ласки, ни участья…
И понял я, что нет мне больше в жизни счастья,
Любви возврата нет!..

1908
Гатчино

* * ***

…То ненависть пытается любить,
Или любовь хотела б ненавидеть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвратив, боюсь его обидеть,
Боюсь его возвратом оскорбить.

Святыни нет для сердца святотатца,
Как доброты у смерти… Заклеймен
Я совестью, и мне ли зла бояться,
Поправшему любви своей закон!

Но грешники – безгрешны покаяньем,
Вернуть любовь – прощение вернуть.
Но как боюсь я сердце обмануть
Своим туманно-призрачным желаньем:

Не месть ли то? не зависть ли? сгубить
Себя легко и свет небес не видеть…
Что ж это: зло старается любить
Или любовь мечтает ненавидеть?..

23 сент<ября> 1908

НОКТЮРН*

Бледнел померанцевый запад,
В горах голубели туманы,
И гибко, и цепко сплетались
В объятья над вами лианы.

Сквозь кружево листьев ажурных
Всплывали дворцов арабески,
Смеялись алмазы каскадов
Под их пробужденные плески.

Вам слышался говор природы,
Призывы мечтательных веток,
И вы восхищалися пляской
Стрекоз – грациозных кокеток.

Растенья дышали душисто
Вечерним своим ароматом,
И птицы, блаженствуя, пели –
Как вы, восхищаясь закатом.

Весь мир оживал при закате
По странной какой-то причуде…
И было так странно, так дивно
Вам, жалкие, темные люди!

И было вам все это чуждо,
Но так упоительно ново,
Что вы поспешили… проснуться,
Боясь пробужденья иного…

Апрель 1908

* * *

Есть столько томного в луны сияньи ровном,
Есть столько мягкого в задумчивых ночах,
Есть столько прелести в страдании любовном,
Есть столько сладости в несбыточных мечтах;

Есть столько жданного за жизненною гранью,
Есть столько нового в загадочном раю,
Есть столько веры в торжество мечтанья
И в воплощение его в ином краю, –

Что я и скорбь души своей крылатой,
И гибель чувств своих, и жизнь свою
Не прокляну, а – верою объятый, –
В провиденьи Христа, – благословлю!

Июль 1907
Гатчино

МОЛЧАНЬЕ ШУМА**

(ДИССОНАНС)

Убийцей жизни, мысли пробужденья,
Порывов светлых, воздуха и грёз –
Преступным городом – убийцей вдохновенья –
Ползу среди ударов и угроз.

Ползу без направленья, без сознанья,
Без чувств, без глаз, без слуха и без сил...
И шумом города смеется мне Молчанье
Мертвее, безнадежнее могил.

Март 1908
Петербург

* * *

Я запою на лире звонкой
Мятежно, бурно – как гроза –
Черты улыбки чьей-то тонкой
И чьи-то русские глаза!

Я запою, в восторге, встречи
Влюбленных взоров, их игру,
Их гармонические речи,
Их смех, подобный серебру.

Я запою улыбок солнца,
Их золотистые лучи,
Сердец раскрытые оконца
И душ струистые ключи

Благоухая вешним пылом,
Предав забвенью грусть свою,
О ком-то призрачном и милом
Я в упоеньи запою.

Июль 1908
Мыза "Ивановка"

22. ЛАЗОРЕВЫЕ ДАЛИ

СОНЕТ*

Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом.
Весна, пришедшая из рая,
Чело украсит мне венцом.

Жасмин, ромашки, незабудки,
Фиалки, ландыши, сирень
Жизнь отдадут – цветы так чутки! –
Мне для венца в счастливый день.

Придет поэт, с неправдой воин,
И скажет мне: “Ты быть достоин
Моим наследником; хитон,

Порфиру, скипетр я, взволнован,
Даю тебе… Взойди на трон,
Благословен и коронован”.

12 апреля 1908

ГРЁЗЫ МИНЬОНЫ

(ВАРЬЯЦИЯ)

Памяти Зои

Знаешь рощ лимонных шорох,
Край огнистых померанцев?
Сколько песен, сколько танцев
Там в лесах, морях и горах!

Там, как песня, звучны краски;
Там, как краски, сочны песни…
О, душа моя, для ласки
И для жизни там воскресни!..

21 октября 1908

* * *

Что – жизнь? грядущим упоенье
И ожиданье лучших дней.
А смерть – во всем разуверенье
И издевательство над ней.

И я – как жизнь: весь – скорбь, весь близость
К тебе, готовый вновь расцвесть…

А ты – как смерть: вся – зло и низость,
Вся – бессердечие и месть.

16 октября 1908

ПАМЯТИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

(СОНЕТ)

Баян умолк... Слеза его аккордов
Еще блестит кристаллом неземным –
Как всплески вод таинственных фиордов,
Как над грехом безгрешный серафим.
Он жизнь отпел... Душа вспорхнула гордо
На небеса зефиром голубым...
Перенеси удар, отчизна, твердо,
Воспой его, как ты воспета им!
Пусть задрожат в сердцах народных арфы
И воспоют творца Садко и Марфы;
Снегурочка воскреснет в Мая Ночь;
Раздастся гимн торжественных созвучий,
Он загудит, живящий и могучий,
Прославив песнь, – нам мать, Баяну – дочь!..

Июнь 1908
Мыза "Ивановка"

* * *

И.Д.

Твой домик затерян в уснувшем лесу,
Где речки капризны извивы.
Утрами ты любишь смотреть на росу –
На слезы тоскующей ивы.

Мой угол – где улицы, ругань и шум.
Оградой от них подоконник,
Где роза улыбкой чарует мой ум.
– Ты – ивы, я – розы поклонник.

12 октября 1908

ТРИОЛЕТ

Вы знаете осеннюю весну
Своей любви унылых увлечений,
    Своей души сонливых пробуждений, –
Встречали ль вы осеннюю весну?
    Какая ширь стыдливых сновидений!
    Какая пропасть к огненному сну!
Ценили ль вы осеннюю весну,
Весну своих бесплотных увлечений?

Улыбок нет. Живительные слезы
Одни поят измученную грудь.
    Тогда… тогда о страсти позабудь!..
Улыбок нет: их захлестнули слезы.
    Грезь, только грезь, – заменят чувства грёзы,
    Тебе себя удастся обмануть…
Улыбок нет. Мечтательные слезы
Одни поят истерзанную грудь…

Июнь 1908
Лигово

* * *[**]

…То будет впредь, то было встарь…
Он полюбил Мечту, рожденную мечтою,
И первую любовь, заворожен святою
Своей избранницей, принес ей на алтарь.

Но полюсом дышал ее далекий взор,
От веянья его увяли в сердце розы,
        В глазах замерзли слезы…
И треснул форм Мечты безжизненный фарфор!
        – Фарфоровые грёзы! –

Апрель 1908

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ**

С новолетьем мира горя –
С новым горем впереди.
Ах, ни счастья, ни отрады,
Ни сочувствия не жди!

Проследи печальным оком
Миновавшие года:
Не дождался от них счастья, –
Не дождешься никогда.

А с какою ты надеждой
Им судьбу свою вверял,
Верил в сбыточность мечтаний
И надеялся, и ждал.

Не ищи в унылой тундре
Ароматных ярких роз, –
Не ищи любви и счастья
В мире муки, в мире слез.

Не дождался – не дождешься,
Боль была и есть в груди...
С новолетьем мира скорби –
С новой скорбью впереди!..

2 января 1908

* * *

Вдыхайте солнце, живите солнцем, –
И солнцем сами блеснете вы!
Согреют землю лучи живые
Сердец, познавших добро и свет.

Вдыхайте небо, живите небом, –
И небесами засветит взор!
С любовью небо сойдет на землю,
А мир прощенный – на небеса.

14 мая 1908
Мыза "Ивановка"

ПОХОРОНЫ

БАЛЛАДА

1

Страна облачается в траур –
Великий поэт опочил…
И замер от горя преемник,
Чей гений певец отличил.

Театры, беззвучны, как склепы;
На зданиях – черный кумач;
Притихли людей разговоры;
Бесслезен их искренний плач.

Лишилась держава пророка,
Устала святая звезда,
Светившая темному миру
Путь мысли, любви и труда.

Унылы холодные зори,
И мглисты бесцветные дни,
А ночи – как горе, глубоки,
Как злоба, жестоки они.

Рыдают воспетые ветры,
Поют панихиду моря,
Листву осыпают деревья
В июне, как в дни сентября.

2

Сияет торжественно лавра,
Но сумрачны лики икон;
Выходит старейший епископ
Из врат алтаря на амвон.

Выходит за ним духовенство, –
Оно в золоченой парче.
Кадило пылает в лампаде,
Лампада мерцает в свече.

Толпой окруженный народа,
Подходит к собору кортэж;
Но где же стенанья и слезы,
И скорбные возгласы где ж?

В толпе и природе затишье –
Ни жалоб, ни воплей, ни слез:
Когда умирают поэты,
Земное под чарами грёз.

Несут светлоокие люди
Таинственный гроб к алтарю,
И славят церковные хоры
Загробного мира зарю.

Над гробом склонился преемник –
Безмолвен, как строгий гранит, –
С негреющим солнцем во взоре
И лунною сенью ланит.

Он смотрит на *первую* маску:
Смерть шутит жестоко и зло!..
Он видит – как лилии, руки,
Он видит – как мрамор, чело.

3

Что смолкли церковные хоры?
Что, в диве, склонилась толпа? –
С небес светозарною дымкой
Сквозь купол струится тропа.

По этой тропе лучезарной
Снисходит поющий эдем;
То звуки нездешних мелодий!
То строфы нездешних поэм!

Очнулся скорбящий наследник,
Он вещую руку простер;
И солнце зажглося во взоре,
И вспыхнула речь, как костер.

– Живи! – он воскликнул; и тотчас
Поднялся из гроба поэт;
Он был – весь восторг вдохновенья,
Он был – весь величье и свет.

Он принял от ангела лиру
И молвил, отбросив аккорд,
Земною кончиною счастлив,
Загробным рождением горд:

– О, люди друг другу не верят…
Но лгать им не станет мертвец:
Я песней тебя короную,
И ты – мой наследник, певец!..

4

Когда же расплылось виденье, –
Как жизнь, неразгаданный гроб
Хранил в себе прах, еще юный,
И ждал его червь-землекоп.

От чар пробужденная лавра
Не знала, – то чудо иль сон...
То знал коронованный песней,
Но тайну хранит в себе он.

Бряцала ли лира в соборе,
Спускался ль заоблачный мир,
И кто был преемник поэта –
Пророк или просто факир?!.

17 октября 1908

23. ЭТО БЫЛО ТАК НЕДАВНО…

* * *

Это было так недавно,
Но для сердца так давно…
О фиалке грезил запад,
Отразив ее темно.

Ты пришла ко мне – как утро,
Как весенняя заря, –
Безмятежно улыбаясь,
Ничего не говоря.

Речку сонную баюкал
Свет заботливой луны.
Где-то песня колыхалась –
Как далекий плеск волны.

И смотрел я, зачарован,
Ничего не говоря,
Как скрывала ты смущенье
Флером – синим, как моря.

О, молчанье нашей встречи, –
Всё тобой озарено!
Так недавно это было,
А для сердца так давно!..

Ноябрь 1908

ПАМЯТИ АМБРУАЗА ТОМА*

СОНЕТ

Его мотив – для сердца амулет,
А мой сонет – Его челу корона.
Поют шаги... Офелия, Гамлет,
Вильгельм, Раймонд, Филина и Миньона.

И тени их баюкают мой сон
В ночь летнюю, колдуя мозг певучий.
Им флейтой сердце трелит в унисон,
Лия лучи сверкающих созвучий.

Слух пьет узор ньюансов увертюр,
Крыла ажурной грацией амур
Колышет грудь кокетливой Филины;

А вот страна, где звонок аромат,
Где персики влюбляются в гранат,
Где взоры женщин сочны, как маслины...

Ноябрь 1908

КОЛЫБЕЛЬНАЯ**

(АРИЯ ЛОТАРИО)

Спи-усни, дитя-Миньона,
Улыбаяся шутя…
Спи-усни, без слез, без стона,
Утомленное дитя.

Замок спит, и спят озера,
Позабудь скитаний дни,
С голубой надеждой взора
Незабудкою усни.

Сердце, знавшее уроны,
Зачаруй в уютном сне, –
И растает грусть Миньоны,
Как снежинка по весне.

Ноябрь 1908

* * *

Какой изнурительный сон!..
Я шел и твой дом повстречал.
Была на крыльце ты. Начал
Былого конца лился звон.

Любовь во мне снова зажглась
И сердце грозила смести.
– Прости, застонал я: прости, –
И брызнули слезы из глаз.

Смотрю я: ты вздрогнула вся,
Ты вся изменилась в лице…
Я бился в мечте на крыльце,
Тебя о прощеньи прося.

И ты, засверкав, хохоча,
Любя, как давно, как всегда,
Сказала: "простить? никогда!.."

– Где в храме потухла свеча?.. –

Ноябрь 1908

NOCTURNO**

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши…
Всё – душа, и ни души.

Всё – мечта, всё – божество,
Вечной тайны волшебство,
Вечной жизни торжество.

Лес – как сказочный камыш,
А камыш, как лес-малыш.
Тишь – как жизнь, и жизнь – как тишь.

Колыхается туман –
Как мечты моей обман,
Как минувшего роман…

Как душиста, хороша
Белых яблонь порошá…
Ни души, – и всё душа!

Декабрь 1908

ЛЮБОВЬ

Любовь – это сон в сновиденьи…
Любовь – это тайна струны…
Любовь – это небо в виденьи…
Любовь – это сказка луны…
Любовь – это чувственных стран душа…
Любовь – это дева вне форм…
Любовь – это музыка ландыша…
Любовь – это вихрь, это шторм.
Любовь – это девственность голая…
Любовь – это радуга снов…
Любовь – это слезка веселая…
Любовь – это песня без слов!..

Ноябрь 1908

ЭСКИЗ**

Клубится дым при солнце зимнем,
Несется в дебри паровоз;
Причудлив он в хитоне дымном,
В хитоне – смутном как хаос.

Снег лиловатого оттенка
Пылит под небом голубым.
Вдали темнеет леса стенка,
А дым – как снег, и снег – как дым.

Декабрь 1908
Лигово. Вагон

* * *

О, юность! о, веры восход!
О, сердца взволнованный сад!
И жизнь улыбалась: “вперед!”
И смерть скрежетала: “назад”…

То было когда-то тогда,
То было тогда, чего нет;
Клубились, звенели года –
Размерены точно сонет.

Любил, изменял, горевал,
Знал смерти, невзгоды, нужду,
И жизнь, как пират – моря вал,
Добросила к бездне. Я жду!

Я жду… я готов… я без лат…
Щит согнут, и меч мой сдает.
И жизнь мне лепечет: “назад”…
А смерть торжествует: “вперед!”

Декабрь 1908

24. А САД ВЕСНОЙ БЛАГОУХАЕТ!..

ПРЕЛЮДИЯ

Весна – и гул, и блеск, и аромат…
Зачем мороз снежинки посыпает?
Наряд весны нежданной стужей смят
А сад еще весной благоухает!..

Но солнце вновь дробит лучистый звон
И лед в лучах певучих растопляет:
Опять весна взошла на пышный трон, –
И снова сад весной благоухает!

Ноябрь 1908

И ОНА УМЕРЛА МОЛОДОЙ…

Я хочу умереть молодой…
Мирра Лохвицкая

И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.
Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

От проезжих дорог в стороне
Есть кладбище, на нем – островок,
И в гробу, как в дубовой броне,
Спит царица без слез, без тревог.
Спит и видит сквозь землю – насквозь –
Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: “Сбылось, –
И она умерла молодой”.

Этот, грёзой молящийся, – кто?
Он певал ли с почившей дуэт?

Сколько весен душой прожито?
– Он поэт! он поэт! он поэт! –
Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сияет звездой!
Она в старости зрила врага, –
И она умерла молодой.

Май 1909
Мыза "Ивановка"

ТРАУРНАЯ ЭЛЕГИЯ**

Умирала лилия лесная…
К. Фофанов

Умерла она в пору августа –
Когда зелень трав и дубрав густа,
Когда в воздухе вкус малиновый,
Когда ночь дрожит в тьме осиновой.
Умерла она, ясно ведая –
Что такое смерть, храбро следуя
За давнишними пожеланьями
Молодой уснуть, с колебаньями
Незнакомая… И правдивая,
И невинная, и красивая!..
Умерла она, сделав грустно нам…
К ней путем идем, болью устланным,
На могилу к ней, одинокую,
Как она была, на далекую…
Там помолимся о душе ее:
– Да прославится имя твое!

Июнь 1909

ЦАРИЦА ИЗ ЦАРИЦ**

В моей душе – твоих строф уст,
И от строфы бесплотных уст
Преображаюсь, словно Фауст, –
И звук любви уже не пуст.

Как в Маргариту юный Зибель –
В твой стих влюблен я без границ,
Но ждать его не может гибель:
Ведь ты – царица из цариц!

Ноябрь 1908

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК*

СКАЗКА

Прост и ласков, как помыслы крошек,
У колонок веранды и тумб
Распускался душистый горошек
На взлелеянной пажити клумб.

И нечаянно или нарочно,
Но влюбился он в мрамор немой,
Точно был очарован он, точно
Одурачен любовью самой!

Но напрасно с зарей розовел он,
Обвивая бесчувственный стан:
Не для счастия камень был сделан,
И любить не умел истукан.

Наступали осенние стужи,
Угасал ароматный горох;
И смотрелся в зеркальные лужи
Грубый мрамор, закутанный в мох.

– Мох идет мне, – подумал он важно:
Но зачем я цветами обвит? –
Услыхал это вихрь и отважно
Порешил изменить его вид.

Взял он в свиту песчинки с дорожек
И шутливо на старца напал, –
И опал разноцветный горошек,
Алым снегом мечтаний опал!..

Март 1909

ИЗ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

(С ФРАНЦУЗСКОГО)

“Ne jamais la voir, ni l’entendre…”

Мне никогда не видеть, не слыхать
И не назвать ее мне никогда.
Но верным быть, ее любовно ждать,
    Любить ее – всегда!

К ней руки простирать, молить, дрожать
И их сомкнуть без цели… Не беда:
Ведь снова к ней, ведь снова продолжать
    Любить ее всегда!

Ах, только бы надеяться, мечтать
И в этих слезах таять, как вода…
Как радостно мне слезы проливать,
    Любить ее всегда!

Мне никогда не видеть, не слыхать
И не назвать ее мне никогда,
Но звать ее, ее благословлять,
    Любить ее – всегда!

Январь 1909

ХАБАНЕРА*

СОНЕТ

Зае Ч.

Гитана! сбрось бравурное сомбреро,
Налей в фиал восторженный кларет…
Мы будем пить за знойность кабалеро,
Пуская дым душистый сигарет.

Мечта плывет, как легкая галера,
Куда-то вдаль… плывет, куда – секрет!
Огня! огня! пусть вспыхнет хабанера, –
Взнуздаем страсть и унесемся в бред!..

Галоп мандол достигнет аллегрэтто,
Заворожен желаньем пируэта,
Зашелестят в потоке вздохи пальм…

Вина! вина! Обрызгай им, гитана,
Букет мыслей… Тогда не надо тальм, –
Тогда помпезный культ нагого стана!..

Март 1909

ГЛАЗЕНКИ

Твои глазенки, как небо – тучки,
Застлали думы, и я, как вождь
Твоих мечтаний, лелеял ручки,
Боясь, что хлынет из глазок дождь.

Крылила чувства в саду певунья,
И раздушила мечты сирень…
Ты прояснилась, моя шалунья,
Защебетала, как майский день.

Нет места грусти, нет русла слезам…
Под звон природы тюрьму ломай!..
Свободу чувству! свободу грёзам!
Свободу страсти! – так хочет май.

Октябрь 1908

25. ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ

ИНТРОДУКЦИЯ*

ТРИОЛЕТ

За струнной изгородью лиры
Живет неведомый паяц.
Его палаццо из палацц –
За струнной изгородью лиры…

Как он смешит пигмеев мира,
Как сотрясает хохот плац,
Когда за изгородью лиры
Рыдает царственный паяц!..

Январь 1909

КОКТЕБЕЛЬ*

Подходят ночи в сомбреро синих,
Созвездья взоров поют звезде,
Поют в пещерах, поют в пустынях,
Поют на море, поют везде.

Остынет отзвук денного гуда, –
И вьюгу звуков вскрутит закат…
Подходят ночи – зачем? откуда? –
К моей избушке на горный скат.

Как много чувства в их взмахах теплых!
Как много тайны в их ласк волшбе!
Весь ум – в извивах, все сердце – в воплях…

Мечта поэта! пою тебе…

Апрель 1909

ВЕЛИКОМУ СОВРЕМЕННИКУ

День 20 ноября 1907 г.

В северном небе играют огни,
Вечную жизнь возвещают они.

Мирра Лохвицкая

На пустынной дороге, у старой часовни,
Где старушка-зима в белой шубе брела,
Где скрипучий мороз забирался под дровни, –
Наша первая встреча, учитель, была.

Кротко встретились мы. Как-то ласково молча,
Мы с тобою пошли в твой приветливый дом.

Отчего эта песня далекая волчья,
Что скучала тогда, мне звучала потом?

Отчего, отчего эти бледные блики
Той особой луны не погасли теперь?
Отчего так близки, так безмерно велики
Этот дом, этот сад, эти сени и дверь?

Всею гаммою чувств, всей душою порывной
Я отдался тебе в незабвенную ночь,
Преклонясь перед скорбью твоей беспрерывной, –
И, – спасибо тебе! – ты не гнал меня прочь.

Гениальный поэт – вдохновенный психолог
И провидец людей с их бездушием душ,
Ты взглянул на меня… И как грозен и долог
Был твой взгляд, озаривший мыслей моих глушь.

Я, смутясь, трепетал под невиданным взглядом…
Вдруг ты встал – точно солнце, сверкая лицом!
Ты мне мысль подарил бесконечным нарядом,
Ты мне душу обнял неразрывным кольцом.

Мой учитель и друг! мой отец и властитель!
Пусть же сердце играет и бьется во мне!
Я к тебе сохраню – это видит Спаситель! –
И любовь, и восторг в непробуженном сне!

Март 1909

БАЛЛАДА*

Посвящ⟨ается⟩ И.Д.

У мельницы дряхлой, закутанной в мох
    Рукою веков престарелых,
Где с шумом плотины свивается вздох
    Осенних ракит пожелтелых,
Где пенятся воды при шуме колес,
    Дробя изумрудные брызги,
Где стаи форелей в задумчивый плёс
    Заходят под влажные взвизги

Рокочущих, страстных, падучих валов,
Где дремлет поселок пустынный, –
Свидетель пирушек былых и балов, –
Дворец приютился старинный.
Преданье в безлистную книгу времен
Навек занесло свои строки;
Но ясную доблесть победных знамен
Смущают всё чьи-то упреки.
Нередко к часовне в полуночный час
Бредут привиденья на паперть
И стонут, в железные двери стучась,
И лица их белы, как скатерть.
К кому обращен их столетний упрек,
И что колыхает их тени?
А в залах пирует надменный порок,
И плачут в подполье ступени…

Январь 1909

"ВИКТОРИЯ РЕГИЯ"*

МИНЬОНЕТ

Наша встреча – Виктория Регия:
Редко, редко в цвету…
До и после нее жизнь – элегия
И надежда в мечту.

Ты придешь, – изнываю от неги я,
Трепещу на лету.
Наша встреча – Виктория Регия:
Редко, редко в цвету!..

Март 1909

NOCTURNO*

Навевали смуть былого окарины
Где-то в тихо вечеревшем далеке, –
И сирены, водяные балерины,
Заводили хороводы на реке.

Пропитались все растенья соловьями
И гудели, замирая, как струна.
А в воде – в реке, в пруде, в озерах, в яме –
Фонарями разбросалася луна.

Засветились на танцующей сирене
Водорóсли под луной, как светляки.
Захотелось белых лилий и сирени, –
Но они друг другу странно далеки...

Июнь 1909

CHANSON COQUETTE[1] *

Над морем сидели они на веранде,
Глаза устремив к горизонту.
Виконт сомневался в своей виконтессе,
Она доверяла виконту.

Но пели веселые синие волны
И вечера южного влага,
И пела луна, танцевавшая в море:
"Доверие – высшее благо"...

И песнь понималась легко на веранде,
Смущение верилось зонту...
Виконт целовал башмачок виконтессы,
Она отдавалась виконту!

Декабрь 1908

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ*

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

---

[1] Chanson coquette – игривая песня (*фр.*).

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день – и было скучно,
Как всё, что только не во сне.

Март 1909

ЧАЙНАЯ РОЗА*

Если прихоти случайной
И мечтам преграды нет, –
Розой бледной, розой чайной
Воплоти меня, поэт.

Мирра Лохвицкая

Над тихо дремлющим прудом –
Где тишина необычайная,
Есть небольшой уютный дом,
И перед домом – роза чайная.

Над нею веера стрекоз –
Как опахала изумрудные;
Вокруг цветы струят наркоз
И сны лелеют непробудные.

В пруде любуется фасад
Своей отделкой прихотливою;
И с ней кокетничает сад,
Любуясь розою стыдливою.

Но дни и ночи, ночи-дни –
Приливы грусти необычные.
И шепчет роза: “Мы – одни
С тобою, сад мой, горемычные”…

А между тем с огней зари
И до забвения закатного
В саду пигмеи, как цари,
Живут в мечте невероятного.

Они хохочут и шумят,
Ловя так алчно впечатления;

Под их ногами сад измят:
Бессмертье – часто жертва тления!..

Что станет с розой, если весть
О ней дойдет до них случайная?..
И, не успевшая расцвесть,
Спешит увянуть роза чайная…

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

ВАНДА**

(ОКТАВЫ)

Посв<ящается> В.В. Уварову-Надину

1

Грустила ночь. При чахлом свете лампы
Мечтала Ванда, кутаясь в печаль;
Ей грезился дурман блестящей рампы,
Ей звуков захотелось, – и рояль
Ее дразнил прелюдией из "Цампы".
Она встает, отбрасывая шаль,
И медленно подходит к пианино
Будить его от грезящего сплина.

2

А ночь глядит в растворенную дверь,
Вся трепеща и прислонясь к веранде…
Как девушка взволнована теперь!
Как дышит ночь душисто в душу Ванде!
Мотив живит… И если б *вечный* зверь
Его услышал, если б зверской банде
Он прозвучал, – растроганное зло,
Хотя б на миг, любовью мысль зажгло.

3

…О, чаровница-музыка, тебе
Крылю восторг, пылаю фимиамы!

О власти мысль внушаешь ты рабе,
Ребенка устремляешь к сердцу мамы,
Туманишь зло, зовешь любовь к себе
И браку душ поёшь эпиталамы.
Тебе дано пороки побороть,
Гармония, души моей Господь...

Ноябрь 1908

ИЗМЕНА МАЯ**

Я родился в мае, в месяце весеннем,
Звонком и веселом,
Шумном и душистом,
И сказали розы: "Мы тебя оденем
Светлым ореолом –
Как молитва, чистым".

Улыбнулось солнце, солнце засверкало,
Ласковым приветом
Чествуя рожденье;
Солнце загорелось, запылало ало
И зажгло поэтом
С искрой вдохновенья!

Разодет цветами с детской колыбели,
Я запел соловкой
Радостно и звонко,
Запечатлевая мир, где все скорбели,
Юною головкой
И душой ребенка.

Время шло, и солнце потускнело в тучах,
Лаской не блестело,
Злоба песнь косила;
Опадали розы при ветрах летучих,
Истомилось тело,
Притупилась сила.

Время шло... И радость дней моих весенних
Растопилась в слёзах,
Сердцу не внимая;

И теперь я плачу, плачу на коленях
О погибших грёзах,
Об измене мая!

Февраль 1908

NOCTURNE

Сон лелея, лиловеет запад дня.
Снова сердце для рассудка западня.

Только вспомню о тебе, – к тебе влечет.
Знаешь мысли ты мои наперечет.

И хочу, иль не хочу – к тебе без слов
Я иду… А запад грустен и лилов.

Ноябрь 1908

ПОД ШАРЛЯ БОДЛЭРА

БОЛЬНАЯ МУЗА

СОНЕТ

Ma pauvre Muse, hélas!
qu'as tu donc ce matin…

Бедная муза моя, что сегодня с тобою?
Впадины глаз твоих полны видений ночных,
И на лице разливаются тени волною,
Тени безумья и ужаса чувств ледяных.

Ваза зеленая с сумраком розово-бледным,
Страх и любовь в тебя влиты из пасмурных урн…
Деспот-кошмар, распаленный задором победным,
Он не столкнул ли тебя в знаменитый Минтурн?

Я бы хотел, аромат разливая здоровья,
Грудь напоить твою мыслью могучей и властной,
Чтоб твоя кровь протекала струею согласной, –

Точно античных письмен миллионные звуки,
Где воцарились навек с неизменной любовью
Феб, царь мелодий, и Пан, бог оправданной муки!

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

ИНЭС

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

О, пойми! – о, пойми! – о, пойми!
В целом свете всегда я одна...

Мирра Лохвицкая

1

Давался блистательный бал королем,
Певучим владыкой Парнаса.
Сплывались галеры, кивая рулем,
К пробитью закатного часа.

2

В них плыли поэты, заслугой умов
Достигшие доступа в царство,
Где молнии блещут под хохот громов,
И блещут притом без коварства.

3

Шел час, когда солнце вернулось домой
В свои золотые чертоги,
И сумрак спустился над миром немой
В усеянной звездами тоге.

4

Свистали оркестры фарфоровых труб,
Пел шелк перламутровых скрипок;
И тот, кто недавно погасший был труп,
Воскрес в воскресенье улыбок…

5

Цвели, как мечтанья поэта, цветы
    Задорными дерзко тонами,
И реяли зноем палитры мечты
    Земле незнакомыми снами.

6

Собрались все гости. Огнем полонез
    Зажегся в сердцах инструментов, –
И вышла к гостям королева Инэс,
    Колдунья волшебных моментов.

7

В каштановой зыби спал мрамор чела,
    Качалась в волнах диадема,
И в каждой черте королевы жила
    Восторгов сплошная поэма.

8

Чернели маслины под елями дуг,
    Дымилася инеем пудра;
Инэс истомляла, как сладкий недуг,
    Царя, как не женщина, мудро.

9

Букеты левкоев и палевых роз,
    Казалось, цвели на прическе,
Алмазы слезились, как капельки рос,
    На рук розовеющем воске.

10

Наряд королевы сливается с плеч
    Каскадами девственных тканей.
На троне она соизволила лечь
    На шкурках безропотных ланей.

11

Рассеянно, резко взглянув на гостей,
    К устам поднесла она пальчик, –
И подал ей пару метальных костей
    Паж, томный и женственный мальчик.

12

Бледнея, как старый предутренний сон,
    Царица подбросила кости,
Они покатились на яркий газон
    В какой-то загадочной злости.

13

Царица вскочила и сделала шаг,
    Жезлом отстранила вассала,
    Склонилась, взглянула, зарделась, как мак, –
    Ей многое цифра сказала!

14

Смущенно взошла она снова на трон,
    Задумчиво глядя в пространство, –
И к ней подошел вседержитель корон,
    Пылающий зноем убранства.

15

С поклоном склонился пред нею король
    В обласканной солнцем тиаре,
Сказав ей: “Лилея! сыграть соизволь
    На раковин моря гитаре”.

16

Но странно взглянула Инэс на него
    И, каждое слово смакуя,
Ему отвечала: – Больна, – оттого
    Сегодня играть не могу я…

17

И бал прекратился к досаде гостей…
С тех пор одинока царица.
Но в чем же загадка метальных костей?
– Да в том, что была *единица*!

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

26. ИНТУИТИВНЫЕ КРАСКИ

ИНТРОДУКЦИЯ

А.П. Каменскому

Не было, может быть, этого?
Может быть, это и было?..
Тайна пруда фиолетова,
Месяц – что солнце без пыла.

Кто-то, как нимфа загадочный,
В тальме, как страсть беспорядочной,
Дышит в лицо мне гвоздикой
С улыбкой восторженно-дикой…

Хочется мне ненасытного,
Этого тайного *этого*…
Месяца звездносвитного!
Воды́, где глубь фиолетова!..

Январь 1909

* * *

Есть в небе сад невянущий
Для детских душ, для радостных…

М. Лохвицкая

Она (обнимая его и целуя):
О, друг мой… Сегодня – блаженству предел:

Отныне любви нашей мало двух тел…
Ты понял?
Он (сердце догадкой волнуя):

Дитя от ребенка!.. Устрой мне! устрой…
Ты мать мне заменишь; ты будешь сестрой.
(Целуются долго, друг друга чаруя).
…Она машинально смотрела в окно:
По улице – в шляпе с провалом мужчина
Нес розовый гробик…

…“Сильна скарлатина”,
Читал муж в газетах – и стало темно.
Она (обращаясь к предчувствию): Боже?!
Он бросил газету и думает *то же*…
И каждому кто-то шепнул: Р е ш е н о.

Октябрь 1909

МИНЬОНЕТЫ

I

Твои уста – качели лунные,
Качели грёзы…
Взамен столбов две ручки юные,
Как две березы,
Сольем в дуэт сердечки струнные
Виолончели…
Люблю уста, качели лунные,
Твои качели!

Сентябрь 1909

II

О.Ф.

Гудят погребальные звоны…
Как жутко ты мне дорога!..
Мечтаю ль, – лунятся лимоны;
Заплачу ль, – пушатся снега.
Плывут монотонные стоны,

Меняя в пути берега…
И где-то лунятся лимоны,
И где-то пушатся снега…

Февраль 1909

* * *

Как в пещере костер, запылает камин…
И, звонок оправдав, – точно роза в снегу,
Ты войдешь, серебрясь… Я – прости, не могу… –
Зацелую тебя… как идею брамин!
О! с мороза дитя – это роза в снегу.

Сладострастно вопьет бархат пестрой софы,
Он вопьет перламутр этих форм… он вопьет!
Будь моею, ничья!.. Лью в бокалы строфы,
Лью восторг через край, – и бокал запоет…

А бокал запоет – запоет кабинет,
И камина костер, и тигрица – софа…
Опьяненье не будет тяжелым, – о, нет:
Где *вино вне вина* – жить и грезить лафа!

Октябрь 1909

ГРАД

Дарю Дорину-Николаеву

Качнуло небо гневом грома,
Метнулась молния, – и град
В воде запрыгал у парома,
Как серебристый виноград.

Вспорхнула искорка мгновенья,
Когда июль дохнул зимой –
Для новых дум, для вдохновенья
Для невозможности самой…

И поднял я бокал высоко, –
Блеснули мысли для наград…

Я пил вино – и в грезах сока
В моем бокале таял град.

Август 1909
Мыза "Ивановка"

НА СТРОЧКУ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СОНЕТ

Н. Гумилеву

К ее лицу шел черный туалет...
Из палевых тончайшей вязи кружев
На скатах плеч – подобье эполет...
Ее глаза, весь мир обезоружив,
Влекли к себе...

Садясь в кабриолет
По вечерам, напоенным росою,
Она кивала мужу головой
И жаждала душой своей живой
Упиться нив вечернею красою.

И вздрагивала лошадь, под хлыстом,
В сиреневой муаровой попоне...
И клен кивал израненным листом.
Шуршала мгла...

Придерживая пони,
Она брала перо, фантазий страж,
Бессмертя мглы дурманящий мираж...

Август 1909
Мыза "Ивановка"

ВЕСНА

Вечер спал, и ночь на сене
Уж расчесывала кудри.
Одуванчики, все в пудре,
Помышляли об измене.

Шел я к ночи, – ночь навстречу.
Повстречалися без речи...

– Поцелуй… – “Я не перечу…”
И – опять до новой встречи.

Шел я дальше. Незнакомка
Улыбалась мне с поляны.
Руки гнулись, как лианы,
И она смеялась громко.

Вместо глаз синели воды
Обольстительного юга,
Голос страстный пел, как вьюга,
А вкруг шеи хороводы

Заводили гиацинты
С незабудками с канавок…
Я имел к миражам навык,
Знал мечтаний лабиринты, –

И пускай, кто хочет, трусит,
Но не мне такая доля.
И сказал я: “Дева с поля,
Кто же имя девы вкусит?”

У́же, уже нить лесная,
Комаров порхают флоты…
Тут ее спросил я: “Кто ты?”
И прозвякала: Весна – я!

Июнь 1909

ПОД НАСТРОЕНЬЕМ ЧАЙНОЙ РОЗЫ

1. ОКТАВА

От вздохов папирос вся комната вуалевая…
Свой абрис набросал на книге абажур
В вазетке на столе тоскует роза палевая,
И ветерок ее колышет, весь ажур.
Пугает холодок, а вдохновенье, спаливая,
Зовет меня в леса из копоти конур.
Я плащ беру и верный хлыст
И чайной розы сонный лист.

2. ГАЗЕЛЛА

И всё мне доносится чайная роза…
Зачем тосковала так чайная роза?

Ей в грёзах мерещились сестры пунцовые…
Она сожалела их, чайная роза.

Ее обнадежили тучи свинцовые…
О! влага живительна, чайная роза…

Дыханьем поила закаты лиловые
И лепеты сумерек чайная роза…

В груди ее таяли чаянья новые
Их пела случайная чайная роза.

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

ХАБАНЕРА

Синьоре Za

Вонзите штопор в упругость пробки, –
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки…

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката…
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям – пойди, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли,
И будет счастье в удобном смысле!..

Сентябрь 1909

ИЗ ШАРЛЯ БОДЛЭРА

КРЕОЛКА

СОНЕТ

Au pays parfumé que soleil caresse…

Где ласков луч, в стране благоуханной
Я знал под щедрым куполом дерёв,
Где все полно какой-то неги странной,
Царицу чар, креолку, дочь лесов.

Атлас лица и смуглый, и горячий;
Горд очерк шеи: власть она хранит;
Изящный бюст весь вылеплен удачей;
В улыбке – зыбь; в глазах ее – гранит.

О, к Вам бы шел и малахит Луары,
И Сены гладь – как изумруды прерий…
Украсьте замки, гнезда суеверий,
В тени аллей будите Ваши чары.

Соткните сеть сонетов для поэта, –
Ваш взгляд один властнее глаз дуэта!..

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

СКАЗКА СИРЕНЕВОЙ КИСТИ*

ПАСТЕЛЬ

Напевая лунные ноктюрны,
Бредил Май о призрачной вакханке,
Охлаждал свой жар росой из урны,
И скользили ножки, точно санки,
Порошею бело-яблоновой,
Скованы желанья знойным хмелем…
И блистая белизной слоновой
Ровных зубок, шепчет ночь: "Постелем
Свадебное ложе на поляне,
Набросаем ландышей, азалий
Там, где бродят вдумчивые лани,

Там, где мы впервые рассказали
Сердцем сердцу смутные волненья,
Ожидая тщетно выполненья,
Как шагов невыясненных в зале"...
Тут луна скользнула в аметисте
Глаз царицы, скрытой сонным тюлем, –
И вспорхнули грёзы Мая ульем,
И впились в сиреневые кисти...

Октябрь 1909

ПОЛЯРНЫЕ ПЫЛЫ*

СНЕГОВАЯ ПОЭМА

Влюбленная в Северный Полюс Норвегия
В гордой застыла дремоте.
Ленивые лоси! вы серебро-пегие,
Ледяное пламя поймете...
И там, где сливается с снегом медведица,
Грёза ее постоянна...
Бледнея экстазом, сомнамбулой светится
Так же, как д'Арк Иоанна.
Не быть Северянке любовницей Полюса:
Полюс – бесплотен, как грёза...
Стремленья об иглы лесов укололися...
Гаснет ее ариозо...
Морей привидения – глыбы ледяные –
Точат насмешливо лязги...
И марева сыплют пророчества рдяные
Вóлнам в сердитой припляске...
Дух Полюса чутко тревожит элегия, –
Он воплощается в ноте...
И гордо вздыхая обманом, Норвегия
Вновь застывает в дремоте.

Октябрь 1909

БЕЛАЯ УЛЫБКА

МИСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Ты помнишь? – В средние века
Ты был мой властелин…

М. Лохвицкая

I

Есть в лесу, где шелковые пихты,
Дней былых охотничий дворец.
Есть о нем легенды. Слышать их ты
Если хочешь, верь, а то – конец!..
У казны купил дворец помещик,
Да полвека умер он уж вот;
После жил лет семь старик-объездчик,
А теперь никто в нем не живет.
Раз случилось так: собралось трое
Нас, любивших старые дома,
И, хотя мы были не герои,
Но легенд истлевшие тома
Вызывали в нас подъем духовный,
Обостряли нервы до границ:
Сердце билось песнею неровной
И от жути взор склонялся ниц.
И пошли мы в темные покои,
Под лучами солнца, как щита.
Нам кивали белые левкои
Грустно вслед, светлы как нищета.
Долго шли мы анфиладой комнат,
Удивленно слушавших шаги;
Да, покои много звуков помнят,
Но, как звякнут, – в сторону беги!..
На широких дедовских диванах
Приседали мы, – тогда в углах
Колыхались на обоях рваных
Паутины в солнечных лучах.
Усмехались нам кариатиды,
Удержав ладонью потолки.
В их глазах – застывшие обиды;
Только уст дрожали уголки…

Но одна из этих вечных статуй
Как-то странно мнилась мне добра;
И смотрел я, трепетом объятый,
На нее, молчавшую у бра.
Жутко стало мне, но на пороге,
Посмотрев опять из-за дверей,
Я ее увидел, – весь в тревоге,
Догонять стал спутников скорей.
Долго-долго белая улыбка
Белых уст тревожила меня…
Долго-долго сердце шибко-шибко,
Шибко билось, умереть маня.

II

На чердак мы шли одной из лестниц,
И скрипела лестница, как кость.
Ждали мы таинственных предвестниц
Тех краев, где грёза наша – гость.
На полу – осколки, хлам и ветошь.
Было сорно, пыльно; а в окно
Заглянуло солнце… Ну, и свет уж
Лило к нам насмешливо оно!
Это было солнце не такое,
Как привыкли солнце видеть мы –
Мертвое, в задумчивом покое,
Иначе блестит оно для тьмы;
Этот свет не греет, не покоит,
В нем бессильный любопытный гнев.
Я молчу… Мне страшно… Сердце ноет…
Каменеют щеки, побледнев…

III

Это – что? откуда? что за диво!
Смотрим мы и видим, – у трубы
Перья… Кровь… В окно кивнула ива,
Но молчит отчаяньем рабы.
Белая, как снег крещенский, птица
На сырых опилках чердака
Умирала тихо… С ней проститься
Прислан был я кем издалека?..
Разум мой истерзан был, как перья

Снежной птицы, умерщвленной кем?
В этом доме, царстве суеверья,
Я молчал, догадкой сердца нем…
Вдруг улыбка белая на клюве
У нее расплылась, потекла…
Ум застыл, а сердце, как Везувий,
Затряслось, – и в раме два стекла
Дребезжали от его биенья,
И звенели, тихо дребезжа…
Я внимал в гипнозе упоенья
Хлыстикам полившего дождя.
И казалось мне, что с пьедестала
Отошла сестра кариатид
И бредет по комнатам устало,
Напевая отзвук панихид.
Вот скрипят на лестницах ступени,
Вот хрипит на ржавой меди дверь…
И в глазах лилово, – от сирени,
Иль от страха, знаю ль я теперь!..
Как нарочно, спутники безмолвны…
Где они? Не вижу. Где они?
А вдали бушуют где-то волны…
Сумрак… дождь… и молнии огни…
– Защити! Спаси меня! Помилуй!
Не хочу я белых этих уст!.. –
Но она уж близко, шепчет: “милый…”
Этот мертвый звук, как бездна, пуст…
Каюсь я, я вижу – крепнет солнце,
Все властнее вспыхивает луч,
И ко мне сквозь мокрое оконце,
Как надежда, светит из-за туч.
Все бодрей, ровней биенье сердца,
Веселеет быстро всё кругом.
Я бегу… вот лестница, вот дверца, –
И расстался с домом, как с врагом.

IV

Как кивают мне любовно клены!
Как смеются розы и сирень!
Как лужайки весело-зелены,
И тюльпанов каски набекрень!

Будьте вы, цветы, благословенны!
Да сияй вовеки солнца свет!
Только те спасутся, кто нетленны!
Только тот прощен, кто дал ответ!..

Июль 1909
"Ивановка". Охотничий дворец

27. КОЛЬЕ ПРИНЦЕССЫ

УВЕРТЮРА

Колье принцессы – аккорды лиры,
Венки созвездий и ленты лье,
А мы, эстеты, мы – ювелиры,
Мы ювелиры таких колье.

Колье принцессы – небес палаццо,
Насмешка, горечь, любовь, грехи,
Гримаса боли в лице паяца…
Колье принцессы – мои стихи.

Колье принцессы, колье принцессы…
Но кто принцесса, но кто же та –
Кому все гимны, кому все мессы?
Моя принцесса – Триумф-Мечта!

Февраль 1910

РЕКВИЕМ

…И будет дух мой над тобой
Витать на крыльях голубиных...

М. Лохвицкая

Помилуй, Господи, Всесветлый Боже,
Царицу грёз моих, Твою рабу,
И освети ее могилы ложе,
И упокой ее в ея гробу…

И вознеси ее святую душу,
Великий Господи, в пречистый Рай…
А если я, Твой раб, любовь нарушу,
Своею милостью меня карай.

Даруй страдалице – любимой, милой –
Познать величие Твоих щедрот…
Господь, укрой ее! Господь, помилуй!
Услышь, о Господи, мой грешный рот…

Услышь мольбу мою, и, веру множа
В Твое сияние, внемли рабу:
Помилуй, Господи, Всесильный Боже,
Мою владычицу, Твою рабу!

Март 1910

СТАНСЫ*

Ни доброго взгляда, ни нежного слова –
Всего, что бесценно пустынным мечтам…
А сердце... а сердце все просит былого!
А солнце… а солнце – надгробным крестам!

И все – невозможно! и все – невозвратно!
Несбыточней бывшего нет ничего…
И ты, вся святая когда-то, развратна…
Развратна! – не надо лица твоего!..

Спуститесь, как флёры, туманы забвенья,
Спасите, укройте обломки подков…
Бывают и годы короче мгновенья,
Но есть и мгновенья длиннее веков!

Август 1909
Мыза "Ивановка"

ЛИЛИИ ДУШИ

А. НА-ОЙ

Лилии, лилии чистые,
Звезды саронских полей…

М. Лохвицкая

В светозарной душе белых лилий посев
Расцветет для услад урожая,
И болотный туман испарится, осев,
Только солнце дохнет, угрожая.
В светозарной душе – лилий белый посев,
И такая душа – всем чужая.

Как расцвет золотист! как расцвет ее бел!
Помнишь? – днем лепестки перелили
Гаммой радуги звонкой, – но луч ослабел,
И померкли мелодии лилий.
А зарею опять тихий колокол бел,
Сердце златно лучи распалили.

Без боязни сбирай белоснежный посев,
Тот сбирай, кто – исчадье порока!
Пусть тебя не страшит окружающий зев:
Эта жатва не знает упрека…
Ты надменно пожнешь искупленья посев,
Но души не поймешь – как пророка!

Ноябрь 1909

МАРГАРИТКИ*

О, посмотри! как много маргариток –
И там, и тут…
Они цветут; их много; их избыток;
Они цветут.

Их лепестки трехгранные – как крылья,
Как белый шелк…
Вы – лета мощь! Вы – радость изобилья!
Вы – светлый полк!

Готовь, земля, цветам из рос напиток,
Дай сок стеблю…
О, девушки! о, звезды маргариток!
Я вас люблю…

Июль 1909
Мыза "Ивановка"

* * *

Солнце всегда вдохновенно!
Солнце всегда горячо!
Друг мой! Сольемся мгновенно:
Наше желанье – ничье.
Жизнь безнадежна и тленна,
Мигом трепещет плечо…
Солнце – как мы вдохновенно!
Солнце – как мы горячо!

1909

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИМН*

Христос Воскресе, Христос Воскресе!
Сон смерти – глуше, чем спит скала…
Поют Победу в огне экспрессий,
Поют Бессмертье колокола.

Светло целуйте уста друг другу,
Последний нищий – сегодня Крез…
Дорогу сердцу к святому Югу! –
Христос Воскресе! Христос Воскрес!

Февраль 1910

ЯНВАРЬ*

Январь, старик в державном сане,
Садится в ветровые сани, –
И устремляется олень,
Воздушней вальсовых касаний
И упоительней, чем лень.

Его разбег направлен к дебрям,
Где режет он дорогу вепрям,
Где глухо бродит пегий лось,
Где быть поэту довелось...
Чем выше кнут, – тем бег проворней,
Тем бег резвее; все узорней
Пушистых кружев серебро.
А сколько визга, сколько скрипа!
То дуб повалится, то липа –
Как обнаженное ребро.
Он любит, этот царь-гуляка,
С душой надменного поляка,
Разгульно-дикую езду...
Пусть душу грех влечет к продаже:
Всех разжигает старец, – даже
Небес полярную звезду!

Январь 1910

СОНЕТ*

Мы познакомились с ней в опере, – в то время,
Когда Филина пела полонез.
И я с тех пор – в очарованья дреме,
С тех пора она – в рядах моих принцесс.
Став одалиской в грезовом гареме,
Она едва ли знает мой пароль...
А я седлаю Память: ногу в стремя, –
И еду к ней, непознанный король.
Влюблен ли я, дрожит в руке перо ль,
Мне все равно; но вспоминать мне сладко
Ту девушку и данную ей роль.
Ее руки душистая перчатка
И до сих пор устам моим верна...
Но встречу вновь посеять – нет зерна!

Ноябрь 1909

ЗИЗИ*

Постигнуть сердцем все возможно
Непостижимое уму.

К. Фофанов

Бесшумно шло моторное ландо
По “островам” к зеленому “пуанту”.
И взор Зизи, певучее рондо,
Скользя в лорнет, чуть гнул колени франту…

Хрустит от шин заносчиво шоссе,
И воздух полн весеннего удушья,
В ее душе – осколки строф Мюссэ,
А на лице – обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебе себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, может быть, цела души скрижаль,
И лилия не может быть кокоткой?

Останови мотор! сними манто
И шелк белья, бесчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя из ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажет Пустота
Под шляпками, цилиндрами и кэпи?
Что до того! – такая нагота
Великолепней всех великолепий!

Февраль 1910

ЭТО БЫЛО У МОРЯ*

ПОЭМА-МИНЬОНЕТ

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж…
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Очень было все просто, очень было все мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа…
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Февраль 1910

АМАЗОНКА**

Я встретил у парка вчера амазонку,
Под звуки бравурной раздольной мазурки.
– Как кукольны формы у синей фигурки! –
Наглея восторгом, сказал я вдогонку.

Она обернулась, она посмотрела,
Слегка улыбнулась, раздетая взором,
Хлыстом помахала лукавым узором,
Мне в сердце вонзила дремучие стрелы…

А рыжая лошадь под ней гарцевала,
Упрямо топталась на месте ко́была,
И право, не знаю – казалось ли, было –
В угоду хозяйке, меня баловала…

Февраль 1910

АМУЛЕТЫ

Звенели ландыши во мху,
    Как сребротканый колокольчик,
И белки, в шубках на меху,
    Сгибали хвостики в колечки.
О, красота пушистых кольчек!
    О, белок шустрые сердечки!

И было красочно везде
    В могучий, бравый полдень мая;

И птички трелили в гнезде,
    Кричали утки, как китайцы,
И, хворост радостно ломая,
    Легко попрыгивали зайцы.

Была весна, был май – сам сон!
    Любилось пламенно, но строго…
Был пышнокудр еще Самсон!..
    Коляска, тройка и бубенчик…
К тебе знакомая дорога…
    О, май! о, белочка! о, птенчик!

Февраль 1910

АРНОЛЬДСОН

…И время трет его своим крылом.

Ш. Бодлер

СОНЕТ-NOUVEAU

Элен себе искала компаньона,
Желая в заграничное турнэ.
Жан, встретясь с ней, сказал: "Je vous connais:
Вы – грёза Гёте и Тома – Миньона.
Хоть грёза их, положим, без шиньона,
Я – все равно! – готов продлить свой сон…
Итак, Элен, Вы для меня – Миньона,
Чей образ воплотился в Арнольдсон".

Пусть, пусть года – нещаднее пирата,
Все ж Арнольдсон – конечная Сперата,
В ее душе святой огонь горит.

О, время, время! Смилуйся и сдобрись, –
О, подожди стирать слиянный образ
Двух гениев в лице одной Зигрид!

1910. Благовещение

ПРИЗРАК*

Ты каждый день приходишь, как гризетка,
В часовню грёз моих приходишь ты;
Твоей рукой поправлена розетка,
Румянцем уст раскрашены мечты.

Дитя мое! Ты – враг ничтожных ролек,
А вдохновлять поэта – это честь.
Как я люблю тебя, мой белый кролик!
Как я ценю!.. Но чувств не перечесть.

Я одинок… Я мелочно осмеян…
Ты поняла, что ласка мне нужна –
Твой гордый взор так нежен, так лилеен,
Моя сестра, подруга и жена.

Да, верю я глазам твоим, влекущим
Меня к Звезде, как верю я в Звезду.
Я отплачу тебе своим грядущим
И за собой в бессмертие введу!

Декабрь 1909

ИЗ АНРИ ДЕ РЕНЬЕ*

БОГИ

Во сне со мной беседовали боги:
Один струился влагой водорóслей,
Другой блестел колосьями пшеницы
И гроздьями тяжелыми шумел.
Еще один – прекрасный и крылатый
И – в наготе – далекий, недоступный;
Еще один – с лицом полузакрытым;
И пятый бог, который с тихой песней
Берет омег, анютины глазенки
И змеями двумя перевивает
Свой золотой и драгоценный тирс.
И снились мне еще другие боги…

И я сказал: вот флейты и корзины,
Вкусите от плодов моих простых,

Внимайте пенью пчел, ловите шорох
Смиренных ив и тихих тростников.
И я сказал: – Прислушайся… Есть кто-то,
Кто говорит устами эхо где-то,
Кто одинок на страже шумной жизни,
Кто в руки взял двойные лук и факел,
Кто – так непостижимо – сами мы…

О, тайный лик! Ведь я тебя чеканил
В медалях из серебряной истомы,
Из серебра, нежнее зорь осенних,
Из золота, горячего, как солнце,
Из меди, мрачной меди, точно ночь.
Чеканил я тебя во всех металлах,
Которые звенят светло, как радость,
Которые звучат темно и глухо,
Звучат – как слава, смерть или любовь.
Но лучшие – я мастерил из глины,
Из хрупкой глины, серой и сухой…

С улыбкою вы станете считать их
И, похвалив за тонкую работу,
С улыбкою пройдете мимо них…
Но как же так? но что же это значит?
Ужель никто, никто из нас не видел,
Как эти руки нежностью дрожали,
Как весь великий сон земли вселился,
Как жил во мне, чтоб в них воскреснуть вновь?

Ужель никто, никто из нас не понял,
Что из металлов благостных я делал
Моих богов: и что все эти боги
Имели лик того, всего святого,
Что чувствуем, угадываем тайно
В лесу, в траве, в морях, в ветрах и в розах,
Во всех явленьях, даже в нашем теле,
И что они – священно – сами мы!..

Февраль 1910

ТЕБЕ, МОЯ КРАСАВИЦА!**

Ариадниной мамочке

Вуаль светло-зеленая с сиреневыми мушками
Была слегка приподнята над розовыми ушками;
Вуаль была чуть влажная, она была чуть теплая,
И ты мне улыбалася, красивая и добрая…
Смотрела в очи ласково, смотрела в очи грёзово,
Теребила уснувшее и улыбалась розово.
И я не слышал улицы со звонами и гамами,
И сердце откликалося взволнованными гаммами.
Шла ночь, шурша кокетливо и шлейфами, и тканями,
Мы бархатною сказкою сердца друг другу ранили.
Атласные пожатия… рождения и гибели…
Отливы… содрогания… кружения и прибыли…
Да разве тут до улицы со звонами и шумами?!
Да разве тут до города с пытающими думами?!
Кумирню строил в сердце я, я строил в сердце пáгоды…
Ах, губки эти алые и сочные, как ягоды!
Расстались… для чего? – спроси… я долго грезил в комнате…
О, глазки в слезках-капельках, мои глаза вы помните?
Вы помните? вы верите? вы ждете? вы, кудесные!
Они неповторяемы, мгновенности чудесные!..
Я требую настойчиво, приказываю пламенно:
Исчезни, все мне чуждое! исчезни, город каменный!
Исчезни, всё гнетущее! исчезни, вся вселенная!
Всё краткое, всё хрупкое, всё мелкое, всё тленное!
А мы, моя красавица, утопимся в забвении,
Очаровав порывностью бесстрастное мгновение!..

Январь 1910

ВРУБЕЛЮ*

(1-го апреля 1910 г.)

Так тихо-долго шла жизнь на убыль
    В душе, исканьем обворованной…
Так странно-тихо растаял Врубель,
    Так безнадежно очарованный…

Ему фиалки струили дымки
    Лица трагически-безликого…

Душа впитала все невидимки,
Дрожа в преддверии великого…

Но дерзновенье слепило кисти,
А кисть дразнила дерзновенное…
Он тихо таял, – он золотистей
Пылал душою вдохновенною…

Цветов побольше на крышку гроба:
В гробу – венчанье!.. Отныне оба –
Мечта и кисть – в немой гармонии,
Как лейтмотив больной симфонии…

Апрель 1910

МОНОЛОГ

Не правда ль? – позорно дать руку тому,
Кто гибнет и верит, что можешь помочь ты…
Позорно и скучно, и странно… К чему –
Когда есть "летучие почты",
Конфетти и шпоры, и танцы, и лесть?

Вот в том-то и ужас, что все это есть!

Когда же умрет он – бессильный, больной –
И в церковь внесут его прах охладелый,
Ты плакать, пожалуй, посмеешь!.. Иной
Подумает: "слезы души опустелой"…

…Будь я мертвецом, я покинул бы гроб,
Согнул бы законов природы кольцо
И все для того, для того это, чтоб –
Тебе плюнуть в лицо!..

Декабрь 1909

РОНДОЛЕТ

Смерть над миром царит,
а над смертью – любовь.

Мирра Лохвицкая

"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"
Он в душе у меня, твой лазоревый стих!

Я склоняюсь опять, опечален и тих,
У могилы твоей, чуждой душам рабов.

У могилы твоей, чуждой душам рабов,
Я склоняюсь опять, опечален и тих.
"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"
Он в душе у меня, твой пылающий стих!

Он в душе у меня, твой скрижалевый стих:
"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"
У могилы твоей, чуждой душам рабов,
Я склоняюсь опять, опечален и тих.

Я склоняюсь опять, опечален и тих,
У могилы твоей, чуждой душам рабов,
И в душе у меня твой надсолнечный стих:
"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"

Февраль 1910

РУССКАЯ*

Кружевеет, розовеет утром лес.
Паучок по паутинке вверх полез.
Бриллиантится веселая роса;
Что за воздух! что за свет! что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхо: "ха-ха-ха!"
Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березах девку повстречать,
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

Февраль 1910

РЫЦАРЬ ДУХА

СИМВОЛ

Человек, заковавший свой разум
В строгих принципов духа кольчугу,
Этим к небу возносится разом,
Примыкая к почетному кругу.
Взявши меч справедливости в руки,
Что гимнастикой развиты веры,
Он идет под штандартом науки
Показать нам отваги примеры.
Ждет его не один уже недруг:
Смотришь, ложь подползает ехидной,
То соблазн на ретивом коне вдруг
Пристает к нему с речью бесстыдной.
Не смущается доблестный витязь,
На удар отвечает ударом,
Грозно кличет: “с пути расступитесь!”
И глаза его пышут пожаром.
Наказуя гордыней объятых,
Он – смиренных и правых защита.
Сердце светлое спрятано в латах,
И душа в них великая скрыта.
Да, мечи из Божественных кузниц
Обладают могучею силой
И, свободными делая узниц,
Палачам угрожают могилой.

Зима 1907
г. Бобров, Воронежской губ.

СЕКСТИНА*

Предчувствие – томительней кометы,
Непознанной, но видимой везде.
Послушаем, что говорят приметы
О тягостной, мучительной звезде.
Что знаешь ты, ученый! сам во тьме ты,
Как и народ, светлеющий в нужде.

Не каждому дано светлеть в нужде
И измерять святую глубь кометы…

Бодрись, народ: ведь не один во тьме ты, –
Мы все во тьме – повсюду и везде.
Но вдохновенна мысль твоя к звезде,
И у тебя есть верные приметы.

Не верить ли в заветные приметы,
Добытые забитыми в нужде?
Кончина мира, скрытая в звезде, –
Предназначенье тайное кометы;
И ты, мужик, твердишь везде, везде,
Что близок час… Так предрешил во тьме ты.

Как просветлел божественно во тьме ты!
Пророчески-туманные приметы;
Они – костры, но те костры – везде…
Народный гений, замкнутый в нужде,
Один сумел познать мечту кометы
И рассказать о мстительной звезде.

Я вижу смерть, грядущую в звезде,
И, если зло затерянный во тьме ты,
Пророк-поэт языческой приметы,
Мне говоришь об ужасах кометы,
Сливаюсь я с тобой и о нужде
Хочу забыть: к чему? ведь смерть везде!

Она грядет, она уже везде!..
Крылю привет карающей звезде –
Она несет конец земной нужде…
Как десять солнц, сверкай, звезда, во тьме ты,
Жизнь ослепи и оправдай приметы
Чарующей забвением кометы!

Январь 1910

28. ПЕВИЦА ЛИЛИЙ ПОЛЕЙ САРОНА

ВСТУПЛЕНИЕ

1

Есть ли счастье на свете сильнее любви?

2

Слава тем, чья любовь побеждает смерть!

Мирра Лохвицкая

Певица лилий полей Сарона,
Тебе корона!
К тебе у трона
Сойдутся мира всего пути, –
Лишь захоти!

Полей Сарона певица лилий!
Тщета воскрылий...
Тщета усилий...
Мы не достигнем твоих высот –
Снесет, снесет!..

Да воцарится
Цариц царица,
Сарона лилий полей певица!
В хитоны солнца возоблекись,
Балькис!

СИМФОНИЯ

Схороните меня среди лилий и роз,
Схороните меня среди лилий!

Мирра Лохвицкая

Моя любовь – твоей мечте близка.

Черубина де Габриак

У старой лавры есть тихий остров,
Есть мертвый остров у старой лавры,
И ров ползет к ней, ползет под мост ров,

А мост минуешь – хранятся лавры
Царицы грёз.

Я посетил, глотая капли слез,
Убогую и грубую могилу,
Где спит она, – она, царица грёз...
И видел я, – и мысль теряла силу...
Так вот где ты покоишься и – как!
Что говорит о прахе величавом?
Где памятник на зависть всем державам?
Где лилии? где розы? где же мак?

Нет, где же мак? Что же мак не цветет?
Отчего нагибается крест?
Кто к тебе приходил? кто придет?
О, дитя! о, невеста невест!
Отчего, отчего
От меня ты сокрыта?
Ведь никто... никого...
Ни души... позабыта...

Нет, невозможно! нет, не поверю!
Власти мне, власти – я верну потерю!
Взрою землю!.. сброшу крест гнилой!..
Разломаю гроб я!.. поборюсь с землей!..
Напущу в могилу солнца!.. набросаю цветов...
– Встань, моя Белая!.. лучше я лечь готов...

"Забудь... забудь о чуде", –
Шептала мне сентябрьская заря...
А вкруг меня и *здесь* ходили люди,
И *здесь* мне в душу пристально смотря...
И где же?!. где ж?!. – У алтаря.
Из черного гордого мрамора высечь
Хотел бы четыре гигантские лиры,
Четыре сплетенные лиры-решетки –
На север, на запад, на юг, на восток.

У лир этих струны – из чистого золота прутья,
Увитые алым и белым душистым горошком,
Как строфы ее – бархатистым, как чувства – простым.
А там, за решеткой, поставил бы я не часовню,

Не памятник пышный, не мрачный – как жизнь – мавзолей,
А белую лилию – символ души ее чистой,
Титанию-лилию, строгих трудов образец.
В молочном фарфоре застыло б сердечко из злата,
А листья – сплошной и бесценный, как мысль, изумруд.
Как росы на листьях сверкали б алмазы и жемчуг
При Солнце, Венере, Авроре и мертвой Луне.
И грезил бы Сириус, ясный такой и холодный,
О лилии белой, застывшей в мечтаньи о нем...

И в сердце пели неба клиры,
Душа в Эдем стремила крылия...
А сквозь туман взрастала лилия
За струнной изгородью лиры...

Сентябрь 1909

БАЛЬКИС

От солнца я веду свой древний род!
Мирра Лохвицкая

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней.
Е. Баратынский

До дня грядущего от сотворенья мира –
Кто скажет искренно?.. Кому земли не жаль?..
Кто знает женщину, прекрасную как лира
И ясномудрую, как горная скрижаль?

Их было несколько, великих как держава,
Прекрасных, доблестных и светлых, как эмаль.
Но я – про женщину, прекрасную, как слава!
Но я – про женщину, Синайскую скрижаль!

До дня грядущего от сотворенья мира
Подобной женщины на свете не цвело...
Ищите женщину, прекрасную, как лира,
И ясномудрую, как гения чело!

И лишь у Лохвицкой, чья мысль и грёза – лава,
В поэме солнечной и жизненной, как май,

Я встретил женщину, прекрасную, как слава,
И ясномудрую, как царственный Синай!

До дня грядущего от сотворенья мира
Прекрасней не было от нищих до маркиз...
И эта женщина, прекрасная, как лира,
И ясномудрая, как заповедь, – Балькис!

Май 1910

САРОНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Посвящено Граалю-Арельскому

Царица я народам мне подвластным,
Но ты, дитя, зови меня – Балькис.

Мирра Лохвицкая

Давно когда-то; быть может, это в мифе;
Где померанец, и пальма, и лимон, –
К царице Савской, к прекрасной Суламифи,
Пришел забыться премудрый Соломон.

Пришел нежданно, пришел от пышных кляуз,
Устав от царства, почета и песка, –
Чтоб в белогрудьи запрятать ум, как страус,
Чтоб выпить губы – два алых лепестка.

Июлил вечер, мечтая звезды высечь...
"Нарцисс Сарона" прилег под кипарис...
И та, которой дано имен сто тысяч,
Все променяла на арфное – Балькис.

Июль 1910

BERCEUSE*

МИНЬОНЕТ

Пойте-пойте, бубенчики ландышей,
Пойте-пойте вы мне –
О весенней любви, тихо канувшей,
О любовной весне;

Об улыбке лазоревой девичьей
И – о, боль! – о луне...
Пойте-пойте, мои королевичи,
Пойте-пойте вы мне!

Май 1910

ТРИОЛЕТ

Ты мне желанна, как морю – буря,
Тебе я дорог, как буре – штиль.
Нас любит море... И, каламбуря
С пурпурным небом: “как морю – буря,
Она желанна”, – на сотни миль
Рокочут волны, хребты пурпуря
Зарей вечерней: “...как морю – буря...
...Как буре – штиль...”

Февраль 1910

ОКТАВЫ

Хочу туда – где море бирюзово,
Где у звезды сочнее лепестки,
Где спит палач-вулкан на страже зова,
Где от избытка счастья – вздох тоски...
Хочу туда, где чувствуют грозово,
А потому – раздолия узки!
Звучи, душа, в мечтаньях замирая...
Но край ли то? Мираж ли только края?

Везде лазорь, повсюду померанцы,
Надменность пальм и лунь лимонных рощ,
На женских лицах спелые румянцы,
Весь музыка – алмазноструйный дождь.
Там вечный пир, и музыка, и танцы,
Победный клич и дерзостная мощь!..
Я, вся, – полет под ураганом зова!..
Хочу туда – любить тебя грозово!

Октябрь 1909

* * *

Когда ночами все тихо-тихо,
Хочу веселья, хочу огней,
Чтоб было шумно, чтоб было лихо,
Чтоб свет от люстры гнал сонм теней!

Дворец безмолвен, дворец пустынен,
Беззвучно шепчет мне ряд легенд...
Их смысл болезнен, сюжет их длинен,
Как змеи черных ползучих лент...

А сердце плачет, а сердце страждет,
Вот-вот порвется, того и ждешь...
Вина, веселья, мелодий жаждет,
Но ночь замкнула, – где их найдешь?

Сверкните, мысли! рассмейтесь, грезы!
Пускайся, Муза, в экстазный пляс!
И что нам – призрак! и что – угрозы!
Искусство с нами, – и Бог за нас!..

Июль 1909
Мыза "Ивановка", у Гатчинской мельницы.
Охотничий дворец Павла I

29. ПРЕДГРОЗЬЕ

СЕКСТИНА*

(*УВЕРТЮРА*)

Я заклеймен, как некогда Бодлэр.
То – я скорблю, то – мне от смеха душно.
Читаю отзыв, точно ем "эклер":
Так обо мне рецензия... *воздушна.*
О, критика – проспавший Шантеклер –
"Ку-ка-ре-ку!", ведь солнце не послушно.

Светило дня душе своей послушно.
Цветами зла увенчанный Бодлэр,
Сам – лилия... И критик-шантеклер

Сконфуженно бормочет: “что-то душно”...
Пусть дирижабли выглядят воздушно,
А критики забудут – про “эклер”.

Прочувствовать талант – не съесть “эклер”;
Внимать душе восторженно, послушно –
Владеть душой; нельзя судить *воздушно*, –
Поглубже в глубь: бывает в ней *Бодлэр*.
И курский соловей поет бездушно,
Когда ему мешает шантеклер.

Иному, впрочем, ближе “шантеклер”.
Такой “иной” воздушен, как “эклер”,
И от такого вкуса – сердцу душно.
“Читатель средний” робко и послушно
Подумает, что пакостен Бодлэр,
И примется браниться *не воздушно*...

И в воздухе бывает не воздушно,
Когда летать захочет шантеклер,
Иль авиатор, скушавший “эклер”,
Почувствует (одобришь ли, Бодлэр?),
Почувствует, что сладость непослушна,
Что тяжело под ложечкой и душно...

Близка гроза. Всегда предгрозье душно.
Но хлынет дождь живительный воздушно, –
Вздохнет земля свободно и послушно.
Близка гроза! В курятник, *Шантеклер!*
В моих очах éclair[1], а не “эклер”...
Я отомщу *собою* – как Бодлэр!

Май 1910

ВУАЛЕТКА

Евгению Пуни

Вздыхала осень. Изнежена малина.
Клен разузорен. Ночами тьма бездонна.
...Она смеялась, темно как Мессалина,

---

[1]éclair – молния (*фр.*).

И улыбалась, лазурно как Мадонна.
Ветреет вечер. Стрекочет мандолина.
В студеном флере теченье монотонно.
Сапфирны грёзы. Виденье Вандэлина.
И тембры парка рыдают баритонно.

Август 1910

АВИАТОР

Я песнопевец-авиатор...
Моих разбегов льдяный старт –
Где веет Севера штандарт,
А финиш мой – всегда экватор.

Победен мой аэроплан,
Полет на нем победоносен.
Смотри, оставшийся у сосен,
Завидуй мне, похить мой план!

Куда хочу – туда лечу!
Лечу – как над Байкалом буря.
Лечу, с орлами каламбуря, –
Их ударяя по плечу...

Меж изумленных звезд новатор,
Лечу без планов и без карт...
Я всемогущ, – я авиатор!
И цель моя – небес штандарт!

Июнь 1910

CHANSON RUSSE[1]*

Зашалила, загуляла по деревне молодуха.
Было в поле, да на воле, было в день Святого Духа.
Муж-то старый, муж-то хмурый укатил в село под Тройцу.
Хватит хмелю на неделю, – жди-пожди теперь пропойцу!
Это что же? разве гоже от тоски сдыхать молодке?
Надо парня, пошикарней, чтоб на зависть в околотке!
Зашалила, загуляла! знай, лущит себе подсолнух!..
Ходят груди, точно волны на морях, водою полных.

[1] Chanson Russe – русская песня (*фр.*).

Разжигает, соблазняет молодуха Ваньку-парня,
Шум и хохот на деревне, будто бешеная псарня!..
Все старухи взбеленились, расплевались, да – по хатам;
Старикам от них влетело и метлою, и ухватом.
Всполошились молодухи, всех мужей – мгновенно в избы!
А звонарь на колокольне заорал: “скорее вниз бы!”
Поспешил, да так ретиво, что свалился с колокольни...
А молодка всё гуляла, ветра буйного раздольней!

Июнь 1910

ВЕСЕННЯЯ ЯБЛОНЯ*

АКВАРЕЛЬ

Перу И.И. Ясинского посвящаю

Весенней яблони в нетающем снегу
Без содрогания я видеть не могу:
Горбатой девушкой – прекрасной, но немой –
Трепещет дерево, туманя гений мой...
Как будто в зеркало – смотрясь в широкий плёс,
Она старается смахнуть росинки слез
И ужасается, и стонет, как арба,
Вняв отражению зловещего горба.
Когда на озеро слетает сон стальной,
Бываю с яблоней, как с девушкой больной,
И, полный нежности и ласковой тоски,
Благоуханные целую лепестки.
Тогда доверчиво, не сдерживая слез,
Она касается слегка моих волос,
Потом берет меня в ветвистое кольцо, –
И я целую ей цветущее лицо...

Апрель 1910. Св. Пасха

ТУНДРОВАЯ ПАСТЕЛЬ

Ландыши воздушные, реющие ландыши
Вечером зимеющим льдяно зацвели...
Выйди на поляны ты, сумраком полян дыши,
Падающим ландышам таять повели!

Ландыши небесные, вы всегда бесстебельны,
Безуханно юные искорки луны...
Лунное сияние – это точно в небе льны...
Ленно лани льняные лунно влюблены...

Сердце северянина, не люби лиан души!..
Кедров больше, лиственниц, хрупи, мги и пихт!
Ландыши бесплотные, тающие ландыши,
И у тундры клюквовой зубра сонный выход...

Сентябрь 1910

ЕЩЕ ВЫ ДЕВУШКА...

Еще Вы девушка: ведь этот алый крапат
На блузке лилиебатистовой – весень...
Еще Вы девушка, читающая Запад,
Секрет несущая в сиреневую сень.

Такая милая!.. Как золотистый грошик...
Поете молодость на разных голосах...
Очарователен улыбчатый горошек,
Ушко наивное опутав в волосах.

И, вот что, знаете: возьмите в руки прутик.
И – кто кого теперь?! – бежим на плац-крокет!
Еще Вы девушка, еще Вы только лютик, –
И я из лютиков Вам подарю букет...

Сентябрь 1910

ГРЁЗОВОЕ ЦАРСТВО*

Я – царь страны несуществующей,
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвездия колдующей,
Витаю я среди планет.

Я, интуит с душой мимозовой,
Постиг бессмертия процесс.
В моей стране есть терем грёзовый
Для намагниченных принцесс.

В моем междупланетном тереме
Звучат мелодии Тома́.
Принцессы в гений мой поверили,
Забыв земные терема.

Их много, дев нерассуждающих,
В экстазе сбросивших плащи,
Так упоительно страдающих
И переливных, как лучи.

Им подсказал инстинкт их звончатый
Избрать мой грёзовый гарем.
Они вошли душой бутончатой,
Вошли – как Ромул и как Рем.

И распустилось царство новое,
Страна безразумных чудес...
И, восхищен своей основою,
Дышу я душами принцесс!..

Июль 1910

ПАМЯТИ МАЦИЕВИЧА

Он стал на миг бесстранным королем:
    "Гном" стал велик...
Загрезился, забылся над рулем –
    На миг...

"Куда хочу – везде: в дурман гитан,
    Иль на Квантун...
Я все могу!" – подумал капитан-
    Летун.

– Не всё, – шепнулось кем-то, и на твердь, –
    Ни то, ни се –
Он грохнулся. То прошептала смерть:
    – Не всё...

Столяр сюда! Рубанок – касса ты
    Для всех порфир...
В эфир, кто в смерти ищет красоты, –
    В эфир!

25 сентября 1910
С.-П⟨етербург⟩

ТЫ КО МНЕ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ...*

Злате

Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки вроде крола:
У тебя теперь дачи, за обедом – омары,
Ты теперь под защитой вороного крыла...

Ты ко мне не вернешься: на тебе теперь бархат;
Он скрывает бескрылье утомленных плечей...
Ты ко мне не вернешься: предсказатель на картах
Погасил за целковый вспышки поздних лучей!..

Ты ко мне не вернешься, даже... даже проститься,
Но над гробом обидно ты намочишь платок...
Ты ко мне не вернешься в тихом платье из ситца,
В платье радостно-жалком, как грошовый цветок.

Как цветок... Помнишь розы из кисейной бумаги?..
О живых ни полслова у могильной плиты!
Ты ко мне не вернешься: грёзы больше не маги, –
Я умру одиноким, понимаешь ли ты?!

Апрель 1910

ГРАНДИОЗ**

Граалю-Арельскому

Все наслажденья и все эксцессы,
Все звезды мира и все планеты
Жемчужу гордо в свои сонеты, –
Мои сонеты – колье принцессы!

Я надеваю, под взрыв оркестра,
Колье сонетов (Размах измерьте!)
Да, надеваю рукой маэстро
На шею Девы. Она – Бессмертье!

Она вне мира, она вне почвы,
Без окончанья и без начала...
Ничто святое ее зачало...
Кто усомнится – уйдите прочь вы!

Она безместна и повсеместна,
Она невинна и сладкогрешна,
Да, сладкогрешна, как будто бездна,
И точно бездна – она безбрежна.

Под барабаны, под кастаньеты,
Все содроганья и все эксцессы
Жемчужу гордо в колье принцессы,
Не знавшей почвы любой планеты...

Июнь 1910

СИРЕНЕВЫЙ НОКТЮРН

Инстассе

В твоем саду вечернем бокальчики сирени
Росою наполняет смеющийся Июнь,
И сердце утопает в мелодиях курений,
И сердце ускользает в развеенную лунь.
Меня ты клонишь в кисти, расцветшие лилово,
Захлебывая разум в сиреневых духах.
Истомно отдаваясь, растаивая слово,
Тобою наслаждаюсь, целуя впопыхах...

Март 1910

ЮГ НА СЕВЕРЕ*

Я остановила у эскимосской юрты
Пегого оленя, – он поглядел умно.
    А я достала фрукты
    И стала пить вино.

И в тундре – вы понимаете? – стало южно...
В щелчках мороза – дробь кастаньет...
    И захохотала я жемчужно,
    Наведя на эскимоса свой лорнет!

Сентябрь 1910

ОКТЯБРЬ*

Люблю октябрь, угрюмый месяц,
Люблю обмершие леса,
Когда хромает ветхий месяц,
Как половина колеса.
Люблю мгновенность: лодка... хобот...
Серп... полумаска... леса шпиц...
Но кто надтреснул лунный обод?
Кто вор лучистых тонких спиц?
Морозом выпитые лужи
Хрустят и хрупки, как хрусталь;
Дороги грязно-неуклюжи,
И воздух сковывает сталь.
Как бред земли больной, туманы
Сердито ползают в полях,
И отстраданные обманы
Дымят при блеске лунных блях.
И сколько смерти безнадежья
В безлистном шелесте страниц!
Душе не знать любви безбрежья,
Не разрушать душе границ!
Есть что-то хитрое в усмешке
Седой улыбки Октября,
В его сухой, ехидной спешке,
Когда он бродит, тьму храбря.
Октябрь и Смерть – в законе пара,
Слиянно-тесная чета...
В полях – туман, как саван пара,
В душе – обмершая мечта.
Скелетом черным перелесец
Пускай пугает: страх сожну.
Люблю Октябрь, предснежный месяц,
И Смерть, развратную жену!..

Октябрь 1909

ВНЕ

Ивану Лукашу

Под гульливые взвизги салазок
Сядем, детка моя, на скамью.
Олазорь незабудками глазок
Обнищавшую душу мою!

Пусть я жизненным опытом старше, –
Научи меня жить, научи! –
Под шаблонно-красивые марши,
Под печально-смешные лучи.

Заглушите мой вопль, кирасиры!
Я – в сумбуре расплывшихся зорь...
Восприятия хмуры и сиры...
Олазорь же меня, олазорь!

Я доверьем твоим не играю.
Мой порыв, дорогая, глубок.
Голубок, я тебе доверяю,
Научи меня жить, голубок!

Не смотрите на нас, конькобежцы:
Нашу скорбь вы сочтете за шарж...
Веселитесь, друг друга потешьте
Под лубочно-раскрашенный марш.

Нам за вашей веселостью шалой
Не угнаться с протестным бичом...
Мы с печалью, как мир, обветшалой,
Крепко дружим, но вы-то при чем?

Мы для вас посторонние люди,
И у нас с вами общее – рознь:
Мы в мелодиях смутных прелюдий,
Ваши песни – запетая кознь.

Мы – вне вас, мы одни, мы устали...
Что вам надо у нашей скамьи?
Так скользите же мимо на стали,
Стальносердные братья мои!..

Март 1910

ДЕЛЬ-АКВА-ТОР*

ЛИРИЧЕСКАЯ ВУАЛЬ

1

– Иди к цветку Виктории Регине,
    Иди в простор
И передай привет от герцогини
    Дель-Аква-Тор.
На том цветке созрело государство;
    Найди шалэ;
У входа – страж, в руке у стража – астра,
    Звезда во мгле.
Тогда скажи, застолбенея в дверцах:
    "Несу простор!
Привет тебе, лилиесердный герцог
    Дель-Аква-Тор!
Вставай на путь, по благости Богини
    Тоску забудь...
Внемли послу грозóвой герцогини –
    Вставай на путь!
Довольно мук; ты долго пóжил ало,
    Твой бред кровав;
Она тебя увидеть пожелала,
    К себе призвав.
Довольно мук, – их искупило время...
    Твой взор смущен...
Коня, коня! огнистей ногу в стремя, –
    Ведь ты прощен!"

2

Ушел посол к Виктории Регине,
    Ушел в простор,
Чтоб передать привет от герцогини
    Дель-Аква-Тор.
Он долго брел в обетах ложных далей
    И – в щелях скал –
Испепелил подошвы у сандалий,
    И все искал.
Искал страну и в тайне думал: сгину, –
    Не поверну...

Искал страну Викторию Регину,
    Искал страну.
Лишь для него пчела будила струны
    Своих мандол;
Лишь для него ломалось о буруны
    Весло гондол;
Лишь для него провеерила воздух
    Слюда цикад.
И шел гонец, и шел с гонцом сам Грёз Дух –
    Все наугад.

Он не пришел к Виктории Регине,
    Он не пришел;
Не передал прощенья Герцогини, –
    Он не нашел.
Он не нашел такой страны цветковой
    И – между скал –
Погиб посол, искать всегда готовый...
    Да, он искал!

3

Прошли века, дымя свои седины,
    Свой прах сложив.
В земле – рабы, и в склепах – паладины,
    Но герцог – жив.
О жив! он жив! Он пьет очами сердца
    Пустой простор.
И мира нет, – но *где-то* бьется герцог
    Дель-Аква-Тор...

Июнь 1910

МОИ ПОХОРОНЫ*

Меня положат в гроб фарфоровый,
На ткань снежинок яблоновых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади, –
Век даст мотор для катафалка.

На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины –
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филины.

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердье...
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

Сентябрь 1910

29а. ЭПИТАЛАМА

ЭПИТАЛАМА*

Пою в помпезной эпиталаме
– О, Златолира, воспламеней! –
Пою Безумье твое и Пламя,
Бог новобрачных, бог Гименей!

Весенься вечно, бог пьяный слепо,
Всегда весенься, наивный бог!
Душа грёзэра, как рай, нелепа!..
Вздох Гименея – Ивлиса вздох!

Журчит в фиалах вино, как зелье,
О, молодые, для вас одних!
Цветы огрезят вам новоселье –
Тебе, невеста! тебе, жених!

Костер ветреет... Кто смеет в пламя?!
Тот, кто пылает костра сильней!
Пою в победной эпиталаме
Тебя, бог свадьбы, бог Гименей!

Февраль 1911

30. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СТИХИ

ХАБАНЕРА III*

От грёз кларета – в глазах рубины,
Рубины страсти, фиалки нег.
В хрустальных вазах коралл рябины
И белопудрый, и сладкий снег.

Струятся взоры... Лукавят серьги...
Кострят экстазы... Струнят глаза...
– Как он возможен, миражный берег... –
В бокал шепнула синьора Za.

О, бездна тайны! О, тайна бездны!
Забвенье глуби... Гамак волны...
Как мы подземны! Как мы надзвездны!
Как мы бездонны! Как мы полны!

Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женщин и хризантем...

Январь 1910

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ*

СИНЕМАТОГРАФ

Элегантная коляска, в электрическом биеньи,
Эластично шелестела по шоссейному песку;
В ней две девственные дамы, в быстро-темпном упоеньи,
В ало-встречном устремленьи – это пчелки к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы равноправий,
Плыло небо, пело солнце, кувыркался ветерок;
И под шинами мотора пыль дымилась, прыгал гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки "нравственных пропаж"...

И с испугом отряхаясь от разбуженных песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый экипаж.

Хохот, свежий точно море, хохот жаркий, точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел, вином восторга, поощряемый шоффер...

Апрель 1910

ВОЗДУШНАЯ ЯХТА*

Ивану Лукашу

Я вскочила в Стокгольме на летучую яхту,
На крылатую яхту из березы карельской.
Капитан, мой любовник, встал с улыбкой на вахту;
Закружился пропеллер белой ночью апрельской.

Опираясь на румпель, напевая из Грига,
Обещал он мне страны, где в цвету абрикосы,
Мы надменно следили эволюции брига,
Я раскрыла, как парус, бронзоватые косы.

Приставали к Венере, приставали к Сатурну,
Два часа пробродили по ледяной Луне мы.
Там в саду урны с негой; принесли мне в сад урну.
На Луне все любезны, потому что все немы.

Все миры облетели, все романсы пропели,
Рады были с визитом к самому Палладину...
А когда увидали, что поломан пропеллер,
Наша яхта спустилась на плавучую льдину...

Октябрь 1910

M-ME SANS-GÊNE*

РАССКАЗ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Это было в тропической Мексике, –
Где еще не спускался биплан,
Где так вкусны пушистые персики, –
В белом ранчо у моста лиан.

Далеко-далеко, за льяносами,
Где цветы ядовитее змей,
С индианками плоско-курносыми
Повстречалась я в жизни моей.

Я гостила у дикого племени,
Кругозор был и ярок, и нов.
Много-много уж этому времени!
Много-много уж этому снов!

С жаркой кровью, бурливее кратера,
Краснокожий метал бумеранг,
И нередко от выстрела скваттера
Уносил его стройный мустанг.

А бывало: пунцовыми ранами
Пачкал в ранчо бамбуковый пол...
Я кормила индейца бананами,
Уважать заставляя свой пол...

Задушите меня, зацарапайте, –
Предпочтенье отдам дикарю,
Потому что любила на Западе
И за это себя не корю...

Сентябрь 1910

ПЛЯСКА МАЯ*

В могиле мрак, в объятьях рай,
Любовь – земли услада!..

Ал. Будищев

Вдалеке от фабрик, вдалеке от станций,
Не в лесу дремучем, но и не в селе –
Старая плотина, на плотине танцы,
В танцах поселяне, все навеселе.

Покупают парни у торговки дули,
Тыквенное семя, карие рожки.
Тут беспопья свадьба, там кого-то вздули.
Шепоты да взвизги, песни да смешки.

Точно гуд пчелиный – гутор на полянке:
“Любишь ли, Акуля?” – “Дьявол, не замай!..”
И под звуки шустрой, удалой тальянки
Пляшет на плотине сам царевич Май.

Разошелся браво пламенный красавец,
Зашумели липы, зацвела сирень!
Ветерок целует в губы всех красавиц,
Май пошел вприсядку в шапке набекрень.

Но не видят люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца.
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевич бросит в пляске два кольца.

Кто поднимет кольца – жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для медных лбов!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царят нам миром Солнце и Любовь!

Ноябрь 1910

ФИАЛКА*

Морозову-Гоголю

Снежеет дружно, снежеет нежно,
Над ручейками хрусталит хрупь.
Куда ни взглянешь – повсюду снежно,
И сердце хочет в лесную глубь.

Мне больно-больно... Мне жалко-жалко...
Зачем мне больно? чего мне жаль?
Ах, я не знаю: ах, я – фиалка,
Так тихо-тихо ушла я в шаль.

О ты, чье сердце крылит к раздолью,
Ты, триумфатор, ты, властелин!
Приди, любуйся моей фиолью –
Моей печалью в снегах долин.

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью святя мечты!..

Август 1910

В ЛИМУЗИНЕ**

Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в корректном кавалере,
И в хрупоте танцующих резин
Восстановила голос Кавальери.

Кто звал ее на лестнице: “Manon?”
И ножки ей в прохладном вестибюле,
Хотя она и бросила: “mais non!”[1] –
Чьи руки властно мехово обули?

Да все же он, пустой, как шантеклер,
Проборчатый, офраченный картавец,
Желательный для многих кавалер,
Использованный многими красавец.

О, женщина! Зови его в турнэ,
Бери его, пожалуй, в будуары...
Но не води с собою на Масснэ:
Письмо Масснэ... оно не для гитары!..

Июль 1910

СОНЕТ**

Ее любовь проснулась в девять лет,
Когда иной ребенок занят куклой.
Дитя цвело, как томный персик пухлый,
И кудри вились, точно триолет.
Любовь дала малютке амулет:
Ее пленил – как сказка – мальчик смуглый...
Стал, через месяц, месяц дружбы – круглый.
Где, виконтесса, наше трио лет?

[1] “Но нет” (*фр.*).

Ах, нет того, что так пленяло нас,
Как нет детей с игрой в любовь невинной!
Стремится смуглый мальчик на Парнас,
А девочка прием дает в гостиной
И, посыпая “пудрой” ананас,
Ткет разговор, изысканный и длинный.

Июнь 1909
Мыза “Ивановка”

СОНЕТ*

По вечерам графинин фаэтон
Могли бы вы заметить у курзала.
Она входила в зал, давая тон,
Как капельмейстер, настроеньям зала.
Раз навсегда графиня показала
Красивый ум, прищуренный бутон
Чуть зрелых губ, в глазах застывший стон –
Как монумент неверности вассала...

В ее очей фиалковую глубь
Стремилось сердце каждого мужчины;
Но окунать их не было причины;
Напрасно взоры ныли: “приголубь”...

И охлаждал поклонников шедевра
Сарказм *ее сиятельства из севра.*

Январь 1910

ГУРМАНКА*

СОНЕТ

Ты ласточек рисуешь на меню,
Взбивая сливки к тертому каштану.
За это я тебе не изменю
И никогда любить не перестану.
Всё жирное, что угрожает стану,
В загоне у тебя. Я не виню,
Что петуха ты знаешь по Ростану
И вовсе ты не знаешь про свинью.

Зато когда твой фаворит-арабчик
Подаст с икрою паюсною рябчик,
Кувшин Шабли и стерлядь из Шексны,
Пикантно сжав утонченные ноздри,
Ты вздрогнешь так, что улыбнутся сёстры,
Приняв ту дрожь за веянье весны...

Ноябрь 1910

ПЛЕННИЦА

СОНЕТ

(Из Анри де Ренье)

Ты убежала от меня, ты убежала,
Отдав свои глаза, как амулет!..
Запомнила рука моя – как жало –
Вес горла твоего, и вкус, и цвет,
И линию исчезнувшего тела,
К которому желание крылит...
Ты ночь и лес поставить захотела
Преградою меж нами. Но, налит
Твоею вероломной красотою,
Я воссоздам расплывшуюся тьмою
Твою красу. Забрезжили поля...
Я выкурю твой образ отомщенно,
И будешь ты – вся мрамор иль земля,
Вся гнев немой – змеиться возмущенно!..

Август 1910

МАРИОНЕТКА ПРОКАЗ*

НОВЕЛЛА

Чистокровные лошади распылились в припляске,
Любопытством и трепетом вся толпа сражена.
По столичному городу проезжает в коляске
Кружевная, капризная властелина жена.

Улыбаясь презрительно на крутые поклоны
И считая холопами без различия – всех,
Вдруг заметила женщина – там, где храма колонны,
Нечто красочно-резкое, задохнувшее смех.

Оборванец, красивее всех любовников замка,
Шевелил ее чувственность, раболепно застыв,
И проснулась в ней женщина, и проснулась в ней самка,
И она передернулась, как в оркестре мотив.

Повелела капризница посадить оборванца
На подушку атласную прямо рядом с собой.
И толпа оскорбленная не сдержала румянца,
Хоть наружно осталася безнадежной рабой.

А когда перепуганный – очарованный нищий
Бессознательно выполнил гривуазный приказ,
Утомленная женщина, отшвырнув голенищи,
Растоптала коляскою марьонетку проказ...

Февраль 1910

КВАДРАТ КВАДРАТОВ*

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О поверь! – я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом, – палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года – не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!..
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..

Сентябрь 1910

В ПРЕДГРОЗЬЕ*

ЭТЮД

Захрустели пухлые кайзерки,
Задымился ароматный чай,
И княжна улыбкою грёзэрки
Подарила графа невзначай.

Золотая легкая соломка
Заструила в грёзы алькермес.
Отого, что говорили громко,
Колыхался в сердце траур месс.

Пряное душистое предгрозье
Задыхало груди. У реки,
Погрузясь в бездумье и безгрёзье,
Удили форелей старики.

Ненавистник дождевых истерик –
Вздрагивал и нервничал дубок.
Я пошел проветриться на берег,
И меня кололо в левый бок.

Детонировал бесслухий тенор –
На соседней даче лейтенант.
Вспыливал нахохлившийся кенар –
Божиею милостью талант.

Небеса растерянно ослепли,
Ветер зашарахался в листве,
Дождевые капли хлёстко крепли, –
И душа заныла о родстве...

Было жаль, что плачет сердце чье-то,
Безотчетно к милому влекло.
Я пошел, не дав себе отчета,
Постучать в балконное стекло.

Я один, – что может быть противней!
Мне любовь, любовь ее нужна!
А княжна рыдала перед ливнем,
И звала, звала меня княжна!

Молниями ярко озаряем,
Домик погрузил меня в уют.
Мы сердца друг другу поверяем,
И они так грёзово поют.

Снова – чай, хрустящие кайзерки,
И цветы, и фрукты, и ликер,
И княжны, лазоревый грёзэрки,
И любовь, и ласковый укор...

Ноябрь 1910

* * *[*]

Всеволоду Светланову

В парке плакала девочка: “посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, –
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю”...
И отец призадумался, потрясенный минутою,
И простил все грядущие и капризы, и шалости
Милой маленькой дочери, зарыдавшей от жалости.

Ноябрь 1910

ГРАСИЛЬДА[*]

1

Когда взвуалится фиоль,
Офлеря ручеек,
Берет Грасильда канифоль,
И скрипку, и смычок.

Потом идет на горный скат
Запеть свои псалмы.
Вокруг леса, вокруг закат,
И нивы, и холмы.
Прозрачна песня, как слюда,
Как бриллиант в воде...
И ни туда, и ни сюда, –
И всюду, и везде!

2

Я выхожу в вечерний сад,
Утопленный в луне.
Шагну вперед, шагну назад, –
То к дубу, то к волне.
Повсюду сон, везде туман,
Как обруч – голоса...
Струят чарующий обман
Еловые леса.
Грасильда песнь поет во тьме,
Подобную звезде...
И ни в груди, и ни в уме, –
И всюду, и везде!

3

Какая ночь! – и глушь, и тишь,
И сонь, и лунь, и воль...
Зачем же, сердце, ты грустишь?
Откуда эта боль?
Грасильда пой. Грасильда, пой,
Маячь пути ко сну.
Твоей симфонией слепой
Я сердце захлестну!
Грасильда, пой!.. Уста к устам, –
И мы уснем в воде...
Любовь ни здесь, любовь ни там, –
И всюду, и везде!

Сентябрь 1910

BERCEUSE**

(НА МОТИВ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ)

Ты так светла в клубящемся покрове,
Твое лицо – восходный Уротал.
В твоем дремучем чернобровье
Мой ум устало заплутал.

Ты вся – мечта коралловых уловов,
Твои уста – факирская печать.
В твоих очах, в очах лиловых,
Хотел бы сердце закачать.

А где-то плачь и грохоты орудий...
Так было встарь, так вечно будет впредь.
Дай погрузиться в белогрудьи
И упоенно умереть!

Сентябрь 1910

ИЮНЕВЫЙ НАБРОСОК*

Мисс Лиль

Взгляни-ка, девочка, взгляни-ка! –
В лесу поспела земляника,
И прифрантился мухомор –
Объект насмешек и умор...
О, поверни на речку глазы
(Я не хочу сказать: глаза...):
Там утки, точно водолазы,
Ныряют прямо в небеса.
Ты слышишь? – чьи-то голоса
Звучат так весело-задорно
Над онебесенной рекой?
Дитя, послушай, – успокой
Свою печаль; пойми, всё вздорно
Здесь, на земле... Своей тоской
Ты ничего тут не изменишь,
Как нищего не обезденежь,
Как полдня ты не олунишь...
Взгляни вокруг себя, взгляни ж!

Оно подобно мигу, лето...
Дитя, ты только посмотри:
Ведь мухомор – как Риголетто,
Да не один еще, – их три!..

Декабрь 1910

ЯБЛОНЯ-СОМНАМБУЛА

Спит белая вешняя яблоня.
Ей любо, как девушке, грезить.
Что, в зеркале неба корабль луня,
Восходит тоскующий месяц.

Плывет над землею он алчною,
Во влажном скользит малахите.
Он дышит дыханием яблочным
И сердце ее он похитил.

О, грёзы! К нему вы зареяли...
Вас месяц приветливо встретил...
Вам знойно, – просите о веере, –
И жар вам овеерит ветер.

Ноябрь 1910

CHANSONNETTE**

Изящная, среднего роста,
С головкою bronze-oxidé
Она – воплощение тоста,
Mais non, regardez, regardez!

Пикантная, среднего роста,
Она – героиня Додэ.
Поклонников много, – их дó ста.
Mais non, regardez, regardez.

Но женщина среднего роста
Бывает *высокой* en deux...
И надо сознаться, что просто... –
Mais non, regardez, regardez!

Ноябрь 1909

ТРИНАДЦАТАЯ*

НОВЕЛЛА

У меня дворец двенадцатиэтажный,
У меня принцесса в каждом этаже.
Подглядел-подслушал как-то вихрь протяжный, –
И об этом знает целый свет уже.

Знает, – и прекрасно! сердцем не плутую!
Всех люблю, двенадцать, – хоть на эшафот!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, всё скажу... Так вот:

Все мои принцессы – любящие жены,
Я, их повелитель, любящий их муж.
Знойным поцелуем груди их прожжены,
И в каскады слиты ручейки их душ.

Каждая друг друга дополняет тонко,
Каждая прекрасна, в каждой есть свое:
Та грустит беззвучно, та хохочет звонко, –
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лестнице, завесу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
В упоеньи мигом некогда тужить.
Жизнь – от поцелуя, жизнь до поцелуя,
Вечное забвенье не дает мне жить.

Но бывают ночи: заберусь я в башню,
Заберусь один в тринадцатый этаж,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чарует грёза всё одна и та ж:

Хорошо бы в этой комнате стеклянной
Пить златистогрёзый черный виноград

С вечно-безымянной, странно так желанной,
Той, кого не знаю и узнать не рад...

Скалы молят звезды, звезды молят скалы,
Смутно понимая тайну скал и звезд, –
Наполняю соком и душой бокалы
И провозглашаю безответный тост!..

Сентябрь 1910

ВЕЧЕРОМ ЖАСМИНОВЫМ

NOCTURNE

Сонным вечером жасминовым, под лимонный плеск луны,
Повстречалась ты мне, грешница, с белой лилией в руке...
Я приплыл к очам души твоей по лунящейся реке...
Берега дремали хлебные – золотые галуны.

Распустила косу русую, – проскользнула в рожь коса
И скосила острым волосом звездоликий василек.
Улыбнулась лепестковая и завился мотылек –
Не улыбка ль воплощенная?.. Загудело, как оса...

Сердце тихо очаровано... Сердце ранено чуть-чуть...
Захлебнулся ум в забвении... Вдалеке – виолончель...
Сонным вечером жасминовым сядь на лунную качель:
Будет с лилиями грешница и чарующая чудь...

Март 1910

В ШАЛЭ БЕРЕЗОВОМ*

ПОЭМЕТТА

В шалэ березовом, совсем игрушечном и комфортабельном,
У зеркалозера, в лесу одебренном, в июне севера,
Убила девушка, в смущеньи ревности, ударом сабельным
Слепого юношу, в чье ослепление так слепо верила...

Травой олуненной придя из ельника с охапкой хвороста,
В шалэ березовом над Белолилией застала юного,

Лицо склонившего к цветку молочному в порыве горести,
Тепло шептавшего слова признания в тоске июневой...

У лесоозера, в шалэ березовом, – березозебренном, –
Над мертвой лилией, над трупом юноши, самоуверенно,
Плескалась девушка рыданье-хохотом темно-серебряным...
– И было гибельно. – И было тундрово. – И было северно. –

Декабрь 1910

ИНТЕРМЕЦЦО

Сирень моей весны фимьямною лиловью
Изнежила кусты в каскетках набекрень.
Я утопал в траве, сзывая к изголовью
Весны моей сирень.

– Весны моей сирень! – И голос мой был звончат,
Как среброгорлый май: – дыши в лицо пьяней...
О, да! о, никогда любить меня не кончит
Сирень весны моей!

Моей весны сирень грузила в грёзы разум,
Пила мои глаза, вплетала в брови сны
И, мозг испепелив, офлерила экстазом
Сирень моей весны...

1910. День св. кн. Игоря

ОКТАВА

Заволнуется море, если вечер ветреет,
Если вечер ветреет, не слыхать мандолин.
А когда вечер сонен, заходи, – и зареет,
И зареет над морем голубой Вандэлин.
Вандэлин околдует, Вандэлин обогреет,
Обогреет живущих у студеных долин.
У студеных долин, где приют голубей,
Замиражится принц, бирюзы голубей!

Август 1910

ПОХОРОННАЯ ИРОНИЯ

Мы помолимся, когда придем на вынос:
Господи! Спаси нас, Господи! Спаси нас!
И подумаем, склоняясь над могилой:
Господи! Помилуй, Господи! Помилуй!
И о жизни мы помыслим в нашем тайном:
Господи! Подай нам, Господи, подай нам!..

Июнь 1910

СИРИУСОТОН

Н.А. Тэффи

Счастье снежинки –
Ландыша с Сирьюса –
В таяньи алом...
Будут поминки
В сердце у ириса,
Лунно-линялом...

Сентябрь 1910

ПЯТИЦВЕТ**

Заберусь на рассвете на серебряный кедр –
Любоваться оттуда на маневры эскадр.
Солнце, утро и море! как я весело-бодр,
Точно воздух – бездумен, точно мумия – мудр...
Кто прославлен орлами – ах, тому не до выдр...

Сентябрь 1910

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Как смеют хоронить утром, когда на небе солнце?
Как смеют ковать цепи, когда не скован венец?
Как смеют обрывать розу, когда она благоухает?
Как смеют бросать женщину, когда она полна любви?

Как смеют пить воду, когда в воде падаль?
Как смеют улыбаться, когда существует скорбь?
Как смеют надеяться, когда есть разочарованье?
Как смеют жить, когда жизни нет?!..

Август 1910

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА**

Св. кн. О.Ф. Имеретинской

На искусственном острове крутобрегого озера
Кто видал замок с башнями? кто к нему подплывал?
Или позднею осенью, только гладь подморозило,
Кто спешил к нему ветрово, трепеща за провал?

Кто, к окну приникающий, созерцания пестрого
Не выдерживал разумом – и смеялся навзрыд?
Чей скелет содрогается в башне мертвого острова,
И под замком запущенным кто, прекрасный, зарыт?

Кто насмешливо каялся? кто возмездия требовал?
Превратился кто в филина? кто – в летучую мышь?
Полно, полно, – то было ли? может быть, вовсе не было?..
...Завуалилось озеро, зашептался камыш...

Июнь 1910

* * ***

Запад
Погас...
Роса
Поддалась...
Тихо
В полях...
Ива –
Голяк...
Ветрится
Куст...
Зебрится

Хруст...
Ломок
Ледок...
Громок
Гудок...
Во мгле
Полотно...
И склепа
Пятно...

Октябрь 1910

АЛТАЙСКИЙ КОКТЕБЕЛЬ*

О, океана золотая, –
Крещенский солнечный восход!
Скользит, как вздох Эола тая,
По скатогориям Алтая
Победоносный лыжеход.
    Снега, снега – как беломорье...
    Восход бестепел. Вдоль полян
    Метет предутренник с нагорья
    Пушисто-снежное узорье,
    А ветер светел и ледян.
Осветозарь мои веленья,
Мои желанья и пути.
Ты, созидающий оленя,
Как бодрость упоенной лени,
Дающий десять для пяти!
    Гуди, ледяное безводье,
    Пылай короною, Январь!
    Крепи, бурят, свои поводья,
    А Ты, Эмблема Плодородья,
    Мои пути осветозарь!

Ноябрь 1910

31. РУЧЬИ В ЛИЛИЯХ

ФИОЛЕТОВЫЙ ТРАНС*

ИНТРОДУКЦИЯ

О, Лилия ликеров, – о, Crême de Violette!
Я выпил грёз фиалок фиалковый фиал...
Я приказал немедля подать кабриолет
И сел на сером клёне в атласный интервал.

Затянут в черный бархат, шоффер – и мой клеврет –
Коснулся рукоятки, и вздорогнувший мотор,
Как жеребец заржавший, пошел на весь простор,
А ветер восхищенный сорвал с меня берэт.

Я приказал дать “полный”. Я нагло приказал
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросил шоффера, когда он отказал, –
Взревел! и сквозь природу – вовсю и как-нибудь!

Встречалась ли деревня, – ни голосов, ни изб!
Врезался в чернолесье, – ни дерева, ни пня!
Когда б мотор взорвался, я руки перегрыз бы!!.
Я опьянел грозово, все на пути пьяня!..

И вдруг – безумным жестом остолблен кленоход:
Я лилию заметил у ската в водопад.
Я перед ней склонился, от радости горбат,
Благодаря за встречу, за благостный исход...

Я упоен. Я вешний. Я тихий. Я грёзэр.
И разве виноват я, что лилии колет
Так редко можно встретить, что путь без лилий сер?..
О, яд мечты фиалок, – о, Crême de Violette...

Март 1911

ФАНТАЗИЯ ВОСХОДА*

Утреет. В предутреннем лепете
Льнет рыба к свинцовому грузику.
На лилий похожи все лебеди,
И солнце похоже на музыку!

Светило над мраморной виллою
Алеет румянцем свидания.
Придворной певицей Сивиллою
На башне пропета "Титания".

У статуи Мирры паломники
Цветами кадят, точно ладаном.
Мечтатели – вечно бездомники...
Мечтатели – в платье заплатанном...

В лице, гениально изваянном, –
Богини краса несказанная!
Гимн Солнцу исполнен хозяином,
"Осанна!" гремит за "Осанною!".

Коктэбли звучат за коктэблями, –
Поют их прекрасные женщины;
Их станы колышатся стеблями,
Их лица улыбкой увенчаны.

Все гнезда в лопочущем хлопоте...
Все травы в бриллиантовом трепете...
Удало в ладони захлопайте, –
И к солнцу поднимутся лебеди!

Январь 1911

ПОЭЗОКОНЦЕРТ*

Где свой алтарь воздвигли боги,
Не место призракам земли!

Мирра Лохвицкая

В Академии Поэзии – в озерзамке беломраморном –
Ежегодно мая первого фиолетовый концерт,

Посвященный вешним сумеркам, посвященный девам
траурным...
Тут – газеллы и рапсодии, тут – и глина, и мольберт.

Офиалчен и олилиен озерзамок Мирры Лохвицкой.
Лиловеют разнотонами станы тонких поэтесс.
Не доносятся по озеру шумы города и вздох людской,
Оттого, что груди женские – тут не груди, а дюшесс...

Наполняется поэтами безбородыми, безусыми,
Музыкально говорящими и поющими Любовь.
Золот гордый замок строфами, золот девушками русыми,
Золот юным вдохновением и отсутствием рабов!

Гости ходят кулуарами, возлежат на софном бархате,
Пьют вино, вдыхают лилии, цепят звенья пахитос...
Проклинайте, люди трезвые! Громче, злей, воро́ны, каркайте! –
Я, как ректор Академии, пью за озерзамок тост!

Март 1911

КЭНЗЕЛИ*

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена –
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом –
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники? и найдется ли пара Вам?

Ножки плэдом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику, в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым –
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

Март 1911

ЭПИТАЛАМА (см. 29а)

ПРОГУЛКА КОРОЛЯ*

ЭТЮД

П.Я. Морозову

Я иду со свитою по лесу,
Солнце лавит с неба, как поток,
Я смотрю на каждую принцессу,
Как пчела на мёдовый цветок.
Паутинкой златно перевитый
Веселеет пóлдневый лесок.
Я иду с принцессовою свитой
На горячий моревый песок.
Олазорен шелковою тканью,
Коронован розами венка,
Напевая что-то из Масканьи,
Вспоминаю клумбу у окна...
Наклонясь с улыбкой к адъютанту –
К девушке, идущей за плечом, –
Я беру ее за аксельбанты,
Говоря про все и ни о чем...
Ах, мои принцессы не ревнивы,
Потому что все они мои...
Мы выходим в спеющие нивы –
Образцом изысканной семьи...
Вьются кудри: золото и бронза,
Пепельные, карие и смоль.
Льются взоры, ласково и грёзно –
То лазорь, то пламя, то фиоль.
Заморело! – глиняные глыбки
Я бросаю в море, хохоча.
А вокруг – влюбленные улыбки,
А внизу – песчаная парча!
На pliant[1] из алой парусины
Я сажусь, впивая горизонт.
Адъютант приносит клавесины,
Раскрывает надо мною зонт.

[1] Pliant – складной стул (*фр.*).

От жары все личики поблёкли,
Прилегли принцессы на песке;
Созерцают море сквозь бинокли
И следят за чайкой на мыске.
Я взмахну лорнетом, – и Сивилла
Из Тома́ запела попурри.
Всю себя офлерила, овила,
Голоском высоко воспарив.
Как стройна и как темноголова!
Как ее верхи звучат свежо!
Хорошо!.. – и нет другого слова,
Да и то совсем не хорошо!..
В златосне, на жгучем побережье,
Забываю свой высокий сан,
И дышу, в забвении, всё реже,
Несказа́нной Грёзой осиян...

Март 1911

ЭКСЦЕССЕРКА*

Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.

Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет...
Отчего-то шепнула: "а если?.."
И лицо окунула в букет.

У окна альпорозы в корзине
Чуть вздохнули, – их вздох витьеват...
Я не видел кузины в кузине,
И едва ли я в том виноват...

Ты взглянула утонченно-пьяно,
Прищемляя мне сердце зрачком...
И вонзила стрелу, как Диана,
Отточив острие язычком...

И поплыл я, вздыхая сигару,
Ткя седой и качелящий тюль, –
Погрузиться в твою Ниагару,
Сенокося твой спелый июль...

Январь 1912

PRELUDE I*

Я, белонежный, печальноюный бубенчик-ландыш,
Шуршу в свой чепчик
Зефира легче
Для птичек певчих...
И тихо плачу белесой ночью, что миг мне дан лишь –
Для вдохновенья,
Для упоенья
Самозабвенья...

О, Май душистый,
Приляг на мшистый
Ковер пушистый!
Люблю, как утром мои коронки ты обрильянтишь!
На луноструне
Пою чаруний –
Стрекоз ажурных... Я – милый, белый, улыбный ландыш –
Усну в июне...

Март 1911

МИСС ЛИЛЬ*

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки,
Алогубы-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени!..

Ласковая девонька! крошечная грешница!
Ты еще пикантнее от людских помой!
Верю: ты измучилась... Надо онездешниться,
Надо быть улыбчатой, тихой и немой.

Все мои товарищи (как зовешь нечаянно
Ты моих поклонников и незлых врагов...)
Как-то усмехаются и глядят отчаянно
На ночную бабочку выше облаков.

Разве верят скептики, что ночную бабочку
Любит сострадательно молодой орел?
Честная бесчестница! белая арабочка!
Брызгай грязью чистою в славный ореол!..

Февраль 1911

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ*

Вы оделись вечером кисейно
И в саду стоите у бассейна,
Наблюдая, как лунеет мрамор
И проток дрожит на нем муаром.
Корабли оякорили бухты:
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатые ткани,
Привезли мечты об океане.
А когда придет бразильский крейсер,
Лейтенант расскажет Вам про гейзер
И сравнит... но это так интимно!..
Напевая нечто вроде гимна.
Он расскажет о лазори Ганга,
О проказах злых орангутангов,
О циничном африканском танце
И о вечном летуне – "Голландце".
Он покажет Вам альбом Камчатки,
Где еще культура не в зачатке,
Намекнет о нежной дружбе с гейшей,
Умолчав о близости дальнейшей...
За моря мечтой своей зареяв,
Распустив павлиньево своей веер,
Вы к нему прижметесь в теплой дрожи,
Полюбив его еще дороже...

Февраль 1911

БРИНДИЗИ

Полней бокал наполни
И пей его до дна,
Под бичелучье молний –
Истомна и бледна!

Душа твоя, эоля,
Ажурит розофлер.
Гондола ты, Миньоля,
А я – твой гондольер.

Пускай вокруг все серо
От каркающих стай, –
В объятьях эксцессера
Снегурово истай!

О, в виноградной капле –
Премудрость всех планет...
Направь на дирижабли
Кокетливый лорнет!

И очи офиоля,
Благоговейно грезь...
Дурман везде, Миньоля,
Везде – и там, и здесь!

Апрель 1911

ПОЛОНЕЗ "ТИТАНИЯ"*

("MIGNON". АРИЯ ФИЛИНЫ)

1

Зовусь Титанией, царицей фей,
Я, лунокудрая нимфея – ночь!
Мой паж, сообщник мой, немой Морфей,
Соткал июнь,
Вуаля лунь;
Но только дунь, –
Прочь!

2

Благоуханная, как детский сон,
И легковейная, как мотылек,
Порхаю всюду я, и, вознесен
    Моим крылом,
    Мир стал орлом;
    Взмахну жезлом, –
        Лёг!

3

Со свитой эльфовой сажусь в челнок
На хрупких крылышках, к Земле летя,
Я из дурман-травы плету венок,
    И на лету
    Всю волю ту
    В него вплету
        Я!

Лето 1910

ВИНА́ БАЛЬКИС

ТРИОЛИ

(Вариация поэмы Мирры Лохвицкой)

1

Царица южная Балькис
Грядет к престолу Саломона.
Влекут, влекут его знамёна
Царицу южную Балькис!
Ифрит лазурный и Ивлис,
Злой гений, враг святого трона,
Царицу южную Балькис
Влекут к престолу Саломона.

2

Лазурноокий Гиацинт
Был морем выброшен на скалы,
Когда душа любви искала.
Лазурноокий Гиацинт

Изранен щебнем. Приласкала
Балькис его, дав ране бинт.
Лазурноокий Гиацинт
Был бурей выброшен на скалы.

3

Она забыла для него
Свой путь, свой сан, свое значенье.
Чтоб облегчить его мученья,
Она забылась для него!
А он, изведав облегченье,
Ее покинул. Для чего
Она забыла для него
Свой путь, свой сан, свое значенье?

4

Дальнейший путь ей запрещен
Ифритом, гением лазурным.
Ивлис победой восхищен:
Дальнейший путь ей запрещен.
Тогда, томясь порывом бурным,
Скорбит царица: "Саломон!
Мне путь священный запрещен
Ифритом, гением лазурным..."

5

Над Гиацинтом правит суд
Балькис, премудрая царица.
Он пойман! вон его ведут!..
Она над ним свершает суд,
Она убить его грозится...
Но грёзы вдаль ее несут, –
И свой оканчивает суд
Прощеньем мудрая царица.

6

Спешит лазоревый Ифрит
Направить путь ее к Сарону,
И осеняет ей корону
Крылом лазоревым Ифрит.

Он вдохновенно говорит:
– Готовься в жены Саломона! –
И вновь ликующий Ифрит
Ведет Балькис в поля Сарона.

Март 1911

РОНДЕЛИ*

1

Нарцисс Сарона – Саломон –
Любил Балькис, царицу Юга.
Она была его супруга.
Был царь, как раб, в нее влюблен.
В краю, где пальмы и лимон,
Где грудь цветущая упруга,
Нарцисс Сарона, Саломон,
Любил Балькис, царицу Юга.
Она цвела, как анемон,
Под лаской царственного друга.
Но часто плакал от испуга,
Умом царицы ослеплен,
Великолепный Саломон...

Март 1911

2

О Мирре грезит Вандэлин,
О Вандэлине грезит Мирра.
Она властительница мира,
И он – вселенной властелин.
Люблю я в замке меж долин
Внимать душою, полной мира,
Как Миррой грезит Вандэлин,
Как Вандэлином грезит Мирра.
Под стрекотанье мандолин
Дрожит моя больная лира,
Что Мирры нет, что в мире сиро
И что – всегда, всегда один –
Грустит о Мирре Вандэлин.

Март 1911

КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ*

Каретка куртизанки, в коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляж.
Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить, –
Блюстителем здоровья назначен юный паж.

Кудрявым музыкантам предложено исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитр!
Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру из мелодичных цитр?

Цилиндры солнцевеют, причесанные лоско,
И дамьи туалеты пригодны для витрин.
Смеется куртизанка. Ей вторит солнце броско.
Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин!

За чем же дело стало? – к буфету, черный кучер!
Гарсон, сымпровизируй блестящий файф-о-клок...
Каретка куртизанки опять все круче, круче,
И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер, прилег...

Июнь 1911
ст. Елизаветино, Дылицы

ПАМЯТИ К.М. ФОФАНОВА

Погасли пламенные похороны
Поэта, спящего в мечте...
Да озарится имя Фофанова
В земной рутине и тщете!

Не позабудьте, люди, подвига его:
Он златолетье с вами жил...
Душа измучилась юродивого, –
Разузлена система жил.

Сожженный трезвыми и пьяницами,
Лежит обуглившийся ствол.
Благоговейно ветер кланяется
Тому, чье имя – Произвол!

Листва седеет, и седеющая
Испепеляется во прах.
А сердце... сердце стонет: “где еще его
Ждет неизбежный новый страх?..”

О, ожидание убийственное!
Но, может быть, Земля – пролог
К загробному, всегда невыясненному,
Где есть спокойный уголок?..

Там Царство неба – аметистовая
Страна, где в мире и любви,
В душистых сумерках посвистывая,
Перятся серо соловьи.

Май 1911

НАД ГРОБОМ ФОФАНОВА*

ИНТУИТТА

Милый Вы мой и добрый! ведь Вы так измучились
От вечного одиночества, от одиночного холода.
По своей Принцессе лазоревой – по Мечте своей соскучились:
Сердце-то было весело! сердце-то было молодо!

Застенчивый всегда и ласковый, вечно Вы тревожились,
Пели почти безрáзумно, – до самозабвения...
С каждою новою песнею Ваши страданья множились,
И Вы – о, я понимаю Вас! – страдали от вдохновения...

Вижу Вашу улыбку, сквозь гроб меня озаряющую,
Слышу, как Божьи ангелы говорят Вам: “Добро пожаловать!”
Господи! прими его душу, так невыносимо страдающую...
Царство Тебе Небесное, дорогой Константин Михайлович!

Май 1911

РЯДОВЫЕ ЛЮДИ*

(ИЗ ЦИКЛА "ЭГО-ФУТУРИЗМ")

Я презираю спокойно, грустно, светло и строго
Людей бездарных: отсталых, плоских, темно-упрямых.
Моя дорога – не их дорога.
Мои кумиры – не в людных храмах.

Я не желаю ни зла, ни горя всем этим людям, –
Я равнодушен; порой прощаю, порой жалею.
Моя дорога лежит безлюдьем.
Моя пустыня – дворца светлее.

За что любить их, таких мне чуждых? за что убить их?!
Они так жалки, так примитивны и так бесцветны.
Идите мимо в своих событьях, –
Я безвопросен: вы безответны.

Не знаю скверных, не знаю подлых; все люди правы.
Не понимают они друг друга, – их доля злая.
Мои услады – для них отравы.
Я презираю, благословляя...

Апрель 1911

32. ПРОЛОГ "ЭГО-ФУТУРИЗМ"*

Вы идете обычной тропой, –
Он – к снегам недоступных
вершин.

Мирра Лохвицкая

I

Прах Мирры Лохвицкой осклепен,
Крест изменен на мавзолей, –
Но до сих пор великолепен
Ее экстазный станс аллей.

Весной, когда, себя ломая,
Пел хрипло Фофанов больной,
К нему пришла принцесса мая,
Его окутав пеленой...

Увы! – Пустынно на опушке
Олимпа грезовых лесов...
Для нас Державиным стал Пушкин, –
Нам надо новых голосов!

Теперь повсюду дирижабли
Летят, пропеллером ворча,
И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!

Мы живы острым и мгновенным, –
Наш избалованный каприз:
Быть ледяным, но вдохновенным,
И что ни слово, – то сюрприз.

Не терпим мы дешевых копий,
Их примелькавшихся тонов,
И потрясающих утопий
Мы ждем, как розовых слонов...

Душа утонченно черствеет,
Гнила культура, как рокфор...
Но верю я: завеет веер!
Как струны, брызнет сок амфор!

Придет Поэт – он близок! близок! –
Он запоет, он воспарит!
Всех муз былого в одалисок,
В своих любовниц превратит.

И, опьянен своим гаремом,
Сойдет с бездушного ума...
И люди бросятся к триремам,
Русалки бросятся в дома!

О, век Безразумной Услады,
Безлистно-трепетной весны,
Модернизованной Эллады
И обветшалой новизны!..

Лето 1911
Дылицы

II

Опять ночей грозовы ризы,
Опять блаженствовать лафа!
Вновь просыпаются капризы,
Вновь обнимает их строфа.

Да, я влюблен в свой стих державный,
В свой стих изысканно-простой,
И льется он волною плавной
В пустыне, чахлой и пустой.

Все освежая, все тревожа,
Топя в дороге встречный сор,
Он поднимает часто с ложа
Своих кристальных струй узор.

Препон не знающий с рожденья,
С пренебреженьем к берегам,
Дает он гордым наслажденье
И шлет презрение рабам.

Что ни верста – все шире, шире
Его надменная струя.
И что за дали! что за шири!
Что за цветущие края!

Я облеку, как ночи, – в ризы
Свои загадки и грехи,
В тиары строф мои капризы,
Мои волшебные сюрпризы,
Мои ажурные стихи!

Июнь 1909
ст. Пудость, мыза “Ивановка”

III

Не мне в бездушных книгах черпать
Для вдохновения ключи, –
Я не желаю исковеркать
Души свободные лучи!

Я непосредственно сумею
Познать неясное земле...
Я в небесах надменно рею
На самодельном корабле!

Влекусь рекой, цвету сиренью,
Пылаю солнцем, льюсь луной,
Мечусь костром, беззвучу тенью
И вею бабочкой цветной.

Я стыну льдом, волную сфинксом,
Порхаю снегом, сплю скалой,
Бегу оленем к дебрям финским,
Свищу безудержной стрелой.

Я с первобытным неразлучен,
Будь это жизнь ли, смерть ли будь.
Мне лед рассудочный докучен, –
Я солнце, солнце спрятал в грудь!

В моей душе такая россыпь
Сиянья, жизни и тепла,
Что для меня несносна поступь
Бездушных мыслей, как зола.

Не мне расчет лабораторий,
Нет для меня учителей.
Парю в лазоревом просторе
Со свитой солнечных лучей!

Какие шири! дали! виды!
Какая радость! воздух! свет!
И нет дикарству панихиды,
Но и культуре гимна нет!

Октябрь 1909
Петербург

IV

Я прогремел на всю Россию,
Как оскандаленный герой!..
Литературного Мессию
Во мне приветствуют порой;

Порой бранят меня площадно, –
Из-за меня везде содом!
Я издеваюсь беспощадно
Над скудомысленным судом!

Я одинок в своей задаче
И оттого, что одинок,
Я дряблый мир готовлю к сдаче,
Плетя на гроб себе венок.

Июль 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

33. КАЧАЛКА ГРЁЗЭРКИ

УВЕРТЮРА*

Как мечтать хорошо Вам
В гамаке камышовом
Над мистическим оком – над бестинным прудом!
Как мечты-сюрпризэрки
Над качалкой грёзэрки
Истомленно лунятся: то – Верлэн, то – Прюдом!

Что за чудо и диво! –
То Вы – лэди Годива,
Через миг – Иоланта, через миг Вы – Сафо...
Стоит Вам повертеться, –
И загрезится сердце:
Все на свете возможно, все для Вас ничего!

Покачнетесь Вы влево, –
Королев Королева,

Властелинша планеты голубых антилоп,
Где, от вздохов левкоя,
Упоенье такое,
Что загрезит порфирой заурядный холоп!

Покачнетесь Вы вправо, –
Улыбнется Вам Слава,
И дохнет Ваше имя, как цветы райских клумб;
Прогремит Ваше имя,
И в омолненном дыме
Вы сойдете на Землю, – мирозданья Колумб!

А качнетесь Вы к выси,
Где мигающий бисер,
Вы постигнете тайну: вечной жизни процесс.
И мечты-сюрпризэрки
Над качалкой грёзэрки
Воплотятся в капризный, но бессмертный эксцесс!

Июль 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

БОА ИЗ КРИЗАНТЭМ*

Вы прислали с субреткою мне вчера кризантэмы –
Бледновато-фиалковые, бледновато-фиалковые...
Их головки закудрились, ароматом наталкивая
Властелина Миррэлии на кудрявые темы...

Я имею намеренье Вам сказать в интродукции,
Что цветы мне напомнили о тропическом солнце,
О спеленатых женщинах, о янтарном румянце.
Но японец аляповат для моей репродукции.

А потом мне припомнился – ах, не смейтесь! –
констриктор,
И боа мне понравилось из маркизных головок...
Вы меня понимаете? Я сегодня неловок...
О, в поэзах изысканных я строжайший редактор!

Не имею намеренья, – в этот раз я намерен, –
Вас одеть фиолетово, фиолетово-бархатно.

И – прошу Вас утонченно! – прибегите Вы в парк одна,
У ольхового домика тихо стукните в двери.

Как боа кризантэмное бледно-бледно фиалково!
Им Вы крепко затянете мне певучее горло...
А наутро восторженно всем поведает Пулково,
Что открыли ученые в небе новые перлы...

Октябрь 1911

ДИССОНА*

Георгию Иванову

В желтой гостиной, из серого клена, с обивкою шелковой,
Ваше Сиятельство любит по вторникам томный журфикс.
В дамской венгерке комичного цвета, коричнево-белковой,
Вы предлагаете тонкому обществу и́рисный кэкс,
Нежно вдыхая сигары эрцгерцога абрис фиалковый...

Ваше Сиятельство к тридцатилетнему – модному – возрасту
Тело имеете универсальное... как барельеф...
Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше Сиятельство, алые шалости....

Вашим супругом, послом в Арлекинии, ярко правительство:
Ум и талант дипломата суть высшие качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Как и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое ж лучшее в нем, это – Ваше Сиятельство!

Февраль 1912

ПЕСЕНКА ФИЛИНЫ*

("MIGNON" A. THOMAS)

Лаэрт, Лаэрт, мой милый,
Возлюбленный Лаэрт!
Сейчас я получила
Сиреневый конверт.

Чего Вы рот раскрыли,
Как стофранкóвый клерк?
Дает нам снова крылья
Барон фон Розенберг!

Зовет нас на гастроли
В свой замок на концерт.
Вы, право, точно кролик,
Любимый мой Лаэрт!

Послушайте, мой шельма,
Покрасьте свой парик.
Пускай зовет Вильгельма
Капризный Фредерик.

Ах, ужин за спектаклем
На сто один куверт...
Как весел он! – не так ли,
Мой преданный Лаэрт?..

Июль 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

НЕЛЛИ*

Константину Олимпову

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль де Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели! –
На кушетке загрезился молодой педагог.

Познакомился в опере и влюбился, как юнкер.
Он готов осупружиться, он решился на всё.

Перед нею он держится, точно мальчик, на струнке,
С нею в паре катается и играет в серсо.

Он читает ей Шницлера, посвящает в коктэбли,
Восхвалив авиацию, осуждает Китай
И, в ревнивом неверии, тайно метит в констэбли...
Нелли нехотя слушает, – "лучше ты покатай".

"Философия похоти!.." Нелли думает едко:
«Я в любви разуверилась, господин педагог...
О, когда бы на "Блерио" поместилась кушетка!
Интродукция – Гауптман, а финал – Поль де Кок!»

Июль 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

ЦВЕТОК БУКЕТА ДАМ**

В букете дам Амьенского бомонда
Звучнее всех рифмует с резедой
Bronze-oxidé блондинка Эсклармонда,
Цветя Бальзаколетнею звездой.

Она остра, как квинт-эссенца специй,
Ее бравадам нужен резонанс;
В любовники берет *господ с трапеций*
И, так сказать, смакует мезальянс...

Условностям всегда бросает: Shoking!
Экстравагантно выпускает лиф,
Лорнирует базарно каждый смокинг,
Но не во всяком смокинге *калиф*...

Как устрицу, глотает с аппетитом
Дежурного огейзерную дань...
При этом всём – со вкусом носит титул,
Иной щеке даря свою ладонь!

Февраль 1911

ДИССО-РОНДО**

Ожили снова желанья...
Воспоминаний папирус
Снова ветреет, как парус,
И в бирюзе умиленья
Призрак слияния вырос...

Блекло-сафировый ирис
Вяло поет новолунье...
Льется душа снова через, –
Снова желанья...

Мысли, как сон, испарились
В прямости жизненных линий...
Долго со Злом мы боролись, –
Отдых найдем в Аполлоне...
Снова сердца разгорелись, –
Снова желанья...

Февраль 1911

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО**

НОВОСОНЕТ

Как блёкло ткал лиловый колокольчик
Линялую от луни звукоткань!
Над ним лунел вуалевый эольчик
И, камешки кидая в воду: “кань”,
Чуть шепотал устами, как коральчик...
Он был оно: ни девочка, ни мальчик.

На озере дрожал электробот.
Все слушали поэта-экстазера
И в луносне тонули от забот.
Но призраками Серого Мизера
Шарахнулся пугающий набат, –
И в отблесках пылающего замка
Умолк поэт, как жалкий акробат...

– Царица Жизнь воспитана как хамка!

Март 1911

ОСКАР УАЙЛЬД*

АССО-СОНЕТ

Его душа – заплеванный *Грааль,*
Его уста – орозенная язва...
Так: ядосмех сменяла скорби спазма,
Без слез рыдал иронящий Уайльд.

У знатных дам, смакуя Ривезальт,
Он ощущал, как едкая миазма
Щекочет мозг; – щемящего сарказма
Змея ползла в сигарную вуаль...

Вселенец, заключенный в смокинг дэнди,
Он тропик перенес на вечный ле́дник, –
И солнечна была его тоска!

Палач-эстет и фанатичный патер,
По лабиринту шхер к морям фарватер,
За Красоту покаранный Оскар!

Декабрь 1911

СОНАТЫ В ШТОРМ*

На Ваших эффектных нервах звучали всю ночь сонаты,
А Вы возлежали в башне на ландышевом ковре...
Трещала-палила буря, и якорные канаты,
Как будто титаны-струны, озвучили весь корвет.

Но разве Вам было дело, что где-то рыдают и стонут,
Что бешеный шторм грохочет, бросая на скалы фрегат!
Вы пили вино мятежно, Вы брали монбланную ноту!
Сверкали агаты брошек, но ярче был взоров агат!

Трещала, палила буря. Стонала дворцовая пристань.
Кричали и гибли люди. Корабль набегал на корабль.
А вы, семеня гранаты, смеясь, целовали артиста...
Он сел за рояль, как гений, – окончил игру, как раб!

Август 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

БАЛЬКИС И ВАЛТАСАР*

ЛИРИЗА

(По Анатолю Франсу)

Прекраснoю зовут тебя поэты,
Великою зовут тебя жрецы.

Мирра Лохвицкая

1. ЦАРЬ ВАЛТАСАР У СТЕН САБАТА

Повеял шумный аромат
Цветов, забвенней, чем Нирвана.
Конец пути для каравана:
Вот и она, страна Сабат!
Царь Эфиопский Валтасар
Вскричал рабам: "Поторопитесь!
О, маг мой мудрый, Сембобитис,
Мы у Балькис, царицы чар!
Снимайте пыльные тюки
С присевших в устали верблюдов,
И мирру, в грани изумрудов,
И золотые пустяки".
Гостей приветствует весна,
Цветут струистые гранаты;
Как птицы, девушки крылаты,
Все жаждет ласки и вина!
Где золотеют купола –
Фонтан, лук сабель влажно-певчих,
Ракетит ароматный жемчуг
И рассекает пополам!
Волнуйно-теневый эскиз
Скользнул по зубчикам дворцовым, –
В наряде чувственно-пунцовом
К гостям спускается Балькис.
Цветет улыбка на губах,
Разгоряченных соком пальмы, –
И Валтасар, как раб опальный,
Повержен долу при рабах...

1911. Ночь под Рождество

2. В ШАТРЕ БЛАЖЕНСТВА

Улыбно светит с неба Синь –
Цветка эдемского тычинкой.
Царь кипарисною лучинкой
Разлепесточил апельсин.
В углу распластан леопард,
И – кобылицею на воле –
Балькис, в гирляндах центифолий,
На нем волшбит колоду карт.
Ланитный алый бархат смугл,
И губы алчущие пряны...
Глаза – беспочвенные страны,
Куда – ни слон, ни конь, ни мул...
Омиррен палевый шатер,
И царь, омгленный ароматом,
От страсти судорожно-матов,
К царице руки распростер...
Менкера, евнух, женофоб,
Бледнеет желтою досадой...
А в окна льется ночь из сада –
Черна, как истый эфиоп.
И вот несет уже кувшин
С водой душистою Алави...
И Суламифь, в истомной славе,
Ждет жгучей бездны, как вершин...

1911. 1-й день Рождества

3. В ЭФИОПИИ

Олунен ленно-струйный Нил,
И вечер, взяв свое кадило,
Дымит чешуйкам крокодила, –
Он сердце к сердцу заманил.
Печален юный Валтасар.
Трепещут грёзы к Суламите...
На звезды смотрит он: "Поймите
Мою любовь к царице чар!"
Он обращается к Кандас:
"Пойми, Балькис меня отвергла,
И прогнала меня, как негра,
Насмешкою маслинных глаз!.."

Тиха терраса у реки,
Спят Сембобитис и Менкера.
Завоет в роще пальм пантера,
Завьются змеи в тростники, –
И снова тишь. Тоской объят,
Царь погружается в безгрёзье...
Склонился ангел в нежной позе,
Твердит, что вымышлен Сабат...
Все это – сон, мечта, каприз...
Извечный вымысел вселенский...

... В стране Сабат царь Комагенский
Берет горящую Балькис!

1911. 1-й день Рождества

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ*

Как элегантна осень в городе,
Где в ратуше дух моды вне́дрен!
Куда вы только ни посмотрите –
Везде на клумбах рододендрон...

Как лоско матовы и дымчаты
Пласты смолового асфальта,
И как корректно-переливчаты
Слова констэблевого альта!

Маркизы, древья улиц стриженых,
Блестят кокетливо и ало;
В лиловом инее их, выжженных
Улыбкой солнца, тишь спаяла.

Надменен вылощенный памятник
(И глуповат!) прибавлю в скобках...
Из пыли летней вынут грамотник
Рукой детей, от лени робких.

А в лиловеющие сумерки, –
Торцами вздорного проспекта, –
Зевают в фаэтонах грумики,
Окукленные для эффекта...

Костюм кокоток так аляповат...
Картавый смех под блесткий веер...
И Фантазэр на пунце Запада
Зовет в страну своих феерий!..

Октябрь 1911

ИЗ ЦИКЛА "СИРИУС"*

СОНЕТНЫЙ ВАРИАНТ

О ты, звезда лазоревого льда,
Ты, Сириус сверкательно-кристальный,
Есть на тебе дворец, – он весь хрустальный!
Вокруг него серéбрится вода;
Повсюду снег; но снег тот не печальный:
Лазурно-бел и бархатно-пушист;
Он вид всегда хранит первоначальный
И до сих пор, как в день созданья, чист.
Я покажу тому, чей взор лучист,
Все чудеса открытой мной планеты.
Вы слышите? – поют мои сонеты.
Ледяный стих серебрян и душист.
Лети, корабль, на Сириус, – туда,
В кольцо волшбы лазоревого льда!

Декабрь 1909

ГРААЛЮ-АРЕЛЬСКОМУ

(РЕЦЕНЗИЯ НА ЕГО "ГОЛУБОЙ АЖУР")

... И сладкий мед в растеньи горьком
Находит каждая пчела...

К. Фофанов

Я Вам скажу, как строгий ментор,
Снимая с лампы абажур:
Вы – идеальный квинт-эссентор,
И элегантен Ваш ажур...
Когда б стихи назвать – поэзы
И не смущаться света рамп,

Я на мотивы Марсельезы
Вам спел бы наглый дифирамб!
Пускай Верлэн с трудом Ренана
Не составляют мезальянс...
Пью рюмку пряного Банана
За боле спецный ассонанс...

Октябрь 1911

НА ЛЕТУНЕ*

Валерию Брюсову

Король на плахе. Королевство –
Уже республика; и принц
Бежит, сестры спасая девство,
В одну из мóревых провинц.

И там, в улыбности привета,
У острых шхер, у сонных дюн,
Их ждет – и палуба корвета,
И комфортабельный летун.

Вперед! – осолнечен пропеллер,
Стрекочет, ветрит и трещит.
Моторолет крылит на север,
Где ощетинен бора щит.

Скорбит принцесса. В алой ленте
Лукавит солнце, как Пилат.
Злодея мыслит в президенте
Беглец из мраморных палат.

И, очарованный полетом,
Дарит пилоту комплимент,
Не зная, что его пилотом –
Не ктó иной, как президент!

Февраль 1912

ПОЭЗА ВНЕ АБОНЕМЕНТА*

Я сам себе боюсь признаться,
Что я живу в такой стране,
Где четверть века центрит Надсон,
А я и Мирра – в стороне;

Где вкус так жалок и измельчен,
Что даже, – это ль не пример? –
Не знают, как двусложьем: *Мельшин* –
Скомпрометирован Бодлэр;

Где блеск и звон карьеры – рубль,
А паспорт разума – диплом;
Где декадентом назван Врубель
За то, что гений не в былом...

Я – волк, а Критика – облава!
Но я крылат! И за Атлант –
Настанет день! – польется лава –
Моя двусмысленная слава
И недвусмысленный талант!

Январь 1912

34. ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ

ПОСВЯЩЕНИЕ*

Тебя не зная – всюду, всюду
Тебя искал я, сердцем юн:
То плыл на голубую Суду,
То – на нахмуренный Квантун...

Мне много женских душ дарило
Свою любовь, свою печаль...
В них не найдя тебя, ветрило
Я поднимал – и снова в даль!

Так за второй встречалась третья...
Но не было меж них тебя...
Я не отчаивался встретить
Тебя, владычица моя!

Тогда, бесплотная доныне,
Прияла ты земную плоть:
Весной, в полях, под небом синим,
С тобой нас съединил Господь.

Твой первый взгляд явил мне чудо
(Он – незабвенный амулет!):
И ты меня искала всюду,
Как я тебя, пятнадцать лет!

Найти друг друга, вот – отрада!
А жизнь вдвоем – предтеча тьмы...
Нам больше ничего не надо:
Лишь друг вне друга – вместе мы!

1912. 1-й день Пасхи – Благовещенье

УВЕРТЮРА*

Очам твоей души – молитвы и печали,
Моя болезнь, мой страх, плач совести моей;
И все, что здесь в конце, и все, что здесь в начале, –
    Очам души твоей...

Очам души твоей – сиренью упоенье
И литургия – гимн жасминовым ночам;
Все – все, что дорого, что будит вдохновенье, –
    Души твоей очам!

Твоей души очам – видений страшных клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши! –
Но ты должна принять!.. И плач, и хохот лиры –
    Очам твоей души!..

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

СОЛНЦЕ И МОРЕ*

Море любит солнце, солнце любит море...
Волны заласкают ясное светило
И, любя, утопят, как мечту в амфоре;
А проснешься утром, – солнце засветило!

Солнце оправдает, солнце не осудит,
Любящее море вновь в него поверит...
Это вечно было, это вечно будет,
Только силы солнца море не измерит!

Август 1910

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ*

Дорогому К.М. Фофанову

Весенний день горяч и золот, –
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова – я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на "ты"...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы – в бричке по ухабам!
Скорей бы – в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам!
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

Апрель 1911

В ГРЕХЕ – ЗАБВЕНЬЕ*

Ты – женщина, и этим ты права.
Валерий Брюсов

Вся радость – в прошлом, в таком далеком и безвозвратном,
А в настоящем – благополучье и безнадежность.
Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; – его пленяет неосторожность...

Устало сердце от узких рамок благополучья,
Оно в уныньи, оно в оковах, оно в томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом безлучьи,
Оно трепещет такою скорбью, все в гипсе лени...

А жизнь чарует и соблазняет, и переменой
Всего уклада семейных будней влечет куда-то!
В смущеньи сердце: оно боится своей изменой
Благополучье свое нарушить в часы заката.

Ему подвластны и верность другу, и материнство,
Оно боится оставить близких, как жалких сирот...
Но одиноко его биенье, и нет единства...
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть может, вырыт...

О, сердце! сердце! твое спасенье – в твоем безумьи!
Гореть и биться пока ты можешь, – гори и бейся!
Греши отважней! – пусть добродетель – уделом мумий:
В грехе забвенье! а там – хоть пуля, а там – хоть рельсы!

Ведь ты любимо, больное сердце! ведь ты любимо!
Люби ответно! люби приветно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты – право! сомненья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

Август 1911

КОРРЕКТНОЕ ПИСЬМО

Реши вопрос неразрешимый.
Е. Баратынский

Тебе доверяюсь: сочувствуй иль высмей,
Но выслушай несколько строк:
Читая твои укоризные письма,
Я снова печален и строг.
Во многом права ты, мне данная Богом
Сберечь от опасного рва,
Но, критик суровый, во многом, во многом, –
Прости, не совсем ты права!
Тебя всё смущает: "но кто же он? кто он? –
Нахал? сумасшедший? больной?"
... Новатор – в глазах современников клоун,
В глазах же потомков – святой.
Я разве не мог бы писать *примитивно*,
Без новых метафор и слов?
Я так и пишу иногда. Но... наивно
Порой от запетых стихов.
Как часто все гладкое, робкое – мерзко
Душе неустрашной моей...
Я трудного, острого, яркого, – дерзко, –
Ищу для грядущих людей!
Твой ласковый голос когда-то мне вырек
(Ты помнишь, мой друг дорогой?),
Что я не новатор, что я только лирик –
Дитя с мелодичной душой...
Сужденье твое – мне закон: твой поклонник
Я весь, – с головы и до ног...
Допустим, я – лирик, но я – и ироник...
Прости. Я подавлен и строг.

Апрель 1912

НЕРОН*

Поверяя пламенно золотой форминге
Чувства потаенные и кляня свой трон,
На коне задумчивом, по лесной тропинке,
Проезжает сгорбленный, страждущий Нерон.

Он – мучитель-мученик! Он – поэт-убийца!
Он жесток неслыханно, нежен и тосклив...
Как ему, мечтателю, в свой Эдем пробиться,
Где так упоителен солнечный прилив?

Мучают бездарные люди, опозорив
Облик императора общим сходством с ним...
Чужды люди кесарю: Клавдий так лазорев,
Люди ж озабочены пошлым и земным.

Разве удивительно, что сегодня в цирке,
Подданных лорнируя и кляня свой трон,
Вскочит с места в бешенстве, выместив в придирке
К первому патрицию злость свою, Нерон?

Разве удивительно, что из лож партера
На урода рыжего, веря в свой каприз,
Смотрят любопытные, жадные гетеры,
Зная, что душа его – радостный Парис?

Разве удивительно, что в амфитеатре
Все насторожилося, и задохся стон,
Только в ложе кесаря появился, на три
Мига потрясающих, фьолевый хитон?

Апрель 1911

РОМАНС*

О, знаю я, когда ночная тишь
Овеет дом, глубоко усыпленный,
О, знаю я, как страстно ты грустишь
Своей душой, жестоко оскорбленной!..

И я, и я в разлуке изнемог!
И я – в тоске! я гнусь под тяжкой ношей...
Теперь я спрячу счастье под замок, –
Вернись ко мне: я все-таки хороший...

А ты – как в бурю снасть на корабле –
Трепещешь мной, но не придешь ты снова:
В твоей любви нет ничего земного, –
Такой любви не место на земле!

1910. Ноябрь

ПРИМИТИВНЫЙ РОМАНС*

Моя ты или нет? Не знаю... не пойму...
Но ты со мной всегда, сама того не зная.
Я завтра напишу угрюмцу твоему,
Чтоб он тебя пустил ко мне, моя родная!

Боюсь, он не поймет; боюсь, осудит он;
Боюсь, тебя чернить он станет подозреньем...
Приди ж ко мне сама! Ты слышишь ли мой стон?
Ты веришь ли тоске и поздним сожаленьям?

Иль нет – не приходи! и не пиши в ответ!
Лишь будь со мной и впредь, сама того не зная:
Так лучше... так больней... Моя ты или нет?
Но я... я твой всегда, всегда, моя родная!

Февраль 1912

СТАНСЫ*

Простишь ли ты мои упреки,
Мои обидные слова?
Любовью дышат эти строки, –
И снова ты во всем права!

Мой лучший друг! моя святая!
Не осуждай больных затей:
Ведь я рыдаю, не рыдая,
Я, человек не из людей!..

Не от тоски, не для забавы
Моя любовь полна огня:
Ты для меня дороже славы,
Ты – всё на свете для меня!

Я соберу тебе фиалок
И буду плакать об одном:
Не покидай меня! – я жалок
В своем величии больном...

Июль 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

НАМЕКИ ЖИЗНИ*

В вечерней комнате сидели вы втроем.
Вы вспомнили безмолвно о четвертом.
Пред первым, тем, кто презирался чертом,
Четвертый встал с насмешливым лицом...

Увидевший вскричал, а двое вас –
Две женщины с девической душою –
Зажгли огонь, пугаясь бледнотою
Бессильного осмыслить свой рассказ...

... Утрела комната. И не было троих.
Все разбрелись по направленьям разным.
Служанка Ваша, в любопытстве праздном,
Сдувала пыль. И вдруг раздался крик:

У письменного, – скрытного, – стола
Увидела подгорничная в страхе,
Что голова хозяина... на плахе!
Всё через миг распалось, как зола.

... А заденела комната, с письмом
От Вашего врага пришел рассыльный.
И в том письме, с отчаяньем бессильным,
Молили Вас прийти в презренный дом:

Ребенок умирал. Писала мать.
И Вы, как мать, пошли на голос муки,
Забыв, что ни искусству, ни науке
Власть не дана у смерти отнимать.

... Вы вечером страдали за порыв,
И призраки Вам что-то намекали...
А жизнь пред Вами в траурном вуале
Стояла, руки скорбно опустив...

И показав ряд родственных гробов,
Смертельный враг духовных одиночеств,
Грозила Вам мечом своих пророчеств...
Любовь! ты – жизнь, как жизнь – всегда любовь!

Декабрь 1911

ДЕНЬ НА ФЕРМЕ*

Из лепестков цветущих розово-белых яблонь
Чай подала на подносе девочка весен восьми.
Шли на посев крестьяне. Бегало солнце по граблям.
Псу указав на галку, баба сказала: “возьми!”

Было кругом раздольно! было повсюду майно!
Как золотела зелень! воздух лазурно-крылат!
Бросилась я с плотины, – как-то совсем случайно,
Будто была нагая, вниз головой, в водопад!

И потеряв сознанье от высоты паденья,
Я через миг очнулась и забурлила на мыс...
Я утопляла солнце! плавала целый день я!
А на росе, на ферме, жадно пила я кумыс.

Март 1912

РОНДЕЛИ

Лионель – певец луны.
Мирра Лохвицкая

Я – лунопевец Лионель –
Пою тебя, моя царица.
Твоим лучом да озарится
Моя унывная свирель.
Пою в сентябрь, пою в апрель...
Пока душа не испарится,
Я, лунопевец Лионель,
Пою тебя, моя царица.
Сотки туманную фланель,
Луна, любви и неги жрица,
И пусть тобой осеребрится
Измученный полишинель –
Твой лунопевный Лионель...

Март 1911

ЛЕСОФЕЯ*

Она читает зимой Евангелье,
Она мечтает о вешнем ангеле.
Душой поэта и аполлонца
Все ожидает литавров солнца!

Умом ребенок, душою женщина,
Всегда капризна, всегда изменчива,
Она тоскует о предвесеньи,
О незабудках, о росной сени...

И часто в ложе, на пестрой опере,
Когда ей сердце мечты отропили,
Она кусает платок, бледнея, –
Дэмимонденка и лесофея!..

Март 1912

ВСЕ ПО-СТАРОМУ...*

Все по-старому... сказала нежно:
Все по-старому... –
Но смотрел я в очи безнадежно –
Все по-старому...

Улыбалась, мягко целовала –
Все по-старому...
Но чего-то все не доставало –
Все по-старому!..

Июль 1909
Мыза "Ивановка"

ИЗ ПИСЬМА*

Жду – не дождусь весны и мая,
Цветов, улыбок и грозы,
Когда потянутся, хромая,
На дачу с мебелью возы!
У старой мельницы, под горкой,
На светлой даче, за столом,

Простясь с своей столичной “норкой”,
Вы просветлеете челом.
Как будет весело Вам прыгать
То к чахлой лавке, то к пруду,
Детей к обеду звонко кликать,
Шептать кому-то: “я приду”...
И как забавно до обеда,
Когда так яростны лучи,
Позвать мечтателя-соседа
С собой на дальние ключи...

Сентябрь 1911

ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ*

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.

А. Пушкин

Вы помните прелестный уголок –
Осенний парк, в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шалэ,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?

Вы помните... О, да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мне хочется Вас грезами исполнить
И попроситься робко к Вам в друзья...

Сентябрь 1911
Мыза “Ивановка”

ПЕРЕКАТ

На кладбище, на родственных могилах,
Для всех живых – далекий и чужой,
В ее глазах, доверчивостью милых,
Я отдыхал усталою душой.

В ее глазах, доверчивостью милых,
Я находил забвенье и покой
И от людей вдали, людей постылых,
Я оживал под нежною рукой.

Вся жизнь моя, весь бóльный путь земной –
В ее глазах, доверчивостью милых...
"О, не грусти о притупленных силах!"
Мне голос пел, спокойный и грудной.

Я приникал к ней, близкой и родной,
Среди крестов, на вянущих могилах,
И плакал, плакал, веря ей одной.
У глаз ее, доверчивостью милых...

Август 1909
Мыза "Ивановка"

ИДИЛЛИЯ*

Милый мой, иди на ловлю
Стерлядей, оставь соху...
Как наловишь, приготовлю
Переливную уху.

Утомился ты на пашне, –
Чай, и сам развлечься рад.
День сегодня – как вчерашний,
Новый день – как день назад.

Захвати с собою лесы,
Червяков и поплавки
И ступай за мыс, на плесы
Замечтавшейся реки.

Разведи костер у борозд,
Где ковровые поля;
Пусть потрескивает хворост,
Согревается земля...

А наловишь стерлядей ты
И противно-узких щук,
Поцелуй головку флейты, –
И польется нежный звук.

Засмеясь, я брошу кровлю,
И волнуясь, и спеша,
Прибегу к тебе на ловлю,
Так прерывисто дыша.

Ты покажешь мне добычу
(У меня ведь ты хвастун!),
Скажешь мне: "давно я кличу!" –
И обнимешь, счастьем юн.

И пока, змеяся гибкой,
Стройной тальей у костра,
Ужин лажу, – ты с улыбкой
(А улыбка так остра!)

Привлечешь меня, сжигая,
Точно ветку – огонек,
И прошепчешь: "дорогая!" –
Весь – желанье, весь – намек...

Май 1909
Мыза "Ивановка"

ЭТО ВСЁ ДЛЯ РЕБЕНКА*

О, моя дорогая! ведь теперь еще осень, ведь теперь
еще осень...
А увидеться с Вами я мечтаю весною, бирюзовой
весною...
Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу, если
сердце вдруг спросит,

Если сердце простонет: “Грезишь мраком зеленым?
грезишь глушью лесною?”

До весны мы в разлуке. Повидаться не можем.
Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре. Разве
только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно. Но зато –
осиянным
И брильянтовым взором обменяться успеем... – как и
словом в конверте...

Вы всегда под охраной. Вы всегда под надзором. Вы
всегда под опекой.
Это все для ребенка... Это все для ребенка... Это все
для ребенка...
Я в Вас вижу подругу. Я в Вас женщину вижу. Вижу
в Вас человека.
И мне дорог Ваш крестик, – как и Ваша слезинка, как и
Ваша гребенка...

Октябрь 1911

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СОНАТА*

О, милая! как я печалюсь... О, милая! как я тоскую...
Мне хочется тебя увидеть – печальную и голубую...
Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая...
Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая...
Я чувствую, как угасаю, и близится мое молчанье...
Я чувствую, что скоро-скоро окончится мое страданье...
Но, Господи! с какою скорбью забуду я свое мученье...
Но, Господи! с какою болью познаю я свое забвенье...
Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть безнадежно,
Чем мертвому, в немом безгрезьи, покоиться
бесстрастно-нежно...

О, призраки надежды странной, – и сладостной,
и страстно-больной!
О, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной!
Не надо же тебя мне видеть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мне слышать, печальная и голубая...
Ах, встречею боюсь рассеять желанное свое страданье:
Увидимся – оно исчезнет; чудесное – лишь в ожиданьи...
Но все-таки свиданье лучше, чем вечное к нему стремленье...
Но все-таки биенье мига – прекраснее веков забвенья!..

Октябрь 1911

ЕЕ МОНОЛОГ*

Не может быть, вы лжете мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда, в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгут бесценные дары:
Жжет молния надменные вершины,
Поэт – из *перлов* бурные костры,
И фабрикант – дубравы для машины;

Бесчувственные люди жгут сердца,
Забывшие для них про все на свете;
Разбойник жжет святилище дворца,
Гордящегося пиршеством столетий;

И гении сжигают мощь свою
На алкоголе – символе бессилья...
Но письма сжечь, – где я тебе пою
Свою любовь! где распускаю крылья!

Их сжечь нельзя – как вечной красоты!
Их сжечь нельзя – как солнечного неба!
В них отзвуки Эдема и Эреба...
Не может быть! вы лжете мне, мечты!

Июнь 1909
Мыза "Ивановка"

NOCTURNE*

Я сидел на балконе, против заспанного парка,
И смотрел на ограду из подстриженных ветвей.
Мимо шел поселянин в рыжей шляпе из поярка,
Вдалеке заливался невидимка-соловей.

Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья.
В парке девушки пели, – без лица и без фигур;
Точно маки сплетали новобрачной королеве,
Точно встретился с ними коробейник-балагур...

Может быть, это хоры позабывшихся монахинь?..
Может быть, это нимфы обездоленных прудов?..
Столько мук нестерпимых, целомудренных и ранних,
И щемящего смеха опозоренных родов...

Июнь 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

КАНОН СВ. ИОСАФУ*

Я сердце свое захотел обмануть,
А сердце меня обмануло.

К. Фофанов

“Цветы любви и веры разбросав,
Молю Тебя, Святитель Иосаф:
Посей в душе благие семена,
Дай веру мне в златые времена!”

Так пред Твоей иконой всеблагой
Молился я и набожной рукой
Не раз творил интуитивный крест.
И слышал я, как вздрагивал окрест.

Все, все, о чем Тебя я попросил,
Исполнил Ты. Я жарко оросил
Свои глаза и, к образу припав,
Пою Тебя, Святитель Иосаф!

Октябрь 1911

НЕ ЗАВИДУЙ ДРУГУ

Не завидуй другу, если друг богаче,
Если он красивей, если он умней.
Пусть его достатки, пусть его удачи
У твоих сандалий не сотрут ремней...

Двигайся бодрее по своей дороге,
Улыбайся шире от его удач:
Может быть, блаженство – на твоем пороге,
А его, быть может, ждет нужда и плач.

Плачь его слезою, смейся шумным смехом!
Чувствуй полным сердцем вдоль и поперек!
Не препятствуй другу ликовать успехом:
Это – преступленье! Это – сверхпорок!

Ноябрь 1909

ПИСЬМО ИЗ УСАДЬБЫ*

В мои мечты неизреченные
Вплелась вечерняя печаль.

Мирра Лохвицкая

Вчера читала я, – Тургенев
Меня опять зачаровал.
Закатный запад был сиренев
И, все в грядущем обесценив,
Меня к былому призывал.
Шел тихий снег; вдали долины
Снежели, точно полотно;
Глядели голые малины
В мое любимое окно.
Всегда все то же, все одно...
Мне запечалилось. Я вышла
В холодный омертвелый сад, –
Он был от снега полосат.
Пошла к каретнику; на дышло
Облокотилась, постояв
Минуты две; потом я в сани
Присела мягко, крикнув Сане

Свезти к реке меня. Твоя
В то время я была, мой нежный,
Тобой дышала в этот миг!
А потому я напрямик,
Окружена природой снежной,
К тебе стремилася в мечте...
(Вы, эти, тут, – далече те!..) –
Мои мечты... О, знаешь их ты, –
Они неясны, как намек...
Их понимают только пихты,
А человеку невдомек...
Но ты не думай: я не буду
Былого трогать, – где та кисть,
Чтоб передать мою корысть
К минувшим дням? Кто верит в Будду,
Тому не нужен Магомет.
Как миру страшен хвост комет,
Так мне – столица: ведь концерты
Тебя от поля отвлекли,
И уж давно твои конверты
Я не вскрываю... Заколи!
Замучь меня! повесь! – но дай мне
Хотя два слова о себе.
Как в алфавите "а" и "б",
Так мы с тобою в нашей тайне.
Я так люблю свои поля,
Свои игольчатые рощи.
Что может быть милей и проще
Усадьбы нашей? Жизнь паля,
Как хворост, в шелковых салонах,
Я так измучилась, я так
Истосковалась... За "пятак"
Я не купила б опаленных
Столичных душ с их пустотой,
Задрапированной мишурно.
А здесь-то, здесь-то! Как лазурно
Сияет небо; простотой
Здесь веет воздух. Посмотрел бы,
Как я похорошела тут!
Как розы алые, цветут
Мои ланиты, – это вербы
Рождают розы на лице!..

Приди ко мне, забудь столицу, –
Я быль даю за небылицу,
Начало чувствую в конце...
Не бойся "скуки деревенской",
Предай забвенью мишуру!
С твоей душой, душой вселенской,
Не место там, – "не ко двору"
Пришелся ты; ты только вникни,
Приди ко мне, ко мне приникни
И позабудься на груди,
Тобой трепещущей... Приди!..

Декабрь 1910

ПОЭЗА О КАРАМЗИНЕ*

Известно ль тем, кто, вместо нарда,
Кадит мне гарный дым бревна,
Что в жилах северного барда
Струится кровь Карамзина?

И вовсе жребий мой не горек!..
Я верю, доблестный мой дед,
Что я – в поэзии историк,
Как ты – в истории поэт!

Февраль 1912

35. ЭПИЛОГ "ЭГО-ФУТУРИЗМ"

I

Я, гений Игорь-Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкранен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязэта к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорил Литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

Я – год назад – сказал: “я буду”.
Год отсверкал, и вот – я есть!
Я зрил в Олимпове Иуду,
Но не его отверг, а – месть.

Я одинок в своей задаче! –
Прозренно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо. Но сила,
Моя единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

Она росла, в своем единстве
Самодержавна и горда, –
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатёр орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече – заноза:
Зане болезнен беглый взлет.

Я их приветил: я умею
Приветить всё, – божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змею!
Змея! Обвей орла в ответ!

II

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.

Но даровав толпе холопов
Значенье собственного “я”,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор – стезя моя.

Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые долы,
Презрев ошеломленный *Рим*.

Я изнемог от льстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накаплен мой бокал.

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в Примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий – говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

24-го октября 1912. Полдень

35а. ЭЛЕГАНТНЫЕ МОДЕЛИ

ЖЕНСКАЯ ДУША

(*BERCEUSE*)

Что такое – девичья душа?
Это – тайна. Тайна хороша.
Я дышу. Дышу я, не дыша.
Убаюкай, девичья душа!

Мало для души одной души, –
Души дев различно хороши.
После бури хочется тиши.
Мало для меня одной души!

Околдован каждою душой.
Пусть чужая будет не чужой.
...Спят цветы под первой порошóй...
Очарован новою душой.

Что такое – женская душа?
Я не знаю, – только хороша...
Я ее вздыхаю, не дыша...
Убаюкай, женская душа!..

Я ГОСТИЛ В ТВОЕМ СЕРДЕЧКЕ...

Я гостил в твоем сердечке
Только миг.
Это было возле речки,
Где тростник.
Ты в душе моей – как дома.
Навсегда!
И разрушит те хоромы
Кто? Когда?

СОНМЫ ВЕСЕННИЕ...

Сонные сонмы сомнамбул весны
Санно манят в осиянные сны.

Четко ночами рокочут ручьи.
Звучные речи ручья горячи.

Плачут сирени под лунный рефрэн.
Очи хохочут песчаных сирен.

Лунные плены былинной волны.
Сонные сонмы весенней луны.

ЛЮБИТЬ ЕДИНСТВЕННО...*

Любить пленительно одну и ту же,
В полузабвении молить: “приди!
Пригубь уста мои, пригубь! и туже
  Озёра страсти запруди!”

И бронзой верности грудь окандалив,
Ручьиться шелестно в извивах душ;
И сочным вечером, когда он палев,
  Быть каждой женщине, как муж.

Сметь смело чувствовать и труд пчелиный
Светло опринципить в своем уме:
То сок из ландыша, то из малины
  И в поцелуе, и в письме.

Пускай же милая твоя не тужит
И не устраивает слезоём:
Любить единственно одну и ту же –
  Не надо вечно быть вдвоем!

Июль 1912
ст. Веймарн, мыза “Пустомержа”

БУДЬ СПОКОЙНА...

Будь спокойна, моя деликатная,
Робко любящая и любимая:
Ты ведь осень моя ароматная,
Нежно-грустная, необходимая...

Лишь в тебе нахожу исцеление
Для души моей обесвопросенной
И весною своею осеннею
Приникаю к твоей вешней осени...

Дылицы

В ОЧАРОВАНЬИ*

Быть может оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может оттого я так хочу всегда

С тобою вместе быть; когда, смеясь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты – вся нега, вся – гроза,
Вся – молодость, вся – страсть; и чувства без названья
Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя – боязнь моя безмерна…
И ты, меня поняв, в тревоге, головой
Прекрасною своей вдруг поникаешь нервно, –
И вот другая ты: вся – осень, вся – покой…

Июнь 1912
ст. Елизаветино, село Дылицы

В ПЯТИ ВЕРСТАХ ПО ПОЛОТНУ…*

Весело, весело сердцу! звонко, душа, освирелься! –
Прогрохотал искромётно и эластично экспресс.
Я загорелся восторгом! я загляделся на рельсы! –
Дама в окне улыбалась, дама смотрела на лес.

Ручкой меня целовала. Поздно! – но как же тут “раньше”?..
Эти глаза… вы – фиалки! эти глаза… вы – огни!
Солнце, закатное солнце! твой дирижабль оранжев!
Сяду в него, – повинуйся, поезд любви обгони!

Кто и куда? – не ответит. Если и хочет, не может.
И не догнать, и не встретить. Грёза – сердечная моль.
Всё, что находит, теряет сердце мое… Боже, Боже!
Призрачный промельк экспресса дал мне чаруйную боль.

Май 1912
Варш⟨авская⟩ ж.д.

ПОЛОНЕЗ “БРАВУРА”

Расцвел камин костром пунцовым,
    Расцвел костром!
Целую долго я лицо Вам,
    Под серебром!
Вы пунцовеете, маркиза,
    Цветком костра.

Изящна грёзовость эскиза
    И так остра.
Хотите спелого дюшеса,
    Как Ваша грудь?
Люби поэта, поэтесса,
    И строфы сгрудь!
Подайте, нимфы и сирены,
    Вина, вина! –
Светлей, под винные рефрэны,
    Волшба звена.
Бряцайте, грёзовые звенья,
    Сплетаясь в цепь!
Пылайте, красные поленья,
    Как лес, как степь!
Беги, испытанный прозаик,
    В провалы ниш:
Ты не поймешь души мозаик
    И осквернишь!
Целую страстно я лицо Вам, –
    Гроза и гром!
Расцвел камин костром пунцовым,
    Расцвел костром!

ПЕСЕНКА-ВЕ́СЕНКА

Итак, Вы снова в “Дылицы”?
Ну, что же, в добрый час.
Счастливица! счастливица! –
Я радуюсь за Вас!
    Запасшись всякой всячиной,
    Садитесь Вы в купэ,
    Забыв уже за Гатчиной
    О шуме и толпе.
И сердце, вновь олетено,
Кипит, как Редерер…
И вот – Елизаветино!
И вот – дебаркадер!
    Вдали столичной пошлости
    Сияя так светло,
    На рослой серой лошади
    Вы едете в село.

Ужé кивает мельница
Вам ласковый привет.
Вы снова – карусельница,
Ребенок и поэт!
        У дачи бродит курочка,
        И рядом с ней петух…
        Ликует шумно Шурочка
        Среди веселых рюх…
Поймать стараясь зяблика,
Шалун бежит к лесам;
Я узнаю в нем Дьяблика,
Который – зяблик сам…
        Вам сердце окудесила
        Проказница-Весна:
        Бежите в поле весело –
        Одна! одна! одна!
Впивая радость рьяную,
Бросаетесь в траву,
Снегуркою-Лианою
Мечтаю наяву.
        Как сладко этой девочке
        Шепнуть: “тоске капут...”
        А в парке пляшут белочки,
        И ландыши цветут!

Пускай же сердце выльется
В бокал любви полней!
О “Дылицы”! О “Дылицы”! –
Страна Мечты моей!

Апрель 1912
С.-Петербург

МЕЛЬНИЦА И БАРЫШНЯ**

Постарела труженица-мельница,
На горе стоит, как богодельница;
Под горою барышня-бездельница
Целый день заводит граммофон
На балконе дачи, – скучно барышне:
Надоел в саду густой боярышник,
А в гостиной бронза и плафон.

Я смотрю, вооруженный... лупою:
Граммофон трубой своею глупою
Голосит, вульгаря и хрипя,
Что-то нудно-пошлое; а дачница
В чем другом, но в пошлости удачница,
Ерзает на стуле, им скрипя...
Крылья дряхлой мельницы поломаны,
Но дрожат в обиде, внемля гомону
Механизма, прочного до ужаса,
И пластинкам, точным до тоски...
Ветра ждет заброшенная мельница,
Чтоб рвануться с места и, обрушася,
Раздавить ту дачу, где бездельница
С нервами березовой доски...

От жары и "музыки" удар меня,
Я боюсь, вдруг хватит, и – увы!..
Уваженье к мельнице, сударыня,
Здесь она хозяйка, а не вы!

Июнь 1911
ст. Елизаветино, село Дылицы

БОРОНАТ

МАДРИГАЛ

(СОНЕТНЫЙ ВАРИАНТ)

В оперных театрах сказочных планет,
Там, где все палаццо из пластов базальта,
Там, где веет воздух бархатом контральто, –
Лучшего сопрано, чем Ржевусска, нет.
И когда графиня, наведя лорнет,
Нежит соловьисто, зал колоратурой
И со строго-мерной светскою бравурой
Ре́звится по сцене в снежном парике, –
Точно одуванчик, пляшущий в реке,
Точно кризантэма в трепетной руке, –
Сколько восхищенья всюду: справа, слева!
Блещут от восторга серьги у гетер...
– Да, это – графиня, – говорит партер,
А балкон щебечет: "Это королева!.."

НА СМЕРТЬ МАССНЭ*

Я прикажу оркестру, где-нибудь в людном месте,
В память Масснэ исполнить выпуклые попурри
Из грациоз его же. Слушайте, капельмейстер:
Будьте построже с темпом для партитуры-"козри́"!

Принцем Изящной Ноты умер седой композитор:
Автор "Таис" учился у Амбруаза Тома,
А прославитель Гёте, – как вы мне там ни грозите, –
Это – король мелодий! Это – изящность сама!

Хитрая Смерть ошиблась и оказалась не хитрой, –
Умер Масснэ, но "умер" тут прозвучало как "жив".
Палочку вверх, маэстро! Вы, господа, за пюпитры! –
Мертвый живых озвучит, в творчество душу вложив!

Август 1912
ст. Веймарн, мыза "Пустомержа"

И РЫЖИК, И ЛАНДЫШ, И СЛИВА

ФАНТАЗЕТТА

1

Природа всегда молчалива,
Ее красота в немоте.
И рыжик, и ландыш, и слива
Безмолвно стремятся к мечте.
Их губят то птицы, то черви,
То люди их губят, но злак
Лазурит спокойствие в нерве,
Не зная словесных клоак.
Как жили бы люди красиво,
Какой бы светились мечтой,
Когда бы (скажу для курсива):
Их Бог одарил немотой.
Безмолвие только стыдливо,
Стыдливость близка Красоте.
Природа всегда молчалива,
И счастье ее – в немоте.

2

Постой… Что чирикает чижик,
Летящий над зрелым овсом? –
И слива, и ландыш, и рыжик
Всегда и везде, и во всем:
И в осах, и в синих стрекозах,
И в реках, и в травах, и в пнях,
И в сочно-пасущихся козах,
И в борзо-бегущих конях;
И в зареве грядковых ягод,
И в нимфах заклятых прудов,
В палитре сияющих радуг,
И в дымных домах городов.
Природа всегда бессловесна,
И звуки ее – не слова.
Деревьям, поверь, неизвестно –
Чем грезит и дышит трава.
Мечтанья алеющих ягод
Неясны пчеле и грибам.
Мгновенье им кажется зá год;
Всё в мире приходит к гробам.

3

Я слышу, над зарослью речек,
Где ночь – бирюзы голубей,
Как внемлет ажурный кузнечик
Словам голубых голубей:
“И рыжик, и слива, и ландыш
Безмолвно стремятся к мечте.
Им миг ослепительный дан лишь,
Проходит их жизнь в немоте.
Но слушай! в природе есть громы
И бури, и штормы, и дождь.
Вторгаются вихри в хоромы
Спокойно мечтающих рощ,
И губят, и душат былинки,
Листву, насекомых, цветы,
Срывая с цветов пелеринки,
Но мы беззаботны, как ты.
Мы все, будет время, погибнем, –
Закон изменения форм.
Пусть гимну ответствует гимном

Нам злом угрожающий шторм.
Она справедлива – стихия –
Умрет, что должно умереть.
Налёты ее огневые
Повсюду: и в прошлом, и впредь.
Восславим грозовые вихри:
Миры освежает гроза.
И если б стихии затихли,
Бог, в горе, закрыл бы глаза.
Но помни: Бессмертное – живо!
Стремись к величавой мечте!
Величье всегда молчаливо
И сила его – в немоте!"

Дылицы

ГЕРОИЗА*

Мне улыбалась Красота,
Как фавориту-аполлонцу, –
И я решил подняться к Солнцу,
Чтоб целовать его уста!
Вознес меня аэроплан
В моря расплавленного злата,
Но там ждала меня расплата:
Голубоперый мой палан
Испепелён, как деревянный
Машинно-крылый истукан,
А я за дерзновенный план,
Под гром и грохот барабанный,
Был возвращен Земле жеманной –
Живым и смелым. Ураган
Взревел над миром, и ... я, странный,
Весь от позора бездыханный,
Вином наполнил свой стакан,
Ища в нем черного безгрёзья
От вдохновения и грёз...
И что же?! – в соке сжатых гроздий
Сверкал мне тот же Гелиос!
И в белом бешенстве ледя́ном,
Я заменял стакан стаканом,
Глотая Солнце каждый раз!..

А Солнце в пламенном бесстрастьи,
Как неба вдохновенный глаз,
Лучи бросало, точно снасти,
И презирало мой экстаз!..

...Ищу чудесное кольцо,
Чтоб окрылиться аполлонцу, –
И позабывшемуся Солнцу
Надменно плюну я в лицо!

АГАСФЕРУ МОРЕЙ*

Вижу, капитан "Скитальца-Моряка",
    Вечный странник,
Вижу, как твоя направлена рука
    На "Titanic"...

Знаю, капитан немого корабля,
    Мститель-призрак,
Знаю, что со дня, как выгнала земля,
    Буре близок...

Верю, капитан "Голландца-Летуна"
    Враг боязни,
Верю, для тебя – пустить корабль до дна –
    Страстный праздник...

Злобный хохот твой грохочет в глубине
    Окаянно:
Все теперь – твое, лежащее на дне
    Океана...

Рыбам отдаешь – зачем трофей тебе?! –
    Всё – для пищи...
Руку, капитан, товарищ по судьбе,
    Мой дружище!

1912

ЛИРОБАСНЯ**

Бело филовеет шорох колокольчий –
    Веселится лесоветр.
Мы проходим полем, мило полумолча,
    На твоей головке – фетр,
А на теле шелк зеленый, и – босая.
Обрываешь тихо листик и, бросая
    Мелкие кусочки,
Смеешься, осолнечив лоб.
...Стада голубых антилоп
    Покрыли травы, покрыли кочки...
Но дьяконья падчерица,
Изгибаясь, как ящерица,
    Нарушает иллюзию...
    Какое беззаконье!
– Если хочешь в Андалузию,
Не езди в Пошехонье...

———

Улыбаясь, мы идем на рельсы;
    Телеграфная проволока
    Загудела;
Грозовеет облако, –
    К буре – дело.

———

– Попробуй тут, рассвирелься!..

1911

НА РЕКЕ ФОРЕЛЕВОЙ*

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не расстреливай:
Благостны осенние отблески вечерние
В северной губернии, на реке форелевой.

На реке форелевой в трепетной осиновке
Хорошо мечтается над крутыми вёслами.
Вечереет холодно. Зябко спят малиновки.
Скачет лодка скользкая камышами рослыми.

На отложье берега лён расцвел мимозами,
А форели шустрятся в речке грациозами.

ЭГОПОЛОНЕЗ

Живи, Живое! Под солнца бубны
Смелее, люди, в свой полонез!
Как плодоносны, как златотрубны
Снопы ржаные моих поэз!

В них водопадят Любовь и Нега,
И Наслажденье, и Красота!
Все жертвы мира во имя Эго!
Живи, Живое! – поют уста.

Во всей вселенной нас только двое,
И эти двое – всегда одно:
Я и Желанье! Живи, Живое! –
Тебе бессмертье предрешено!

1912
Веймарн

ГРАЦИОЗА**

Дмитрию Крючкову

Я нежно хотел бы уснуть,
    Уснуть, – не проснуться…
Далёко-далёко уйти,
    Уйти, – не вернуться…

Хотел бы ее целовать,
    Почти не целуя:
Словами, ведь, грубо сказать,
    Как тонко люблю я…

Не страсти хочу, не огня,
    А боли слиянья,
Чтоб телом к ней в тело войти,
    Войти для страданья...

Хочу я не тела ее,
    Но лишь через тело
Прочувствовать душу могу
    Всецело…

ХАБАНЕРЕТТА

Наликерьте сердца! орокфорьте мечты!
    Всех зовите на "ты"!
Пейте уст алькермес! ешьте девий дюшес! –
    Чтоб рассудок исчез…
Ало жальте уста! и вонзайте кинжал,
    Чтобы бюст задрожал!..

РОНДЕЛИ**

От солнца я веду свой древний род!
Мирра Лохвицкая

"От Солнца я веду свой род!" –
Сказала доблестная Саба.
В краю банана, змей и краба
Жил впечатлительный народ.
Царь слов обратно не берет,
Когда звучат слова не слабо…
"От Солнца я веду свой род!" –
Сказала доблестная Саба.
Всегда венец! всегда вперед! –
Вот лозунг знойного араба.
Но в небе грянула гроза бы,
Когда бы смел воскликнуть "крот":
– От Солнца я веду свой род!

1911

КАНОН СВ. ИОАСАФУ (см. с. 545)

II. ТЕОРИЯ ВЕРСИФИКАЦИИ

СТИЛИСТИКА ПОЭТИКИ

ВВЕДЕНИЕ

1. СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Русскому языку – языку с подвижным ударением – свойственно стихосложение тоническое: в этом языке слова имеют ударения на разных слогах.

Всего же имеется три рода стихосложения: 1) тоническое, 2) метрическое (долгие и короткие гласные), 3) силлабическое (ударение во всех словах на определенном слоге).

2. СТИХ

Каждая стихотворная строка называется стихом. Каждое стихотворение состоит из известного, – крайне разнообразного, – количества стихов. Стихотворение имеет и другие наименования: пиеса (не путать с пьесой!), поэза и просто стихи. Кроме того, есть стихотворения специального характера, как элегия, стансы и пр. Есть и стихи, заключенные в специальную форму, как сонет, рондо и пр.

Каждый стих делится на стопы, т.е. логические деления.

Кода – придаток (две коды рядом быть не могут).

Стопы бывают 2-сложными, 2-сложными с кодами, 3-сложными и 3-сложными с кодами.

Видов 2-сложных стоп бывает только два: хорей и ямб. Видов 3-сложных стоп бывает только три: дактиль, амфибрахий и анапест.

Цезура есть логический разрез стиха или естественный перерыв в стихе:
Заглянула в глаза, молча руку свою подала.

3. МЕТОДЫ РАСКЛАДКИ СТИХА НА СТОПЫ

При раскладке стиха на стопы мы будем придерживаться следующих трех основных правил: 1) стараться получать размеры в чистом виде, т.е. одного наименования. 2) Если это не уда-

ется и получается якобы смешанный размер, нужно пробовать достигать одного наименования при помощи внутренних код в одну или две трети, поставленных перед цезурой, а иногда и на конце. 3) Размеры, не поддающиеся, даже при помощи внутренних и концевых код, рассмотрению как одноименные, считаются нами смешанными или сложными.

ХОРЕЙ

Хореем называется 2-сложная стопа с ударением на первом слоге.

Хорей 1-ст.:

Но́-чи
Жа́р-ки,
О́-чи
Я́р-ки.

Хорей 1-стопный с кодою равен 1-стопному дактилю или 1-стопному анапесту. В первом случае, когда слова 3-сложные с ударением на 1-м слоге; во втором случае, когда слова разносложные или 3-сложные с ударением на 3-м слоге:

Хорей 1-ст. с кодою:

Ра́-до/сти
Сне́ж-ны/е,
Сла́-до/сти
Не́ж-ны/е.

1-ст. дактиль:

Ра́-до-сти
Сне́ж-ны-е,
Сла́-до-сти
Не́ж-ны-е.

Хорей 1-ст. с кодою:

В э́-тот/день
Ты́-со/мной.
Пла́щ-на/день
Го́-лу/бой.

1-ст. анапест:

В э-тот-де́нь
Ты-со мно́й.
Плащ-на-де́нь
Го-лу-бо́й.

Так как всегда предпочтенье размеру без коды, из приведенных примеров явствует, что сначала из хорея с кодою мы получили дактиль, а во втором случае – анапест.

Хорей 2-ст.:

Кто́-тре/во́-жит
Но́чь-сле/пу́-ю?
Го́-ре/гло́-жет
Гру́дь-боль/ну́-ю.

Хорей 2-ст. с кодою:

Что́-ты, / ти́-хий / лес.

Хорей 3-ст.:

Кто́-то / ти́-хо / пла́-кал.

Хорей 3-ст. с кодою:

Лю́-бит / при́з-рач/ны́-е / сны.

Хорей 4-ст.:

Э́-то / бы́-ло / та́к-не/да́в-но.

Хорей 4-ст. с кодою:

Ты́-приш/ла́-со / мно́-ю / по́-гру/стить.

Хорей 5-ст.:

В бе́-лой / ло́д-ке / с си́-ни/ми́-бор/та́-ми.

Хорей 5-ст. с кодою:

Кру́-же/ве́-ет / ро́-зо/ве́-ет / у́т-ром / лес.

Хорей 6-ст.:

На́-ве/ва́-ли / сму́ть-бы/ло́-го / о́-ка/ри́-ны.

Хорей 6-ст. с кодою:

Мы́-встре/ча́-ли / э́-ту / зи́-му / на́-боль/шо́й-го/ре.

Хорей 7-ст.:

Мы́-встре/ча́-ли / э́-ту / зи́-му / на́-боль/шо́й-по/ля́-не.

Хорей 7-ст. с кодою:

Мы́-встре/ча́-ли / э́-ту / зи́-му / на́-сво/е́й-по/ля́-ноч/ке.

Хорей 8-ст.:

За́-ша/ли́-ла / за́-гу/ля́-ла / по́-де/ре́в-не / мо́-ло/ду́-ха.

ЯМБ

Ямбом называется 2-сложная стопа с ударением на втором слоге.

Ямб 1-ст.:

Прош-ла́
Си-ре́нь.
И-мгла́,
И-ле́нь.

Ямб 1-стопный с кодою, собственно, не существует, так как он равен 1-стопному амфибрахию в чистом виде без коды, обозначение же размера преимущественно без коды:

Ямб 1-ст. с кодою:

Си-я́нь/е
На-мо́/ре.
Же-ла́нь/е
Во-взо́/ре.

1-ст. амфибрахий:

Си-я́нь-е
На-мо́-ре.
Же-ла́нь-е
Во-взо́-ре.

Ямб 2-ст.:

Бы-ла́ / вес-на́
Си-ре́нь / цве-ла́,
И-да́ль / яс-на́,
Яс-на́ / бы-ла́.

Ямб. 2-ст. с кодою:

Се-го́д/ня-но́чь/ю
Лу-на́ / си-я́/ла
И-сре́/до-то́чь/ю
О-на / ме-ша́/ла.

Ямб 3-ст.:

Звез-да́ / го-ри́т / звез-да́.

Ямб 3-ст. с кодою:

В тра-ве́ / бле-сти́т / ро-си́н / ка.

Ямб 4-ст.:

Весь-го́/род-со́лн/цем-о́/слеп-ле́н.

Ямб 4-ст. с кодою:

Ве-се́н/ний-де́нь / го-ря́ч / и-зо́/лот.

Ямб 5-ст.:

По-ве́/че-ра́м / гра-фи́/нин-фа́/э-то́н.

Ямб 5-ст. с кодою:

Мо-гли́ / бы-вы́ / за-ме́/тить-у́ / кур-за́/ла.

Ямб 6-ст. (Александрийский романтический стих):

Ве-се́н/ней-я́б/ло-ни́ / в не-та́/ю-ще́м / сне-гу́.

Ямб 6-ст. с кодою (Александрийский стих):

Мы-по́з/на-ко́/ми-ли́сь / с ней-в о́/пе-ре́ / в то-вре́-мя.

Ямб 7-ст.:

О-на́ / при-е́/ха-ла́ / в вось-мо́м / ча-су́ / у-ста́/ла-я́.

Ямб 8-ст.:

О-на́ / при-е́/ха-ла́ / ко-мне́ / в вось-мо́м / ча-су́ / у-ста́/ла-я́.

Ямб 9-ст.:

В ша-лэ́ / бе-ре́/зо-во́м / сов-се́м / и-гру́/шеч-но́м / и-ко́м/фор-та́/бель-но́м.

Ямб 10-ст.:

И-ты́ / шел-с же́н/щи-но́й. / Не-о́т/ре-ки́сь. / Я-все́ / за-ме́/ти-ла́. / Не-го́/во-ри́.

ДАКТИЛЬ

Дактилем называется 3-сложная стопа с ударением на первом слоге.

Дактиль 1-ст.:

Ра́-до-сти
Сне́ж-ны-е.
Сла́-до-сти
Не́ж-ны-е.

Дактиль 1-ст. с кодою в 1 треть:

Ла́с-ко-вый / сон
Ду́-шу-объ/ял.
И́-а-не/мон
Бла́-го-у/хал.

Дактиль 1-ст. с кодою в 2 трети (хореической):

Ти́-ха-я / неж-ность,
Ми́-ла-я / ю-ность.

Дактиль 2-ст.:

Но́-чи-бе/зу́м-ны-е.

Дактиль 2-ст. с кодою в 1 треть:

Ла́с-ко-во / вы́ш-ла-встре/чать.

Дактиль 2-ст. с кодою в 2 трети:

Ла́с-ко-во /вы́ш-ла-на/встре-чу.

Дактиль 3-ст.:

По́м-нишь-ли / о́-зе-ро / си́-не-е.

Дактиль 3-ст. с кодою в 1 треть:

По́м-нишь-ли / о́-зе-ро / си́-не-е / ты.

Дактиль 3-ст. с кодою в 2 трети:

Пóм-нишь-ли / ó-зе-ро / сú-не-е / неж-но.

Дактиль 4-ст.:

Лú-пы-ду/шú-стой-цве/ты́-рас-пус/кá-ют-ся.

Дактиль 4-ст. с кодою в 1 треть:

Лú-пы-ду/шú-стой-цве/ты́-рас-пус/кá-ют-ся /там.

Дактиль 4-ст. с кодою в 2 трети:

Лú-пы-ду/шú-стой-цве/ты́-рас-пус/кá-ют-ся / ти-хо.

Дактиль 5-ст.:

Бы́-ло ль-ког/дá-ни-будь / э́-то-иль / мó-жет-быть / нé-бы-ло.

Дактиль 5-ст. с кодою в 1 треть:

Бы́-ло ль-ког/дá-ни-будь / э́-то-иль / мó-жет-быть / нé-бы-ло / то.

Дактиль 5-ст. с кодою в 2 трети (Гекзаметр):

Бы́-ло ль-ког/да-ни-будь / э́-то-иль / мó-жет-быть / нé-бы-ло / вов-се.

Дактиль 6-ст.:

Встрé-ти-лись / ýт-ром-мы / кáк-то-рас/стá-ли-сь мы / к вé-че-ру, / мú-ла-я.

Дактиль 6-ст. с кодою в 1 треть:

Встрé-ти-лись / ýт-ром-мы / кáк-то-рас/стá-ли-сь мы / к вé-че-ру, / мú-ла-я / дочь.

Дактиль 6-ст. с кодою в 2 трети:

Встрé-ти-лись / ýт-ром-мы / кáк-то-рас/стá-ли-сь мы /к вé-че-ру, / мú-ла-я / доч-ка.

Дактиль 7-ст.:

Встрé-ти-лись / ýт-ром-мы / кáк-то-рас/стá-ли-сь мы / к вé-че-ру, / мú-ла-я / дé-воч-ка.

АМФИБРАХИЙ

Амфибрахием называется 3-сложная стопа с ударением на 2-м слоге.

Амфибрахий 1-ст.:

Си-я́-нье
На-мó-ре.
Же-лáнь-е
Во-взó-ре.

Амфибрахий 1-стопный с кодою в 1 треть не существует, так как он равен 2-стопному ямбу без коды:

Амфибрахий 1-ст. с кодою в 1 треть:	2-ст. ямб:
И-дéт-вес/на Ве-сé-ла/я.	И-дéт вес-нá Ве-сé/ла-я́.

Амфибрахий 1-ст. с кодою в 2 трети:

Мы-бы́-ли / в-ле-су
Весь-вé-чер / с-то-бой.

Амфибрахий 2-ст.:

Мы-бы́-ли / с то-бó-ю
Весь-вé-чер / в до-ли́-не.

Амфибрахий 2-ст. с кодою в 1 треть:

Смо-трé-ла / с у-лы́б-ко/ю.

Амфибрахий 2-ст. с кодою в 2 трети:

Смо-трé-ла / с у-лы́б-ко/ю-в даль.

Амфибрахий 3-ст.:

Блед-нéл-по/ме-рáн-це/вый-зá-пад.

Амфибрахий 3-ст. с кодою в 1 треть:

О-нá-при/хо-ди́-ла / ан-трáк-та/ми.

Амфибрахий 3-ст. с кодою в 2 трети:

У-мéль-ни/цы-дря́х-лой / за-кý-тан/ной в мох.

Амфибрахий 4-ст.:

За-бы́ть-ли / мне-рá-дость / ми-нýв-ших / сви-дá-ний.

Амфибрахий 4-ст. с кодою в 1 треть:

О-кáк-ты / и-зя́щ-на, / пре-лéст-на/я-дé-воч/ка.

Амфибрахий 4-ст. с кодою в 2 трети:

О-нá-при/ез-жá-ла / ко-мнé-в го/лу-бóм-тиль/бю-ри.

Амфибрахий 5-ст.:

И-снó-ва / на-дóл-го / зи-мá-седь/мой-рáз-за/сы-пá-ла.

Амфибрахий 5-ст. с кодою в 1 треть:

Я-по́м-ню / си-я́нь-е / хо-ло́д-но/го-ти́-хо/го-ве́-че/ра.

Амфибрахий 5-ст. с кодою в 2 трети:

При-е́-ха/ла-но́чь-ю, / ког-да́-все / зас-ну́-ли / в ста-ри́н-ном / двор-це.

Амфибрахий 6-ст.:

Как-па́х-ли / фи-а́л-ки / над-си́-ней / ре-ко́-ю / в тот-па́-мят/ный-ве́-чер.

Амфибрахий 6-ст. с кодою в 1 треть:

Нам-бы́-ло / так-ве́-се/ло-бе́-гать / по-ро́-ще / где-све́т-лы/е-ла́н-ды/ши.

Амфибрахий 6-ст. с кодою в 2 трети:

А-ты́-на/сме-ха́-лась / над-стра́-стью / и-не́ж-ность/ю-и́-скрен/ни́х-ю-ных / сти-хов.

Амфибрахий 7 ст.:

Вес-на́-от/цве-та́-ла / в ча-ру́-ю/щей-ро́с-ко/ши-зво́н-ко, / ду-ши́-сто / и-гру́-стно.

Амфибрахий 7-ст. с кодою в 1 треть:

О-на́-ра/зу-чи́-ла / под-о́-сень / труд-не́й-шу/ю-по́-тес/си-ту́-ре / О-фе́-ли-ю.

Амфибрахий 7-ст. с кодою в 2 трети:

Ты-пла́-ка/ла-до́л/го, / му-чи́-тель/но-до́л-го, / и-сле́-зы / те-кли́-бес/ко-не́ч-но / тво-и.

Амфибрахий 8 ст.:

Ког-да́-я / подъ-е́-хал / в ту-но́чь-к Лис/са-бо́-ну, / мне-се́рд-це / ска-за-ло, / что-встре́-чусь / с то-бо́-ю.

АНАПЕСТ

Анапестом называется 3-сложная стопа с ударением на 3-м слоге.

Анапест 1-ст.:

Со-ло-ве́й
Над-ре-ко́й
Пел-о-не́й
В час-ноч-но́й.

Анапест 1-стопный с кодою в 1 треть фактически не существует, так как он легко заменяется бескодным 2-ст. хореем:

Анапест 1-ст. с кодою в 1 треть:

Зем-ля-ни́/ка
На-при-го́р/ке.

2-ст. хорей:

Зе́м-ля/ни́-ка
На́-при/го́р-ке.

Анапест 1-ст. с кодою в 2 трети также фактически не существует, так как его можно заменить 2-ст. хореем с кодою и, следовательно, преимущество на стороне хорея: так как 1-сложная кода предпочтительнее 2-сложной:

Анапест 1-ст. с кодою в 2 трети:

У-по-и́/тель-но
Бы-ло-ра́/дост-но.

2-ст. хорей с кодою в 1 треть:

У́-по/и́-тель/но
Бы́-ло/ра́-дост/но.

Анапест 2-ст.:

Э-то-бы́/ло-дав-но́.

Анапест 2-ст. с кодою в 1 треть:

Э-то-бы́/ло-не-да́в/но.

Анапест 2-ст. с кодою в 2 трети:

В ти-хий-ве́/чер-над-о́/зе-ром.

Анапест 3-ст.:

Я-хо-те́л / бы-те-бе́ / рас-ска-за́ть.

Анапест 3-ст. с кодою в 1 треть:

Мы-с то-бо́й / по-встре-ча́/лись-слу-ча́й/но.

Анапест 3-ст. с кодою в 2 трети:

Э-то-бы́/ло-в тро-пи́/чес-кой-Ме́к/си-ке.

Анапест 4-ст.:

По-че-му́ / бы-те-бе́ / не-встре-ча́ть/ся-со-мно́й?

Анапест 4-ст. с кодою в 1 треть:

Ты-при-шла́ / в э-тот-де́нь / с о-поз-да́нь/ем-в ми-ну́/ту.

Анапест 4-ст. с кодою в 2 трети:

Сколь-ко-рá/дуж-ных-грéз / и-на-дéжд / рас-цве-тá/ю-щих.

Анапест 5-ст.:

Заг-ля-нý/ла-в гла-зá, / мол-ча-рý/ку-сво-ю́ / по-да-лá.

Анапест 5-ст. с кодою в 1 треть:

Э-то-бы́/ло-дав-нó / я-не-пóм/ню-ког-дá / э-то-бы́/ло.

Анапест 5-ст. с кодою в 2 трети:

Вам-лег-кó /о-суж-дáть, / а-по-прó/буй-те-всё /э-то-вы́/стра-дать.

РАЗМЕРЫ С КОДАМИ ВНУТРИ СТИХА

Размеры с кодами внутри стиха получаются следующим образом: два или три стиха какого-нибудь одного и того же размера выпрямляются в один стих.

Из двух стихов:

Дважды 3-ст. хорей с кодою:

Нá-ре/кé-фо/рé-ле/вой // в сé-вер/нóй-гу/бéр-ни/и.

Дважды 4-ст. хорей с кодою:

В á-ка/дé-ми/и́-по/э́-зи/и // в ó-зер/зáм-ке / бé-ло/мрá-мор/ном.

Дважды 2-ст. ямб с кодою:

Ку-дá / ни-взгля́/нешь, // по-всю́/ду-снéж/но.

2-ст. ямб с кодою + 3-ст. ямб с кодою:

Да-внó / ког-дá/то, // быть-мó/жет-э́/то-в ми́/фе.

2-ст. хорей с кодою + 5-ст. хорей:

Э́-то/кá-жет/ся, // и́-ли / э́-то / тáк- и в / сá-мом / дé-ле.

Дважды 3-ст. ямб. с кодою:

Ка-рéт/ка-кýр/ти-зáн/ки // в ко-ри́ч/не-вý/ю-лó/шадь.

Дважды 4-ст. ямб. с кодою:

О-ми́/ла-я́ / как-я́ / пе-чá/люсь // О-ми́/ла-я́ / как-я́ / тос-кý/ю.

Дважды 2-ст. дактиль с кодою в 2 трети:

Вé-се-ло / вé-се-ло / серд-цу // Звóн-ко-ду/шá-о-сви/рель-ся.

1-ст. амфибрахий с кодою в 2 трети плюс 2-ст. амфибрахий:

Из-му́-чен/жи-знью/ко-ва́р-ством/на-де́-жды.

А. Фет.

Дважды 2-ст. амфибрахий с кодою в 1 треть:

Шам-пан-ско/го-в ли́-ли/ю. Шам-пан-ско/го-в ли-ли/ю.

Дважды 2-ст. амфибрахий с кодою в 2 трети:

Раз-ни́-тив / клу-бо́к-во/стор-га // на-по́м-ни/ли-А́-ри/ад-ну.

Дважды 2-ст. анапест с кодою в 1 треть:

Э-то-бы́/ло-у-мо́/ря, // где-а-жу́р/на-я-пе́/на.

Дважды 2-ст. анапест с кодами в 2 трети первый и в 1 треть второй:

В бу-ду-а́/ре-тос-ку́/ю-щей // на-ру-мя́/нен-ной-Не́л/ли.

2-ст. анапест с кодою в 2 трети + 1-ст. анапест с кодою в 2 трети:

О-се-ню́ / се-бя-о́/сень-ю // в даль-ний-ле́с / уй-ду.

Из трех стихов (двухцезурные):

Трижды 2-ст. ямб. с кодою:

Вся-ра́/дость-в про́ш/лом // в та-ко́м / да-ле́/ком // и-бе́з/воз-вра́т/ном.

Трижды 2-ст. анапест с кодою в 1 треть:

Рас-пах-ни́/те-все-ра́/мы // у-ме-ня́ / на-тер-ра́/се // рас-пах-ни́/те-все-ра́/мы.

СМЕШАННЫЕ (СЛОЖНЫЕ) РАЗМЕРЫ

Стихи, исполненные смешанными размерами, почти всегда являются и з о б р е т е н ь я м и. Смешанными называются стихи, написанные разными размерами. Иногда один и тот же смешанный стих можно разложить по стопам различно. Однако при определеньи его рекомендуется пользоваться возможно наименьшим количеством наименований и стараться обходиться без код. Стих “Из лепестков цветущих розово-белых яблонь” можно рассматривать как 1-ст. дактиль + 2-ст. хорей + 1-ст. дактиль + 2-ст. хорей:

И́з-ле-пест/ко́в-цве/ту́-щих // ро́-зо-во/бе́-лых / я́-блонь

Или же как 1-ст. дактиль с кодою в 1 треть + 1-ст. амфибрахий + 1-ст. дактиль с кодою в 1 треть + 1-ст. амфибрахий:

И́з-ле-пест/ков / цве-ту́-щих // ро́-зо-во / бе / лых-я́-блонь.

Или же как 4-ст. ямб + 3-ст. хорей:

Из-ле́/пест-ко́в / цве-ту́/щих-ро́/зо́-во/бе́-лых / я́-блонь.

При первой раскладке хореи “ков-цве”/ и “ту-щих”, “бе-лых” и “я-блонь” можно было бы принять за дактилические коды в 2 трети каждая, но две коды никогда находиться рядом, естественно, не могут. Из этих трех раскладок преимущество на стороне первой, так как вторая при одинаковом количестве наименований как с первой, так и с третьей имеет коды, а третья имеет бо́льшее количество стоп.

2-ст. анапест с кодою в 1 треть + 4-ст. хорей:

Я-си-де́л / на-бал-ко́/не // про́-тив / за́-спан/но́-го / па́р-ка.

4-ст. ямб + 2-ст. анапест с кодою в 2 трети:

О-дна́ж/ды-о́/сень-ю́, / со-все́м // мо-на-сты́р/ско-ю-о́/сень-ю.

ГЕКЗАМЕТР

Гекзаметром называется смешанный стих, состоящий из 6 стоп, в котором 5 хореев и 1 дактиль или же 5 дактилей и 1 хорей, причем в обоих случаях 5-я стопа должна быть дактилической, а 6-я хореической.

Не́ж-но / пе́-ла / но́чь-ю / фе́-я / о́-зе-ра / Ко́н-зо.
Бы́-ло-ль ког / да́-ни-будь / э́-то-иль / мо́-жет-быть / не́-бы-ло / вов-се?

Второй пример при нашей упрощенной раскладке является не смешанным размером, а 5-ст. дактилем с кодою в 2 трети.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТИХ

Александрийским стихом называется 6-стопный ямб, разделенный цезурой пополам. Каждая из половин имеет по два ударения: одно – подвижное – на одной из двух первых стоп, и постоянное – на третьей стопе:

Моя́ / ты-и/ли не́т // не зна́/ю, не / пой-му́.

Александрийским *романтическим* стихом называется 6-стопный ямб с усиленными тремя ударениями на 2-й, 4-й и 6-й стопах:

Ве-се́н/ней-я́/бло-ни // в не-та́/ю-щем / сне-гу́.

РИФМА

Рифмами называются созвучные слова в конце, в середине, а иногда и в начале строки (стиха) с одинаковыми гласными и большинством согласных: *луна–одна–окна–весна–полна*.

Блестящими (или полными) рифмами называются созвучные слова с одинаковыми гласными и одинаковыми согласными: *луна–галуна, одна–видна–со дна, окна–волокна, весна–тесна, полна–волна.*

Составными рифмами называются созвучья из нескольких слов: *рельсам – акварель сам, воздух – грёз дух, алчен – генерал чин, таз куя – тоскуя.*

Нельзя рифмовать слова с одним корнем: *бесценно – ценно, летний – столетний.* Нельзя рифмовать имена собственные: *Матвей – Тимофей, Белград – Петроград, Наполеон – Вавилон.* Надо избегать рифмовать глаголы во всех видах (за исключением рифм гипердактилических высших трех степеней – в с е г д а глагольных): *цвёл–увёл, кричать–молчать, был–пил, приду–найду.* Нельзя рифмовать слова с одинаковыми гласными при разных концевых согласных: *весна–душа, была–луна, одни–любви.* Нельзя рифмовать слова явно иностранные: *ренессанс–диссонанс, кабальеро–сомбреро.*

Рифмы каламбурные очень редки: *дали–дали, стали–стали, на берегу–берегу.*

Допускаются рифмы при разных концевых согласных, когда одна из них произносится как другая: *вздох–Бог, ничего–торжество.*

Рифмы бывают с е м и видов: 1) мужские, когда ударение на последнем слоге: *орéл–приобрéл*; 2) женские, когда ударение на предпоследнем слоге: *крóшка–брóшка*; 3) дактилические, когда ударение на третьем от конца слоге: *я́сные–крáсные*; 4) гипердактилические 1 степени, когда ударение на четвертом от конца слоге: *пáлевая–накáливая*; 5) гипердактилические 2 степени, когда ударение на пятом от конца слоге: *хлóпающая–тóпающая*; 6) гипердактилические 3 степени, когда ударение на шестом от конца слоге: *прони́зывающая–нани́зывающая*; 7) гипердактилические 4 степени, когда ударение на седьмом от конца слоге: *развéртывающаяся–обéртывающаяся.*

Левада, солнышком пронизывающаяся
И по ночам в туман обертывающаяся,
Весною всходами унизывающаяся,
А летом вся ковром развертывающаяся.

Бывают случаи, когда рифмуются в стихах почти все слова:

Мы шатались по берлинским кабакам,
Удивлялись исполинским дуракам,
Пьющим водку из ушата да ведра,
Рвущим глотку, что хоть сжата, да бодра...

АССОНАНС

Ассонансами называются созвучные слова в конце, в середине, а иногда и в начале строки (т.е. стиха) с одинаковыми ударяемыми гласными и разными согласными, или переставленными, или усеченными: *кор-*

вет–ковре, венка–окна, Ривезальт–вуаль, Бальмо́нт–в альбом, похороны–Фофанова, запрета–ветра, шелк–ушел, море–горек, осталось–усталость.

К разряду ассонансов относится употребленье рифм мужских и женских (*ночь–клочья, без семи три – без симметрии*), женских и дактилических (*маска–ласково, грёза–озера*) и т.д.

ДИССОНАНС

Диссонансами называются дисгармонирующие слова в конце, в середине, а иногда и в начале стиха с разными ударяемыми гласными и одинаковыми согласными. Диссонансов может быть, по числу гласных, только пять: *кедр–бодр–эскадр–выдр–мудр, шелковый–белковый–фиалковый–Пулково, непостижность–нежность–нужность–осторожность–важность, мал–мол–мел–мыл–мул, люстра–астра, выпал–пепел, бархат–грохот.*

АЛЛИТЕРАЦИЯ

Аллитерацией называется повторение в стихе, в строфе или в целом стихотворении одних и тех же или однородных (родственных) букв для усиления изобразительности:

на Л и Н:

Ленно лани льняные лунно влюблены;

или на С и Н:

Сонные сонмы сомнамбул весны
Санно манят в осиянные сны;

или на П:

Как пахнет вспаханное поле;

или на Ш и Ж и Ч:

И шепот, и шелест, и шорох бежит,
И пламя ближайших готово обжечь,
И брошен в то пламя весь в ржавчине меч.

ГРАДАЦИЯ

В стихах к помощи градации прибегают в том случае, когда хотят усилить впечатление. Особенно это удобно делать в триолетах и ронделях, где многие строки повторяются.

Триолет

Мимозу робко просит он
Дозволить слиться поцелуем
Коротким, как волшебный сон.
Мимозу страстно просит он,
Любовью пылкою волнуем,
За поцелуй дает ей трон.
Мимозу умоляет он
Дозволить слиться поцелуем.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ

Троп – все слова и обороты, употребляемые в переносном смысле.

Метафора – слова, употребляемые в переносном значении на основании сходства впечатлений от разных предметов: *Скрипка плачет.*

Аллегория – иносказание.

Олицетворение – придача неодушевленному предмету образа и свойств одушевленного: *Цветы прислушиваются.*

Метонимия – замена одного понятия другим на основании тесной связи между ними: *Читаю Пушкина, выпил два бокала.*

Синекдоха – замена одного понятия другим на основании количественного отношенья между ними: *Идем ловить рыбу.*

Антономазия – замена одного имени другим, нарицательного – собственным: *Он ведь у нас не Онегин*

Гипербола – преувеличение: *Огурец с гору.*

Апострофа – обращение под влияньем волнения к Богу, предметам неодушевленным, к отсутствующим или мертвым: *Лермонтов! ты ль не прав был: чем этот мир хорош?*

Антитеза – противоположение: *Анахорет и воин.*

Эллипсис – опущение слов, легко подразумеваемых: *Вы – к нам, а мы – на прогулку.*

Эвфония – благозвучие, достигаемое сочетанием звуков в словах: *И сирены, водяные балерины, заводили хороводы на реке.*

Эвритмия – расположение грамматических и логических ударений в речи.

Эпитет – индивидуальное определение свойств предмета.

Синоним – различные слова с одинаковым значением.

Плеоназм – переполнение речи словами и целыми выраженьями, ненужными для смысла речи: *Я это слышал собственными своими ушами.*

Тавтология – повторение выраженного одним словом посредством другого: *В пустыне чахлой и пустой.*

Параллелизмы – целые тавтологические выражения: *Эта старушка бедная, неимущая, несостоятельная.*

Архаизмы – слова и обороты, вышедшие из употребленья.

Неологизмы – вновь введенные в язык слова.

Варваризмы – слова иностранные.

Провинциализмы – слова областные.

Эпистолярная форма произведения – ведение повествования от первого лица.

Рефрэн – припев.

СТРОФА

Строфою (или, как говорили в старину, – куплетом) называется некая, очень разнообразная, сумма стихов, так или иначе рифмующихся между собою. Строфы бывают крайне разновидны.

Фигуры строф:

1-я строфа:

А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А	А
Б	Б	Б	Б	А	А	Б	А	А	А	Б	Б
А	Б	Б	Б		А	Б	А	Б	Б	В	А
Б	А	А	Б			Б	Б	А	В	А	Б
		Б	А			В		Б	В	Б	В
									Б	В	В

2-я строфа, связанная с 1-й:

А	В
В	В
В	В
В	Б
Б	

Онегинская строфа: АБАБ ВВГГ ДЕЕД ЖЖ.

Белый стих. Белыми стихами называются стихи без рифм.

Вольный стих. Вольными стихами называются стихи, написанные каким-нибудь одним размером и рифмованные, но с разным количеством стоп в каждом стихе.

Свободный стих (неправильный паузник). Свободными стихами называются стихи, написанные разными размерами, иногда рифмованные, иногда нет. Допускается и разное число стоп в каждом стихе.

ФОРМЫ СМЫСЛОВЫЕ

Стансы – каждый стих или каждая строфа самостоятельны, заключая в себе отдельную мысль или фразу без перехода в следующие.

Элегия – стихотворение грустного содержания.

Эпиталама – стихотворение свадебного содержания.

Эпиграмма – стихотворение иронического содержания.

Баллада – стихотворение фантастического содержания.

Романсеро – небольшая поэма героического содержания.

Идиллия – стихотворение идиллического содержания.

Эклога – стихотворение такого же содержания.

Ноктюрн (Notturno) – стихотворение о ночи.

Эпитафия – стихотворение надгробного характера.

Ода – стихотворение хвалебного характера.

Дифирамб – стихотворение хвалебного характера.

Мадригал – стихотворение комплиментарного характера.

Бриндизи – стихотворение вакхического или просто застольного содержания.

ФОРМЫ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ

1. Сонет

Сонет состоит из 14 строк (стихов), размещенных в 4-х строфах: в первых двух по 4 стиха, во вторых двух – по 3. Для сонета берется 5-ст. ямб. Сонетных фигур три.

Первая рифмовка сонета (классическая): 1-й стих рифмуется с 4, 5 и 8; 2-й стих – с 3, 6 и 7; 9-й с 10; 12-й с 13; 11-й с 14.

Вторая рифмовка сонета: 1-й стих рифмуется с 3, 5 и 7; 2-й стих с 4, 6 и 8; 9-й с 11; 10-й с 12; 13-й с 14.

Третья рифмовка сонета: 1-й стих рифмуется с 4, 5 и 7; 2-й стих – с 4, 6 и 8; 9-й с 11 и 13; 10-й с 12 и 14.

1) АББА	2) АБАБ	3) АББА
АББА	АБАБ	АБАБ
ВВГ	ВГВ	ВГВ
ДДГ	ГДД	ГВГ

2. Триолет

Триолет имеет строфу из 8 ямбических (4–4$^1/_2$ стоп) стихов. 1, 4 и 7 стихи одинаковы. 2-й одинаков с 8-м. В триолете два созвучья. Одно из них рифмуется дважды, другое – трижды. Рифмовка стихов: 1-й с 3 и 5, 2-й с 6.

Стихотворение или поэма могут состоять из любого числа триолетов. В случае изменения, кроме рифм, одинаковых стихов, триолет приурочивается к триолетной вариации:

Лови крылатые мгновенья:
Они блеснут и отзвучат!
Не для любви, – для вдохновенья
Лови крылатые мгновенья.
Мы ищем бездну для забвенья,
Нам для восторга нужен ад.
Лови крылатые мгновенья:
Они блеснут и отзвучат!

(*Мирра Лохвицкая*)

В России триолеты мы встречали у К. Фофанова, Ф. Сологуба, Н. Шебуева и др.

3. Октава

Октава заключена в строфу из 8 стихов, написанных 5–6-ст. ямбом, которые рифмуются так: 1-й с 3 и 5, 2-й с 4 и 6, 7-й с 8. Стихотворение или поэма могут состоять из неопределенного количества октав. В октаве три созвучья.

В моем безрадостном томительном запустьи
Чуть слышны ландыши поруганной весны.
Их колокольчики, исполненные грусти,
В воспоминании надежно спасены.
Весенним вечером их слушаю при устьи
Двух рек взволнованных и воскрешаю сны,
Давно уснувшие, уплывшие навеки...
Я слышу ландыши и опускаю веки.

4. Терцины

Терцинами называют строфы по три стиха в каждой, могущие рифмоваться через стих до бесконечности. Для того чтобы закончить в желательном месте терцины, новая строфа обрывается на первом стихе. Меньше 7 стихов, т.е. 2 строф с кодою, в терцинах быть не может.

Мы сходимся у моря под горой,
Там бродим по камням, потом уходим,
Уходим опечаленно домой.

И дома вспоминаем, как мы бродим.
И это все. И больше ничего.
Но в этом мы такой восторг находим!

Скажи мне, дорогая, отчего?

5. Газэлла

Газэлла имеет различное, по желанию, число 2-строчных строф (5, 10 и т.д.), причем окончание 1-го стиха 1-й строфы повторяется целиком во 2-м стихе, являясь также его окончанием, равно и во всех четных стихах. Нечетные стихи не рифмуются вовсе, а внутри первого нечетного стиха и внутри всех четных стихов рифмуются все слова, находящиеся перед повторяющимися окончаниями.

Мой мозг словами "Ты – больной!" сжимаешь ты,
И хлыст упругий и стальной сжимаешь ты.

Я хохочу тебе в лицо, я хохочу, –
И в гневе хлыст своей рукой сжимаешь ты.

Над головой моей взнесла свистящий хлыст, –
Ударить хочешь, но с тоской сжимаешь ты.

"Живи, люби, пиши, как все! и будешь – мой..."
Меня в объятьях, – и с мольбой, – сжимаешь ты.

Немею в бешенстве – затем, чтоб не убить!
Мне сердце мукой огневой сжимаешь ты.

Гаээлла к нам пришла из Персии (Саади). В России газэллу читали у М. Кузмина, В. Брюсова.

6. Рондель

Рондель имеет строфу в 13 ямбических (4–4$^1/_2$ стоп) стихов. 1-й, 7-й и 13-й стихи совершенно одинаковы. Одинаковы и 2-й с 8. В рондели всего два созвучья. Каждое из них имеет пять рифм. Стихи рифмуются следующим образом: 1-й с 4, 5, 9 и 12; 2-й с 3, 6, 10 и 11. Стихотворение или поэма могут состоять из любого числа ронделей. В случае изменения – кроме рифм одинаковых стихов, рондель уже рассматривается как рондельная вариация.

Нарцисс Сарона, Соломон,
Любил Балькис, царицу юга.
Она была его супруга,
Был царь, как раб, в нее влюблен.
В краю, где пальма и лимон,
Где грудь цветущая упруга,
Нарцисс Сарона, Соломон,
Любил Балькис, царицу юга.
Она цвела, как анемон,

Под лаской царственного друга.
Но часто плакал от испуга,
Умом царицы ослеплен,
Нарцисс Сарона, Соломон.

В России рондель встречается у Валериана Бородаевского.

7. Рондо

Рондо бывает трояким: в 11, 13 и 15 стихов. Рондо в 11 стихов состоит из трех строф, причем в 1-й и 3-й строфах по 4 стиха, во 2-й – 3. Первая половина 1-го стиха или несколько первых стоп его являются целиком 4 и 11 стихами. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 6, 8 и 10; 2-й – с 5, 7 и 9.

Ее уста сближаются с моими
В тени от барбарисного куста
И делают все чувства молодыми
Ее уста.

И снова жизнь прекрасна и проста,
И вновь о солнечном томится Крыме
С ума сводящая меня мечта!

Обрадованный, повторяю имя
Благоуханное, как красота,
И поцелуями томлю своими
Ее уста...

Рондо в 13 стихов однострофно, 1-й стих одинаков с 9 и 13. Эти стихи рифмуются с 3 и 11. 2-й стих рифмуется с 4; 5-й с 7; 6-й с 8; 10-й с 12.

О, не рыдай над мертвым телом
И скорбь свою превозмоги:
Душа ушла в порыве смелом
Из мира мрака и тоски.
Не плакать – радоваться надо:
Души счастливый переход –
Не наказанье, а награда,
И не паденье, а восход.
О, не рыдай над мертвым телом,
Молись за вознесенный дух,
Над прахом же осиротелым
Не расточай души: он глух.
Нет, не рыдай над мертвым телом!

Рондо в 15 стихов состоит из трех строф, причем в 1-й строфе 5 стихов, во 2-й – 4, в 3-й – 6. Первая половина 1-го стиха или несколько первых стоп

его являются целиком 9 и 15 стихами. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 4, 7, 8, 10, 12 и 14; 2-й – с 3, 5, 6, 11 и 13. Всего два созвучья. Первое имеет 7 рифм, второе – 5.

Пока не поздно, дай же мне ответ,
Молю тебя униженно и слёзно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нет? Ответь – да или нет?
Поэзно "да", а "нет" – оно так прозно!

Слиянные мечты, но бьются розно
У нас сердца: тускнеет в небе свет...
О, дай мне отзвук, отзнак, свой привет,
Пока не поздно.

Ты вдалеке. Жизнь превратилась в бред.
И молния и гром грохочет грозно.
И так давно. И так десятки лет.
Ты вдалеке, но ты со мною грёзно.
Дай отклик мне, пока я не скелет,
Пока не поздно!..

В России первый и третий вид рондо встречается у В. Брюсова.

8. Канцона

Канцона заключена в строфу из 13 ямбических (4–4½ стоп) стихов. В ней 6 созвучий: пять рифмуются дважды, одно – трижды. Правила рифмовки: 1 с 4, 2-й с 5, 3-й с 6 и 7, 8-й с 11, 9-й с 10 и 12-й с 13. Стихотворение или поэма могут состоять из какого угодно количества канцон.

Любовь по существу банальна,
Оригинальное в оттенках.
Сюрпризы любит ткать сюжет.
Всегда судьба любви печальна,
О парижанках иль о венках
Рассказывает вам поэт.
Давно любви бессмертной нет!
Лишь ряд коротеньких любовей.
Иллюзия невоплотимой
Любви к мечтанной и любимой.
Пусть мы пребудем в вечном зове
Недосягаемой жены, –
Мы в промежутках жить должны...

9. Сицилиана

Сицилиана заключена в строфу из 8 стихов, написанных 4-ст. или 5-ст. ямбом, рифмующихся двояко: 4 стиха четных и 4 нечетных. Стихотворение или поэма могут состоять из неограниченного числа сицилиан. В сицилиане два созвучья.

Хрустел седыми волосами
Хрустальный ветер ледяной.
Жуан стоял у моря днями,
В оцепенении, больной,
С глубоко впавшими глазами,
С ума сводящею мечтой,
Что, разделен с женой морями,
Он не увидится с женой.

10. Virelai

Virelai (вирелэ́) имеет строфу в 8 ямбических (4–4$^1/_2$ стоп) стихов. 1-й и 7-й стихи тождественны, 2-й одинаков с 8-м. В virelai три созвучья. Каждое рифмуется дважды. Стихи рифмуются так: 1-й с 5, 2-й с 6, 3-й с 4. Стихотворение или поэма могут заключать в себе любое количество virelai. В случае изменения, – кроме, конечно, рифм, – одинаковых стихов virelai рассматривается как вариация virelai.

Я голоса ее не слышал,
И имени ее не знал...
...Она была в злофейном крэпе...
...В ее глазах грустили степи...
Когда она из церкви вышла
И вздрогнула – я застонал...
Но голоса ее не слышал,
Но имени ее не знал.

11. Риторнель

Риторнель – строфа в 6 стихов, разделенная пополам. Внешне она напоминает терцины. В риторнели три созвучья. Каждое рифмуется дважды. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 2-й с 5, 4-й с 6. Стихотворение или поэма могут состоять из любого числа риторнелей.

Который день? Не день, а третий год,
А через месяц даже и четвертый, –
Я в Эстии живу, как в норке крот.

Головокружный берег моря крут,
И море влажной сталью распростертой
Ласкается к стране, где – мир и труд.

Я шлю привет с Эстийских берегов
Тому, в ком обо мне воспоминанье,
Как о ловце поэзожемчугов.

Лишь стоило мне вспомнить жемчуга,
В душе возникло звуков колыханье:
Prélude Бизе – иные берега...

12. Нона

Нона заключена в строфу из 9 стихов, рифмующихся следующим образом: 1-й с 3, 5 и 7; 2-й с 4 и 6; 8-й с 9. В ноне три созвучья. Стихотворение или поэма могут состоять из любого числа нон.

О, среброголубые кружева
Уснувшей снежной улицы-аллеи!
Какие подыскать для вас слова,
Чтоб в них изобразить мне вас милее?
В декабрьской летаргии, чуть жива,
Природа спит. Сон – ландыша белее.
Безмужняя зима, ты – как вдова.
Я прохожу в лазури среброкружев,
Во всём симптомы спячки обнаружив.

В России нона встречается у Вл. Пяста.

13. Баллада

Баллады существуют двух родов. Первый род баллады: 28 стихов, 4 строфы. Первые 3 строфы по 8 стихов, 4-я строфа в 4 стиха. В балладе 8, 16, 24 и 28-й стихи тождественны. В балладе всего три созвучья. Первое созвучье рифмуется 6 раз, второе 14 раз, третье 4 раза. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 9, 11, 17, 19; 2-й – с 4, 5, 7, 10, 12, 13, 15, 18, 20, 21, 23, 25 и 27; 6-й стих рифмуется с 8, 14, 22 и 26. Обязательный размер – 4-ст. (может быть и с кодой) ямб.

Витает крыльный ветерок
Над звездочными васильками,
Над лентой палевых дорог,
Над голубыми ручейками.
Витает на восточной Каме,
Как и на Западной Двине,
И цветовейными устами
Целует поле в полусне.

Витает, свой свершая срок,
Над рощами и над лесами,
Над оперением сорок
И над пшеничными усами.

Мы, впив его, витаем сами,
Витаем по его вине
Над изумрудными красами,
Целуя травы в полусне.

Его полет – для нас урок,
Усвоенный чудесно нами:
Так добродетель и порок
Равно лелеемы волнами
Зефира, мучимого снами
И грёзой о такой стране,
Где поэтическое знамя
Целует ветер в полусне.

Чаруемы его мечтами
О невозможной стороне,
Мы в этом мире, точно в храме,
Целуем знамя в полусне...

В России этот тип баллалы встречается у В. Брюсова.

Второй тип баллады – 35 стихов, 4 строфы. Первые 3 строфы по 10 стихов, 4-я строфа в 5 стихов, называемая “Посылкой”. В балладе 10, 20, 30 и 35-й стихи одинаковы. В балладе 4 созвучья. Первое созвучье рифмуется 6 раз, второе 9 раз, третье – 12 раз и четвертое – 5 раз. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 11, 13, 21 и 23; 2-й стих рифмуется с 4, 5, 12, 14, 15, 22, 24 и 25; 6-й стих рифмуется с 7, 9, 16, 17, 19, 26, 27, 29, 31, 32, 34; 8-й – с 10, 18, 28, 33 и 35. Основной размер: 5-ст. ямб.

Гнусь хвастовства и шовинизма вызов
По выдвигу Германией войны
В мозг внедрились, меня с толпою сблизив.
На крыльях политической войны
В Ошибку были мы унесены.
Разбит корабль о рифы заблуждений,
И в пламени кровавых сновидений
Вдруг понял я, что нам не по пути,
Что крови пир не может славить гений, –
И вот один я вынужден идти...

Хрустел сентябрь, и гнезда у карнизов
Уже осиротели до весны.
Я загрустил, смотря, как блекнет мыза
В листве осенней, вялой тишины,
И, в грусти, видел мерзостные сны:
В угоду чьих-то взбалмошных велений
Влекутся люди в самый ад сражений,
Семье роняя робкое: “Прости”,
И как рабы, не зная возмущений,
И вот – один я вынужден идти...

Мне, баловню изысканных капризов,
Их интересы не были ясны.
С людьми общаясь и себя унизив
Общением, я понял, как страшны
Их замыслы: в войну вовлечены,
Они не знали чувства сожалений,
Не испытали молний озарений,
Не поняли заветного: "Взлети!"
Я их постиг, в борьбе своих сомнений,
И вот один я вынужден идти...

ПОСЫЛКА

Три раза расцветали мне сирени,
Три раза засыпали в вечной смене
Поля и нежно снежились пути.
Я видел гибель рабских поколений,
И вот один я вынужден идти!

(1917)

В России этот тип баллады встречается у Н. Гумилева.

14. Секстина

Секстина состоит из 36 стихов в 6 строфах. Рифм в секстине всего 6, т.е. два созвучья по 3 рифмы в каждом. Рифма 1-го стиха 1-й строфы является рифмой 2-го стиха 2-й строфы, 4-го стиха 3-й строфы, 5-го стиха 4-й строфы, 4-го стиха 5-й строфы и 6-го стиха 6-й строфы. Рифма 2-го стиха 1-й строфы является рифмой 4-го стиха 2-й строфы, 5-го стиха 3-й строфы, 3-го стиха 4-й строфы, 6-го стиха 5-й строфы и 1-го стиха 6-й строфы. Рифма 3-го стиха 1-й строфы является рифмой 6-го стиха 2-й строфы, 1-го стиха 3-й строфы, 2-го стиха 4-й строфы, 3-го стиха 5-й строфы и 5-го стиха 6-й строфы. Рифма 4-го стиха 1-й строфы является рифмой 5-го стиха 2-й строфы, 3-го стиха 3-й строфы, 6-го стиха 4-й строфы, 1-го стиха 5-й строфы и 2-го стиха 6-й строфы. Рифма 5-го стиха 1-й строфы является рифмой 3-го стиха 2-й строфы, 6-го стиха 3-й строфы, 1-го стиха 4-й строфы, 2-го стиха 5-й строфы и 4-го стиха 6-й строфы. Рифма 6-го стиха 1-й строфы является рифмой 1-го стиха 2-й строфы, 2-го стиха 3-й строфы, 4-го стиха 4-й строфы, 5-го стиха 5-й строфы и 3-го стиха 6-й строфы.

Эстония, страна моя вторая,
Что патриоты родиной зовут,
Мне принесла всё достоянье края,
Мне создала безоблачный уют,
Меня от прозы жизни отрывая,
Дав сладость идиллических минут.

“Вкуси восторг чарующих минут
И не мечтай, что будет жизнь вторая;
Пей жадно радость, уст не отрывая;
И слушай, как леса тебя зовут;
Ступай в зеленолиственный уют
Приявшего гостеприимно края.

Быть может, под луной иного края
Когда-нибудь ты вспомнишь песнь минут,
Тебе дававших благостный уют,
Вздохнёшь, что где-то родина вторая,
Которую Эстонией зовут,
Влечет тебя, от юга отрывая.

Тогда приди, в мечтах не отрывая
Любви ко мне, от пламенного края
На север свой, где все своим зовут
Тебя, поэт, чарун святых минут:
Ведь творчество твое, как жизнь вторая,
Дает нам сказку, счастье и уют”.

Благословен Эстонии уют,
Который от России отрывая
Благочестивою душою края,
Как мать, как сон, как родина вторая,
Соткал гамак качелящих минут.
Минуты те! их творчеством зовут...

Но чу! что слышу я? меня зовут
К оружию! Прости, лесной уют,
И вы, цветы сиреневых минут,
Простите мне! Бездушно отрывая
От вас, от милых мне, за целость края
Жизнь требует мою страна вторая...

В России секстина встречается у Л. Мея, В. Брюсова, И. Ясинского.

15. Lai

Lai (лэ) состоит из 56 стихов в 8 строфах по семи стихов в каждой строфе. В lai 8 созвучий. 1-е и 2-е созвучья рифмуются по 15 раз каждое, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е, 7-е и 8-е – по два раза. 1-й стих одинаков с 49 и 50; 7-й – с 8 и 51; 14-й – с 15 и 52; 21-й – с 22 и 53; 28-й с 29 и 54; 35-й – с 36 и 55; 42-й – с 43 и 56. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 9, 11, 14, 17, 23, 25, 28, 31, 33, 35, 38, 44 и 46; 2-й стих рифмуется с 4, 7, 10, 16, 18, 21, 24, 30, 32, 34, 37, 39, 42 и 45; 5-й стих рифмуется с 6, 12-й с 13, 19-й с 20, 26-й с 27, 40-й с 41, 47-й с 48. Lai должна быть исполнена 5-ст. ямбом.

Покаран мир за тягостные вины
Свои ужаснейшей из катастроф:
В крови людской цветущие долины,
Орудий шторм и груды мертвецов,
Развал культуры, грозный крах науки,
Искусство в угнетеньи, слезы, муки,
Царь Голод и процессии гробов.

Царь Голод и процессии гробов,
Пир хамов и тяжелые кончины,
И притесненье солнечных умов,
И танки, и ньюпор, и цеппелины,
И дьявол, учредивший фирму Крупп,
Испанская болезнь, холера, круп –
Всё бедствия, притом не без причины...

Всё бедствия, притом не без причины:
От деяний, от мыслей и от слов.
Еще порхают ножки балерины,
Еще не смолкли ветерки стихов,
Еще звучат цветения сонаты,
Еще воркуют сладко адвокаты, –
А мир приять конец уже готов.

Да, мир приять конец уже готов
В когтях нечеловеческой кручины,
Пред судным ликом массовых голгоф
И пред разверстой пропастью трясины.
Но жизнь жива, и значит – будет жив
И грешный мир – весь трепет, весь порыв!
Он будет жить, взнесенный на вершины!

Он будет жить, взнесенный на вершины:
В благоуханном шелесте дубров,
В сияньи солнца, в звуках мандолины,
В протяжном гуде северных ветров,
В любви сердец, в изнежии малины,
В симфониях и в меди четких строф.
Мир исполин, – бессмертны исполины!

Мир исполин, – бессмертны исполины!
Он будет до скончания веков
Самим собой: тенёты паутины
Ему не страшны – богу из богов!
Да здравствует вовек величье мира!
Да славит мир восторженная лира!
Да будет мир и радостен, и нов!

Да будет мир и радостен, и нов!
Греми, оркестр! Цветите, апельсины!
Пылай, костер! Я слышу жизни зов!
Перед глазами – чарные картины,
И дали веют свежестью морской.
Но помни впредь, безбожный род людской:
Покаран мир за тягостные вины.

Покаран мир за тягостные вины:
Царь Голод и процессии гробов –
Все бедствия, притом не без причины,
И мир приять конец уже готов.
Но будет жить, взнесенный на вершины,
Мир исполин, – бессмертны исполины!
Да будет мир и радостен, и нов!

В России lai встречается у Черубины де Габриак.

16*. Миньонет

Миньонет – строфа в 8 стихов, в которой 1-й стих одинаков с 7, а 2-й с 8. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3 и 5; 2-й – с 4 и 6. Миньонет должен быть выполнен анапестом. Количество стоп по стихам: стихи нечетные имеют по 3-стопному анапесту с кодою в 2 трети, четные – по 2-стопному. Стихотворение или поэма может состоять из любого количества миньонетов.

Наша встреча – Victoria Regia:
    Редко, редко в цвету...
До и после нее – жизнь элегия
    И надежда в мечту.

Ты придешь, – изнываю от неги я,
    Трепещу на лету.
Наша встреча – Victoria Regia:
    Редко, редко в цвету.

17. Дизэль

Дизэль – строфа в 10 стихов на двух созвучьях. 1-й стих одинаков с 5 и 10. 1-й стих рифмуется с 4 и 7. 2-й стих рифмуется с 3, 6, 8 и 9. Дизэль должна быть выполнена дактилем. Количество стоп по стихам: стихи 1, 4, 5, 7 и 10 имеют по 2-стопному дактилю с кодою в 1 треть, стихи 2, 3, 6, 8 и 9 имеют по 1-стопному дактилю с кодою в 2 трети. Стихотворение или поэма может состоять из неограниченного количества дизэлей.

---

* Все формы от 16 до 25 изобретены Игорем-Северяниным.

Ветер ворвался в окно –
    Ветер весенний,
    Полный сирени.
Мы не видались давно.
Ветер ворвался в окно,
    Полный видений.
Скучно, и в сердце темно:
    Нет воскресений
    Прежних мгновений.
Ветер ворвался в окно.

18. Кэнзель

Каждая кэнзель состоит из 3 строф по 5 стихов в каждой. 1-й стих 1-й строфы является 3 стихом 2 строфы и 5 стихом 3 строфы. В кэнзели 4 созвучья. Три рифмуются трижды, четвертое – четырежды. Стихи рифмуются так: 1-й с 5, 10 и 11; 2-й с 3 и 4; 6-й с 7 и 9; 12-й с 13 и 14. В случае изменения – кроме рифм, одинаковых стихов, кэнзель рассматривается как кэнзельная вариация. (Бывает и 2 созвучья. Первое рифмуется 4 раза, второе 9 раз: 1-й с 5, 10, 11; 2-й с 3, 4, 6, 7, 9, 12, 13 и 14).

Птицы в воздухе кружатся
И летят, и поют,
И, летя, отстают,
Отставая, зовут...
Воздух северный южится.

Не считая минут,
Без печали, без смут,
Птицы в воздухе кружатся.
Мотыльки там и тут
Золотисто жемчужатся.

Стаи белые вьюжатся
Мотыльковых причуд.
Воздух золотом ткут...
Бросив трав изумруд,
Птицы в воздухе кружатся.

19. Секста

Секста заключена в строфу из 6 стихов, исполненных любым размером. Рифмуется через стих: четные и нечетные стихи. Стихотворение или поэма может заключать в себе неограниченное число секст. В сексте два созвучья.

Озвень, окольчивай, опетливай,
Мечта, бродягу менестреля.
Опять в Миррэлии приветливой
Ловлю стремительных форелей.
Наивный, юный и кокетливый
Пригубливаю щель свирели.

20. Рондолет

Рондолет состоит из 4 строф по 4 стиха в каждой. 1-й стих 1-й строфы одинаков с 3-м стихом 2 строфы, со 2-м стихом 3 строфы и 4-м стихом 4 строфы. 2-й стих 1 строфы одинаков с 4-м стихом 2 строфы, с 1-м стихом 3 строфы и 3-м стихом 4 строфы. 3-й стих 1 строфы одинаков со 2-м стихом 2 строфы, с 4-м стихом 3 строфы и 1-м стихом 4-строфы. 4-й стих 1 строфы одинаков с 1-м стихом 2 строфы, с 3-м стихом 3 строфы и со 2-м стихом 4 строфы. Всего в рондолете 4 стиха, в каждой строфе имеющих различное место и иногда слегка варьируемых.

"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"
Он в душе у меня, твой лазоревый стих.
Я склоняюсь опять, опечален и тих,
У могилы твоей, чуждой душам рабов.

У могилы твоей, чуждой душам рабов,
Я склоняюсь опять, опечален и тих,
"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"
Он в душе у меня, твой пылающий стих.

Он в душе у меня, твой скрижалевый стих:
"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"
У могилы твоей, чуждой душам рабов,
Я склоняюсь опять, опечален и тих.

Я склоняюсь опять, опечален и тих,
У могилы твоей, чуждой душам рабов,
И в душе у меня твой надсолнечный стих:
"Смерть над миром царит, а над смертью – любовь!"

21. Перекат

Перекат состоит из 4 строф по 4 стиха в каждом. Перекаты бывают двоякие. Первый вид переката – 3-й стих 1 строфы одинаков с 1-м стихом 2 строфы, со 2-м стихом 3 строфы и 4-м стихом 4 строфы. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 7, 11. 2-й стих – с 4, 6, 8, 9, 12, 13 и 15.

На кладбище, на родственных могилах,
Для всех живых далекий и чужой,
В глазах ее, доверчивостью милых,
Я отдыхал усталою душой.

В глазах ее, доверчивостью милых,
Я находил забвенье и покой.
И от людей вдали, людей постылых
Я о тдыхал, печальный и больной.

Вся жизнь моя, весь дальний путь земной –
В ее глазах, доверчивостью милых...
"О, не грусти о притупленных силах",
Мне голос пел, спокойный и грудной.

Я приникал к ней, близкой и родной,
Среди крестов, на вянущих могилах,
И плакал, плакал, веря ей одной,
У глаз ее, доверчивостью милых.

Второй вид переката: 1-й стих 1 строфы одинаков с 1-м стихом 2 строфы, со 2-м стихом 3 строфы и 4-м стихом 4 строфы. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 3, 8, 9 и 14. 2-й стих – с 4. 5-й стих с 7. 9-й стих с 12; 13-й стих с 15.

Как эта грустная обитель,
Твое сердечко опустело:
Любовь, как ясный небожитель,
В нем больше жить не захотела.

И вот глаза твои тоскливы,
Как эта грустная обитель,
Они печальны и пугливы,
Когда увидят белый китель...

Я понимаю: обольститель
Убил любовь в тебе изменой.
Как эта грустная обитель
Вступает в бой с морскою пеной!

И посмотри: волна обратно
Бежит покорно. Так Спаситель
Тебя хранит: ты благодатна,
Как эта грустная обитель.

22. Квадрат квадратов

Квадрат квадратов состоит из 4 строф по 4 стиха в каждой строфе, причем все эти 16 стихов по смыслу являются, собственно, четырьмя. Все 4 стиха 1 строфы должны быть теми же и в том же порядке стихами всех трех последующих строф, но все 4 раза они должны иметь различную перестановку слов, благодаря чему квадрат квадратов рифмуется внутренне четырежды во всех своих 16 стихах и читается сзади наперед, как спереди назад. Рифмовка: на помощь уже имеющимся основным, по количеству основных четырех стихов, рифмам, берутся 12 внутренних, превращаясь во внешние. В результате имеются 8 созвучий и 16 рифм.

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О, поверь! – я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом, – палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! изнемог я совсем...
Палачом был года – не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь! я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал...

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!
Не парить палачу!.. палачом был года!..
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..

23. Квинтина

Квинтина состоит из 25 стихов в 5 строфах. Рифм в квинтине всего 5, т.е. два созвучья, одно в 2 рифмы, другое в 3. Рифма 1-го стиха 1-й строфы является рифмой 3-го стиха 2 строфы, 2-го стиха 3 строфы, 4-го стиха 4 строфы и 5-го стиха 5 строфы. Рифма 2-го стиха 1 строфы является рифмой 5-го стиха 2 строфы, 1-го стиха 3 строфы, 3-го стиха 4 строфы и 4-го стиха 5 строфы. Рифма 3-го стиха 1 строфы является рифмой 4-го стиха 2 строфы, 5-го стиха 3 строфы, 1-го стиха 4 строфы и 2-го стиха 5 строфы. Рифма 4-го стиха 1 строфы является рифмой 2-го стиха 2 строфы, 3-го стиха 3 строфы, 5-го стиха 4 строфы и 1-го стиха 5 строфы. Рифма 5-го стиха 1 строфы является рифмой 1-го стиха 2 строфы, 4-го стиха 3 строфы, 2-го стиха 4 строфы и 3-го стиха 5 строфы.

Любовь приходит по вечерам,
А на рассвете она уходит.
Восходит солнце, и по горам,
И по долинам лучисто бродит,
Лучи наводит то здесь, то там.

Мир оживает то здесь, то там,
И кто-то светлый по миру бродит,
Утрами бродит, а к вечерам
Шлет поцелуи лесам, горам
И, миротворя весь мир, уходит.

Уходят годы, и век уходит.
И что звучало по вечерам,
Забыто к утру. Лишь память бродит,
Как привиденье, то здесь, то там,
Да волны моря бегут к горам.

Нам надоели низы – к горам
Мы устремились: ведь солнце там!
А вечерами оно уходит...
Тогда – обратно: по вечерам
Уходит Ярность, и Нежность бродит.

Пока мы юны, пока в нас бродит
Кровь огневая, спешим к горам:
Любовь и Солнце мы встретим там!
Пусть на закате *оно* уходит,
Она приходит по вечерам...

24. Перелив

Переливом называется стихотворение в любое количество четырехстишных строф, причем два последних стиха каждой строфы тождественны, т.е. рефрены. Перелив идет все время на двух созвучьях, рифмующихся через стих.

Я слышу в плеске вёсла галер,
Когда залив заснет зеркально,
Судьба Луизы де Лавальер –
И трогательна, и печальна.

Людовик Солнце, как кавалер,
Знал тайну страсти идеально.
Судьба Луизы де Лавальер
Все ж трогательна и печальна.

Когда день вешний нежданно сер,
И облака бегут повально,
Судьба Луизы де Лавальер
Так трогательна и печальна.

Пусть этот образ из прежних эр
Глядит и тускло, и банально:
Судьба Луизы де Лавальер
Всегда пленительно-печальна.

25. Переплеск

Переплеском называется стихотворение любым размером, 1-й стих которого состоит из некоторого количества слов, заключающих в себе одинаковое число слогов с одинаковым для каждого слова ударением, причем

этот стих варьируется посредством перестановки слов столько раз, сколько слов имеется в стихе. От количества слов первого стиха зависит количество строф стихотворения. В строфе должно быть 4 стиха. Рифмовка: 1-й стих рифмуется с 4, 2-й с 3, 5-й с 8, 6-й с 7, 9-й с 12, 10-й с 11, 13-й с 16, 14-й с 15 и так далее.

В мое окно глядит луна.
Трюмо блистает элегантное.
Окно замерзло бриллиантное.
Я онемела у окна.

Луна глядит в мое окно,
Как некий глаз потустороннего.
С мечтой о нем, молю: “Не тронь его,
Луна: люблю его давно...”

В мое окно луна глядит
То угрожающе, то вкрадчиво.
Молюсь за чистого, за падшего
В порок, с отчаяньем в груди.

Луна глядит в окно мое,
Как в транс пришедшая пророчица.
Ах, отчего же мне так хочется
Переселиться на нее?..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современному поэту рекомендуется избегать следующего:

1) Метафор, эпитетов, аллегорий, олицетворений, гипербол и антитез, многократно использованных и ставших вследствие этого стереотипами. Примеры: *в житейском море; в пучине зол; барахтаюсь, как щепка; прекрасна, как ангел; красива, как роза; мраморные плечи; снег блестит, как бриллианты; тает как свеча; мрачна, как ночь; они были различны, как ночь и день; я испытал бездну счастья; цветы нашептывают сказки; он надежен, как скала.*

2) Погрешностей против эвфонии, т.е. какофонии. Примеры: *широка, как Ока; оку незримый* (окунь незримый!); *вытравлять же ребенка* (вытравлять жеребенка!); *от чувств стволы.*

3) Рифм глагольных и общепринятых, заменяя их, по возможности, новыми или более или менее редко употребляемыми. Только при свежести образа и оригинальности построения фразы банальные рифмы терпимы.

4) Неоправданных и вычурных неологизмов, варваризмов, в которых нет особой надобности, и безусловных архаизмов.

5) Ломки ударений, противной духу русского языка, или явно устаревших ударений. Примеры: *нена́висть, сто́ляр, мо́лодежь, зво́нит, прыгну́л, откупо́рить, крапива́, ту́фля, красиве́е, пара́лич, музы́ка, толпы́* (имен. падеж множ. числа), *высоты́, искри́стый, приспособи́л.*

6) Путаницы в глаголах: *надеть* (что-нибудь!) и *одеть* (кого-нибудь!).

7) Произношенья в родительном падеже местоимения “она” как “еЯ” (и в винительном и в родительном произносится как “еЁ”!). Это же относится и к местоимению “онЕ” и к числительному “однЕ” (в обоих случаях произносится как “они” и “одни”!).

Рекомендуется как можно шире пользоваться следующим:

1) Мало использованными или вновь найденными эпитетами, метафорами, антитезами и пр.

2) Обращать усиленное внимание на эвфонию, аллитерацию и градацию.

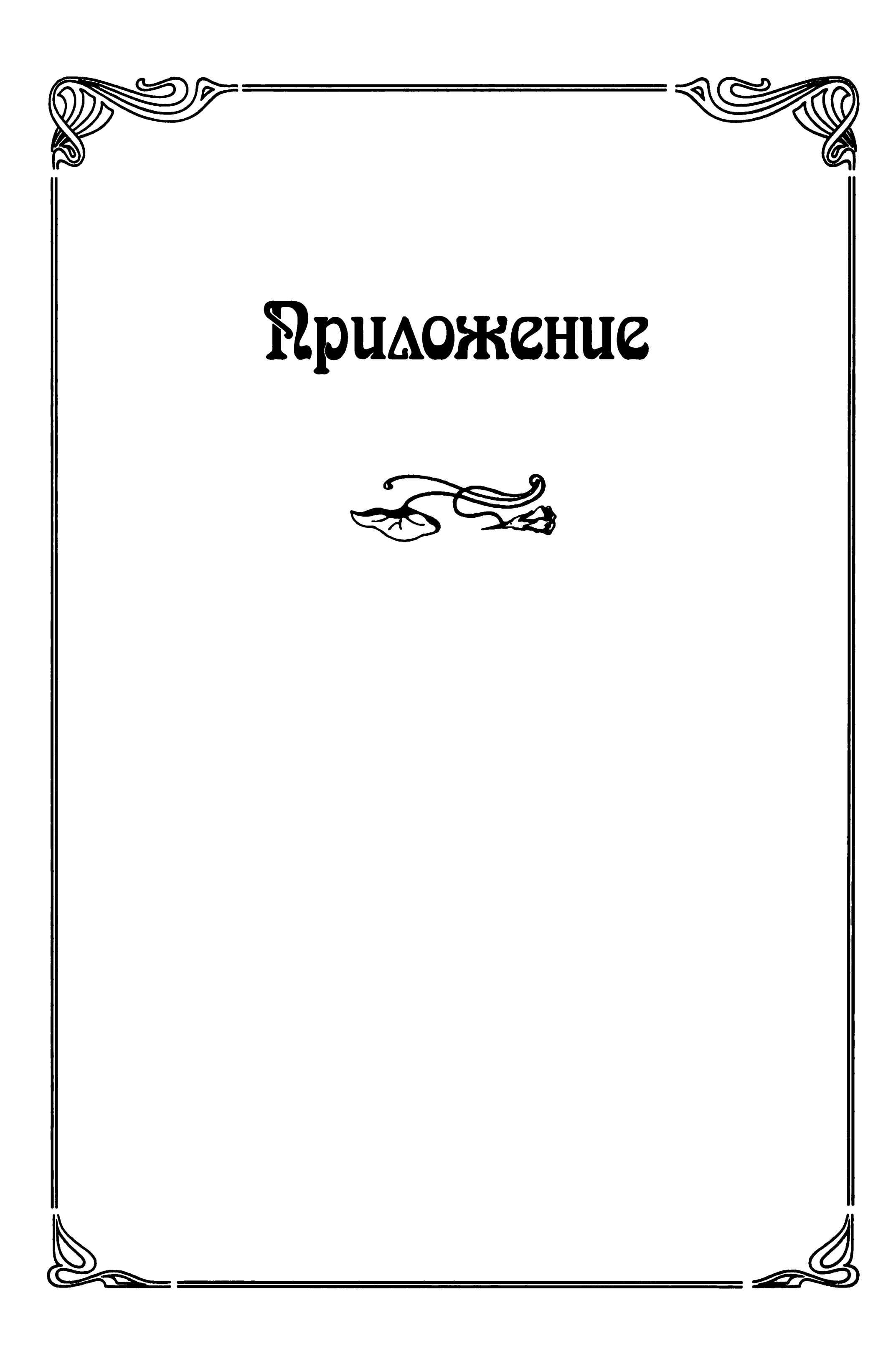
3) Новыми рифмами (обратив особо пристальное внимание на использование гипердактилических рифм), ассонансами и диссонансами, предварительно тщательно их продумав, дабы они з в у ч а л и.

4) Многостопными обыкновенными, но мало принятыми размерами.

5) Размерами с кодами внутри или размерами смешанными (сложными).

6) Различными фигурами строф и разнообразными стилистическими формами.

Приложение

В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева

“СОГРЕЕТ ВСЕХ МОЕ БЕССМЕРТЬЕ...”
О жизни и творчестве Игоря Северянина

Игорь Северянин вступил в литературу в начале XX в., своеобразно и ярко выразил противоречия своего времени, его надежды и разочарования. Он снискал небывалую славу *Короля поэтов*, позже испытал безмерную горечь изгнанника. Он вошел в сознание многих как “поэт экстаза, каприза”, “неведомый паяц”, восклицавший: “Я трагедию жизни претворю в грёзо-фарс”. Сложность мировосприятия поэта, его подлинное мастерство заслонялись эпатажной маской равнодушного гения, “лирического ироника”.

“Настоящий, свежий, детский талант”, отмеченный Александром Блоком у Северянина, впервые открылся читателям в 1913 г., с выходом книги “Громокипящий кубок”. “Редко приходится видеть, – писал один из издателей книг Северянина, В.В. Пашуканис, – чтобы на долю поэта выпадало такое, совершенно необычное внимание, какого удостоился Игорь Северянин от самых разнообразных кругов читающей публики”[1].

Книга “Критика о творчестве Северянина”, которая вышла в 1916 г., включала из всего невероятного количества газетных и журнальных статей о поэте несколько характерных моментов северянинского успеха. Скорее всего Северянин задумал этот сборник, невольно подражая книге “О Сологубе. Критика, статьи и заметки” (СПб., 1911). Как известно, с Ф. Сологубом Северянин познакомился в октябре 1912 г. и считал его “самым изысканным из русских поэтов”[2].

Но книга о Северянине существенно отличалась от книги о творчестве Сологуба, которая составлена только из положительных отзывов. В сборнике, посвященном Северянину, представлена “вся гамма критических отношений, от самого восторженного и до резко отрицательного, граничащего с простейшей руганью”[3]. Кроме того, его издатель В.В. Пашуканис счел необходимым предложить трем авторам, В.Я. Брюсову, С.С. Боброву и Р.Ф. Брандту, подготовить специальные статьи для этого издания.

---

[1] *Пашуканис В.* От издателя // Критика о творчестве Северянина. СПб.: Изд-во В.В. Пашуканиса, 1916. С. 7.

[2] *Игорь Северянин.* Собр. соч.: В 5 т. / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. Т. 5. СПб.: Logos, 1996. С. 54. Далее ссылки в тексте на произведения Северянина даются по этому изданию с указанием тома и страниц.

[3] *Пашуканис В.* От издателя // Критика о творчестве Северянина. С. 7.

Валерий Брюсов, отзывами которого “в значительной степени был создан успех Северянина”, дал их окончательную сводку в особой статье, открывающей сборник. Сергей Бобров в обзоре “Северянин и русская критика” представил “историю отношений Северянина и критики”, обобщив наиболее характерные отзывы (упомянуто около ста публикаций). “Их много, этих листков, – замечал Бобров. – Их такая масса, что если бы перепечатать все – вышло бы томов десять хорошо убористой печати”[4]. Известный славист, московский профессор Р.Ф. Брандт, человек старшего поколения, написал филологическое исследование о словотворчестве Северянина.

Книга открывалась портретом поэта в духе Оскара Уайльда и “Автобиографической справкой”. В центральном разделе “Рецензии” помещено 14 работ, в том числе А. Измайлова, З. Гиппиус (под псевд. А. Крайний), Иванова-Разумника, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова.

Вскоре после появления книги последовала критика “Критики о творчестве Игоря Северянина”. Рецензируя книгу, Борис Гусман справедливо заметил множество противоречий не только между разными критиками в оценке одних и тех же стихотворений (например, “Очам твоей души” в рецензиях Амфитеатрова и Иванова-Разумника), но и в оценках одного и того же критика (ср. В. Брюсов о сборнике “Громокипящий кубок” – “истинная поэзия” и “недурные стихи”), и пришел к выводу, что “господа критики не выдержали очной ставки”.

“...Игорь Северянин со своими необычными успехами, взлетами и падениями явился блестящей, совершенно исключительной мишенью для этих близоруких охотников. Это состязание с удивительной ясностью доказало, что только любовь или ненависть должны руководить пером критика. Сухая объективность, серое беспристрастие оказались для критика путеводителями совершенно непригодными”[5].

На самом деле, очная ставка критиков явила не столько лицо самой критики, сколько противоречивую, сложную и новаторскую поэзию молодого писателя, чье творчество в самом начале пути стало предметом сотен критических откликов и научных изысканий.

Время по-настоящему освещает фигуру поэта и те качества, которые определяют цельность поэтического пути Северянина: любовь к Родине, ее северным форелевым рекам, песенную певучесть и легкость стиха. Лирика Северянина своеобразно соединяет классические традиции русской поэзии с опытом западноевропейской литературы, открытиями символизма и футуризма и определяет ее место среди памятников эпохи.

---

[4] *Бобров С.* Северянин и русская критика // Там же. С. 29.

[5] *Борис Г-н ⟨Гусман⟩.* Очная ставка. (Критика о творчестве Северянина. – Сборник статей и рецензий) // Журнал журналов. 1916. № 5. Январь. С. 10–11.

* * *

Игорь Васильевич Лотарёв родился 4/16 мая 1887 г. в Петербурге, был крещен в честь св. древнерусского князя Игоря Олеговича Черниговского, (предательски убитого киевлянами при богослужении), память которого отмечается 5/17 июня. Икона с изображением св. Игоря сопровождала поэта всю жизнь. Северянин считал знаменательным, что родился в тот год, когда умер Надсон и вышла в свет первая книга К.М. Фофанова “Стихотворения К.М. Фофанова (1880–87 гг.)”.

Отец поэта, Василий Петрович Лотарёв (1860–1904), происходил из “владимирских мещан”, был военным инженером и дослужился до чина штабс-капитана 1-го Железнодорожного полка. “Великолепнейший лингвист, / И образован и воспитан, / Он был умен, он был начитан”, – так писал о нем Северянин в своей “поэме детства” – “Роса оранжевого часа” (1925; *3, 146*). Мать – Наталия Степановна, урожденная Шеншина (185?–1921), дочь предводителя дворянства Щигровского уезда, Курской губернии, происходила из старинного дворянского рода, к которому принадлежали Н.М. Карамзин и Афанасий Фет. По первому мужу матери, генерал-лейтенанту Г.И. Домонтовичу, Северянин считал своими родственниками выдающуюся певицу Евгению Константиновну Мравинскую (сценическое имя – Мравина) и дипломата Александру Михайловну Коллонтай. Северянин дорожил своей родословной:

...гетман Довмонт,
Из старых польских воевод,
Он под Черниговом в сто комнат
Имел дворец под лоном вод.

(*“Роса оранжевого часа”, 3, 150*)

Особую гордость Северянина вызывало родство с “доблестным дедом” Карамзиным: “И в жилах северного барда / Струится кровь Карамзина” (“Поэза о Карамзине”, 1912). Своим “высокомерно взнесенным к потолку лицом мучного цвета со слегка одутловатыми щеками и носом” поэт напоминал екатерининского вельможу[6].

Детство поэта прошло в Петербурге. В 1895 г. его родители расстались, и мальчик вместе с отцом переехал в Череповецкий уезд, Новгородской губернии, к сестре и брату отца. С 1898 по 1902 г. будущий поэт учился в Череповецком реальном училище и жил на квартире директора училища князя Б.А. Тенишева.

---

[6] *Бурлюк Д.* Листки футуристической хрестоматии. Игорь Васильевич Северянин (Лотарёв) // Голос Родины. Владивосток, 1920. 26 сент.

В 1903 г. Северянин вместе с отцом совершил путешествие на Дальний Восток, в Квантун, где отец стал коммерческим агентом в одном из пароходств. В декабре того же года, незадолго до начала Русско-японской войны, юноша вернулся в Петербург и поселился с матерью в Гатчине. В гостях у матери часто бывали литераторы, художники, музыканты, и Северянин не раз вспоминал эту пору как время восторгов и музыки, время, когда он стал поэтом.

Однако свое первое стихотворение "Звезда и дева" Северянин написал значительно раньше, в 1895 г., когда ему не было еще девяти лет, и включил "как курьез" в приготовленный для полного собрания сочинений том детских и юношеских произведений – "Ручьи в лилиях" (сборник не был издан):

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звездочка верно не знает,
Что ей не долго блистать.
Так же и девица красна:
Выйдет на волю гулять.
Вдруг молодец подъезжает, –
И воли ее не видать…

(5, 82)

По собственному признанию, подобные "классически банальные" стихи поэт писал долго, вплоть до 1909–1910 гг. Но уже в эти годы закладывались те, по словам автора, "образцовые основы", на которых будет развиваться зрелое творчество Северянина: любовь к поэзии, музыке и русской природе.

Юноша увлекся литературой во время учебы в Череповецком реальном училище, когда "испытал сильное влияние Густава Эмара и Луи де Буссенара, позже – Дюма, Гюго, Тургенева и отчасти Гончарова, из поэтов гр. Алексея Толстого, а также Мирры Лохвицкой, Фофанова, Бодлэра и др." С детства поэт был "заправским меломаном" (*5, 92*), запоминал любимые арии и напевал их так, что взрослые удивлялись его слуху. В Петербурге Северянин постоянно бывал в Мариинском театре, где блистала Мравинская; в консерватории, Театре Народного дома императора Николая II, Театре музыкальной драмы.

Самое яркое впечатление на душу ребенка произвели оперы "Рогнеда" А.Н. Серова и "Князь Игорь" А.П. Бородина. Они были поставлены в 1895–1896 гг. в Мариинском театре с участием Ф.И. Шаляпина. "Обе эти оперы – русские оперы! – очаровали меня, потрясли, пробудили во мне мечту, – запела душа моя. Как все было пленительно, как небывало красочно: мягкий свет люстр, бесшумные половики, голубой бархат театра, сказочная сцена с витязями, лошадьми, кремлем путивльским, киевскими лесами дре-

мучими, пещерой Скульды – и такая большая, широкая, высокая, глубокая! Вокруг, в партере, нарядно, бархатно, шелково, душисто, сверкально, притушенно-звонко. 〈...〉 Сладко кружится голова. Как не пробудиться тут поэту, поэтом рожденному?.. Лучшей обстановки и не выдумаешь” (*5, 91*).

Среди любимых композиторов Северянина были Амбруаз Тома и Джакомо Пуччини, П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков. Северянин признавался: “Музыка и Поэзия – это такие две возлюбленные, которым я никогда не могу изменить” (*5, 92*).

И все же самым важным источником вдохновения для Северянина оставался родной Север и его природа. Образ “форелевой” реки в северной губернии пройдет через все творчество поэта и станет символом его неразрывной связи с любимой Родиной.

Сияет даль, и там, в ее сияньи,
Порожиста, быстра и голуба,
Родная Суда в ласковом влияньи
На зрелые прибрежные хлеба.
Ее притоки – Андога и Кумба,
Нелаза, Кемза, Шулома и Колпь, –
Открытья восьмилетнего Колумба,
Я вижу вас из-за несметных толп.

(“Сияет даль...”, 1940)

В автобиографии, подготовленной для “Словаря русских писателей” С.А. Венгерова, Северянин писал о себе: “Там, на любимой Суде, Игорь проводил летние каникулы, лишь изредка отпускаемый в Петербург к матери, и там же он познал первую (идеальную) любовь к кузине Лиле, дочери брата отца, которая была на 5 лет его старше. Автор осознал себя поэтом благодаря этой любви”.

Своим первым выступлением в печати Северянин называл публикацию 1 февраля 1905 г. в солдатском журнале “Досуг и дело” стихотворения «Гибель “Рюрика”», и именно от нее поэт отсчитывал 30- и 35-летие своей литературной работы (*5, 161*). На самом деле стихотворение вышло раньше отдельной брошюрой в шесть страниц (дозволено цензурой к печати 12 октября 1904 г.). К тому же «Гибель “Рюрика”» стала уже второй брошюрой поэта Игоря Лотарёва. Еще до этого так же было издано его стихотворение “К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры” (дозволено цензурой к печати 25 сентября 1904 г.).

Дебют поэта состоялся в дни Русско-японской войны, всколыхнувшей патриотические чувства юноши, недавно увидевшего просторы Сибири и Дальнего Востока. В этих стихах отразились не только известные по газетным сообщениям события, но и собственные воспоминания. Так построено стихотворение «Гибель “Рюрика”». В эпиграфе автор рассказывал о том, что вйдел на крейсере-герое: “Не далее ж того, как год тому назад / Он пышный

бал давал, красавец величавый…" Трагедия русского флота так глубоко поразила юношу, что, по его словам, лишь музыка вернула его к жизни.

В это время поэт Игорь Лотарёв был впервые отмечен на страницах "Петербургской газеты" писательницей Н.А. Лухмановой, которая рассказывала, что передала раненым "на театре военных действий с Японией" 200 экземпляров брошюры «Подвиг "Новика"». В 1912 г. восемь брошюр, посвященных Русско-японской войне, поэт объединил в раздел "Морская война" (до наст. изд. перепечатан не был).

Игоря Лотарёва публиковали неохотно. Отказы свои редакторы мотивировали то "недостатком места", то советовали обратиться в другой журнал, находя стихи "для себя неподходящими", чаще же всего возвращали вовсе без объяснений, – признавался позже автор (*5, 84*). В этой ситуации поэт принимает решение издать собственный альманах "Мимоза" (1905) с подзаголовком "Первый сборник стихотворений". Издание открывалось фотопортретом Мирры Лохвицкой и посвященным ее памяти стихотворением, под которым стояла подпись: "Князь Олег Сойволский" – псевдоним Игоря Лотарёва.

Имя Мирры Лохвицкой было в те годы широко известно. Первый и последний сборники поэтессы удостоены Пушкинской премии Академии наук. Ее сборники стихотворений переиздавались, отмечались критикой и даже удостаивались пародий. Видные поэты, в том числе Константин Бальмонт и Федор Сологуб, посвящали ей стихи. Известность Лохвицкой получила скандальный оттенок после ее декларативного отказа от "идейной" поэзии, утверждения свободы чувств ("Мне нет пределов, нет границ"). Поэтесса была увлечена Бальмонтом ("Лионелем"[7]) и обменивалась с ним в печати поэтическими посланиями. Первое издание сборника "Будем как солнце" (1903), название которого перекликается со стихотворением Лохвицкой "К солнцу!" – "Солнца!.. Дайте мне солнца! Я к свету хочу!", – Бальмонт посвятил поэтессе[8]. 27 августа 1905 г. Лохвицкая умерла от туберкулеза.

Северянин точно определил основную тему творчества Мирры Лохвицкой в посвящении сборника "Мимоза" – "Певица страсти". Любовь была содержанием ее поэзии, и строка "Это счастье – сладострастье" воспринималась как девиз поэтессы. «К ней применили, – писал критик А. Измайлов в некрологе, – и оно так и осталось навсегда, имя новой русской Сафо, певицы вакхической страсти, знойного наслаждения, упоения рабством и владычеством любви. "Amori et dolori sacrum" – значится как эпиграф на одной из ее книг, и она, действительно, была словно жрица в

---

[7] Имя легендарного рыцаря, полюбившего Жанну д'Арк.

[8] О романе М. Лохвицкой и К. Бальмонта см.: *Перцов П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 259.

храме, посвященном любви и любовной тоске, любовному страданию, всему огромному содержанию любви, со всем захватом чувственности, стонами наслаждения, смелостью и дерзостью порыва...»[9] Чувственная и жизнелюбивая лирика Лохвицкой, присущая ей импрессионистская зыбкость и экзотизм, легкий и мелодичный стих оказали большое влияние на творчество Игоря Северянина.

Во втором альманахе “Мимоза” поэт объявлял о том, что в следующих выпусках “предполагается поместить, кроме произведений собственных сотрудников, стихотворения Изабеллы Гриневской, Т.Л. Щепкиной-Куперник, Мирры Лохвицкой, Allegro, К.Д. Бальмонта, баронессы Эстен-Сакен, кн. Цертелева, лейтенанта С. и мног. других”. Таков был круг его литературных пристрастий и ожиданий, правда не сбывшихся. Альманах прекратил существование, а штат “собственных сотрудников”, скрывавшихся за причудливыми псевдонимами *Весенний Ветерок, Кванту́нец, Беглец, Князь Олег Сойволский, Граф Д'Аксанграф, Бич*, сводился к одному-единственному автору и издателю Игорю Лотарёву.

Неудача с альманахом заставила молодого поэта возвратиться к прежней форме издания, – последовали брошюры № 13 (поэтический очерк “В северном лесу”) и № 14 (“Лепестки роз жизни: Из стихотворений 1906 г.”). 26 марта 1908 г. в листовке “Памяти А.М. Жемчужникова” впервые появился сдвоенный дефисом псевдоним поэта: “Игорь-Северянин”. 1908 год – важный рубеж, отделивший юношеские стихи от все более захватывавших автора поэтических экспериментов, которые позже составили славу “Громокипящего кубка”.

Появляются и первые отзывы на издания Игоря-Северянина. Обозреватель газеты “Речь” А. Измайлов вспоминал в 1913 г., как “в редакцию приходили маленькие тоненькие брошюрки стихов, иногда всего в 8–10 страничек. Редактор брал их, метил, посыпал пеплом смешные, вычурные, нелепые стихи и, улыбаясь, вручал соответствующему сотруднику.

– Игорь Северянин опять прислал стихов. Будет охота – отметьте.

⟨...⟩ Пародисты глумились над поэтом, который себя окалошил, обрючил и оперчаточил”[10].

Вышедшая в июле 1909 г. брошюра № 26 “Интуитивные краски: Немного стихов” сыграла роль своеобразного катализатора в этом процессе. Писатель И. Наживин привез эту брошюру в Ясную Поляну и 12 января 1910 г. прочитал ее Л.Н. Толстому. Вскоре интересные подробности этого визита были изложены в очерке Наживина “В Ясной Поляне”: «Много смеялся он ⟨Толстой⟩ в этот вечер, слушая чтение какой-то декадентской книжки – не то “Интуитивные звуки”, не то “Интуитивные краски”, где, разуме-

[9] *Измайлов А.* М. Лохвицкая // Биржевые ведомости. 1905. 30 авг.

[10] *Измайлов А.* Красавица, нюхающая табак // Критика о творчестве Северянина. С. 47.

ется, был и "вечер, сидящий на сене", и необыкновенная любовь какая-то, и всевозможные выкрутасы. Особенно всем понравилось стихотворение, которое начиналось так:

Вонзим же штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не станут робки... ⟨цит. с искажениями⟩.

Но вскоре Лев Николаевич омрачился.

– Чем занимаются!.. Чем занимаются!.. – вздохнул он. – Это литература! Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки!». Отрицательную часть отзыва Толстого с собственными комментариями вскоре перепечатали многие газеты России, не упомянув, что это стихотворение "особенно всем понравилось"[11].

По словам Северянина, Лев Николаевич разразился «потоком возмущения по поводу явно иронической "Хабанеры", об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики во главе с С. Яблоновским, после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня сразу известным на всю страну!.. С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому не было лень» (*5, 85*).

Первым из тех, кто поддержал Северянина, стал Константин Фофанов, чьи стихи Северянин назвал "эпохой". А. Измайлов рассказывал, как "однажды Фофанов пришел в редакцию в сопровождении молодого, стройного, симпатичного человека, безбородого и безусого, держащегося со светской выправкой, скромно и спокойно. Он был без кудрей до плеч, ничто не подчеркивало в его наружности звания поэта, в глазах светилась своя тихая дума, далекая от предмета случайного сейчас разговора.

– Познакомьтесь: Игорь Северянин. Поэт. Очень талантливый, очень талантливый, – заговорил своей нервной, заикающейся скороговоркой Фофанов. – Мы на днях вместе снимались. Я вам принесу карточку.

Огромный и прекрасный талант, Фофанов был щедр на признание дарований в начинающих"[12].

Фофанов – "герой, пророк и русский мужичок" – посвятил Северянину около 20 стихотворений. Смерть Фофанова 17 мая 1911 г. глубоко взволновала поэта. Он объявил о готовящемся издании "К.М. Фофанов. Поэзы Игорю-Северянину". Этот план не осуществился. Но в память о "короле поэзии" Северянин поместил последнее "Предисловие К.М. Фофанова" в

---

[11] Утро России. 1910. 27 янв.; см. также: Биржевые ведомости. 1910. 29 янв.; *Яблоновский С.* "Счастье в удобном смысле" // Южный край. Харьков, 1910. 31 янв.

[12] *Измайлов А.* Красавица, нюхающая табак // Критика о творчестве Северянина. С. 50.

своей брошюре "Качалка грёзэрки" (1912):

МУЗЫКА БЕЗ СЛОВ

О, Игорь, мой единственный,
Шатенный трубадур!
Люблю я твой таинственный,
Лирический ажур...

К. Фофанов

Февраль 1911
ст. Сергиево

Северянин не скрывал влияния на него поэзии Фофанова, в которой ценил "истинную индивидуальность", "отрицание общепринятого", "несомненную иронию", "редкую вдохновенность" (*5, 26*).

Казалось, с кончиной Фофанова поэтический Олимп для Северянина опустел. Но это было не так. Пришло время создания собственного кружка поэтов. Осенью 1911 г. Северянин печатает стихотворный манифест «Пролог. "Эго-футуризм"» (№ 32) и заявляет о создании новой поэтической школы: "Природа, Бог и люди – эгоисты: Я – эгоист" ("Поэза истины"). Вокруг Северянина объединяются не имеющие достаточного литературного опыта Иван Игнатьев (И.В. Казанский), Василиск Гнедов, Павел Широков, Дмитрий Крючков, Грааль-Арельский (С.С. Петров), которые образуют кружок "Эго".

В конце 1911 г. Северянина приглашают в литературно-художественное "Кружало" И. Игнатьева и он ведет переговоры с редакцией петербургских "Рамповых огней" по поводу своего вступления в состав редакционной коллегии[13]. Поэт часто бывает на квартире Игнатьева, где с января 1912 г. помещалась редакция газеты "Петербургский глашатай". Постоянными спутниками Северянина в числе прочих были Георгий Иванов, Грааль-Арельский, К. Олимпов (К.К. Фофанов), которые вместе с ним и составили "ректорат" Академии эгопоэзии. В январе 1912 г. в Петербурге были опубликованы "Скрижали Академии эгопоэзии".

«В отличие от школы Маринетти, – пояснял Северянин, – я прибавил к этому слову ⟨футуризм⟩ приставку "эго" и в скобках: "вселенский" ⟨...⟩ Лозунгами моего эгофутуризма были: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутвержденье личности. 3. Поиски нового без отверганья старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со "стереотипами" и "заставками". 7. Разнообразие метров» (*5, 36*).

Это была общепоэтическая программа. Наиболее значительные шаги делаются Северяниным прежде всего в направлении лексического своеобразия (неологизмы, варваризмы, бытовая речь), музыкальной аллитерации и ритмического рисунка. "Для того-то и основан вселенский эгофутуризм,

---

[13] См. информацию в газете "Нижегородец" (1911. 22 нояб.).

чтобы расширить границы искусства", – проницательно заметил Николай Гумилев.

Еще в "Письмах о русской поэзии" Гумилев выделил творчество Северянина: "...из всех дерзающих, книги которых лежат передо мной, интереснее всех, пожалуй, Игорь-Северянин: он больше всех дерзает". "Желание скандала", "жалкая наивность" и "неловкости" стиля, которые не преминул отметить строгий критик, не заслонили главных достоинств: "Его стих свободен и крылат, его образы подлинно, а иногда и радующе неожиданны, у него есть уже свой поэтический облик"[14].

Слышались и скептические отзывы о судьбе эгофутуризма: "В Игоре Северянине, – писал В. Ходасевич, – весьма удивил нас несомненно ему присущий и упорно подчеркиваемый морализм. ⟨...⟩ За пределы же морали Игорь Северянин не посягает, и по-видимому – футуризму надо еще ждать да ждать философского своего credo"[15].

Возможно, больше собственной философии Северянина занимало признание со стороны старших современников. Так, он ежегодно отмечал как знаменательную дату день знакомства с Константином Фофановым – 20 ноября 1907 г.

3 апреля 1910 г. на похоронах своего любимого художника М.А. Врубеля на Новодевичьем кладбище в Петербурге, где присутствовали В.А. Беклемишев, В.А. Серов, А.Н. Бенуа, Л.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, Б.М. Кустодиев, В.В. Матэ, С.П. Дягилев, Л.С. Бакст, К.С. Петров-Водкин, М.В. Добужинский, Игорь Северянин услышал единственную, произнесенную над могилой речь Александра Блока. Его поразило блоковское определение гениальности: "...гениален только тот, кому удалось расслышать сквозь ⟨...⟩ ветер целую *фразу*..."[16].

Позже Северянин написал Блоку на своей книге "Ручьи в лилиях":

"Александру Александровичу Блоку:

Поэт! Я слышал Вас на похоронах Врубеля. Незабвенна фраза Ваша о гении, понимающем слова ветра. Пришлите лишь Ваши книги: я должен *познать* их.

Игорь-Северянин.
1911 – XII, 3. СПб."

В библиотеке Блока сохранились еще две книги, подаренные ему Северяниным: "Очам твоей души" с дарственной надписью: "Александру Бло-

---

[14] *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 5. С. 76.

[15] Русская молва. 1912. 25 дек.

[16] *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1963. С. 690, 794, а также 421–424, 756, см. также: Речь. 1910. 4 апр. Речь у могилы Врубеля переработана Блоком для журнала "Искусство и печатное дело" (Киев, 1910. № 8–9) и опубликована под названием "Памяти Врубеля".

ку – автор. 912" (с исправлением опечаток) и «Эпилог "Эго-футуризм"» – "Александру Блоку – с сочувствием и уважением. 1912"[17]. На смерть Блока Северянин откликнулся стихами, опубликованными в газете "Эхо"[18]; а в 1925 г. написал "медальон" "Блок", который завершил словами:

У рая слышен легкий хруст шагов:
Подходит Блок. С ним – от его стихов
Лучащаяся – странничья котомка...

(*4, 319*)

Блок также относился к творчеству Северянина с интересом, посещал его поэзоконцерты; в 1911 г. прислал ему сборник "Ночные часы" с надписью: "Поэту с открытой душой"[19]. Вскоре после выхода в свет "Громокипящего кубка", 25 марта 1913 г., Александр Блок делает дневниковую запись: «Мы в "Сирине" много говорили об Игоре-Северянине, а вчера я читал маме и тете его книгу ⟨Громокипящий кубок⟩. Отказываюсь от многих своих слов, я преуменьшал его, хотя он и нравился мне временами очень. Это – настоящий, свежий, детский талант. Куда пойдет он, еще нельзя сказать; что с ним стрясется: *у него нет темы*. Храни его Бог»[20].

В том же году Блок хотел написать статью "Игорь-Северянин и капитан Лебядкин" и говорил однажды по этому поводу своему собеседнику: "Ведь стихи капитана Лебядкина очень хорошие"[21]. Это намерение Блока не осуществилось, но "материалы для статьи об И.-Северянине" упомянуты в "Списке моих работ" за 1913 г.[22] Позже Блок сочувственно упоминал о Северянине в статьях "Русские денди" (2 мая 1918) и "Без божества, без вдохновенья. (Цех акмеистов)" (апрель 1921).

Северянин ценил внимание В. Брюсова. «Осенью 1911 г., – вспоминал Северянин, – это было в Петербурге – совершенно неожиданно, ибо я даже знаком с Брюсовым не был, я получил от него, жившего постоянно в Москве, чрезвычайно знаменательное письмо и целую кипу книг: три тома "Путей и перепутий", повесть "Огненный ангел" и переводы из Верлэна. На первом томе стихов была надпись: "Игорю Северянину в знак любви к его поэзии. Валерий Брюсов". "Не знаю, любите ли Вы мои стихи, – писал Брюсов, – но Ваши мне положительно нравятся. ⟨...⟩" В заключение он просил меня выслать ему все брошюры с моими стихами ⟨...⟩ В письме ко мне Брюсова и в присылке им своих книг таилось для меня нечто чудесное, сказочному сну подобное: юному, начинающему, почти никому не известному поэту пишет совершенно исключительное по любезности письмо и шлет свои

[17] Хранится в библиотеке Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), СПб.
[18] Эхо. Ковно, 1921. № 202.
[19] Хранится в Музее им. Ф.Р. Крецвальда (Тарту).
[20] *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. М., 1963. С. 232.
[21] *Гиппиус В.* Встречи с Блоком // Ленинград. 1941. № 3. С. 20.
[22] *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 495–496.

книги поэт, достигший вершины славы, светило модернизма, общепризнанный мэтр...» (*5, 29*).

Получив от Северянина брошюры, Брюсов направил ему свое послание в стихах с посвящением в рукописи "Учителю и вождю Академии эгопоэзии Игорю Северянину", которое начиналось словами: "Строя струны лиры клирной, / Братьев ты собрал на брань...".

...Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель,
Встань пред ратью, предводитель,
Разрушай преграды грезы, стены тесных склепов рушь![23]

В этих стихах Брюсов намекал на провозглашенный Эгофутуризм. Северянин написал ответные стихи "Прощальная поэза. (Ответ Валерию Брюсову на его послание)", которые включил в "Громокипящий кубок". Столь же высоко оценил Северянин приветствие В. Брюсова "Игорю Северянину. (Сонет-акростих с кодою)", которое автор дал в эгофутуристический альманах "Орлы над пропастью" (1912). Ответом на него стал выразительный акростих "Валерию Брюсову: Сонет-ответ", вошедший в "Златолиру", и другие стихи.

20 декабря 1912 г., на пике их поэтической переписки, Брюсов организовал вечер Северянина в Обществе свободной эстетики в Москве. Позже написал статью, в которой отразилась эволюция его взглядов на творчество поэта, для сборника "Критика о творчестве Северянина"[24].

В дни, когда публика приветствовала явление нового поэта, вышел альманах кубофутуристов "В защиту нового искусства" с вызывающим и бескомпромиссным заглавием "Пощечина общественному вкусу". В манифесте говорилось: "Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот?"[25]

Первые успехи Северянина на эстраде и в столичных салонах после "извержения такой поэтической Этны, как Бальмонт, после офортов Брюсова и аллитерационной волшбы Сологуба"[26] связаны не только с эгофутуризмом, но и с тем заинтересованным вниманием, которым оделили его Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Познакомившись с Северяниным, они представили его "всему Петербургу", пригласили в поездку по России с первыми поэзоконцертами.

Утвердившись как поэт, Северянин все менее ощущал необходимость в

---

[23] *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 1973. С. 201.

[24] Подробнее см.: *Гиндин С.И.* Статья "Игорь Северянин" в эволюции и наследии Брюсова-критика // О Игоре Северянине: Тезисы докладов науч. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Северянина. Череповец, апрель / Вологодская писательская организация. Череповецкий гос. пединститут им. А.В. Луначарского. Череповец, 1987. С. 27–31.

[25] Пощечина общественному вкусу. М.: Изд. Г. Кузьмина и С. Долинского, 1912. С. 3.

[26] Критика о творчестве Северянина. С. 117.

сотрудничестве с Академией эгопоэзии и завершил его полуироническим «Эпилогом "Эго-футуризма"» – брошюрой № 35:

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.

С выходом из Ареопага эгофутуризма не прекратились связи Северянина с кругом петербургских поэтов. В этот момент его бывшие коллеги по эгофутуризму Георгий Иванов и Грааль-Арельский вступили в "Цех поэтов". 19 ноября 1912 г. секретарь объединения М. Лозинский обращался к Граалю-Арельскому:

«Многоуважаемый Степан Степанович,

в выходящем на днях № 2 Гиперборея будут напечатаны письма в редакцию Игоря Северянина, заявляющего о своем выходе из кружка "Ego" и о прекращении сотрудничества в изданиях "Петербургского Глашатая", и Георгия Иванова, при сем прилагаемое. Может быть, Вы присоедините к письму Г. Иванова Вашу подпись. В таком случае будьте добры сообщить мне об этом возможно скорее, чтобы не задерживать выхода номера»[27].

Лишь случайностью Северянин объяснял то, что не вступил в круг акмеистов: когда Гумилев пришел к нему в дом на Подьяческой улице с приглашением, Северянин был болен и встреча не состоялась. Обращаясь к вождю акмеистов, он писал: "Только третьего дня я встал с постели, перенеся в ней инфлюэнцу, осложнившуюся в ветрооспу. Недели две я буду безвыходно дома. Я очень сожалею, что не смог принять Вас, когда Вы, – это так любезно с Вашей стороны, – меня посетили: болезнь из передающихся, и полусознание"[28].

Стремление получить Северянина в союзники было и у московских эгофутуристов из группы "Мезонин поэзии" (некоторые стихи В. Шершеневича, К. Большакова, Р. Ивнева бывали созвучны северянинским стихам). В. Шершеневич вспоминал, что в то время заказал книги Игоря Северянина, а также и другие книги, выпущенные издательством "Эго": «Вообще "Эго" меня интриговало. Так назывался препарат сухих яиц. Слово "эгофутуризм" было незнакомо. Скоро я получил ответ следующего характера:

Любезный почитатель!

Издательство "Эго" ликвидировано и книги распроданы. Был бы весьма рад исполнить ваш заказ, но увы! Пишите, я оботвечу все вопросы.

Ликвидатор "Эго" – Лотарёв»[29]

---

[27] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761.

[28] Цит. по кн.: *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. Париж, 1986. С. 241.

[29] *Шершеневич В.Г.* Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. // Мой век, мои друзья, мои подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова: Сб. / Сост., указ. имен С.В. Шумихина и К.С. Юрьева. Вступ. ст., коммент. С.В. Шумихина. М., 1990. С. 487–488.

В дальнейшем Северянин не раз печатался в альманахе "Мезонин поэзии". Он вступил также в непродолжительный альянс с кубофутуристами. В декабре 1913 – январе 1914 г. Северянин участвовал в крымском турне с Маяковским и Бурлюком и публиковался в сборнике "Рыкающий Парнас". В манифесте "Идите к черту!" утверждалась возможность дальнейшего сотрудничества: "*Мы отбросили наши случайные клички эго и кубо и объединились в единую литературную компанию футуристов*"[30].

Вместе с Маяковским, Бурлюком и Каменским Северянин подписал это коллективное заявление, несмотря на содержавшиеся в нем выпады против "еще ползающих старичков русской литературочки" и, в частности, Сологуба, который "схватил шапку И. Северянина, чтобы прикрыть свой облысевший талантик"[31]. Оскорбленный Сологуб ответил 9 июля 1914 г. стихотворением "Цветы для наглых, вино для сильных...", где иронично замечал: "Рабы послушны тому, кто смел ⟨...⟩ Все блага жизни тому, кто грубо / И беспощадно вперед идет"[32].

Временный союз Северянина с кубофутуристами завершился разрывом, им была написана "Поэза истребления" ("Меня взорвало это кубо...", 1914). Он вновь оказался "объединиченным" – уже в декабре 1913 г. В. Пяст, читая лекцию "Поэзия вне групп", включил в афишу, помимо Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, Игоря Северянина.

4 марта 1913 г. вышла в свет книга "Громокипящий кубок". Она имела триумфальный успех и стала одним из заметных явлений русской поэзии XX в. За первые два года книга выдержала 7 изданий, а всего за 6 лет, с 1913 по 1918 г., – 10.

В предисловии Федора Сологуба говорилось: "Одно из сладчайших утешений жизни – поэзия свободная, легкий, радостный дар небес. Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны".

Единомышленники Северянина сочли, что в признании Сологуба не было "никакого открытия нового светила. На небе русской литературы всем очевидная горела звезда первой величины"[33]. Но для читающей публики слово Сологуба о приходе нового поэта имело свой смысл. Несмотря на то что Северянин шел к "Громокипящему кубку" 10 лет, книга открыла новый этап его творческой биографии, когда он совершал переоценку всего написанного за эти годы. "Счастливое чудо" (А. Измайлов)[34], "нечаянная ра-

---

[30] Рыкающий Парнас. СПб., 1914. С. 3.

[31] Там же.

[32] *Сологуб Ф.* "Цветы для наглых, вино для сильных..." // Русская мысль. 1915. № 4. С. 36.

[33] *Бурлюк Д.* Листки футуристической хрестоматии // Голос Родины. Владивосток, 1920. 26 сент.

[34] *Измайлов А.* Красавица, нюхающая табак // Критика о творчестве Северянина. С. 52.

дость" (Ф. Сологуб)[35], "прямо культурное событие" (Н. Гумилев)[36], – так определили появление книги современники Северянина.

Название "Громокипящий кубок" подсказал поэту Ф. Сологуб[37], обыгравший его в предисловии к книге, написанном в феврале 1913 г. В словах Сологуба можно усмотреть не только связь названия с легкими и сверкающими стихами Северянина, упоение весной и радостью жизни, но и параллель с классической традицией русской поэзии, идущей от Пушкина, Тютчева и Фета.

В "Громокипящим кубке" отразилась история "мещанской драмы" поэта-грёзэра. Книга состоит из четырех разделов. Заглавия двух перешли из вышедших ранее брошюр: раздел "Сирень моей весны" – 18-я брошюра (1908), и "За струнной изгородью лиры" – 25-я брошюра (1909). В первом разделе, под названием "Сирень моей весны", раскрывается душа "грёзэра", который охвачен порывом нового весеннего чувства и молодости. Он живет мечтами и грёзами о прекрасной женщине в березовом "коттэдже" на берегу форелевой реки:

На северной форелевой реке
Живете вы в березовом коттэдже.
Как Богомать великого Корреджи,
Вы благостны.

....

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не расстреливай.

Любимое время года – весна – как символ молодости жизни, радости, любви, времени надежд и мечтаний – чаще всего окрашена в сиреневый, фиолетовый и алый цвета. Позже Северянин назовет себя "певцом весны" (1923), а свою душу – простой, "как день весны" (1926). Сирень станет эмблемой "тихо канувшей" любовной весны. Завершающему первый раздел стихотворению – "Надрубленная сирень" – придан символический смысл несбывшихся грёз:

Запахло сеном.
И с зимним пленом
Земля простилась...
Но – что за сны?!
Согнулись грабли...
Сверкнули сабли,
И надрубили сирень весны!..

---

[35] *Сологуб Ф.* [Предисловие] // Северянин И. Громокипящий кубок. СПб., 1913. С. 5.
[36] *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1914. Янв.–февр. № 1–2. С. 23.
[37] См.: *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 452.

Во втором разделе, “Мороженое из сирени”, разочарованный герой, обманутый в своих чувствах, попадает с берегов форелевой реки и северного “одебренного” леса на площадь. Вместо живой цветущей сирени его окружают красивые аксессуары: мороженое из сирени, ликеры, шампанское, фрукты, запах духов и всевозможные цветы: лилии, левкои, “кризантэмы”, фиалки, ландыши, – обстановка светских гостиных. Возникает идеальный образ недоступной и недостижимой страны Миррэлии, где душа “влечется к средоточью”, тогда как на площади “душа влечется в примитив”.

Третий раздел, “За струнной изгородью лиры”, посвящен одинокому поэту – царственному паяцу, который уходит с площади, от толпы и рыдает за “изгородью лиры”.

В контексте мещанской драмы “поэта-грёзэра” декларации четвертого, завершающего, раздела “Эго-футуризм” – “Я, гений Игорь Северянин / Своей победой упоен…” – довольно неожиданны. Эти слова произносит человек, который недавно еще был открыт всему окружающему миру и каждому человеку, исполнен отзывчивостью и милосердием («я всех чужих зову на “ты”…», “как друга целовать врага…”) и отдал на суд любимой все молитвы и печали своей души.

Невольно ощущается ирония в словах “гения Игоря Северянина” об упоении своей победой и искренность намерения идти “в природу, как в обитель / Петь свой осмеянный устав”. Тем более что тема бессмертия (“капризный, но бессмертный эксцесс”, “постиг бессмертия процесс”) в стихотворении “Мои похороны” воплощается в особом, узнаваемом сразу, полупатетическом и полунасмешливом, требующем от читателя понимания игры, стиле Северянина, в единстве с темой милосердия:

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердье…
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

Книга, как мы уже отмечали, вызвала множество откликов. В первые же дни после выхода в свет “Громокипящий кубок” приветствовали А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус, О. Мандельштам, В. Ходасевич, Иванов-Разумник, Н. Гумилев, А. Измайлов и др. Как заметил И. Бунин, имя Северянина “знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерицы, коммивояжеры, юнкера…”[38].

Главной причиной успеха “Громокипящего кубка” была своевременность и современность книги. Она вышла весной 1913 г., когда имя Северя-

---

[38] *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 298.

нина было уже известно: футуристам удалось обратить на себя внимание. И хотя многие современники отделяли Северянина от футуризма, но отдавали должное тому чувству времени, которое проявилось в "Громокипящем кубке".

«Его поэзия, – заметил В. Ходасевич, – необычайно современна – и не только потому, что в ней часто говорится об аэропланах, кокотках и т.п., – а потому, что его душа – душа сегодняшнего дня. Может быть в ней отразились все пороки, изломы, уродства нашей городской жизни, нашей тридцатиэтажной культуры, "гнилой, как рокфор", но в ней отразилось и небо, еще синеющее над нами»[39].

Несмотря на частые критические выпады в адрес поэта после выхода "Громокипящего кубка" имя Северянина включается в ряд признанных современных писателей. "Максим Горький, Леонид Андреев, Д.С. Мережковский, Ф. Сологуб, И.А. Бунин, Бальмонт, Брюсов, Блок, а из более молодых Сергеев-Ценский, Шмелев, Игорь-Северянин – все это крупные таланты, которые оставили свой неизгладимый след в русской литературе"[40], – писал критик А.С. Изгоев.

Вторая книга поэз Северянина, "Златолира", вышла 4 марта 1914 г. (выдержала 7 изданий), третья – "Ананасы в шампанском" – 28 января 1915 (5 изданий), четвертая – "Victoria Regia" – 14 апреля 1915 (4 издания), пятая и шестая – "Поэзоантракт" – 1915 и "Тост безответный" – 1916 г. (соответственно 2 и 1 издание). Внимание критики от книги к книге несколько убывало, каждая последующая встречалась более прохладно, чем предыдущая. Причины такого отношения в условиях Первой мировой войны и наступившего общественного кризиса вполне понятны.

В "Златолире" и "Ананасах в шампанском" выражена внешне жизнерадостная, и даже бурная, а внутренне – томящаяся душа. Каждая из этих книг развивает преимущественно какую-то одну из многообразия тем "Громокипящего кубка".

Один из критиков назвал "Златолиру" "недоразумением в стихах": "Книга Иг. Северянина лишена всякого поэтического содержания ⟨...⟩ это самая настоящая проза и, притом, скверная ⟨...⟩ Есть вещи, о которых говорить серьезно – значит быть несерьезным. И если все-таки приходится останавливаться на Иг. Северянине, то потому лишь, что он всюду шумит, его читают, о нем всерьез толкуют критики, ему устраивают овации и о нем, захлебываясь, многие говорят как о гении..."[41] Прохладное отношение крити-

---

[39] *Ходасевич В.* [Рецензия] Игорь Северянин. Громокипящий кубок // Утро России. М., 1913. 16 марта.

[40] Одесский листок. 1914. 19 февр.; см. также: Камско-Волжская речь. Казань, 1914. 30 марта и др.

[41] *Тальников Д.* Недоразумение в стихах // Современный мир. СПб., 1914. № 6. С. 71.

ки к "Златолире" заставило Северянина внимательнее отнестись к подготовке своей третьей книги.

Поэт существенно дополнил "Ананасы в шампанском" новыми стихами. Среди них "Увертюра", "В коляске Эсклармонды", "В блесткой тьме", "Валентина", "Поэза о тысяча первом знакомстве" и др. В третьей книге поэз Северянину удались "будуарные" темы, поданные с сокровенной или прямо откровенной иронией:

> Каждая строчка – пощечина. Голос мой – сплошь издевательство.
> Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.

Экзотическое название книги также способствовало тому, что в восприятии современников имя Северянина нередко ассоциировалось именно с ней. Николай Клюев в письме С. Есенину, написанном еще до личного знакомства (датируется: "Август? 1915"), предостерегал его от соблазна легкой славы: «Твоими рыхлыми драченами ⟨слова из стихотворения Есенина "В хате"⟩ объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском. ⟨...⟩ и рязанцу и олончанину это блюдо по нутру не придет, и смаковать его нам прямо грешно и безбожно. ⟨...⟩ Знай, свет мой, что лавры Игоря Северянина никогда не дадут нам удовлетворения и радости твердой...»[42]. Спустя восемь лет, в конце 1933 г., одна из почитательниц поэта устроила ему в Белграде десерт – ананасы в шампанском (*5, 244*).

Одним из самых распространенных стал миф о равнодушии Северянина к общественной жизни. На самом деле его лирика и публицистика, когда-то отвергнутые издателями по идеологическим причинам, заслуживают пристального внимания.

Тоска души в предгрозье Первой мировой войны и лирическая ирония по отношению к витавшему в различных слоях общества желанию уйти от трагизма действительности в "бомонд" и "иностраны", отразившиеся в стихах Северянина, оказались созвучны чувствам современников. "В этот период, – вспоминала Е.Ю. Кузьмина-Караваева, – смешалось все. Апатия, уныние, упадочничество – и чаяние новых катастроф и сдвигов. ⟨...⟩ Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны"[43].

За несколько дней до объявления войны отдыхавший в Эстляндии, в приморском поселке Тойла, Северянин откликнулся стихами на убийство австро-венгерского эрц-герцога Фердинанда: "Германия, не забывайся! Ах, не тебя ли сделал Бисмарк? ⟨...⟩ Но это тяжкое величье солдату русскому на высморк!" Такой рифме позавидовал бы и Маяковский, сочинявший осенью

---

[42] Есенин и современность: Сб. М., 1975. С. 239.
[43] Цит. по кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 62–63.

1914 г. патриотические плакаты ("Немец рыжий и шершавый...") в издательстве "Сегодняшний лубок".

Северянина осуждали за эти строки (Брюсов назвал стихотворение "отвратительной похвальбой"[44]). Неожиданно политика вошла в соприкосновение и, более того, в противоречие с главным лозунгом Северянина – "Живи, живое!". Цикл военно-патриотических стихов составил половину раздела "Монументальные моменты" в сборнике "Victoria Regia" (1915) – 13 произведений, написанных в период с июня по октябрь 1914 г. В стихотворениях "Поэза к Европе" и "Все вперед!" поэт обращался с призывом: "Кто хочет жить, будь доблестным бойцом!" (*1, 545*).

Не только современники упрекали Северянина в "квасном патриотизме", цитируя его строки, которые, будучи вырваны из контекста, звучали слишком упрощенно: "Когда отечество в огне, / И нет воды, лей кровь, как воду... / Благословение войне!" При этом совершенно игнорировались две начальные строки, задающие смысл стихотворению:

Я не сочувствую войне,
Как проявленью грубой силы...

(*1, 546*)

В стихотворениях "Поэза о Бельгии", "Начальники и рядовые" (опубл. в 1922) возникают мотивы Мирры Лохвицкой – боль и сочувствие жертвам войны:

Они сражаются в полях,
Сегодня – люди, завтра – прах.

Возражая своим критикам, Северянин написал иронический "Мой ответ", последняя строфа которого только усилила нападки на поэта:

– Друзья! Но если в день убийственный
Падет последний исполин,
Тогда, ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

(*1, 553*)

На волне всеобщего подъема в дни Февральской революции Северянин создал цикл стихов "Револьверы революции" (опубликован только в сборнике "Миррелия". Берлин, 1922). В примечании автора говорилось, что рукописи пропали в Москве в феврале 1918 г. и были восстановлены по памяти через год в Тойле. Несправедливо забытый цикл открывается стихотворением "Гимн Российской республики" ("Мы, русские республиканцы...").

---

[44] *Брюсов В.* Игорь Северянин // Критика о творчестве Северянина. С. 20.

Исполнены национальной гордости строки стихов "Моему народу", "Все – как один":

Народу русскому дивитесь:
Орлить настал его черед!

Поэт раскаивался в своем ироническом, но двусмысленном призыве "лить кровь, как воду":

Как мог я, любящий свободу,
Поющий грёзовый запой,
Сказать абсурд такой в угоду
Порыву гордости слепой?!

К лету 1917 г. настроение поэта переменилось: "Искусство в загоне... Что делать в разбойное время поэтам... Мы так неуместны, мы так невпопадны". Октябрьская революция отразилась в "Поэзе скорбного утешения" и "Поэзе последней надежды", в контрастах увиденного "злого произвола" и веры в "глаза крылатой русской молодежи": "Я верю в вас, а значит – и в страну". Это была политическая лирика в полном смысле слова. "Сверкает в руках револьвер!" аллитеровано не хуже, чем год спустя у Маяковского "Ваше слово, товарищ маузер!"

Количество поклонников поэзии Северянина за эти годы не уменьшилось. Успеху способствовали многочисленные выступления автора, о которых поэт писал еще в 1910 г.:

Позовите меня,
Я прочту вам себя,
Я прочту вам себя,
Как никто не прочтет.

Северянин был одним из первых поэтов, вышедших "популярить свои изыски" к большой аудитории. Своим чтением, мелодичной напевностью, он буквально завораживал и околдовывал публику. Первый сольный поэзоконцерт Северянина прошел в декабре 1913 г. в зале Тенишевского училища. Позднее, в 1939 г., поэт подсчитал, что всего за пять лет, с 1913 по 1918, выступил около 130 раз, из них в Петербурге – 55, в Москве – 26, в Харькове – 10, в Тифлисе – 4, а также во многих других городах.

Необычная обстановка поэзоконцертов Северянина запомнилась многим современникам. «Поэт, – рассказывал В. Рождественский, – появлялся на сцене в длинном, узком в талии сюртуке цвета воронова крыла. Держался он прямо, глядел в зал слегка свысока, изредка встряхивая нависающими на лоб черными, подвитыми кудряшками. Лицо узкое, по выражению Маяковского, вытянутое "ликерной рюмкой" ("Облако в штанах"). Заложив руки за спину или скрестив их на груди около пышной орхидеи в петлице, он начинал мертвенным голосом, все более и более нараспев, в особой, только

ему одному присущей каденции с замираниями, повышениями и резким обрывом стихотворной строки разматывать клубок необычных, по-своему ярких, но очень часто и безвкусных словосочетаний. ⟨...⟩ Заунывно-пьянящая мелодия получтения-полураспева властно и гипнотизирующе захватывала слушателей"[45].

27 февраля 1918 г. в переполненном публикой зале Политехнического музея состоялось состязание на звание "Короля поэзии". В нем участвовали Владимир Маяковский, Константин Бальмонт и Игорь Северянин. "Всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием" это звание было присуждено Северянину. Второе место занял Маяковский, третье – Бальмонт. Это была высшая точка триумфального успеха поэта, который он предчувствовал десять лет назад:

Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом,
Весна, пришедшая из рая,
Чело украсит мне венцом.

В конце 1917 г. Северянин вместе с больной матерью поселился в Эстляндии, в поселке Тойла, где бывал начиная с 1912 г. Отсюда в феврале 1918 г. он приезжал в Москву на вечер избрания Короля поэзии. После заключения Брестского мира и получения независимости Эстонией поэт оказался в эмиграции. Для него, достигшего творческих вершин и "повсесердной" славы до революции, было особенно горько остаться не только без Родины, но и без привычной литературной среды, без своих читателей (с отъездом из Москвы прекратились издание собрания поэз, участие в грандиозных вечерах поэзии в Политехническом музее).

Вначале Северянин пытался отстоять свое право оставаться дачником и "соловьем во фраке". Ему удалось опубликовать новые книги стихов в эстонском издательстве "Odamees": "Crème des Violettes" (1919), "Pühajõgi: Эстляндские поэзы" (1919), "Вервэна: Поэзы 1918–1920" (1920). Тогда же завязалось знакомство Северянина с эстонскими поэтами, результатом впоследствии стало издание книги "Поэты Эстонии: Антология за сто лет", включавшей 143 перевода из 32 поэтов.

На переломе жизненной и творческой судьбы Северянин, частично в Петрограде и Москве, но преимущественно в Тойле, написал книгу поэз "Соловей" (1923). Она сложилась на основе задуманной им "Поэмы о жизни". Ее главный мотив – превосходство природного над социальным – созвучен всему северянинскому творчеству. Иванов-Разумник отмечал в 1913 г.: «До сих пор он только поэт площади, не воспевающий ее, но рожденный ею ⟨...⟩.

---

[45] *Рождественский В.* Игорь Северянин // Северянин Игорь. Стихотворения. Л., 1979. С. 12. (Б-ка поэта. Малая серия).

Но было бы грустно, если бы он век остался кричать на площади или разносить свое “мороженое из сирени” по петроградским дачам. Он подлинный лирический поэт, и широкий путь его лежит от “дачи” – к “природе”, “от площади” – в леса, в поля, туда “где вдохновитель его исканий – говор хат”»[46]. Поэт достиг вершины славы и покидает свой трон, город, толпу поклонников, чтобы остаться поэтом – Соловьем:

На что мне царства и порфиры?
На что мне та иль эта роль?
За струнной изгородью лиры –
Наикорольнейший король!

Однако картины эстляндской природы (“В хвойной обители”, “Нарва”, “Синее”, “На лыжах”, “Сон в деревне”) пока не в силах вытеснить литературные реминисценции (“Рескрипт короля”, “Двусмысленная слава”, “Пять поэтов”, “Афоризмы Уайльда”). Поэт словно вспоминает лучшие дни жизни (“Слава”), знаменательные встречи (“У Сологуба”), самые удачные строки (“Лейтмотивы”).

Противоречивое соединение разных ликов поэта – то горожанина, дачника, то романтического отшельника, “экзотика” – обсуждали критики и ранее, находя в стихах “тютчевский пантеизм”[47] или, напротив, “механическую культуру”, уход “от стиха Тютчева о Космосе к стишкам о моторе”[48].

Эта двойственность пронизывает книгу на всех уровнях, включая заглавие. Его семантика, вероятно, связана и с одноименной сказкой Г.К. Андерсена, где лесной соловей принужден петь во дворце и имеет огромный успех: «Раз императору доставили большой пакет с надписью “Соловей”.

– Ну, вот еще новая книга о нашей знаменитой птице! – сказал император.

Но это была не книга, а затейливая штучка: в ящичке лежал искусственный соловей, похожий на настоящего...». Золотой соловей “тридцать три раза пропел одно и то же” и был объявлен “первым певцом с левой стороны”, а серая птичка изгнана из государства в “зеленый лес”[49]. Северянин, несомненно, утверждал превосходство “сероптички”:

Я – соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

Автор как бы напоминал, что боготворимого им поэта К. Фофанова в

---

[46] *Иванов-Разумник*. “Мороженое из сирени” // Критика о творчестве Северянина. С. 79.
[47] Критика о творчестве Северянина. С. 35.
[48] Там же.
[49] *Андерсен Г.К.* Русалочка. М., 1996. С. 113.

стихах, посвященных его памяти, называли "Соловьем" (Павел Кокорин) и "Царственным Соловьем" (К. Олимпов)[50].

Но вечная тема противоборства живого и механического, воплотившаяся, например, в поэме В. Хлебникова "Журавль" (1909), осложнилась для Северянина грандиозным политическим разломом. Стремление поэта остаться "вне политики", уйти в страну, где нет ни одного "кадета", ни одного "большевика", было вполне политическим решением. Оно означало не только уход от прошлого, но и надежду на будущее, потому что "здесь братьями живут все люди… в растущем изумруде/лесов и поля дышит Бог".

В книге еще нет тяжелых переживаний, связанных с унизительной бедностью, одиночеством и разочарованиями эмигрантских лет. Но уже в год выхода "Соловья" (1923) поэт признавался в письме А. Барановой: "Я так устал, мой друг, от вечной нужды, так страшно изнемог, так изверился в значении Искусства, что, верите ли, нет больше (по крайней мере, теперь пока) ни малейшего желания что-либо написать вновь и даже ценить написанное. Люди так бесчеловечны, так людоедны, они такие животные, говоря с грустной – щемящей сердце – откровенностью. Так не нужны они мне, так несносны, не меньше, о не меньше, чем я – им! Не сумели ценить и беречь своего соловья, и приуныл, и пригорюнился соловушко, такой еще недавно детски радостный, бездумно-восторженный, а теперь умудренный печальной явью, совсем обезголосенный людской черствостью, практичностью, пошлостью.

О, если бы Вы и озеро исцелили меня, вернули прежнюю *беспричинную жизнерадостность*, единственно истинное на этой Земле!" (*5, 225*).

Позже в стихотворении о Фете Северянин вновь иронически замечал: "Всех соловьев практичная Европа / Дожаривает на сковороде…"

Образ Северянина многие годы ассоциировался с "человечьим соловьем": "Поэт, во фраке соловей…". Марина Цветаева в письме С.Н. Андрониковой-Гальперн от 3 марта 1931 г. рассказывала о выступлении Северянина 27 февраля того же года в Париже: "Стар до обмирания сердца: морщин как у *трехсотлетнего*, но – занесет голову – все ушло – соловей! Не поет! *Тот* словарь ушел…"[51]. Таким уходящим, "трагическим соловьем" для самого Северянина была и его любимая певица Евгения Мравинская (Мравина).

Обреченный жить в Тойле, Северянин находился в двойной изоляции: вне России и вдали от крупных центров русской эмиграции – Берлина, Парижа, Праги, где складывались землячества, выходили газеты и журналы на русском языке. Положение осложнялось и тем, что его новые книги практически не были известны в зарубежье, остались не замечены критикой, к поэту продолжали относиться как к певцу "ананасов в шампанском". "Иго

---

[50] Дачница. Стрельна, 1912. 22 июня.
[51] *Цветаева М.* Об искусстве. М., 1991. С. 413.

Игоря", как острил Дон-Аминадо[52], – его двусмысленная слава преследовала Северянина в его стремлении наладить отношения с эмиграцией, найти новые издательские возможности.

Изоляция Северянина на некоторое время нарушилась, когда он смог осенью 1922 г. приехать в Берлин. Впервые после пятилетнего перерыва Северянин встретил давних знакомых – художников Ивана Пуни, Ксению Богуславскую, актрису Ольгу Гзовскую, поэтов Владимира Маяковского, Андрея Белого, Владислава Ходасевича, Бориса Пастернака и др. Он посещал берлинский Дом искусств, созданный по аналогии с петроградским. Поэт даже выступал в советском торговом представительстве на праздновании пятилетия Октябрьской революции и в болгарском землячестве. В Берлине вышли его книги: "Менестрель" (1921), "Миррэлия" (1922), "Падучая стремница: Роман в 2-х частях" (1922), "Фея Eiole" (1922), "Трагедия Титана. Космос: Изборник первый" (1923), "Соловей. Поэзы" (1923). Две последние книги опубликованы в издательстве "Накануне". Маяковский и Кусиков помогли Северянину заключить договор с этим издательством на четыре сборника. Но вышли только два, так как вскоре ввоз книг в советскую Россию был запрещен, тиражи упали, и объявленные еще две новые книги Северянина так и не вышли.

В воспоминаниях И. Одоевцевой сохранился рассказ Северянина об одной из встреч в Берлине с А.Н. Толстым: «А мерзавец Толстой в ресторане "Медведь", хлопнув меня по плечу, заголосил, передразнивая меня: "Тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин!" – расхохотался идиотски во всю глотку и гаркнул на весь ресторан: "Молодец вы, Северянин! Не обманули! Сдержали слово – привели нас, как обещали, в Берлин. Спасибо вам, наш нежный, наш единственный! Спасибо!" – И низко, в пояс, поклонился»[53]. Однако нельзя не отметить, что одна из пародий Дон-Аминадо касалась не только Северянина, но и "красного графа" и многих других: "Мне тоже нужно перестроиться // И перекраситься слегка ⟨...⟩ Алло!.. Российская Республика!.. // Я твой Эстетный Депутат!"[54].

Для Северянина возвращение в провинциальный эстонский поселок или в озерную глушь было подчас безрадостным. Возможно, тогда, пытаясь сохранить память об утраченной Родине, о прежней жизни или, говоря словами Романа Гуля, "унести с собой Россию", еще молодой – тридцатипятилетний – Северянин углубился в мемуары и автобиографические романы в стихах ("Падучая стремнина", 1922; "Роса оранжевого часа", 1925; "Колокола собора чувств", 1925, и др.).

Его гастрольные поездки в Берлин, Париж, Прагу, Белград и другие города приносили небольшой доход и ощущение читательского внимания.

---

[52] *Дон-Аминадо.* "Наша маленькая жизнь". М., 1994. С. 175.

[53] *Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 16.

[54] Русская литература XX века в зеркале пародии / Сост., вступ. ст., коммент. О.Б. Кушлиной. М., 1993. С. 121.

Выступления обычно состояли из двух отделений, первое посвящалось наиболее популярным стихам 10-х годов, второе – произведениям, написанным в эмиграции. Они воспринимались по-разному. Дон-Аминадо иронизировал:

вот и вышел тот случай, о котором писал ты –
из трагедии жизни и такой грёзофарс![55]

В фельетонах Дон-Аминадо бывшие "утонченные женщины" от безысходной нужды перешивают "платья муаровые" – "вот тогда-то Северянина и приятно почитать"[56].

Другие чувствовали его поэтическую силу. В 1931 г. Георгий Адамович писал о впечатлениях парижских слушателей: «На первый вечер пришли будто бы в довольно большом числе молодые здешние литераторы, настроенные заранее иронически... И вот совершилось чудо – Северянин их всех восхитил, изумил. После скупости, скудости и анемичности вдохновения у большинства современных поэтов этот "фонтан", бьющий стихами неудержимо, показался чем-то волшебным. Не хотелось говорить о недостатках. Хотелось только благодарить за эту "Божьей милостью" поэзию...»[57].

В поисках поддержки Северянин обращался в Союз русских писателей в Париже и через него получил небольшую субсидию от С. Рахманинова. Незаменимым было и дружеское слово. Так, обожествлявший поэзию Мирры Лохвицкой, Северянин высоко ценил и творчество ее сестры – Надежды Тэффи, отмечал как "бесспорно лучшую" ее "Книгу Июнь" (Белград, 1931): "В ней столько своеобразной, глубокой и верной лирики" (*5, 257*)[58]. Писательница же, которая до революции едко пародировала Северянина, теперь сочувствовала:

«Дорогой поэт!

Вы были правы, что написали мне. Вы значит знаете, что я Вас очень люблю и сделаю все, что только можно... Все живем плохо и все на благотворительный счет. Но подождите, не унывайте. Верю, что как-нибудь вызволим Вас. ⟨...⟩

Сердечно благодарю за Вашу очаровавшую меня "Вербену" и посвящение.

Мой друг милый!

Вспоминайте меня еще и напишите еще. Хочу еще Ваших строк и писем и стихов»[59].

Не только многим ровесникам, но и младшему поколению русской эмиграции Северянин справедливо виделся большим поэтом, "таинственно-ве-

[55] Там же. С. 119.

[56] *Дон-Аминадо.* "Наша маленькая жизнь". С. 175.

[57] *Игорь Северянин.* Сочинения / Сост. С. Исаков, Р. Круус. Таллин, 1990. С. 12–13.

[58] В библиотеке Северянина сохранилась книга Н. Тэффи "Городок" (Париж, 1927) с надписью: "Игорь Северянин! Помните синий тюльпан? Тэффи" (*5, 305*).

[59] РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 33.

личественной" знаменитостью. "Стройный, крупный, сильный, любящий коньяки и лыжи, – вспоминал В. Яновский свою встречу с ним в Париже у А. Ремизова, – держал себя с совершенным достоинством. А лоб, лоб, тот, знакомый мне с невидимым, но угадываемым лавровым венком победителя (хотя бы на час). Я видел такой лоб у Линдберга, Керенского, Сирина, Одена, Кеннеди"[60]. По сведениям Северянина, его стихи, прежде всего "Весенний день", были переведены на 10 иностранных языков (эст., англ., нем., польск., болг., рум., серб., хорв., еврейск., груз.).

Важнейшей книгой эмигрантского периода стал сборник "Классические розы. Стихи 1922–1930 гг.". Он вышел в Белграде (1931) в серии "Русская библиотека". Северянин в письме Г. Шенгели 23 мая 1941 г. отмечал: из написанного за 23 года «среди бесчисленного мусора и всякой гнили я отобрал около 80 стихотворений *безусловных*. ⟨...⟩ Лучшие стихи оказались в сборнике "Классич⟨еские⟩ розы"» (*4, 295*).

М. Цветаева, слушавшая выступление Северянина в Париже 27 февраля 1931 г., воспринимала новые стихи также в широком контексте – двадцатилетия творчества. В не отправленном, к сожалению, письме Северянину она создала своего рода памятник русским поэтам – невольным изгнанникам: "Это был итог. *Двадцатилетия.* (*Какого!*) Ни у кого, может быть, так не билось сердце, как у меня, ибо другие (все!) слушали *свою* молодость, *свои* двадцать лет (тогда!). Двадцать лет назад! – Кроме меня. Я ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет – он или время? И перетянул он: – Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений – Вы один были – жизнь: двадцать лет *спустя*. ⟨...⟩ Вы выросли, Вы стали *простым*, Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто – *природу*, Вы, наконец, раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

И сосны, мачты будущего флота... –

Ведь это и о нас с Вами, о поэтах, – эти строки"[61].

Северянин вне Родины и собственно вне эмиграции создавал стихи – "сосны, мачты будущего флота". Он стремился найти единство в разрозненных "мигах" души и это соответствовало высокому уровню организации книги. В книгу вошли избранные стихи о "неподражаемой России", о жизни у эстонских озер и в православном монастыре, о встрече с будущей женой – Фелиссой Круут.

Первый раздел книги – "Чаемый праздник", открывался "Запевкой", которую надо вспоминать читателю Северянина:

О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

---

[60] *Яновский В.* Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 203.
[61] *Цветаева М.* Об искусстве. М., 1991. С. 412.

Северянин словно бы вступает в спор с автором другой поэтической книги – "Розы" (1930) – Георгием Ивановым, который грустно и обреченно повторял:

И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид...

По убеждению поэта, "Чаемый праздник" – это долгожданное возвращение на родину, туда, где "Моя безбожная Россия, / Священная моя страна!". Воссоединение с Россией означало для него обретение самосознания и духовного бессмертия:

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я – русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

Из шести разделов книги три – "Девятое октября", "На колокола", "У моря и озер" – представляют циклы пейзажной лирики, но в мир природных понятий для Северянина естественно включаются "любовь коронная" и жизнь "на земле в красоте".

Заключительный раздел "Там, у вас на Земле..." открывается провидческими строками, которые мог повторить Юрий Гагарин 30 лет спустя:

На планете Земле, – для ее населенья обширной,
Но такой небольшой созерцающим Землю извне...

Вся книга в целом ориентирована на классическую традицию и не противоречит словам поэта: "Доступность с простотой лежат в моих основах...". Однако было бы неверным рассматривать "Классические розы" лишь как возврат к традиции и отказ от новаторства[62]. За внешним спокойствием, по наблюдению П. Пильского, «поселена тревожность. Здесь – обитель печали. Слышится голос одиночества. В этих исповедях – вздох по ушедшему. 〈...〉 Втайне и тут все еще не угомонившееся "я" ("Кто я? Я – Игорь Северянин, / Чье имя смело, как вино...")»[63].

Вновь, как и в начале 1910-х годов, Северянин с поразительной остротой чувствовал "предгрозье", надвигавшуюся катастрофу мировой бойни. В письме Софье Карузо от 17 сентября 1931 г. он говорил об "угрозных симптомах" – безработице, взрывах:

«"Коммунизму" и "капитализму" – этим двум понятиям, этим двум мироощущениям – никогда не ужиться вместе. Их столкновение – ужасающестрашное – в конце концов совершенно неизбежно, и у меня нет ни малей-

[62] *Бабичева Ю.В.* Аще не умрет... Игорь Северянин // Игорь Северянин. Классические розы. Медальоны. М., 1991; *Филькина Е.* Предисловие // Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1999. С. 10.

[63] *Пильский П.* "Ни ананасов, ни шампанского" // Сегодня. 1931. 15 сент.

шей уверенности в победе капитала. Собственно говоря, жестоки и бессердечны обе системы, и я не приверженец ни одной из них. ⟨…⟩ Сколько будет невинных жертв, недоразумений всяческих и недоумений. Я – индивидуалист, и для меня тем отчаяннее все это. Затем я никогда не примирюсь с отрицанием религии, с ее преследованиями и гонениями. ⟨…⟩ Разрушение Храма Христа Спасителя производит на меня отвратительное впечатление. Я все время жду чуда, которое потрясло бы русский народ, заставило бы его очнуться» (*5, 256–257*).

Еще в декабре 1918 г. Северянин писал:

От нескончаемой вражды
Политиканствующих партий
Я изнемог…

(“*К воскресенью*”)

Но презрение к политике не означало безразличия поэта к происходящему вокруг, и он вновь и вновь призывал: “Уничтожьте партийность!” (1923).

Свое политическое кредо Северянин изложил в стихотворении “Что значит быть царем…”. Оно было опубликовано в связи с 10-летием Октябрьской революции в варшавской газете “За свободу!”, которую редактировал давний друг поэта М. Арцыбашев:

Когда бы быть царем великого народа
Мне выпало в удел, вошел бы я в века:

....

Партийность воспретил решительно и – разом
Казнь смертную отверг. И это навсегда[64].

Все более отчетливо в его творчестве звучала тема духовного противостояния человека и цивилизации, его, пусть неосознанного или скрытого, ухода к природе, искусству, религии:

Не реставрации я требую былого, –
Я, в небо верящий, Его жду торжества.

(“*Второе пришествие*”, *1920*)

Однако посвящать себя “Любви, Свободе и Природе” было все труднее. В конце 1930-х годов положение Северянина стало столь бедственным, что он вынужден был публично заявить: “На всю Прибалтику я единственный, в сущности, из поэтов, пишущих по-русски. Но русская Прибалтика не нуждается ни в поэзии, ни в поэтах. Как, впрочем, – к прискорбию, я должен это признать, – и вся русская эмиграция. ⟨…⟩ Русская эмиграция одной рукой

---

[64] См. также разд. “Чаемый праздник” в наст. изд.

воскрешает Пушкина, другою же *умерщвляет* меня, Игоря Северянина ⟨...⟩ Я больше не могу вынести *ослепляющих страданий* моей семьи и моих собственных. Я поднимаю сигнал бедствия ⟨...⟩”[65].

После установления советской власти в Эстонии (1940) положение Северянина существенно не изменилось. Он по-прежнему зависел от случайных заработков, о которых хлопотал Г. Шенгели. Пытаясь зарекомендовать себя лояльным поэтом, Северянин написал несколько стихотворений на “советскую тему”:

Прислушивается к словам московским
не только наша красная земля,
освоенная вечным Маяковским
в лучах маяковидного Кремля,
а целый мир, который будет завтра,
как мы сегодня – цельным и тугим,
и улыбнется Сталин, мудрый автор,
кто стал неизмеримо дорогим.

(*“Завтрашний мир”, 1940*)

Начало Великой Отечественной войны застало 54-летнего Северянина больным и беспомощным. Узнав о вступлении немецких войск на территорию Эстонии, он направил телеграмму Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину с просьбой помочь эвакуироваться, обращался к А.Н. Толстому, Вс. Рождественскому и другим, но безрезультатно. Осенью Северянин с семьей переехал в Таллин, где 20 декабря 1941 г. умер от сердечной недостаточности.

Удивительную цельность и классичность судьбе Северянина придает тот факт, что вступивший в русскую литературу с патриотическими стихами о трагедии русского флота поэт нашел свое последнее пристанище на Александро-Невском кладбище в Таллине, среди могил русских моряков, чьи подвиги он воспел.

* * *

Среди важнейших проблем изучения творчества Северянина выделяются вопросы периодизации и восприятия его поэзии. Все более актуальным становится понимание художественного своеобразия и места его наследия в поэзии Серебряного века.

Творческий путь Северянина принято делить на два периода. Первый охватывает 1913–1918 гг., начиная с выхода весной 1913 г. книги “Громокипящий кубок” и до избрания его в 1918 г. Королем поэтов. Это самый

---

[65] Открытое письмо польскому поэту Казимиру Вежинскому (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 13).

изученный период творчества Северянина, апогей его “двусмысленной славы”.

Второй период (1918–1941) связан с более чем двадцатилетним пребыванием поэта вне России, от начала вынужденной эмиграции в эстонском поселке Тойла до краткого возвращения в советское подданство в 1940 г.

Эти периоды творчества Северянина оцениваются крайне неоднозначно, есть тенденция к их противопоставлению. «На момент показалось, что было два разных поэта, носивших одно литературное имя, – пишет автор одной из работ о поэте. – “Ручейковую” и ласковую лирику Северянина, рожденную любовью к земле, с которой он был долго и горько разлучен, надо сегодня возродить, отделив и от ироничных салонных “поэз”, и от крикливой саморекламы ранних программных стихов. У нее иные задачи и иное лицо. Пусть поэт в новой, посмертной жизни на родине не столько “эпатирует” презренного обывателя, сколько напоминает людям о дорогом чуде – о чувстве родины, разрыв с которой всегда мучителен»[66]. Двойственность восприятия поэзии Северянина связана с недостаточной изученностью его наследия, которое нередко предстает обедненным, разъятым на случайные фрагменты.

Прежде всего необходимо выделить в качестве самостоятельного периода раннее творчество поэта (1904–1912). Отчасти собственные, достаточно условные, описания содействовали тому, что эти годы не рассматривались как самостоятельный и значительный этап в последующей эволюции поэта, как его “литературный выдвиг”, малоизученный и, в известной степени, мифологизированный. Не принималось во внимание и то, что именно в эти годы проходило становление его художественного мира, непростой путь от юношеских стихотворений во славу русского флота до апофеозного утверждения: “Я, гений Игорь Северянин!”

Требует уточнения и общеизвестный, переходящий из работы в работу факт издания Игорем Лотарёвым стихотворных брошюр. Им было написано и опубликовано на страницах 35 брошюр (издание автора) 275 произведений. Большая часть этих стихов вошла затем в книги “Громокипящий кубок” (113), “Златолира” (37) и “Ананасы в шампанском” (35), которые в 1915–1918 гг. составили три тома “Собрания поэз”.

Другие стихотворения периода “брошюр” Северянин включил в сборники “Поэзоантракт”, “Victoria Regia”, а также “Ручьи в лилиях” и “Настройка лиры” (два последних напечатаны не были). Среди брошюр (от 4 до 24 страниц), были две листовки (листок “Памяти А.М. Жемчужникова”, 1908, и листок “На смерть Лермонтова”, 1908). Однако по неизвестным причинам в

[66] *Бабичева Ю.В.* Аще не умрет… Игорь Северянин // Игорь Северянин Классические розы. Медальоны. С. 14.

библиографии Северянина оказалась не учтенной выпущенная в феврале 1911 г. листовка "Эпиталама" (в нашем списке – № 29а).

Не всегда соответствуют реальности позднейшие датировки Северянина. По признанию одного из исследователей творчества поэта, В.А. Кошелева, «этот период поэтического "самиздата" Игоря-Северянина исследован еще недостаточно: брошюры эти не изучены, не описаны, а многие из них просто не выявлены»[67].

Впервые представленные в настоящем издании в полном объеме, брошюры свидетельствуют, что Северянин высоко оценивал ранний период своего творчества, называл его "настройкой лиры" и в поисках своего литературного имени дважды менял свою подпись. В 1904–1907 гг. он публиковал стихи под собственной фамилией – Игорь Лотарёв. Всего за этой подписью вышло 13 брошюр (последняя называется "Лепестки роз жизни"). В 1908 г. Северянин меняет имя и печатает листок "Памяти А.М. Жемчужникова" под псевдонимом "Игорь-Северянин", через дефис, где приложение "Северянин" является вторым именем и указывает на особое значение Русского Севера в его жизни и творчестве (ср. Мамин-Сибиряк). Последняя брошюра, подписанная псевдонимом Игорь-Северянин, 35-я, – «Эпилог "Эго-футуризм"» (1912). Начиная с "Громокипящего кубка" (1913) и до конца жизни прижилось имя "Игорь Северянин", где псевдоним – второе имя – превратился в фамилию.

К этому времени Северянин сделал уже две попытки подвести некий итог десятилетию своей творческой работы и подготовил проект собрания сочинений в четырех томах, куда в хронологическом порядке включил все вышедшие ранее книги:

Том I. 1903–1908. Настройка лиры.
Том II. 1906–1909. Сирень моей весны.
Том III. 1907–1911. За струнной изгородью лиры.
Том IV. 1909–1912. Сады футуриста.

Однако подобное полное собрание поэз могло означать лишь суммарный итог раннего творчества Северянина. Этот вывод подтверждается одним до сих пор неизвестным эпизодом творческой биографии Северянина, предшествовавшим появлению "Громокипящего кубка".

Среди рукописей поэта нами обнаружен наборный экземпляр одной из брошюр, заявленных им в последнем томе Собрания, – "Элегантные модели" (в нашем списке № 35а). На 23-х листах небольшого формата содержатся автографы 22-х стихотворений Северянина с подписью. Тексты пронумерованы, на полях типографская разметка шрифта и

---

[67] *Кошелев В.А.* [Предисловие к публ.: Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях / Из наследия русских писателей] // Русская литература. 1990. № 1. С. 68.

кегля[68]. О том, что рукопись вполне подготовлена к печати, свидетельствует вписанный Северяниным на последней странице адрес автора (традиционно указывался на обложке брошюр) и запись вверху страницы. Она также относится ко всему тексту брошюры: "Изменений и сокращений не допускается".

Стихи из этой рукописи затем включались в "Громокипящий кубок" (8), "Златолиру" (6), "Ананасы в шампанском" (4) и другие книги. Это такие известные теперь произведения, как "Любить единственно…", "На реке форелевой", "На смерть Масснэ", "Эгополонез" ("Живи, живое!.."). Анализ рукописных материалов, хранящихся в фонде Северянина, дает основание считать «Эпилог "Эго-футуризм"» лишь последней из напечатанных брошюр поэта, но не исчерпывающей его дальнейшие замыслы.

По объявлениям, данным Северяниным в газете "Нижегородец", устанавливается не только окончательное заглавие и выходные данные неизданного сборника Игоря Северянина, но и планируемое время его издания – сентябрь 1912 г.:

В книжные магазины "Нового времени"
в сентябре поступит новая книга
"Игорь-Северянин"
"Элегантные модели"
Том IV – "Сады футуриста".
Книга 3, брошюра 35.
Цена 50 коп.
Книгоиздательство EGO[69].

По совету Брюсова мысль об издании собрания сочинений и новой подготовленной к изданию брошюры была оставлена. Знакомый с вышедшими ранее книжками Северянина, Брюсов «"настойчиво советовал 〈…〉 подготовить к печати большой сборник стихов, повыбрав их из 〈…〉 бесчисленных брошюр". К тому же известные издатели в то время уже обращались к Северянину с просьбой "продать им за наличные, безо всякой комиссии, то ту, то другую брошюру". "Публика требует", – поясняли они» (*5, 30*).

Только издание книги "Громокипящий кубок", куда вошли лучшие стихотворения 1905–1912 гг., по-настоящему подвело итог десятилетия поэтической деятельности Северянина. Изданные же вслед за "Громокипящим кубком" книги "Златолира" и "Ананасы в шампанском" *были составлены в основном из стихотворений, написанных значительно раньше,* в 1903–1910 гг. Доля вновь созданных произведений составляла в них менее половины от общего числа. Таким образом, перед читателем открывалась как

[68] РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 45.
[69] Публиковалось в десяти номерах газеты "Нижегородец" – с 20 авг. по 27 сент. 1912.

бы обратная перспектива поэтического развития Северянина, затруднявшая понимание пути поэта. Получалось, что в контексте произведений 1914–1915 гг. многие ранние стихи производили впечатление вторичных, более слабых, повторяющих мотивы “Громокипящего кубка”, хотя на самом деле это были только этюды к “Громокипящему кубку”.

Так терялась в искаженном отражении одна из наиболее сильных сторон поэтики Северянина – оригинальное и продуманное композиционное построение стихотворений и целых поэтических книг. Поэт особенно внимательно относился к составлению своих сборников и смысловому расположению стихов. Такое построение книг характерно для поэтов Серебряного века. (Достаточно сравнить композицию книг символистов, например “Снежная маска” А. Блока, или трех изданий книги С. Есенина “Радуница”, 1916, 1918 и 1920 гг.)

В одном из стихотворений Северянин утверждал: “Я – композитор”. “Композиторский” талант поэта проявился во всем блеске в построении “Громокипящего кубка”, где всё – от увертюры “Очам твоей души”, обращенной к любимой женщине, до «Эпилога “Эго-футуризм”» – напоминает музыкальное произведение.

Следует признать, что большинство поэз сборника “Громокипящий кубок” были опубликованы раньше, но композиция книги, отбор стихов и их распределение по четырем разделам сделаны с безошибочно тонким вкусом, так, что стихи, ранее незамеченные, заиграли новыми красками. Северянин настолько точно определил разделы и умело расположил в них стихи разных лет, что это говорило не только о понимании психологии читателя, но и о тонком поэтическом слухе.

“Сирень моей весны” – первый, наиболее мажорный, раздел, в котором выражена вся гамма любовных чувств, от элегических настроений до неосторожной страсти. Исходя из канонов музыкального жанра, второй, центральный, раздел – “Мороженое из сирени” – является контрапунктом, в котором сходится разноголосица “красивой жизни”. Четвертый, последний, раздел книги – “Эго-футуризм” – завершается стихотворением под названием “Эпилог”.

Книга “Ананасы в шампанском”, которая состоит из двух “цветочных” разделов: “Розирис” и “Незабудки в канавках” – также открывается “Увертюрой” (“Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!”..) и завершается своеобразным эпилогом, подводящим итог переживаниям ее героя: “Всегда мне холодно… другим всегда тепло!.. / Я исчервлён теплом, как сердце – едкой лаской…” (“Триолет”).

Основной прием организации лирического сюжета, использованный в “Громокипящем кубке”, – выделение разделов – в книге “Классические розы” служит для разрушения внешнего однообразия большого массива стихотворений и одновременно для выявления ее тематической структуры.

Стихи преимущественно объединены не временем написания, а скрепляющей их мыслью. Северянин словно вспоминает о словах Сологуба: "Обозрев многие свои забытые маски, душа лирического поэта осознает свою *многосложность и родство с множеством.* Тогда отдается она другой своей силе, устремляется к сочувствиям и перевоплощениям и жаждет без конца расширять бытие"[70].

Северянин разделяет установку старых итальянских поэтов – Данте, Петрарки, возрожденную Бодлером и продолженную символистами, на создание единого текста-мифа, в котором художественная ценность и смысл стихотворений определяются не только их совокупностью, но и местом в книге. Так, в сборнике "Классические розы" стихи, посвященные королеве Марии, носили служебный характер и могли быть сняты без ущерба для целого. Напротив, заглавное стихотворение "Классические розы" нельзя исключить или перенести. Оно "расширяет бытие до бессмертия" и может в этом смысле рассматриваться в ряду знаменитого стихотворения Горация, державинских стихов, наконец, пушкинского "Памятника" или поэмы Маяковского "Во весь голос".

Северянин внимательно следил за отзывами в печати о своем творчестве. В одном из очерков он написал, что у одного из своих знакомых, В.Н. Башкирова-Верина, при отъезде из Петербурга в 1918 г. он оставил "пятнадцать толстых книг, чьи нечетные страницы сплошь заклеены вырезками из журналов и газет всей России – рецензиями о моем творчестве и о моих эстрадных выступлениях. Были в этих книгах собраны и все карикатуры на меня, а их было порядочно" (*5, 8*). На критические выпады в свой адрес поэт отвечал:

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

....

Пускай критический каноник
Меня не тянет в свой закон, –
Ведь я лирический ироник,
Ирония – вот мой канон.

Действительно, ирония, особенно автоирония, или "насмешливый лиризм" – едва ли не основной нерв поэзии Северянина. Поэт "популярил" изыски, воспевал утонченные вкусы улицы ("весь я в чем-то норвежском, весь я в чем-то испанском") и одновременно иронизировал и над толпой, которую "популярил", и над собой как человеком этой толпы, переживающим

---

[70] *Сологуб Ф.* Собр. соч. Т. 5. СПб., 1913. С. 5.

"мещанскую драму". "Игорь обладал, – вспоминал близко знавший Северянина Г. Шенгели, – самым демоническим умом, какой я только встречал, – это был Александр Раевский, ставший стихотворцем; и все его стихи – сплошное издевательство над всеми и всем и над собой... Игорь каждого видел насквозь, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника..."[71].

Систематизируя множество высказываний критиков о творчестве Северянина, С. Бобров в 1916 г. заключил, что северянинская «"мещанская драма" не есть, конечно, его собственное изобретение 〈...〉 Северянин подходит здесь весьма близко к Александру Блоку (сравн., напр., "Мещанское житье" Блока в его книге "Земля в снегу"), Андрею Белому ("Пепел"), прикоснувшись к этому роду творчества, так сказать, с другого конца»[72]. В какой-то мере подобно Блоку, Северянин расположил на площади свой театральный балаганчик, а на берегу форелевой реки поставил березовое "шалэ" и играл своими Пьеро и Коломбинами.

Можно поискать разгадку поэтического мировосприятия Северянина, анализируя его слова "Я трагедию жизни превращу в грёзо-фарс..." Смысловой акцент здесь не на "трагедии", а на превращении ее в "грёзо-фарс". Последнее изобретенное поэтом определение содержит внутреннее противоречие. Фарс у него – это сатирической смех, который странно соседствует с грёзами, т.е. мечтами и снами. Северянин иронизирует над пошлостью жизни, но он любит жизнь так, что иногда бывает трудно провести грань между лирикой и иронией.

Новый поэт чаще всего использует автоиронию и видит даже в том, над чем иронизирует, простую поэзию изменяющейся жизни. Он ироник и грёзэр одновременно – и в этом секрет не только его успеха, но и обаяния, оригинальности, сдобренных щегольством. Слово "грёзэр", возможно, придумано самим Северяниным. Он соединил русское "грёза" (имеющее далекие индоевропейские аналогии) с несуществующим, но имеющим убедительную (хоть и ложную) французскую окраску словом "мечтатель", – "грёзэр" ("тот, кто грезит").

"Лирический ироник" бывает разным: то настоящим – свободным, солнечным и дерзким, то таким, как все, – "окалошенным" и "обрюченным" мещанином, то одиноким царственным паяцем, который смешит публику и смеется над ней, то гением, упоенным победой. Разнообразие личин и масок диктует разнообразие тем, среди которых темы творчества, вдохновения, любви, весны, наслаждения жизнью (грёзы) и жизни мещанского полусвета, где так любят всевозможные изыски и "иностраны" (фарс).

---

[71] Из письма Г. Шенгели М. Шкапской от 25 апр. 1924 г. (РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 530. Л. 21 об.).

[72] *Бобров С.* Северянин и русская критика // Критика о творчестве Северянина. С. 39.

Одним из основных в поэтической системе Северянина стало понятие “поэзы”. Образованное путем усечения слова “поэзия” и схожее со словом “поэма”, слово “поэза” было написано на венке в день похорон К. Фофанова его сыном Константином Олимповым и, возможно, заимствовано Северяниным[73]. Впервые у Северянина слово “поэза” появилось в заглавии в 1911 г., а последний раз – в 1930-е годы. Десятки стихов Северянина содержат в заглавии слово “поэза”: “Четкая поэза”, “Прощальная поэза”, “Поэза о солнце, в душе восходящем”, “Поэза о Карамзине” и др. “Громокипящему кубку” Северянин дал подзаголовок “Поэзы”. Соответственно “Златолиру” и “Ананасы в шампанском” он, во многом вопреки хронологии, называет второй и третьей книгой поэз.

Но для Северянина это не только жанровое определение. Поэт разъяснял: “Стихотворение имеет и другие наименования: *пиеса* (не путать с пьесой!), *поэза* и просто *стихи*” (“Теория версификации”). Позже по аналогии со словом “поэза” им образованы “игровые” заглавия – “Героиза” – и подзаголовок “Лириза”. В стихотворении “Прелюдия” Северянина появляется еще один неологизм – “соловьизы”.

Я соловей: свои стихи
Я называю соловьизы.

Северянин справедливо претендует на авторство в создании особого – “музыкального” – жанра русской лирики, считая главным принципом нового стиха “мелодическую музыкальность”. «Стихи мои стали музыкальными, – заметил Северянин в очерке “Образцовые основы” (1924), – и сам я читаю речитативом, тем более что с детских лет я читал уже нараспев и стихи мои всегда были склонны к мелодии» (*5, 84*). Многие из них поэт называет музыкальными терминами: Первая симфония, Увертюра, Элементарная соната, Романс, Примитивный романс, Элегия, Хабанера, Эпиталама, Полонез “Титания”, Notturno (*ит.*), Nocturne (*фр.*), Prelude (I, II, III и т.д.) и др.

Свои выступления Северянин называл поэзоконцертами и стихи действительно “пел”. С. Рубанович в лекции, прочитанной на одном из поэтических вечеров И. Северянина в Политехническом музее в Москве 31 января 1915 г., отметил, что эмоциональность является “источником почти песенной певучести его стихов, такой властной и заразительной, что стихи его хочется петь. Игорь Северянин и поет свои стихи – и напев их так внятен, что его можно записать нотными знаками. И это не прихоть чтеца – напев в них заключен потенциально и можно даже вскрыть технические причины этой напевности”[74].

---

[73] См.: *Марков В.* Русский футуризм. СПб., 2000. С. 334.

[74] *Рубанович С.* Поэт-эксцессер // Критика о творчестве Северянина. С. 68. См. также: *Оршанин А.* Поэзия шампанского полонеза // Русская мысль. 1915. № 5. С. 25.

По воспоминаниям Л.Ю. Брик, «Маяковскому доставляло удовольствие *произносить* северянинские стихи. Он относился к ним почти как к зауми. Он всегда пел их на северянинский мотив (чуть перевранный), почти всерьез: "Все по-старому", "Поэза о Карамзине", "В парке плакала девочка...", "Весенний день", "Нелли", "Каретка куртизанки", "Шампанский полонез", "Качалка грёзерки", "Это было у моря" и много других. Читал и отрывки»[75].

Б. Эйхенбаум подчеркивал, что в творчестве Северянина восторжествовал "напевный тип" лирической поэзии[76]. "Стих Северянина, – по словам О. Мандельштама, – отличается сильной мускулатурой кузнечика"[77] и характеризуется разнообразием и гибкостью ритмических вариаций и напевной интонацией. Вслед за К. Бальмонтом Северянин широко использует довольно редкие в России пеонические размеры и ямбы с пиррихиями, встречающиеся в романсах. Излюбленный поэтический прием – рефрен – необыкновенно разнообразен: повторы слов, однотипных синтаксических конструкций, анафоры, параллелизм в построении строф и др.

Поэт стилизует средневековые западноевропейские стихотворные формы: сонет, триолет, рондо, рондель, секстина, виреле, лэ, в которых строфика и объем фиксированы. Например, в стихотворении "Весенние триолеты" (1913) – восьмистишная форма строфы, в которой первая строка повторяется после третьей и шестой, а вторая в самом конце:

Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит,
Что поправимы страстные потери, –
Еще весной благоухает сад...
О, нежная сестра и милый брат!
Мой дом не спит, для вас открыты двери...
Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит...

(*1, 477*)

Северянин изобрел 10 строфических форм, которым дал определение в труде "Теория версификации": миньонет и часто наименованные в духе латинского и французского счисления – дизэль от 10, кэнзель от 15, секста от 6, рондолет, перекат, квадрат квадратов от 4, квинтина от 5, перелив, переплеск. Среди них знаменитый "Квадрат квадратов", который состоит из 4 строф, по 4 строки в каждой строфе, причем все слова каждой строчки первого четверостишия полностью повторяются в строках трех последую-

---

[75] *Брик Л.* Из воспоминаний // Имя этой теме: любовь!: Современницы о Маяковском / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Катаняна. М., 1993. С. 141.

[76] *Эйхенбаум Б.* Мелодика русского лирического стиха // О поэзии. Л., 1969. С. 331.

[77] *Мандельштам О.* [Рецензия]. Игорь Северянин. Громокипящий кубок // Гиперборей. 1913. № 6 (март). С. 28.

щих четверостиший и только переставляются местами. По Северянину, "квадрат квадратов рифмуется внутри четырежды во всех своих 16 стихах и читается сзади наперед, как спереди назад". При этом изощренная форма не только не кажется искусственной, а естественно сочетается с взволнованной мучительной исповедью лирического героя.

Никогда ни о чем не хочу говорить…
О поверь! – я устал, я совсем изнемог…
Был года палачом, – палачу не парить…
Точно зверь заплутал меж поэм и тревог…

Ни о чем никогда говорить не хочу…
Я устал… О поверь! изнемог я совсем…
Палачом был года – не парить палачу…
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

"Квадрат квадратов" особенно восхитил композитора Сергея Прокофьева, находившего у Северянина "контрапункт" и "начатки" композиторского дарования.

Изобретательность в рифмах и отказ от принятой рифмовки являются дерзким нарушением классического канона. Вместо традиционной рифмы Северянин использует ассонансы и диссонансы, и хотя в этом не вполне оригинален, самой формой этих рифм, по мнению Брюсова, реализуют идею индустриальной революции:

Летят повсюду дирижабли,
Летят, пропеллером ворча,
И ассонансы, точно сабли,
Рубнули рифму сгоряча!

Сознательным нарушением границ хорошего вкуса, ныне распространившимся, является использование рифм, имеющих двойной или иронический смысл. Сюда можно отнести критикуемые Брюсовым "вычурные" рифмы": *акварель сам – рельсам, воздух – грёз дух, ветошь – свет уж, алчен – генерал чин*[78]. Сообразно общему правилу "мелодической музыкальности", Северянин пытался перейти "от графического принципа к акустическому, от фонетических тождеств к звуковым эквивалентностям ⟨...⟩: *критик – смотрите, муравейника – веника, упрочены – очередь, грезить – месяц*"[79].

Звуковой диапазон стиха Северянина также исключительно богат, и зачастую повторы и звукоподражания хитроумно сочетаются с живописностью и изобразительностью:

Элегантная коляска, в электрическом биеньи,
Эластично шелестела по шоссейному песку...

[78] *Брюсов В.* Игорь Северянин // Критика о творчестве Северянина. С. 25.
[79] *Бельская Л.Л.* Рифмы Игоря Северянина // О Игоре Северянине. Череповец, 1987. С. 69.

или

Морозом выпитые лужи
Хрустят и хрупки, как хрусталь...

Певучесть и легкость стихов Северянина отмечали как самое большое достоинство его поэтического мастерства даже критически настроенные авторы. К. Чуковский в статьях о футуризме (1914) писал: "Все, что увидит или почувствует ⟨Северянин⟩, у него претворяется в музыку, и даже эти коляски, кабриолеты, кареты – ведь каждая в его стихе звучит по-своему, имеет свой собственный ритм, свой собственный стихотворный напев..."[80]

Поэтический язык Северянина характеризуется также стилистическими смешениями: обилием экзотических и иностранных слов, варваризмов, газетизмов, неологизмов и др. Но поэт по-своему целен в этой разноголосице. "Смесь французского с нижегородским" ("из лоскутьев ее можно состряпать какое угодно попурри"[81]) не только слагается в «стройную систему, своеобразную грамматику преднамеренных отклонений от канона, которая свидетельствует как о чувстве языка и меры, проявленном творцом, так и об эстетической ценности "шероховатого стиля"»[82]. При этом выдвигается задача задержать внимание читателя чем-то экстравагантным, удивить и поразить.

Некоторые критики признавали, что только отдельные стихи поэта написаны "обыкновенным языком", называя как пример "В очарованьи", "Стансы" ("Простишь ли ты мои упреки..."), "В парке", "Моя дача", "Она критикует", "Nocturne" ("Месяц гладит камыши..."), – и отказывались судить о других произведениях "по незнакомству с языком, на котором они написаны"[83].

Изобилие экзотических, иностранных и выдуманных слов считалось основным недостатком и даже грехом против духа русского языка. Так, в частности, оценил язык Северянина неоклассицист О. Мандельштам, который в целом, как известно, приветствовал появление нового поэта: "Чудовищные неологизмы и по-видимому экзотически обаятельные для автора иностранные слова пестрят в его обиходе. Не чувствуя законов русского язык, не слыша, как растет и прозябает слово, он предпочитает словам живым слова, отпавшие от или не вошедшие в него"[84].

Другой критик, подробно и пристрастно изучавший стиль "Громокипящего кубка", также утверждал, будто Северянин "плохо разбирается в

---

[80] *Чуковский К.И.* Собр. соч. Т. 6. М., 1969. С. 217.

[81] *Шмидт В.* Игорь Северянин // Критика о творчестве Северянина. С. 80.

[82] *Ланн Ж.К.* Русский футуризм // История русской литературы: XX век. Серебряный век / Под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды и Е. Эткинда. М., 1995. С. 541.

[83] *Амфитеатров А.* Человек, которого жаль // Критика о творчестве Северянина. С. 98.

[84] *Мандельштам О.* [Рецензия]. Игорь Северянин. Громокипящий кубок // Гиперборей. 1913. № 6 (март). С. 28.

русском языке" и ошибки его "таковы, что по языку он должен быть иностранцем"[85].

В ответ на подобные претензии В. Ходасевич писал: «Повторилась старая история: поэт позволил себе несколько расширить рамки обычного словаря. В таких случаях поднимается вопль. Негодуют те самые люди, которые в других случаях, когда дело идет об уже признанных поэтах, умеют называть обогащение словаря высокой заслугой. За словарь доставалось Бальмонту, Брюсову, Андрею Белому. В старые времени – Пушкину, Гоголю, и даже тому мифическому вольнодумцу, который в "Горе от ума" дерзал перевести на русский язык слова: madame, mademoiselle:

Сударыня? Ха-ха-ха-ха! Прекрасно!
Сударыня? Ха-ха-ха-ха! Ужасно!

На самом деле в словаре Игоря Северянина нет ничего "ужасного"»[86].

Критики обращали внимание на отличие устремлений Северянина стать "повсеградно оэкраненным" от почитаемой "декадентской" установки быть "поэтом для немногих". Заботясь о вкусах толпы и воспевая повседневную жизнь рядовых людей, он был "наполовину публицистичен. Он пишет непременно для многих, он хотел бы быть общедоступным и общеобязательным, – поэтом для всех"[87].

Северянин черпал из городского фольклора и народного говора, "жестокого романса" и чувствительного альбомного стиха, из принаряженного лубка и броской прямоты уличной вывески или плаката. Ему был также интересен язык газет, создавший в значительной мере ту смесь высокого с низким, которой он столь виртуозно пользовался. Гумилев считал чрезвычайно важным появление такого поэта в русском обществе, разделенном на "людей книги и людей газеты": «Первые жили в мире тысячелетних образов и идей, говорили мало, зная, какую ответственность приходится нести за каждое слово, проверяли свои чувства, боясь предать идею, любили, как Данте, умирали, как Сократы ⟨...⟩ Вторые, юркие и хлопотливые, врезались в самую гущу современной жизни, читали вечерние газеты, говорили о любви со своим парикмахером, о бриллиантине со своей возлюбленной, пользовались только готовыми фразами или какими-то интимными словечками ⟨...⟩. И вдруг ⟨...⟩ люди книги услышали юношески звонкий и могучий голос настоящего поэта, на волапюке людей газеты говорящего доселе неведомые "основы" их странного бытия»[88].

---

[85] *Шемшурин А.* Приложение 3. "Громокипящий кубок" И. Северянина и русский язык // Шемшурин А. Футуризм в стихах Брюсова. М., 1913. С. 192, 215.

[86] *Ходасевич В.* [Рецензия]. Игорь Северянин. Громокипящий кубок // Утро России. М., 1913. 16 марта.

[87] *Шмидт В.* Игорь Северянин // Критика о творчестве Северянина. С. 82.

[88] *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. Янв.–февр. С. 123.

Встав во главе литературной группы, Северянин не увлекся теоретическим обоснованием эгофутуризма или полемикой с его оппонентами, ибо в его творчестве эгофутуризм не стал определяющим фактором. В. Ходасевич писал: «Если футуризм Игоря Северянина – только литературная школа, то надо отдать справедливость: чтобы оправдать свое имя, ей предстоит сделать еще очень многое. Строго говоря, новшества ее коснулись одной только "этимологии" в старом школьном смысле слова. Игорь Северянин, значительно расширяющий рамки обычного словообразования, никак еще не посягнул даже на синтаксис. Несколько синтаксических его "вольностей" сделаны, очевидно, невольно, так как являются просто-напросто варваризмами и провинциализмами, каковыми страдает и само произношение поэта. Например, он говорит: бэздна, смэрть, сэрдце, любов»[89].

Подобное прочтение, вероятно, ближе к авторскому взгляду на особенности языка поэз:

Я разве не мог бы писать примитивно,
Без новых метафор и слов.

Среди "иностранных" слов в "Громокипящем кубке" и "Ананасах в шампанском" современный читатель встретит немало таких, которые сегодня не только понятны, но употребляются довольно часто, например "коттэдж"; "шалэ" (беседка), "эфемериды" ("обыденки"), а также экзотические слова из области литературы, истории и географии.

Первой, наиболее глубокой работой о языке Северянина, в которой с сочувствием к "нашему поэзнику" были рассмотрены "обильные странности" и многочисленные "новотворки", является статья профессора Р.Ф. Брандта, подготовленная им специально для книги "Критика о творчестве Северянина". Брандт справедливо обратил внимание на доказанное лингвистами положение, что вещи, отвергаемые ревнителями школьной грамматики и обиходной речи, нередко появляются у образцовых писателей[90].

Вслед за В. Ходасевичем Брандт указал многочисленные живучие категории "новотворок" Северянина. Так, глагольные формы, образованные от существительных: "офиалчен и олилеен", "окалошить", "осклеплен" – являются продуктивными для русского языка по аналогии со словами *окаймлять* и *обручаться* («В.А. Жуковский, отнюдь не футурист, 80 лет тому назад написал: "и надолго наш край был обезмышен". Такие глаголы, как "ручьится", – не редкость в поэзии Державина...». Сюда же можно отнести "безлучье" и "цветочье" (у Тютчева – "обезъязычел немец")[91].

---

[89] Русская молва. 1912. 25 дек.

[90] *Брандт Р.Ф.* О языке Игоря Северянина // Критика о творчестве Северянина. С. 132. В подтверждение своей мысли Брандт ссылается на работу: *Чернышев В.* Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. Пб.; Пг., 1914–1915.

[91] *Брандт Р.Ф.* О языке Игоря Северянина // Критика о творчестве Северянина. С. 131.

Такие наблюдения стоит продолжить, привлекая словообразовательные эксперименты Велимира Хлебникова. По наблюдениям В.П. Григорьева, существуют общие модели, например, составных неологизмов: "ядоцветы", "солнцесвет" у Северянина и "огнебоги", "золотописьмо", "солнцеоко" у Хлебникова. Наблюдаются и неслучайные параллели: "Ветер – ветренный проказник" (Северянин, 1909) и "Ветер – ветренный изменник" (Хлебников, 1919); "Песенка-весенка" (Северянин, 1912) и "Песенка-лесенка в сердце другое" (Хлебников, 1921); "бездарь", "грёзомыка" у Северянина и "грезоги", "огрезьте" у Хлебникова[92].

Среди живучих категорий новых слов Северянина есть слова женского рода на "ь" – *хрупь, сонь, лунь, тлень, чудь*, которые также любил, например, Сергей Есенин (*ширь, синь, низь, крепь, цветь, гладь, выть, гать, стынь, звень, хлюпь, зыбь, хлябь, глубь, мреть, хмарь, сырь, ржавь, вязь* и др.). Право на употребление подобных редких форм отстаивал Пушкин. В ответ на упрек одного из любителей изящной словесности он пояснил, что стих «"Людскую молвь и конский топ" взят им целиком из русской сказки (Бова Королевич)» и "*Молвь* (речь) – слово коренное русское"[93].

Вообще Северянину свойственно сокращать длинные слова, которых очень много в русском языке, и делает он это весьма удачно. Даже те выражения, которые считаются образованными на немецкий лад, такие как "лесофея" и "женоклуб", гораздо естественнее произвести от русской формы сложносокращенных слов типа "лесоруб".

С другой стороны, поэт ввел в стихотворную практику множество, казалось бы, не поддающихся обработке прозаизмов и сложносоставных словоформ. Ю. Шумаков отмечал, что читатель нередко спотыкается, встречая в северянинских стихах такие слова-"комоды", как: *следовательно, величественно, очаровательнейшая, обескураживает, непререкаемая, опечаливается, переливающиеся* и т.д. «Но надо было слышать эти слова в общем контексте в исполнении автора, – вспоминал Ю. Шумаков. – Иной раз он ставил в одном слове два-три ударения, вносил неожиданные паузы. В чтении Игоря Северянина подобные "неповоротливые" слова естественно вливались в музыкальный лад стиха»[94].

Если художественные особенности книг "Громокипящий кубок" и "Ананасы в шампанском" нашли отражение в исследованиях современников, то произведения эстонского периода почти не упоминаются в прессе. Не удивительно, что сложился стереотип восприятия их как несвойственных Северянину. Отличие от дореволюционного творчества существует, но сохраняется и преемственность.

---

[92] *Григорьев В.П.* Северянин и Хлебников // *Тезисы*, 53.
[93] *Пушкин А.С.* Опровержение на критики // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 172.
[94] *Шумаков Ю.* Северянин и Эстония // Таллин. 1985. № 4. С. 106.

В книге "Классические розы" при внимательном рассмотрении встречаются характерные для раннего Северянина поэтические приемы (неологизмы, бытовая лексика, синтаксические сдвиги, оригинальные стихотворные формы). Они не столь очевидны, поскольку не являются программным устремлением автора, но вплетены в саму структуру стиха, обогащают его предшествующим опытом. Например, неназванные сложные формы в стихотворениях "На колокола" (абв-абв) или "Молитва" (аббв-аббв). По-прежнему Северянину-поэту интересны поиски в словообразовании: *предвоскресье, предгневье, смехач, безмуженка, лососка, мечтальня, предажа, зяблые горизонталки, всех одиноче, сердцем оволжен, оновенный дом, ночела столица.*

Не случайно Г. Адамович, говоря о поэме Пастернака "Лейтенант Шмидт", отмечал сходство поэзии Пастернака и Северянина "в смысле эластичности, упругости, какой-то резиново-легкой нарядности стиха и в особенностях строфы" и справедливо сближал понятия новаторства и каноничности "большого поэта": «Северянин ведь был тоже "promesse d'un grand poete" ⟨*фр.* обещание большого поэта⟩ и у него есть чему поучиться»[95]. В рецензии на книгу "Классические розы" П. Пильский подчеркивал, что хотя в книге нет ни ананасов, ни шампанского, "в своем душевном складе Северянин неизменен. В нем есть упрямство, упорство, стойкость, вера в себя, в какую-то свою правоту, и внутренняя самонадеянность"[96].

Об этом же говорили современники, ощутившие преемственность "Классических роз" и "Громокипящего кубка" и особую цельность творческого пути Северянина. Н. Оцуп писал о выступлении поэта с чтением стихотворений из "Классических роз": "...появление Северянина в Париже оказалось нужным именно потому, что в сущности он нисколько не изменился, то есть не утратил своего непосредственного дарования. ⟨...⟩ Я не хочу этим сказать, что прошлые или нынешние поэты, обладающие высокой культурой, лишены лирического вдохновения. Но, быть может, никому за последние два десятилетия не было столько отпущено, сколько Северянину. У него в поэзии легкое и от природы свободное дыхание"[97].

Северянин воплотил одно из главных противоречий поэтической эпохи – стремление к изощренности стихотворных форм и, одновременно, демократизации, расширению лексической базы за счет языка газет, политики, науки, социального жаргона. Его опыт не оставил равнодушным современных ему поэтов и стал для них своеобразной точкой отсчета. Не случайно М. Зенкевич, определяя в начале 20-х годов место и роль Маяковского, вспоминал именно о Северянине: «Маяковского выдвинула в первые ряды

---

[95] *Адамович Г.* [Рецензия]. Б. Пастернак. Лейтенант Шмидт // Звено. 1927. 3 апр.
[96] *Пильский П.* "Ни ананасов, ни шампанского" // Сегодня. 1931. 15 сент.
[97] *Оцуп Н.* Северянин в Париже // Числа. Париж, 1931. № 5.

поэзии война и главным образом революция, на события которой он сумел прежде всех и громогласнее всех отозваться. Для 1918 и 1919 гг. в разгар революции он делается тем же, чем до него накануне войны в 1912 и 1913 гг. был Игорь Северянин: центром всеобщего внимания, королем молодой поэзии, которому взапуски подражают почти все начинающие поэты, не исключая и претендующих на особое привилегированное положение так называемых "пролетарских поэтов из пролеткультов"»[98].

"Северянизмы" действительно нередки в революционно-романтической поэзии пролеткультовцев, где "титан-народ, как некий маг, / Поэзит жизнь светлее сказки" (Н. Власов-Окский)[99]. Или другой пример – стихотворение "Мы победим" Михаила Герасимова:

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно влетим,
Громокипящею кометой
Прорежем млечные пути![100]

И много позже голос Северянина сквозь державинскую традицию слышится в стихах Даниила Хармса "Я гений" (1935):

Я гений пламенных речей,
Я господин свободных мыслей,
Я царь бессмысленных красот.
Я бог исчезнувших высот.
Я господин свободных мыслей.
Я светлой радости ручей...[101]

Несомненно, многое еще предстоит прочувствовать, постичь и воспринять в поэтическом наследии Игоря Северянина, но главное в нем, отмеченное еще Валерием Брюсовым, останется неизменным: "Игорь Северянин – поэт, в прекрасном, в лучшем смысле слова... Это – лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир. 〈...〉 Это – истинный поэт, глубоко переживающий жизнь и своими ритмами заставляющий читателя страдать и радоваться вместе с собой. Это – ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое и клеймящий это в меткой сатире. Это – художник, которому открылись тайны стиха..."[102].

---

[98] Саррабис. 1921. № 2. С. 7.
[99] *Власов-Окский Н.* Солнечный путь: Стихотворения. Кн. 5. Тверь, 1919. С. 17.
[100] *Герасимов М.* Железные цветы: Стихи. Самара, 1919. С. 19.
[101] *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Т. 1: Стихотворения. СПб., 1997. С. 278.
[102] *Брюсов В.* Игорь Северянин // Критика о творчестве Северянина. С. 9, 11.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

В настоящее издание включены четыре поэтические книги Северянина, представляющие наиболее значительную часть творческого наследия поэта: "Громокипящий кубок. Поэзы" (М., 1913), "Ананасы в шампанском. Поэзы" (М., 1915), "Соловей. Поэзы" (М.; Берлин, 1923) и "Классические розы" (Белград, 1932). Воспроизводимые книги раскрывают творческую эволюцию поэта на протяжении 20 лет.

Все книги публикуются по первому изданию, поскольку первые издания "Громокипящего кубка" и "Ананасов в шампанском" особенно тщательно готовились автором. Они стали событием в литературном мире при первой публикации. "Соловей" и "Классические розы" при жизни автора имели только одно издание.

Учитывается также то, что тексты стихотворений в последующих изданиях "Громокипящего кубка" и "Ананасов в шампанском" Северянин обычно оставлял без изменений. Более того, поэт подчеркивал: "...исправлять... старые стихи считаю убийственным для них" ("Автопредисловие"), – хотя и участвовал в подготовке последующих изданий своих книг к печати. Несмотря на это, в тексте новых изданий встречались опечатки и искажения, которые автор исправлял в последующих. Исключение составляет последнее, десятое, издание "Громокипящего кубка" и пятое издание "Ананасов в шампанском" (вышли в свет в 1918 г. в составе "Собрания поэз". М.: Земля, 1918), которые автор не успел просмотреть в корректуре, так как жил в это время у больной матери в поселке Тойла (Эстония). Ввиду большого тиража ("Громокипящий кубок" издан тиражом 15000 экз.), а следовательно, и большой его доступности, искажения, допущенные здесь, оказались воспроизведенными в поздних изданиях, например в собрании сочинений Северянина в пяти томах (СПб.: Logos, 1996).

Раздел Дополнения включает ранние брошюры поэта, которые предшествовали "Громокипящему кубку", и стиховедческую работу "Теория версификации", отражающую его взгляды на обновление поэтической формы.

Исходя из основных принципов издания и учитывая результаты текстологического анализа наследия Северянина, в качестве дополнения к основному составу книги включены все ранние издания произведений поэта – "брошюры" 1904–1912 гг. Изданные на средства автора (как правило, тиражом 200 экз.) и существующие на правах рукописи, они собраны и представлены в нашем издании впервые. Ни одна библиотека или архивохранилище не обладает исчерпывающей коллекцией таких раритетов.

Публикация всех ранних брошюр в их хронологической последовательности и полноте дает уникальную возможность читателю и исследователю восстановить по ним истинный ход творческой эволюции поэта.

Северянин рассматривал брошюры как собрание своих произведений, группировал в тома, давал им заглавия, которые потом использовал в других книгах. Все юношеские произведения, за исключением первых восьми брошюр (раздел "Морская война"), автор стремился перепечатать в составе своего собрания поэз. Около 100 стихотворений вошло в "Громокипящий кубок", 30 стихотворений – в "Ананасы в

шампанском", по 20 стихотворений включено в "Златолиру", "Victoria Regia", 40 – в "Поэзоантракт". Остальные тексты Северянин собрал в том "Ручьи в лилиях", издание которого не состоялось. Но очевидно желание автора представить читателю все напечатанные в брошюрах произведения. Таким образом, впервые этот замысел Северянина воплощен.

Только сравнивая состав и расположение стихов в ранних брошюрах с тем, какое место они занимают в книгах "Громокипящий кубок" и "Ананасы в шампанском", можно оценить композиционное мастерство Северянина. Стихи дают варианты заглавий, датировок, пунктуации и даже лексики, поэтому могут рассматриваться как ранние редакции произведений, вошедших в "Громокипящий кубок" и "Ананасы в шампанском". В отсутствие архива, погибшего во время Великой Отечественной войны, и большинства рукописей стихи в брошюрах являются источником текста для книги "Громокипящий кубок" и частично для "Ананасов в шампанском".

В целом эти брошюры характеризуют почти десятилетний период творчества Северянина, ранее не рассматривавшийся в качестве самостоятельного. Это повышает научную ценность издания, сообщает ему особый интерес, так как тексты "Громокипящего кубка" и "Ананасов в шампанском" неоднократно переиздавались, а тексты всех ранних брошюр воспроизводятся впервые.

Тексты печатаются с учетом норм современной орфографии, но при сохранении особенностей языка поэта, имеющих смысловое и стилистическое значение. В книгах сохраняются состав, определенный автором, разделы, посвящения, датировки. Вместе с тем, тексты сверены со всеми доступными составителям рукописями, авторской правкой на полях сборников. Место хранения рукописей (РГАЛИ. Ф. 1152) в тексте не оговаривается.

В разделе "Дополнения" тексты стихотворений из ранних брошюр, затем включенные Северяниным в книгу "Громокипящий кубок", отмечены "звездочкой", вошедшие в "Ананасы в шампанском" – двумя "звездочками". Первые восемь брошюр 1904–1905 гг., которые Северянин собирался объединить в цикл "Морская война", воспроизводятся также репринтным способом как чрезвычайно редкие и ранее нигде, кроме этих изданий, не опубликованные.

До последнего времени, несмотря на появление более 20 отдельных изданий Северянина, в том числе пятитомного собрания сочинений (СПб., 1995–1996), его поэтическое наследие является недостаточно научно откомментированным.

В настоящем издании комментарий включает сведения о первых публикациях стихотворений, творческой истории, оценке критики и реалиях текста.

В связи с тем, что библиография произведений Северянина и работ о его творчестве отсутствует, важное значение приобретают библиографические пометы, сделанные самим автором в ряде его изданий, а также перечни первых публикаций стихов "Громокипящего кубка" и "Ананасов в шампанском", данные в изданиях этих книг, использованные и уточненные составителями.

Авторские датировки при необходимости поясняются или уточняются. Опечатки исправляются без оговорок. Указываются существенные варианты и важнейшие моменты истории текста.

Существенное внимание уделяется прижизненной критике, особенно материалам, которые вошли в книгу "Критика о творчестве Игоря Северянина" (1916). Северянин внимательно следил за отзывами в печати о своем творчестве, собирал вырезки из журналов и газет всей России – рецензии и карикатуры.

В историко-литературном комментарии восстанавливается контекст времени, раскрываются аллюзии и полемические выпады, которыми богата поэзия Северянина, показано жанровое, образное и лексическое своеобразие творчества поэта.

Издание основано на архивных материалах; в нем с благодарностью учтены результаты исследовательской и публикаторской работы М.Л. Гаспарова, В.А. Кошелева, А.В. Лаврова, В.А. Сапогова, Е.Ю. Филькиной, Н.И. Харджиева, Г. Исакова, С. Крутта, С. Блох, В. Ройтмана и др. Составители выражают большую благодарность за разнообразную помощь в работе А.Т. Никитаеву (ИМЛИ, Москва), С.В. Старкиной (СПб.), В.Н. Николаевой (Гос. центральный музей музыкальной культуры, Москва), сотрудникам Музея книги РГБ (Москва), особенно Л.В. Киреченко.

Подготовка текста и примечаний к книгам “Громокипящий кубок”, “Ананасы в шампанском” и к “Теории версификации” выполнена Н.И. Шубниковой-Гусевой, к книгам “Соловей”, “Классические розы” и разделу “Ранние книги (1904–1912)” – В.Н. Терёхиной.

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК

Первое издание: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Поэзы. М.: Гриф, 1913 – вышло в свет 4 марта с предисловием Ф. Сологуба (тираж 1200 экз.). Впервые имя автора дано без дефиса. Эпиграф взят Северяниным из стихотворения Ф.И. Тютчева “Весенняя гроза” (1828). Парафраз из того же стихотворения встречается в сонете Северянина “Тютчев” (1926).

За 1913–1918 гг. книга выдержала 10 изданий, 8 из них вышли в свет с 1913 по 1915 г. Последние три издания в качестве первого тома “Собрания поэз” (1915, 1916 и 1918). Состав и последовательность стихотворений и заглавия разделов во всех изданиях оставались без изменений. Начиная с третьего издания предисловие Ф. Сологуба не публиковалось.

2-е изд. М.: Гриф, 1913. Вышло 26 августа. – 1500 экз.
3-е изд. М.: Гриф, 1914. Вышло 25 января. – 1000 экз.
4-е изд. М.: Гриф, 1914. Вышло 18 февраля. – 1000 экз.
5-е изд. М.: Гриф, 1914. Вышло 4 апреля. – 1038 экз.
6-е изд. М.: Гриф, 1914. Вышло 8 мая. – 1080 экз.
7-е изд. М.: Гриф, 1915. Вышло 11 февраля. – 1030 экз.

В составе “Собрания поэз” Северянина:
8-е изд. М.: Изд-во В.В. Пашуканиса, 1915. Вышло 20 ноября. – 3500 экз.
9-е изд. М.: Изд-во В.В. Пашуканиса, 1916. Вышло 4 мая. – 5000 экз.
10-е изд. СПб.: Земля, 1918. Вышло 15 апреля. – 15000 экз.
Общий тираж 31348 экз.

Издания отличались оформлением обложек. В 1-м и 2-м изданиях опубликована реклама издательства “Гриф”. В 3–7-м изданиях имеется библиография публикаций поэз, вошедших в сборник. Начиная с 8-го дается реклама издательства В.В. Пашуканиса, в частности книги “Критика о творчестве Игоря Северянина” (1916).

В составе каждого тиража издания “Собрания поэз” вышло по 500 нумерованных экземпляров на александрийской бумаге в переплетах из парчи синего и темно-красно-

го тона. Роскошное издание № 178 (1915) с портретом автора хранится в музее РГБ. Бумага для него изготовлена по специальному заказу писчебумажным фабрично-торговым Товариществом М.Г. Кувшинова.

Текстологический анализ показал, что Северянин внимательно относился к новым изданиям “Громокипящего кубка”. Об этом свидетельствует исправление опечаток и искажений текста, допущенных в предыдущих изданиях.

Первое издание автор готовил как новую книгу своих поэз. Почти все произведения оказались не датированы, в ряде случаев обозначено лишь место их написания, например: Мыза “Ивановка”, Дылицы.

Начиная со второго издания “Громокипящего кубка” Северянин восстановил даты по своим ранним сборникам и продолжил эту работу в пятом и восьмом изданиях. Два стихотворения – “Эксцессерка” и “Грасильда”, датированные в первой публикации, в “Громокипящем кубке” остались не датированными. Конкретные случаи расхождения датировок отмечены в примечаниях к каждому стихотворению.

В посвящении к восьмому изданию “Громокипящего кубка” (Собрание поэз. 1-е изд. Т. 1) Северянин писал: “Эта книга, как и все мое Творчество, посвящается мною Марии Волнянской, моей тринадцатой и, как Тринадцатая, последней. Эст-Тойла. Лето 1915 г.” (о М.В. Волнянской см. примеч. к стихотворениям “Поэза о солнце, в душе восходящем” и “Тринадцатая”).

Начиная с восьмого издания печаталось “Автопредисловие”. Приводим его текст полностью.

АВТОПРЕДИСЛОВИЕ

«Я – противник автопредисловий: мое дело – петь, дело критики и публики судить мое пение. Но мне хочется раз навсегда сказать, что я, очень строго по-своему, отношусь к своим стихам и печатаю только те поэзы, которые мною не уничтожены, т.е. *жизненны*. Работаю над стихом много, руководствуясь только интуицией; исправлять же старые стихи, сообразно с совершенствующимся все время вкусом, нахожу убийственным для них: ясно, в свое время они меня *вполне* удовлетворяли, если я тогда же их не сжег. Заменять же какое-либо неудачное, того периода, выражение “изыском сего дня” – неправильно: этим умерщвляется то, *сокровенное*, в чем зачастую нерв всей поэзы. Мертворожденное сжигается мною, а если живое иногда и не совсем прекрасно, – допускаю, даже уродливо, – я не могу его уничтожить: оно вызвано мною к жизни, оно мне мило, наконец, оно мое!

Игорь Северянин»

Посвящение “Тринадцатой” и “Автопредисловие” были воспроизведены также в девятом и десятом изданиях, опубликованных в составе “Собрания поэз”.

В *ГК* вошло 137 стихотворений (поэз) за 1905–1912 гг., большинство из которых было опубликовано в альманахах, журналах, газетах и брошюрах Северянина (12–35-й). Стихи брошюры *Ручьи в лилиях* (весна 1911), за исключением двух, вошли полностью. Впервые в книге были опубликованы только восемь стихотворений: “Berceuse осенний”, “Эскиз вечерний”, “Шампанский полонез”, “Virelai”, “Гюи де Мопассан”, “Газэлла”, “Демон”, “Любовь и Слава”.

Заглавия двух из четырех разделов *ГК* повторяют заглавия вышедших ранее брошюр. Первый – “Сирень моей весны” (56 стихотворений) – заглавие 18-й брошюры

(1908) и третий – “За струнной изгородью лиры” (25 стихотворений) – 25-й брошюры (1909). См. Дополнения.

Книга подготовлена по совету В.Я. Брюсова. «Разговор наш, – вспоминал Северянин, – длился около часа. Он настойчиво советовал мне подготовить к печати большой сборник стихов, повыбрав их из моих бесчисленных брошюр.

– Это совершенно необходимо, – говорил он. – На что можно рассчитывать при тираже в сто экземпляров, при объеме в 12–20 страниц? Да вдобавок, как Вы сообщаете, брошюры Ваши почти целиком расходятся по редакциям “для отзыва” и в продажу поступает, быть может, одна четверть издания» (*5, 30*).

Название “Громокипящий кубок” подсказал Ф. Сологуб (см. *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 452), обыгравший его в предисловии к первому изданию книги, написанном в феврале 1913 г.: «Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и потому явление его – воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня. Стихи его, такие капризные, легкие, сверкающие и звенящие, льются потому, что переполнен громокипящий кубок нечаянно наклонившей его ветреной Гебы, небожительницы смеющейся и щедрой. Засмотрелась на Зевесова орла, которого кормила, и льются из кубка вскипающие струи, и смеется резвая, беспечно слушая, как “весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом”».

Известно несколько дарственных надписей Северянина на разных изданиях книги “Громокипящий кубок”. Одна из них адресована В.П. Якульскому, мужу кузины Северянина, Е.М. Якульской (Лотарёвой): “Дорогому Василию Петровичу с искренней приязнью автор” (хранится в частном собрании внучатой племянницы Северянина М.Г. Рогозиной (Москва)).

Современники Северянина оценили книгу как культурное событие. А. Блок 25 марта 1913 г., прочитав “Громокипящий кубок”, записал в дневнике: “Это настоящий, свежий, детский талант...” (*Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1963. С. 232; см. также статью “Согреет всех мое бессмертье...” в наст. изд.). Предгрозье, которое ощутила “душа современности”, отметил В. Гиппиус, увидев в оформлении и “цветочной символике” книги ноты русской хандры. «Обложка книги стихов Игоря Северянина, – заметил критик, – напечатана сиреневыми буквами. Второй отдел, центральный в книге, называется “Мороженое из сирени”; первый, вступительный к нему – “Сирень моей весны”. Сирень в разных вариантах упоминается во всей книге как “эмблема сладострастия” – наряду с лилиями, конечно, эмблемами невинности. В первом отделе излагается история “страсти нежной” – ars amandi. – Эта “сирень весны”, очень скоро отцветшая, как всякие цветы чувственности; а “мороженое из сирени” и заключает в себе исконную русскую хандру – в новой разновидности, очень современной: наружно – жизнерадостную, и даже бурную, а внутренне – томящуюся, если вникнуть в эту юношескую поэзию, в ее душу, не считаясь с ее словесными затеями» (*Гиппиус В.* Русская хандра // Речь. 1913. 24 июня; *Критика*, 91–92).

Сергей Бобров в статье “Северянин и русская критика” писал: «“Громокипящий кубок” вышел в издательстве “Гриф”, с которым так или иначе необходимо было считаться. Предисловие к нему было написано Федором Сологубом, кого также невозможно было игнорировать. Книге предшествовали статьи Брюсова в “Русской мысли”. Все это, все эти предпосылки мнений создали совершенно иное отношение к И.С. – Теперь читаем в “Дне” (1–IV–13): “в лице И.С. перед нами несомненный талант, поэт “Божией милостью”, с определившимся поэтическим миросозерцанием... etc.”. В “Утре России” (16–III–13) Вл. Ходасевич помещает определенно доброжелательную рецензию. “Современное Сло-

во", с некоторыми оговорками – хвалит ("С. Сл." 17–III–13); хвалят и газеты "Баку" (9–IV–13), "Оренбургский край" (23–V–13), "Пермские Ведомости" (9–V–13), "Уральская жизнь" (27–IV–13), "Киевская Мысль" (1–V–13). – Антон Крайний в "Новой Жизни" (февраль 1913) говорит о творчестве И.С. как об "описательстве", где "ego" "и не ночевало". В "Заветах" (январь, 1913) г. Иванов-Разумник говорит: "подает надежды несомненно талантливый Игорь Северянин, если только откажется от своих "поэз", от жалкого кривлянья и ломанья". В тех же "Заветах" через месяц (1913, № 3) тот же критик посвящает И.С. целую статью, где читаем: "И.С. несомненно талантливый поэт, самобытный и красочный *лирик*". В "Современном мире" г. Кранихфельд повторил все свои неразнообразные и запыленные пустячки, которые в достаточной мере надоели еще в его полемике с модернистами ("С.М." № 4, 1913). Но и он "приветствовал в лице И.С. большой и многообещающий талант". ⟨...⟩ В "Русском Слове" самый чуткий русский критик (он же и самый умный) г. Измайлов начинает говорить в совершенно ином тоне. Теперь уже оказывается, что у И.С. "есть пьесы прекрасные, нежные, задушевные" – и т.д., когда так недавно еще И.С. в глазах г. Измайлова был "рецидивистом декадентства" ⟨Русское слово, 1913, 16. V.⟩. – К.Д. Бальмонт в интервью с сотрудником "Раннего утра" ⟨1913, 7. IV.⟩ говорит, что "находит И.С. талантливым". Г. Луначарский ⟨...⟩ нарекает И.С. "талантом" (Киевск⟨ая⟩ м⟨ысль⟩, 17–V–13). Знаменитейший Гр. Петров говорит об И.С. сотруднику "Воронежского Телеграфа": "как техник, И.С. редкий поэт; необыкновенный кованый стих, великолепная чеканка ритма, но не нравится мне его кривлянье" ("Вор. Т." 4–VI–13). – Ветхий и скучнейший резонер "Северных Записок" г. А. Полянин "более чем сомневается, чтобы из гения И.С. выработался настоящий поэт" ("Сев. З.", № 4 за 1913 г.)» (*Критика*, 32–33). Положительные рецензии опубликовал и "Волжский вестник" (1913, 7 мая), "Речь" (1913, 24 мая), "Киевская мысль" (1913, 30 июня), "Минский голос" назвал "поэтом-чародеем" (1913, 19 июня).

В заметке "Художник и критика", за подписью *Junior* говорилось: «Игорь Северянин, конечно, истинный поэт; такой певучести, такой классической простоты и сжатости слов и стиха давно не было в нашей поэзии, не было и такой свежести, нелитературности. Как скажется в дальнейшем его очаровательный талант – этого он сам не знает, конечно. Но взгляните: он уже определил свое амплуа и провозгласил его во всеуслышание: – я – поэт экстаза, каприза, свободы и солнца ⟨...⟩ В эпиграфе к книге, и в ее заглавии, и в предисловии Ф. Сологуба – то же определение: я – молодость, я – непосредственность, я – солнечный, дерзкий, жизнью пьяный! ⟨...⟩

Зачем он связывает себя и объясняет себя читателям? Это, разумеется, органично, – ведь и Пушкин начинал как солнечный, однако роли себе не приписывал и ее не объявлял; но, может быть, тут есть и вина русской традиции, исконной привычки нашей критики "формулировать" сущность каждого из наших писателей» (Русская молва. Пг., 1913. 28 апр.; *Критика*, 118–119).

Наиболее значительны появившиеся сразу после выхода книги рецензии О.Э. Мандельштама, В.Ф. Ходасевича, Иванова-Разумника, А. Измайлова, Н.С. Гумилева.

Высокую оценку поэтическому таланту Северянина дал О.Э. Мандельштам: «И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. ⟨...⟩ Безнадежно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать "просто хорошие" стихи. Если "я" Северянина трудноуловимо, это не значит, что его нет» (*Мандельштам О.Э.* Игорь Северянин // Гиперборей. 1913. № 6. Март. С. 28).

В. Ходасевич в рецензии на первое издание, опубликованной сразу после выхода книги, писал: «“Футурист” – слово это не идет к Игорю Северянину. Если нужно прозвище, то для И. Северянина лучше образовать его от слова “praesens”, “настоящее”. Его поэзия необычайно современна 〈...〉

Образы поэта смелы и выразительны, приемы – своеобразны. Он умеет видеть и изображать виденное. Его стихи музыкальны и иногда легки, как лучшие строки Бальмонта. Правда, кое-что в них безвкусно, неприятно, развязно, но все это недостатки временные. Дарование поэта победит их» (Утро России. 1913. 16 марта).

В 1914 г. Ходасевич отметил в стихах Северянина новизну словаря, соединение “пошловатой элегантности” и “божественного целомудрия” и выделил поэта среди футуристов как “дарование значительное”. “Талант его как художника, – писал Ходасевич, – значителен и бесспорен. Если порой изменяет ему чувство меры, если в стихах его встречаются безвкусицы, то все это искупается неизменною музыкальностью напева, образностью речи и всем тем, что делает его не похожим ни на кого из других поэтов. Он, наконец, достаточно молод, чтобы избавиться от недостатков и явиться в том блеске, на какой дает право его дарование. Игорь Северянин – поэт Божией милостью” (*Ходасевич В*. Русская поэзия. Обзор // Альциона. М., 1914. Кн. 1).

Иванов-Разумник писал о Северянине: «Он смел до саморекламы, и он, несомненно, талантлив. Эта излишняя развязность и смелость, вероятно, скоро пройдут; недаром он заявил уже где-то “письмом в редакцию”, что вышел из кружка “эго-футуристов”. Но талантливость при нем была и осталась; и эта подлинная талантливость заставляет принять этого поэта и говорить о нем серьезно и со вниманием». Критик увидел силу Северянина в том, что он “подлинный лирический поэт, чувствует по-своему, видит по-своему, – и по-своему же выражает то, что видит и чувствует. В этом “по-своему” он иногда слишком смел, а иногда поэтому в выражениях его многое спорно, многое раздражает, особенно ввиду его любви к острым и новым словообразованиям» (*Иванов-Разумник*. “Мороженое из сирени” // Заветы. Пг., 1913. № 3. Март; *Критика*, 75–76).

«Игорь Северянин, это красавица нюхающая табак, хромой принц, алмаз с отбитым боком, джентльмен в пенснэ из польского золота, талантливый художник, почему-то предпочитающий писать помелом пестрые плакаты. Это не мэтр и не ересиарх футуризма, – наоборот, признание и любовь придут к нему, конечно, в ту минуту, когда он оставит в детской все эти ранние игрушки, весь этот ажур парикмахерски прифранченных слов и найдет спокойный и честный язык для выражения нежных, наивных, прелестно-грустных переживаний, какие знает его душа. 〈...〉

Тот ненастоящий, окалошенный, орекламленный, с 30-ю тысячами интервьюеров и “льстивой свитой”, Игорь Северянин остался бы только мишенью газетных острот. Пред настоящим – иная дорога, где ему говорят: добро пожаловать!..» (*Измайлов А*. Красавица, нюхающая табак // Русское слово. М., 1913. 16 мая; *Критика*, 54).

«О “Громокипящем кубке”, поэзах Игоря Северянина, – заметил Н. Гумилев, – писалось и говорилось уже много, Сологуб дал к ним очень непринужденное предисловие, Брюсов хвалил их в “Русской Мысли”, где полагалось бы их бранить.

Книга, действительно, в высшей степени характерная, прямо культурное событие. 〈...〉 Игорь Северянин – действительно поэт и к тому же поэт новый. Что он поэт – доказывает богатство его ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои остро пережитые темы. Нов он тем, что первый из всех поэтов он настоял на праве поэта быть искренним до вульгарности» (Аполлон. 1914. Янв.-февр. № 1–2).

"Громокипящий кубок" стал одной из популярных книг начала XX в. В романе "Спекторский" (1924–1930) Б.Л. Пастернака есть такие строки:

И той же ночью с часа за второй,
Вооружась "Громокипящим кубком",
Последний сон проспорил брат с сестрой.

I. СИРЕНЬ МОЕЙ ВЕСНЫ

ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ (с. 9)

Впервые: Сибирские отголоски. Томск, 1910. 1 июня. *Очам твоей души,* под заглавием "Увертюра" с датировкой: «1909. Июнь. Мыза "Ивановка"». Дата восстановлена во 2-м издании.

Критики оценили стихотворение неоднозначно. Особо выделил его Иванов-Разумник: «Когда Игорь Северянин захочет, он пишет в "старых формах" такие прекрасные стихотворения, как, например, "Очам твоей души"» (*Критика*, 76). «В "Громокипящем кубке", – писал Вл. Кранихфельд, – есть несколько стихотворений, останавливающих внимание неподдельным лирическим настроением и законченностью формы» и отнес к числу лучших "Очам твоей души" (*Кранихфельд Вл.* Литературные отклики. "80 тысяч верст вокруг себя" // Современный мир. СПб., 1913. № 4. С. 110).

В. Гиппиус назвал первую помещенную в *ГК* пьесу "чувственной по смыслу и холодной по выражению" (*Критика*, 92). А. Амфитеатров отметил в этом стихотворении романсовый перепев: «...первая же страница первой книжки поет и воркует читателю:

Тебе одной все пылкие желанья,
Души моей и счастье и покой,
Все радости, восторги, upованья
Тебе одной...

Ах, нет, виноват: это как раз не г. Игоря Северянина сочинение. У него не совсем так. Очам твоей души – молитвы и печали... ⟨...⟩ Не правда ли, мило? Читая, искренно сожалел я, что умерли Я. Пригожий и Саша Давыдов... Какую бы первый музыку написал к этим стишкам, а второй как бы исполнил ее, "со слезою", под гитару!.. И сколько чувствительных барышень потом трогательно звенело бы ее фальшивыми голосенками в домиках, где на окнах цветут герани, к потолку привешены клеточки с канарейками...» (*Амфитеатров А.* Человек, которого жаль // *Критика*, 101–102).

На критические выпады А. Амфитеатрова ответил автор харьковской газеты "Южный край": "Казалось бы, почему и зачем жалеть Игоря Северянина? Человек он молодой и талантливый, даже и прославиться уже успел. Пишет он о чем хочет, поет, как птица, не справляясь ни у кого, можно ли ему или нельзя петь и о том или ином" (*Критика*, 116).

Очам твоей души. – Заглавие восходит к популярному в те годы переводу Н.А. Полевого трагедии У. Шекспира "Гамлет" (ср. слова Королевы, обращенные к Гамлету: "И вся душа в твои переселилась очи..." Действие третье, явление III. – Школьный Шекспир. СПб.: Изд. П.Н. Полевого, 1876. С. 83), многие выражения которого стали послови-

цами и поговорками и прочно вошли в русский язык: “башмаков еще не износила”, “о, женщины, ничтожество вам имя!”, “как сорок тысяч братьев”, “за человека страшно” и др. Под заглавием “Очам твоей души” вышла 34-я брошюра Северянина (см. Дополнения).

Литургия – главное христианское богослужение, неотделимо от музыки.

Клиры – собирательное наименование служителей церкви, причетников и певчих. Ср. написанную в этом же году “Симфонию” в “Златолире”: “...И в сердце пели неба клиры...” и стихотворение В. Брюсова “Игорю Северянину”: “Строя струны лиры клирной...”

СОЛНЦЕ И МОРЕ (с. 9)

Впервые: Петербургский журнал. 1911 (источник недоступен). *Очам твоей души*, с датировкой: “1910. Август”. Дата восстановлена во 2-м издании.

В. Гиппиус считал, что “Солнце и море” вызывает “своим мотивом чувство элегическое” (*Критика*, 92).

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ (с. 10)

Беловой автограф без посвящения, с датировкой: “1911 г. С.-Петербург” (частное собрание). Впервые: *Очам твоей души*, с датировкой: “1911. Апрель”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Посвящение – Фофанов Константин Михайлович (1862–1911) – поэт. Был первым (в 1907 г.), кто признал талант Северянина и в дальнейшем поддерживал молодого поэта. Северянин познакомился с Фофановым 20 ноября 1907 г. в Гатчине (см. в романе Северянина “Падучая стремнина” (1922): “Он написал мне двадцать посвящений”) и искренне привязался к нему, посвятил “Его светозарности Королю Поэзии” сборник “Лунные тени” (1908) и кроме “Весеннего дня” немало других стихотворений: “У К.М. Фофанова” (1907, *ПА*, первое стих. о Фофанове), “Великому современнику” (1909, *ПА*), “Поздней осенью” (1909, *ПА*), “Над гробом Фофанова”, “На смерть Фофанова”, вошедшие к *ГК*, а также “Поэза о Фофанове” (1913, *ЗЛ*), “Фофанов” (1926) и др., написал несколько мемуарных очерков о поэте.

В очерке “Из воспоминаний о К.М. Фофанове” (1923) Северянин так писал о стих. “Весенний день”: «5 мая 1911 года, когда я только что закончил свой знаменитый “Весенний день”, раздался звонок и в мой кабинет вошел как всегда возбужденный и нервный Фофанов в сопровождении своего сына Константина, впоследствии футуриста Олимпова ⟨...⟩

Я прочел пришедшему Фофанову свое новое, только что законченное стихотворение, и с каким искренним восторгом он выслушал его, как обнимал меня, растроганный и восхищенный.

– Вот как надо писать, радость моя! – говорил он со слезами на глазах. – Забудь все декадентские исхищрения, они тебе не к лицу. Пиши всегда так же просто и ясно, как написал этот “Весенний день”, и ты будешь всенародным русским поэтом» (*5, 11*).

В свою очередь Северянин так высказался о творчестве друга: “...ни у одного из русских поэтов нет того, что вы найдете у Фофанова относительно северной весны: ее души, ее аромата, повторяю, почти недушистого, но такого пленительного своими возможностями, что эта недушистость душистее всякого яркого аромата, ибо в ней он толь-

ко подразумевается, не передан, не запечатлен и, именно в силу этого обстоятельства своей неопределенности, насыщен истинным свойством благоухания точного, неприкрашенного, не преувеличенного ничем. Вот это-то и есть, по-моему, отличительная черта его лирики, в этом-то и таится вся ее душа – все ее непередаваемое обаяние, которое не подлежит никаким анализам, никакой формулировке" (*Тост безответный*, 453).

В стихотворении "Музей моей весны" (1916. 19 апр.), посвященном "милому тихому городку" Гатчине, где "цвела ⟨...⟩ сирень моей весны", Северянин упоминал "Весенний день":

Не твой ли – ах! – весенний день
Взбурлил во мне "Весенний день",
Чей стих – весны ясней?

(2, 331)

"Весенний день" – одно из наиболее известных стихотворений Северянина, которое автор любил читать с эстрады. Оно было объявлено в афише Первой олимпиады футуристов 7 января 1914 г., где имя Северянина фигурировало вместе с В. Баяном, Д. Бурлюком и В. Маяковским. Поэт читал его на вечере "Избрание короля поэтов" 27 февраля 1918 г., см. воспоминания Р. Симонова и С. Спасского (сб. «В Политехническом "Вечер новой поэзии"». – М., 1987. С. 391–392).

Стихотворение отмечено вниманием Маяковского, который любил напевать многие стихи Северянина. В "Заметках о Маяковском" Северянин записал его слова: «Читаю и я "Весенний день"» (*5, 164*).

Издатели не сразу приняли стихотворение. Северянин вспоминал,что «Светлов из "Нивы" возвратил "Весенний день"» (*5, 84*). Но после выхода *ГК* его высоко оценили критики. Иванов-Разумник счел, что Северянин показал себя здесь "достойным учеником Брюсова" (*Критика,* 76). В. Гиппиус заметил, что "пьеса" "Весенний день" гораздо радостнее первых двух "пьес" *ГК* и процитировал восемь "энергических строк" из нее (вторую и четвертую, последнюю, строфу) (*Критика,* 92). Анонимный критик в рецензии на "Златолиру" напомнил читателям это стихотворение из *ГК*: «Разве не дышит, например, жизнью и радостью чудесная поэза "Весенний день"» (Камско-Волжская речь. Казань. 1914. 29 марта).

«Меня всегда удивляло, – писал Д. Бурлюк, – что поклонники Надсона, застрявшие в проселке Некрасова, проглядели в кумире столичных девиц и дам, как ни в ком, звучащие нотки любви к ближнему и большой сердечной отзывчивости ⟨далее полностью цит. стих. "Весенний день"⟩. ⟨...⟩ Игорь Северянин дал несколько пейзажей незабываемой тонкости, чувство природы ставит его в ряд лучших мастеров этого рода» (*Бурлюк Д.* Листки футуристической хрестоматии: Игорь Васильевич Северянин (Лотарёв) // Голос Родины. Владивосток, 1920. 3 окт.).

Критики проводили параллели с поэзией Бальмонта, Блока, Пастернака и др. (*Тарановский К.Ф.* Три весенних дня в русской поэзии начала двадцатого века ("Весенний день прошел без дела..." А. Блока, "Весенний день" Игоря Северянина и "Февраль" Б. Пастернака) // Культура русского модернизма. М., 1993. С. 326–327). Ср. также со стихотворениями А. Фета "Еще весна, – как будто неземной..." (1847), М. Лохвицкой "Весенний день" (1896) и написанным позже стихотворением Л. Афанасьева "Весенний день, прозрачен и лучист..." (1911. Окт.).

Весенний день горяч и золот... – Автор перефразировал эти строки в романе "Падучая стремнина" (1922), посвященном возлюбленной поэта Злате (см. о ней в примеч. к стих. "Ты ко мне не вернешься..." в *ГК*): "Но день весенний / Был так пригож, был так

горяч и золот" (*3, 227*). См. также автоцитату в поэме "Солнечный дикарь" (1924) – "Весенний день и золот, и горяч, – / Виновных нет..." (*3, 283*).

Виновных нет: все люди правы... – Парафраз слов короля Лира из одноименной трагедии У. Шекспира: "Нет в мире виноватых!" (пер. А.В. Дружинина. Действие 4, сцена VI). См. также в стихотворении "Рядовые люди", написанном в этом же году и вошедшем в *ГК*: "Не знаю скверных, не знаю подлых; все люди правы..." и в сонете Северянина "Шекспир" (1927): «Король, возвышенный страданьем, Лир / Обрел слова: "Нет в мире виноватых"». Ср. также первую и заключительную строки стихотворения Фофанова "Я не вижу врагов, не могу враждовать..." (1897).

В последней подготовленной Северяниным книге в стихах военной тематики встречается противоположная формула: "Виновны все" и "Вина на всех" (1940).

В ГРЕХЕ – ЗАБВЕНЬЕ (с. 10)

Впервые: *Очам твой души,* с датировкой: "1911. Август". Дата восстановлена во 2-м издании. Заглавие в *Очам твоей души* и отдельных изданиях с восклицательным знаком. В 10-м издании искажение в 23-й строке: "И будь спокойно: живи, ты – право! сомненья мимо" вместо "И будь спокойно: живя,ты – право! сомненья мимо!".

Эпиграф – девятая строка стихотворения В. Брюсова "Женщине" (1899).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – русский поэт, одним из первых высоко оценил творчество Северянина (см. статью в наст. изд.).

Стихотворение подробно, с цитатами, разобрал и высоко оценил В. Гиппиус. «Прочитав его, внимательный читатель уже не забудет его, дочитывая дальше всю книгу. 〈...〉 "Жизнь чарует и соблазняет", но "сердце в смущеньи": "оно боится... благополучье свое нарушить". Но жизнь проходит – смерть неизбежна – сердце человека одиноко и не чувствует связи со вселенной. И вот – выход: благополучью противопоставлено безумье одинокого сердца; добродетели – грех, в котором забвенье от скорби 〈...〉 Теперь все уже ясно, и не читая до конца; но у кого есть еще сомнение в том, что пред нами новый Онегин со старой русской хандрой, с возможностью забыться лишь в нарушении обычностей, в случайных развлечениях, в случайных жестокостях, – пусть прочтет и конец стихотворения. Эта не та смертная скука, которая переходит в озлобление к жизни и ждет смерти – как у Лермонтова. Она способна себя тешить – это именно русская хандра». Процитировав последние строки стихотворения, критик завершает: «Так новый эпикуреизм вырастает на почве старой "душевной пустоты"» (*Критика,* 92–93).

В БЕРЕЗОВОМ КОТТЭДЖЕ (с. 11)

Впервые: Нижегородец. 1912. 6 (19) окт. Датировано во 2-м издании: "1911. Август".

Посвящено возлюбленной поэта, известной под именем Елена (в стихах Северянин называл ее Мадлена или Мадлэн, скорее всего, по имени героини драмы М. Лохвицкой "In nomine Domini" ("Во имя Бога"; 1902). Елене адресованы также стихи "Посвящение", "Стансы" ("Простишь ли ты мои упреки..."), "Поэза для "Мадлэны" (1915), "Примитивный романс" и др. Северянин писал о ней: "Я навсегда признателен Мадлэне / За ею принесенную мне Славу..." (*Тост безответный,* 429).

Елена стала героиней романа в строфах "Рояль Леандра" (1925). В нем рассказывается о любви талантливого пианиста к женщине под именем Елена. "...Они познакоми-

лись, – писал Лазарь Городницкий, – весной 1911 года в дачной местности под Петербургом. Ей было 32 года, ему 24, она была жена генерала, мать. Он – самоуверенный молодой поэт со скандальной славой и длинной цепью любовных увлечений в постоянных поисках своего идеала женщины. За двенадцать лет замужества она так и не испытала личного счастья... ⟨...⟩ В творческой биографии поэта эти годы (1911–1912), когда его связь с Еленой была особенно интенсивной, имели решающее значение. ⟨...⟩ В жизни поэта она явилась первой женщиной, неподдельное восхищение которой совмещалось с резкой критикой и его стихов и его жизненной позиции" (*Городницкий Л.* Северянинская Лаура // Русская мысль. 1997. 16–22 окт.). Елена оказала немалое влияние на творчество Северянина.

Спустя четыре года после выхода *ГК* М. Моравская писала, что "студент из мансарды, грезящий о березовом коттедже, и сам Северянин, воспевающий этот коттедж, их общая тоска – плод социального неравенства". Причину столь долгого интереса к его творчеству читателей и критиков Моравская видела в социальном содержании. Березовый коттедж, крылатые яхты, авто, молниеносные путешествия по всеми миру она расценила как приметы внешней культуры, по которой тоскует плебейство ("люди без собственных лимузинов"), и назвала Северянина "певцом тоски по внешней культуре" (*Моравская М.* Плебейское искусство. Об Игоре Северянине // Журнал журналов. 1917. № 10, март. С. 7).

Коррэджо (Корреджо; ок. 1489 – ок. 15.3.1534) – итальянский художник Возрождения, некоторые картины которого отличаются праздничным духом, иногда интимной мягкостью и прихотливо-изменчивым колоритом ("Мадонна со св. Франциском", 1514–1915; "Мадонна со св. Иеронином", 1527–1528; "Мадонна со св. Георгием", 1530–1532, и др.).

BERCEUSE ОСЕННИЙ (с. 12)

Беловой автограф (ОР РГБ) с вариантами пунктуации. Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: "1912. Февраль".

Стихотворение выделялось критикой. "Немногими штрихами, – писал В. Брюсов, – Игорь Северянин воссоздает сложные картины. Присмотритесь и прислушайтесь, напр., к таким стихам ⟨далее цит. две начальные строки⟩" (*Критика,* 13). Лариса Рейснер определила это стихотворение как "нежность, не лишенную пользы". «Игорь Северянин, – писала она, – не знает ревности; в березовое шале его пускают с заднего крыльца. "Жена и мать" пользуется им как морфием, чтобы немного ослабить тяжесть старой "бракоцепи". И галантный "Эксцесс" охотно идет к этой "замужней невесте", чтобы "девственно озверить" ее "алчущий инстинкт". ⟨...⟩ Как неуместна после подобной "терпимости" безумная, ревнивая боль Маяковского...» (*Рейснер Л.* Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому // Рудин. 1916. № 7. с. 8).

Очень высоко оценил "Berceuse осенний" Д. Бурлюк: "...Поэты XIX века не сумели так раскрыть до предела женскую душу, как это сделал Игорь Северянин в этом стихотворении". Не удержавшись от соблазна привести текст стихотворения целиком, Бурлюк заметил: "Эта необычайная сила анализа переживаний женской души сделала Северянина кумиром молодых душ. ⟨...⟩ Это сделало Северянина, наперекор всем критическим выкладкам, модным поэтом салонов, где владычествует утонченность изысканности и искусственности женской души" (Голос Родины. Владивосток. 1920. 3 окт.).

Первые две строки стихотворения, включающие выражение "*драприт* стволы в туманную тунику", понравилось В. Брюсову (*Критика,* 13–14). В. Гиппиус был им недово-

лен: «Через два обыкновенных слова на третье – прибегает к таким выражениям: "Лимонно-листный лес драприт стволы" и т.д.» (*Критика,* 89). Иванов-Разумник привел слово "драприт" как пример "насилования русского языка": «К чему все эти "эксцессы в вирелэ"? Надо пожалеть русский язык и избавить его от таких обогащений» (*Критика,* 77). Однако проф. Р.Ф. Брандт посочувствовал "различным способам укорочки, встречающимся у Северянина. Таковы ⟨...⟩ туман... тебя задраприт, вм. задрапирует, с его немецким суффиксом ir" (*Критика,* 140).

Berceuse – колыбельная песня (*фр.*).

...Оставив мне незримый гиацинт... – Р.Ф. Брандт усмотрел в этих словах "чуть ли не намек на греческое предание о юноше Гиацинте, превращенном в цветок, будто бы с написанием его имени" (*Критика,* 148).

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СОНАТА (с. 13)

Впервые: Нижегородец. 1912. 19 июля (1 авг.) – с подзаголовком "Из цикла N". В *Очам твоей души,* с датировкой: "1911. Октябрь". Дата восстановлена во 2-м издании. В "Нижегородце" и *Очам твоей души* – с вариантами строфики и пунктуации.

Северянин "самозабвенно распевал" это стихотворение Ирине Одоевцевой в январе 1923 г. в Берлине вместе с другими стихами из "Громокипящего кубка" и очаровал ее своим чтением (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 16–17).

В. Брюсов писал, напомнив две первые строки стихотворения: "Мы верим, мы уверены (иного доказательства нет), что только глубокое переживание могло подсказать такие волнующие ритмы" (*Критика,* 15).

Соната (*ит.* sonate, от sonare – звучать) – музыкальное произведение, восходящее к одному из основных жанров камерной инструментальной музыки, построенному, как правило, в соответствии с классической трехчастной формой. Ср. также "Сонаты в шторм".

ИДИЛЛИЯ (с. 13)

Впервые: Сибирские отголоски. Томск, 1910. 13 июля. В *Очам твоей души,* с датировкой: «1909. Май. Мыза "Ивановка"». Дата восстановлена во 2-м издании.

Брюсов отнес "Идиллию" к стихам "в русском стиле", где поэт "сумел остаться самим собой, удачно переняв то склад нашей народной песни, то особенности народного говора" (*Критика,* 16).

Идиллия – Северянин определял идиллию как смысловую форму, стих "идиллического содержания" ("Теория версификации").

ЭТО ВСЁ ДЛЯ РЕБЕНКА... (с. 15)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: "1911. Октябрь". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1911".

В. Брюсов писал: «Такие, казалось бы, обыкновенные отношения, какие пересказаны в стихах "Это все для ребенка" ⟨...⟩, дали Игорю Северянину исключительные по своему импрессионизму строки:

Повидаться нельзя нам.

Разве только случайно. Разве только в театре. Разве только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно...» (*Критика*, 14).

И мне дорог Ваш крестик – как и Ваша слезинка, как и Ваша гребенка... – Ср. стихотворение Б. Пастернака “Марбург” (1916), которое обращено к И. Высоцкой, “другу детства в тончайшем пеньюаре”: “В тот день всю тебя от гребенок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою...” (*Пастернак Б.* Поверх барьеров. Вторая книга стихов. М.: Центрифуга, ⟨1916⟩ (на тит. л. 1917)).

ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ (с. 15)

Впервые: *Очам твоей души*, с датировкой: «1911. Сентябрь. Мыза “Ивановка”». Дата «Мыза “Ивановка”. 1911» восстановлена в 5-м издании.

Элегия – по определению Северянина, “стихотворение грустного содержания” (“Теория версификации”); распространенная в раннем творчестве поэта форма: “Элегия” (1905), “Траурная элегия” (1909), “Элегия” (1911). Одним из любимых музыкальных произведений Северянина была “Элегия” Массне (см. о нем подробнее в примеч. к стих. “На смерть Масснэ”). Ср. элегии К.М. Фофанова: “Элегия. (Из траурных песен)” (“Мои надгробные цветы...”, 1886); “Элегия” (“Склонилась жизнь моя к закату...”, 1906); “Элегия” (“Папироса... Еще и еще папироса...”. 1909).

Эпиграф – А. Пушкин. “Евгений Онегин”. Глава II.

“Янтарную элегию” высоко оценил А. Оршанин и привел ее текст полностью: «Хрустальная прозрачность воспоминания удивительно гармонирует здесь с янтарностью осеннего дня.

Мы остановились на этом стихотворении потому, что оно – видимый кристалл незримого интимного “я” поэта. Задушевный лиризм с нежным женственным тембром есть ядро его поэзии» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 24).

Шалэ (*фр.* chalet) – здесь: небольшой домик, дача.

ВСЁ ПО-СТАРОМУ... (с. 16)

Впервые: *Очам твоей души*, с датировкой: «Мыза “Ивановка”. 1909. Июль»; варианты пунктуации. Дата восстановлена во 2-м издании.

Среди понравившихся стихов Северянина из *ГК* и *ЗЛ*, где «все ⟨...⟩ чрезвычайно ⟨...⟩ “мило”», назвал “Всё по-старому...” А. Амфитеатров (*Критика*, 100).

Ирина Одоевцева в числе “прелестных, совсем простых стихов” в 20-е годы читала Г. Иванову, П. Пильскому и редактору рижской газеты “Сегодня” М.С. Мильруду стихотворение “Всё по-старому” (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 20).

ИЗ ПИСЬМА (с. 16)

Впервые: *Очам твоей души*, с датировкой: “1911. Сентябрь”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1911”.

“Светлая дача” и “старая мельница” находились вблизи станции Пудость, под Петербургом, на мызе “Ивановка”, где написаны многие стихи Северянина этих лет.

ПОСВЯЩЕНИЕ (с. 17)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: “1912. 1-й день Пасхи – Благовещение”. Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: “1912”.

В 1912 г. Пасха приходилась на 25 марта ст.ст. (7 апр.), на день Благовещения.

Адресовано Елене – см. примеч. к стихотворению “В березовом коттэдже”.

Суда – река (приток Шексны, впадающей в Волгу) неподалеку от Череповца, где прошло детство поэта. На месте впадения в Суду речки Кемзы, недалеко от деревень Сойволовское и Владимировка, находилось имение Лотарёвых. Ср.: “...О, Суда! голубая Суда! / Ты, внучка Волги! дочь Шексны!” (“Поэза детства моего и отрочества”. 1912 (*1, 536; VR*) (см.: *Рогозина М.Г.* Дом на Суде // Культура Русского Севера: Традиции и современность: Материалы к конференции. Череповец, 1990. С. 73).

Квантун (Гуаньдун) – встречающееся в литературе на русском языке название юго-западной оконечности Ляодунского п-ва в Китае (см. Дополнения).

РОМАНС (с. 17)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: “1910. Ноябрь”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Северянин любил романсовые формы с их напевной мелодикой. См. также “Примитивный романс”.

ПРИМИТИВНЫЙ РОМАНС (с. 18)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: “1912. Февраль”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1912”.

Адресовано Елене; см. примеч. к стихотворению “В березовом коттэдже”.

СТАНСЫ (“Простишь ли ты мои упреки...”) (с. 18)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: «1911. Июль. Ст. Елизаветино, село “Дылицы”». Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: «1911. “Дылицы”».

В разных изданиях “Громокипящего кубка” печаталось с вариантами пунктуации.

Адресовано Елене, см. примеч. к стихотворению “В березовом коттэдже”. На ст. Елизаветино, село Дылицы, в июне 1911 г. написано стихотворение “Nocturne”, а в 1912 г. – “В очарованьи”, адресованные ей же.

Стансы (от *ит.* stanza – остановка) – лирический жанр, распространенный в западноевропейской поэзии (Гёте, Байрон и др.). В русской поэзии образцом может служить стихотворение А.С. Пушкина “Брожу ли я вдоль улиц шумных...”. Северянин определял стансы как форму, в которой “каждый стих или каждая строфа самостоятельны, заключая в себе отдельную мысль или фразу без перехода в следующие” (“Теория версификации”). Широко известны стихотворения Северянина “Стансы” (“Ни доброго взгляда, ни нежного слова...”, 1909) – *ГК,* “Стансы” (“Счастье жизни – в искрах алых...”, 1907) – *АШ* и др.

...И снова ты во всем права! – Этот же мотив развит в стих. “В грехе – забвенье”, написанном в том же году и вошедшем в *ГК* с эпиграфом из В. Брюсова “Женщине” (1899): “Ты – женщина, и этим ты права”.

НАМЕКИ ЖИЗНИ (с. 19)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: "1911. Декабрь". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1911".

В 10-м издании печаталось с искажением текста в 16-й строке: "Все через миг распалось, как вода" вместо "Все через миг распалось, как зола".

В экземпляре *Очам твоей души* с дарственной надписью Северянина: "Александру Блоку – автор. 912" – имеется помета Блока: в 13-й строке подчеркнут глагол "заденела": начался день – "заденела ⟨комната⟩" (ИРЛИ. Библиотека Блока). В экземпляре из коллекции М.С. Лесмана (Музей Анны Ахматовой. СПб.) рукой Блока красным карандашом подчеркнуты неологизмы "утрела", "заденела" (см. Дополнения). См. также начало "Фантазии восхода", написанной в январе 1911 г.: "Утреет. В предутреннем лепете..." (*ГК*).

А. Блок использует понравившееся ему слово в первой строке своего стихотворения "Седое утро" (1913): "Утреет. С Богом! По домам!".

Интонация А.Н. Апухтина в шестой строфе ("Ребенок умирал. Писала мать..."), отмечена Н. Гумилевым (*Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1914. Янв.–февр. № 1–2. С. 124).

...распалось, как зола... – Мотив золы в творчестве Северянина связан с бездушием и смертью; ср. "Бездушных мыслей, как зола..." ("Пролог" в *ГК*); "...смотря на символ наш – *золу...*" (*3, 329,* "Рояль Леандра") и др. Ср. со стих. Ф. Тютчева "Она сидела на полу..." (1858).

Она сидела на полу
И груду писем разбирала –
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

ДЕНЬ НА ФЕРМЕ (с. 20)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: "1912. Март". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "1912".

В экземпляре из коллекции М.С. Лесмана (Музей Анны Ахматовой. СПб.) рукой Блока красным карандашом подчеркнут неологизм "майно".

"День на ферме" выделен В. Брюсовым среди стихов *ГК*, в которых поэт немногими штрихами воссоздает сложные картины: «...напр., "бегало солнце по граблям"» (*Критика,* 13).

ЛЕСОФЕЯ (с. 20)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: "1912. Март". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1912".

Д.А. Крючков, высоко ценивший творчество Северянина, в статье, озаглавленной "Демимонденка и лесофея", дал своеобразную трактовку пути Северянина, который идет от изображения современного города "на милый север, под зеленоглазое небо... от громких улиц к пихтам... от демимонденки к лесофее" (Очарованный странник. 1913. № 1. С. 4).

Демимонденка – (от *фр.* demie – половина и *фр.* monde – общество) – дама полусвета. Ср. "в демимонденковом ландо" (*3, 303,* "Рояль Леандра").

РОНДЕЛИ (“Нарцисс Сарона – Соломон...”) (с. 21)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: “1911. Март”, под первым номером вместе с “Ронделем” (“О Мирре грезит Вандэлин...”), с той же датой, под заглавием “Ронделли”. Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: “1911”.

Рондель – стихотворение из 13 ямбических строк (два четверостишия и пятистишие) на две рифмы. В *ГК* Северянин включил два “Ронделя” на мотивы поэзии М. Лохвицкой. Рондель (“Нарцисс Сарона – Соломон…”) приведен автором в “Теории версификации” (здесь же сказано, что в России рондель встречается у Валериана Бородаевского, 1874 или 1875–1923) и развивает мотивы “Царицы Савской” М. Лохвицкой (1894).

Сарон – долина на средиземноморском побережье Палестины, между Яффой и Дором. Она знаменита своими плодородными землями, своими лугами и цветами (Песн. 2:1).

Соломон – царь Израильско-Иудейского царства в 965–926 гг. до н.э. По преданию, Соломон – автор “Песни песней”. См. эпиграф к стихотворению М. Лохвицкой “Лилии души”.

Балькис – легендарная библейская царица Савская. Балькис, царица Юга, героиня драматической поэмы М. Лохвицкой “На пути к Востоку” (1897), которую высоко ценил Северянин (см. также примеч. к стих. “Поэза о солнце, в душе восходящем” в *ГК*). О М. Лохвицкой см. примеч. к стихотворению “Письмо из усадьбы”.

ПИСЬМО ИЗ УСАДЬБЫ (с. 21)

Впервые: *Очам моей души,* с датировкой: “1910. Декабрь”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Эпиграф – из стихотворения М. Лохвицкой “Поля, закатом позлащенные…” (1898–1900).

Лохвицкая Мария Александровна (1869–1905, в замужестве Жибер; подписывала стихи “Мирра Лохвицкая”, родная сестра Н.А. Тэффи) считалась самой видной русской поэтессой своего времени (см.: *Измайлов А.* М. Лохвицкая ⟨Некролог⟩ // Биржевые ведомости. Пб., 1905. 30 авг. Утр. вып.).

Сборник ранней лирики Лохвицкой “Стихотворения” (1896) получил высокую оценку критики и удостоен половинной Пушкинской премии Академии наук. При жизни поэтессы вышло 5 томов ее “Стихотворений”. Последний сборник также отмечен половинной Пушкинской премией (посмертно). О популярности поэзии Лохвицкой, воспевавшей страстную чувственную любовь и получившей за это имя “русской Сафо”, свидетельствует множество рецензий на ее стихи и десятки посвященных ей стихотворений (см. статью “Согреет всех мое бессмертье…” в наст. изд.).

Северянин создал своеобразный культ поэтессы. В письме к поэту Б.Д. Богомолову от 15 июня 1911 г. он признался: «Боготворю Мирру Лохвицкую, считая ее величайшей мировой поэтессой. Ее поэмы “На пути к Востоку”, “Вандэлин”, и “Бессмертная любовь” – шедевры мировой поэзии, разумеется прозеванные и критикой и публикой ⟨...⟩. Каждый поэт обязан иметь ее стихи» (РГАЛИ. Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 343).

Северянин посвятил “Памяти почившей Королевы Поэзии Мирры Александровны Лохвицкой...” сборник “А сад весной благоухает!..” (СПб., 1909); “Бессмертной Мирре Лохвицкой” – сборник “Певица лилий полей Сарона” (СПб., 1910) и стихи “Царица из цариц” (нояб. 1908), 1909–1910 – “И она умерла молодой...”, “Траурная элегия”, “Симфо-

ния", в "Певица страсти (Памяти Мирры Лохвицкой)", "Полусонет", "Реквием", "Рондолет"; в 1912 – "27 авг. 1912", "Гений Лохвицкой", 1918 – "Царица русского стиха" и "Лира Лохвицкой", в 1920 – "Мирре Лохвицкой" (1905 – 27 авг. 1920), в 1926 – сонет "Мирра Лохвицкая" и др.

Ряд стихотворений Северянина развивают мотивы поэзии Лохвицкой: "Балькис" (1909), "Вина Балькис" (1911), "Рондели" (1911) и др. От имени Лохвицкой Северянин производит название фантастической страны поэтических грез – "Миррэлия", "Где нет ни больных, ни лекарств, / Где люди не вроде людей".

"Письмо из усадьбы" – одно из многих стихотворений Северянина, которое Маяковский пел, «издеваясь над кем-нибудь или над самим собой. ⟨...⟩ Если восторгались чем-нибудь сто раз читанным:

Вчера читала я, – Тургенев
Меня опять зачаровал».

(*Брик Л.* Из воспоминаний // Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском / Сост., вступ. ст., коммент. В. Катаняна. М., 1993. С. 141).

Высоко оценивая мастерство Северянина-живописца, В. Брюсов отметил строку "закатный запад был сиренев" и эпитет "шел *тихий* снег" (*Критика,* 14).

NOCTURNE ("Я сидел на балконе, против заспанного парка...") (с. 23)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой «⟨19⟩11. Июнь. Ст. Елизаветино. Село "Дылицы"». Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: «1911. "Дылицы"».

В 10-м издании печаталось с искажением в 11-й строке: "Сколько мук нестерпимых, целомудренных и ранних..." вместо "Столько мук нестерпимых, целомудренных и ранних..."

Nocturne (*фр.* nocturne; *ит.* notturno) – вид музыкального произведения, первоначально: серенада, исполняемая в ночной тиши. Ноктюрн в поэзии – тип стихотворения, отличающегося мягким лиризмом, по определению Северянина, "ноктюрн (notturno) – стихотворение о ночи" ("Теория версификации").

Северянин написал несколько ноктюрнов: "Ноктюрн" ("Бледнел померанцевый запад...", 1908); "Nocturne" ("Сон лелея, лиловеет запад дня...", 1908), "Notturno" ("Навевали смуть былого окарины...", 1909) и др. Ср. стихотворения К.М. Фофанова "Notturno" ("Не мечты ли мне напели...", 1891) и "Notturno" ("Полосы лунного света легли...", 1895), а также М. Лохвицкой "Notturno" ("Что за ночь!.. как чудесно она хороша!..", 1889).

Это стихотворение написано в дачном месте Дылицы, под Петербургом. Критик альманаха "Очарованный странник" в рецензии на *ЗЛ* обещал читателям: «Спасение придет – через рукоплескания толпы до Северянина долетит шум кленов, аромат родимых "Дылиц", где он создавал свои утренние, очаровательные песни. Сад, зачарованный сад – его царство; его, принца Миррэлии, ждет покинутый трон, в чаще, в сплетении ветвей и шорохе листьев» (1914. № 4. С. 15).

Брюсов назвал строку "Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья" в числе смелых и верных образов (*Критика,* 14).

...в рыжей шляпе из поярка... – Т.е. "из шести с ярки, с овцы по первой осени, первой стрижки" (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1955. С. 376).

ЕЕ МОНОЛОГ (с. 24)

Впервые: Артист и Сцена. СПб., 1911 (источник недоступен). В *Очам твоей души*, с датировкой: «1909. Июнь. Мыза "Ивановка"». Дата восстановлена во 2-м издании.

У М. Лохвицкой в "Сонете VII" (1892) и "Я обниму тебя..." ("Молох. (Песни тоскующей любви)", 1896–1898) встречается рифма "Эреба–неба".

Н. Гумилев в "Письмах о русской поэзии" услышал в этом стихотворении Северянина интонации А.Н. Апухтина: «Как не узнать радости гимназисток – "писем" Апухтина ⟨"Письмо" (1882), "Письмо у ней в руках" (1884)⟩ – хотя бы в этих строках "Не может быть, вы лжете мне, мечты..." ⟨далее цитируется все первое четверостишие этого стих.⟩. Опять-таки поэт прав: многих такие строки трогают до слез, а что они стоят вне искусства своей дешевой театральностью, это неважно. Для того-то и основан вселенский эгофутуризм, чтобы расширить границы искусства...» (Аполлон. 1914. Янв.–февр. № 1–2. С. 124).

И гении сжигают мощь свою на алкоголе...– Имеется в виду, в частности, К.М. Фофанов, умерший от алкоголизма.

Эреб – самая мрачная часть подземного царства мертвых, преисподняя.

И ТЫ ШЕЛ С ЖЕНЩИНОЙ (с. 24)

Впервые: Нижегородец. 1912. 18 (31) окт., заглавие с многоточием. Датировано во 2-м издании: "1912. Май".

Стихотворение относится к стихам сверхдлинного размера (более 8 + 1 слогов), которые Северянин разрабатывал вслед за В. Брюсовым. Ср. стихотворение Брюсова "Встреча" ("Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра...", 1907) (см.: *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 104–105).

В ОЧАРОВАНЬИ (с. 25)

Беловой автограф; с датировкой: "Дылицы 1912. Июнь". Впервые: Нижегородец. 1912. 9 (22) авг., с датировкой: «1912. Июнь. Ст. Елизаветино. Село "Дылицы"». Дата восстановлена во 2-м издании: «"Дылицы". 1912. Июнь». Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. "Элегантные модели" (1912).

Адресовано Елене, см. примеч. к стихотворению "В березовом коттэдже".

С. Рубанович в лекции "Поэт-эксцессер", прочитанной на вечере поэз Северянина в Политехническом музее в Москве 31 января 1915 г., причислил произведение к тем, в которых "различно, но одинаково явно зыблятся волны ⟨...⟩ эмоциональности ⟨...⟩ Стихотворение представляет из себя *одно* сложное непрерывное предложение, отдельные части которого плавно, гармонически втекают одна в другую; кажется, – это волна, медленно поднимающаяся на плоский берег и на вершине взлета вдруг вскипающая страстной пеной и брызгами, чтобы вдруг погаснуть в паденьи; это долгий, томительный, сладкий вздох, рассказанный словами..." (*Критика,* 67).

Высоко оценил стихотворение А. Амфитеатров. "В той доле, которая мне совершенно понятна, – заметил критик, – его ⟨Северянина⟩ поэзия мне очень нравится. Это ли, например, не прелесть?" В доказательство он привел текст этого стихотворения и "В парке плакала девочка" полностью (*Критика,* 100).

Автор харьковской газеты “Южный край” назвал статью А. Амфитеатрова громадным фельетоном: “Он только и смог, что высмеять отдельные места из стихотворений Игоря Северянина, походить вокруг да около с ужимочками и насмешечками и расписаться в собственном непонимании задач поэзии” (*Критика,* 117).

В КЛЕНАХ РАСКИДИСТЫХ (с. 25)

Беловой автограф с пометой: «Для “Дачницы”», с разделением на строфы и датировкой: «1912. Июнь. Ст. Веймарн, мыза “Пустомержа”». Заглавие с многоточием.

Впервые: Дачница. Стрельна, 1912. 22 июля. Дата восстановлена во 2-м издании: “Веймарн. 1912. Июнь”.

Написано в городе Веймарне, в Эстляндии (Эстонии), и опубликовано в еженедельной литературно-художественной газете “Дачница”, редактором-издателем которой был И.А. Блинов, а секретарем И.В. Игнатьев. Первый номер газеты (всего было 7 номеров) вышел 22 июня и был посвящен памяти К.М. Фофанова, первая годовщина смерти которого исполнилась 17 мая 1912 г. В этой же газете 22 июня опубликованы воспоминания Северянина “Фофанов на мызе “Ивановка”» и 29 августа его стихотворение “Морской набросок”.

ЭСКИЗ ВЕЧЕРНИЙ (с. 25)

Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: “Веймарн. 1912. Июнь”.

Адресовано Елене, см. примеч. к стихотворению “В березовом коттэдже”.

ВЕСЕННЯЯ ЯБЛОНЯ (с. 26)

Беловой автограф (ОР РНБ (СПб.). Ф. 124) с датировкой: “1910”.

Впервые: “Предгрозье. Третья тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910. Весна”, с датировкой “1910. Апрель. Св. Пасха”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1910”.

В 1910 г. Пасха приходилась на 18 апреля, день рождения И.И. Ясинского.

Посвящение – Ясинский Иероним Иеронимович – псевд. Максим Белинский (1850–1931), писатель, журналист, редактор журнала “Новое слово”, друг К.М. Фофанова, который посвятил ему поэму “Старый дуб” (1887).

Стихотворение отмечено А. Оршаниным: «“Весенняя яблоня” в “нетающем снегу”, как девушка больная, наполняет его ⟨Северянина⟩ сердце нежностью и ласковой тоской, – и он откликается прозрачной и нежной акварелью. Его рисунок вообще тонок и выразителен; штрихи отчетливы. Прихотливости и изменчивости его эмоций, постоянно модулирующих, соответствуют капризные ритмические фигурации его стихов» (*Оршанин А.* Поэзия шампанского полонеза // Современный мир. 1915. № 5. С. 25).

НА РЕКЕ ФОРЕЛЕВОЙ (с. 27)

Беловой автограф. Впервые: Нижегородец. 1912, 9(12) окт. Датировано во 2-м издании: “1911. Август”. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. “Элегантные модели” (1912).

Иванов-Разумник в статье "Мороженое из сирени" назвал стихотворение "прелестным". Он, правда, отметил: «Особое умение: двумя словами ⟨имеются в виду последние слова "в речке грациозами"⟩ бесповоротно испортить все впечатление от прекрасного стихотворения. И ведь, вероятно, очень горд собою, – деликатно и изысканно выразился! "Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!" И эта невозможная безвкусица заключает собой стихотворение, очарованию которого поддаешься с первых же строк. "Благостны осенние отблески вечерние", – это "настраивает". Малиновки "зябко спят"; "лодка" "скачет камышами"; "форели шустрятся" – все это смело и верно, все это подлинное восприятие поэта» (*Критика*, 77–78).

В. Брюсов в статье "Игорь Северянин" заметил: «Он – поэт живописец; он рисует целые картины, сохраняющие всю свежесть красок и даже как будто аромат действительности. Читая "Громокипящий кубок", *видишь* перед собою поля, и лес, и море, и гостиную и диваны лимузинки» (*Критика*, 13).

ЭЛЕГИЯ ("Я ночь не сплю и вереницей...") (с. 27)

Впервые: "Мимоза. 2-ой сборник стихотворений. СПб., 1906". Заглавие по первой строке с подзаголовком "Элегия", подписью "Изгнанник" и датировкой: "1905", воспроизведенной в *ГК*. Самое раннее из включенных в книгу стихотворений.

Варианты первой публикации:

29-я строка: Я на мечте своей – гондоле

Имеются также 9-я и 10-я строфы:

Ты видишь: небо так прозрачно,
И вдруг фата из серых туч...
О, я могуч,
Когда всё мрачно!

Но мрак исчезнет, и в лазури
Потонет мир, потонем мы...
Страшусь я тьмы,
Но жажду бури!

Суда – река (см. примеч. к "Посвящению").

Царица грёз / *Елисавета* – Елизавета Михайловна Лотарёва (по мужу Якульская) (1882–1994), дочь М.П. Лотарёва, брата отца Северянина, "кузина Лиля", "сестра-мечта Елизавета", первая любовь поэта, которую в поэме "Роса оранжевого часа" поэт называл "лильчатая Лиля" и "Лилит" (по преданию, первая жена Адама) и отождествлял ее образ с краем, где прошло его детство, природой тех мест и рекой Судой. Северянин адресовал своей кузине "Июневый набросок" в *ГК*. Так же, как и ее имя, Северянин варьировал название ст. Елизаветино / Елисаветино.

Е.М. Лотарёвой адресована дарственная надпись Северянина на юбилейном сборнике альманаха "Гриф" 1903–1913 гг. (СПб., 1914): "Елизавете Судской автор ея Игорь Северянин. 1913. Москва" (Собрание внучатой племянницы Северянина, М.Г. Рогозиной. Москва). См. также дарственные надписи ее мужу, В.П. Якульскому, на "Громокипящем кубке" (1914) и кузинам Лиле и Лиде на *АШ*.

ЯНВАРЬ (с. 28)

Впервые: Голос Правды. 1910. 27 янв. Беспл. илл. прил. В *Колье принцессы* – с указанием первой публикации и датировкой: “1910. Январь”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Критики обратили внимание на пушкинские мотивы этого стихотворения. По словам К.И. Чуковского, Северянин “поминутно цитирует Пушкина, выбирает эпиграфы из Пушкина и даже пишет стихи под Пушкина...” (*Чуковский К.* Футуристы // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1969. С. 233). “В стихах Игоря Северянина, – заметил В. Брюсов, – увидим естественное продолжение того пути нашей поэзии, по которому она шла со времен Пушкина или даже Державина” (*Критика,* 24).

Исследователи сравнивают “Январь” с описанием зимы у Пушкина в “Евгении Онегине” и в стих. “Осень”.

ФИАЛКА (с. 29)

Беловой автограф. Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой “1910. Август”. В 8-м издании дата восстановлена ошибочно: “1911”.

Один из рецензентов *ГК* отметил в этом стихотворении превосходные звукоподражания и процитировал три первые строки (*Шмидт В.* Игорь Северянин // *Критика,* 81).

Морозов-Гоголь – малоизвестный поэт начала XX в.

ПЛЯСКА МАЯ (с. 29)

Впервые: *Электрические стихи*, с датировкой: “1910. Ноябрь”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1910”.

В 10-м издании печаталось с искажением в 8-й строке: “Шепоты да взвизги, песни насмешки” вместо “Шепоты да взвизги, песни да смешки”, – поправлено в экземпляре А. Тарасенкова (РГБ).

Эпиграф – из сказки А.Н. Будищева “Царевич Май” (Сказка о любви, 1894).

Будищев Алексей Николаевич (1867–1916) – поэт. При жизни вышли в свет его книги: “Стихотворения” (СПб., 1901) и “Царевич Май”, под псевд. Алеша Чурилович. Известен как автор популярного романса “Калитка” (1916).

“Пляска Мая” отнесена В. Брюсовым к стихам, написанным “в русском стиле” (*Критика,* 16). Исследователи отмечали влияние “Пляски Мая” на стихотворение Б. Пастернака “Воробьевы горы” (1918).

Май – любимый месяц Северянина, который, как и любимый им поэт К.М. Фофанов, родился в мае. В “Поэзе о Фофанове” (*ЗЛ*, 1913) Северянин упоминает его сборник “Майский шум” (1896) и называет его “поэтом мая”. В стихотворении Фофанова “Май” (1885) есть такие слова: “Это май-баловник, это май-чародей”. В мае же к Северянину пришла первая любовь к “кузине Лиле” (Е.М. Лотарёвой), “той, которой полон май” (см. примеч. к “Элегии” в *ГК*). Свою любимую поэтессу, М. Лохвицкую, Северянин называл “принцессой мая” (см. “Пролог” в *ГК*; ср. также со стих. М. Лохвицкой “Весенняя сказка” (1892), в котором “Царица Мая” ждет желанной встречи с Июнем, “красавцем с томными очами” (*Лохвицкая,* 1, 60–61).

РУССКАЯ (с. 30)

Впервые: *Колье принцессы,* с датировкой: “1910. Февраль”. Дата восстановлена во 2-м издании.

На экземпляре брошюры “Колье принцессы”, хранящейся в МК РГБ, имеется восторженный отзыв неизвестного читателя: “Великолепно!! Сколько настроения, сколько русской шири и размаха, ароматов леса, блеска солнца и смелости, смелости, смелости!!!” Оценку “Великолепно!!” получили еще два стихотворения этой брошюры: “Это было у моря...” (последняя строфа отмечена дополнительно: “Дивно!!”; такая же помета у последней строфы стих. “Врубелю”) и “Рондолет” (“Смерть над миром царит, а над смертью – любовь...”). Но “Русская” выделена среди них тем, что отчеркнута сбоку двумя чертами, а два других – одной. Среди отмеченных стихов – “Увертюра” (“Колье принцессы – аккорды лиры...”).

Критики оценивали стихотворение по-разному. “Едва ли удавалось кому-нибудь, – писал критик В. Шмидт, – с большей удалью и с большим изяществом передать грубовато-забористый, стремительный praessto плясовой” (*Критика,* 80). Вл. Кранихфельд назвал “Русскую” и “Chanson russe” в числе лучших произведений Северянина и привел ее полностью (Современный мир. СПб., 1913. № 14. С. 110–111).

К.И. Чуковский, напротив, счел “динамично-музыкальное” стихотворение “пресловутым” (*Чуковский К.И.* Футуристы // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1969. С. 258). В. Гиппиус решил, что это «интеллигентская “Камаринская”, сочиненная русским барином, ищущим забвения от скуки в деревенских удовольствиях» (*Критика,* 94). Брюсов отнес стихотворение к числу тех, в которых Северянин “сумел остаться самим собой, удачно переняв то склад нашей народной песни, то особенности народного говора” (*Критика,* 16).

CHANSON RUSSE (с. 31)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 29. СПб., 1910. Осень; с датировкой: “1910. Июнь”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1910”.

Стихотворение было восторженно принято аудиторией Политехнического музея 30 марта 1914 г., где выступал В.Ф. Ходасевич с докладом о футуризме, стихи Северянина читал автор и четыре московские актрисы (в том числе Л.Д. Рындина). В одном из отчетов о вечере говорилось: «У Игоря Северянина есть ряд оригинальных стихотворений чисто бытового характера, написанных в стиле чуть модернизированной народной речи. В.Н. Ильнарская нашла в прочитанной ею “Chanson russe” тот огненный, ярко бытовой тон, какой диктовался захватывающим, плясовым ритмом стиха» (*Львов Як.* “Поэзо-вечер” Игоря Северянина // Рампа и жизнь. М., 1914. № 14. С. 13).

«Романизированный язык, – говорил на вечере поэз 31 января 1915 г. С. Рубанович, – И⟨горь⟩ С⟨еверянин⟩ считает настолько родным, что, написав стихотворение на напев русской плясовой народным стилем, – он сейчас же указывает, что это только подражание, что это просто исполнение художественной прихоти поэта, – и указывает это очень тонко: стихотворение озаглавлено “Chanson russe”. Этим он отгораживается от всякой близости к народности, – о, нет, он не народник, он космополит и денди. ⟨...⟩ Правда, дендизм его ⟨...⟩ дендизм вызывающий, бравирующий, требующий внимания, эстрадный» (*Критика,* 64–65).

Иванов-Разумник отметил, что в “Chanson russe” Северянин показал себя учеником К. Бальмонта (*Критика,* 76). В. Гиппиус в связи с этим стихотворением вспомнил некрасовского “русского путешественника” по крепостным деревням: “Я путешествовал недурно. Русский край оригинальности имеет отпечаток...” (*Критика,* 95). Удачно переданную “бойкую скороговорку наивно-тривиальной гармоники” услышал в “Chanson russe” критик В. Шмидт (*Критика,* 81). Стихотворение выделено Брюсовым в числе написанных “в русском стиле” (*Критика,* 16), см. также примеч. к “Идиллии”, “Пляске Мая”.

Скорее всего, стихи написаны под впечатлением цикла “Русские мотивы” М. Лохвицкой (1890–1894).

Chanson russe (*фр.*) – русская песня.

...день Святого Духа... – Духов день, первый день после Троицы и 50-й день после Пасхи, один из переходящих праздников, иногда совпадал с днем рождения Северянина (см. *Соловей*). К.М. Фофанов, которого особо почитал Северянин, также подчеркивал, что родился в день Святого Духа (18 мая 1862). Об этом Фофанов писал однажды в письме к А. Измайлову. “Весь и во всем фантастический, – заметил критик по этому поводу, – в мыслях своих, в мечтах своих, в биографии своей, он всегда любил как-то мистически соотносить и соприкасать дни и явления. Это рождение в День Святого Духа он не раз подчеркивал мне и в беседах и дерзновенно говорил по этому случаю о своем одарении от Бога, ибо скрывать это было бы не скромностью, а лицемерием” (Биржевые ведомости. 1911. 18 мая. Утр. вып.).

В ПАРКЕ ПЛАКАЛА ДЕВОЧКА (с. 31)

Впервые: *Электрические стихи,* без заглавия, с датировкой: “1910. Ноябрь” и строфическим разделением на двустишия. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Посвящение – Светланов Всеволод – ученик эгофутуристов, автор статей “Символическая симфония” (сб. “Бей, но выслушай”) и “Музыка слов” (сб. “Развороченные черепа”).

Среди действительно прекрасных, нежных, задушевных пьес А. Измайлов назвал стихи, в которых Северянин “в наивных, немного растерянных, неврастенических словах умеет рассказывать людям про свою грусть, про свою оскорбленную любовь, про свое обожание, про плачущую девочку в парке, которой жалко ласточки с переломанной лапкой” (*Критика,* 52). В числе наиболее понравившихся привел текст этого стихотворения А. Амфитеатров. Однако в скобках заметил: «За исключением двух слов, пригнанных для рифмы: “Потрясенный минутою”, которые расхолаживают впечатление своею газетною прозрачностью» (*Критика,* 100).

М. Горький создал стихотворение-пародию “Маленькая девочка ходит среди сада...”, которое приписал поэту-декаденту Смертяшкину, герою своих “Русских сказок” (Сказка III; 1912). В поэте Смертяшкине воплощен собирательный сатирический образ, наделенный чертами Ф. Сологуба, З. Гиппиус, Вяч. Иванова и Северянина.

Поэт, переводчик и теоретик стиха Г.А. Шенгели писал в стих. “На смерть Северянина”: “Вы были наивно уверены, ⟨...⟩ / Что самое в мире грустное – / Как в парке плакала девочка...” (*5, 336*).

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИМН (с. 31)

Впервые: *Колье принцессы,* с датировкой: “1910. Февраль”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Крёз – лидийский царь в VI в. до н.э., знаменитый своими богатствами; имя его стало нарицательным.

КАНОН СВ. ИОАСАФУ (с. 32)

Беловой автограф, с датировкой: “1911. Октябрь”. Впервые: *Очам твоей души,* с той же датировкой. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1911”. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. “Элегантные модели” (1912).

В 10-м издании заглавие печаталось с искажением: “Канон святому Иосафу”.

О подчеркнутых Блоком в *Очам твоей души* рифмующихся словах “интуитивный крест” и “как вздрагивал окрест” см. Дополнения.

В церковной традиции святитель *Иосафат* – сын индийского царя, обратившийся в христианство. Позже с ним связывалась книга о беседах инока Варлаама и Иоасафата, давшая множество новеллистических сюжетов. 4 сентября 1911 г. причислен к лику святых святитель Иосафат, епископ Белгородский (1754, при царствовании Елизаветы Петровны, 1742–1762).

Эпиграф – заключительные строки стихотворения К.М. Фофанова “Я сердце свое захотел обмануть...” (1892, о Фофанове см. примеч. к стих. “Весенний день”).

МАРГАРИТКИ (с. 32)

Впервые: Всеобщий ежемесячник. 1910. № 1. (янв.) (источник недоступен). В “Колье принцессы”, с датировкой: «1909. Июль. Мыза “Ивановка”» – и указанием первой публикации. Дата восстановлена во 2-м издании.

На слова этого стихотворения написан одноименный романс С.В. Рахманинова (изд. 1940). Северянин был знаком с Рахманиновым. Композитор подарил поэту свой портрет с надписью. Известны письма Северянина к Рахманинову. Письма Рахманинова к Северянину сгорели (см.: *Рахманинов С.* Литературное наследие: В 3 т. Т. 3. Письма. М., 1980. С. 406, 420–421).

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ (с. 33)

Беловой автограф (ОР РНБ (СПб.). Ф. 474).

Впервые: “За струнной изгородью лиры...” Стихи. СПб., 1909; с датировкой: “1909. Март” – и графическим выделением второй строфы. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1909”.

Ирина Одоевцева назвала это стихотворение “очаровательным и грациозным” и в подтверждение своей оценки прочитала его в гостеприимном доме редактора рижской газеты “Сегодня” Мильруда в присутствии Г. Иванова, П. Пильского и хозяина дома: «Мне очень нравится, а вам? Так просто, так все ясно. Ну что, скажите, тут непонятного?

Пильский кивает.

– Недурно, хотя мне не очень гравится. Но тут все понятно. Только нельзя рифмовать “беззвучно” и “скучно”. Ведь надо произносить “скушно”. Это всем известно, – безапелляционно заявляет Пильский.

Но Георгий Иванов не согласен.

– Нет, простите, это в Москве говорили “скушно”, а у нас в Петербурге “скучно”. Тогда следует говорить и “я скуша́ю” вместо “я скуча́ю”. Где это видано, чтобы “ч” переходило в “ш”?» (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 20). Ср. также в духе петербургского произношения, а в ряде случаев и принятого в 1910-е годы написания слов: “коттэдж”, “шалэ”, “крэм-брюле”, “Бодлэр” и др., которое “запрепил” в своих стихах Северянин.

См. также примеч. к “Янтарной элегии” в *ГК*.

ЧАЙНАЯ РОЗА (с. 33)

Впервые: “За струнной изгородью лиры. Стихи”. СПб., 1909; с датировкой: «1909. Июнь. Мыза “Ивановка”». Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: «Мыза “Ивановка”. 1909».

Эпиграф – первая строфа стихотворения М. Лохвицкой “Если прихоти случайной...” (1896–1898; см. о ней примеч. к “Письму из усадьбы”).

Розы (и лилии) – любимые цветы М. Лохвицкой (ср.: “Схороните меня среди лилий и роз...” (“Среди лилий и роз”, 1893, *Лохвицкая*, 1, 76–77 – эти слова Северянин взял эпиграфом к стихотворению “Симфония” в *ЗЛ*) – упоминаются во многих ее стихах разных лет.

ЧЕТКАЯ ПОЭЗА (с. 34)

Впервые: “Стеклянные цепи”. Изд-во “Петербургский глашатай”, 1912, с датировкой: “1912. Май”. Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: “1912”.

Одно из стихотворений, в название которого введено слово “поэза”. Ср. “поэзовечера” – так называл Северянин свои вечера поэзии. Многие критики отнеслись к слову “поэза” скептически или отрицательно. А. Измайлов писал: “Игорь Северянин опоздал лет на двадцать со своими, как он выражается, поэзами. Два десятилетия назад, может быть, о нем говорили бы. Теперь читатель видел виды и его не удивишь” (Русское слово. 1911. 5(18) авг.). Брюсов восклицал: “...какое безвкусное слово!” (*Критика*, 17). Это слово действительно стало темой многих пародий (Визит футуриста. (Эгопоэза с примечаниями автора). Подпись: Хафиз // Раннее утро. М., 1913. 19 апр.; см. также: Нижегородец. 1911. 10 сент. и др.).

В пятитомное “Собрание сочинений” Северянина вошло 106 стихотворений, название которых включает слово “поэза”.

НА МОТИВ ФОФАНОВА (с. 35)

Впервые: Нижегородец. 1912. 11(14) окт. Датировано во 2-м издании: “1911. Май”.

Заглавием Северянин указывает на конкретный источник. Ср. “Мелодию” Фофанова (1894):

Я вижу, сыплется в избытке красоты
Душистый снег весны – черемухи молочной
Весенние цветы, как девы непорочной
Отвергнутой любви невинные мечты.
. . . .
И чувствую – под песнь рыдающей любви
Растет моя печаль, растут воспоминанья... (*Фофанов*, 171)

Стихотворение Северянина сближает с поэзией К. Фофанова соседство мимолетных впечатлений с живыми и пластичными образами и их кажущаяся дробность и случайность. «Его импрессионизм, – писал Северянин, – можно постараться обозначить лишь импрессионистическим способом.

В этом отношении весьма характерны многие из его стихов, в особенности “Мелодия”. 〈...〉 Надсон, бывший современником Фофанова, вписал как-то в альбом Марка Басанина строки, в которых говорилось, что, если бы он, Надсон, имел хотя бы одну десятую дарования автора “Мелодии”, он покорил бы мир» (*5, 16–17*).

“ВИКТОРИЯ РЕГИЯ” (с. 35)

Впервые: За струнной изгородью лиры: Стихи. СПб., 1909, с датировкой: “1909. Март”. Заглавие в кавычках и подзаголовок “Миньонет”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1909”.

Б. Лившиц вспоминал об авторском исполнении этого стихотворения на вечере “каких-то женских курсов” (вероятно, Высших женских курсов, 16 ноября 1913 г.): «Я впервые слушал чтение Северянина. 〈...〉 Лишь изредка он перемежал свое пение обыкновенной читкой, невероятно, однако, гнусавя и произнося звук “е” как “э”.

Наша встрэча – Виктория Рэгия.
Рэдко, рэдко в цвэту.

Северянину это, должно быть, казалось чрезвычайно шикарным: распустив павлиний хвост вовсю, он читал свои вещи на каком-то фантастическом диалекте» (*Лившиц Б*. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 457).

А. Амфитеатров назвал “Викторию Регию” в числе стихотворений, которые ему очень понравились. “Певуче, молодо, свежо, искренно, часто страстно”, – так характеризовал критик стихи (*Критика,* 100–101).

Виктория Регия – многолетнее водное растение с крупными (до 2-х метров) листьями и крупными бело-розовыми цветами. Существовало предание, что Виктория Регия цветет очень редко и только ночью. Ср. заглавия сборника Северянина “Victoria Regia” (1916) и стихотворения К. Бальмонта “Victoria Regia” (1904). “Смеем предположить, – пишет О. Кушлина, – что знаменитое стихотворение самого К. Бальмонта 〈...〉 создавалось, скорее всего, по впечатлениям от посещения оранжерей в Санкт-Петербургском ботаническом саду” (*Кушлина О.Б.* Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 251–253).

Миньонет (*фр*. mignon) – крошечный, грациозный; русский парный бальный танец (вальс); одна из десяти изобретенных и обоснованных Северяниным форм – строфа из 8 строк, выполненных анапестом; в качестве примера приведен миньонет “Виктория Регия” (Victoria Regia) (“Теория версификации”). Северянин написал несколько миньонетов, например “Berceuse” – *ГК*; “Твои уста – качели лунные...”, “Гудят погребальные звоны...” – *ЗЛ* и др.

СТАНСЫ (“Ни доброго взгляда, ни нежного слова...”) (с. 35)

Впервые: *Колье принцессы,* с датировкой: «Мыза “Ивановка”. 1909. Август». Дата восстановлена во 2-м издании.

ТЫ КО МНЕ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ... (с. 36)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 29. СПб., 1910. Осень; с датировкой: "1910. Апрель". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1910".

Посвящение – Златой Северянин называет Евгению Тимофеевну Гутцан, в замужестве Менеке (1887?–1951), свою "бессмертную" и "неизменную" любовь, о которой рассказано в его романе "Падучая стремнина". Ей посвящены также "Спустя пять лет" и "Аккорд заключительный" в *ЗЛ* и сборник "Злата. (Из дневника одного поэта)" (СПб., 1906), в котором Северянин нарисовал ее портрет:

Блондинка... стройная... не девушка – мечта!
Фарфоровая куколка! мимоза!
Как говорит Ростан – Принцесса Грёза!
(см. Дополнения)

Настоящее имя Златы было раскрыто еще при жизни поэта (см.: *Пильский П.* Первая любовь Игоря Северянина // Сегодня вечером. Таллин, 1939. 11 дек.). Роман был коротким, но память о Злате Северянин пронес через многие годы.

Роман "Падучая стремнина" был написан в ответ на полученное осенью 1921 г. после 16-летней разлуки, письмо от Е.Т. Гутцан, которая разыскала поэта через берлинскую редакцию газеты "Голос России", прочитав в ней "Поэзу отчаянья". Возобновилась переписка. Е.Т. Гутцан в это время жила в Берлине и не раз виделась с Северяниным во время его гастролей. Эти встречи вызывали ревность его жены Ф.М. Круут. "Вскоре Ф.М., – вспоминал Северянин, – поссорилась со Златой и отстранила ее от участия в совместных наших вечеринках. Между тем Злата, член немецкой компартии, была за мое возвращение домой. Ее присутствие меня бодрило, радовало. Она нравилась нашему кружку как компанейский, содержательный, умный человек" (*5, 167*).

По воспоминаниям последней жены Северянина В.Б. Коренди, он встречался с Е.Т. Гутцан в 1939 г., когда она приезжала к ним в Гуттенберг (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 43).

"Я не решаюсь прервать его, – вспоминала И. Одоевцева, которой Северянин читал это стихотворение в Берлине в январе 1923 г. – Он с таким упоением, так самозабвенно распевает. Он как будто впал в транс. Прервать его – все равно что разбудить лунатика" (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 17).

Стихотворение выделено критикой среди ранних произведений Северянина – "сплошной чехарды рифмованных строчек" – как "пьеска", в которой "теплится чувство" (Биржевые ведомости. 1910. 28 окт. Утр. вып.; за подписью "Аякс"). После выхода *ГК* А. Измайлов назвал эти стихи "прелестными, трогательными, личными ⟨...⟩, похожими на плач большого ребенка, где просто не хочется замечать двух-трех неправильностей и срывов..." и приводил их полностью (*Критика*, 51). В. Брюсов счел, что стихи "Злате" читаются "как подлинная трагедия" (*Критика*, 14).

...ради Тамары // Ради нашей дочурки... – Тамара Шмук – дочь Северянина и Е.Т. Гутцан, родилась 5 декабря 1908 г.

BERCEUSE. Миньонет (с. 37)

Впервые: Певица лилий полей Сарона. Вторая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 28. СПб., 1910. Лето; с датировкой: "1910. Май". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1910".

О заглавии см. примеч. к стихотворениям "Berceuse осенний" и "Виктория Регия".

СОНЕТ ("Любви возврата нет, и мне как будто жаль...") (с. 37)

Впервые: Лунные тени: Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1908; с датировкой: "Гатчино. 1908". Дата восстановлена в 5-м издании: "Гатчина. 1908" (Гатчино – станция, а Гатчина – дачное место под Петербургом).

Расцвет сонета связан с именами Данте и, особенно, Ф. Петрарки (XIV в.), П. Ронсара во Франции (XVI) и У. Шекспира в Англии (XVII). В русской поэзии известен начиная с В.К. Тредьяковского, есть у В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и других позднейших поэтов, в том числе у М. Лохвицкой.

В *ГК* Северянин включил еще четыре стихотворения под тем же названием: "Сонет" ("Мы познакомились с ней в опере..."), "Сонет" ("Ее любовь проснулась в девять лет..."), "Сонет" ("По вечерам графинин фаэтон..."), "Сонет" ("Я коронуюсь утром мая..."); см. также в *АШ* "Полусонет".

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК (с. 38)

Впервые: А сад весной благоухает!..: Стихи. СПб., 1909; с датировкой: "1909. Март". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1909".

"Изящная сказка", которая "вся проникнута нежностью и грацией", – "отмечено в одном из ранних откликов на стихи Северянина (*Эдельвейс В*. [Рецензия на сб. "А сад весной благоухает!"] // Красноярский вестник. 1910. 14 окт.). Стихотворение выделил А. Оршанин в статье о поэте, написанной в 1915 г.: "Вид душистого горошка, обвивающего бесчувственный мрамор, вдохновляет его на очаровательную сказку с поэтически глубоким символом" (Русская мысль. 1915. № 5. С. 25).

НОКТЮРН ("Бледен померанцевый запад...") (с. 38)

Впервые: Лунные тени: Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1908; с датировкой: "1908. Апрель", дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1908".

Померанцевый – т.е. апельсиновый.

Арабески – вид орнамента, сочетание изящно переплетенных линий, геометрических фигур.

БАЛЛАДА (с. 39)

Впервые: За струнной изгородью лиры: Стихи. СПб., 1909; с датировкой: "1909. Январь". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1909".

Баллада – Северянин в современной русской поэзии выделял баллады двух родов, один из них встречается у В. Брюсова, а второй у Н. Гумилева, и определял балладу как смысловую форму, стихотворение фантастического содержания ("Теория версификации"). В книгах Северянина баллады следуют с продолжающейся нумерацией.

Посвящение не раскрыто.

ОКТЯБРЬ (с. 40)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910, Осень; с датировкой: "1910. Октябрь". Дата восстановлена во 2-м издании.

"Октябрь" высоко ценил и цитировал Иванов-Разумник как пример "подлинно поэтического, иногда спорного, иногда сразу радующего и покоряющего". В 9 и 10-й строках критик увидел "лицо поэта". «Я покоряюсь ему, когда он говорит про ⟨...⟩ "морозом выпитые лужи", про "хромающий месяц"...» (*Критика*, 78). В. Гиппиус отметил в строке "морозом выпитые лужи" "тютчевские" черты, которые можно отметить во многих стихотворениях (*Критика*, 94).

Критик В. Шмидт привел четыре строки стихотворения ⟨от "Морозом выпитые лужи..." до "... И воздух сковывает сталь"⟩ как пример превосходного звукоподражания" и заметил, что они "замечательны также по своей изобразительности, достигнутой путями прямыми, средствами простейшими" (*Критика*, 81).

Брюсов также отметил в числе "счастливых" выражений, trouvailles – "морозом выпитые лужи" и оценил смелость и верность образа: "... Хромает ветхий месяц как половина колеса" (*Критика*, 15).

СЕКСТИНА ("Предчувствие томительней кометы...") (с. 41)

Впервые: *Колье принцессы,* с датировкой: "1910. Январь". Дата восстановлена во 2-м издании.

В 10-м издании допущено искажение в 11-й строке: "Но вдохновенна мысль твоя в звезде" вместо "Но вдохновенна мысль твоя к звезде".

Секстина (*позднелат.* sextina) или сестина (*ит.* sestina) – 1) Строфа из шести стихов на две рифмы. Возникла в средневековой итальянской поэзии. Стихотворение с такими строфами обычно называлось "Секстины", примером может служить стих. Л.А. Мея "Опять, опять звучит в душе моей унылой" (1851). Северянин в "Теории версификации" обосновал изобретенную им строфу "секста", заключающую "6 стихов, исполненных любым размером, рифмуется через стих: четные и нечетные стихи" и в качестве примера привел свое стих. "Озвень, окольчивай, опетливай..." ("Теория версификации"). 2) Твердая стихотворная форма – 6 строф по 6 стихов, обычно нерифмованных, изобретенная трубадурами и введенная в итальянскую поэзию Петраркой.

Северянин определял секстину как стихотворение из 36 строк в 6 строфах с шестью рифмами и указывал, что в России секстина встречается у Л. Мея, В. Брюсова, И. Ясинского. В *ГК* Северянин включил еще одну "Секстину" ("Я заклеймен, как некогда Бодлэр..."), написанную в этом же году.

ЗЕМЛЯ И СОЛНЦЕ (с. 42)

Впервые: Нижегородец. 1912. 6 (19) нояб. Датировано во 2-м издании: "1911. Февраль".

ЗАВЕТ (с. 43)

Впервые: "Между тенью и светом". Бобров. Воронеж, губ., 1910 (источник недоступен); *Очам твоей души,* с датировкой: "1909. Сентябрь". Дата восстановлена во 2-м издании.

Эпиграф – первая строка стихотворения М. Лохвицкой “Не убивайте голубей” (1903), которое построено в форме завета.

Северянин намеренно облекает свой “Завет” в однотипную форму (строфика, рифмы, рефрены). Но в отличие от М. Лохвицкой, которая завещает сохранять красоту (“Не убивайте голубей!”, “Не обрывайте васильков!”, “Не отрекайтесь красоты!”), Северянин дает нравственный завет, в котором взывает к искренности, милосердию, любви к ближнему и умению переносить страдание.

Северянин вспоминал, что до выхода *ГК* В.Г. Короленко «нашел “Завет” “изысканным и вычурным”» (*5, 84*).

НАДРУБЛЕННАЯ СИРЕНЬ (с. 44)

Впервые: Сирень моей весны. 2-й сб. стихотворений. СПб., 1908; под заглавием “Интродукция”, с датировкой: “1908”. Строфы отбиты звездочкой. Дата восстановлена во 2-м издании.

II. МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ

– МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ! (с. 45)

Впервые: Орлы над пропастью. Предзимний альманах. СПб.: Изд-во “Петербургский глашатай”, Осень 1912; с датировкой: “1912. Сентябрь”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Северянин читал стихотворение в Обществе свободной эстетики в конце 1912 г. Б. Пастернак в письме к К.Г. Локсу от 20 декабря 1912 г. высоко оценил впервые услышанного им поэта и “поэму, развернутую во всем великолепии ритмики и мелодичности” и составленную «из названий мороженого, пропетых гарсоном на площади под нестройный, плещущий гомон столиков. В этом стихотворении при всей его вычурности, – на уровне первобытных наблюдений, – схвачена печаль разнообразия, не покоренного целостностью. Что же касается дальнейших стихотворений, то в них уже – открытое море лирики. Пришлось забыть об “Эстетике”, ее серой обивке, ее мертвенности, как жаль, что Вы не успели побывать на этом “четверге”» (*Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989. С. 175).

Анонимный критик иначе писал об авторском чтении этого стихотворения: «Смешно было с самого первого выхода, но все-таки вначале публика сдерживалась. Но когда поэт стал нараспев рекомендовать какое-то “мороженое из сирени”, заявляя, что крембрюле уже надоел, – смех победил» (Голос Москвы. 1912. 21 дек.).

Стихотворение особо выделено критикой. Н.Трофимович привел его текст полностью и назвал автора “продавцом новейшей поэзии”: «Это – не естественное, не непреодолимое стремление богатой души к созиданию новых форм, новых образов, а деланное, выдуманное новаторство. Спасибо поэту-продавцу, что он хоть на улицу советует выносить эти “специи кухонь”: дворники подметут» (*Трофимович Н.* Новейшая поэзия. (“Мороженое из сирени” и “Подснежники”) // Неделя. 1913. № 25. 23 июня).

Иванов-Разумник писал: «“Эксцесс” в манерности, но не слащавой французской, а грубой и намеренно-ломающейся – этого много в книге “поэз”, но ведь в этом-то и видит поэт весь вкус своего “мороженого из сирени”! Он великолепно презирает “площадь”: ведь площадь эта любит “сливочное” и “фисташковое” мороженое – стихи Бальмонта или Брюсова. Да и то есть “граждане”, которые еще и до этого не доросли, а “требуют крем-брюле”, питаются Апухтиными и им подобными. Игорь Северянин хочет своей поэзией “популярить изыски” (т.е., переводя на русский язык, хочет ввести в обиход изысканность), хочет угостить нас своим “мороженым из сирени”: “поешь деликатного, площадь: придется товар по душе”.

Я не могу сказать, чтобы мне все пришлось по душе в товаре Игоря Северянина; начать с того, что как раз “деликатного”-то меньше всего в “поэзах” этого автора. 〈...〉 Его “мороженое из сирени” – очень грубое кушанье, щиплющее и острое, но именно в этом и состоит его своеобразный вкус, который как раз “площади” может прийтись по душе» (*Критика*, 74).

31 января 1915 г. на вечере Северянина в Политехническом музее в Москве поэт С. Рубанович в докладе “Поэт-эксцессер” привел “Мороженое из сирени” полностью и подробно разобрал две строки: “Я сливочного не имею, фисташковое я распродал. / Ах, граждане, да неужели вы требуете крэм-брюлэ”, чтобы вскрыть “технические причины их напевности” и стихотворения в целом: «... Вновь рождаются стихи сладкие, нежные, тающие, десертные – “Мороженое из сирени?”, так называет он их. Но вот обернулся он к слушателю и паяц вновь просыпается в нем: Игорь-Северянин накидывает костюм мороженника и, с ужимками в голосе, подражая его протяжному зазыванью, зазывает в свою палатку умирающую со смеху публику. 〈...〉

Публика будет смеяться и лакомиться, но если среди нее – не дай Бог, встретится глубокомысленный литературный критик, он послушает, важно покачает головой и скажет: “уж не говоря о том, что многого я здесь не понимаю, должен заметить, что стиль не выдержан: где это слыхано, чтобы мороженник говорил такие слова, как эмблема, популярить, изыски”. Увы, господин критик, вы не многого не понимаете здесь, а главного; не понимаете, что автор этими словами нарочно как бы показывает из-под костюма мороженника сюртук от петроградского – несомненно, петроградского портного и из-под маски мужика-мороженника выглядывает недвижное холодное лицо поэта-денди, космополита и эксцессера, и слышатся слова, намекающие на то, что это просто прихоть, маскарад, грёзофарс, chanson russe...» (*Критика*, 72–73).

Р.Ф. Брандт, в противоположность В. Гиппиусу и Иванову-Разумнику, которые были возмущены выражением “популярить изыски”, рекомендовал использовать его (вм. по-пу-ля-ри-зи-ро-вать и-зы-ска-ни-я) не только в шутку, но и всерьез (*Критика*, 141).

Заглавие является прямой речью продавца мороженого. Ср. со стих. О. Мандельштама – «“Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит...» (1914), где слово “мороженно”, передающее прямую речь, заключено в кавычки.

Буше (от *фр.* bouche) – рот, здесь – порция.

... эксцесс в вирелэ... – Излишество в поэтической сложности; вирелэ (*фр.* virelai) – шестистрочная строфа в старофранцузской поэзии; средневековая французская лирическая форма сложного строения или песенная форма. См. также стих. “Эксцессерка” и “Virelai” (“Я голоса ее не слышал...”), написанные в том же 1912 г.

Иванов-Разумник назвал “эксцессом в вирелэ” всю книгу *ГК*. Напомнив читателям, что такое “вирелэ”, критик добавил: “... все эти рондели, кэнзели, вирелэ хорошо подходят к чисто манерной поэзии Игоря Северянина” (*Критика*, 74).

ФИОЛЕТОВЫЙ ТРАНС (с. 45)

Впервые: *Ручьи в лилиях*, с подзаголовком "Интродукция", с датировкой: "1911. Март", дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1911".

Северянин вспоминал, что на одном из вечеров в салоне Ф. Сологуба в Петербурге на Разъезжей З. Гиппиус, прослушав его стихи, заинтересовалась, "откуда я взял ликер Crème de Violette, существует ли он или мною выдуман, так что Сологубу пришлось в следующий раз покупать его, по моему указанию, у Елисеева, и Зинаида Николаевна, испробовав его, воздала ему должное по заслугам..."(*Тост безответный*, 462).

В.Гиппиус писал: «В пьесе "Фиолетовый транс" поэт говорит, как, выпив однажды "фиалковый фиал грёз фиалок", "лилии ликеров" – Crème de Violette, он "приказал немедля подать кабриолет", и "вздрогнувший мотор, как жеребец заржавший, пошел на весь простор", а "ветер восхищенный" сорвал с головы поэта его берет ⟨далее цит. с 9-й по 16-ю строку⟩. Если вообще можно оправдывать жестокости, то шофер был выброшен не напрасно опьяневшим поэтом: безумная поездка на автомобиле кончилась "благостным исходом" –

И вдруг, безумным жестом остолблен кленоход:
Я лилию заметил у ската в водопад...

И все изменилось в душе, обезумевшей от скуки, не знающей, куда себя девать, что выдумать, чтобы ее залить...» (*Критика*, 95–96).

К.И. Чуковский считал, что в стихотворении "сумасшедшей музыкой ⟨...⟩ отпечатлен ураганный бег бешено ревущего автомобиля" (*Чуковский К.* Футуристы // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 206).

Crème de Violette (*фр.*) – букв. "сливки", здесь: сорт ликера фирмы "Cusimier", продавался в магазине купца Елисеева в Петербурге. Этим стихотворением открывается сборник Северянина под заглавием "Crème de Violette". Ср. также: "На окошке солнится лиловый / "Crème de Violette"» ("Невод грёз", *ЗЛ*).

Транс (*фр.* transe) – движение; помрачение сознания, воли.

Фиал (*греч.* phiale) – плоская чаша для питья.

Кабриолет – одноконный двухколесный экипаж; кузов автомобиля с откидывающимся мягким верхом.

Клеврет (*старосл.*) – приспешник, приверженец.

Колет (с *фр.*) – короткий мундир, обычно из белого сукна, с высоким воротником – в кавалерии (в частности, у кирасир).

КАЧАЛКА ГРЁЗЭРКИ (с. 46)

Впервые: *Качалка грёзэрки*, под заглавием "Увертюра", с датировкой: «1911. Июль. ст. Елизаветино, село "Дылицы"». Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "Дылицы. 1911".

Посвящение – Рындина Лидия Дмитриевна (1882–1964) – актриса, писательница, жена поэта и издателя Сергея Кречетова (Сергея Александровича Соколова), основателя издательства "Гриф", в котором печатались книги Северянина. Блок называл Л.Д. Рындину "очаровательной" (*Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 7. 1963. С. 209). Л.Д. Рындиной посвящено "Рондо" в *АШ*, а также *ЗЛ*.

Стихотворение выделено критикой. Одним из первых его отметил И.В. Игнатьев: «Некоторая доза интуиции потребна для de voir venir лишь при чтении поэзы "Увертюры"; открывающей "Качалку грёзэрки"». Процитировав отрывки из этой поэзы, критик высказал мнение, что "последняя строфа может, пожалуй, служить резюмэ всех критических дессинациев о Игоре Северянине" (*Игнатьев И.В.* Футуризм и футуристы. Игорь Северянин. К выходу в свет его *Качалки грёзэрки* // Петербургский глашатай. 1912. 11 марта; *Критика*, 46). Н. Трофимович нашел в "Качалке грёзэрки" "путы церковнославянских традиций". Процитировав 10–18-е строки из этого стихотворения, критик заметил: «Вы думаете, что это – тоже из Тредьяковского? нет, это из новейшего сборника "поэз" Игоря Северянина, из "Громокипящего кубка" самокоронованного короля новейшей русской поэзии» (Неделя. 1913. № 25. 23 июня). Иванов-Разумник называл последние четыре строки *Качалки грёзэрки* "эксцессом в вирелэ", который "очень часто портит лучшие стихотворения Северянина" (*Критика*, 77). В.Гиппиус увидел причину того, что "грёзэрки" бесцельно качаются в "гамаках камышовых", – «бегство от жизни, от ее скуки, от "серых путей" в мечты, – а жизнь пусть идет себе как попало!..» (*Критика*, 96).

Грёзэрка – от русского "грёза" с французским суффиксом и окончанием женского рода – та, что грезит. Современники отметили эту особенность словообразования как характерную для Северянина. С. Рубанович говорил: "...музыка романских звуков так пленяет его, что он даже от русских корней на страх филологам и в их посрамление производит слова через присоединение – horribile dictu – французских окончаний; так, от слова грёза... он производит слова – грёзэр, грёзэрка" (*Критика*, 64).

Верлэн (Верлен) Поль (1844–1896) – французский поэт, известный в России с конца XIX в. в переводах Ф. Сологуба, В. Брюсова и др. В 1911 г. Брюсов прислал Северянину в подарок "Собрание стихов" Верлена в собственном переводе (с критико-биогр. очерком и библ. М., 1911). Критики слышали отзвук стихов Верлена в поэзии Северянина. А. Ценовский утверждал, что поэт "слишком уж явно" подражает Полю Верлену (Одесские новости. 1914. 18 янв.).

Прюдом Рене Франсуа Арман (псевд. Сюлли-Прюдом, 1839–1907) – французский поэт. См. также "Из Сюлли-Прюдома" (*ЗЛ*).

Леди Годива (1040–1080) – супруга английского лорда Лиофрика. Согласно легенде, Годива просила мужа о смягчении участи жителей города Ковентри, которые нищенствовали из-за тяжелых налогов. Лиофрик обещал выполнить просьбу жены, если она проедет в полдень по городу без одежды. Годива выполнила это условие, и благодарный народ ее превознес. Ей посвящена поэма английского поэта Альфреда Теннисона "Годива".

Иоланта – персонаж последней оперы П.И. Чайковского "Иоланта" (1891) по драме датского писателя Г. Герца "Дочь короля Рене" (либретто М.И. Чайковского) о дочери короля Неаполя и графа Прованса Рене, которую спасает от врожденной слепоты любовь к рыцарю Водемону.

Сафо (Сапфо) (конец VII – первая половина VI в. до н.э.). – древнегреческая поэтесса. Основная тема ее лирики – любовь. В древности был создан миф о неразделенной любви Сафо к прекрасному юноше Фаону, из-за которого она покончила жизнь самоубийством, бросившись с Левкадийской скалы в Ионическое море. "Русской Сафо" называли М. Лохвицкую (см.: Русское богатство. 1896. № 7; *Краснов Пл.* Русская Сафо // Новый мир. 1903. № 120, а также посвящение К.Д. Бальмонта к сб. "Будем как солнце" (1903); *Бунин И.А.* Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 289); известно стих. Лохвицкой "Сафо" (1889), см. ее же "Сафо в гостях у Эрота" (Фантазия) (1891).

БОА ИЗ КРИЗАНТЭМ (с. 47)

Впервые: *Качалка грёзэрки*, с датировкой: “1911. Октябрь”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью “1911”.

И.В. Игнатьев отметил, что в этом стихотворении, как и в ряде других в *Качалке грэзёрки,* Северянин “щедрит причудами оборотов речи, прошедшей через реторту его вдохновенности (Негное вдыханье... Сафар... Кризантэмы...)” (*Критика*, 47).

Субретка – в старинных комедиях и водевилях: веселая, плутоватая служанка, обычно поверенная своей госпожи.

Миррэлия – придуманная Северяниным страна любви и поэзии, название которой связано с именем поэтессы Мирры Лохвицкой (ср. “Берендеево царство” А.Н. Островского, “Тарбагатай” Н.А. Некрасова, “Ойле” Ф. Сологуба, “Инонию” С.А. Есенина и др.). У Северянина есть также сб. “Миррэлия” (1922). Образ Миррэлии упоминается в ряде его стихотворений, например “В Миррэлии” – *ЗЛ* (см.: *Бабичева Ю.В*. “Игорь Северянин и его Миррелия” // *Тезисы*, 5–7).

В письме А.Д. Барановой от 12 июня 1922 г. Северянин разъяснил смысл придуманной им страны: «Вы думаете, что Миррэлия на *Готланде* ⟨остров в Балтийском море, принадлежащий Швеции⟩? Не слишком ли это определенно для призрачного?.. О, дорогая и любимая, светло и дружески скажу словами св. Мирры: “Всё то, что выше жизни, зовется сном...» (*5, 220*).

Констриктор – змея.

...всем поведает Пулково, / что открыли ученые в небе новые перлы... – Имеется в виду Пулковская астрономическая обсерватория под Петербургом (открыта в 1839 г.), которую Северянин, возможно, посещал вместе с поэтом-эгофутуристом Граалем-Арельским, астрономом, работавшим в то время в обсерватории Народного дома (подробнее о нем см. примеч. к стих. “Грандиоз” в *ГК*). В эту обсерваторию в 1911 г. часто заглядывал А. Блок и говорил Граалю-Арельскому: “Хорошо вы говорите о звездах” (Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 92).

ШАМПАНСКИЙ ПОЛОНЕЗ (с. 47)

Беловой автограф (ОР РГБ) с вариантами пунктуации. Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: “1912. Октябрь”. В 10-м издании 9-я строка печаталась: “Голубку и ястреба! Ригстаг и Бастилию!”

Стихотворение привлекло особое внимание критики. А. Измайлов отметил, что Северянин “с поэтической дерзостью, достойной Фофанова, превращает лилию в бокал шампанского” (*Критика*, 52).

Самые разноречивые мнения вызвали строки:

> Я славлю восторженно Христа и Антихриста...
> Голубку и ястреба! Рейхстаг и Бастилию!
> Кокотку и схимника! порывность и сон!

А. Амфитеатров нашел в них “гражданскую исповедь” Северянина и рассмотрел в духе “тяготеющего над г. Игорем подражательного фатума”. “Охват поэтической компетенции, бесспорно, широкий, однако, опять-таки не побивший былых рекордов. Уже пятьдесят четыре года назад Русь ознакомилась с великим поэтом, носившим скромное

имя Якова Хама, который

> На все отозвался, ни слабо, ни резко, –
> Воспел Гарибальди, воспел и Франческо...
> (*Критика*, 104)

В ответ на критику А. Амфитеатрова автор харьковской газеты "Южный край" писал: «Талант не уложишь в Прокрустово ложе шаблона. Талант не измеришь своим маленьким аршином. 〈...〉 ...цензор виден 〈...〉 в г. Амфитеатрове, когда он обрушивается на Игоря Северянина за его чисто юношескую восторженность, за его "приятие мира"... 〈...〉 Для г. Амфитеатрова это – только Яков Хам из сатиры Добролюбова, потому что г. Амфитеатров совершенно лишен поэтического чутья, и каждое слово так и принимает, как таковое, не видя в нем образной антитезы» (*Критика*, 118).

Вл. Кранихфельд заметил, что Северянин повторяет мотивы старых декадентов, "он славит Дисгармонию, в которой одинаково ценны Рейхстаг и Бастилия, кокотка и схимник" (Современный мир. СПб., 1913. № 4. С. 109).

Mignon – персонаж оперы "Миньон" (1866; либретто М. Карре и Ж. Барбье по мотивам романа И.В. Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера"; 1793–1796) французского композитора Абруаза Тома (Тома (Thomas) Шарль Луи Амбруаз, 1811–1896), которая принесла ему славу и известность. Опера сочетает драматические и мелодраматические ситуации и жанровые эпизоды. Легко запоминается изящная музыка преимущественно романсового склада, народно-песенные и танцевальные мелодии.

Имя Амбруаза Тома поставлено Северяниным рядом с именами его любимых композиторов Джакомо Пуччини, П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова (*Критика*, 1). "Памяти Амбруаза Тома, аккомпаниатора моей Музы" поэт посвятил *Колье принцессы* (см. Дополнения). В стихотворении "На смерть Массэн" Северянин называет Тома "прославителем Гёте" и "королем мелодий".

Поэт упоминает имя композитора и любимую им оперу в ряде стихотворений *ГК*: "Памяти Амбруаза Тома. Сонет", "Фантазия восхода", «Полонез "Титания"» «"Mignon", ария Филины», «Песенка Филины. "Mignon" A. Thomas»; "Сонет" ("Мы познакомились с ней в опере...").

Escamilio – персонаж оперы французского композитора Жоржа Бизе (1838–1875) "Кармен" (по новелле П. Мериме, 1874).

Рейхстаг (*дат.* rigstag) – парламент.

ПОЭЗОКОНЦЕРТ (с. 48)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: "1911. Март". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1911".

Эпиграф – из предпоследней строфы стих. М. Лохвицкой "Сопернице" (1896–1898), в котором поэтесса воспевает свой поэтический храм:

> Многоколонен и обширен
> Стоит сияющий мой храм;
> Там в благовонии кумирен
> Не угасает фимиам.
>
> Там я царица! Я владею
> Толпою рифм, моих рабов...
> (*Лохвицкая*, 2, 55–56)

Северянин любил читать стихотворение "Поэзоконцерт"с эстрады, и оно воспринималось критиками как "визитная карточка" поэта. Об одном из авторских исполнений "Поэзоконцерта" писали "Одесские новости" 8 февраля 1914 г.: «Сначала странно слышать этот примитивный и заунывный напев: "Оттого что груди женские, там не груди, а дюшесс" ⟨так!⟩ Но потом замечаешь, что сама мелодичность стиха переходит в напевность. И это приемлемо».

"Поэзоконцерт" отмечен особым вниманием критики. Один из авторов "Биржевых ведомостей" привел эту "пьеску" полностью, назвал ее "галантерейным комплиментом" и напомнил, что "несправедливо забытый первенец нашего декаданса" Емельянов-Коханский впервые вдохновил стихотворцев "Шута" и "Осколков" на пародии о фиолетовых руках. «Г. Северянин, выступающий теперь, спустя 20 лет, с теми же "фиолетовыми концертами", рискует так и остаться в своем интервале, между двух стульев, с репутацией человека, второй раз открывающего Америку» (1911. 3 авг. Утр. вып.).

Р.Ф. Брандт счел, что "пьеска" "обильна странностями": здесь встречаются глаголы с предлогом "о", которые любит Северянин ("офиалчен и олилиен озерзамок Мирры Лохвицкой"), «произвольным кажется упущенье "соединительной гласной"», в слове "озерзамок" (несколько раз). «Когда в "Поэзоконцерте" говорится про "фиолетовый концерт", я лишь робко гадаю, что он для поэта ало-голубой, т.е. и страстно-яркий, и небесно-возвышенный» (*Критика*, 130, 153, 149).

На призыв Северянина: "Проклинайте, люди трезвые! Громче, злей, вороны, каркайте!" – критики ответили рецензиями, фельетонами и пародиями, в которых особенно высмеивали вторую строфу. Популярной стала пародия Е. Венского, опубликованная в "Биржевых ведомостях" (1911. 9 авг. Веч. вып.):

Весь обландышен, обгвоздичен прудодомик барда Игоря...
Дача Дылица затылится к фабрикгороду спиной.
Ландыш светоцветоветровый, для меня теперь цвети, горя,
Потому что в этой Дылице я помпезный Антиной...
Обашмаченный, обрюченный, выхожу я в сад летеющий.
Заосенен желтолистьями, я сажусь на интервал...
Здесь поэт беретов бархатных (паж принцессы, – не лелею щей),
Про принцессу я уж трудово тьму поэзов написал.

Иванов-Разумник отнес вторую строфу "Поэзоконцерта" к «целому ряду никому не нужных "эксцессов"». «К чему все это? И неужели это "поэтический образ"? Во всем этом много гимназического задора и нет поэтической необходимости» (*Критика*, 76–77).

«Фельетонисты, – заметил А. Измайлов, – советовали писать на вывесках: "Дамий портной" и внушали поэту величайшую осторожность обращенья с грудью красавиц, напоминающей дюшес. Литературные обозреватели находили, что поэт, севши в атласный интервал, в сущности, сел между двух стульев...» (*Критика*, 48).

"Образчики пошлости", которые до сих пор встречались только в "заборной" литературе, увидел критик Н. Трофимович в сравнении женских грудей с грушами ("Оттого, что груди женские здесь не груди, а дюшесс..."): "Если это сравнение не заставит вас содрогнуться, как от прикосновения чего-то скользкого, холодного, то придется признать гений поэта" (Неделя. 1913. № 25. 23 июня). Критик П. Берлин назвал это сравнение "чисто Северянинской пошлятиной" (Свободный журнал. Пг.; М., 1915. Ноябрь ⟨№ 11⟩. С. 126).

Между тем у Северянина это сравнение использовано в восхищенном, но ироничном смысле (ср. "У матерей созрел дюшес грудей" ("Под Шарля Бодлэра. Цыгане в пути" – *ПА*; 1910); "Хотите спелого дюшеса, / Как Ваша грудь?" (Полонез "Бравура".

1910); “Пейте уст алькермес! ешьте девий дюшес!” (“Хабанеретта” – Нижегородец. 1912. 20 окт. / 12 нояб.). Ср. у мещанок – “груди – дыни, жабой брошь” (“В кустах жасмина” – *ЗЛ*, 1913).

... цепят звенья пахитос... – пахитоса (с *исп.*) – тонкая папироса. «“Цепят звенья пахитос”, т.е., куря, пускают дымовые кольца» – заметил Р.Ф. Брандт (*Критика*, 132).

Я, как ректор Академии... – «Титул “ректор Академии” Поэзоконцерт, – заметил Р.Ф. Брандт, – мне при этих словах представляется не глава поэтского кружка, а начальник высшего духовного училища» (*Критика*, 145).

ЭТО БЫЛО У МОРЯ (с. 49)

Впервые: *Колье принцессы*, с датировкой “1910. Февраль” и примеч.: «Читано автором на концерте О-ва “Труд и Культура”, 25 апреля 1910 г., в зале Заславского». Дата восстановлена во 2-м издании.

Варианты первой публикации: заглавие с многоточием;

5-я строка: Очень было все просто, очень было все мило (так же в 10-м издании).

Поэма-миньонет – в отличие от миньонета, который состоит из 8 строк, содержит 12 (см. примеч. к “Виктория Регия” в *ГК*).

“Море нельзя не любить, – писал Северянин, – как нельзя не любить лéса, озер, рек – природы Божьей” (*5, 100*). “Это было у моря” входит в число стихов, которые автор особенно охотно читал с эстрады. Оно было прочитано на вечере “Избрание короля поэтов” 27 февраля 1918 г. (о чтении этого стих. см. также письмо М. Цветаевой к А. Ахматовой от 31 авг. 1921 г. и примеч. С. Блох и В. Ройтмана в кн.: “Я, гений Игорь Северянин...”. Альманах: В 2 кн. Кн. 2. Нью-Йорк: Гилея, 1997. С. 591–592).

Стихотворение отмечено вниманием читателей и критиков. Спустя почти 13 лет Ирина Одоевцева, познакомившись с Северяниным в Берлине, попросила его прочитать “Это было у моря”. “И он, скрестив по-наполеоновски руки на груди и закинув голову, уже начинает запевать на знакомый мне мотив – Георгий Иванов отлично имитировал его пение-декламацию, уверяя, что оно как гипноз действует на слушательниц и доводит их до беспамятства...” (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М. 1989. С. 16).

В РГБ имеется экземпляр брошюры *Колье принцессы* с пометами читателя на полях: “Великолепно” и о последней строфе – “Дивно!!!”.

ЗИЗИ (с. 49)

Впервые: *Колье принцессы*, с примеч.: “Читано автором в концерте, 13 марта 1910 г., в зале Заславского”, с датировкой: “1910. Февраль”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Вариант первой публикации:

4-я строка: Скользя в лорнет, чуть гнул колени франту…

Эпиграф – заключительные строки стих. К. Фофанова “Всегда мы чувствуем правдиво...” (1887; о Фофанове см. примеч. к стих. “Весенний день”).

Д. Бурлюк называет “Зизи” среди восхитивших его стихов из цикла петроградской жизни (в том числе “Каретка куртизанки”), которые увлекли его и запомнились, помимо его желания. Приведя стихотворение полностью, Бурлюк сказал, что оно «владычествует над нашим днем, как “Убогая и нарядная” в свое время, но времена теперь не некрасовские; столица того времени – тихая провинция, разница переживаний: что та-

щиться в конечке со звонками или же войти в элегантный поместительный вагон трамвая» (Голос Родины. Владивосток, 1920. 3 окт.).

В ее душе осколки строф Мюссэ... – Французский поэт Альфред де Мюссе (1810–1857) был популярен в России в начале XX в. В 1910 г., когда было написано это стихотворение, отмечалось 100 лет со дня его рождения. Критики писали, что "нежная музыкальность и чарующая музыка" стиха Северянина "невольно заставляют припоминать лучшие вещи Альфреда Мюссе" (Камско-Волжская речь. 1914. 30 марта, ⟨подпись "Г"⟩) или слышали в стихах Северянина "отзвук Альфреда Мюссе" (*Критика*, 125).

... *Пустота / Под шляпками, цилиндрами и кэпи!* – Ср. слова Рассветова из второй части "Страны Негодяев" С.А. Есенина (1922–1923): "На цилиндры, шапо и кепи / Дождик акций свистит и льет". Есенин был знаком с творчеством Северянина и сотрудничал с ним в журнале "Млечный Путь" в 1915 г. См. также примеч. к стих. "К черте черта" (1914) в *АШ*.

КЭНЗЕЛИ (с. 50)

Впервые: *Ручьи в лилиях*, с датировкой: "1911. Март". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "1911".

Кэнзели – кэнзель (от *фр.* "пятнадцать") – форма стихотворения из трех пятистиший, одна из десяти изобретенных Северяниным форм (см. "Теорию версификации"; ср. "Балтийские кэнзели" в *VR*).

В сборниках Северянина кэнзели следуют с продолжающейся нумерацией. И. Одоевцева вспоминала, что Северянин читал ей это стихотворение по ее просьбе в числе лучших стихов *ГК* в Берлине в январе 1923 г.: «Я продолжаю слушать эти знакомые мне с детства поэзы, над "фантастической безвкусицей, безграничной пошловатостью и лакейски-приказчичьими изысками и новаторством" которых Гумилев и все мы привыкли издеваться. Но сейчас они кажутся мне совсем иными. Я как будто впервые слышу их, и они очаровывают меня» (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 17).

Зинаида Гиппиус в книге воспоминаний "Живые лица" (1925) назвала Северянина "обезьяной" Брюсова и перефразировала строки из этого стихотворения: «Игорь, как Брюсов, знает, что "эротика" всегда годится, всегда нужна и важна. "Вы такая экстазная, вы такая вуальная..." – старается он, тоже с большим внутренним равнодушием, только надрыв Брюсова и страшный покойницкий холод его "эротики" – у Игоря переходит в обыкновенную температуру, ни теплую, ни холодную, "конфетки леденистой"» (*Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 53).

Среди отдельных "счастливых" выражений *ГК* Брюсов назвал слова "аллея олуненная" (*Критика*, 14). Иванов-Разумник заметил, что в выражениях Северянина "многое спорно, многое раздражает, особенно ввиду его любви к острым и новым словообразованиям.

Когда он говорит:

По аллее олуненной вы проходите морево, –

то последнее слово меня не радует, ибо расхолаживает мое поэтическое восприятие необходимостью разгадывать ребус" (*Критика*, 76).

«Паясничество Игоря Северянина вдохновенно, – заметил один из критиков, цитируя первые пять строк стихотворения, – и он целен и строен в своей изломанности и разноголосице, и "за струнной изгородью" художник, виртуоз, чуткий, изнеженный музыкант» (*Критика*, 126 ⟨подпись А.Б.⟩).

Одно из мнений о подобных дискуссиях высказал критик “Одесских новостей”: «Я скажу: прекрасен Пушкин! Вы же возносите лиру Лермонтова! И мы никогда не сумеем переубедить друг друга. Ведь доказать прекрасное – невозможно! Так же интуитивно относимся мы к словотворчеству. В порыве вдохновения, в момент подъема поэт рождает новое слово, относительно которого тоже не может быть одной какой-либо оценки, потому что оно воспринимается индивидуально. Я, напр., понимаю красоту новых слов Игоря Васильевича – “олуненный”, “центрит”, “озерзамок” и т.д.» (цит. по журн.: Весна. СПб.; М.: Изд. Шебуева. 1914. № 2. С. 82 ⟨подпись: “Ш”⟩).

В статье “Вчера, сегодня и завтра русской поэзии” Брюсов, ретроспективно оценивая творчество Северянина, увидел в “быстро-темпном упоении” и восклицании “Вы такая эстетная” и т.д. – “салонный эротизм и чуждый жизни эстетизм” (*Брюсов В.* Собр. соч. В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 512–513).

ВОЗДУШНАЯ ЯХТА (с. 50)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Октябрь”. В 8-м издании дата восстановлена ошибочно: “1911”.

Посвящение – Иван Сазонович Лукаш (псевд. Оредеж; 1892–1940) – русский писатель, входил в окружение Северянина. Северянин содействовал выпуску его сб. “стихотворений в прозе” “Цветы ядовитые” (СПб., 1910) и посвятил ему стих. “Вне” (1910). Лукаш писал о поэзии Северянина в альманахе “Стеклянные цепи” (СПб., 1912. С. 4), печатал ритмизованную прозу в “Оранжевой урне” (СПб., 1912), газетах “Петербургский глашатай” и “Дачница”. В начале 1920-х годов эмигрировал, жил в Софии, Берлине, Риге и Париже, писал в основном историческую прозу: “Граф Калиостро” (1925), роман “Пожар Москвы” (1930) и др.

В стихотворении отразился жгучий интерес современников поэта к воздухоплаванию (см. также “M-me Sans-Gêne. Рассказ путешественницы”, “Нелли” и др.). На страницах газет большое внимание уделялось успехам авиации, этой теме отводились постоянные рубрики в газетах. Веку авиации придавали большое социальное и этнографическое значение: воздушное передвижение, казалось, стирало всякие преграды в том числе национальную обособленность.

Образ северянинской “Воздушной яхты” в некотором роде предвосхищает достижения в области космических полетов и является прообразом управляемого космического корабля (“Приставали к Венере, приставали к Сатурну, / Два часа пробродили по ледя́ной Луне мы”).

Критики начиная с 1910 г. называли Северянина “песнопевцем-авиатором”, цель которого “небес штандарт” (см. примеч. к стих. “Авиатор” в *ЗЛ* – Дополнения). “Воздушная яхта” запомнилась Г.Иванову и редактору рижской газеты “Сегодня” М.С. Мильруду. Мильруд перефразировал слова из этого стихотворения применительно к Северянину, оказавшемуся в 1920-е годы в эмиграции: “Конечно, ему было бы лучше не задерживаться на земле и на крылатой яхте пристать к ледяной луне” (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 19).

«Говорят, – писал Б. Садовской, – что гений – “тот, кто отвечает на вопросы времени, кто умеет постигнуть потребность эпохи, места, и удовлетворяет их”. В этом смысле г. Северянин, точно, “гений”» (*Садовской Б.* Оземь. Пг., 1915. С. 29).

Теме авиации посвящены сборники стихов: Гр. Тулина “Воздушные корабли” (1911), К. Олимпова “Аэропланные поэзы” (1912) и др. Стихи о космосе и планетах вошли в книгу Грааля-Арельского “Летейский брег” (СПб., 1913).

Румпель – руль судна.

... напевая из Грига... – Григ Эдвард Хагеруп (1843–1907) – норвежский композитор, многие произведения которого навеяны образами северной природы, которую любил Северянин.

Палладин (Паладин, *ит*., от *лат*. palatinus – “придворный”) – здесь человек, беззаветно преданный какой-либо идее или лицу.

M-ME SANS-GÊNE (с. 51)

Впервые: *Электрические стихи*, с датировкой: “1910. Сентябрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Вариант первой публикации:

20-я строка: Уважать заставляя свой пол…

M-me Sans-Gêne – букв. “Госпожа Бесцеремонова” – героиня популярной в России пьесы французских драматургов Викторьена Сарду и Эмиля Моро “Madame Sans-Gêne” (поставлена в 1893, издана в 1907, рус. пер. 1894 г.) в духе романтического театра В. Гюго и А. Дюма. Пьеса была инсценирована для кинематографа о-вом “Фильм д'Ар”.

В предисловии к либретто пьесы говорится: «Мадам Сан-Жен... Эти слова достаточны для того, чтобы воскресить воспоминание о шумном успехе, который имело произведение Викторьена Сарду и Эмиля Моро, когда в 1893 г. оно было поставлено в первый раз на сцене театра “Водевиль”. Все единогласно хвалили, восторгались и аплодировали автору и артистам. И когда после нескольких месяцев пьеса сошла с афиши, то лишь для того, чтобы под руководством великих артистов, которые ее создали с г-жой Режан во главе, совершили кругосветное турнэ, возбуждая всюду тот же энтузиазм и пожиная при каждой постановке все новые и новые лавры. И действительно, нет произведения, которое было бы предназначено стать более популярным в самом широком смысле этого слова...» (Нижегородец. 1911. 10 дек.).

Прообразом героини была Мадам Сан-Жен, бывшая простая прачка, по прозвищу Катрин Юбше, ставшая женой маршала Франции, Ф.Ж. Лефевра (1755–1820) при Наполеоне I. Героиня воспринимается Северяниным как характерный современный тип. В “романе в строфах” “Рояль Леандра” он называет дореволюционную эпоху “Санженистое время”, “век кривляк и нравственных калек” (*3, 322*). Стихи написаны от имени мадам Сан-Жен, которая рассказывает о путешествии в Мексику, безнадежно перепутав все впечатления.

Стихотворение было прочитано Северяниным в Обществе свободной эстетики 20 декабря 1912 г. и выделено анонимным автором из 30 прочитанных поэз: «Общий смех вызвало ⟨...⟩ одно стихотворение, где Игорь-Северянин от лица какой-то белолицей девушки рассказывает о том, как она жила в тропических странах “с индианками плоско-курносыми”, как ее возлюбленный индеец был подстрелен каким-то скваттером, примчался в ранчо, покрытый ранами» ⟨далее неточно по памяти цит. 18–20-я строки⟩ (Голос Москвы. 1912. 21 дек.).

Критик “Майкопской газеты” писал: «... Автор, по-видимому, совершенно игнорировал такую полезную науку, как география ⟨...⟩ у него краснокожий мечет бумеранг, дело происходило в Мексике, а бумеранг употребляют исключительно австралийцы... – краснокожие же о нем и понятия не имеют. Просто, поэту понадобилась рифма к слову “мустанг”, он и плюнул на географию, наградив краснокожего не свойственным ему оружием... – Но все-таки в этих стихах, полных несообразностей, диких словечек и обо-

ротов, встречаются строки, свидетельствующие, что из автора мог бы выработаться поэт прекрасный...» (Майкопская газета. 1913. 22 дек. ⟨подпись “Ноль”⟩).

Льяносы (*исп*. llanos) – равнины на севере Южной Америки.

Скваттер (*англ*. squatter) – скотовод, поселенец на незанятой земле.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ (с. 52)

Впервые: *Электрические стихи*, с датировкой: “1910. Апрель”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Синематограф – кинематограф – принятое в 1910-е годы XX в. обозначение кино; выносилось как подзаголовок в рекламах и либретто видовых и игровых фильмов так называемых электротеатров. В первой строке текста “Элегантная коляска, в электрическом биенье / Эластично шелестела по шоссейному песку...”, “электрическое биенье” – не только указание на “электротеатры”, но и эстетически осмысленный эффект шума кинопроектора (ср. “Жизнь – кинематограф” ⟨за подписью: “Н. – Уель”⟩):

Мягко льется серенада,
На экране жизнь идет.
И проэктор, как цикада,
Песню ровную поет.

(Нижегородец. 1912. 1(14) дек.)

Подобное восприятие кинематографа было характерно для читателей того времени. См., например, запись в дневнике Ф. Кафки: “Шины шелестят по влажному асфальту, как аппарат в кинематографе” (1911). «Можно предположить, – пишет Ю.Г. Цивьян в статье “Кинематограф у Северянина”, – что акустический лейтмотив И.П. ⟨“Июльского полдня”⟩ – шелест шин по шоссе – результат ассоциации того же порядка: непроизвольное наложение шума кинопроектора на изображение бегущего по шоссе автомобиля привело звук и изображение в состояние взаимной мотивированности. ⟨...⟩ Не вполне “коляска” и не совсем “мотор”, “шаловливый экипаж” в заключительной строфе приобрел у Сев⟨ерянина⟩ черты экипажа призрачного, не то небесного, не то морского:

...Шелестел молниеносно под колесами фарватер
И пьянел вином восторга поощряемый шофер».

(*Тезисы*, 45)

Как парафраз из стихотворения Северянина звучат стихи польского футуриста Бруно Ясенского:

Eleganckie, otwarte landeau
Z fantasyjnie filmowa szybkościa,
Elastycznie tańczylo po nierównym bruku.

(*Jaseński B*. Utwori poetickie. Warszawa, 1960)

(указал Ю.Г. Цивьян – *Тезисы*, 42).

Брюсов назвал слова “кувыркался ветерок” (6-я строка) “штрихом истинного поэта” (*Критика*, 14).

ХАБАНЕРА III ("От грёз Кларета – в глазах рубины...") (с. 52)

Впервые: *Электрические стихи*, с датировкой: "1910. Январь". В 8-м издании дата восстановлена ошибочно: "1911".

Северянин написал несколько хабанер: Хабанера I, II (*ЗЛ*); "Хабанера IV" (*ПА*); "Хабанеретта" (*ПА*). В "Росе оранжевого часа" Северянин называл жениха своей кузины, Е.М. Лотарёвой, "поклонником рьяным хабанер" (*3, 184)*.

Восторженно отозвался о стихотворении И. Игнатьев, который цитировал его для подтверждения самой высокой оценки Северянина-поэта: "Как я уже неоднократно повторял, Северянин величина высоко-самобытная, не жующая рифмованной жвачки, смело, порою даже до отчаяния дерзко, святотатственно, титанически отверзающая таинственную завесу Нового Слова.

Игорь Северянин маг и волшебник и стиля, и содержания, и рифмы, и трактовки тем. От поэз его несется благоухание эпохи. Хотя бы в Хабанере III" (Нижегородец. 1911. 1 дек.).

Большинство критиков отнеслись к северянинским хабанерам отрицательно. Л. Толстому "Хабанера II" понравилась, но одновременно возмутила (см. об этом статью "Согреет всех мое бессмертье..." в наст. изд.). «И напрасно он шепелявит свои "хабанеры", – писал критик одной из московских газет, – страсть не его стихия. Северянин выразителен и певуч в беспредметных мечтаниях, в царстве лунных теней и миражей» (Голос Москвы. 1914. 17 апр.).

Напротив, В. Ходасевич раскрыл сатирический смысл "Хабанеры III". Процитировав третью строфу, он заметил: «На самом-то деле мы не очень надзвездны, не очень подземны и не очень бездонны, а просто нас укачал автомобиль и только что выпитый ликер, и у нас кружится голова. И в эту самую минуту, когда мы уже готовы признать фешенебельное прекрасным, а элегантное – высоким, сам Игорь Северянин вдруг останавливает наш комфортабельный лимузин и с брезгливым лицом объявляет: "Гнила культура, как рокфор"» ⟨см. "Пролог" в *ГК*⟩ (Русские ведомости. 1914. 1 мая).

«В "Хабанере III" (Г.К), – писал Р. Брандт, – для меня стихи "О, бездна тайны! о, тайна бездны! Забвенья глуби... гамак волны!.. Как мы подземны! как мы надзвездны! Как мы бездонны! как мы полны!" звучат лирично, и даже недурно, между тем сам поэт нам говорит в "Сувенире критике" (V.R.):

Какая глупая в России критика!
Зло насмеялася над "Хабанерою"...
В сатире жалящей искала лирики»

(Критика, 130*)*

С. Блох сравнивает "Хабанеру III" со стих. М. Лохвицкой "Вакхическая песня" (1898):

Эван, эвоэ! Что смолкли хоры?
Восторгом песен теснится грудь.
Манят призывы, томят укоры,
От грёз бесплодных хочу вздохнуть.

(см. "Я, гений Игорь-Северянин...". Альманах: В 2 кн. Кн. 2. Нью-Йорк: Гилея, 1997. С. 459).

Хабанера (от *исп.* habanera) – кубинский народный танец и песня.

Кларет – сорт виноградного вина. Ср. А. Блок "Роза и Крест" (1912): "Там льется рекою / Душистый кларет!" (Действие четвертое. Сцена I. – *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т.

Т. 4. 1961. С. 225). Розовый и белый “клярет” со склада бр. Храмовых рекламировался к блинам в “Петербургской газете” (см., напр., 1910. 26 февр.).

Малага – десертное ликерное виноградное вино темно-золотистого цвета.

КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ (с. 53)

Впервые: *Ручьи в лилиях*, с датировкой «1911. Июнь. ст. “Елизаветино”, Дылицы». Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: “ 1911. Дылицы”.

“Каретка куртизанки” – одно из самых знаменитых стихотворений Северянина. Вместе со стих. “Нелли” оно отмечено в неотправленном письме М. Цветаевой Северянину (1931) (см.: “Я, гений Игорь-Северянин...” Альманах: В 2 кн. Кн. 2. Нью-Йорк: Гилея, 1997. С. 370, 589–592).

Строчка “Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить” приобрела самую широкую известность. А. Измайлов не без иронии признал, что Северянин “обессмертил” себя этой строкой. “Биржевые ведомости” высмеяли “тончайший крем-де-мандарин” (Биржевые ведомости. 1911. 2 авг. Веч. вып.). Напротив, в числе выражений, которые “прямо поражают своей меткостью и универсальностью”, по мнению Брюсова, – “дамьи туалеты пригодны для витрин” (*Критика*, 15).

“Каретку куртизанки” декламировал Маяковский на вечере футуристов в Русском театре в Одессе в январе 1914 г. В отчете о вечере критик А. Ценовский упрекнул футуристов в том, что для подтверждения слов о новых других песнях они читают «стихотворения Северянина о пажах, королевах, мраморных террасах, шампанском в лилиях и о том, что приятно в буфете пить “крем-де-мандарин”» (Одесские новости. 1914. 18 янв.).

Д. Бурлюк называл стихотворение первым среди тех, которые “увлекли” его “и запомнились” (Голос Родины. Владивосток, 1920. 3 окт.). См. также примеч. к “Зизи” в *ГК*.

Цитра (*греч.* кифара) – струнный щипковый инструмент с мягким, нежным звучанием.

Крем-де-мандарин – сорт ликера. Ср. у Маяковского в стих. “Бей белых и зеленых” (1928): “А Северянин / в эти / разливы струн / и флейтин / влез / прейскурантом вин: / Как хорошо в буфете / Пить крем-дэ-мандарин”.

Файф-о-клок (*англ.* five o’clock) – чай в пять часов.

НЕЛЛИ (с. 54)

Впервые: Петербургский глашатай. 1912. 12 февр., без посвящения. В *Качалке грёзэрки*, с датировкой: «1911. Июль. Ст. “Елизаветино”. Село Дылицы». Дата восстановлена в *ГК* не полностью: “Дылицы. 1911”.

Посвящение – Олимпов Константин (псевд. Фофанова Константина Константиновича, 1889–1939) – поэт-эгофутурист. Вместе с Северяниным принимал участие в создании Академии эгопоэзии. Первый сборник – “Аэропланные поэзы” (1912).

Отношение критиков к стихотворению было неоднозначным. Отрицательно оценил его В. Ходасевич: «Пошловатая элегантность врывается в поэзию Северянина, как шум улицы в раскрытое окно. «О, когда бы на “Блерио” поместилась кушетка!» – мечтает “тоскующая, нарумяненная Нелли”...» (*Ходасевич В.* Русская поэзия: Обзор // Альциона. Кн. 1. М., 1914). Брюсов, напротив, привел слова “под пудрой молитвенник, а на ней Поль де Кок” в качестве одного из примеров злой иронии, рассеянной по “Мороже-

ному из сирени", и отнес к выражениям, "прямо поражающим своей меткостью и универсальностью" (*Критика*, 15).

В. Брюсов написал сборник стихов "под Северянина" и дал ему заглавие "Стихи Нелли". Книга вышла без указания автора (см. "Стихи Нелли". М., 1913).

Поль де Кок (1794–1871) – французский писатель, популярный в России в XIX – начале XX в. Имя Поль де Кока стало нарицательным для обозначения фривольных произведений. В 40-х годах XIX в. В.Г. Белинский писал: "Мир Поль де Кока – это мир гризеток, солдат, поселян, среднего городского класса; его сцена – это бульвар, публичный сад, трактир, кофейня средней руки, иногда кабак. ⟨...⟩ Это французский Теньер литературы" (*Белинский В.Г.* Сочинения / Под ред. С.А. Венгерова. Т. III. С. 431).

Серсо (*фр.* cerceau) – обруч; игра с обручем и палочками.

Шницлер Артур (1862–1931) – австрийский драматург и прозаик. На русской сцене пьесы Шницлера ставил В.Э. Мейерхольд. 12 октября 1910 г. состоялась премьера пантомимы "Шарф Коломбины" в постановке В.Э. Мейерхольда (Пг., Дом интермедий).

Северянин позже вспоминал о Шницлере как любимом авторе Анастасии Николаевны Чеботаревской, жены Ф. Сологуба: "Начинается бесконечная наша постоянная литературная беседа. У А.Н. чудная память. Она так и сыплет цитаты из Мэтерлинка, Уайльда и Шницлера" (*5, 51*).

Коктэбли – застольные, хвастливые разговоры, ср. в "Фантазии восхода" – "Коктэбли звучат за коктэблями...".

Констэбль (*англ.* constable) – полицейский чин в Англии и США, ср. в стих. "Городская осень": "И как корректно-переливчаты / Слова констэблевого альта!".

"*Блерио*" – самолет, названный по имени авиаконструктора и летчика Луи Блерио (1872–1930), одного из пионеров авиации, который первым перелетел через Ла-Манш в 1909 г.

Гауптман Герхард (1862–1946) – немецкий писатель, автор драм "Перед восходом солнца" (1889), "Ткачи" (1892) и др.

КЛУБ ДАМ (с. 54)

Впервые: Стеклянные цепи: Альманах эго-футуристов. СПб.: Изд-во "Петербургский глашатай", 1912; с датировкой: "1912. Июнь". Дата восстановлена во 2-м издании.

П.А. Марков, вспоминая о вечере Северянина 30 января 1915 г., писал: «Игорь пропел десяток "поэз", и новых, и старых; и нужно сказать, что новые не дают и намека на безусловное очарование старых, как милый "Женоклуб"» (*Марков П.А.* Книга воспоминаний. М., 1983. С. 531). О другом "поэзовечере" в Пензе рассказал С. Седлецкий в наброске "Игорь Северянин в провинции": «После Масаинова вышел на сцену бледный, в длиннополом, семинарского покроя, сюртуке "сам" Игорь. Увы, ни желтой кофты, ни хождения на руках, ни раскрашенного носа, – не было. Стоял обыкновенный, осюртученный, обрюченный человек, похожий на провинциального псаломщика, приодетого по случаю храмового праздника. Это впечатление усилилось, когда Игорь Северянин "загнусавил"...

Монотонно, на один и тот же манер, г. Игорь пропел подряд несколько своих поэзо-измышлений о жено-клубе, цветочной парфюмерии и модной галантерее... Лица у публики прояснились. Некоторые не в силах были сдержать смеха при виде того, как поэт приподымался на верхних нотах и опускался на нижних... Он не только пел, но и танцевал свои стихи...» (Журнал журналов. 1915. № 18. С. 15).

Стихотворение выделено критикой. Ряд авторов недооценили ироничность “Клуба дам”. А. Измайлов осудил “ажур парикмахерски прифранченных слов” и поставил вопрос: “И разве вот это может петь поэт?” (*Критика*, 53). Иванов-Разумник причислил две первые строки стихотворения к «целому ряду никому не нужных “эксцессов”» (*Критика*, 76). Брюсов, напротив, восхитился выражением “женоклуб... где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп”, и отнес его к тем, которые “прямо поражают своей меткостью и универсальностью” (*Критика*, 15). К. Чуковский отметил музыку северянинского стиха: «...мне кажется, если б иностранец, не знающий ни слова по-русски, услышал, например, эти томные звуки: “Я в комфортабельной карете на эллипсических рессорах / Люблю заехать в златополдень на чашку чая в женоклуб”, – он в самом кадансе стиха почувствовал бы ленивое баюкание эластичных резиновых шин» (*Чуковский К.* Футуристы // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 203).

ЭКСЦЕССЕРКА (с. 55)

Впервые: *Ручьи в лилиях*, датировкой: “1911. Январь”. Во всех десяти изданиях не датировано. В 10-м издании в составе Собрания поэз не соблюдается графическое оформление строф.

Эксцессерка – встречается в стихотворении “Мороженое из сирени” в *ГК*.

По словам внучатой племянницы поэта М.Г. Рогозиной, образ женщины в шоколадной шаплетке навеян А.М. Коллонтай (урожд. Домонтович; 1872–1952), троюродной сестрой Северянина.

В 1922–1923 гг. Северянин получил два письма от Коллонтай. В одном из них она писала: “Я люблю Ваше творчество, но мне бы ужасно хотелось показать Вам еще одну грань жизни – свет и тени неизмеряемых высот, того бега в будущее, куда Революция – эта великая мятежница – завлекла человечество” (цит. по: *Тост безответный*, 10). Северянин ответил стихотворением “Кузине Шуре” (1923).

Шоколадная шаплетка – модная женская шляпка, ср. “шаплетка-фетроторт” в “Коляске Эсклармонды” в *АШ*.

Альпорозы – альпийские розы – рододендроны, модный в начале XX в. цветок (один из известных московских ресторанов назывался “Альпийская роза” – см. рекламу в газ. “Русское слово”. М., 1914. 3 мая). См. также примеч. к стих. “Городская осень”.

Диана – в римской мифологии богиня растительности, олицетворение Луны, а ее брат Аполлон – солнца. В римских провинциях почиталась как хозяйка леса.

Ниагара – водопад в Северной Америке, о котором в начале XX в. был снят фильм «Высоты “Грозного шума”. (Цветная синематография)» (см. либретто “Бразильского электро-театра”, опубликованное в газ. “Нижегородец”. 1911. 17 нояб., где И. Игнатьев опубликовал свою рецензию на «Пролог. “Эго-футуризм”» и прислал этот номер газеты Северянину, см. *5, 79*):

“Нет более разительного и великолепного зрелища, как этот величайший в мире водопад. Ниагарский водопад грандиозен благодаря, главным образом, низвергающейся массе воды в 425000 км в минуту. Из глубокого ущелья, куда падает вода, поднимаются облака брызг и пара, видимые на многие мили 〈...〉. Величественнее и красивее картины, чем эта, трудно себе представить”.

CHANSON COQUETTE (с. 55)

Впервые: За струнной изгородью лиры. Стихи. СПб., 1909; с датировкой: "1908. Декабрь". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1908".

Chanson coquette (*фр.*) – игривая песня.

ЮГ НА СЕВЕРЕ (с. 56)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 29. СПб., 1910. Осень; без разделения на строфы, с датировкой: "1910. Сентябрь". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1910".

Н. Гумилев счел, что это стихотворение показывает "острую фантазию, привычку к иронии и какую-то холодную интимность". Приведя его полностью, поэт заметил: "Трудно, да и не хочется судить теперь о том, хорошо это или плохо. Это ново – спасибо и за то" (Аполлон. 1911. № 5. С. 76). Критик В. Львов-Рогачевский называл "Юг на Севере" одним из примеров "извращенной первобытности": «В стихотворении ⟨...⟩ утонченно примитивная барынька рассказывает, как она остановила оленя у эскимосской юрты и захохотала жемчужно, "наведя на эскимоса свой лорнет"» (Современник. СПб., 1913. № 6).

ФАНТАЗИЯ ВОСХОДА (с. 56)

Впервые: Весна. СПб.: Изд. Шебуева. 1911, № 28. *Ручьи в лилиях,* с датировкой: "1911" – и указанием первой публикации. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1911".

"Гимн Солнцу", звучащий в "Фантазии восхода", можно услышать в стих. Северянина "Вдыхайте солнце!" (1908). "Солнце всегда вдохновенно..." (1909), оба вошли в *ЗЛ* и др. Критики неоднократно отмечали, что Северянин не только развил стихотворную виртуозность Бальмонта, но и подхватил его призыв "Будем как солнце!" (1903). Вдохновенные обращения к солнцу часто встречаются в поэзии Северянина. Первая строка стихотворения перекликается со строкой из "Намеков жизни" в *ГК*: "Утрела комната. И не было троих".

Сивилла – имя легендарной проницательницы в Древнем Риме; возможно, здесь использовано и в нарицательном значении.

"*Титания*" – ария из оперы "Миньон" А. Тома, см. о ней выше "Шампанский полонез".

У статуи Мирры... – Имеется в виду памятник на могиле М. Лохвицкой, о ней см. примеч. к стих. "Письмо из усадьбы" и "Пролог" в *ГК*.

"*Осанна*!" (*др.-евр.*) – восторженное славословие. Ср. первую строку стих. Блока "Седое утро" (1913): "Утреет. С Богом! По домам!"

Коктэбли – см. примеч. к "Нелли".

ПОЛОНЕЗ "ТИТАНИЯ" (с. 57)

Впервые: *Ручьи в лилиях*, с датировкой: "1910. Лето". Дата восстановлена во 2-м издании.

Полонез "Титания" – ария из оперы "Миньон" французского композитора А. Тома, которая упоминается в ряде стихотворений Северянина. Ср. "Титанию" и "Песню Титании" (1894) М. Лохвицкой.

Морфей – в греческой мифологии крылатое божество, один из сыновей Гипноса (бога сна), принимал разные человеческие образы, являлся людям во сне.

ПЕСЕНКА ФИЛИНЫ (с. 57)

Впервые: *Качалка грёзэрки*, с датировкой: "1911. Июль. Ст. Елизаветино. Дылицы". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "Дылицы. 1911".

"*Mignon*", *A Thomas*. – В "Песенке Филины" упоминаются герои оперы "Миньон" Тома – Лаэрт, барон фон Розенберг, Вильгельм и Фредерик.

Куверт (*фр.* couvert) – столовый прибор.

ДИССОНА (с. 58)

Впервые: *Качалка грёзэрки*, с датировкой: "1912. Февраль". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "1912".

Посвящение – Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – поэт, начинал как эгофутурист. В 1911 г. учился во втором Петербургском кадетском корпусе. Первый сборник стихов с заглавием, заимствованным у Бодлера, "Отплытие на о. Цитеру. Поэзы" был опубликован в 1911 г. (на тит. л. – 1912 г.). С 1922 г. жил в Берлине, а затем в Париже, где был признан первым поэтом эмиграции.

Диссона (*лат.* dissono) – "нестройно звучу"; (*фр.* dissonance) – разнозвучие, в поэзии – пропуск рифмы.

В. Брюсов называл "Диссону" "стихотворением, прекрасным от начала до конца", которое доказывает, что у Северянина есть злая ирония. "В наши дни это – редкий дар; сатира в стихах вымирает, и приходится дорожить поэтом, способным ее воскресить" (*Критика*, 15).

ЭПИТАЛАМА (с. 59)

Впервые: Листовка. СПб., 1911; с датировкой: "1911. Февраль"; *Ручьи в лилиях* с той же датировкой. Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "1911".

Эпиталама (*греч.*) – свадебная песня. Одна из форм эпиталамы – гименей – песня, сопровождающая путь невесты в дом жениха, с постоянным припевом-призывом к богу брачных уз, сыну Диониса и Афродиты: "Ио, Гименей!" Известны эпиталамы Сафо (Греция, 7 в. до н.э.). В поэме "Роса оранжевого часа" Северянин упоминает "пламную эпиталаму", прочитанную им на свадьбе кузине Лиле, в которую он был влюблен, "из пира чуть не сделав драму" (*3, 185*). Это было в 1903 г.

Л. Рейснер увидела в "Эпиталаме" выражение богатства и щедрости поэзии "прославленного эголирика". «Он принес с собой радость, этот странный человек с мертвым лицом и глубочайшим голосом.

В ночных кафе, после трех часов ночи, перед ошеломленными профессионалами его "поэзы" кипели, как брага, цвели, как цветет счастие: "Пою в помпезной эпиталаме 〈...〉". Он дерзал любить и благословлять. Как отпущение грехов, цвели ландыши его весны, и форма стиха была как прозрачнейший лед» (*Храповицкий Л.* Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому // Рудин. Пг., 1916. № 7. Март. С. 7).

Вздох Гименея – Ивлиса вздох!.. – Северянин сравнивает вздохи Гименея и Ивлиса – героя драматической поэмы Лохвицкой “На пути к Востоку” (1897). Гименей был прекрасным юношей, певцом и музыкантом и умер на свадьбе Диониса (по другой версии – потерял голос).

Сын К.М. Фофанова, К. Фофанов (Олимпов) написал шутливый «Ответ Игорю-Северянину на его “Эпиталаму”» (Нижегородец. 1912. 4(17) дек.):

Какая дева или дама
Тебя, мой друг, в соблазн ввела,
Что у тебя эпиталама
Так соблазнительно – мила?
Но не пишу эпиталамой
Не для меня Гимея строй!..
Я буду лучше Далайламой,
А ты будь новый Домострой.

Сергиево. 1912 г. 17-го февр.

В ШАЛЭ БЕРЕЗОВОМ (с. 59)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Декабрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Поэметта – подзаголовок окказионален, ср. с подзаголовком к стихотворению “Над гробом Фофанова” – “Интуитта”.

СОНЕТ (“Мы познакомились с ней в опере...”) (с. 60)

Впервые: Голос Правды. СПб., 1910. 16 февр.; Беспл. илл. прил. В *Колье принцессы* с датировкой: “1909. Ноябрь” – и обозначением места первой публикации. Дата восстановлена во 2-м издании.

Филина – героиня оперы А. Тома “Миньон”, см. примеч. к стих. «Полонез “Титании”».

СОНЕТ (“Ее любовь проснулась в девять лет...”) (с. 60)

Впервые: Голос Правды. СПб., 1910. 1 янв.; Беспл. илл. прил.; с датировкой: “1909”. В *Электрических стихах* с датировкой: «Мыза “Ивановка”. 1909. Июнь», без разделения на строфы и с обозначением места первой публикации. Дата восстановлена во 2-м издании.

СОНЕТ (“По вечерам графинин фаэтон...”) (с. 61)

Впервые: Голос Правды. 1910. 2 февр.; Беспл. илл. прил. с датировкой: “1910”. В *Электрических стихах* с датировкой: “1910. Январь” и обозначением места первой публикации. Дата восстановлена во 2-м издании.

КОГДА ПРИДЕТ КОРАБЛЬ (с. 61)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: “1911. Февраль”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1911”.

В 1910 г. Северяниным был написан триптих под названием “По восемь строк”, см. *АШ,* первая часть которого (“Вы стояли на палубе...”), вероятно, легла в основу “Когда придет корабль”.

А.Н. Вертинский исполнял песню на слова этого стихотворения под заглавием “Бразильский крейсер” с разночтениями (см.: *Вертинский А.* За кулисами. М., 1991. С. 209–211). И. Бродский вспоминал: «В одно прекрасное утро я вышел из гостиницы и увидел входящую в бухту цитату из Вертинского: “А когда придет бразильский крейсер, капитан укажет вам на гейзер...”» (*Бродский И.* Размером подлинника. Таллин, 1990. С. 53).

Он расскажет о лазори Ганга... Ганг – река в Индии и Восточном Пакистане, окружена ореолом святости; по верованиям индуистов, ее воды обладают животворной силой.

...о вечном летуне – “Голландце”. – Имеется в виду легенда о так называемом “Летучем Голландце” – призрачном корабле, появление которого предвещало мореплавателям неминуемую гибель. По мотивам этой легенды написана ранняя опера немецкого композитора Р. Вагнера “Моряк-скиталец” (“Летучий Голландец”; 1840–1841; упоминается Северяниным в “Оперных заметках”, *5, 95*). Широко известен был также одноименный роман английского писателя Ф. Мариета “Летучий Голландец” (1910) – так же называлась вторая книга стихов Сергея Кречетова (С.А. Соколова, 1879–1936) – владельца книгоиздательства “Гриф”, в котором был издан *ГК.*

В ГОСПИТАЛЕ (с. 62)

Впервые: Нижегородец. 1912. 15 июля. Датировано во 2-м издании: “1911. Декабрь”. В 10-м издании в составе “Собрания поэз” в 10-й строке возникло искажение: “Ты вздыхаешь с музыкой в лице” вместо “Ты вдыхаешь с музыкой в лице”.

Посвящение – Елена Семенова – сведений об этом лице не обнаружено.

Беникарло – сорт вина.

ЛЮБИТЬ ЕДИНСТВЕННО... (с. 62)

Беловой автограф. Впервые: Нижегородец. 1912. 29 июля (11 авг.); с датировкой: «1912. Июль. Ст. “Веймарн”. Мыза “Пустомержа”». Дата восстановлена во 2-м издании «Мыза “Пустомержа”. 1912. Июль». Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. “Элегантные модели” (1912).

В ПЯТИ ВЕРСТАХ ПО ПОЛОТНУ... (с. 63)

Беловой автограф. Впервые: Нижегородец. 1912. 8 (21 авг.); с датировкой: “1912. Май. Варш. ж.д.”. Дата восстановлена во 2-м издании: “Варш. ж.д. 1912. Май”. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. “Элегантные модели” (1912).

Критик С. Рубанович отметил, что в стихотворении "явно зыблятся волны" эмоциональности и вдохновения. Это "пленительная путаница перебивающих друг друга предложений, в которых мысль и чувства поэта подобны беспокойной зыби, где блеск и тень, боль и восторг, очарованье и безнадежность мгновенно сменяют друг друга" (*Критика*, 67).

Р.Ф. Брандт называл *промельк* в числе "своеобразных и хороших производниц" Северянина. «Последним словом, действительно прекрасным, поэт сам, видно, очень доволен, так, что употребил его еще 3 раза, как заглавие: раз в "Златолире" и дважды в "Ананасах"» (*Критика*, 137). Критик П. Драверт в фельетоне "Учитель и ученик" некоторые стихи *АШ* назвал, "выражаясь своеобразным языком" Северянина, "лишь промельками" (Камско-Волжская речь. 1915. 15 марта). Два стихотворения под заглавием "Промельк" в *АШ* написаны раньше, чем "В пяти верстах по полотну..." (датированы 1911 г.). Слово *промельк* использовал также поэт К. Валентинов в стихотворении, посвященном памяти "незабвенного" К. Фофанова – "Промельк любви" – и опубликованном в газете "Дачница" (1912. 22 июня), с которой сотрудничал Северянин.

NOCTURNO ("Навевали смуть былого окарины...") (с. 63)

Впервые: За струнной изгородью лиры: Стихи. СПб., 1909; с датировкой: "1909. Июнь". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1909".

Nocturno. – См. примеч. к "Nocturne" ("Я сидел на балконе, против заспанного парка..." в *ГК*). Ср. М. Лохвицкая "Notturno": "Что за ночь!.. как чудесно она хороша!.." (1889).

"Северянин, – пишет М.Л. Гаспаров, – подчеркивает... плясовую легкость тонкой проработкой фоники (стараясь, чтобы между гласными стояло только по одному согласному)" (*Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890–1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 91–92).

Окарина – итальянский музыкальный инструмент, похожий по звучанию на флейту.

СКАЗКА СИРЕНЕВОЙ КИСТИ (с. 64)

Впервые: Интуитивные краски: Немного стихов. СПб., 1909. Июль; с датировкой: "1909. Октябрь". Дата восстановлена во 2-м издании.

ПОЛЯРНЫЕ ПЫЛЫ (с. 65)

Впервые: Интуитивные краски: Немного стихов. СПб., 1909. Июль; с датировкой: "1909. Октябрь". Дата восстановлена во 2-м издании.

Вариант первой публикации:

7-я строка: Бледнея экстазом, сомнамбулой светится.

В 8-м и 10-м изд. печаталось с искажением в 14-й строке: "Льдяное пламя поймете" вместо "Ледя́ное пламя поймете". Ср. в *ГК* "глыбы ледя́ные" ("Полярные пылы"), "по ледя́ной Луне" ("Воздушная яхта"), "в белом бешенстве ледя́ном" ("Героиза") и др. Форма "ледя́ный" встречается в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. Даля (В 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 244).

Д'Арк Иоанна – *Жанна д'Арк* (ок. 1412–1431) – народная героиня Франции в борьбе за освобождение родины от англичан, была захвачена ими и сожжена на костре. Спустя пять веков, в 1920 г., католическая церковь причислила ее к лику святых.

КВАДРАТ КВАДРАТОВ (с. 65)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Сентябрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Квадрат квадратов – одна из десяти изобретенных Северяниным форм: все слова первого четверостишия повторяются в трех последующих. Ср. образ квадрата у К. Вагинова в “Поэме квадратов” (1922) и в картине К. Малевича “Черный квадрат” (1915).

Иванов-Разумник выделил это стихотворение среди “прекрасных” стихов: “Когда Северянин захочет, он ⟨...⟩ может блеснуть таким мастерством техники, как шестнадцать пересекающихся рифм в одном четверостишии» (*Критика*, 76). Вл. Гиппиус отметил тоску и безвыходность и назвал “Квадрат квадратов” «фатальным “квадратом”» (*Критика*, 97).

Композитор С.С. Прокофьев, отметивший у Северянина “зачатки” композиторского дарования, особенно восхищался этим стихотворением.

В ПРЕДГРОЗЬЕ (с. 66)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Ноябрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Обращая внимание на заглавие стихотворения, критик В. Гиппиус писал: «Вы вспоминаете при этом предисловие Сологуба о “грозе в начале мая”. Вот настоящее название для всей книги! Молодой поэт, несомненно, владеет даром поющей речи – но это поет скучающая в “предгрозье” душа, и потому она поет не просто, – а с хитростями и фокусами – от скуки душной. В поэзии его не слышны раскаты грома – даже отдаленные, и книга его – не громокипящий кубок, уроненный с неба. Когда пронесется гроза, упадет и ее кубок – поэзия великой веры и счастья!» (*Критика*, 97).

Захрустели пухлые кайзэрки... – кайзерки – название модного тогда печенья.

Алькермес – сорт вина, ср. “пейте уст алькермес, ешьте девий дюшес”... (“Хабанеретта” – *ПА*).

ГРАСИЛЬДА (с. 67)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Сентябрь”. В десяти изданиях не датировано.

Стихотворение было прочитано автором среди ряда стихов из *ГК* И. Одоевцевой в январе 1923 г. в Берлине. «Я все сильнее подпадаю под власть его необычного чтения – пения, “гипнотически” действующего и на меня. Я закрываю глаза, я тону, я иду на дно этого искрометного громокипящего водопада поэзии» (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 17).

Среди «длинного ряда отдельных “счастливых” выражений» Брюсов назвал строку из “Грасильды” – “сад, утопленный в луне” (*Критика*, 14).

ИЮНЕВЫЙ НАБРОСОК (с. 68)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Декабрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”. В 10-м издании в составе “Собрания поэз” 11-я строка “Над обнебесенной рекой” вместо “Над онебесенной рекой”.

Один из критиков отметил в этом стихотворении "неподдельный аромат поэзии" (*Трофимович Н.* [Рецензия] // Неделя. 1913. № 25. 23 июля).

Посвящение – кузине поэта Е.М. Лотарёвой (Якульской). Мнения комментаторов относительно лица, которому посвящено стихотворение, расходятся. Составители примечаний к изданию " Библиотеки поэта" и сб. "Стихотворения" считают, что оно посвящено кузине поэта. С. Блох и В. Ройтмана полагают, что "Июневый набросок" ближе к стихотворению 1911 г. "Мисс Лиль" и соответствует описанию романа Северянина с сестрой Златы Лизой, которую в "Падучей стремнине" он называет "Мисс Лиль":

Мила мисс Лиль с пикантной черной мушкой
У верхней губки; маленькой головкой
Каштановой качая грациозно.
Высокая и гибкая, вниманье
Всеобщее невольно привлекает.

(3, 226)

В "Июневом наброске" впервые появилось слово *глазы*, которое поэт употреблял намеренно вплоть до 1925 г.:

Твои прищуренные глазы –
...Я не хочу сказать глаза!..

(3, 174)

В поэме "Роса оранжевого часа" эти слова, перекликающиеся со словами из "Июневого наброска", обращены к кузине Лиле.

В отличие от критиков, которые воспринимали смещение ударения в этом слове как ошибку, профессор Р.Ф. Брандт заметил: «Мне эта форма известна в поговорке "свиные глазы не боятся грязи"» (*Критика*, 151).

Риголетто – действующее лицо одноименной оперы итальянского композитора Джузеппе Верди (1851), которая была особенно памятна поэту, потому что в ней дебютировала певица Мравина (наст. фам. Мравинская) Евгения Константиновна (1864–1914), родственница Северянина (*5, 314*).

Здесь Северянин остроумно намекает на сходство мухомора с фигурой придворного шута, у которого ноги в трико и брюки "юбочкой".

ГУРМАНКА (с. 69)

Впервые: *Электрические стихи*, с датировкой: "1910. Ноябрь", дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1910". В 10-м издании в составе "Собрания поэз" принято разделение сонета на строфы.

В рецензии на *Электрические стихи* И. Игнатьев особо выделил это стихотворение: «Венецианскими красками мягко томит маленький шедевр "Гурманка" ("Ты ласточек рисуешь на меню...")» (Нижегородец, 1911. 1 дек.).

...петуха ты знаешь по Ростану... – Намек на множество ресторанов под названием "Шантеклер" (Chantecler (*фр.*) – петух) – по имени главного действующего лица одноименной пьесы французского драматурга Эдмона Ростана (1868–1918) "Chantecler" (пост. и изд. в 1910, см. о нем также примеч. к стих. "Секстина" в *ГК* и "В лимузине" в *АШ*), которые открылись в Москве и Петербурге в начале 1910 г. Эти ре-

стораны были известны не только фирменными блюдами из дичи, но и тем, что устраивали инсценировки фрагментов из пьесы Ростана. Северянинская гурманка, оберегая свою фигуру, не ела жирное куриное и свиное мясо, но, посещая рестораны, знала петуха "по Ростану".

Одним из источников комментируемых строк могла послужить реклама крупного магазина и гастрономической кухни в центре Петербурга, который Северянин упоминал в своих автобиографических произведениях:

«О –
ГУРМЭ,
"Шантеклер"!!...

всегда и к предстоящим праздникам в особенности все съедобные персонажи пьесы "**Шантеклер**" русского и заграничного происхождения в богатом ассортименте, а также представители *животного и рыбного царства* (в съедобном виде), кроме того для полноты праздничного стола: все деликатесы, закуски, овощи, фрукты, вина и т.д. и т.д.» (Петербургская газета. 1910. 8 апр.).

См. также рекламу крупнейшего ресторана "Контан" в Петербурге, где с 13 по 27 февраля проходили веселые концерты "Карнавал в курятнике Шантеклера" (Петербургская газета. 1910. 12 февр. и след. номера; 20 февр.: «Сегодня в 2 часа ночи "Сюрприз публике Живые Шантеклеры"» – Там же. 1910. 20 февр.; с 21 февр. «Первый раз в России "Ночь в курятнике Шантеклера", сценка в одном акте. Гл. роли исп. В.Н. Барковская и В.А. Неклюдов, гл. режиссер В.А. Неклюдов. Румынский оркестр Гулеско» – Там же. 1910. 21 февр.), а также рекламу «самого просторного московского курятника у "Мартьяныча"», на Красной площади, куда приглашались все московские шантеклеры и шантеклерши провести "день памяти ростановского героя" (Русское слово. 1910. 4 апр.).

Шабли – сорт французского вина.

Шексна – река, впадающая в Волгу. Череповец, в котором Северянин провел свою юность, расположен на месте впадения Ягорбы в Шексну.

МАРИОНЕТКА ПРОКАЗ (с. 69)

Впервые: *Электрические стихи*, с датировкой: "1910. Февраль". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1910".

Маяковский цитировал это стихотворение, издеваясь над партером по игре в покер: "Если за покером партнер вздрагивал, неудачно прикупив, неизменно пелось:

И она передернулась, как в оркестре мотив".

(*Брик Л.* Из воспоминаний // Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 141–142).

"Марионетка проказ" – одно из сюжетных стихотворений Северянина, что подчеркнуто подзаголовком "Новелла". Автор гордился "живою фабулой" своих стихов (*3, 201*). Своеобразно оценивала эту особенность произведений поэта З. Гиппиус: «Стихи одного талантливого эгофутуриста – чистейшее "описательство". Несмотря на все самозаявления, только описательство, "ego" в них и не ночевало; тем трогательнее верный инстинкт, влекущий в верную сторону, трогательно и свято покушение на личность, –

пусть с негодными средствами. Объявилось желание найти “себя”; сказалось открыто, что современная литература потеряла или теряет “Я”; в ней тонет писатель, тонет человек» (*Критика,* 61).

PRÉLUDE I (“Я, белоснежный, печальноюный бубенчик-ландыш...”) (с. 70)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: “1911. Март”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1911”.

Prélude (*фр.* прелюдия) – музыкальная форма; вступление.

VIRELAI (с. 70)

Беловой автограф (ОР РГБ) с вариантами пунктуации. Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: “1912. Ноябрь”.

Virelai – см. примеч. к “Мороженому из сирени”.

ДЕЛЬ-АКВА-ТОР (с. 71)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 29. СПб., 1910. Осень; с датировкой: “1910. Июнь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

«Не очень новы и утонченны, – заметил В. Шмидт, – самые переживания Северянина. “Шампанское в лилию”, “герцогиня Дель-Аква-Тор” и т.п. – все это дерзания и прозрения многообещающего гимназиста. Не в них сущность поэзии Северянина и не на них основано право его на внимание критики» (*Критика*, 83).

– Иди к цветку Виктории Регине... – См. примеч. к “Виктории Регии” в *ГК*.

СОНАТЫ В ШТОРМ (с. 72)

Впервые: *Качалка грёзэрки,* с датировкой: «1911. Август. ст. “Елизаветино”, село “Дылицы”». Дата восстановлена во 2-м издании.

БАЛЬКИС И ВАЛТАСАР (с. 73)

Впервые: *Качалка грёзэрки,* с датировкой первой части “1911. Ночь под Рождество”; второй и третьей частей: “1911. 1-й день Рождества”. Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: “1911”.

Франс Анатоль (1844–1924) – французский писатель. В 1889 г. написал книгу новелл “Валтазар”, которая восходит к неоднократно воссозданному в мировом искусстве библейскому сюжету о царице Савской. Северянин воспроизводит сюжетные коллизии, персонажей и восточную экзотику одноименной новеллы А. Франса, – но если для Флобера и А. Франса вопрос, в чем истина: в погружении в жизнь или уходе от нее – остает-

ся открытым, то Северянин отвечает на него однозначно: счастье в погружении в жизнь и в любовь.

Эпиграф – из драматической поэмы Мирры Лохвицкой "На пути к Востоку" (1897) – слова греческого юноши Гиацинта, обращенные к Балькис, которая находилась во власти его чар (Действие I). См. также "Вина Балькис" (Дополнения). «...Для лиризы "Балькис и Валтасар" (по Анатолю Франсу) Северянин мобилизует своими аккордами мировые недвижности. И прав он, говоря, что он крылат...» – писал И. Игнатьев (Петербургский глашатай. 1912. 11 марта).

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ (с. 75)

Впервые: Нижегородец. 1911. 24 дек., с датировкой: "1911". В *Качалке грёзэрки,* с датировкой: "1911. Октябрь". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1911".

"Городская осень" – первое стихотворение Северянина, напечатанное в газете "Нижегородец" (первый номер вышел 15 июля 1911 г., ред.-изд. В.П. Успенский), где в 1911–1912 гг. печатались многие стихи, вошедшие впоследствии в *ГК*. История их публикаций связана с именем поэта-эгофутуриста, издателя и критика Ивана Васильевича Игнатьева (Казанского, 1892–1914) и описана Северяниным в статье "Газета ребенка" (И.В. Игнатьев и его "Петербургск⟨ий⟩ Глашатай" (*5, 78–81*)). Строки "грумики, окукленные для эффекта" были приведены Брюсовым среди выражений, "прямо поражающих своей меткостью и универсальностью" (*Критика*, 15).

...Везде на клумбах рододендрон... – Рододендрон – кустарник с белыми, розовыми и пунцовыми цветами, появившийся в Петербурге и петербургских усадьбах в начале XX в., вошедший в моду, но имевший, как считалось, непоэтичное название. Рододендрон введен "в литературный обиход" Афанасием Фетом. «Он выглядел, – писала О.Б. Кушлина, – как громоздкий словесный сундук, неприличный в интерьере лирической гостиной. Насмешки первых слушателей отбили у Фета охоту печатать рискованное сочинение:

Рододендрон! Рододендрон!
Пышный цвет оранжереи,
Как хорош и как наряден
Ты в руках вертлявой феи!
Рододендрон! Рододендрон!

Тургенев выучил неуклюжий текст наизусть и при каждом удобном случае с готовностью декламировал его как образец бессмыслицы:

Рододендрон! Рододендрон!
Но в руках вертлявой феи
Хороши не только розы,
Хороши большие томы
И поэзии, и прозы!
Рододендрон! Рододендрон!

А.И. Герцен в рассказе "Скуки ради", через 12 лет после создания злополучного стихотворения, злорадно припомнил, вложив в уста персонажу такие слова: «Я всегда завидовал поэтам, особенно "антологическим": напишет контурчики, чтоб было плав-

но, выпукло, округло, звучно, без малейшего смысла: “Рододендрон – Рододендрон” – и хорошо.

Рододендрон! Рододендрон!
Хороши и все нападки
На поэтов, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендрон! Рододендрон!

⟨...⟩ Бедный “Рододендрон” был напечатан после смерти создателя спустя 45 лет после написания, в “Северных записках” на 1901 год» (*Кушлина О.Б.* Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 64–66).

Констэблевый – см. примеч. к “Нелли” в *ГК*.

ОСКАР УАЙЛЬД (с. 76)

Впервые: *Качалка грёзэрки,* с датировкой: “1911. Декабрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1911”. В первой публикации в первой строке слово «Грааль» выделено курсивом.

Уайльд Оскар (1854–1900) – английский писатель, цитатами из его произведений постоянно “сыпала” в беседах о литературе жена Ф. Сологуба А.Н. Чеботаревская (*5, 51*). В библиотеке Северянина в Тойле сохранилась книга Уайльда “Афоризмы” в переводе кн. Д.Л. Вяземского (СПб., 1913) с дарственной надписью: “Принцу поэтов – Игорю Северянину книгу его гениального брата подарила Ан. Чеботаревская. Одесса. 17/III 1913” (*Сочинения*, 442). Б. Лившиц вспоминал, что Северянин “старался походить на Уайльда” (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 453). Актриса О.В. Гзовская также видела “...внешне отдаленно похожего на Оскара Уайльда Игоря Северянина, читавшего, напевая свои стихи...” (*Гзовская О.В.* Пути и перепутья. Портреты. Статьи и воспоминания об О.В. Гзовской. М.: ВТО, 1976. С. 244). В “Падучей стремнине” Северянин признавался: “Оскар Уайльд и Бернард Шоу явно / Влиянье оказали на меня” (*3, 201*). Ср. “Баллада V” (сб. “Миррэлия”: «“Баллада Рэдингской тюрьмы” / Аккорд трагический Оскара». См. “Афоризмы Уайльда” (1918) – *Соловей.* Маяковский называл Северянина “самым модным дэнди, вроде Оскара Уайльда из Сестрорецка...” (*Каменский В.* Жизнь с Маяковским. М., 1940. С. 39).

Одним из первых высоко оценил это стихотворение И. Игнатьев. “Насколько тонко, – заметил критик, – понимает он ⟨Северянин⟩ палача – Эстета, за красоту покаранного Оскара Уайльда! ⟨далее цит. первые 4 строки стих.⟩” (Петербургский глашатай. 1912. 11 марта).

Критики отмечали в “изощренной лирике” Северянина “отзвук Альфреда Мюссе, изгиб Оскара Уайльда” (Голос Москвы. 1914. 17 апр., подпись: *А.Б.*). «Ирония, – писал В. Брюсов, – спасает Северянина в его “рассудительных” стихотворениях. Поэтому хороши его стихотворные характеристики Оскара Уайльда ⟨...⟩ с прекрасным начальным стихом: “Его душа – заплеванный Грааль”...» (*Критика*, 15).

Его душа – заплеванный Грааль... (*старофр.* Graal, *лат.* Graalis) – Св. Грааль – чаша с кровью, собранной из ран Христа. Охраняется рыцарями в таинственном замке, путь к которому открыт только тем, кто чист душой и сердцем. Наиболее поздняя – знаменитая интерпретация в музыкальной драме “Лоэнгрин” Р. Вагнера (1848).

...По лабиринту шхер... – шхеры (из *сканд.* языков) – острова и скалы, выдающиеся над водой, образующие пояс вдоль скалистых берегов. В 1911 г. в газете "Нижегородец" (15 сент.) было напечатано либретто видового фильма "Среди шхер Швеции" с красочным описанием грандиозной быстротекущей реки, встречающей на своем пути подводные скалы.

ГЮИ ДЕ МОПАССАН (с. 76)

Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: "1912. Апрель".

Брюсов назвал характеристику Ги де Мопассана "хорошей", отметив, что «ирония спасает Игоря Северянина в его "рассудительных" стихотворениях». Критик особо отметил удачное сравнение "Спускался ли в Разврат, дышал, как водолаз" (*Критика*, 16).

Beaumonde (*фр.*) – высший свет.

ПАМЯТИ АМБРУАЗА ТОМА (с. 77)

Впервые: *Это было так недавно,* с датировкой: "1908. Ноябрь". Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: "1908".

А. Тома – любимый композитор Северянина. "Как известно, – вспоминал Б. Лившиц, – он пел свои стихи – на два-три мотива из Тома..." (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 457). О композиторе А. Тома см. выше неоднократно.

Офелия, Гамлет, Вильгельм, Реймонд, Филина и Миньона – персонажи опер Тома "Миньон" (1866) и "Гамлет" (1868).

НА СМЕРТЬ МАССНЭ (с. 77)

Беловой автограф с датировкой: «"Веймарн", 1912, Август». Впервые: Нижегородец. 1912. 20 авг. (2 сент.), с датировкой: «1912 г. Август, ст. "Вейнмарн", мыза "Пустомержа"». Дата белового автографа восстановлена во 2-м издании. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. "Элегантные модели" (1912).

В газетном варианте 4-я строка печаталась: «Будьте построже с темпом для партитуры "козри"».

Массне (Massenet) Жюль Эмиль Фредерик (1842–1912) – французский композитор, представитель французской лирической оперы, автор опер "Эсклармонда" (1889), "Таис" (1894), "Сафо" (1897) и др. Одна из женщин, которыми был увлечен Северянин, С. Шамардина, взяла в качестве сценического псевдонима имя героини одноименной оперы Массне, см. примеч. к стих. "В коляске Эсклармонды" в *АШ*. Массне считается выдающимся выразителем любви и нежности, и каждый французский музыкант носит в своем сердце "немного Массне". Мировой известностью пользуется "Элегия" из музыки к "Античной поэме" Ш. Леконта де Лиля "Эринии" (1873). Северянин подчеркивает, что «автор "Таис" учился у Амбруаза Тома», – действительно, в 1852–1863 гг. Массне учился (с перерывом) в Парижской консерватории у А. Тома.

Стихотворение написано вскоре после смерти Массне (умер 13 августа; см. некролог Юрия Сахновского "Жюль Масснэ", перепечатанный из газеты "Русское слово" в "Нижегородце". 1912. 5 (18) авг. Здесь же опубликовано стихотворение Северянина "Вторая симфония").

Скорее всего, – писал К.И. Чуковский, – он Массне, салоннейший из компози-

ров, коего благоговейно воспевает. Один критик даже рассердился: можно ли воспевать такого сноба, – но кого же и воспевать поэту-снобу! Он верен себе во всем...” (*Чуковский К.И.* Футуристы // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 206). Строки из этого стихотворения В. Маяковский в заметке “Поэзовечер Игоря Северянина” перефразировал применительно к его автору: «Рукоплескания, растущие с каждым новым стихотворением. Еще бы: “это король мелодий, это – изящность сама”. Увлекаются голосом, осанкой, мягкими манерами, – одним словом, всем тем, что не имеет никакого отношения к поэзии. Да в самом деле, не балерина ли это, ведь он так изящен, ну, словом –

Летит, как пух из уст Эола:
То стан совьет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет»

(Новь. 1914. 23 дек.)

Causerie (*фр.*) – непринужденный разговор, легкая болтовня. Ср. «Парижского “козри” изысканный язык» (К. Фофанов “Весенняя поэма” (1892) – *Фофанов*, 277).

III. ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ

Под этим заглавием вышла брошюра и сборник избранных поэз (1918).

ИНТРОДУКЦИЯ. Триолет (с. 78)

Впервые: За струнной изгородью лиры: Стихи. СПб., 1909; с датировкой: “1909. Январь”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1909”.

Интродукция (*лат.* introductio) – введение (обычно к музыкальным произведениям).

Триолет (*фр.* triolet, от *ит.* trio – трое) – строфа-восьмистишие средневековой французской поэзии, распространившаяся и за пределами Франции. Основана на тройном повторении (рефрене): первое двустишие повторяется в конце, а четвертый стих точно воспроизводит первый. В России триолеты писали Ф. Сологуб, К. Фофанов, И. Рукавишников и др. В 1910-е годы Сологуб и Рукавишников выпустил целые сборники триолетов. Северянин в “Теории версификации” приводит как пример “триолетной вариации” стихотворение М. Лохвицкой “Лови крылатые мгновенья...” (1896–1898). Северянин восхищался триолетами Ф. Сологуба (*5, 54–60*) и вспоминал, что Фофанов, мастер триолета, сказал ему летом 1908 г.: «Ты сам воплощенный царевич Триолет, радость моя. ⟨...⟩ Мой “Триолет” бессмертен, – он ожил в твоем...» (Дачница. Стрельна (Пг.), 1912. 22 июня).

С. Рубанович писал под впечатлением вечера поэз Северянина в Политехническом музее 13 января 1915 г.: «...она ⟨толпа⟩ подымает насмех поэта. “Паяц” – кричит толпа. И эту кличку принимает Игорь Северянин, но с такой грустной гордостью, что в его устах она звучит, “как королевский титул”» (*Критика*, 71).

Его палаццо из палацц... – Р.Ф. Брандт заметил, что слово “палаццо” по-итальянски было бы palazzi, но все же согласился, что в “Интродукции” «поэт смело и недурно сказал: “его палаццо из палацц”» (*Критика*, 147).

НЕРОН (с. 78)

Впервые: Весна. СПб.: Изд. Шебуева, 1911, № 28; *Очам твоей души* с датировкой: “1911. Апрель”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1911”.

Варианты первой публикации:

10-я строка: Облик императора сходством с ним самим...

20-я строка: Зная, что душа его дивна, как Парис?

24-я строка: На три мига жуткие, царственный хитон?

Стихотворение посвящено римскому императору Нерону Клавдию Цезарю (37–68). В соответствии с источниками, Северянин рисует Нерона неслыханно-жестоким, но одновременно нежным и тоскующим. В “Нероне” явно отразились яркие впечатления от оперы “Нерон” композитора А. Рубинштейна. В “Оперных заметках” Северянин вспоминал о лучшем исполнителе роли Нерона, Л.М. Клементьеве (1868–1910; театр “Новая опера” А. Церетели): «Многократно слышал его в этой партии, и каждый раз он очаровывал все больше. В особенности бесподобно звучала в его устах фраза: “Преступника ведут, кто этот осужденный...”» (*5, 95*). Фото Л.М. Клементьева в “фьолевом хитоне” Нерона см. в кн.: *Пружанский А.М.* Отечественные певцы. 1750–1917. Словарь: В 2 ч. Ч. I. М.: Сов. композитор, 1991. С. 256).

Поверяя пламенно золотой форминге... – Форминга (от *греч.* phórminx) – арфа (см. *Брандт Р.Ф. – Критика,* 148).

Парис – в греческой мифологии троянский царевич, сын Приама и Гекубы. Знаменит суд Париса в споре трех богинь о красоте: Геры, Афины и Афродиты. Парис отдал первенство Афродите.

СОНЕТ (“Я коронуюсь утром мая...”) (с. 79)

Впервые: Лазоревые дали: Стихотворения. СПб., 1908; без заглавия, с датировкой: “1908. Апрель. 12”. Дата восстановлена в 5-м издании не полностью: “1908”.

В этом стихотворении Северянин говорит о своей коронации Королем поэтов, которая произошла почти через 10 лет, 27 февраля 1918 г.

Придет поэт... – Речь идет о К.М. Фофанове, см. примеч. к “Весеннему дню” в *ГК*.

ИЗ АНРИ ДЕ РЕНЬЕ (с. 80)

Впервые: *Колье принцессы,* с датировкой: “1910. Февраль”. Дата восстановлена во 2-м издании.

Вольный перевод стихотворения “Боги” Анри де Ренье. В том же году Северянин перевел сонет Анри де Ренье “Пленница” (1910, *Электрические стихи*). В “Аполлоне” (1910. № 4). М. Волошин в статье “Анри де Ренье” цитировал свой перевод стихотворения “Боги” (“Снилось мне, что боги говорили со мною...”).

ПОЭЗА О СОЛНЦЕ, В ДУШЕ ВОСХОДЯЩЕМ (с. 81)

Впервые: Нижегородец. 1912. 21 нояб. Датировано во 2-м издании: “1912. Май”.

Критик С. Рубанович выделил эту поэзу, приведя ее полностью для подтверждения своей мысли: “Он 〈Северянин〉 – солнце того мира, в котором он живет 〈...〉 Так вот к чему приводит эмоционализм как мироощущение! Человек становится центром всего мира, но весь мир зато из большого мира, вселенной, космоса, превращается в мир малый, ограниченный нашими пятью чувствами” (*Критика,* 70).

ГРЁЗОВОЕ ЦАРСТВО (с. 82)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910. Осень; с датировкой: “1910. Июль”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Среди выражений, “прямо оскорбительных для каждого, обладающего вкусом читателя”, встречающихся почти на каждой странице *ГК, ЗЛ* и *АШ*, В. Брюсов приводил строки из “Грёзового царства”: “Постиг бессмертия *процесс*” (*Критика,* 20). Р.Ф. Брандт заметил, что “кое-где наш поэзник ⟨Северянин⟩ выразился туманно и помимо словарных новшеств” и один из примеров нашел в “Грёзовом царстве”: “принцессы в Игорев призрачный терем” вошли, как Ромул и как Рем” (*Критика*, 148).

ТРИНАДЦАТАЯ (с. 82)

Впервые: *Электрические стихи,* с датировкой: “1910. Сентябрь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1910”.

Тринадцатая. – Образ идеальной возлюбленной. Так впоследствии Северянин называл свою возлюбленную – актрису Марию Васильевну Домбровскую (в замужестве – Волнянская) (1895–?). Поэт посвятил ей ряд стихотворений: “18 февраля 1915 г.” (1916), “О, горе сердцу” (1916) – сб. “Миррэлия” (1922), “Музе музык” (1918) – сб. “Вервэна” (1920) и др., а также *ГК* – восьмое–десятое издание (1915–1918) и сб. “Тост безответный” (1916).

Северянин познакомился с Марией Домбровской 18 февраля 1915 г. во время гастролей в Харькове. Поэт называл ее Балькис Савская в честь героини романа Мирры Лохвицкой “На пути к Востоку” (1897), который считал шедевром. Домбровская была гражданской женой поэта и под именем Балькис Савская, которое взяла своим сценическим псевдонимом, выступала с ним на его вечерах. В 1918 г. Домбровская вместе с Северяниным уехала в Тойлу. В 1921 г. они расстались.

В письме к А.Д. Барановой от 13 октября 1921 г. Северянин признавался: “Я благодарен Балькис за все ее положительные качества, но одно уже отрицательное – *осуждение поэта* – изничтожило все хорошее” (*5, 217–218*). После разрыва с Северяниным, который 21 декабря 1921 г. женился на Ф.М. Круут, М.В. Домбровская, по одним сведениям, вернулась в СССР, по другим – осталась в Ревеле и выступала в кабаре.

К. Чуковский, напоминая о “придворном гареме” Северянина в “родной Арлекинии”, писал: “И странно: тебе это шло, тебе это было к лицу, как будто ты и вправду инкóгнито – принц и все женщины – твои одалиски ⟨...⟩ – Я каждую женщину хочу опринцесить! – таков был твой гордый девиз” (*Чуковский К.* Футуристы. С. 203).

Лариса Рейснер писала о посвящении восьмого издания “Громокипящего кубка” Тринадцатой, которого не побоялся “утонченный гурман” Игорь Северянин: «Никто не увидел пошлости в этом посвящении, не нашел ее в фиалково-лимонном гареме, который Северянин окружил свою Тринадцатую. Тем охотнее нашли скабрезность в задыхающихся стихах Маяковского. Его печальные многоточия, в которых больше ярости, чем желания, просмаковали вполне. Никто не захотел увидеть главного, чего нет и не было у Северянина, несмотря на эго-экстазы, груди-дюшесы и захмелевшие цветы: Любви.

А между тем, где ее больше, громадной, нежной, чем в книге, которая называется “Маяковский”» (*Храповицкий Л.* Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому // Рудин. Пг., 1916. № 7. С. 8).

ПРОГУЛКА КОРОЛЯ (с. 84)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: "1911. Март". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью "1911".

В изданиях 6-я строка содержит искажение: "Веселеет полдневный лесок"; в 10-м издании – без разделения на строфы.

Посвящение – сведений о П.Я. Морозове не обнаружено.

Масканьи (Mascagni) Пьетро (1863–1945) – итальянский композитор, для которого характерны аффектация человеческих эмоций и драматических ситуаций, экспрессивная мелодика и др. Мировую известность ему принесла опера "Сельская честь" (1890), которая наряду с оперой Леонкавалло "Паяцы" положила начало новому направлению – оперному веризму.

Аксельбанты (*нем.* перевязь) – наплечные шнуры с металлическими наконечниками на мундирах некоторых военных чинов в дореволюционной России и в многих зарубежных странах.

Pliant (*фр.*) – раскладной стул.

...Сивилла/Из Тома запела попурри... – О французском композиторе А. Тома см. примеч. к стих. "Шампанский полонез" в *ГК*.

ПРИЗРАК (с. 85)

Впервые: *Колье принцессы,* с датировкой: "1909. Декабрь". Дата восстановлена во 2-м издании.

МИСС ЛИЛЬ (с. 86)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: "1911". Дата восстановлена во 2-м издании.

Мисс Лиль. – Обращено к сестре Златы (Е.М. Гутцан) – Лизе, которую Северянин в "Падучей стремнине" называет "Мисс Лиль".

В числе лучших стихотворений Северянина назвал "Мисс Лиль" критик Вл. Кранихфельд (Современный мир. СПб., 1913. № 4. С. 110). В. Ходасевич в обзоре "Русская поэзия" (Альциона. Кн. 1. М., 1914) писал: «Для души, "обожженной восторгом глотка", святеет весь мир. Вот стихи, посвященные некоей "Мисс Лиль" ⟨далее стих. приводится полностью⟩. Эти слова – прекраснейшее оправдание всей поэзии Игоря Северянина. Ими он связывает себя с величайшими заветами русской литературы, являясь в ней не отщепенцем, а лишь новатором».

У Брюсова, напротив, слова из "Мисс Лиль": "ты еще пикантнее" – вызвали вопрос: "...имеем ли мы дело с сатирой или подлинный идеал поэта – пикантность?" (*Критика*, 18).

КОКТЕБЕЛЬ (с. 86)

Впервые: За струнной изгородью лиры: Стихи. СПб., 1909; с датировкой: "1909. Апрель". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1909".

Среди "счастливых" выражений *ГК* Брюсов назвал слова из первой строки этого стихотворения: "ночи в сомбреро синих" (*Критика*, 14).

Коктебель – курортный поселок в Крыму, который воспел М. Волошин.

АЛТАЙСКИЙ ГИМН (с. 87)

Впервые: *Электрические стихи*, под заглавием "Алтайский Коктебель", с датировкой: "1910. Ноябрь" и вариантами строфики. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1910".

АГАСФЕРУ МОРЕЙ (с. 87)

Беловой автограф с датировкой: "1912. Апрель". Впервые: Нижегородец. 1912. 23 авг. (5 сент.), с датировкой: "1912". Дата белового автографа восстановлена во 2-м издании. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. "Элегантные модели" (1912).

В. Гиппиус в рецензии на *ГК* писал, что Северянину пока остается от скуки, не зная, куда девать себя, отдавать "наглые приказания" шоферам (имеется в виду стих. "Фиолетовый транс") и слагать демонические приветствия "агасферам морей", и цитировал последнее стихотворение с купюрами (*Критика*, 97–98).

Агасфер ("вечный жид") – персонаж христианской легенды позднего средневековья. Агасфер отказал Иисусу Христу в кратком отдыхе и за это был обречен безостановочно скитаться. Известны поэма В. Жуковского "Агасфер, вечный жид" и авантюрный роман французского писателя Эжена Сю "Вечный жид" (1844).

"Скиталец-Моряк", *"Голландец-Летун"* – см. примеч. к стих. "Когда придет корабль".

НА ЛЕТУНЕ (с. 88)

Беловой автограф (ОР РГБ) с вариантами пунктуации, с датировкой: "1912. II, 17". Впервые: *Качалка грёзэрки,* с датировкой: "1912. Февраль". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1912".

В 10-м издании в составе Собрания поэз возникло искажение в 3-й строке: "Бежит, сестры спасая детство" вместо "Бежит, сестры спасая девство".

История посвящения Валерию Брюсову рассказана Северяниным в очерке "Встречи с Брюсовым" (1927). «Вскоре ⟨речь идет о 1911 г.⟩ я получил от него первое послание в стихах, начинавшееся так: "Строя струны лиры клирной, братьев ты собрал на брань". В этих стихах он намекал на провозглашенный мною в ту пору Эго-футуризм. Я ответил ему стихами, начинавшимися: "Король на плахе. Королевство – уже республика". "Под королем я подразумевал только что скончавшегося" – 17 мая 1911 г. – К.М. Фофанова» (*5, 29*).

ГАЗЭЛЛА (с. 89)

Беловой автограф (ОР РГБ). Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: "Веймарн. 1912. Август".

Вариант белового автографа:

6-я строка: Ударь! Но нет: его с тоской сжимаешь ты.

А. Амфитеатров назвал "Газэллу" в числе стихов, которые ему очень понравились, и писал, что все это "подкупает простотою и нежностью, показывает в авторе способ-

ность к изяществу стиха и рифмы, большую гибкость, яркую звучностью...". Вместе с тем этот критик услышал во всех без исключения стихах Северянина "талантливый перепев" образцов от Лермонтова до Бальмонта (*Критика*, 100–101).

РОНДЕЛИ ("О Мирре грезит Вандэлин...") (с. 89)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с датировкой: "1911. Март" вместе с "Ронделем" ("Нарцисс Сарона – Соломон...") под общим заглавием "Рондели". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "1911".

О заглавии см. примеч. к стих. "Рондели" ("Нарцисс Сарона – Соломон..."). См. также "Рондели о ронделях" *ЗЛ*, "Весенние рондели" (*VR*) и др.

О Мирре грезит Вандэлин... – Мирра – М. Лохвицкая, см. о ней примеч. к "Письму из усадьбы". Вандэлин – главное действующее лицо драматической поэмы Мирры Лохвицкой "Вандэлин. (Весенняя сказка)" (1899). Златокудрый красавец, кроткий рыцарь, он оказывается бесплотным голубым видением. "Вандэлин" был поставлен на сцене (см. рекламу петербургского театра "Сказка" на Галерной, 33 (Биржевые ведомости. 1910. 1 янв. Утр. вып.)). Северянин не раз упоминает "Вандэлина" М. Лохвицкой, напр. в "Поэзе о веранде" (Менэстрель. Берлин, 1921): «Мне навевает настроенье – / Цитировать из "Вандэлина")».

ВРУБЕЛЮ (с. 89)

Впервые: *Колье принцессы* с подзаголовком "1-го апреля 1910 г." и датировкой: "1910. Апрель". Дата восстановлена во 2-м издании.

Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – художник, которого особенно любил Северянин (см. "Автобиографическую справку" – *Критика*, 5). В его петербургской квартире висела репродукция картины Врубеля "Муза".

Стихотворение написано после похорон художника, которые состоялись 3 апреля 1910 г. на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге, и посвящено памяти великого русского художника (умер 1 апреля 1910; см. некролог ⟨б/п⟩ и очерк А. Измайлова, а также заметку о похоронах в "Биржевых ведомостях". 1910. 4 апр.).

Северянин, который присутствовал на похоронах Врубеля, был под впечатлением речи А. Блока, особенно слов о гении, понимающем слова ветра. В "Падучей стремнине" (ч. II) есть такие строки:

Ах, незабвенны Александра Блока
Слова над свежей Врубеля могилой:
"Лишь истый гений может в шуме ветра
Расслышать фразу, полную значенья".

(*3, 228*)

Слова из речи Блока на похоронах Врубеля поэт перефразировал в дарственной надписи Блоку на своей брошюре "Ручьи в лилиях" (см. Дополнения).

И.В. Игнатьев сравнивал облик Северянина с Врубелем: «И я боюсь, что нашего нервного, даровитого, спазматичного "Веласкеза-Васнецова от Лирики" постигнет участь Врубеля, ибо весьма много общего с последним есть в характере, жизни и творчестве творца "Электрических стихов"...» (Нижегородец. 1911. 1 дек.).

Один из критиков, В. Шмидт, писал в 1913 г. о стихотворении "Врубелю": "Когда нужно, он ⟨Северянин⟩ умеет нежно приспустить свою звонкость, заставить свой стих

звучать тихой жалобой, наподобие струн, прижатых сурдинкой» ⟨далее цит. четыре первые строки стих.⟩ (*Критика*, 80).

...Так безнадежно очарованный ~ лейтмотив больной симфонии... – Речь идет о душевной болезни Врубеля, о которой говорил Блок на похоронах Врубеля. Вскоре после смерти художника о его болезни и последних годах жизни писал и психиатр Ф.А. Усольцев (Русское слово. 1910. 3 апр.), Е.И. Ге (*Ге Е.И.* О болезни Врубеля. Последние годы М.А. Врубеля // Искусство и печатное дело. ⟨Киев⟩, 1910. № 8–9. С. 331; № 10. С. 415–418) и др.

ДЕМОН (с. 90)

Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: “1911. Ноябрь”.

Посвящение. – Княжна Ар. Шахназарова (Аруся Мелик-Шахназарова) – малоизвестная поэтесса, печаталась вместе с Северяниным в газете “Дачница” в 1911 г., альманахе “Очарованный странник” и др.

Стихотворение навеяно поэзией Лермонтова, его поэмой “Демон” (1841). В “Росе оранжевого часа” поэт признавался: “На графе Алексее / Толстом и Лермонтове вырос я” (*3, 194*). Об отношении Северянина к Лермонтову см. также “На смерть Лермонтова” (1908; Дополнения).

НА СМЕРТЬ ФОФАНОВА (с. 91)

Впервые: Оранжевая урна: Альманах памяти К.М. Фофанова. СПб.: Петербургский глашатай, 1912; с датировкой: «1911. Преображенье. ст. Елизаветино, село “Дылицы”». Дата восстановлена во 2-м издании: “Дылицы. 1911. Август”.

Вариант первой публикации:

4-я строка: Постигнете ли вы, прозаики-злодеи

Эпиграф – строка из поэмы К.М. Фофанова “Поэзия-Бог” (впервые опубл. в Юбилейном сборнике литературного фонда (1859–1909). 1910. С. 241), которая полемически обращена к заключительной строке поэмы В. Жуковского “Камоэнс” (1839): “Поэзия есть Бог в святых мечтах земли”, высеченной в 1887 г. на постаменте памятника Жуковскому, работы скульптора В.П. Крейтона (1832–1896) в Петербурге.

Северянин мог также вспомнить слова из посвящения в прозе, сделанного ему Фофановым в 1908 г., когда поэт гостил у него на мызе Ивановка под Гатчиной: “...все говорит мне: в Тебе – Бог!” (*5, 8*). Ср. также “Искусство с нами, – и Бог за нас!..” (“Когда ночами...” в *ЗЛ*).

Написано спустя почти 3 месяца после смерти К.М. Фофанова, который умер 17 мая 1911 г. (о смерти поэта см. в очерке Северянина “Из воспоминаний о К.М. Фофанове”, написанном в декабре 1923 г. в Эстонии).

Опубликовано в альманахе, посвященном памяти Фофанова, где критик и поэт Борис Богомолов писал: «Это северные цветы на гробницу “короля поэзии”, принесенные кудесниками слова». Северянина Богомолов назвал “аристократом мысли” ⟨использована реминисценция из северянинской “Секстины”, 1910⟩ в своем “скалистом ледяном королевстве слова...”: “Он, безумно рыдавший у гроба Фофанова, бросил сбредшемуся туда ничтожеству огненное слово...» ⟨далее цит. вторая строфа стих.⟩.

В числе лучших стихотворений Северянина назвал “На смерть Фофанова” критик Вл. Кранихфельд (Современный мир. СПб., 1913. № 4. С. 110). «Там, где Северянин от-

носится к "толпе" иронически, – пишет В. Брюсов, – прощаешь ему даже наивную самовлюбленность, и есть своя сила и своя правда в таких выражениях, как "приличные мерзавцы"» (*Критика*, 16).

Постигнете ли вы, "прозаики-злодеи" ∼ *венец терновый, / Как лавр, овил его чело!..* – Парафраз строк М.Ю. Лермонтова "Смерть поэта" (1837).

НАД ГРОБОМ ФОФАНОВА (с. 92)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с вариантами пунктуации, с датировкой: "1911. Май" и примечанием: "Читано автором на похоронах К.М. Фофанова – 20 мая 1911 г. на кладбище Новодевичьего Воскресенского монастыря". Дата восстановлена во 2-м издании.

К.М. Фофанов похоронен 20 мая 1911 г. на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге (см. некролог ⟨б/п⟩ и очерк А. Измайлова "Памяти К.М. Фофанова", а также заметку о смерти и похоронах поэта в газ. "Биржевые ведомости". 1911. 18 мая. Утр. вып.; Там же. 1911. 20 мая. Веч. вып.).

А. Измайлов, часто встречавшийся с Северяниным в те печальные дни, вспоминал спустя почти три года: "Огромный и прекрасный талант, Фофанов был щедр на признание дарований в начинающих. ⟨...⟩ Было видно, что Фофанов полюбил этого юношу. ⟨...⟩ Игорь Северянин платил ему явным обожанием, и я мог видеть, что смерть Фофанова потрясла его. Когда К.М. хоронили, И.С. вышел к могиле и прочел простые и трогательные стихи" ⟨далее стих. приводится полностью⟩ (*Критика*, 50).

Северянин принимал самое непосредственное участие в организации похорон Фофанова, который незадолго до смерти сказал ему: "Помни, радость моя, когда я умру, обязательно настаивай на Новодевичьем!" (*5, 13*). Северянину удалось выхлопотать у редактора-издателя газеты "Санкт-Петербургские ведомости" деньги на похороны. Вместе с сыном умершего поэта, К. Олимповым, он выбрал для Фофанова место рядом с могилой Врубеля.

"Двадцатого мая, – вспоминал Северянин, – состоялись похороны. ⟨...⟩ Публики было немного: человек триста. Литературный мир по-прежнему блистал своим отсутствием... Перечислю присутствовавших: Леонид Афанасьев, Аполлон Коринфский, М.О. Меньшиков, Владимир Лебедев, И. Ясинский, А. Измайлов, д-р Студенцов, полковник И.А. Дашкевич и ... публика.

Мы читали стихи, возмущались равнодушием людским и разошлись по домам. У нас состоялись поминки.

Так был похоронен выдающийся русский поэт, временами достигавший гениальности!" (*5, 13*; см. также примеч. к стих. "На смерть Фофанова").

ЛЮБОВЬ И СЛАВА (с. 92)

Впервые в *ГК*. Датировано во 2-м издании: "1912".

ГЕРОИЗА (с. 93)

Беловой автограф, с датировкой: "1911. Декабрь". Впервые: Нижегородец. 1912. 24 авг. (6 сент.). Дата белового автографа восстановлена во 2-м издании. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. "Элегантные модели" (1912).

Вариант белового автографа:

25-я строка: А солнце в пламенном бесстрастии.

Вариант первой публикации:

15-я строка: Взревел над миром, и... я, странный.

Гелиос, Гелий – в греческой мифологии бог Солнца, сын Титанов, древнейшее доолимпийское божество, своей стихийной силой дарующее жизнь и наказывающее слепотой преступников. Гелиос изображается в ослепительном свете и сиянии, с горящими красными глазами, в золотом шлеме и на золотой колеснице.

РЯДОВЫЕ ЛЮДИ (с. 94)

Впервые: *Ручьи в лилиях,* с подзаголовком «Из цикла "Эго-Футуризм"», с датировкой: "1911. Апрель". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1911".

Первое упоминание термина "Эго-футуризм".

С. Блох и В. Ройтман сравнивают стих. "Рядовые люди" со стих. К. Бальмонта "Человечки" (1904) ("Я, гений Игорь-Северянин": Альманах: В 2 кн. Нью-Йорк: Гилея, 1997. Кн. 2. С. 505).

МОИ ПОХОРОНЫ (с. 94)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910. Осень; с датировкой: "1910. Сентябрь". Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: "1910".

«Конечно, затруднительно найти рифму на "фарфоровый", – заметил один из критиков сразу после первой публикации стихотворения, – но тревожить по этому поводу тень Суворова, значит обнаружить недюжинную изобретательность. Avis молодым поэтам! Отныне нет более "оскудения рифмы"» (Новое время. 1910. 1(14) нояб.). Лариса Рейснер спустя пять с половиной лет увидела в мечтах Северянина "о хрустальном гробе, о сказочных похоронах своей души" исполненное желание: «Его сердце уже показывают за деньги, и не слишком дорого заплачено за публичное поругание. На помпезных поэзо-концертах подают "мороженое из сирени", "шампанское в лилии". Все стыдливые и тайные слова поэзии "распивочно и на вынос", со скидкой для учащихся, с бесконечными бисами "очам души твоей", "болезнь" и "страх", "плач совести" и "хохот лиры" – все, все распродается!» (*Храповицкий Л.* Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому // Рудин. Пг., 1916. № 7. С. 7).

Меня положат в гроб фарфоровый... – В мировой литературной традиции тема стеклянного (хрустального) гроба связана с бессмертием и восходит к сказке бр. Гримм "Schneewittchen" (обычно переводится "Белоснежка"), в которой мертвую девушку кладут в стеклянный гроб. Королевский сын находит гроб и помогает девушке пробудиться. Источником северянинского образа служит "Сказка о мертвой царевне и семи богатырях" А.С. Пушкина (1833), которая восходит к сказке бр. Гримм (см.: *Азадовский М.К.* Источники сказок Пушкина // Временник пушкинской комиссии. М., 1936. С. 144–149), а также стих. М. Лохвицкой "Спящая" (1902–1904):

Я сплю, я сплю – не умерла –
В гробу из чистого стекла,
В венках из белых, белых роз,
Под шепот кленов и берез.

(*Лохвицкая*, 5, 21)

Северянина волновала тема бессмертия. Ср.: "Я, интуит с душой мимозовой. / Постиг бессмертия процесс..." (см. "Грёзовое царство" в *ГК*).

И похоронят (*...как Суворова...*)... – Суворов умер 17 мая 1800 г. Его похороны носили истинно народный характер. В этот же день спустя 111 лет – 17 мая 1911 г. – умер любимый поэт Северянина К.М. Фофанов, которого он называл "королем поэтов". Как следует из содержания стихотворения, Северянин считал, что он тоже умрет в мае ("положат... под ткань снежинок яблоновых", т.е. когда цветут яблони). Суворов похоронен в Александро-Невской лавре. На простой плите – надпись: "Здесь лежит Суворов". Северянин надеялся, что тоже заслужит право называться просто поэтом. Спустя несколько лет после смерти Суворова в Санкт-Петербурге был установлен памятник работы скульптора М.И. Козловского, где полководец изображен в виде бога войны Марса. В одной из эпиграмм (ноябрь 1910 г.) Северянин писал:

Среди поэтов я – Суворов:
Веду их рати на Парнас,
А если критик туп, как боров,
Его поджарю в добрый час!

("Настройка лиры". РГАЛИ)

Полонез Филины – ария из оперы А. Тома "Миньон", о композиторе см. примеч. к стих. "Шампанский полонез".

СЕКСТИНА ("Я заклеймен, как некогда Бодлэр...") (с. 95)

Впервые: Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910. Осень; с подзаголовком "Увертюра", с датировкой: "1910. Май". Дата восстановлена во 2-м издании: "1910. Весна".

В первой публикации слова "воздушна", "воздушно" и "не воздушно" в первой, третьей и четвертой строфах, а также слово "Шантеклер" в шестой строфе выделены курсивом.

К моменту написания стихотворения имя Северянина стало скандально известным на всю страну. Поводом к брани критиков послужил отзыв Л.Н. Толстого о брошюре "Интуитивные краски" (12 янв. 1910), которую в Ясную Поляну привез писатель И.В. Наживин (см. очерк И. Наживина: В Ясной Поляне (12–13 января 1910) // Утро России. 1910. 27 янв.).

Одновременно с отзывом Толстого о стихах тогда мало кому известного поэта в тех же газетах была опубликована сенсационная информация о первом представлении пьесы французского драматурга Э. Ростана "Chantecler" в парижском театре Порт-Сен-Мартен. В московской газете "Утро России" заметка о первом представлении пьесы Ростана была напечатана рядом с отзывом Толстого о "модных стихах о пробке" (Утро России. 1910. 27 янв.); см. также: Современное слово. СПб., 1910. 29 янв., где опубл. фельетон о брошюрах Северянина: "Игорь Северянин. Стихи... Стихотворения... Немного стихов..." СПб., 1908, 1909... – "Это – не поэт, а какой-то поэтической пулемет усовершенствованной конструкции..." – и информация: «На первом представлении "Chantecler'а" с рисунком The Graphie, изображающим госпожу Симон в роли фазаньей самки».

Сатирическая пьеса Ростана, в которой на материале животного эпоса изображалось человечество, современное общество и искусство, стала популярна в России. В переводе Т. Щепкиной-Куперник она шла на сцене многих театров и варьете России (см. отрывки из пьесы, включая "Оду Солнцу", опубл. в газ. "Современное слово". СПб., 1910. 31 янв.), а также в многочисленных переделках. Содержание пьесы и ее персонажи обыгрывались на страницах газет (в фельетонах, пародиях, карикатурах): маленький фельетон "Птичий двор. (Из грёз драматурга)" – о незадачливом драматурге (Петербургская газета. 1910. 31 янв.; подпись: Омега); К. Фофанов – маленький фельетон

"Шантеклер (Солнцепевец)" (Биржевые ведомости. 1910. 8 апр. Веч. вып.); стихотворный фельетон "Шантеклер. На мотив петербургской жизни" – "российский карнавал" с карикатурами на видных общественных деятелей (Петербургская газета. 1910. 27 февр.); "В ожидании кометы Галея Бал-маскарад в Мариинском театре. Пародия на день свадьбы Шантеклера" (Петербургская газета. 1910. 28 февр.) и мн. др.

Пародии и фельетоны на пьесу Э. Ростана "Шантеклер" регулярно появлялись в прессе одновременно с пародиями и фельетонами на стихи Игоря Северянина, который сравнивает общественную травлю себя как поэта с "одной из позорнейших и нелепейших страниц в истории Франции" – судебным процессом против Бодлэра: "Я заклеймен, как некогда Бодлэр". «Согласно эмоциональному высказыванию Якубовича-Мельшина, "Цветы Зла" ⟨Бодлера⟩ были динамитной бомбой, упавшей в буржуазное общество Второй империи» (подробнее см.: *Балашов Н.И.* Легенда и правда о Бодлере // Бодлер Ш. Цветы Зла / Изд. подг. Н.И. Балашов и И.С. Поступальский. М., 1970. С. 267. Лит. памятники).

Бодлер Шарль (1821–1867) – французский поэт. В автобиографической справке Северянин назвал Бодлера среди любимых поэтов. "Памяти Шарля Бодлера" Северянин посвятил сборник стихов "Предгрозье", который был подготовлен к 90-летию со дня рождения поэта. С именем Бодлера связан ряд стихотворений Северянина: "Под Шарля Бодлэра. Отрезвление", "Под Шарля Бодлэра. Музыка", "Под Шарля Бодлэра. Больная муза", написанных в 1909 г. – *ПА*, "Бодлэр" (1926; Медальоны), перевод "Креолка (из Ш. Бодлэра)" – *ЗЛ* и др. См. также примеч. к "Элегии небытия" в *КР*.

Секстина – см. примеч. к "Секстине" ("Предчувствие – томительней кометы..." в *ГК*).

О, критика – проспавший Шантеклер ~ ведь солнце не послушно. – Северянин сравнивает критику с главным персонажем пьесы Ростана, который возомнил, что солнце восходит только потому, что он возвещает своим криком его восход.

Цветами зла увенчанный Бодлэр... – Обыграно заглавие книги Бодлера "Цветы Зла" (1857).

...*Сам – лилия* – Лилия считается "непорочным" цветком, таким же "непорочным" поэтом Северянин считал Бодлера.

Éclair (*фр.*) – молния. Северянин играет словами, сопоставляя молнию и название пирожного – "эклер": «В моих очах *éclair*, а не "эклер"!» Скорее всего такая ассоциация могла возникнуть у Северянина при чтении одной из заметок о пьесе Ростана "Шантеклер" в петербургской газете "Голос Правды" (1910. 8 янв.), так как в этом же номере газеты был впервые опубликован его "Сонет" ("Ее любовь проснулась в девять лет...). Заметка называлась "Весь птичий двор". В ней дан перевод заглавия пьесы, которая возбудила бесчисленные толки, – "Петух", излагается ее содержание и упоминаются парижские издания "L'Eclair" и "Paris Journal", где были напечатаны выдержки из пьесы.

Ср.: Маяковский говорил, что любит молнию в небе, а Давид Бурлюк – в утюге.

IV. ЭГО-ФУТУРИЗМ

ПРОЛОГ (с. 96)

Впервые: «Пролог "Эго-футуризм"», с датировкой: Часть I – «"Дылицы". 1911. Лето»; Часть II – «1909. Июнь, ст. Пудость. Мыза "Ивановка". 1909. Июнь». Дата восстановлена во 2-м издании: «Мыза "Ивановка". 1909. Июнь», Часть III – "Петроград. 1909.

Октябрь". Дата восстановлена во 2-м издании: "Петербург. 1909. Октябрь" – и уточнена начиная с 8-го: "Петроград. 1909. Октябрь"; Часть IV – «"Дылицы" 1911. Июль, ст. Елизаветино». Дата восстановлена во 2-м издании: "Дылицы. 1911. Лето".

Эпиграф – из стихотворения М. Лохвицкой "Вы ликуете шумной толпой..." (1900 – 1902). И. Игнатьев так откомментировал смысл эпиграфа: «Не любить Игоря Северянина со всеми его достоинствами и недостатками интеллигент, аристократ духа, не может. Ибо он, подобно автору "Эго-футуризма", "идет к снегам недоступных вершин", в то время как человекоподобные "идут обычной тропой", (Нижегородец 1911. 17 нояб.).

На необычное обозначение дат, подобное тому, которое встречается в первой публикации (Часть II), обратил внимание Б. Пастернак в письме своей двоюродной сестре О.М. Фрейденберг от 25 июля 1924 г. из дачного места под Ленинградом – Тайцы: "Помнишь, тринадцать лет тому назад возвращались мы из Меррекюля. Помнишь, как звучали названья станций – Вруда, Пудость, Тикопись? Мы их потом никогда не вспоминали. Они попадались впоследствии в датировках Северянинских стихов. А ты мне тогда о нем рассказывала, на извозчике кажется, по дороге с вокзала. Помнишь? Помнишь все?" (*Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 5. Письма. С. 142). Ср. также стих. Северянина "Я – композитор" (Ст. Вруда, поезд, 1912).

Стихотворение было прочитано в Обществе свободной эстетики 20 декабря 1912 г. В анонимной заметке об этом выступлении выделены слова Северянина о современной культуре: «Современность ему противна: "Гнила культура, как рокфор". Поэтому от лица "эго-футуристов" он заявляет, что "потрясающих утопий мы ждем, как розовых слонов"» (Голос Москвы. 1912. 21 дек.).

Стихи отмечены особым вниманием критики, но оценивались крайне неоднозначно. В одной из первых положительных рецензий на сборник «Пролог "Эго-футуризм"» И. Игнатьев заявил: «Я лично постоянно читаю "ажурные" (по меткому выражению Северянина) поэзы. Отдыхаю в них душой (Нижегородец. 1911. 17 нояб.). Напротив, Вл. Крымов в фельетоне «Курьезы "новой" литературы» назвал «бессмысленную маленькую брошюрку "Эго-футуризм"» "какой-то идиотской шуткой или произведением страдающего манией величия" (Новое время. 1912. 31 марта (13 апр.)).

В. Шмидт заметил, что надо всей "досадной нескладицей и разлепицей" поэзии Северянина, "как над мутным половодьем, над распутицей и бездорожьем пахучих мартовских полей, веет дух весны, – над ней веет свежий дух поэзии, юный дух нарождающегося поэта.

Какие шири! дали! виды!
Какая радость! воздух! свет!.."

(*Критика,* 80)

«Сам о себе, – писал В. Гиппиус, – молодой поэт думает, с одной стороны, очень высокомерно, с другой – очень скромно. С одной – он называет себя "гением Игорем Северяниным" – "северным бардом", открывающим новые пути и, конечно, не признанным людьми посредственными, его не понимающими, с другой – он думает, что он только один из многих, предвещающих грядущего и близкого великого поэта, который "всех муз былого в одалисок, – в своих любовниц претворит и, опьянен своим гаремом, сойдет с бездушного ума". Это и есть исповедание самого Игоря Северянина, – он ставит себе в заслугу, что он не признает "бездушных книг", "несносной поступи бездушных мыслей", "рассудочного льда", "рассчета лабораторий". Он "спрятал в грудь солнце", он "парит в лазоревом просторе со свитой солнечных лучей"...» (*Критика*, 88–89).

Критик газеты “Камско-Волжская речь” заметил, что связь Северянина с футуризмом чисто внешняя, и оценил большинство поэз *ГК* как чистую, глубокую лирику: “...поэт все время остается верным лучшим заветам Тютчева и Пушкина, с которыми он так хотел бы бороться” (Камско-Волжская речь, 1914. 30 марта).

Прах Мирры Лохвицкой осклепен / Крест изменен на мавзолей... – М. Лохвицкая похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Весной пел хрипло Фофанов больной ~ принцесса мая... – Фофанов умер от воспаления легких 17 мая 1911 г. (см. о нем примеч. к “Весеннему дню” в *ГК*); “принцесса мая” – Мирра Лохвицкая (см. примеч. к “Письму из усадьбы” в *ГК*).

Для нас Державиным стал Пушкин... – Ср. у А.С. Пушкина: “Старик Державин нас заметил...”. Программный характер этих строк стал предметом обсуждения критиков. «И кто же, – писал Д. Бурлюк, – как не учуявший себя новым, кто же, как не истый будетлянин мог напевно крикнуть. “Для нас Державиным стал Пушкин”...» (Голос Родины. Владивосток. 1920. 26 сент.).

Брюсов назвал это заявление “дерзостным, но не лишенным внешней соблазнительности” и заметил, что оно “не помешало поэту в том же стихотворении почти *слово в слово* повторить стих Пушкина: “в пустыне чахлой и пустой” (*Критика*, 24).

...И ассонансы, точно сабли, / Рубнули рифму сгоряча! – Ассонанс (*фр.* assonance) – неточная рифма, в которой совпадает ударный гласный и не совпадают согласные.

...Гнила культура, как рокфор... – Это сравнение навеяно незабываемым “эпизодом о рокфоре”, который Северянин изложил в очерке “Салон Сологуба” (1927): “Дарья Михайловна Озаровская и я с ужасом смотрели на этот сыр, готовый, казалось, уползти с тарелки”, и попробовав, долго еще не мог в себя прийти от “опыта” (*5, 45*).

Трирема – древнеримское судно с тремя рядами весел, гребцами на котором были обычно рабы из пленных.

...И льется он волною плавной / В пустыне, чахлой и пустой. – Парафраз строк Пушкина “Анчар” (1828) – “В пустыне чахлой и скупой”. Северянин признавался: “Пушкин / Мой дух всегда заботливо яснил” (*3, 201*).

Тиара – головной убор папы римского, символ высшей духовной власти.

...Мои ажурные стихи! – Определение Северяниным собственного стиха явно соотносится с определением “арабесок твоих кружевных” из стих. М. Лохвицкой “Эти рифмы – твои иль ничьи...” (1896–1898), обращенного к К. Бальмонту.

ПОЭЗА ВНЕ АБОНЕМЕНТА (с. 99)

Впервые: *Качалка грёзэрки,* с датировкой: “1912. Январь”. Дата восстановлена в 8-м издании не полностью: “1912”.

Северянин читал стихотворение в Обществе свободной эстетики 20 декабря 1912 г. (Голос Москвы. 1912. 21 дек.). Позже, в очерке “Встречи с Брюсовым” (1927), поэт вспоминал эпизод, имевший место на ужине, устроенном в этот же день дирекцией Общества: “Помню еще ⟨...⟩ разговор Брюсова с Венгеровым по поводу Надсона, двадцатипятилетие со дня смерти которого исполнялось вскоре. В.Я. нападал на Надсона, обвиняя его в том, что его бездарность и безвкусие развратили целое поколение молодых стихотворцев.

– Это не заслуга перед родной литературой, а преступление, – горячо доказывал он Венгерову, яростно защищавшему Надсона. Я был согласен с Брюсовым” (*Тост безответный,* 459–460).

Обвиняя Северянина в “холодном мещанском распутстве”, А. Амфитеатров ссы-

лался на строки о Надсоне: «Зачем же 〈…〉 обижаться, что в нашей стране четверть века “центрит” (вероятно, стоит в центре общественного внимания) Надсон, а г. Игорь Северянин чувствует себя в “стороне”? Может ли быть иначе?

Надсон – поэт небольшой величины, и это неверно, что он “центрит” четверть века. Он никогда не был ни дирижером, ни первою скрипкою русского поэтического оркестра, никогда не приобретал значения “властителя дум”. Но он – поэт, которого общество любило и уважало, любит и уважает, когда-нибудь, может быть, перестанет любить, но уважать никогда не перестанет… Потому что как ты его ни поверни, весь он – “рыцарь духа” 〈…〉 Ну... и... можете ли вообразить Надсона говорящим любимой женщине:

– Ты набухла ребенком?

Можете ли вообразить Надсона расписывающимся в одинаковой симпатии к рейхстагу и Бастилии, к ястребу и голубке?..

Можете ли вообразить Надсона, для которого железнодорожное крушение – только предлог “среди прелестнейших долин сыграть любви пантомин”? 〈…〉

Увы! – не только “центрить”, но даже просто иметь какое-либо значение в культуре своей эпохи с таким арсеналом нельзя» (*Критика,* 112–113).

И. Игнатьев в рецензии на “Качалку грёзэрки” выделил это стихотворение: “Северянин мобилизует своими аккордами мировые недвижности. И прав он, говоря, что он крылат” (*Критика*, 46).

…Четверть века центрит Надсон… – В 1912 г. исполнялось 25 лет со дня смерти Семена Яковлевича Надсона (1862–1887). Об отношении Северянина к Надсону см. в очерках “Цветы неувядные” и “Встречи с Брюсовым”, а также в стихотворении “Надсон”:

Любовью к ближнему щедро оделен,
Застенчивый, больной, несчастный лично,
Без голоса он вздумал петь публично,
Хвалой толпы бесслухой окрылен.
. . . .
И умер Надсон, сам того не зная,
Что за алмазы приняла родная
Страна его изделья из стекла…

(1926)

В мае 1912 г. в связи с 50-летием со дня рождения и 25-летием со дня смерти Надсона московским Обществом деятелей периодической печати и литературы был объявлен конкурс имени С.Я. Надсона (Русские ведомости. М., 1912. 5 мая). На этот конкурс отправил свои стихи С.А. Есенин (*Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) М., 1995–2001. Т. 6. 1999. С. 22, 272).

…я и Мирра в стороне… – По поводу этой строки Амфитеатров, считавший Мирру Лохвицкую поэтессой, иногда возвышавшейся (в лирике) почти до гениальности, писал: “Соединение это кажется мне немножко слишком храбрым и преждевременным. 〈…〉 Мирра Лохвицкая – уже явление демоническое, а г. Северянин – *еще* явление обывательское” (*Критика*, 102–103).

Не знают, как звусложьем: Мельшин / Скомпрометирован Бодлэр… – Мельшин – псевдоним Петра Филипповича Якубовича (1860–1911), критика (Якубович-Мельшин), поэта, переводившего французских поэтов Бодлера и Сюлли-Прюдома (см.: *П.Я.* [*Якубович-Мельшин*]. Стихотворения Т. II. 3-е изд., доп. СПб.: Русское богатство, 1906;

Бодлер Ш. Цветы Зла. СПб.: Общественная польза, 1909; подробнее в упомянутой выше книге: *Бодлер Ш*. Цветы Зла (1970)).

Отрицательное отношение Северянина к П.Ф. Якубовичу связано прежде всего с тем, что этот поэт считал себя продолжателем традиции Надсона и писал о нем в антологии русской поэзии: "Самый талантливый и популярный из русских поэтов, явившихся после смерти Некрасова..." (Русская муза: Собр. лучших, оригинальных и переводных, стих. русских поэтов XIX в." СПб., 1904. С. 327).

Современники сравнивали Якубовича-поэта с Надсоном. В некрологе говорилось: "Вернее смотрели те, кто ставил его рядом с Надсоном. 〈...〉 Подобно Надсону П.Я. был вдохновителем всего поколения 70-х годов" (Раннее утро. М., 1911. 19 марта; б/п.).

...декадентом назван Врубель... – Северянин повторил эти строки, критикуя воспоминания Г.В. Иванова о том, что на стене в комнате поэта висела "какая-то декадентская картинка", которая была на самом деле «не более, не менее как репродукция "Музы"... Врубеля!» «Приходится, видимо, мне повторить – который раз?! – мои строки из "Громокипящего кубка":

...декадентом назван Врубель
За то, что гений не в былом!»

(5, 74)

См. также примеч. к стих. "Врубель".

Л.О. Пастернак вспоминал: «В "декадентстве" Врубеля неоднократно обвинял В.В. Стасов. Так, в статье о выставке русских и финляндских художников, устроенной Дягилевым в 1898 г., он, говоря о картинах Врубеля, Лансере, Якунчиковой, Ф. Боткина, которые его абсолютно не удовлетворяли и, по его словам, являли собой "оргию беспутства и безумия", назвал их "декадентскими нелепостями и безобразиями"» (*Пастернак Л.О.* Записи разных лет. М., 1975. С. 51; Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 1. М., 1982. С. 296 – см. "Я, гений Игорь-Северянин. Альманах: В 2 кн. Нью-Йорк: Гилея, 1997. Кн. 2. С. 506).

ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭЗА (с. 100)

Впервые: *Очам твоей души,* с эпиграфом: «Я одинок в своей задаче. Игорь-Северянин. (Пролог "Эго-Футуризм")», с датировкой: "1912. Март". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью: "1912".

Творческая история стихотворения связана с сотрудничеством в журнале "Петербургский глашатай" в 1912 г. «Как-то, – вспоминал Игорь Северянин, – издатель "Петербургского глашатая" И.В. Игнатьев, приступая к набору альманаха "Орлы над пропастью", попросил меня написать Брюсову и предложить ему сотрудничество. Я исполнил просьбу Игнатьева, незамедлительно получив "Сонет-акростих Игорю-Северянину": "И ты стремишься ввысь, где солнце вечно"» (*5, 30*).

Б. Погорелова в очерке "Валерий Брюсов и его окружение" писала: «Запомнилось посещение Игоря Северянина. Высокий, дородный, несмотря на молодость, он держал голову с подчеркнутой самоуверенностью и произносил свои "поэзы" певучим, громким голосом. Выступил он с поэтическим комплиментом по адресу хозяина:

Вокруг талантливые трусы
И обнаглевшая бездарь!..

(Заслышав эту оценку, сидевшие у стола съежились и стали исподлобья смотреть на поэта.)

И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь…

Но и "равный государь" был явно смущен» (Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 38).

Иванов-Разумник заметил о кратких и метких 5-й и 6-й строках стихотворения: «Но сам Игорь Северянин – не трус и не "бездарность". Он смел до саморекламы, и он, несомненно, талантлив. Эта излишняя развязность и смелость, вероятно, скоро пройдут; недаром он заявил уже где-то "письмом в редакцию", что вышел из кружка "эго-футуристов". Но талантливость при нем была и осталась; и эта подлинная талантливость заставляет принять этого поэта и говорить о нем серьезно и со вниманием» (*Критика*, 75).

К. Чуковскому особенно понравилось "прехлесткое слово бездарь. Оно такое бьющее, звучит как затрещина и куда энергичнее вялого речения без-дарность ⟨…⟩ Право, нужно было вдохновение, чтобы создать это слово: оно сразу окрылило всю строфу. Оно не склеенное, не мертворожденное: оно все насыщено эмоцией, в нем бьется живая кровь. И даже странно, что мы могли без него обойтись" (*Чуковский К.* Футуристы. С. 217).

…в краю олонца… – бывшая Олонецкая губерния, край, с детства знакомый Северянину. Немаловажно и то, что предки К.М. Фофанова, с которым дружил поэт, происходили из государственных крестьян Олонецкой губернии.

ПОЭЗА О КАРАМЗИНЕ (с. 100)

Впервые: *Очам твоей души,* с датировкой: "1912. Февраль". Дата восстановлена во 2-м издании не полностью. "1912".

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – писатель, автор "Истории государства российского" (опубл. в 1816–1829), отдаленное родство с которым было предметом особой гордости Северянина. Давид Бурлюк писал даже о внешнем сходстве Северянина с Карамзиным, замеченном им при первой встрече с поэтом: «Запрятавшись за красный тяжелый штоф завес, еще теплятся свечи, и при их бледных всплесках пред мной высокомерное, взнесенное к потолку лицо мучнистого цвета, со слегка одутловатыми щеками и носом.

Смотришь, нет ли на нем камзола.

Перед тобой Екатерининский вельможа, Северянин сам чувствовал в себе эти даже наружные черты восемнадцатого века, недаром он несколько раз вспоминает о родстве с Карамзиным. Не беспочвенно это стремление выразить эти чувства в утонченных "галлицизмах". И только такой поэт мог возникнуть в Петербурге» (Голос России. Владивосток, 1920. 26 сент.).

В "Росе оранжевого часа" Северянин упоминает среди людей, бывавших в доме его родителей, сына Карамзина.

В. Баян вспоминал столкновение Северянина и Маяковского: «Как известно, Северянин гордился прадедом Карамзиным и даже посвятил ему стихотворение, в котором есть строки ⟨цит. вторая, заключительная, строфа⟩. Однажды Игорь машинально замурлыкал эти строки. Маяковский тут же перефразировал их и в тон Северянину басово

процедил более прозаический вариант:

И вовсе жребий мой не горек!
Я верю, доблестный мой дед,
Что я в поэзии – асторик,
Как ты в “Астории” – поэт.

Этот намек на “гастрономическую” поэзию Северянина и на частое посещение поэтом ресторана новой гостиницы “Астория” в Петербурге покоробил Игоря, он нахмурил брови, вытянул лицо и “с достоинством” обратился к Маяковскому:

– Владимир Владимирович, нельзя ли пореже пародировать мои стихи?

Маяковский, широко улыбаясь, не без издевательства сказал:

– Игорь, детка, что же тут обидного? Вы посмотрите, какая красота! Ну например…

И тут же сымпровизировал какую-то новую ядовитую пародию на стихи Северянина. Игорю ничего не оставалось, как примириться с этим “неизбежным злом” и в дальнейшем встречать подобные пародии улыбками» (*Баян В*. Маяковский в Первой олимпиаде футуристов / Публ. А. Зименкова, А. Сердитовой // Арион. 1997. № 1).

В. Гиппиус назвал родословную Северянина, “очень поучительную вообще”, лестной и нелестной в отношении неологизмов: «неологизмы древнего сентименталиста не отличались особенной выдумкой, но зато они стремились к русификации противного словаря – еще елисаветинского происхождения щеголей, французивших в русской речи самым безвкусным образом. Каприз “потомка Карамзина” выражается, к сожалению, в стремлении французить там, где давно уже привыкли говорить по-русски, а иногда и в смешении французского с нижегородским. Новые же его слова с русскими корнями составлены по двум-трем шаблонам, заранее взятым, поэтому пестрят однообразно и надуманно» (*Критика*, 89).

А. Амфитеатров оценил “Поэзу о Карамзине” в общем контексте поэзии Северянина, назвав ее “талантливым перепевом слышанного-читанного”: «Демон подражательности, владеющий г. Игорем Северяниным, лишил его оригинальности даже в родословной. Ибо кому же неизвестно, что на святой Руси уже полвека лиет (или, если г. Игорю Северянину больше нравится, лье) чернила другой знаменитый писатель, который, можно сказать, уши прожужжал своему отечеству вот этим же самым хвастовством, что он – “внук Карамзина”… И писатель этот – князь Владимир Петрович Мещерский!.. 〈…〉 Внукам-то хорошо хвастать, а вот каково деду!» (*Критика*, 101, 103).

ЭПИЛОГ (с. 101)

Впервые: Эпилог “Эго-футуризма”. Столица на Неве, 1912; с датировкой: “24-го Октября, 1912 г. Полдень”. Дата воспроизведена во 2-м издании не полностью: “1912. Октябрь”.

Вариант первой публикации:

11 строка: Я зрил в Олимпове Иуду…

Этим посланием Северянин подводил итог своего участия в группе эгофутуристов. Но, организационно отойдя от нее, поэт не изменил своих взглядов на “Я в будущем” и не отказался от совместных публикаций и выступлений.

Стихотворение в целом и особенно его первая строка “Я, гений, Игорь-Северянин…” вызвала бурную реакцию критики. А. Амфитеатров в статье “Человек, которого жаль” счел, что оно написано “на-смех”: “Разве может человек, хоть сколько-нибудь

талантливый и способный хоть к некоторому самосознанию, серьезно писать о себе" ⟨далее цит. первое четверостишие стих.⟩ (*Критика*, 110).

В ответ на выпад Амфитеатрова критик газеты "Голос Москвы" (1914. 17 апр.) восхищался: «Игорь Северянин проделал свой дебют не только с апломбом, но и с размахом подлинной силы, с темпераментом: "Я, гений Игорь Северянин..." ⟨цит. восемь строк "Эпилога"⟩. Это было великолепно. На смарку четверть века декадентских ухищрений, на слом Эйфелеву башню "нового искусства", курам на смех трудолюбивое донкихотство:

Я, – год назад, – сказал: "я буду!"
Год отсверкал, и вот – я есть.

Гордое заявление, но близкое к правде. Литература действительно спасовала перед натиском буйного юнца, и в его самохвальстве отчетливо слышится сознание превосходства, уверенность сильнейшего...» (*Критика*, 122).

З. Гиппиус сочла, что первой строфой и, особенно, первой строчкой "Эпилога" Северянин не преминул вынести на свет Божий и определить так наивно-точно, что лучше и выдумать нельзя, «центральное брюсовское, страсть, душу его сжегшую. ⟨...⟩ Брюсовское "воздыхание" всей жизни преломилось в игоревское "достижение". Нужды нет, что один только сам Игорь и убежден, что "достиг". Для "упоенного своей победой" нет разницы, победой воображаемой или действительной он упоен» (*Гиппиус З.* Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. с. 54).

Виктор Ховин, который выступал с докладами на поэзоконцертах Северянина, заметил: «"Я одинок в своей задаче", – пишет Игорь Северянин, – и это не только выражение личного настроения поэта, а действительно верность художественной совести, не искушенной доктринерством, вера в благословенную, божественную интуицию» (*Ховин В.* Медь гремящая и кимвал звучащий // Очарованный Странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. Вып. третий. СПб., 1914. С. 11).

Предпоследняя строфа "Эпилога" вызвала возражение Р.Ф. Брандта: «Вообще у нашего поэта народности мало, даже в поэзах по замыслу народных. Кажется, можно решительно утверждать, что ему не удалось исполнить того, что он сулил нам в конце "Громокипящего кубка": "Не ученик и не учитель, / Великих друг, ничтожных брат, / Иду туда, где вдохновитель / Моих исканий – говор хат"» (*Критика*, 144).

...Я повсеградно оэкранен! Я повсесердно утвержден! – К тому времени многочисленные рецензии на стихи поэта публиковались не только в столичной прессе, но и в Киеве, Одессе, Хабаровске, Ялте, Воронеже, Самаре, Чернигове, Майкопе и многих других городах России.

От Баязета к Порт-Артуру... – Северянин провел границу своей славы от южных до восточных границ России (Баязет – город в Турции, на границе с Россией, а Порт-Артур – бывшая русская крепость в Китае, на берегу Желтого моря).

Я, – год назад, – сказал: "я буду!" / Год отсверкал, и вот – я есть! – Манифест "Вселенского Эгофутуризма" был выпущен в конце 1911 г. Уже в Альманахе "Стеклянные цепи" (1912) сказано: "Только из стихов Северянина и Леонида Афанасьева, которые больше не сотрудничают". Одновременно с выходом из альманаха Северянин напечатал в "Гиперборее" и "Биржевых ведомостях" письмо о выходе из кружка "Эго".

Нас стало четверо... – Под Скрижалями подписались Северянин, К. Олимпов, Г. Иванов и Грааль-Арельский.

...Бежали двое в тлень болот... – Г. Иванов и Грааль-Арельский перешли к акмеистам.

Не ученик и не учитель... – Перекличка с обращенным к Северянину стих. В. Брюсова "Юных лириков учитель..." (1911).

АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ

Первое издание: *Северянин И.* Ананасы в шампанском. Поэзы. М.: Наши дни, 1915, тираж 2400 экз. Вышло в свет 28 января.

За 1915–1918 гг. сборник выдержал пять изданий.

2-е изд. М.: Наши дни, 1915. Вышло 16 марта. 2060 экз.

В составе "Собрания поэз" Северянина:

3-е изд. М.: Изд-во В.В. Пашуканиса, 1916. Вышло 31 января. 3500 экз.

4-е изд. М.: Изд-во В.В. Пашуканиса. Вышло 17 сентября. 5000 экз.

5-е изд. Пб.: Земля, 1918.

Общий тираж – 12960 экз.

В составе каждого издания "Собрания поэз" вышло 500 нумерованных экземпляров на александрийской бумаге в переплетах из парчи синего и темно-красного тона. Роскошное издание № 125 (1916) с портретом автора хранится в Музее книги РГБ. Бумага для него изготовлена по специальному заказу писчебумажным фабрично-торговым Товариществом М.Г. Кувшинова.

В 1991 г. в издательстве "Книга" издан репринт, который воспроизводит тексты первого издания, оглавление и библиографию второго издания.

Издания *АШ* отличались по составу.

В первое издание вошло 94 стихотворения 1903–1914 гг. Из них 44 были опубликованы в книге впервые: Увертюра, В коляске Эсклармонды, Барбарисовая поэза, На островах, Поэза о тысяча первом знакомстве, В осенокошенном июле, Родник, К черте черта, Поэза спичечного коробка, Электрассонанс, В гостинице, Кузина Лида, Никчемная, Жуткая поэза, Рондо оранжевого заката, Когда ночело, Тень апельсинной ветки, Шантажистка, Шансонетка горничной, На голос весенней новеллы, Эскизетка, Эго-рондола, Промельк I, Пятицвет II, В ресторане, Отчаяние, Поэза о "Mignon", Блаженный Гриша, Предостерегающая поэза, Она критикует..., Букет забвенья, Berceuse томления, Один бы лепесток!.., Чьи грёзы?.., Насмешка короля, Ответ Л. Афанасьеву на его послание, Перекат II, Все то же, Проба пера, Цветы и ядоцветы, Промельк II, Миррэты, Лепестки оживают...

Имеется два раздела под названием "Розирис" и «Незабудки на канавках. Стихи "давно минувших лет"». В первый раздел вошли "нео-поэзные мотивы". Во второй раздел, который, в соответствии с заглавием и датировкой большинства стихотворений, расценивался критиками как составленный из ранних произведений, включены стихи, объединенные темой воспоминаний, "давно минувших лет", которая в подзаголовке заключена в кавычки.

Третье издание значительно дополнено стихами 1903–1913 гг., ранее нигде не опубликованными. Эти стихи Северянин включил во второй раздел и соответственно изменил подзаголовок к разделу: «Стихи "давно минувших лет", двадцатью четырьмя поэзами дополненные». На самом деле третье издание дополнено 23 поэзами, ранее нигде не напечатанными. При подсчете количества стихов автором была допущена неточность: одно из них – "Серенада. Хоровод рифм" – было посчитано дважды – и заглавие, и подзаголовок: Мечты о Фофанове, Стансы. Осенняя царица, Ее сестра, Миньонет, Импровиза, Эксцентричка, Тёзки, Открытка Валерию Брюсову, Бежать в льяносы!, Кадрильон, Знаком ли ты? Из Кармен Сильва, Ее вниманье..., Мадригал, Лесной набросок, Укор, Под шум Victoria Bau. Квантунская элегия; Плыву рекой..., На миг..., Вешний звон, Серенада. Хоровод рифм; Шутка. Фофанову.

В ОР РГБ имеются материалы к этому изданию: стихотворения, которыми Северянин дополнил второй раздел (автограф, списки рукой неуст. лица, машинопись) и неполная верстка с исправлением опечаток.

Известно несколько экземпляров книг с дарственными надписями автора. На первом издании *АШ* сразу после выхода книги сделаны две надписи Ф.К. Сологубу и его жене, А.Н. Чеботаревской:

"Дорогому Федору Сологубу – всегда Его Игорь. Петроград, 3 февраля 1915 г." "Милой Анастасии Николаевне Чеботаревской с искренней приязнью автор. Петроград, 1915" (оба изд. – Библиотека ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)).

Одно из изданий книги "Ананасы в шампанском" (1915) Северянин подарил своим двоюродным сестрам – Елизавете Михайловне Лотарёвой-Якульской и Лидии Михайловне Лотарёвой – с дарственной надписью: "Лиле и Лиде, милым московским кузинам, любящий их автор. Петроград, 1915" (собрание внучатой племянницы Северянина, М.Г. Рогозиной. Москва). На втором издании: "Марии Моравской от Semper idem'a. 18.V.1915" (собрание М. Лесмана. Музей Анны Ахматовой. СПб.).

Критик С. Рубанович в лекции о творчестве Северянина на поэзоконцерте в Политехническом музее (Москва), где поэт читал стихи, вошедшие в сборник *АШ* (состоялся 31 янв. 1915), сказал: "Мне кажется несомненным, что повышенная эмоциональность является самым существенным свойством личности И⟨горя⟩ С⟨еверянина⟩ как поэта. Весь мир для него – многотонная гамма ощущений – и ощущений по преимуществу пассивно страдательных, чем, пожалуй, можно объяснить частое сравниванье самим И⟨горем⟩ С⟨еверяниным⟩ своих переживаний с ощущением вкуса – и, о, какое тонкое гурманство проявляет тогда поэт-денди. Недаром названиями фантастических и существующих яств и ликеров пестрят его поэзы... Может быть, самый сок жизни представляется ему как эти колоритные, сладко пьяные и обжигающие напитки, от которых кружится голова и все вещи пускаются в плавный танец. И когда опьяненным взглядом он окидывает картину природы или опьяненным сердцем переживает мгновение любви – его вдруг настигает галантный эксцесс и из глубей приливающий прибой выкидывает нам на берег узорно-ажурную пену – замысловатое кружево его стихов" (*Критика*, 69).

Совсем другие впечатления об этом же вечере сохранились в дневнике театрального критика П.А. Маркова: «Вообще творчество Игоря Северянина упало. Его "Ананасы в шампанском" лучшее тому доказательство. Этот сборник стихов, за исключением немногих, бездарен. Первая его часть лишена остроты и яркости "Громокипящего кубка" и более неудачной "Златолиры", вторая – банальна.

Игорь Северянин пошел по пути "грёзо-фарса", и большинство "поэз", "пропетых" поэтом на этом вечере, относится к этой "гривуазной" области. Эти сюжеты доставляют ему, видимо, большое удовольствие, и поэт не только не скрадывает эти рискованные мысли, но, наоборот, очень их подчеркивает и смакует.

Очарование передачи стихотворений, покорившей в первый его вечер, рассеялось, как дым. Эти напевы, однотонные и однообразные, часто мешающие добраться до смысла туманных "поэз" Северянина, утомляют слушателя.

⟨...⟩ Все "новое" – вымучено и надумано. Поэт теперь пишет не потому, что пишется, а для публики.

И публика благодарна Игорю Северянину. Вчера зал Политехнического музея был совершенно переполнен: "яблоку было негде упасть".

Успех поэт имел громадный. Зала стонала и ревела от восторга, полученного от заунывного чтения "божественного" Игоря» (*Марков П.А.* Книга воспоминаний. М., 1983. С. 530–531).

Третья книга Северянина вызвала в печати более прохладный отклик, чем вторая, "Златолира", и тем более "Громокипящий кубок". Объяснение этому изложено выше в статье "Согреет всех мое бессмертье..." (наст. изд.). Неровность успеха Северянина во многом зависела от того, что после *ГК* поэт помещал в новые сборники более ранние, чем в *ГК*, стихотворения. Вместе с тем Игорь Северянин, вдохновленный успехом *ГК*, в *АШ* усилил элемент смелой (и очень смелой) парадоксальности и ухищрений, делавших книгу более трудной для восприятия читателей. Аналогичным было движение тех же лет у Маяковского, Бурлюка, Кручёных и др.

Но в годы войны и революции стало уже не до ананасов.

«...Во время революции, – вспоминала Б. Погорелова в очерке "Валерий Брюсов и его окружение", – из Ревеля (тогда ставшего столицей Эстонии) от Северянина пришло письмо. В нем поэт просил В.Я. похлопотать о въездной обратной визе в Россию. Сообщал, что ему очень плохо живется, что он грустит и вне России не видит для себя выхода из прямо трагически создавшегося положения.

Брюсов ничего не предпринял... А на недоумевающий вопрос Б. Погореловой ответил уклончиво и двусмысленно: – Он лучше сделает, если постарается уехать в Париж или Нью-Йорк. Какие уж тут у нас "Ананасы в шампанском"» (Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 38).

А. Оршанин в статье "Поэзия шампанского полонеза" писал: «Совершается ужасный уклон от весенней грозы с ее "Громокипящим кубком" в сторону ожемчуживания эксцессов, от молодых раскатов жизни к грёзофарсу с ананасами в шампанском. ⟨...⟩

Поэзия Северянина и есть поэзия шампанского полонеза. Целомудренную лилию своей поэтической мечты он с утонченным сладострастием топит в шампанском вожделении под звуки певучего прелюда. Стоит ему правой рукой заиграть какой-нибудь певучий мечтательный прелюд, левая рука присоединяет неожиданно мотив как-уока, и вся пьеса звучит каким-то прелюдо-как-уоком, невероятным грёзофарсом. И чем дальше поэт уходит от "Громокипящего кубка", тем явственнее слышится как-уок и тем глуше звенит робкий прелюд грозы. ⟨...⟩ Когда я читал стихи Северянина, я вспомнил этюд Дегаза "Женщина за туалетом". Нагая женщина сидит к зрителю спиной. Спина – маловыразительный животный лик человека. Вы всматриваетесь в спину и силитесь создать лицо этой женщины, по линиям спины творите очерк лица. Муза Северянина в большей части его поэз стоит к вам спиной, ибо она – муза "эстета с презрительным лорнетом". Но власть таланта так сильна, что вы предчувствуете обаяние ее лица» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 24).

Уже в августе 1915 г. в журнале "Бюллетени литературы и искусства" (№ 23–24) был напечатан библиографический обзор критики о книге поэз "Ананасы в шампанском". Большинство указанных отликов (в том числе Ал. Тинякова, А. Редько, С. Чагина, А. Полянина, А. Чернова, В. Сахновского и др.) подробно цитировались. Критики упрекали Северянина за то, что он включил в книгу в основном стихи "давно минувших лет", и за славословие пошлости (*Тиняков А.* День. 1915. 26 февр.).

За эстетической индивидуализм его называли «сокращенным российским издателем английского эстета (Оскара Уайльда). ⟨...⟩ С. может быть привлекателен только там, где – по существу переживаний – не может быть никаких борений и "золы мысли". ⟨...⟩ Но и в сфере чувства этот одаренный словесный мастер на самом деле влечется в примитив...» (*Редько А.Е.* Рус⟨ские⟩ Зап⟨иски⟩. 1915. – 5. "Если среди поэз (первух двух книг С.) попадались образцы, отмеченные печатью истинного авантюризма, то в ныне вышедшем сборнике поэзы только экстравагантничают" (*А. Полянин* Сев⟨ерные⟩ Зап⟨иски⟩. 1915. – 2). "...Даже в сфере версификации, где он явил себя в двух первых книгах маэстро par exellence, теперь он значительно уступил назад и изменил своей прежней

певучести" (*Журин Ал.* Но⟨вая⟩ ж⟨изнь⟩. 1915. – 2). "С⟨еверянин⟩. – гениальный метрд'отель русской поэзии. Его жеманная и нарумяненная муза всегда пьяна от ликеров, салатов и ароматов кушаний" (*Пессимист.* Голос Москвы. 1915. № 85). "...К сожалению искренний голос поэта заглушается в новой книге крикливостью и нередко паясничеством" (*Богомолов С.* Утро. 1915. № 2593).

Подводя итоги обсуждения книги в печати, С. Бобров писал: «Третья книга И.С. вызывает еще меньше восторгов, чем "Златолира"; – "Шампанское И.С. отзывает фальсификатом весьма дурной марки" (К⟨амско⟩-Волж⟨ская⟩ р⟨ечь⟩); в Ялте еще боятся "декадентов" и причисляют И.С. к ним; "Черниговское Слово" (28–IV–15) говорит: "И.С. собрал в своих книгах все, что свидетельствует о дурном вкусе" – всем ведь известна великая эстетность г. Чернигова, второго по этой части вслед за Нью-Йорком; «все новые стихи И.С. слабее стихов "Громокипящего кубка"», – говорит "Новая Жизнь" (III–15). – "Ананасы в денатурате!" – кричит "Голос Москвы" (14–IV–15); "Ананасы в ханже!" поправляет более осведомленный "Голос Жизни". "Апухтин № 2!" – заявляет "Утро России" (1–III–15); "кафешантанные будни", – вопит г. Кранихфельд ("Совр. Сл." 1–I–15). – "И.С. принадлежит к числу наиболее ярких бесполезностей", – финиширует почтенный проф. Н.Ф. Сумцов ("Южн. Кр." 28–V–15)» (*Критика,* 37).

I. РОЗИРИС

УВЕРТЮРА ("Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!..") (с. 105)

Впервые в *АШ*.

Б. Погорелова вспоминала, как в одну из брюсовских "сред" после чтения Северяниным "Прощальной поэзы" В. Брюсов «принялся рассуждать о том, что северянинское словообразование "грёзофарс" ("Я поэзию ⟨в тексте – трагедию⟩ превращу в грёзофарс") совершенно чуждо духу русского языка: ГРЁЗА-де слово русское, а ФАРС – французское. Северянин насупился и молчал. Когда же разговор перешел на чисто теоретические темы, он стал прощаться» (Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 38).

Позже В. Брюсов писал: «...В январе 1915 г. в Петрограде Игорь Северянин пишет "увертюру" к своему III сборнику, где угрожает: "Я трагедию жизни превращу в грёзофарс" (III, 7). Сказано ли это иронически или в самом деле поэт мечтает сделать из жизни фарс, хотя бы и "грёзо"?» (*Критика*, 18). П. Драверт высмеял эту строчку: «Не опечатка ли в последнем слове? "Грязный фарс" был бы уместнее» (Камско-Волжская речь. 1915. 15 марта).

Стихотворение (как и название книги "Ананасы в шампанском") приобрело широкую известность и стало своего рода визитной карточкой поэта. Еще до выхода *АШ*, К. Чуковский, как бы предвосхищая "Увертюру", писал о Северянине: "...богатый музыкально-лирический дар. У него словно не сердце, а флейта, словно не кровь, а шампанское! Сколько бы ему ни было лет, ему вечно будет восемнадцать" (*Чуковский К.* Футуристы с. 205).

Г.В. Иванов вспоминал, что на "поэзо-праздниках" в редакции "Петербургского глашатая" в меню ужина "фигурировали ананасы в шампанском, Крем де Виолетт и филе молодых соловьев" (*Иванов Г.В.* Петербургские зимы // Стихотворения: Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 295–296).

Увертюра вызвала интерес критиков и пародистов. Путь Северянина после *ГК* и *ЗЛ* называли путем "грёзо-фарса" (*Марков П.А.* Книга воспоминаний. М., 1983. С. 530). «Он "подает" свои поэзы блистательно, – писал критик газеты "Голос Москвы". – В "шикарной" сервировке стиля "модерн". Под музыку грациозных, томных, искрящихся, своевольных ритмов. 〈...〉

И если Андрей Белый по широте своей натуры «запускал в небеса "ананасом", то Игорь Северянин предпочитает просто "запустить" его в шампанское» (*Пессимист.* Ананасы в денатурате // Голос Москвы. 1915. 14 апр.).

Наибольшее внимание привлекла первая строка "Увертюры", давшая заглавие всей книге. «Главное, чем он "лучится", – писал А.Е. Редько, – это чисто желудочные переживания. Даже всю третью книгу свою он назвал: "Ананасы в шампанском". Теми же словами начинается первая "поэза"... 〈...〉

"Поэзы" Игоря Северянина нередко какая-то контрафакция из ресторанных меню. То и дело в его стихах встречается: дессертно, мускат-люнельно, английский бисквит, устрицы, ягоды, шницель с анчоусом, артишоки и спаржа, клико и чаек» (*Редько А.Е.* Фазы Игоря Северянина // Журнал журналов. 1915. № 9. С. 18).

Критик А. Оршанин задает вопрос: «Как понять сладострастный садизм, с которым поэт топит лилии в ананасах в шампанском, фиалки в крем-де-мандарине, загрязняет и опошляет "случайные чайные розы" своей поэзии?» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 27).

Нагасаки – город в Японии, в западной части острова Кюсю, был особенно памятен Северянину. В автобиографической поэме "Роса оранжевого часа" (1925) поэт писал о своей поездке на Дальний Восток с отцом:

Я был японкою Кицтаки
Довольно сильно увлечен;
С тех пор мечтать о Нагасаки
Пожизненно я обречен...

(3, 187)

ГРАНДИОЗ (с. 105)

Впервые: Предгрозье. Третья тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910. Осень.

Во 2-м издании с владельческой подписью В. Лукьянова (хранится в РГБ) 4-я строфа стихотворения отчеркнута сбоку и помечена "Хорошо!".

Посвящение. – Грааль-Арельский (наст. имя – Стефан Стефанович Петров, 1888–1938) – поэт, прозаик, близкий кругу Северянина. В 1909–1914 гг. учился на астрономическом отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Начал печататься с 1910 г. В 1911 г. познакомился с Северяниным, в январе 1912 г. вошел в "Академию эгопоэзии", принимал участие в вечерах эгофутуристов. На первую книгу стихов Грааля-Арельского "Голубой ажур" (СПб., 1911) Северянин написал поэтическую рецензию «Граалю-Арельскому. (Рец. на его "Голубой ажур")» – "Поэзоантракт" – Дополнения).

Уже в октябре 1912 г. Грааль-Арельский вместе с Г.В. Ивановым вышел из "Академии Поэзии". Под грифом "Цеха поэтов" появилась вторая книга стихов Грааля-Арельского "Летейский брег" (СПб., 1913), которая включает стихи, навеянные странствиями по России, и стихи о космосе. После революции опубликована поэма "Ветер с моря" (П., 1923), пьеса в стихах "Нимфа-Ата" (П., 1923), книги "Повести о Марсе" (Л.,

1925), “Гражданин Вселенной” (Л., 1925) и др. В 1937 г. поэт был репрессирован, дальнейшая судьба его неизвестна.

Псевдоним поэта носит явно эпатирующий характер: Грааль – чаша, из которой пил Иисус Христос во время Тайной Вечери и в которую Иосиф Аримафейский, по преданию, собрал кровь из ран распятого Христа. Чаша была сделана из чистого изумруда и обладала чудодейственной силой.

В критике было отмечено влияние творчества Северянина на стихи Грааля-Арельского: «Вы хотите знать рифму Арельского? Она недурна. Она под Игоря Северянина (местами). То есть добротна. Однако не самостоятельна. Есть красивые метафоры, обороты, словечки. ⟨...⟩ Хочу, от чистого сердца хочу, душевной теплоты его старательно выточенным из слоновой кости “фрескам Ватто” и своей, Северянинского качества, рифмы, немного более тщательной и... смелой» (*Ивей* ⟨*Игнатьев И.В.*⟩ [Рецензия на кн. Грааля-Арельского “Голубой ажур”] // Нижегородец. 1911. 24 дек.). Северянин посвятил Граалю-Арельскому стих. “В ресторане” в *АШ*.

Стихотворение отмечено критикой, особенно образ “колье сонетов”.

В КОЛЯСКЕ ЭСКЛАРМОНДЫ (с. 106)

Впервые в *АШ*.

Эсклармонда (Эсклармонда Орлеанская) – сценический псевдоним Софьи Сергеевны Шамардиной (1894–1980). Эсклармонда – персонаж одноименной оперы французского композитора Жюля Массне (см. примеч. к стих. “На смерть Массне”; ср. с “блондинкой Эсклармонды” – “Цветок букета дам”; 1911 в *АШ*).

С Шамардиной Северянина познакомил Ф. Сологуб во время гастролей в Минске весной 1913 г. Северянин пообещал ей прислать свою книгу “Громокипящий кубок”. Осенью 1913 г. Шамардина приехала из Минска в Петербург, где поступила на Бестужевские курсы. Северянин выполнил свое обещание и подарил девушке книгу с надписью: “Софье Сергеевне Шамардиной – ласково и грустно автор И. Северянин” (РГАЛИ).

“До встречи с Маяковским, – вспоминала Шамардина, – общество Северянина ⟨...⟩ доставляло мне удовольствие. Девчонке нравилось его влюбленно-робкое отношение. Оно меня не очень волновало, скоро я стала принимать его как должное, тем более что почтительная влюбленность его меня не пугала. Бывало приятно забежать к Северянину, послушать приятные неволнующие стихи, выпить чаю с лимоном и коньяком, поговорить о поэтах” (*Шамардина С.* Футуристическая юность // Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 19).

Шамардина дружила со многими поэтами, художниками, артистами – В.В. Маяковским, К.И. Чуковским, В.В. Хлебниковым, братьями Д.Д. и В.Д. Бурлюками и др. Северянин писал в “Заметках о Маяковском”: «Софья Сергеевна Шамардина (“Сонка”) ⟨...⟩ нравилась и мне и Маяковскому» (*5, 169*). Шамардина (“Сонка с душою взрослого ребенка”) является героиней автобиографического романа Северянина “Колокола собора чувств” (1925), где описано их совместные турне по Югу России и эстрадный, “с помпою шампанской”, успех Сонки. Ей же адресовано стихотворение “Сердцу девьему” (*VR*). Маяковский называл ее “Сонечка-сестра”, о чем упоминается в трагедии “Владимир Маяковский”.

В своих воспоминаниях С.С. Шамардина отметила, что “зимой 1913 года познакомила Маяковского с Северяниным. Маяковский знал, что я встречаюсь с Северяниным, и часто издевался по этому поводу” (Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 144).

Стихотворение написано в Екатеринославе (с 1926 г. – Днепропетровск) во время турне Северянина по Югу России. С. Шамардина вспоминала: «Нашелся какой-то меценат, который устроил поездку Северянина на юг.

Кусок черного шелка, серебряный шнур, черные шелковые туфли-сандалии были куплены в Гостином дворе. Примерка этого одеяния состоялась в присутствии Северянина и Ховина. "Платье" перед концертом из целого куска накалывалось английскими булавками. И сандалии на босу ногу. Северянин очень торопил выезд, чтоб не помешал Маяковский. Помню, были в Екатеринославе, Мелитополе, Одессе. Читала стихи – что откроется по книге. Вообще было смешно, а под конец стало противно. До и после концертов или бродила по улицам (даже верхом ездила), или сидела в номере одна и думала, что же все-таки будет дальше» (*Шамардина С.* Футуристическая юность // Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском. С. 22).

«С 31 янв. 1914 г. екатеринославские газеты "Приднепровский край" и "Вестник Юга" сообщали, что в Екатеринославе с 3 фев⟨раля⟩ состоится поэзоконцерт Сев⟨ерянина⟩, открывающий "европейское турне (Россия, Франция, Италия, Англия)". Кроме Сев⟨ерянина⟩ в концерте "примут лучезарное участие лиропоэт Вадим Баян, первая артистка-футуристка Эсклармонда Орлеанская ⟨...⟩ и критик Виктор Ховин – глава эгофутуристического изд-ва "Очарованный странник" – с докладом "Распад декаданса и возникновение футуризма". Однако после концерта ни одна из газет никак о нем не отозвалась (единственным "откликом" была сатира-пародия на К. Олимпова, помещанная в "Вестнике Юга" через три дня после концерта» (*Поливанов К.М.* Два турне Игоря Северянина зимой 1914 года // *Тезисы*, 40).

С. Рубанович в лекции о творчестве Северянина в Политехническом музее в Москве 31 января 1915 г. говорил: «"Колыбель бесконечности", так в одном стихотворении называет Бодлэр океан. – "Он плещется дессертно, совсем мускат-люнельно", сладко поет в ответ Игорь Северянин. Первый, созерцая океан, отвлекается от того маленького круга, которым, увы – ограничивает нас, наше физическое зрение, – он видит его *весь*, он растворяется в этом созерцании и, по слову Лермонтова, пьеса о Вечности, как Великан ум человека, поражает вдруг. Для Игоря Северянина океан таков, каким он сейчас, мгновенно, преломляется в нем; строго говоря, для Игоря Северянина океан это только, как и вся природа, состояние его души» (*Критика*, 70).

Характеризуя поэзию Северянина как "поэзию шампанского полонеза", А. Оршанин заметил: «Таков островок поэзии Северянина, островок, вокруг которого "плещется дессертно, – совсем мускат-люнельно", – стихия дэндизма, шантеклерства и экстессерства. Вам приятно побродить в этом уголке, полюбоваться его лилиями, послушать янтарные элегии; но скоро вас начинает тянуть на простор. Впечатления в этом уголке чрезвычайно скудны, прозвучавшие мелодии не захватывают вас» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 25).

Процитировав первую и вторую строфы стихотворения "В коляске Эсклармонды", Владислав Ходасевич заметил: «Эти строки характерны для теперешнего Северянина. В них повторяет он – иногда буквально – образы и слова, некогда имевшие успех и вошедшие в моду: "коляска Эсклармонды" – родная сестра знаменитой "каретки куртизанки", самое действие, как и прежде, происходит на курорте. Тут же вспоминаются другие строки из "Кубка":

Элегантная коляска, в электрическом биеньи... ⟨...⟩

И т.д.

"Шинам хрустче", – говорит Северянин, и тотчас же вспоминается "хрупот коляски" всё из того же стихотворения, которое ныне перепевает автор. Тут же, – как пишут в афишах кинематографа, "по желанию публики, еще только один раз", – повторяются знаменитые слова "шаплетка" и "глазы"» (Русские ведомости. 1915. 18 сент.).

БАРБАРИСОВАЯ ПОЭЗА (с. 107)

Впервые в *АШ*.

Заглавие – от упоминаемого в "Барбарисовой поэзе" Crème d'enine vinette (фр.) – барбарисового ликера.

Во время войны на продажу алкоголя существовал запрет. Поэтому критики отнеслись к стихотворению отрицательно. Критик газеты "Голос Москвы" писал, что для Северянина «вся природа не что иное, как – Crème d'enine vinette, который подается в "фарфоровых чашечках" с "английским бисквитом"... Тот Парнас, в котором блещет Игорь Северянин, кажется, единственный ресторан третьего разряда, где еще разрешены крепкие напитки» (Голос Москвы. 1915. 14 апр.).

ЦВЕТОК БУКЕТА ДАМ (с. 107)

Впервые: *Качалка грёзэрки.*

Варианты первой публикации:

1-я строка: В букете дам Амьенского бомонда...

2-я строка: В любовники берет, *господ с трапеций*

8-я строка: И, так сказать, смакует мезальянс…

9-я строка: Условностям всегда бросает: "Shoking!"

Это стихотворение особо отметил И. Игнатьев, обратив внимание читателей, что "бальзаколетняя звезда Амьенского бомонда, рифмующаяся звучнее всех с резедой Bronze-oxidè" ⟨...⟩ "остра, как квинт-эссенца специй" (*Критика*, 45). А. Тиняков в рецензии на *АШ* заметил, что «такого рода "творчеством" уже давно занимаются наши газеты, с "успехом" заменившие чистую русскую речь своеобразным наречием, состоящим из смешения различных языков. ⟨...⟩ Похоже на то, что автор ⟨Игорь Северянин⟩ начитался описаний великосветской жизни, помещенных в "Петроградской газете" – и перекладывает эти описания в стихи. И бесконечно жаль, что свой несомненный поэтический темперамент г. Северянин тратит на подобные вещи» (День. 1915. 26 февр.).

Beau mond'e (*фр.*) – высший свет; см. также стих. "Гюи де Мопассан".

Bronze-oxidè (*фр.*) – цвет бронзы.

Блондинка Эсклармонда – персонаж одноименной оперы французского композитора Жюля Массне (см. примеч. в стих. "На смерть Масснэ" в *ГК* и "Коляска Эсклармонды" в *АШ*).

Mesalliance (*фр.*) – мезальянс, неравный брак.

Shoking (*англ.*) – вызов, ср. шокировать; здесь: "ерунда".

Как устрицу, глотает с аппетитом... – Устрица – любимый деликатес Северянина, упоминается в стихотворениях "В ресторане" в *АШ*, "Поэза о Бельгии" в *VR* и др. В книге "Вервэна" (1920), по мнению одного из ее рецензентов, «наиболее видную роль, роль героини, играет почему-то безответная устрица. ⟨...⟩ Для него ⟨Северянина⟩ "устрицы" и "ликер из вервены" – это идеология» (*Белозерская Л.* Устрицы в стихах // Последние новости. Париж. 1921. 26 марта).

В БЛЕСТКОЙ ТЬМЕ (с. 108)

Впервые: Молоко кобылиц. М.: Гилея, 1914.

В лекции, прочитанной на вечере поэз Северянина 31 января 1915 г., С. Рубанович сказал: «Эксцессерство ⟨...⟩ его кажется подозрительной публике красным плащом то-

реадора, и, боясь стать разъяренным быком, она подымает на смех поэта. "Паяц" – кричит толпа. И эту кличку принимает Игорь Северянин, но с такой грустной гордостью, что в его устах она звучит, "как королевский титул". ⟨...⟩

И под личиной паяца он становится шутом-сатириком, смеющимся над смехом публики, как смеются над человеком, который не замечает, что его держат за нос» ⟨далее цит. 5–8 ст.⟩ (*Критика*, 71).

«В последних книгах поэта, – писал Брюсов, имея в виду и *АШ*, – может быть, удачнее всего те стихи, где воскресает ⟨...⟩ ирония. Так, напр., хотя и с некоторыми оговорками, мы охотно "принимаем" стихи "В блесткой тьме"» (*Критика*, 16). Напомнив «дерзостное, но не лишенное внешней соблазнительности заявление: "Для нас Державиным стал Пушкин"» из "Пролога" в *ГК*, Брюсов заметил: «потом Игорь Северянин простер свою снисходительность к своим "предшественникам" до того, что согласился признать: "за Пушкиным были и Блок, и Бальмонт"» (*Критика*, 24).

С. Блох сравнивает "В блесткой тьме" Северянина и "Нате!" В. Маяковского, опубликованное в сборнике "Рыкающий Парнас" (Пг., 1914. Январь) ("Я, гений Игорь-Северянин..." Альманах: В 2 кн. Нью-Йорк: Гилея, 1997. Кн. 2. С. 464).

В ЛИМУЗИНЕ (с. 108)

Впервые: *Электрические стихи.*

Вариант первой публикации:

12-я строка: "Письмо" Масснэ... Оно не для гитары!..

Написано под впечатлением встреч с Кавальери во время очередных гастролей певицы в Петербурге (см., напр., Петербургская газета. 1910. 8 апр.).

Кавальери Лина (1874–1944) – итальянская певица (сопрано), в начале века не раз с большим успехом гастролировала в Петербурге и других городах России.

В 1912 г. в газете "Нижегородец", где регулярно печатались стихи Северянина, была опубликована реклама о дебюте "известной красавицы" Кавальери в новом загородном ресторане Нижнего Новгорода. Она дает представление о ее популярности у русской публики:

...Не стоят на петлях двери,
На эстрадах *пенье*, звон!!!...
"Краса-диво! КАВАЛЬЕРИ!.."
Шепчут ей со всех сторон.

Ею едешь любоваться –
С собой сердце не бери!!!...
А не то "*с тоской спознаться"!* –
Всем приказ *Кавальери*!!!...

(Нижегородец. 1912. 28 янв.)

Северянин упоминал Лину Кавальери в автобиографическом очерке "Образцовые основы" (1924).

Манон – персонаж одноименной оперы французского композитора Жюля Массне (1884), подробнее о Массне см. примеч. "На смерть Масснэ" в *ГК*.

Mais non! (*фр.*) – Да нет же!

...пустой, как шантеклер... – Здесь употребляется в нарицательном смысле как производное от имени главного персонажа пьесы Э. Ростана "Шантеклер" (см. примеч. к "Секстине" в *ГК*).

НА ОСТРОВАХ (с. 109)

Впервые в *АШ*.

Под тем же заглавием двумя годами раньше написано стихотворение А. Блока “На островах” (1909).

Ландо – машина с открытым верхом.

...Я проезжаю по островам – Имеются в виду Каменный и Елагин острова в Петербурге.

Гривуазно (от *фр.* grivois) – вольно, игриво.

Куртина – цветочная гряда, клумба.

Рокамболь – персонаж популярных в России авантюрных романов “Похождение Рокамболя” французского писателя Понсона дю Террайля (1829–1871).

ВАЛЕНТИНА (с. 110)

Впервые: Рампа и жизнь. М., 1914. № 14, с вариантами пунктуации.

Посвящено истории знакомства с В.И. Гадзевич. В “Записках о Маяковском” Северянин писал: “Валентина Ивановна Гадзевич (поэтесса Валентина Солнцева), служащая Петербургского медицинского института, прислала мне из Тамбова телеграмму, что родители согласны на наш брак. Я был увлечен и готов был “осупружиться”. В.В. ⟨Маяковский⟩ долго тщетно меня отговаривал. Наконец он признался, что девица завлекала и его и даже обнажилась перед ним. Я верил каждому его слову и потому порвал с нею” (*5, 169*).

...на концерте в медицинском институте... – Возможно, имеется в виду вечер в Петербургском женском медицинском институте 2 ноября 1913 г., на котором Северянин выступал вместе с В. Хлебниковым, Н. Бурлюком и В. Гнедовым (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 668).

Выскочив из ландолета, девушками окруженный... – Современники вспоминали, что Северянина привычно было видеть “в окружении многочисленного экскорта девушек и женщин” (*Гзовская О.В.* Пути и перепутья. Портреты. Статьи и воспоминания об О.В. Гзовской. М.: ВТО, 1976. С. 157). Приведенные воспоминания написаны драматической актрисой О.В. Гзовской, которая была тоже неравнодушна к поэту. Беспокоясь, хорошо ли сыграет актриса Изору (“Роза и Крест”), Блок писал матери в 1916 г.: “Гзовская очень хорошо слушает, хочет играть, но она очень любит Игоря Северянина и боится делать себя смуглой, чтобы сохранить дрожание собственных ресниц” (*Блок А.А.* Собр. соч. Т. 8. С. 460).

ТЕБЕ, МОЯ КРАСАВИЦА! (с. 110)

Впервые: *Колье принцессы.*

Во 2-м издании с владельческой подписью В. Лукьянова (хранится в РГБ) отчеркнуты сбоку завершающие семь строк, начиная со слов “О, глазки в слезках-капельках, мои глаза вы помните?”, кроме двух последних, и помечены: “Хорошо!”.

Посвящение. – “Ариаднина мамочка” – так Северянин называл свою родственницу, Александру Алексеевну, жену друга детства Василия, незаконного (впоследствии узаконенного) сына В.В. Салова. Василий был композитором, автором оперы “Шурка” (*3, 398*).

Согласно греческой мифологии, Ариадна – дочь сладострастной критской царицы Пасифаи, родившей от быка чудовище Минотавра, пожиравшее афинских девушек и юношей (напоминание о господстве Крита).

"Тебе, моя красавица!" – одно из стихотворений Северянина, которое послужило для критиков поводом назвать Северянина "дамьим портным" или "тонким ценителем дамских нарядов". «Поэты старой школы, – писал А. Оршанин, – преднамеренно или без злого намерения обходили молчанием очарования женских туалетов или отделывались какими-нибудь общими местами. Только у эго-футуриста хватило смелости приютить в своих поэзах капризных рабынь моды. И в его стихах, словно в журнале мод, запестрели муаровые и незабудковые вуальные платья, лилиебатистовые блузки, "отороченный мехом незабудковый капор", эполеты из "палевых тончайшей вязи кружев", "вуаль светло-зеленая с сиреневыми мушками", лиловые пеньюары, лазоревые тальмы, шоколадные шаплетки и черные фетерки» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 22).

ПОЭЗА О ТЫСЯЧА ПЕРВОМ ЗНАКОМСТВЕ (с. 111)

Впервые в *АШ*.

Заглавие восходит к сборнику сказок "Тысяча и одна ночь", памятнику средневековой арабской литературы.

"Тысяча первым знакомством" Северянин называет знакомство с Валентиной Гадзевич, но не раскрывает ее имени, а лишь намекает на сходство собственных любовных отношений (подробнее см. примеч. к стих. "Валентина") с историей Альфреда и Травиаты. Он сближает имена Валентины и Виолетты (настоящее имя главной героини оперы "Травиата").

Лакей и сен-бернар – ах, оба баритоны! – Восторженная интонация этой строки объясняется сходством голосов лакея и сенбернара с "баритональным голосом" автора, которым восхищались современники (см., напр.: Весна. 1914. № 2. С. 84). Ср. в стих. "Когда ночело" в *АШ*: «И кто-то голосом хозяина / "Тубо!" пробаритонил просто».

Альфред и Травиата – действующие лица оперы итальянского композитора Джузеппе Верди (1813–1901) "Травиата" (1853) о трагической любви отвергнутой обществом женщины по имени Виолетта (Травиата – *um.* падшая, заблудшая), которая жертвует своей любовью, уступая просьбам отца своего возлюбленного, Альфреда, и говорит, что была ему неверна. Когда Альфред узнает о ее жертве и возвращается, уже поздно. Она умирает у него на руках (см. также "Дюма и Верди" в *Соловье*). В.И. Гадзевич подписывалась именем Violette (см. "Невесомая" – *3, 350*).

В ОСЕНОКОШЕННОМ ИЮЛЕ (с. 112)

Впервые в *АШ*.

Во 2-м издании публиковалось с искажением – под заглавием "В осенокошенном поле". Ср. 1-ю строку – "Июль блестяще осенокошен". В Собрании поэз восстановлено верное написание.

На первую строку обратил внимание А. Оршанин и связывал ее со стих. "На островах" (1911) в *АШ*. «Но "вот июль блестяще осенокошен", и уж крик "горлана-петуха" раздается с моторного ландо, бесшумно идущего по "островам" к "зеленому пуанту"» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 23; в тексте "к ночному пуанту").

РОДНИК (с. 112)

Впервые в *АШ*.

Написано летом 1914 г. на мызе “Ивановка”, ст. “Пудость”, близ Гатчины, под Петербургом, где Северянин каждый год с 1906 г. отдыхал (ср. “Восемь лет эту местность я знаю...”), и навеяно природой этого края, в котором поэт видел символ России. Здесь же написаны стихи “Идиллия”, “Всё по-старому...”, “Ее монолог”, “Маргаритки”, “Чайная роза”, “Стансы” (“Ни доброго взгляда, ни нежного слова...”), “Сонет” (“Ее любовь проснулась в девять лет...”), “Поэза вне абонемента” в *ГК* и др. Гатчине посвящено стих. Северянина “Музей моей весны” (1916) в сб. “Миррэлия”. Поэт так описывал мызу “Ивановка”: «Имение кн. Дондуковой-Корсаковой живописно: малахито-прозрачная речка, знаменитая своими форелями; ветхая водяная мельница из дикого камня; кедрово-пихтовый парк с урнами и эстрадами; охотничий дворец Павла I с кариатидами и остатками стильной мебели; грациозно-неуклюжие диваны “Маркиз”, *погасшие* бра и проч. Усадьба находится в четырех верстах от Гатчины. В парке всего 3 дачи, часто пустующие. Я занимал зеленое шалэ на самом берегу Ижорки» (Фофанов на мызе “Ивановка” // Дачница. 1912. № 22 июня). Северянин очень любил это место. В 20-х числах мая 1908 г. в Гатчине у Северянина гостил поэт К.М. Фофанов (*5, 20–22*).

К ЧЕРТЕ ЧЕРТА (с. 113)

Впервые в *АШ*.

Метафора: черты – мгновения жизни – была использована Есениным в стих. “День ушел, убавилась черта...”, написанном в 1916 г. и по мысли близком стих. А.С. Пушкина “Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит…” (1834). Ср.: “И каждый день уносит частичку бытия…”. В 1915 г. Северянин вместе с Есениным сотрудничал в литературно-художественном журнале “Млечный Путь”. “Подбор сотрудников хороший, – писал Есенин в письме к А.В. Ширяевцу от 21 января 1915 г. – Не обойден и Игорь Северянин” (*Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. 9 кн. Т. 6. М., 1999. С. 61). Фамилия Северянина указана на второй странице обложки каждого номера журнала. Его портрет (с подписью «К выходу книги “Ананасы в шампанском”») был помещен на обложке № 2(9) “Млечного Пути” за 1915 г., а на первой его странице – стихотворение поэта “Загадки ужаса”. В этом же журнале опубликовано стихотворение Есенина “Кручина” (“Зашумели над затоном тростники…”)

ПОЭЗА СПИЧЕЧНОГО КОРОБКА (с. 113)

Впервые в *АШ*.

Среди случаев необычного употребления множественного числа вместо единственного, большей частью при значительном количестве предметов или повторяемости явления, Р.Ф. Брандт привел, в частности, слова “лучинок из берез” (*Критика*, 152–153).

РОНДО (“Читать тебе себя в лимонном будуаре…”) (с. 114)

Впервые: Очарованный странник. Альманах. Вып. 4. СПб., 1914, с вариантами пунктуации. Датировано в *АШ*.

Посвящение – Л. Рындиной, ей же посвящена *Качалка грёзэрки* (1911) в *ГК*. В 1914 г. актриса с особенным успехом выступала с чтением стихов Северянина, например на поэзоконцерте Северянина в Политехническом музее в Москве 30 марта 1914 г. В одном из отчетов о вечере, в частности, говорилось: "Л.Д. Рындина, в своеобразной манере чтения, острой, как иглы шампанского, дала ту изысканную и несколько пряную утонченность, которая составляет душу поэзии Северянина" (Рампа и жизнь. 1914. № 14. С. 13; см. также: Московская газета. 1914. 31 марта).

В этом же 1914 г. в издательстве "Гриф", основателем, которого был муж Л.Д. Рындиной, С. Кречетов, вышел юбилейный сборник "Грифа", в котором было опубликовано восемь новых стихотворений Северянина: "Поэза предвесенних трепетов", "Гризель", "Катастрофа", "Балтийское море. (Зинаиде Гиппиус)", "Невыразимая поэза", "Невод грёз", "Майская песенка", "27 августа 1912 года" (Юбилейный альманах "Гриф". 1903–1913. С портретами и факсимиле 29 авторов. СПб., 1914).

АМАЗОНКА (с. 114)

Впервые: *Колье принцессы.*

BERCEUSE (На мотив Мирры Лохвицкой) (с. 115)

Впервые: *Электрические стихи.*

Заглавие указывает на "Колыбельную песню" (1893) М. Лохвицкой. Ср. также ее стих. "Двойная любовь" (1896–1898): "Приблизь свое лицо, склонись ко мне на грудь, / Я жажду утонуть в твоем прозрачном взоре..." (*Лохвицкая*, 2, 54).

С. Рубанович считал, что эмоциональностью художественного темперамента рождены упругие строфы Северянина, "она подсказывает ему его качающиеся, колыбельные размеры, она источник почти песенной певучести его стихов, такой властной и заразительной, что стихи его хочется петь. И.С. и поет свои стихи – и напев их так внятен, что его можно записать нотными знаками" (*Критика*, 67–68).

Другой критик в рецензии на *АШ* высмеял две последние, явно ироничные строки этого стихотворения: "Дай погрузиться в белогрудьи / И упоенно умереть!". Геройская смерть любимца муз на позициях, в год мировой войны" (Голос Москвы. 1915. 4 апр.).

ЭЛЕКТРАССОНАНС (с. 115)

Впервые в *АШ*.

Заглавие стихотворения отражает интерес современников поэта к электричеству, которое рассматривалось как питание (см.: Нижегородец. 1912. 27 нояб. (10 дек.); ср. также "электро-театры" (синематографы), электрическую фотографию и т.д.). Заглавие одной из брошюр Северянина *Электрические стихи* (вышла в 1911 г.) стало темой пародии "Керосино-калильные (я?!?) поэзы", где Северянин назван автором «электрических и пр⟨очих⟩ осветительных материалов, то бишь "стихов"» (Нижегородец. 1911. 10 сент.).

«Что такое "электрассонанс", – заметил Р.Ф. Брандт, – для меня осталось загадочным и после прочтения Игоревского стихотворенья под этим заглавием» (*Критика*, 147).

Позже В. Брюсов сравнил поэтов с “электрическими светами”:

Мы – электрические светы
Над шумной уличной толпой...
....
Мы – современные поэты,
Векам зажженные Судьбой!

(“Электрические светы”. 1913)

Цитируя брюсовские строки, один из критиков писал: “Титаническим электрическим светом горит Игорь Северянин” – и признавал его “бесспорно талантливейшим из молодых современных поэтов” (Весна. 1914. № 1. С. 148, см. также: *Эпатист*. Эпатисты // Весна. 1914. № 2. С. 71–78, а также Дополнения).

В ГОСТИНИЦЕ (с. 115)

Впервые в *АШ*.

Стихотворение написано до 9 января 1914 г. в Симферополе во время первого турне с В. Маяковским, Д. Бурлюком и В. Баяном (В.И. Сидоровым) по Югу России. В Симферополе выступление состоялось 7 января. 9 января – в Севастополе (*Тезисы*, 38–39).

Д. Бурлюк вспоминал, что Северянин писал легко. “При мне им было написано два стихотворения. Одно в номере симферопольской гостиницы довольно никчемное:

В уютном номере провинциальной гостиницы...” ⟨так!⟩
(Голос Родины. Владивосток, 1920. 26 сент.)

Тоскливое настроение, о котором пишет Северянин, связано с осложнением его отношений с С. Шамардиной (артисткой-футуристкой Эсклармондой Орлеанской). «Иногда приходил по своей инициативе “меценат” ⟨Вадим Баян⟩, – вспоминала С. Шамардина. – “Ну хоть пообедаем вместе. Смотрите, что с Игорем Васильевичем. Ведь сорвется концерт”. Вот ведь злая девчонка какая была! Когда Игорь приходил ко мне в номер, я открывала окно, он очень боялся за свое горло и долго не высиживал. Ужасно меня тошнило от страданий Северянина. Кажется, скоро вслед за Северяниным отправился в поездку и Маяковский. Помню тревожное настроение по этому поводу Игоря» (*Шамардина С.* Футуристическая юность // Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 22).

КУЗИНА ЛИДА (с. 116)

Впервые в *АШ*.

Заглавие “Кузина Лида” указывает на конкретный адресат стихотворения, Лидию Михайловну Лотарёву (1889–1977) – двоюродную сестру Северянина.

Рисуя образ больной девушки, Северянин использует символическое значение белой лилии или “мертвой розы” и “папортника в блестках изумрудовых” или “черного папорта”, с которым себя сравнивала поэтесса Черубина де Габриак (см.: *Кушлина О.* Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 200–205; 282–286).

Как сообщила внучатая племянница Северянина, М.Г. Рогозина, которая приходилась внучкой Л.М. Лотарёвой, поэт передал в стихотворении ее внутренний и внешний облик. На самом деле кузина Лида не болела, но была тихой, печальной, медлительной и производила впечатление болезненного человека.

Липковская (по мужу Маршнер) Лидия Яковлевна (1884–1958), русская певица (колоратурное сопрано). В 1921 г. эмигрировала. Талант певицы высоко ценили Н. Римский-Корсаков, А. Глазунов, Э. Направник, Ж. Массне, К. Станиславский, В. Мейерхольд, В. Качалов, А. Луначарский. А. Куприн посвятил ей стих. "Я помню Мариинского театра роскошный зал…", где есть такие строки:

Еще одно мгновение, и звуки
Необычайной сладости текут,
Текут, как солнца золотая радость,
Как песня соловья … И замолчал
Притихший зал, восторгом очарован
И потрясен…

(*Пружанский А.М.* Отечественные певцы:
1750–1917: Словарь: В 2 ч. Ч. 1. 1991. С. 282–284)

Северянин упоминал Липковскую в романе "Падучая стремнина" и очерке "Образцовые основы" – см. также "Лидии Липковской" в *КР*.

НИКЧЕМНАЯ (с. 117)

Впервые в *АШ*.

Написано в феврале 1914 г. в Одессе – последнем пункте турне эгофутуристов по Югу России. Обращено к С. Шамардиной, выступавшей с Северяниным под сценическим псевдонимом Эсклармонда Орлеанская. "После концерта, состоявшегося 7 февраля, "Одесские новости" поместили статью "Настоящие" (8 февр., за подписью "Ал. К-ий"), где Северянин и его спутники противопоставлялись "ненастоящим" футуристам "в пунцовых кофтах с размазанными носами". Эсклармонда Орлеанская произвела впечатление "юной, изящной и довольно трогательно, с какою-то подкупающей нежностью читающей стихи артиста ⟨Северянина⟩".

О самом концерте писалось, что Баяну и Эсклармонде много аплодировали, что Северянин был встречен овациями: "...его знают. Ему громко заказывают его стихи" (см. также: Весна. 1914. № 2. С. 82–84; в составе статьи Пимена Карпова "Поэзоконцерты").

ЖУТКАЯ ПОЭЗА (с. 117)

Впервые в *АШ*.

Во 2-м издании 1-я строка печаталась без обозначения характерного ударения в прилагательном "бóльные" – "О, нестерпимо-бóльные места...", которое Северянин неоднократно использовал в своих стихах; ср. "мой бóльный путь земной" ("Перекат" (1909) в *Очам твоей души.*), "О призраки надежды – странной – и сладостной, и страстно-бóльной..." ("Элементарная соната" в *ГК*) и др.

Написано в феврале 1914 г. в Одессе во время турне футуристов по Югу России.

РОНДО ОРАНЖЕВОГО ЗАКАТА (с. 118)

Впервые в *АШ*.
Заглавие соотносится с заглавием поэмы Северянина “Роса оранжевого часа” (1925).

ЕВГЕНИЯ (с. 118)

Впервые: Весна. СПб.: Изд. Шебуева, 1914. № 3, без разделения на строфы.
Варианты первой публикации:
3-я строка: И в щекочущем чувственном дыме
10-я строка: Кома грязи – разврат и бессилье
Адресовано Е.Т. Гутцан, ей же адресовано стих. “Ты ко мне не вернешься...” в *ГК*.

КОГДА НОЧЕЛО (с. 119)

Впервые в *АШ*.

В заглавии использован неологизм “ночело” (наступала ночь), характерный для Северянина (ср.: “Соны качеля, белесо ночело...” (“Эскизетка” – *АШ*), а также: “утрела”, “заденела комната” – “Намеки жизни”; “утреет” – “Фантазия восхода” – *ГК*). По мнению проф. Р.Ф. Брандта, подобные “новотворки” ведут к “укороченью и к усилению речи” (*Критика*, 140).

Нетрадиционное ударение в слове “оглу́шенный” встречается в народной речи, ср. “оглу́шливый, легко оглушаемый” (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 643).

ПЯТИЦВЕТ I (“Заберусь на рассвете на серебряный кедр...”) (с. 119)

Впервые: *Электрические стихи,* под заглавием “Пятицвет”, с вариантами пунктуации.

Стихотворение состоит из пяти строк и, судя по семантике заглавия, напоминает о “счастливом” пятилепестковом цветке сирени – любимом Игорем Северяниным.

“...Интересны его ⟨Северянина⟩ попытки, – писал В. Брюсов, – использовать вместо рифмы диссонанс – слова, имеющие различные ударные гласные, но одинаковые согласные”. В качестве примера критик привел рифмы из “Пятицвета I” – “кедр–эскадр–бодр–мудр–выдр” (*Критика*, 17).

РЕГИНА (с. 119)

Беловой автограф с датировкой: “1913. Август. Веймарн”. Впервые: Утро России. М., 1914, 6 апр., в день Св. Пасхи, опубликовано в подборке стихотворений под общим заглавием “Поэзы Воскресенья”; среди авторов В. Ходасевич, М. Шагинян, С. Рубанович и др.

ЛИРОБАСНЯ (с. 120)

Беловой автограф с датировкой: “1911”. Впервые: Нижегородец. 1912. 25 авг. (6 сент.). Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. “Элегантные модели” (1912). Дата белового автографа из подготовленного к печати сб. восстановлена в *АШ*.

Вариант белового автографа:

2-я строка: Веселится лесоветр.

Название является примером характерного для Северянина сложного слова, ср. “грёзофарс”, “златолира”, “альпорозы”, “женоклуб” и др.

Андалузия (Андалусия) – область в Южной Испании, большую часть которой составляет Андалусская низменность в бассейне реки Гвадалквивир. Включает восемь провинций: Гранаду, Севилью, Малагу и др., напоминает об известном стих. А.С. Пушкина “Ночной зефир / Струит эфир. / Шумит, / Бежит / Гвадалквивир...”, которое было впервые опубликовано под заглавием “Испанская песня” с музыкой А.Н. Верстовского (1927, неоднократно переиздавалось в песенниках). Известны также романсы А.П. Есаулова, М.И. Глинки, А.С. Даргомыжского, А.С. Лурье.

Пошехонье – город, центр Пошехонского района в Ярославской области России (после 1918 г. – Пошехонье-Володарск) на берегу Рыбинского водохранилища, при впадении рек Согожа, Сога и Пертомка, напоминает о сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина “Пошехонская старина” (1887–1889).

НА ПРЕМЬЕРЕ (с. 121)

Впервые: Нижегородец. 1912. 16(19) окт., с графическим выделением строк в каждой строфе. Датировано в *АШ*.

В стихотворении отразились впечатления от посещения петербуржских оперных театров. Северянин постоянно бывал в “Мариинском театре, в Большом зале консерватории у Церетели и Дракули, в Малом (Суворинском) театре у Гвиди, в Народном доме и в Музыкальной драме, слушая каждую оперу по нескольку раз... ⟨...⟩ В особенности часто, почти ежедневно, посещал я оперу в сезоны 1905–07 гг.” (*5, 83*).

ДИССО-РОНДО (с. 121)

Впервые: *Качалка грёзэрки*, с вариантами пунктуации.

ТЕНЬ АПЕЛЬСИННОЙ ВЕТКИ (с. 122)

Впервые в *АШ*.

В изданиях заглавие печаталось с искажением: “Тень апельсиновой ветки. (Из Тин-Тун-Линг)”.

Источником является перевод стихотворения китайского поэта – современника Северянина – Тин-Тун-Линга “Тень апельсин⟨н⟩ой ветки”, приведенный в статье А. Элиасберга “Любовь и поэзия у китайцев”, опубликованной в газете “Нижегоро-

дец" (1912. 20 июля (2 авг.) из газ. "Утро России"), где постоянно печатались стихи Северянина:

"Девушка работала весь день в своей одинокой комнатке, и вдруг до нее доносится звук флейты; звуки ее волнуют.

И ей грезится, что она слышит голос юноши.
Тень апельсинной ветки падает из окна на ее колени.
И ей грезится, что кто-то разорвал ее шелковое платье".

Здесь же дана характеристика китайской поэзии, которая не прошла мимо внимания Северянина: "По словам знатоков китайского языка, прелесть китайской поэзии заключается не только в интимности образов и переживаний, но в удивительной вычурности формы, сложности просодии и музыкальности".

Северянин очень близко к подлиннику передает содержание стихотворения, буквально воспроизводит заглавие (в современных изданиях печатается с искажением: "апельсиновая", а не "апельсинная"), но "укорачивает" часть первой фразы до одного глагола – "одиночила".

ШАНТАЖИСТКА (с. 122)

Впервые в *АШ*.

В рецензии на *АШ* А. Тиняков раскритиковал позднейшие поэзы Северянина. «Жизнь вовсе не такая красивая, какою она кажется И. Северянину – она гораздо прекрасней; в ней не одни только "ананасы" и "шантажистки", – в ней есть и благоуханные росные травы, и "Прекрасная Дама", о которой поведал нам Данте, пел Петрарка и ныне поет Александр Блок» (День 1915. 26 февр.). Брюсов недооценил сатирической окраски стихотворения и высказался о нем достаточно грубо: «Чем, как не отсутствием вкуса, можно объяснить появление такой вещи, как "Шантажистка", где в плохих стихах рассказывается, как некая дама требовала с автора (или с героя стихотворения) денег на прокормление прижитого с ней ребенка, а автор (или герой стихотворения) предложил ей вместо того отправиться с первым встречным в гостиницу?» (*Критика,* 19).

...после шницеля с анчоусом... – анчоус (обычно: анчоусы – мн. число) – мелкая морская рыба, семейства, близкого к сельдям, одно из любимых блюд Северянина. Однажды Н. Гумилев, "холодно и строго" слушавший стихи Северянина в Цехе поэтов, вдруг оживился, услышав строки: "И, пожалуйста, в соус / Положите анчоус.

– А где, скажите, вы такой удивительный соус ели?

Северянин совершенно растерялся и покраснел:

– В буфете Царскосельского вокзала.

– Неужели? А мы там часто под утро, возвращаясь домой в Царское, едим яичницу из обрезков – коронное их блюдо. Я не предполагал, что там готовят такие гастрономические изыски. Завтра же закажу ваш соус. Ну, прочтите еще что-нибудь!

Но от дальнейшего чтения стихов Северянин резко отказался и ⟨...⟩ ушел" (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 22–23).

Анчоусы (в том числе вино Кларет – см. "Хабанера III" в *ГК*) в "Письмах русского путешественника" (1791–1795) упоминает Н. Карамзин (гл. IV), родством с которым гордился Северянин: "Мы сами выбрали себе павильон; велели подать цыпленка, анчоусов, сыру, масла, бутылку кларету и заплатили рублей шесть".

Малага-Аликант – испанское вино, см. также примеч. к стих. "Она критикует...".

ШАНСОНЕТКА ГОРНИЧНОЙ (с. 123)

Беловой автограф. Впервые в *АШ*.
Варианты. В беловом автографе:
13–14-я строки: Уж не знаю там, спереди ль, сзади ли,
Или сбоку, но ты мне нужна…
Начиная с 3-го издания:
13–14-я строки: Уж не знаю... ....
.... Но ты мне нужна.

Школы шансонеток с обучением цыганскому пению, мимике, танцам для сцены, позам и пластике были распространены в Петербурге в 1910-е гг. и объявления о них регулярно публиковались на страницах "Петербургской газеты".

Один из критиков в фельетоне на *АШ*, заметил, что Горничную шансонетку Северянин "рисует такими красками, что в одной полустрофе вынужден из элементарного приличия прибегнуть к многоточиям" (Камско-Волжская речь, 1915, 15 марта). А. Оршанин назвал стихотворение "шедевром шансонеток". «Безвольному поэту не все ли равно, что читать. И куплеты готовы: "Я – прислуга со всеми удобствами..." ⟨...⟩ И т.д.

Как мучительно хочется поскорее "выключить электричество" в этом будуаре "нарумяненной" поэзии, где поэт вульгарит "что-то нудно пошлое", и вернуться в "лесную глубь", к простой и нежной "фиалке", к незабудкам и ландышам, отдавшим свою жизнь поэту "для венца" в тот далекий "счастливый день", когда поэт короновался "утром мая под юным солнечным лучом"» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 26).

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА (с. 124)

Впервые: *Электрические стихи*.

Посвящение – Имеретинская Ольга Федоровна, вдова варшавского генерал-губернатора князя Александра Константиновича Имеретинского. Лето 1907 г. Северянин проводил в Гатчине под Петербургом, где бывал на даче княгини (см. очерк Северянина "Трагический соловей").

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО (с. 124)

Впервые: *Качалка грёзэрки*, с подзаголовком "Новосонет".

НА ГОЛОС ВЕСЕННЕЙ НОВЕЛЛЫ (с. 125)

Впервые в *АШ*.

Одно из стихотворений с увлекательным сюжетом. В очерке Д. Мережковского "Мертвая точка" содержится любопытная реплика, характеризующая эту особенность поэзии Северянина: собеседник «принялся мне рассказывать о кооперации маслобойных артелей так увлекательно, что, казалось, я слушаю новую "поэзу" Игоря Северянина» (Русское слово. 1914. 8 июня).

ЭСКИЗЕТКА (с. 125)

Впервые в *АШ*.

Один из критиков назвал “Эскизетку” перлами *АШ* (Камско-Волжская речь, 1915, 15 марта). Р.Ф. Брандт, анализируя язык Северянина, согласился с А.Амфитеатровым, что двустишие “Душа твоя, эоля, / Ажурит розофлер” (“Бриндизи” – *ЗЛ*) “очень мудрено”, но откомментировал его смысл в связи с “Эскизеткой”: «...это значит “душа твоя веет зефиром из-за розовой кисеи платья”» (ср. “тюли эоля качала Марчелла: “Грустно весенне усни!” – “Эскизетка”). “Боюсь несколько, чтобы Игорю по случаю моего толкования не пришлось повторить слова того мудреного немецкого философа, который должен был признаться, что только один ученик его понимал, и тот – превратно” (*Критика,* 150).

ЭГО-РОНДОЛА (с. 126)

Впервые в *АШ*. Датировано в III издании в составе Собрания поэз: “1912”.

А. Оршанин в статье “Поэзия шампанского полонеза” писал: «И когда поэт бросает свой лорнет и поднимает “золотую вуаль” с ясноликой, ясноглазой музы, вы в восторге, что не ошиблись. Вы забываете шаплетку банальности и кларет пошлости, ибо лик музы Северянина – лик целомудренной лилии, речной девственницы, заглядевшейся в зеркальную глубину сонных вод. ⟨...⟩ Лилии Северянина – обыкновенные, вам хорошо знакомые лилии; его полонез о лилиях – новая вариация на старую тему. Правда, он нам показал лилии в тонкой игре световых оттенков и лучей. В процессе творчества, конечно, может быть момент, когда поэт делает самый незначительный сюжет объектом новых художественных приемов. Моне писал двадцать раз один и тот же стог сена в поле, чтобы проследить по серии этюдов все ступени сложной гаммы световых нюансов и красок» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 24–25).

Белая лилия и ее крылатое сердце ассоциируется с поэзией И. Анненского (триптих “Лилии”, “Еще лилии” и др.) и М. Лохвицкой, которая в стихотворении “Мертвая роза” (1896) писала: «Я “мертвая роза”, я лилия чистая...» (о любви И. Анненского и М. Лохвицкой к лилиям см. в кн.: *Кушлина О.* Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 130–138; 200–206).

ПРОМЕЛЬК (“Голубые голуби на просторной палубе...”) (с. 126)

Впервые в *АШ*.

Промельк – о заглавии см. примеч. к стих. “В пяти верстах по полотну”.

Посвящение. – Об Ив. Лукаше см. примеч. к “Воздушной яхте” в *ГК*.

ПЯТИЦВЕТ II (“В двадцать лет он так нашýстрил...”) (с. 126)

Впервые в *АШ*.

Р.Ф. Брандт справедливо счел, что в этом стихотворении Северянин “несомненно шутит” (*Критика,* 129). Однако не все критики понимали это, например П. Драверт в

фельетоне на *АШ* отнес "Пятицвет II" к "перлам" (Камско-Волжская речь. 1915. 15 марта).

О *заглавии* см. выше, "Пятицвет I".

В РЕСТОРАНЕ (с. 126)

Впервые в *АШ*.

Посвящение. – О Граале-Арельском см. примеч. к стих. "Грандиоз".

В. Маяковский в заметке "Поэзовечер Игоря Северянина" иронизировал по поводу "кулинарных" образов и «воспевания "гурманства"» и окрестил поэта "маркитанткой русской поэзии" (газ. "Новь". 1914. 23 дек.; вечер состоялся 21 дек. 1914 г. в Политехническом музее в Москве).

«Никто не вправе, конечно, – заметил А. Тиняков по поводу этих стихов, – указывать поэту: где ему вдохновляться, и мы не забыли Верлена, но, главным образом, мы не забыли его покаянных молитв и кристально-чистых песенок о полевых просторах. У Игоря Северянина таких песенок пока нет, а заказать ресторанному лакею "артишоки и спаржу" 〈...〉 может каждый и без помощи стихов» (День. 1915. 26 февр.). Но уже в рецензии на *VR* Тиняков иначе оценил эту тематику: «Северянин щедро одарен природой, и не только в поэтическом отношении, но еще в большей мере в отношении физиологическом. Сквозь строки его "поэз" ясно видится приятное лицо здорового и доброго молодого человека. Невольно и глубоко веришь всему, что Северянин рассказывает о себе в своих книгах, веришь, что он умеет звонко смеяться, с аппетитом есть, со вкусом выпивать, горячо и крепко целоваться и с неподдельным даром сочинять "поэзы"» (День. 1915. 18 апр.).

«Поэт – тонкий гастроном и гурман, – заметил А. Оршанин. – В его стихах вы найдете разнообразное меню: "стерлядь из Шексны", устрицы из Остэнде, скумбрию, "с икрою паюсною рябчик", хрустящие кайзерки, артишоки и спаржу, "из капорцев соус", земляничный корнильяк, геркулес. При этом, конечно, "и цветы, и фрукты, и ликер", и шоколад-кайэ» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 22).

Кротекус – кустарник.

Устрица – любимый деликатес Северянина, см. примеч. к стих. "Цветок букета дам" в *АШ*.

ОТЧАЯНИЕ (с. 127)

Впервые в *АШ*.

Клико – сорт шампанского.

ПОЭЗА О "MIGNON" (с. 127)

Впервые в *АШ*.

"Mignon" – "Миньон", опера французского композитора А. Тома; лучшими исполнителями труднейших партий этой оперы, по мнению Северянина, были певицы Арнольдсон и Боронат (*5, 92*; см. о них также в романе "Падучая стремнина").

Арнольдсон Сигрид (1861–1943) – шведская певица (колоратурное сопрано). "Лучшей Миньон, чем Арнольдсон, – признавался Северянин, – я не слышал и не видел. Это было само воплощение героини Гёте" (*5, 92*).

Боронат (Баронат; по мужу Ржевусская) Олимпия (1867–1939) – певица итальянской оперы (сопрано), считалась одной из лучших певиц своего времени, обладала голосом "чарующего" тембра. «Она, – писал Северянин, – имела целую армию приверженцев и приверженок, не пропускавших ни одного ее выступления. Лично я был знаком с группой человек в тридцать ее восторженных поклонников. Они всегда сидели в правом углу балкона, около самой сцены, над оркестром, где любил сидеть я. Являлись они с целым ворохом букетиков, которыми осыпали ее, неистово вопя: "Боронат!" при каждом ее появлении на сцене» (*5, 94*).

Северянин посвятил певице стих. "Боронат" (1910; *VR*) и "В альбом Олимпии Боронат" (1909; *ПА*).

БЛАЖЕННЫЙ ГРИША (с. 128)

Впервые в *АШ*.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩАЯ ПОЭЗА (с. 129)

Впервые в *АШ*.

CHANSONNETTE (с. 129)

Впервые: *Электрические стихи*.

Chansonnette (*фр.*) – песенка, ср. "Шансонетка горничной" в *АШ*.

Женский образ с *головкою bronze-oxidé* отражен также в стих. "Цветок букета дам" (1911) в *АШ*.

Маяковский называл поэзы Северянина "стихами-шансонетками ⟨...⟩ типичными для поэзии города" (*Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. М. 1989–1991. Т. 4. С. 335–336). Б. Пастернак в очерке "Люди и положения" вспоминал: "Он распевал свои стихи на два-три популярных мотива из французских опер, и это не впадало в пошлость и не оскорбляло слуха" (Там же. С. 335–336).

«Поэт-футурист, – заметил А. Оршанин, – интимно близок с кокотками, гризетками, куртизанками и шансонетками. Ко всем этим "девам радости" он ходит не для психологических этюдов, а "для культа нагого стана"; оттого их нагое тело ярко сквозит сквозь прозрачную ткань его поэз» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 23).

...Mais non, regardez, regardez! (*фр.*) – Да нет же, смотрите, смотрите!

...Она – героиня Додэ. – Альфонс Доде (1840–1897) – французский писатель, близкий Северянину сочетанием лиризма и иронии и вниманием к "маленькому человеку". Наибольшей известностью пользуется серия его поэтических очерков "Письма с моей мельницы" (1869) и трилогия о Тартарене из Тараскона (1872–1890).

Северянин сравнивает героиню "Chansonnette" с героинями А. Доде, в том числе с прекрасной куртизанкой из его романа "Сафо" (1884).

En deux (*фр.*) – вдвое, букв. надвое.

ОНА КРИТИКУЕТ... (с. 130)

Впервые в *АШ*.

Только два стихотворения в *АШ* – "Она критикует..." и "Nocturne" ("Месяц гладит камыши...") – Р.Ф. Брандт отнес к стихам, написанным "обыкновенным языком" (*Критика,* 129).

Синтаксическое построение и интонационное разнообразие стиха подробно анализируются в работе Р.Л. Смулаковской, рассматривающей это стихотворение "как своеобразный аналог диалога-диссонанса, в котором реплики-реакции оппонента" по-разному отражаются в речи героини (*Смулаковская Р.Л.* Некоторые особенности синтаксиса в произведениях Северянина // *Тезисы,* 60–63).

...Фофанов: пропойца и бродяга... – Имеется в виду пристрастие Фофанова к спиртному. Северянин вспоминал о поэте: "...в моменты опьянения и невозможное становилось возможным, но, повторяю, большинство россказней про него – ложь и вздор. Я же со своей стороны могу и должен сказать, что, несмотря на все свои – иногда и крупные – недостатки, как в творчестве, так и в жизни, Фофанов был обаятельным, мягким, добрым, ласковым и сердечным человеком, очень нравственным, религиозным и даже застенчивым по-детски.

Он любил своих детей, в особенности – Константинова (Олимпова впоследствии) ⟨...⟩ Кроме своей жены, как я имею основания утверждать, он не знал ни одной женщины" (*5, 17–18*).

Малага – сорт десертного ликерного вина (*исп.* malaga), от названия города Малага на юге Испании, где производится это вино.

En russe (*фр.*) – по-русски.

С фамилией ~ такой ... дурацкой. – Фамилия "Фофанов" происходит от слова "фофан" – "простак, простофиля, дурак, глупец. ⟨...⟩ Фофан, как и сл. шут, говор. вм. черт, дьявол" (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 4. С. 538).

Mon Dieu (*фр.*) – Боже мой.

II. НЕЗАБУДКИ НА КАНАВКАХ

СТИХИ "ДАВНО МИНУВШИХ ЛЕТ"

NOCTURNE ("Месяц гладит камыши...") (с. 131)

Впервые: Это было так недавно... Стихи. СПб., 1909; с вариантом графического расположения строф.

Р.Ф. Брандт сделал интересное наблюдение об одном из слов этого стихотворения. «Еще менее ⟨чем отдаленные созвучия, ассонансы⟩ могут затруднить или смутить, при большом разнообразии в этом отношении русской речи, случаи необычного ударения, как поро́ша вм. по́роша (Сказка сиреневой кисти, Женская душа, Nocturne ("Месяц гладит камыши...") – этот выговор есть в областной речи)» (*Критика,* 154). У Северянина использовано под обаянием строк из посвященного ему стих. Фофанова "На память Игорю-Северянину": "И следы любви невольно / Я ищу на поро́ше", которое написано 23 мая 1908 г. и напечатано в журнале "За жизнь – Жизнь". 1908. № 9–10 (помещено Северяниным в сб. "Лунные тени". Ч. 2. СПб., 1908, цит. в очерке Северянина "Цветы неувядные". (Лирика Фофанова) – *5, 20–21*).

ТОСКА ПО КВАНТУНУ (с. 131)

Впервые: Мимоза. 1-й сборник стихотворений. СПб., 1906; с подзаголовком "Элегия" и подписью: "Квантунец". Датировано в *АШ*.

Стихотворение написано под впечатлением поездки с отцом на Дальний Восток, которая состоялась в 1903 г.

А. Тиняков в рецензии на *АШ* на примере этого стихотворения отметил, что в ранних стихах Северянина "было искреннее чувство и хотя примитивная и дешевая, но все же приятная музыка" (День. 1915. 26 февр.).

Квантун (Гуаньдун) – см. Дополнения и примеч. к "Посвящению" в *ГК*.

Да-Лянь-Вань – залив Жёлтого моря у восточного побережья п-ва Гуаньдун.

Корейский залив – между Корейским полуостровом и японскими островами Ики, Кюсю и юго-западной оконечностью о-ва Хонсю. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. на Корейском полуострове 1(14) августа 1904 г. произошел бой между русскими и японскими крейсерскими эскадрами.

Желтое море – полузамкнутое море Тихого океана у восточных берегов Азии, к западу от Кореи. 28 июля (10 августа) 1904 г. в Желтом море произошел бой между русскими и японскими эскадрами во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

ЗАПАД ПОГАС... (с. 132)

Впервые: *Электрические стихи,* без заглавия.

ТРИОЛЕТ ("В протяжных стонах самовара...") (с. 132)

Впервые: Нижегородец. 1912. 23 нояб. (6 нояб.). Датировано в *АШ*.

МОРСКОЙ НАБРОСОК (с. 133)

Впервые: Дачница. Стрельна, 1912. 29 авг. – с посвящением "Е.А. Ланиной" и датировкой: «1912. Август. Эстляндия. Jive, деревня "Тойло"». В *АШ посвящение*: "*Е.А.Л.*". Можно предположить, что за этой аббревиатурой скрывается возлюбленная поэта "Елена". К тому времени она вышла замуж за генерала, и Северянин в *АШ* скрыл ее фамилию. В других стихах поэт называл Елену Мадлэн (подробнее о Елене см. примеч. к стих. "В березовом коттэдже" в *ГК*).

"Морской набросок" написан во время первой поездки Северянина в августе 1912 г. в Эстляндию (Эстонию), куда поэт приезжал только на два дня. В очерке "Эстляндские триолеты Сологуба" он так описал довоенную Тойлу: "Тойла – и внешне, и нравственно – просто чистая, очень удобная и очень красивая приморская эстонская деревня, до войны даже нечто вроде курорта, т.к. тогда были в ней и теплые соленые морские ванны, и лаун-теннисные площадки, и пансионы ⟨...⟩ На дачи ездили туда исключительно интеллигентные, не толпу, а природу любящие люди, и не только из Петербурга, а зачастую и из Москвы и даже с Кавказа. ⟨...⟩ Узнав Тойлу, Сологубы поселились в ней и полюбили ее. Я же познакомился с нею еще за год до них – в 1912 г., когда и написал два стихотворения, приехав только на два дня" (*Тост безответный*, 468).

ГРАЦИОЗА (с. 133)

Беловой автограф. Впервые: Нижегородец. 1912. 27 сент. (10 окт.). Включено Северининым в подготовленный к печати сб. "Элегантные модели" (1912). Датировано в *АШ*.

Вариант белового автографа и первой публикации:

10-я строка: А боли слиянья

Посвящение – Крючков Дмитрий Александрович (псевд. Келейник; 1887–1938) – поэт, критик. В январе 1913 г. вступил в "Интуитивную ассоциацию эгофутуристов", а в сентябре разослал по редакциям "Прелюдный хорал", в котором писал: "Разделяет только Игорь со мной горящий светотрон" (Волгарь. Нижний Новгород. 1913. 25 сент.; Рыбинская газета. 1913. 26 окт.). Крючков – участник альманахов эгофутуристов, автор книг стихов: "Падун немолчный" (Пг.: Листопад, 1913); "Цветы ледяные. Вторая книга стихов" (Пг.: Очарованный, 1914). С конца 1923 г. подвергался репрессиям, был расстрелян.

Северянин говорил: "Из всех моих подражателей наиболее приближается ко мне Дмитрий Крючков. Но он все же не эгофутурист, а только модернист" (У поэта ⟨Беседа с Северяниным⟩ // Московская газета. 1914. 31 марта).

Крючков высоко оценивал творчество Северянина (*Крючков Д.* Демимонденка и лесофея // Очарованный странник. СПб., 1914. № 1). Размышляя о соотношении поэзии и религии, он в стих. "Игорю Северянину" признал поэта создателем "новых созвучий" и "новой неведомой веры".

PRÉLUDE II ("Мои стихи – туманный сон…") (с. 134)

Впервые: Весна. 1914. № 3, под заглавием "Prelude".

См. также стих. "Prélude I" в *ГК*.

"ГДЕ ПРИ ВЗДОХЕ ВЕТЕРКА ПОЕТ ФАРФОР..." (с. 134)

Впервые: Мимоза. 2-й сборник стихотворений. СПб., 1906, за подписью "Беглец". Заглавие без кавычек.

Написано под впечатлением поездки с отцом на Дальний Восток. Через 18 лет в автобиографической поэме "Роса оранжевого часа" Северянин опять выразил чувство искреннего восторга перед природой и людьми Маньчжурии:

Маньчжурия! ты – рукотворный
Сплошной цветущий огород.
Благословен в труде упорный
Твой добродетельный народ.

(*3, 186*)

ЭСКИЗ (с. 135)

Впервые: Это было так недавно... Стихи. СПб., 1909; с датировкой: "1908. Декабрь. Лигово. Вагон". Альм. "Отмена визитов". СПб., 1912. Дата восстановлена в *АШ*.

ТРАУРНАЯ ЭЛЕГИЯ (с. 135)

Впервые: А сад весной благоухает!.. Стихи. СПб., 1909.

Эпиграф – первая строка стих. К.М. Фофанова "Умирала лилия лесная..." (1887), адресованного М. Лохвицкой.

«Очень часто, – вспоминал в 1913 г. П. Петропавловский, – посещал молодой поэт Игорь Северянин К.М. Фофанова и читал свои произведения.

К.М. не раз говорил нам: "Из этого молодого человека выработается со временем крупный поэт, если он не свернет с намеченной дороги. Мне он страшно нравится за его искреннюю, неподдельную любовь к покойной Мирре Лохвицкой, с которой он даже не был знаком, а полюбил ее только по ее произведениям".

И, действительно, стихотворения Северянина, посвященные памяти этой поэтессы, были очень хороши» (*Критика,* 42).

В рецензии на брошюру, в которой были впервые опубликованы эти стихи, сказано: Книжечка, заключающая в себе восемь страниц, посвящена «страстно скорбящим "автором, благоговейно склоненным" памяти "почившей Мирры Лохвицкой ⟨умерла в 1905 г.⟩"» (Биржевые ведомости. 1909. 11 сент. Утр. вып.). Другого рецензента поразила фраза из этого стихотворения "умерла она, сделав грустно нам" "своим французским построением периода" (Красноярский вестник. 1910. 14 окт.).

Умерла она в пору августа... – Речь идет о М. Лохвицкой, которая умерла 27 августа 1905 г., не дожив до 36 лет, см. о ней примеч. к "Письму из усадьбы" в *ГК*. В "Траурной элегии" образ Лохвицкой ассоциируется с романтической целомудренной белой лилией – "мертвой розой".

ЦАРИЦА ИЗ ЦАРИЦ (с. 136)

Впервые: А сад весной благоухает!.. Стихи. СПб., 1909.

"Царица из цариц" – одно из первых посвящений Северянина своему кумиру Мирре Лохвицкой. В этом стихотворении Северянин сравнивает себя и любимую им поэтессу с героями трагедии И.В. Гёте "Фауст" (1808–1831), себя – с преображающимся Фаустом и юным, влюбленным в Маргариту Зибелем, ее – с Маргаритой.

В рецензии на брошюру "А сад весной благоухает!.." стихотворение расценивалось как "культ бесплотного образа". Здесь же говорилось: «...Страстно скорбная мечта о "царице из цариц" постоянно тревожит автора, ⟨...⟩ он поет: "В моей душе твоих строфа уст..."» (Биржевые ведомости. 1909. 11 сент. Утр. вып. Б/п). Другой критик назвал слог этого стихотворения "неподвижным и противоестественным" (Красноярский вестник. 1910. 14 окт.).

ОТТОГО И ЛЮБЛЮ (с. 136)

Впервые: Зарницы мысли. 1-й сборник стихотворений. СПб., 1908; под заглавием "Лепестки роз жизни" (IV–V).

Одно из многих стихотворений Северянина о безрассудной, страстной любви в духе М. Лохвицкой. Не случайно поэта тоже называли "певцом любви и страсти" (Русская мысль. 1915. № 5. С. 22).

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ (с. 136)

Впервые: Лунные тени Ч. 2. СПб., 1908; без заглавия, с датировкой: “ 1908. 23 сентября”. Дата восстановлена в *АШ* не полностью: “1908”.

БУКЕТ ЗАБВЕНЬЯ (с. 137)

Впервые в *АШ*.

Скорее всего адресовано первой любви поэта, его кузине Е.М. Лотарёвой, “с душой любовницы-сестры”, о ней см. примеч. к “Элегии” в *ГК*.

Заглавие стихотворения навеяно “средневековой поэмой” М. Лохвицкой “Праздник забвенья” (1896–1898).

BERCEUSE ТОМЛЕНИЯ (с. 138)

Впервые в *АШ*.

Стихотворение, написанное в мае 1913 г. в Эстляндии (Эстонии), развивает мотивы и образы поэзии М. Лохвицкой, которую Северянин называл “принцессой Мая”, в частности слово “воскрылие” не раз встречается в ее стихах (*Лохвицкая,* 3, 4–18). Р.Ф. Брандт писал по поводу этого слова: “...весь воскрылие = полет ⟨...⟩ также: тщета воскрылий... тщета усилий (Певица лилий полей Сарона) – славянское воскрылие значит кайма, обшивка” (*Критика,* 145).

МЕЛЬНИЦА И БАРЫШНЯ (с. 138)

Беловой автограф, с датировкой: «1911. Июнь, село “Дылицы”, ст. “Елизаветино”». Впервые: Нижегородец. 1912. 16(29) авг. Дата восстановлена в *АШ*. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. “Элегантные модели” (1912).

В основу сюжета легли личные впечатления Северянина. Водяная мельница вблизи Гатчины, на станции Пудость, под Петербургом, где поэт жил летом с 1905 г., упоминается в автобиографической поэме “Роса оранжевого часа” (1925) (ср. также: “Гатчинская мельница. (Идиллия)”, 1907; *ПА*). Тот же сюжет отражен в посвящении Л.Н. Афанасьева Северянину (см.: “Это было так недавно...”. Стихи. СПб., 1909): “С тихого балкона, / У стремнин каскада, / Звуки граммофона / Льются в сумрак сада...” (см. Дополнения).

МИНЬОНЕТЫ (I. “Да, я хочу твоих желаний...”; II. “Ловлю печаль в твоей улыбке...”) (с. 139)

Впервые: Нижегородец. 1912. 13(26) нояб. Датировано в *АШ*.

См. также миньонет “Виктория Регия” в *ГК*.

ОДИН БЫ ЛЕПЕСТОК!.. (с. 140)

Впервые в *АШ*.

Р.Ф. Брандт заметил, что "строгая грамматика осудит, но живое чутье оправдает 〈...〉 случаи переходности и страдательности при употреблении глаголов средних" в строке: "о том, что сказано, о том, что не успето" (*Критика,* 155).

ЧЬИ ГРЁЗЫ?.. (с. 140)

Впервые в *АШ*.

Первая строка стихотворения стала объектом насмешек критиков. «В его 〈Северянина〉 прейскуранте вин, – писал А. Оршанин, – любовно отмечены кларет, малага, мускат, рейнвейн и шампанское. "Я пить люблю, пить много, вкусно"» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 22).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ (с. 140)

Впервые: Это было так недавно... Стихи. СПб., 1909.

Лотарио – имя действующего лица оперы А. Тома "Миньон"; созвучно с фамилией Лотарёв. О композиторе см. примеч. к стих. "Шампанский полонез" в *ГК*.

МАДРИГАЛ (с. 141)

Впервые: Сирень моей весны. 2-й сборник стихотворений. СПб., 1908.

Мадригал (*ит.* madrigale – песня на родном языке; в классической поэзии небольшое по объему стихотворение хвалебного содержания. Нередко встречается в русской поэзии конца XVIII – XIX в., лучшие образцы дали Пушкин и Лермонтов.

Посвящение. – Александре Александровне Наумовой, подруге сестры Северянина, Зои (см. Дополнения, с. 810).

ПОВСЕМЕСТНАЯ (с. 141)

Беловой автограф (ОР РГБ). Впервые: Златоцвет. СПб., 1914, № 1, без разделения на строфы, без даты: "Дылицы".

ПО ВОСЕМЬ СТРОК (с. 142)

Впервые: Нижегородец. 1912. 14(27 авг.). Датировано в *АШ*.

О заглавии стихотворения Р.Ф. Брандт заметил: «Управление по-литературному неправильное, но в народе обычное, представляет одно заглавие в Ананасах: "По восемь строк" вм〈есто〉 "По восьми"» (*Критика,* 156).

Стихотворение состоит из трех частей, каждая посвящена одной из любимых женщин Северянина. Первая часть стала своеобразной заготовкой для широко известного стихотворения из *ГК* "Когда придет корабль" (1911). Вторая – "мучительнице страст-

ной" *Карменсите* (ср. стих. "Ты не шла..." в *ЗЛ*, посвященное ей же), третья – еще одной женщине, которая дарила свою любовь и нежность поэту. Перечисляя многих любивших его женщин (в том числе и Карменситу) в автобиографическом романе "Падучая стремнина", Северянин замечал: "Все это только сладостные миги. / Все это пусто, кратко и мишурно. / Не настоящее какое это" (*3, 224*).

А. Оршанин пришел к выводу, что "современная мятущаяся, извергавшаяся, тоскующая и утонченная душа не нашла себе никакого отражения" в поэзии Северянина. «Женщина не сходит со страниц его книг; но это не современная женщина. Нет, это или эксцессерка, или в лучшем случае "хорошенькая девушка". Поэт отъединяет себя от мира гирляндой девушек и дам и в этом приятном обществе смакует ананасы» (Русская мысль. 1915. № 5. С. 25).

...То чаруя Мореллою, то Дарьяльской Тамарою... – принцесса Морэлла – действующее лицо драматической поэмы Мирры Лохвицкой "Вандэлин. (Весенняя сказка)" (1899); Тамара – героиня поэмы Лермонтова "Демон" (1841).

РОНДЕЛЬ ("От Солнца я веду свой род!..") (с. 143)

Беловой автограф. Нижегородец. 1912. 29 сент. (12 окт.); под заглавием "Рондели". Датировано в *АШ*. Включено Северяниным в подготовленный к печати сб. "Элегантные модели" (1912). В беловом автографе и первой публикации под заглавием: "Рондели".

Эпиграф – из драматической поэмы М. Лохвицкой "На пути к Востоку" (1897) – Действие 2, слова Балькис Савской.

Доблестная Саба – библейская царица Савская, см. о ней примеч. к стих. "Рондели" в *ГК*.

ПОЛУСОНЕТ (с. 143)

Впервые: Весна. СПб.; М.: Изд. Шебуева, 1914 (источник недоступен).

ВАНДА (с. 144)

Впервые: За струнной изгородью лиры: Стихи. СПб., 1909.

Октавы (от *лат.* octo – восемь) – строфы из восьми строк с твердой схемой рифм: абабабвв, при обязательном чередовании мужских и женских окончаний. В русской поэзии блестящие примеры октавы – "Домик в Коломне" А.С. Пушкина ("Четырехстопный ямб мне надоел: / Им пишет всякий 〈...〉 Я б хотел / Давным-давно приняться за октаву"; (1830) и "Октава" А.Н. Майкова ("Гармонии стиха божественные тайны..."; (1841).

Посвящение – Уваров-Надин В.В. – поэт, критик, близкий Северянину, см. Дополнения.

В "Ванде" Северянин воспевает "чаровницу-музыку", любовь к которой – одна из постоянных тем поэта. "Я музыку боготворю не меньше поэзии", – писал Северянин в "Падучей стремнине". «Да, я люблю композиторов самых различных: и неврастеническую музыку Чайковского, и изысканнейшую эпичность Римского-Корсакова, и божественную торжественность Вагнера, и поэтическую грацию Амбруаза Тома, и волнистость Леонкавалло, и нервное кружево Масснэ, и жуткий фатализм Пуччини, и брил-

лиантовую веселость Россини, и глубокую сложность Мейербера, и...сколько могло бы быть этих “и”!» (Образцовые основы”, *5, 83*).

...дразнил прелюдией из “Цампы”. – “Цампа, или Мраморная невеста” (1831) – комическая опера в трех действиях французского композитора Герольда Луи Жозефа Фердинана (1791–1833). Ставилась на сцене русских музыкальных театров.

НАСМЕШКА КОРОЛЯ (с. 145)

Впервые в *АШ*.

ЛЕОНИДУ АФАНАСЬЕВУ (с. 145)

Впервые: Лунные тени. Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1908, с заглавием и подзаголовком: “Леониду Николаевичу Афанасьеву посвящает друг и поклонник”, с датировкой: “1908 г. 27 сентября. Петербург”. В первой публикации обращения к Афанасьеву с большой буквы: “Вы”, “Ваши”.

Эпиграф – из стихотворения Л. Афанасьева “У плотины старой мельницы...” (б.д.).

Афанасьев Леонид Николаевич (1864–1920) – поэт. Был близок к К.М. Фофанову и его семье, в 1918 г. написал о нем воспоминания. Северянин в очерке “Из воспоминаний о Фофанове” писал о посещении вместе с Афанасьевым больного Фофанова.

Афанасьев участвовал в эгофутуристических изданиях. При жизни выпустил три сборника под названием “Стихотворения” (СПб., 1891; 1901; 1914) и сб. “Гимны союзных наций” – перевод государственных гимнов некоторых стран – союзниц России в Первой мировой войне. В поэзии ориентировался на традиции романса и лирической песни. Многие его стихи положены на музыку (в том числе С.М. Ляпуновым).

Письма Северянина к Л.Н. Афанасьеву хранятся в РГАЛИ (Ф. 1152).

ОТВЕТ Л. АФАНАСЬЕВУ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ (с. 146)

Впервые в *АШ*.

Является ответом на “Посвящение Л.Н. Афанасьева” Игорю-Северянину (И.В. Лотарёву), опубликованное в сб. Игоря-Северянина ”Это было так недавно...” Стихи. (С посвящением Л.Н. Афанасьева). СПб., 1909 (см. Дополнения).

ИЗМЕНА МАЯ (с. 146)

Впервые: За струнной изгородью лиры. Стихи. СПб., 1909.

«Но вряд ли он ⟨Северянин⟩ прав, – заметил А. Тиняков в рецензии на *АШ*, – когда плачется на “Измену Мая”. ⟨...⟩ Не май изменил поэту, – май никому не изменяет, – а поэт начинает изменять маю. С лесных полян, где звенят колокольчики ландышей, он все чаще уходит в “шикарные” рестораны, где залихватски хлопают пробки и шумит нетрезвая речь» (День. 1915. 26 февр.).

А. Редько цитировал это стихотворение, чтобы показать, что "тоска и неопределенные душевные порывы" – основные настроения молодого Северянина (раздел "Незабудки в канавках"), близкие "Надсоновским переживаниям" (Журнал журналов. 1915. № 9. С. 17).

НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ (с. 147)

Впервые: Из "Песен сердца". Из стихотворений 1903. СПб., 1905.
Вариант первой публикации:
32-я строка: Еще с детской колыбели
Самое раннее из вошедших в *АШ* стихотворений.
Надсоновские переживания отметил в этом стихотворении критик А. Редько и сопоставил его по настроению подавленности с "Новогодней элегией" и "Изменой Мая" в *АШ* (Журнал журналов. 1915. № 9. С. 17).

NOCTURNE ("Струи лунные...") (с. 148)

Впервые: Лунные тени. Стихотворения. Ч. I. СПб., 1908.

ПЕРЕКАТ II ("Как эта грустная обитель…") (с. 149)

Впервые в *АШ*.

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ (с. 150)

Впервые: Лазоревые дали. Стихотворения. СПб., 1908.
На это стихотворение обратил внимание А. Редько: «Вот "Новогодняя элегия" Игоря Северянина, помеченная датой: 2 января 1908 года. Наступивший "Новый год" заставил автора "проследить печальным оком миновавшие года". Результат пережитого оказывается удручающе печальным. В прошлом не оказалось ни одной сбывшейся надежды. Все было самообманом и самообольщением. И вот вывод, к которому автор приходит: "〈...〉 Не ищи любви и счастья / В мире мук и в мире слез. 〈...〉"
Вот все, что было, и все, что будет. "Боль была и есть в груди". И вот все, чем Игорь Северянин может поздравить человечество 〈цит. две завершающие строки стих.〉. На что-нибудь другое, кроме скорби, по Игорю Северянину, рассчитывать не приходится.
Разве автор этой "Новогодней элегии" не родной брат "господину Надсону", в свое время тяжело и жалобно переживавшему бессилие личности и безнадежность жизни?» (*Редько А.Е.* Фазы Игоря-Северянина // Журнал журналов. 1915. № 9. С. 17).

ВСЁ ТО ЖЕ (с. 150)

Впервые в *АШ*.

"...ТО БУДЕТ ВПРЕДЬ, ТО БЫЛО ВСТАРЬ..." (с. 151)

Впервые: Лазоревые дали. Стихотворения. СПб., 1908. Начиная с третьего издания – под заглавием "То будет впредь...".

Необычный образ "Мечты безжизненный фарфор! / Фарфоровые грёзы" напоминает "гроб фарфоровый" ("Мои похороны" в *ГК*).

ПРОБА ПЕРА (с. 151)

Впервые в *АШ*.

ЦВЕТЫ И ЯДОЦВЕТЫ (с. 151)

Впервые в *АШ*.

Заглавие навеяно "Цветами Зла" Бодлера и сб. "Цветы ядовитые" И. Лукаша (1910).

"Нельзя не признать законным, – заметил В. Ходасевич, – 〈...〉 соединение прилагательного с существительным в одно слово. Северянин говорит: "алогубы", "белорозы", "златополдень". Но ведь и мы, не задумываясь, произносим: Малороссия, белоручка, босоножка.

В наши дни уже нельзя спорить против права поэта на такие вольности между прочим потому, что им пользовались чуть ли не все поэты, которым мы должны быть признательны за обогащение нашей речи" (Русские ведомости. 1914. 1 мая).

"Сложения типа *ядоцветы*" (златолира, лесоозеро, солнцесвет и др.) вполне сопоставимы с множеством неологизмов Хл〈ебникова〉, таких как *огнебоги*, *лиромиг* и др." (подробнее см.: *Григорьев В.П.* Северянин и Хлебников // *Тезисы*, 52–53).

ПРОМЕЛЬК ("Янтарно-гитарные пчелы...") (с. 152)

Впервые в *АШ*.

О *заглавии* см. примеч. к стих. "В пяти верстах по полотну..." в *ГК*.

Понятной, но далеко не красивой "самодельной иностранщиной" назвал язык этого стихотворения Р.Ф. Брандт: «...и труд – пчел – в изумрудной "Вассалии" (Промельк: "Янтарно-гитарные пчелы") – т.е. в даннических лугах». Но добавил: "...иногда можно догадываться, что уродливая иностранщина подпущена для шутки" (*Критика*, 147).

МИРРЭТЫ (с. 152)

Впервые в *АШ*.

Заглавие является производным от слова "мирра" – ароматическая смола, получаемая из разных растений и высыхающая на воздухе. Измельченная в порошок, применялась как духи и для притираний ("мирровое масло"). Младенцу Иисусу приносят мирру среди прочих даров волхвы (Мф. 2:11). Иисусу перед распятием предлагают дурманящее

питье из вина и мирры (Мк. 15:23). Под именем Мирра публиковала свои стихи М. Лохвицкая.

Посвящение – Зоюсе – возлюбленной поэта, ср. посвящение “Зое Ч.” в “Хабанере I” в *ЗЛ*. Один из критиков в рецензии на брошюру “А сад весной благоухает!..”, где было впервые опубликовано это стихотворение, предположил, что “она, очевидно, цыганка” (Биржевые ведомости. 1909. 11 сент. Утр. вып. № 11306).

ЛЕПЕСТКИ ОЖИВАЮТ... (с. 153)

Впервые в *АШ*.

Эпиграф – из пьесы М. Метерлинка “Монна Ванна” (1902), Действие I, Сцена 3 (слова героя пьесы, Гвидо, обращенные к его возлюбленной Монне Ванне; сообщено А.Н. Никитаевым). “Монна Ванна” была одной из наиболее популярных на русской сцене пьес Метерлинка. В 1902–1904 гг. главную роль в ней исполняла В.Ф. Комиссаржевская. “Монна Ванна” упоминается в стих. Северянина “Морефея” (сб. “Вервена”, 1920).

Метерлинк Морис (1862–1949) – бельгийский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии 1911 г., “бельгийский Шекспир”, творчество которого было популярно в России в начале XX в. и ассоциировалось прежде всего с драмой “Синяя птица” (“L’oiseau bleu”, 1908). Право первой постановки этой пьесы Метерлинк передал К.С. Станиславскому. 30 сентября 1908 г. пьеса была поставлена на сцене МХТ и с тех пор входит в репертуар театра. В “Поэзе о Бельгии” Северянина (1914; *VR*) Бельгия – “укромный приют Мэтерлинка, / Дающий сладостный слон” – ассоциируется с двумя произведениями Метерлинка – “Синей птицей” – “явью или призраком” – и пьесой-сказкой “Принцесса Мален” (1889):

О Бельгия, синяя птица
с глазами принцессы Малэн!..

В романе “Падучая стремнина” (ч. I) Северянин признался:

Из мистиков любил я Метерлинка
И в Лохвицкой улавливал его
Налет.

(*3, 201*)

“Лепестки оживают...” – одно из стихотворений, адресованных Евгении Тимофеевне Гутцан (Злате), см. о ней примеч. к стих. “Ты ко мне не вернешься...” в *ГК*.

СЕРДЦЕ МОЕ... (с. 154)

Впервые: Лунные тени. Стихотворения. Ч. 1. СПб., 1908, без заглавия, с датой «1908 г. 6-го авг. Мыза “Ивановка”».

В 5-м издании печаталось с искажением в 5-й строке: “Пусть же слепые жрецы, бессознательно” вместо “Пусть же слепые жнецы, бессознательно”.

МОЛЧАНЬЕ ШУМА (с. 154)

Впервые: Лунные тени. Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1908, с подзаголовком "Диссонанс".

В заглавии стихотворения использован характерный для Северянина оксюморон, где противоположные качества объединяются в одном (ср., например, "Мисс Лиль" в *ГК* – "*честная бесчестница! белая арабочка!* / Брызгай *грязью чистою* в славный ореол!.. и др. Курсив наш. – *Н.Ш.-Г.)* Северянин называет этот прием "диссонансом" (ср. также "Диссону" в *ГК*) и использует его в разных вариациях.

В интервью корреспонденту "Московской газеты" Северянин говорил: "Как читать мои стихи, спрашиваете Вы, и под какую музыку? Под музыку Скрябина. Мои стихи под музыку Скрябина – здесь должен получиться удивительный диссонанс" (Московская газета. 1914. 31 марта). Эту особенность Северянина подчеркивал А.А. Толмачев в докладе под названием "Крик безмолвия" на поэзо-вечере Игоря Северянина 5 января 1916 г. (см. афишу ГЛМ).

ЧТО ТАКОЕ ГРЁЗА? (с. 155)

Впервые: Весна. СПб.: Изд. Шебуева, 1914 (источник недоступен).

Употребление слова "грёза" в единственном числе вместо множественного отметил в заглавии и тексте этого стихотворения Р.Ф. Брандт (ср. также: "любимая, вечная грёза" – "Земля и Солнце"), который писал, что такие случаи встречались и до Северянина, нисколько не затемняют смысла и почти не заслуживают внимания (*Критика,* 153).

СТАНСЫ ("Счастье жизни – в искрах алых...") (с. 155)

Впервые: Лунные тени. Стихотворения. Ч. 1. СПб., 1908, с вариантом графического расположения строф.

Стихотворение развивает мотивы поэзии М. Лохвицкой. Ср., например: "...царить я б хотела над миром теней, / Миром грёз и чудес вдохновенья..." ("Царица снов", 1889; *Лохвицкая,* 1, 16–17).

ТРИОЛЕТ ("Мне что-то холодно... А в комнате тепло...") (с. 156)

Впервые: Нижегородец. 1912. 1(14) дек.; Весна. СПб.; М., 1914 (источник недоступен).

Посвящение. – Ларионов Петр А. (1889–?) – поэт из окружения Северянина, с которым его сближало, в частности, преклонение перед поэзией Лохвицкой (см. *Ларионов П.* У могилы светозарной поэтессы Мирры Лохвицкой. Элегия // Нижегородец. 1911. 31 дек.). П.А. Ларионов печатался вместе с Северяниным в альманахе "Поэзоконцерт" (М., 1918).

Северянин посвятил Ларионову стих. "Перунчик" (1914; *VR*) (прозвище Перунчик Ларионову дал Фофанов за его динамичность). В автобиографической поэме Северянина "Падучая стремнина" (1922) также есть строки о Перунчике.

Д. Бурлюку запомнился "какой-то серый блондин, которого Северянин нежно называл перунчиком. Перунчик мрачно пил водку" (Голос Родины. Владивосток, 1920. 26 сент.). О Перунчике см. также Дополнения.

СОЛОВЕЙ

Берлин; Москва: Изд. акционерного об-ва "Накануне", 1923. 206 с. Тираж 10000 экз. Обложка Н.В. Зарецкого; репринт – М.: ВТО, 1990; тираж 220000 экз.

В книгу вошло 98 стихотворений, которые Северянин написал в 1918–1919 гг. На обороте посвящения автор пояснял: "Эти импровизации в ямбах выполнены в 1918 г., за исключениями, особо отмеченными, в Петербурге и Тойле". Для Северянина послереволюционный год был сложным и плодотворным временем. Несмотря на заявленную им позицию наблюдателя, аполитичного певца ("Я – соловей: я без тенденций..."), он участвовал в публичных выступлениях, проводимых Союзом деятелей искусств в Петрограде, в московском Кафе футуристов. В Политехническом музее 27 февраля 1918 г. Северянин был избран Королем поэтов. В издательстве Пашуканиса выходило многотомное собрание его поэз, и критики, по словам Виктора Ховина, ставили вопрос не только об Игоре Северянине, но даже шире – о северянизме вообще.

Однако подготовленный в 1918 г. сборник вышел из печати только в 1923 г. За это время 23 произведения было опубликовано в его книге "Pühajögi" ("Пюхайыги", *эст.*, – Святая река), "Интродукция", "Пушкин", «Соната "Изелина"» были включены в книгу "Crēme des Violettes", обе – 1919 г.

Северянин с трудом находил возможность публиковать составленные им новые поэтические книги. Так, в журнале "Русская книга" (Берлин, 1921. № 1. С. 31) он дал объявление, что «имеет для издания следующие неизд⟨анные⟩ еще сборн⟨ники⟩ стихов "Миррэлия", "Ручьи в лилиях", "Соловей", "Настройка лиры", "Менестрель", "Amores", "Фея Eiole" (1920). Эти сборники могли бы составить т. VII–XIV собрания его сочинений».

История издания связана с пребыванием Северянина в Берлине, куда он вместе с женой, Фелиссой Круут, приехал 6 октября 1922 г. В письме Августе Барановой 23 октября 1922 г. он сообщал, что встретил "много знакомых: Минского, Зин⟨аиду⟩ Венгерову, худ⟨ожника⟩ Пуни, Василевского (Не-Букву), Маяковского, Виснапу и др."

Северянин вспоминал: «Маяковский и Кусиков принимали во мне тогда живое участие: устроили в "Накануне" четыре мои книги: "Трагедия Титана", "Соловей", "Царственный паяц" и "Форелевые реки". Деньги я получил за все вперед, выпущено же было лишь две первых» (Заметки о Маяковском). Северянин через Маяковского сдал рукопись в издательство в ноябре 1922 г. По воспоминаниям писателя Льва Никулина, Маяковский собирался, выражаясь стихами самого Северянина, "растолкать его для жизни как-нибудь": «Он рассказал мне о своей встрече с Северяниным в Берлине. Разговор шел о выпущенной в Берлине книге Северянина "Соловей".

– Поговорил с ним, с Северяниным, захотелось взять его в охапку, проветрить мозги и привезти к нам. Уверяю вас, он мог бы писать хорошие, полезные вещи» (Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 496).

Выход в Берлине сборника "Соловей" возродил надежды поэта, особенно надежду на возвращение в Россию. Северянин вспоминал в "Заметках о Маяковском": «Володя сказал мне: "Пора тебе перестать околачиваться по европейским лакейским. Один может быть путь – домой"». Реальность этих надежд подтверждается письмом Северянина А. Барановой 10 января 1923 г.: "Осенью поедем в Россию" (*5, 222*). Тогда же, 24 января 1923 г., Северянин написал Маяковскому дружеское стихотворение, где говорилось о возможном сотрудничестве: "Ты мне побольше, поогромней / Швырни ответные стихи!"

В сборнике “Соловей” сохранились черты первоначального замысла – “Поэмы жизни”. Так, первое стихотворение “Интродукция” и заключительное “Финал” подчеркивают единство композиции произведения и особенности его “раздробленного сюжета”. Многие стихи определены автором как “главы” более крупного произведения, они сюжетно связаны (“Тайна песни”, “Не оттого ль?..”, “Чары соловья”, “Возрождение”) или развивают последовательно одну тему (“Сон в деревне”, “Трактовка”). Более того, стихотворение “Высшая мудрость” было ранее опубликовано в альманахе “Поэзоконцерт” (1918) под названием “Поэма жизни. Отрывок 28-й”. Оставляя замысел поэмы неисчерпанным, Северянин в стихотворении “Финал” пояснял: “Поэма жизни – не поэма: Поэма жизни – жизнь сама!”

В рецензии А. Бахраха (*А.Б.* [Рецензия] // Дни. 1923. № 117. 18 марта. С. 14) повторялся довод прежних критиков, не ценивших особый талант поэта. Для Бахраха Северянин “во время óно закончил делать *свое*, ценное. Ныне регресс превратился в падение 〈...〉. Все те же надоевшие нюансы, фиоли, фиорды, фиаско, рессоры, вервена – Шопена, снова то же старое, затасканное самовосхваление: “я – соловей, я так чудесен”...» По мнению Бахраха, «времена меняются, земля вертится, гибнут цари и царства... а Игорь Северянин в полном и упрямом противоречии с природой безнадежно остается на своем старом засиженном месте 〈...〉 Открываешь книгу и просто не верится, что на ней пометка “1923”».

Несмотря на то что с момента написания книги до ее издания прошло пять лет, рецензент воспринимал стихи в издании 1923 г. вообще как анахронизм: «Северянина-поэта, подлинного поэта, было жалко. От Северянина-виршеслагателя, автора книги поэз “Соловей” делается нудно, уныло». Совсем иначе воспринимал стихи этого периода эстонский поэт, затем профессор русской литературы Вальмар Адамс. В 1918 г. он был редактором газеты “Молот” и часто встречался с Северяниным, о котором дружески вспоминал: “...как он писал стихи! За обеденным столом, во время беседы, экспромтом, – ведь это, что ни говори, биологическое чудо. А какой голос! Однажды в грозу он читал мне стихи под каким-то подобием античного бельведера, уж не помню где, – так он перекрывал гром! Или, случалось, после обеда он сидел у камина и пел одну за другой оперные арии – в доме стены тряслись” (Памяти Вальмара Адамса // Русская мысль. 1999. 4–10 нояб. С. 18).

Экземпляр из личной библиотеки Северянина (РГАЛИ. Ф. 1157. Оп. 2) без обложки, с. 3–10 и 201–205 отсутствуют. На с. 11 вверху красным карандашом Северянин написал: «“Соловей” из〈дание〉 1923 г. К〈нигоиздательст〉во “Накануне” Берлин». Некоторые стихотворения отмечены автором. На переплете тисненный золотом номер “9” – порядковый номер книги в собрании поэз (см. Список Северянина. РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 200).

Посвящение на титульном листе сборника “Соловей”: “Борису Верину – Принцу Сирени”, – также связано с пребыванием Северянина в Берлине осенью 1922 г. Оно относится к поэту Борису Николаевичу Башкирову-Верину, который входил в окружение Северянина в 1915-1918 гг. В письме А. Барановой 22 июня 1922 г. Северянин пояснял: “Я произвел Эссена, Башкирова и Правдина в принцы – Лилии, Сирени и Нарциссов. Они заслужили это – они слишком любят искусство” (*5, 219*).

Борис Верин был в эмиграции дружен с композитором Сергеем Прокофьевым, вместе с которым приезжал в октябре 1922 г. в Берлин, встречался с Северяниным. Об этом упоминает Северянин в письме А. Барановой 23 октября 1922 г.: “Мой верный рыцарь – Принц Сирени – поэт Борис Никол〈аевич〉 Башкиров-Верин – 8-го приехал из Ettal (около Мюнхена), – где он живет с композ〈итором〉 С. Прокофьевым, – чтобы повидаться со мной. Он пробыл в Берлине 8 дней, и мы провели с ним время экстазно: стихи лились,

как вино, и вино, как стихи" (*5, 221*). В память об этих встречах было сделано посвящение книги Борису Верину. Ему также адресованы стихотворения "Борису Верину" (Вервэна) и "Поэза принцу Сирени" (Фея Eolie).

ИНТРОДУКЦИЯ ("Я – соловей: я без тенденций...") (с. 159)

Впервые: Crème des Violettes: Избранные поэзы. [Юрьев]: Odamees, 1919; под заглавием "Интродукция к т. IX" и датировкой: "1918. Toila".

Я – соловей, я – сероптичка... – реплика в адрес обращенных к Северянину строк Маяковского: "Как вы смеете называться поэтом и, серенький, чирикать, как перепел!" (Облако в штанах, 1915).

ЭСТ-ТОЙЛА (с. 159)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Тойла".

Тойла – рыбацкий поселок на северо-востоке Эстонии, где Северянин поселился еще в конце 1911 г., а постоянно жил с 28 января 1918 г. "В Тойле имеются все необходимые удобства: безукоризненная почта, аптека, два, еженедельно по разу, в определенные дни приезжающих приличных доктора, струнный и духовой оркестры, два театра, шесть лавок, а за последние годы во многих домах – радио и телефоны" (*5, 55*).

...От станции в семи верстах... – Ж.-д. станция Йыхви (*эст.* Johvi) была ближайшей к Тойле. Северянин называл ее Иеве или Иевве, например, в письме Л.А. Афанасьеву от 1 августа 1912 г.: "3-го мы уезжаем в Иевве, в $2^1/_2$ ч. езды от Веймарна в сторону к Ревелю..." (РГАЛИ. Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 342). В "Заметках о Маяковском" Северянин приводит такой эпизод:

«Маяковский говорит:

– Проехал Нарву. Вспоминаю: где-то близ нее живешь ты. Спрашиваю: "Где тут Тойла?" Говорят: "От ст. Иеве в сторону моря". Дождался Иеве, снял шляпу и сказал вслух, смотря в сторону моря: "*Приветствую тебя, Игорь Васильевич*"» (курсив наш. – *В.Т.*).

ОПЯТЬ ВДАЛИ (с. 160)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград".

Ажурь – «...от "ажурный" по параллелизму с "лазурной" он восходит к фантастическому слову, производящему "ажуры" (*Критика,* 64).

...Но внемля хлебному куску... – речь идет о литературном заработке и плате за выступления, организованные известным импресарио Ф.Е. Долидзе.

АХ, ЕСТЬ ЛИ КРАЙ? (с. 161)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград" – и вариантами:

в 12-й строке: Порочный шири век не знал?

в 22-й строке: И если есть, что то за край?

Бретлинг – возможно, от названия швейцарской фирмы, выпускавшей часы и приборы для морских судов.

Кургауз – здание на курорте для проведения концертов, балов, часто с гостиницей и рестораном, курзал.

Уж не Эстляндия ль... – По воспоминаниям В. Адамса, в феврале 1920 г. Северянин говорил: "Я космополит, но это не мешает мне любить маленькую Эстию. Страну эту любил и мой мэтр – Федор Сологуб, избравший Тойлу для своего летнего отдыха" (Венок Северянину. Таллин, 1987. С. 16).

НА ЛЫЖАХ (с. 161)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград" – и написанием "Марц" вместо "Мартс".

Удреас (*эст.* Utria) – курортный поселок между Тойлой и Нарвой.

Мартса, Марц (*эст.* Martsa) – пост в окрестностях Тойлы (см. "Два острова").

Изенгоф – Пюсси (*нем.* Neu Isenhof, *эст.* Pussi) – поселок к западу от Тойлы.

Кираса – блестящий металлический нагрудник.

В РЕВЕЛЬ (с. 162)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград".

Катеринталь – парк Кадриорг, заложенный в Таллине в 1718 г. при строительстве летнего дворца Петра I и Екатерины I.

Везенберг – Раквере (*эст.* Rakvere).

ЛЕЙТЕНАНТ С. (с. 163)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград".

Стихотворение посвящено "Лейтенанту С." (псевдоним Константина Константиновича Случевского, 1872–1905), – младшему сыну поэта К.К. Случевского. Ему адресовано также стихотворение "Певец моря. (Памяти лейтенанта С.)".

На Нарове / Его именье "Уголок". – На р. Нарве, по соседству с мызой Северянина, находилась дача К.К. Случевского.

Не подходите, как к Синаю... – Т.е. не ждите особой мудрости (по библейской легенде, на Синайской горе Моисей воспринял от Бога десять заповедей).

...В Цусимском горестном бою. – 14–15 мая 1905 г. японский флот разбил 2-ю Русскую тихоокеанскую эскадру. В этом бою погиб К. Случевский. Северянин посвятил Русско-японской войне первые поэтические и патриотические книжечки стихотворений, объединенные в цикл "Морская война" (см. Дополнения).

Гогланд – остров в Балтийском море (см. "Два острова").

...книга лейтенанта С. – Книга К.К. Случевского-сына "Стихотворения" (СПб., 1907), находилась в библиотеке Северянина в Тойле.

У СОЛОГУБА (с. 163)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград" – и написанием "Мегар" вместо "Мэгар".

В очерке "Сологуб в Эстляндии" Северянин писал: "И мы говорим о Сологубе, 1913–1914-е лета проведшем у нас в Тойле на крайней большой даче у кладбища, которую он собирался даже приобрести в собственность. Как сейчас помню, толстяк Мэгар, хозяин дачи, спрашивал с него восемь тысяч, Сологуб же давал только пять..." (*5, 47*). Сохранились письма Ф. Сологуба Северянину, относящиеся к событиям 1917–1918 гг.

"9 декабря 1917

Дорогой Игорь Васильевич!

16 декабря в субботу, устраивается в Конференц-зале Академии Художеств Вечер поэтов. Очень прошу Вас приехать и прочесть Ваши стихи, чем очень обяжете.

Ваш Федор Сологуб"

"25 декабря 1917 г.

Дорогой Игорь Васильевич,

Опять к Вам усерднейшая просьба: Союз Деятелей Искусства устраивает 3 января вечеринку в конференц-зале с участием поэтов и артистов. Очень обрадуете нас, если приедете и прочтете несколько Ваших стихотворений.

С приветом

Сердечно Федор Сологуб"

(РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 32)

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ (с. 164)

Впервые: *Pühajõgi*, с датировкой: "1918. Петроград".

Матиола (*лат.* Matthiola) – душистый левкой. См. стих. "Те, кого так много".

...Вино открыто продавал... – Т.е. до того как во время Первой мировой войны была введена монополия и запрет на продажу вино-водочных изделий.

ЦАРИЦА РУССКОГО СТИХА (с. 165)

Впервые: *Pühajõgi*, с датировкой: "1918. Петроград".

Одно из цикла стихотворений, посвященных Мирре Лохвицкой. Написано, вероятно, в связи с исполнявшимся в ноябре 1919 г. 50-летием со дня рождения поэтессы (об отношении к поэтессе см. примеч. к стих. "Письмо в усадьбу", *ГК*).

Поэма Лохвицкой "У моря"... – Написана в 1890 г.

Эрик, Ингрид – жители поэтической страны "Миррэлии", придуманной Северяниным.

ДВА ОСТРОВА (с. 166)

Впервые: *Pühajõgi*, с датировкой: "1918. Петроград" – и написанием "Марцем" вместо "Мартсом".

Вариант в 20-й строке:

Захватим водку и табак!

За постом Мартсом... – См. примеч. к стих. "На лыжах".

Один из них зовется Гогланд... – В очерке "По лесам и озерам" Северянин писал: "Тойла расположена на высоком берегу моря ⟨...⟩. Из окон наших – его бесконечная синева, сизость, синеватость, лимонность, и все эти цвета ежедневно чередуются, меняют-

ся, чаруют. Взглянешь влево – острова Гогланд и Тютар вырисовываются скалистые, верст на 50–60" (*5, 100*).

НАРВА ("Я грежу Нарвой, милой Нарвой...") (с. 167)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград".

...город шведский! – Шведская крепость Нарва была отвоевана русскими войсками в 1704 г. в ходе Северной войны.

Гунгербург – пристань на р. Нарве. Северянин писал: "...маяк в Гунгербурге белеет, а до него не менее 40. А там за ним Петербург угадывается, и говорят, что в очень хорошую погоду очень хорошие глаза купола Исаакия видят. Из Гунгербурга. Видят потому, что *хотят* видеть, желание же победительно, верю" (*5, 100*).

ЮРЬЕВ (с. 167)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Петроград".

Эмбах – река Эмайыги (*эст.* Emajogi).

...переназванный из Дерпта... – В 1893 г. немецкое название города – Дерпт – было заменено исконным – Юрьев, которое он носил в 1030–1224 гг. (по христианскому имени основателя города киевского князя Ярослава Мудрого). Ныне – Тарту (Эстония).

ПОЛОВЦОВА-ЕМЦОВА (с. 168)

Вероятно, обращено к пианистке Е.М. Ямцовой-Половцовой, которой была посвящена брошюра "Из песен сердца" (1905, см. Дополнения).

ЕВГЕНИЮ ПУНИ (с. 169)

Пуни Иван Альбертович (1894–1956) – художник, участник выступлений русских футуристов. В 1915 г. организовал «Футуристическую выставку "Трамвай В"» и "Последнюю футуристическую выставку 0,10". С 1921 г. жил в Берлине, затем – в Париже. Пуни издал на свои средства альманах футуристов "Рыкающий Парнас" (1914), в котором впервые печатались вместе эго- и кубофутуристы, а Северянин поставил подпись под общим манифестом "Идите к черту!". Книга была конфискована за кощунственные рисунки Ивана Пуни и Павла Филонова.

Пуни был давним приятелем Северянина. Например, в письме Л.Н. Афанасьеву от 7 сентября 1910 г. поэт сообщал: "...часто навещает меня Арельский, Пуни, Лукаш и мн⟨огие⟩ др⟨угие⟩" (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 45). Вероятно, имя "Евгений" было принято в их общении. См. стих. "Вуалетка" (1910) и "Художнику (Евгению Пуни)" (1908), вошедшее в сборник "Ручьи в лилиях. Поэзы 1896–1909 гг." (не издан), а также автограф Северянина на бр. "Интуитивные краски".

...должен жить безбрачно гений... – Пуни был женат на художнице Ксении Богуславской. Вспоминая о пребывании в Берлине осенью 1922 г., Северянин отметил, что часто встречался с Богуславской и Пуни. Она оформила обложку книги Северянина "Менестрель" (Берлин, 1921).

К АЛЬВИНЕ (с. 170)

Впервые: *Pühajõgi*, с датировкой: “1918. Петроград”.

Эпиграф – из стихотворений К. Фофанова “Всегда мы чувствуем правдиво…” (1887).

ПОЧТАЛЬОН (с. 170)

Впервые: *Pühajõgi*, с датировкой: “1918. Петроград”.

…Велосипедит почтальон. – В очерке “Сологуб в Эстляндии” Северянин писал: “Старый Перник привозит из Иеве почту на велосипеде. Велосипед перевязан весь веревками и скрипит, как немазаная телега. Он выглядит старше своего хозяина. Сологуб приглашает почтальона к столу отдохнуть и закусить. С низкими поклонами бритый старик с голосом менялы садится почтительно на кончик стула.

– Вы, кажется, говорите в таких случаях: *пристулил*, – замечает, обращаясь ко мне, Ф.К.” (*5, 51*).

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) – поэтесса, драматург и переводчица. Северянин включал ее имя в число участников своего сборника “Мимоза” (1907).

ЯЛЯ (с. 171)

Флёртуем (от *англ.* Flirt – ухаживание, любовная игра) – в русский язык вошло через французский как “флирт”, но по-французски существовала и форма “флёртер”, неточно имитирующая английское произношение. Северянин использует ее как изыск также в стихотворении “Сон в деревне”.

СЛАВА (с. 172)

Написано в связи с избранием “Королем поэтов” 27 февраля 1918 г. в Москве, в Политехническом музее, и воспринималось как “автоода”, как пример самовосхваления. Так, в цитированной рецензии на книгу “Соловей” А. Бахрах с иронией отмечал: “…и падал Фофанов к ногам!.. (бедный Фофанов!). Для нового издания все это даже не перечесано заново; старый, довоенный фиксатуар так и лоснится со страниц книги” (“Дни”. Берлин, 1923. 18 марта). К. Мочульский писал: “Игорь Северянин – гений a priori. Обычно поэт представляет критике оценивать свои достоинства… Северянин сначала построил монумент своей гениальности и славе, а потом стал писать стихи” (Русская мысль. 1921. № 8–9. С. 328).

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – поэт, земляк Северянина – уроженец Олонецкого края. Они часто встречались на вечерах в артистическом кабаре “Бродячая собака”. В письме А.В. Ширяевцу от 4 апреля 1915 г. Клюев отмечал: «Многие его стихи в “Громокипящем кубке” мне нравятся» (*Клюев Н.* Словесное древо. СПб., 2003. С. 230).

…И падал Фофанов к ногам! – О встрече с К.М. Фофановым см. примеч. к *ГК.*

Мне первым написал Валерий ⟨Брюсов⟩… – Северянин вспоминал: “Осенью 1911 г. – это было в Петербурге – совершенно неожиданно, ибо я даже знаком с Брюсовым не был, я получил от него, жившего постоянно в Москве, чрезвычайно знаменательное письмо и целую кипу книг…” (*5, 29*).

…И Гумилев стоял у двери… – В ноябре 1912 г. Северянин во время болезни не смог принять приехавшего к нему с визитом Н. Гумилева (см. письмо Северянина Гумилеву 20.11.1912 – *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. P., 1986. С. 141).

Тринадцать книг... – Имеются в виду альбомы критических отзывов, собранные Северяниным и оставленные им в 1918 г. на хранение Б. Башкирову-Верину.

ЕЛИЗАВЕТИНО–КИКЕРИНО (с. 172)

Елизаветино, Дылицы – дачные адреса Северянина близ Петербурга.

Оранская Изабелла – сорт вина. В очерке “Газета ребенка” Северянин писал, что в гостях у И. Игнатьева пил свое излюбленное красное вино “Изабелла” (*5, 80*).

ВЕЙМАРН (с. 173)

Мыза Оболенской, Большая Пустомержа – один из адресов Северянина. Так, в открытке, отправленной Северяниным 23 июня 1912 г. А.Д. Скалдину, говорилось: «Сообщаю Вам свой дачный адрес: ст. Веймарн, Балтийской ж.д., мыза кн. Л.А. Оболенской “Пустомержа”. Надеюсь, что меня как-нибудь навестите. Здесь хорошо, – просторно» (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 81).

АФОРИЗМЫ УАЙЛЬДА (с. 174)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: “1918. Петроград”.

Афоризмы Уайльда. – Книга “Оскар Уайльд. Афоризмы” (Пер. кн. Д.Л. Вяземского. СПб., 1913) была в библиотеке Северянина с дарственной надписью: “Принцу поэтов – Игорю Северянину книгу его гениального брата подарила Ан. Чеботаревская. Одесса, 17/III 1913”. “Иронящий Уайльд” привлекал Северянина (см. прим. к стих. “Оскар Уайльд”, *ГК*).

Северянин также составлял афоризмы, среди них есть посвященный Уайльду: “Люди, уверяющие меня, что я похож на Оскара Уайльда, говорят мне дерзость: я очень люблю Уайльда, но с меня достаточно быть похожим на себя” (*5, 140*).

Мы слышим в ветре голос скальда... – См. парафраз в стихотворении Б. Правдина “Игорю Северянину” (5 мая 1919 г.): “Весь облик северного скальда, / Печаль улыбки, petites manies, – / Вы мне напомнили Уайльда / В его трагические дни” (Венок Северянину. Таллин, 1987. С. 11).

АССОЦИАЦИЯ (с. 174)

О Синей Птице Метерлинка... – Сказка “Синяя птица” бельгийского драматурга Мориса Метерлинка (см. примеч. к *ГК*). Поэт обыгрывает пословицу: “Лучше синица в руке, чем журавль в небе”.

БЫЛОЕ (с. 175)

Не Дельвигу ли Филомела... – Дельвиг Антон Антонович (1798–1831), поэт, друг Пушкина. Род Дельвига с XVI в. связан с Лифляндией и Эстляндией. Филомела – героиня его пасторалей.

И не Мюссе ль – перо Жорж Занд? – Имеется в виду любовный роман Альфреда де Мюссе, французского поэта-романтика, с писательницей Жорж Санд (наст. имя Аврора Дюпен, 1804–1976).

ЛЕЙТМОТИВЫ (с. 176)

За струнной изгородью лиры... – Строка стихотворения, ставшая заглавием брошюры (1908) и сборника избранных стихов Северянина (1918).

Весенний день горяч и золот; Виновных нет: все люди правы... – В качестве лейтмотивов приведены строки из стихотворения “Весенний день” (*ГК*).

СТЭЛЛА (с. 177)

Посвящение – адресат посвящения – “Баронесса С.Р.М-ф (Стэлла)” – не раскрыт.

“Вы лжете мне, мечты!” – Имеется в виду стих. Северянина “Ее монолог“ (“Не может быть! вы лжете мне, мечты!..”, 1909, *ГК*).

О, воплощенная Вервэна! – Слово “Вервэна” образовано от названия цветка – вербена. См. стих. “Вервэна”: “Повеет от волны Вервэной, / Твоею блузкой и косой. / И, смутным зовам неизменный, / Я возвращуюсь к тебе с тоской” (*VR*).

Апологетка поз Далькроза... – Речь идет о модном в начале XX в. увлечении так называемыми “живыми статуями”, позами в ритмопластике по системе Далькроза. Жак Далькроз (наст. имя Жак Эмиль, 1865–1950) – швейцарский педагог, композитор.

...в Калифа превращенный... – Халиф (*араб.*, устар. – калиф) – верховный правитель в мусульманских странах. Переносное значение – человек, наделенный властью на короткое время, – получило распространение благодаря арабской сказке “Сон наяву, или Калиф на час” из “Тысячи и одной ночи”. На этот сюжет была написана популярная оперетта Ж. Оффенбаха (1819–1880) “Калиф на час”.

ФЕВРАЛЬ (с. 178)

Впервые: *Pühajögi*, с датировкой: “1918. Петроград”.

ВЫСШАЯ МУДРОСТЬ (с. 179)

Впервые: *ПА* под названием “Поэма жизни. Отрывок 28-й”.

Посвящение – поэту П.А. Ларионову, прозванному К.М. Фофановым за динамичность “Перунчиком” (см. примеч. выше и одноименное стихотворение в сборнике “Victoria Regia”). “Поэт-народник”, по словам Северянина, заведовал гатчинским птичником.

ЯМБУРГ (с. 179)

Ямбург – с 1922 г. Кингисепп, город на р. Луга и ж.-д. станция между Петроградом и Нарвой.

...С культурным краем пограничный... – Демаркационная линия между РСФСР и Эстляндией в марте 1918 г. проходила близ Ямбурга.

...по этапу / Меня в Эстляндию пошлет... – См. стих. "По этапу".

ПО ЭТАПУ (с. 180)

Впервые: *Pühajõgi,* с датировкой: "1918. Ревель" – и с вариантом во 2-й строке: Два дня под "арестом" пробыв.

В вагоне заперты товарном... – Возвращаясь после выступлений в Москве в оккупированную немецкими войсками Эстляндию, Северянин попал в двухдневный карантин в Нарве, затем 13(26) марта 1918 г. "по этапу" был отправлен вместе с М. Домбровской в товарном вагоне в Ревель (Таллин). См. стих. "Музе музык", обращенное к ней и датированное" «13 марта 1918. Ревель, гост⟨иница⟩ "Золотой лев"». В конце марта вернулся в Тойлу.

...Чрез Везенберг и через Тапс... – Ж.-д. станции в Эстонии – Раквере и Тапа.

Мир заключен, но мы в плену. – Брестский мир заключен 3 марта 1918 г., стихотворение написано 14(27) марта 1918 г. в Ревеле. Новые мотивы в стихах поэта отмечал М. Струве: "...гораздо лучше, сойдя с философских ходуль и прекратив жеманные причитания на социальные темы, Игорь Северянин скользит по поверхности или делает иронически-насмешливые картинки действительности" (Воля России. Прага, 1921. 23 июня).

В ХВОЙНОЙ ОБИТЕЛИ (с. 181)

Впервые: *Pühajõgi,* с датировкой: "1918. Тойла".

Написано в день возвращения в Тойлу из Ревеля, где Северянин находился под арестом.

РЕСКРИПТ КОРОЛЯ (с. 181)

Написано в связи с избранием Северянина Королем поэтов на вечере в Политехническом музее в Москве 27 февраля 1918 г. Объявление о вечере печаталось в газете "Власть народа" (15 февр. 1918): "Поэты! Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Всех поэтов, желающих принять участие на великом грандиозном празднике поэтов, просят записываться в кассе Политехнического музея".

С.Д. Спасский вспоминал, что выступать разрешалось всем: «На эстраде сидел президиум. Председательствовал известный клоун Владимир Дуров.

Зал был забит до отказа. Поэты проходили длинной очередью. На эстраде было тесно, как в трамвае ⟨...⟩ Маяковский читал "Революцию", едва имея возможность взмахнуть руками ⟨...⟩ Он швырял слова до верхних рядов, торопясь уложиться в отпущенный ему срок.

Но "королем" оказался не он. Северянин приехал к концу программы. Здесь был он в своем обычном сюртуке. Стоял в артистической, негнущийся и "отдельный".

– Я написал сегодня рондо, – процедил он сквозь зубы вертевшейся около поклоннице.

Прошел на эстраду, спел старые стихи из “Кубка”. Выполнив договор, уехал. Начался подсчет записок ⟨...⟩ Северянин собрал записок немного больше, чем Маяковский...» (Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 169).

Этому событию посвящено стихотворение “Двусмысленная слава”, а также “Слава”, «Любители “гелиотропа”». Рецензируя книгу Северянина, А. Дроздов писал: “...поэт не изменился, не растратил своего богатого лирического таланта ⟨...⟩ Всякую минуту, с хризантемой в петличке, он готов выйти на эстраду, и беда лишь в том, что нет аудитории, некому рукоплескать” (Русская книга. Берлин, 1921. № 2. С. 11).

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА (с. 182)

Двусмысленная слава. – Впервые это определение появилось в “Поэзе вне абонемента” (*ГК*). Участник выступлений в “Кафе поэтов” А.В. Климов-Гришечко вспоминал: “Игорь Северянин, этот непревзойденный в свое время поэт – мастер искусной эротики, в стихах и поэмах самовосхваляющего стиля показывался здесь под видом пролетария, в форме призывника, в простых сапогах, с целью предупреждения преждевременного забвения читателем своего имени” (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 13).

...Ведь кто живописует площадь, тот пишет кистью площадной. – Критики находили у Северянина «своеобразный вкус, который как раз “площади” может прийтись по душе ⟨...⟩ “поешь деликатного, площадь: придется товар по душе” (*Критика*, 74).

Каноник – здесь: соблюдающий правила, нерушимые каноны.

...я – лирический ироник... – Одновременно с книгой “Соловей” Северянин продал изд-ву “Накануне” рукопись Изборника 2-го: “Царственный паяц (Сатира и ирония)”, который не был напечатан. Размышляя об особенностях иронического мироощущения, А. Блок в статье “Ирония” писал, что «самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Это болезнь – сродни душевным недугам и может быть названа “ирония” ⟨...⟩ Кричите им в уши, трясите их за плечи, называйте им дорогое имя, – ничто не поможет. Перед лицом проклятой иронии – все равно для них: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 374).

ЛЮБИТЕЛИ “ГЕЛИОТРОПА” (с. 183)

Гелиотроп – кустарник семейства бурачниковых, с желтыми душистыми цветами, содержит гелиотропин, применявшийся в парфюмерии в начале XX в. для изготовления одеколонов. Цветок гелиотропа следует за движением солнца, и поэтому с давних времен он служил символом поклонения, власти, эмблемой набожности у христиан, атрибутом святых и пророков.

“Приказчик или парикмахер”. – О Северянине часто писали: “Любительство, безвкусие, парикмахерская и галантерейность”, “хуже дяди Михея, парикмахер, парфюмерный магазин” (*Критика,* 56, 37); «...писатель, сумевший совместить в себе и отмеченного Богом поэта, и парикмахера, воспевающего “ликеры” и “лимузины”» (Журнал журналов. 1915. № 3. С. 17). А. Измайлов считал, что когда из стихов Северянина «исчезнут парикмахерские духи и марки шампанского, ему из гроба ласково улыбнется такой ему

родственный и так нежно им любимый певец "Царевича Триолета"» (Русское слово. М., 1914. 14 марта; имеется в виду К. Фофанов).

Maître d'hotel (*фр.*) – метрдотель.

Crème des violettes (*фр.*) – фиалковый ликер (см. *ГК*), так же назывался сборник Северянина.

Риго – Гиацинт (Иасент) Риго (1659–1743) – французский живописец, автор парадных портретов знати.

...кроме "русской", есть Танго?.. – Речь идет о русской пляске (см. "Русская" в *ГК*) и популярном среди футуристов танце танго. Например, Маяковский включил в поэму "Война и мир" (Пг., 1917) нотные записи аргентинского танго "Эль чокло".

ВСЕПРИЕМЛЕМОСТЬ (с. 184)

..."Все люди правы". – См. примеч. к стихотворению "Весенний день" (*ГК*).

ЭПИЗОД (с. 184)

"Сказки Гофмана" – пятиактная опера Жака Оффенбаха (1887).

"Ки-ка-пу" – эстрадный танец (от названия индейского племени).

Интермеццо (*итал.* intermezzo, букв. перерыв) – инструментальная музыкальная пьеса, занимающая промежуточное положение между основными частями произведения.

"КАРМЕН" (с. 185)

"Кармен" – популярная опера Жоржа Бизе по мотивам новеллы Проспера Мериме (1874).

Наваха (*исп.* navaja) – длинный складной нож, род холодного оружия.

Тальма – в XIX в. короткий мужской плащ, названный по имени французского актера Франсуа Тальма.

Аликант(е) – город в Испании и марка вина.

Микаэла, Дон Хозе, Эскамильо – персонажи оперы "Кармен".

Фигнер Медея Ивановна (1859–1952) – русская певица итальянского происхождения, солистка Мариинского театра, с 1930 г. жила в Париже.

Арнольдсон Сигрид (1861–1943) – шведская певица. См. "Арнольдсон" (Дополнения).

Гай Мария (1879–1943) – испанская певица.

ДЮМА И ВЕРДИ (с. 186)

Дюма и Верди воедино / Слились... – Опера Джузеппе Верди "Травиата" (1853) написана на сюжет романа и пьесы Александра Дюма-сына "Дама с камелиями". См. также *ГК* и стих. "Верди" (1927). В. Гиппиус противопоставлял в пристрастиях Северянина

“подлинное искусство” (Фофанов, Лохвицкая, Тома, Массне) «второсортному, как бы нарочно выкроенному по масштабу среднего интеллигента (Надсон, “Травиата”, М. Прево)» (*Критика*, 85).

Маргарита – Маргарита Готье, героиня драмы Дюма.

Виолетта – героиня оперы Верди.

...Каратыгин ~ Назвав “водицею”... Тома! – Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875–1925) – музыкальный критик, исследователь творчества А. Скрябина и С. Прокофьева, не разделял вкусов Северянина (см. в следующем стих.: «назвать “Миньону” нотным кваском...»). Иванов-Разумник также писал о Северянине: “Он с восторгом поглощает, например, такую музыкальную дрянь, как Тома, Массне, Масканьи: пишет о них, посвящает им стихи!” (*Критика*, 74).

АМБРУАЗ ТОМА (с. 186)

Амбруаз Тома – автор лирических опер “Миньона” (1866) и “Гамлет” (1868), один из любимых композиторов Северянина (см. примеч. к стих. “Памяти А. Тома”, *ГК*).

О ЧЕМ ПОЕТ? (с. 187)

Фелина – один из “амбруазных мотивов” Северянина (см. примеч. к “Песенке Фелины”, *ГК*).

ОБЗОР (с. 188)

...Уже глава сороковая... – Вероятно, поэт рассматривал предыдущие 40 стихотворений книги как главы “Поэмы жизни”.

СОН В ДЕРЕВНЕ (с. 188)

Стеклярусовая эгретка... – Эгретка (*фр.* aigrette) – торчащее вверх перо, украшающее женский головной убор или прическу. Здесь – из стеклянных бус.

Méditerrannée (*фр.*) – средиземноморский пляж.

Флёртэр, флёрт (см. коммент. к стих. “Яля”).

Beau-monde (*фр.*) – бомонд, высшее общество.

ТРАКТОВКА СНА (с. 189)

Посвящение – Фелиссе Михайловне Круут (1902–1957), которая в декабре 1921 г. стала женой Северянина. По воспоминаниям В. Адамса, Фелисса Круут – “скромная, чем-то напоминающая амазонку дочь тойлаского рыбака, не сводит с поэта глаз, отливающих серо-стальным блеском морской волны” (Венок Северянину. Таллин, 1987. С. 18).

РЕЧОНКА (с. 189)

Впервые: *Pühajögi*, с датировкой: “1918. Тойла”.

Пюхаеги, пюхайыги (эст.) – Святая река, протекала рядом с Тойлой. Так же названа первая книга Северянина, изданная в Эстонии (1919).

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ (с. 190)

Написано под впечатлением последней встречи с Брюсовым в феврале 1917 г. в Баку после трехлетней размолвки. В очерке “Встречи с Брюсовым” Северянин рассказывал: “Мы сидели в отдельном кабинете какого-то отеля ⟨...⟩ один именитый армянин города, Балкис Савская и я, когда вдруг неожиданно распахнулась дверь и без доклада, даже без стука, быстро вошел улыбающийся Брюсов. ⟨...⟩ мы заключили друг друга в объятия и за рюмкой токайского вина повели вновь оживленную – в этот раз как-то особенно – беседу” (*5, 34*). Это свидетельствует о том, что Северянин простил Брюсову его негативные отзывы на книги “Златолира” и “Ананасы в шампанском”.

...berceuse'ные рессоры... – berceuse (*фр.*) – колыбельная, один из частых мелодических приемов Северянина. См. “Berceuse осенний” (*ГК*) или “Berceuse томления” (*АШ*). Контраст музыкального и урбанистического мотивов использовал также Маяковский в тезисах доклада “Перчатка” (13 октября 1913 г.): “Berceuse оркестром водосточных труб”.

ТЕ, КОГО ТАК МНОГО (с. 191)

Абсент (*фр.* absinthe) – спиртной напиток, полынная настойка.

“A rebours” (*фр.*) – “Наоборот”, роман французского писателя Шарля Гюисманса (1848–1907). Оскар Уайльд называл роман “кораном декаданса”.

Дез'Эссент – герой романа “Наоборот” (1884, рус. пер. – 1906). Последний представитель аристократического рода, он “всегда был без ума от цветов ⟨...⟩ Одновременно с утончением его литературных вкусов и пристрастий, самым тонким и взыскательным отбором круга чтения, а также ростом отвращения ко всем общепринятым идеям отстоялось и его чувство к цветам ⟨...⟩ Дез'Эссенту казалось, что цветочную лавку можно уподобить обществу со всеми его социальными прослойками...”.

...на скамейке в матиоле... – маттиола, или левкой, – скромный душистый цветок казался аристократам, как отмечено в романе Гюисманса, “цветком трущоб”. См. “Прежде и теперь”.

ОБОЗЛЕННАЯ ПОЭЗА (с. 192)

В любви не знающий фиаско... – В Тойлу Северянин приехал с М. Домбровской, отношения с которой подходили к концу, чем объясняется “обозленный” характер поэзы.

МАЛЕНЬКИЕ ПОЯСНЕНИЯ (с. 193)

Mesdames (*фр.*) – дамы.

О ЮГЕ (с. 193)

Калабрия – полуостров на юге Италии.

Моя Мария – Мария Васильевна Домбровская (Волнянская) – жена Северянина в 1915–1921 гг. (см. *ГК*).

Миррэлия – идеальная страна в стихах Северянина, где жили его герои – Ингрид и Эрик. В письме А. Барановой от 12 июня 1922 г. Северянин пояснял: «Так вы полагаете, что Миррэлия – на *Гогланде*? Не слишком ли это определенно для призрачного?.. О, дорогая и любимая, светло и дружески скажу словами Св. Мирры: "Все то, что выше жизни, зовется сном..."» (*5, 220*). Так же по созвучию с именем поэтессы Мирры Лохвицкой названа книга Северянина "Миррэлия: Новые поэзы" (Берлин–Москва, [1922]. Обл. Е. Лисснер-Бломберг).

...Как Сологубу – сон-Маир! – Утопическая земля Ойле у Федора Сологуба освещалась звездой Маир: "Там, в сияньи ясного Маира, / В колыханьи светлого эфира, / Мир иной таинственно живет" ("Звезда Маир"-2).

МАРТ (с. 194)

...Улыбка грустной Эмарик. – В эстляндской легенде о белых ночах "Койт и Эмарик" (*Pühajögi*) Северянин рассказывает историю любви зажигателя солнца Койта (*эст.* Koit – заря) и гасительницы солнца Эмарик (*эст.* Hamarik – сумерки). В очерке "В ялике по морю" (1927) Северянин писал: "В первом часу ночи было это, когда утренняя заря – Койт – целуется с вечерней – Эмарик, когда рыбаки собираются в море и бледные, весною взволнованные лица приморских девушек соперничают в белизне с вешней белой ночью" (*5, 133*). Ср.: "И ночь – Ночь Белая – неслышной / К нам приближается стопой..."

MADIS (с. 195)

Madis (*эст.*) – Мадис, эстонское мужское имя.

"Quo vadis" (*лат.*) – Куда идешь?" (в древнерусском варианте "Камо грядеши?") – упрек явившегося апостолу Петру Иисуса Христа, побудивший апостола, уходившего из Рима во время гонений на христиан, повернуть назад; а также, название романа польского писателя Генрика Сенкевича.

НОРВЕЖСКИЕ ФИОРДЫ (с. 195)

Впервые: *Pühajögi*, с датировкой: "1918. Тойла".

ЛЬВУ НИКУЛИНУ (с. 196)

Никулин Лев Вениаминович (Ольконицкий, 1891–1967) – русский писатель, дебютировал как поэт 12 февраля 1910 г. в "Одесском листке" (стих. "На смерть Комиссаржев-

ской"). В 1918 г. в Москве вышел сборник его мистификаций "История и стихи Анжелики Сафьяновой с приложением ее родословного древа и стихов, посвященных ей". Илья Эренбург вспоминал, что "познакомился с мечтательным, кудреватым Л.В. Никулиным; он прочитал нам стихи очень меланхолические – про гроб" (Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1982. С. 198). Вероятно, откликом на эти стихи стало поэтическое приглашение Никулину, использовавшему образ Павла I, посетить мызу "Ивановку", расположенную близ гатчинского дворца императора.

В свою очередь, Никулин посвятил Северянину пародию: "У попа, у грезера был породистый пинчер..." (Русская литература XX в. в зеркале пародии. М., 1993. С. 123).

СТИХИ И. ЭРЕНБУРГА (с. 196)

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), поэт и прозаик, в 1910-е годы жил в Париже и Берлине. Несмотря на внимание к творчеству Северянина, материалов о нем в книгу "Портреты русских писателей" (Берлин, 1922) Эренбург не включил.

...пред паденьем Петербурга... – Имеется в виду переименование царем Санкт-Петербурга в Петроград после начала I Мировой войны (1914).

...Случайно книжка Эренбурга... – Вероятно, его сборник "Стихи" (Париж, 1910) или "Будни" (Париж, 1913).

И культом ли католицизма... – "Культ католицизма, сочетание религиозности с чувственностью" у Эренбурга отмечал В.Я. Брюсов (*Брюсов В.Я.* Собр. соч. Т. 6. М., 1975. С. 364–365).

Crêpe de chine (*фр.*) – крепдешин, китайский шелк.

Она была, должно быть, третьим / Его трудом... – К 1918 г. вышло пять поэтических сборников Эренбурга, третий из них – "Одуванчики" (Париж, 1912).

В ПАРКЕ (с. 199)

Впервые: *Pühajögi,* с датировкой: "1918. Тойла".

Pühajögi (*эст.*) – река Пюхайыги (Святая река).

РАССКАЗ КНЯГИНИ (с. 200)

Посвящение – светлейшей княгине Ольге Федоровне Имеретинской, вдове варшавского генерал-губернатора, у которой Северянин снимал дачу в 1907 г.

полу-toqúe (*фр.*) – сумасшедший.

БЭБЭ (с. 200)

Посвящение. – Возможно, речь идет о Марии Дризен. В поэме "Роса оранжевого часа" Северянин писал: "Мой путь любовью осюрпризен, / И удивительного нет, / Что я влюблен в Марусю Дризэн, / Когда мне только девять лет" (*3, 154*).

КН. Б.А. ТЕНИШЕВУ (с. 201)

Князь Б.А. Тенишев – директор Череповецкого реального училища, в котором Северянин учился в 1897–1902 гг. На квартире директора в здании училища он проживал, по его словам, “три зимы”.

Штраусовская “Электра” – опера немецкого композитора Рихарда Штрауса (1864–1949) “Электра” (1909), образец музыкального экспрессионизма.

...новгородская тоска!.. – До 1918 г. Череповец входил в состав Новгородской губернии, затем – Вологодской области.

СТИХИ АХМАТОВОЙ (с. 202)

С Анной Андреевной *Ахматовой* (1889–1961) Северянин познакомился на вечерах в артистическом кабаре “Бродячая собака” в 1912 г., посвятил ей “Поэзу о поэтессе”, “Перед войной” и сонет “Ахматова”. Вместе с А. Блоком и Северяниным Ахматова выступала на Бестужевских курсах (*Чуковский К.* Дневник 1901–1929. М., 1997. С. 257). Б. Пастернак писал А. Ахматовой 28 июля 1940 г.: “Наверное я, Северянин и Маяковский обязаны вам безмерно большим, чем принято думать, и эта задолженность глубже любого нашего признанья, потому что она безотчетна” (Литературное наследство. Т. 93. С. 661).

Comme il faut (*фр.*) – прилично, как надо.

...Надсона повадка... – О. Мандельштам называл книгу С. Надсона “Стихотворения”, выдержавшую до 1917 г. 29 изданий, *ключом эпохи*, а надсоновщину – *загадкой русской культуры* (*Мандельштам О.Э.* Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 15, 16). Критики не раз отмечали с иронией: “...стоит потереть Северянина, обнаружится Надсон”. Давид Бурлюк высказывал удивление, что поклонники “проглядели в кумире столичных девиц и дам, как ни в ком, звучащие нотки любви к ближнему и большой сердечной отзывчивости”, характерные для поэзии С. Надсона.

...”мраморная муха”... – К стихотворению дано примеч. автора: “Честь этого обозначения принадлежит кубофутуристам”. Действительно, по свидетельству современников, В. Хлебников так называл О. Мандельштама (*Шкловский В.* Гамбургский счет. М., 1990. С. 173). Северянина Хлебников шутливо именовал “Усыплянином”. В письме к М. Матюшину в апреле 1915 г. В. Хлебников сообщал: “Для меня существуют 3 вещи: 1) я; 2) война; 3) Игорь Северянин?!!!” (*Хлебников В.* Неизданные произведения. М., 1940. С. 379).

ЛИРА ЛОХВИЦКОЙ (с. 203)

Одно из цикла стихотворений памяти Мирры Лохвицкой. См. примеч. к стих. “Письмо из усадьбы” (*ГК*), а также стихи, написанные в начале 1920-х годов: Мирре Лохвицкой. 1905 – 27 авг. 1920 // Свободное слово. 1920. 27 авг.; Молитва Мирре // Последние известия. 1921. 20 июня.

Агнесса, Ванделин – герои стихов М. Лохвицкой (см. *ГК*).

БАЛЬМОНТ (с. 204)

К.Д. Бальмонт приезжал к Северянину в Тойлу 9–11 июля 1920 г.

...славословит солнце он. – В библиотеке Северянина были книги К. Бальмонта “Будем как солнце” и др. О своей тяге к солнцу Бальмонт писал во вступлении к Полно-

му собранию стихов: "Мое творчество началось под Северным небом, но силой внутренней неизбежности, через жажду безгранного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины, подошло к радостному Свету, к Огню, к победительному Солнцу" (*Бальмонт К.* Полное собрание сочинений. М., 1909. Т. 1. С. VII–VIII).

В нем голоса всего и всех. – Слова Северянина созвучны определению И. Анненского: "В поэзии Бальмонта есть все, что хотите: и русское предание, и Бодлер, и китайское богословие, и фламандский пейзаж..." ("Бальмонт – лирик", 1904).

БРЮСОВ (с. 204)

...фокус всех цветов и светов... – Намек на заглавие сборника В. Брюсова "Семь цветов радуги" (1916), в который входили посвященные Северянину стихотворения "Строя струны лиры клирной..." и "Ты стремишься ввысь, где солнце...".

Он – президент среди поэтов. / Мой царский голос за него. – Северянин вспоминал, что на одной из ранних брошюр (1912) сделал надпись Брюсову: «Господину Президенту республики "Поэзия" изнеможенный наследник сожженного короля» (*5, 29–30*). Кроме того, речь идет о создании в Москве в конце 1918 г. Всероссийского союза поэтов, председателем которого был избран В.Я. Брюсов. Возможно, Северянин как Король поэтов голосует за его избрание заочно, поскольку последняя встреча с Брюсовым у него произошла в феврале 1917 г. в Баку.

Великий лаборант – определение связано со стиховедческими работами Брюсова в книге "Опыты".

СОЛОГУБ (с. 205)

Фиоль – название декоративного растения желтофиоль, лакфиоль, созвучное словам "фиолетовый" (цвет) и "виола" (средневековый музыкальный инструмент). См. также "Фиалка" (*ГК*).

...чарователь, чаровальщик, / Чарун... – Ср. с заглавиями произведений Ф. Сологуба – "Навьи чары", "Книга очарований", "Очарования земли".

Такой поэт, каких нет больше: / Утонченней, чем тонкий Фет. – Цитируя эти строки в заметке "Триолеты Сологуба, написанные им в Тойле" (1927), Северянин отмечал: "Федор Сологуб – самый изысканный из русских поэтов... Трудно представить себе, как из такого типичного пролетария, каким был по рождению Сологуб, мог развиться тончайший эстет, истинный гурман в творчестве и жизни..." (*5, 54*).

Фет Афанасий Афанасьевич (Шеншин, 1820–1892) – поэт-лирик, некоторое время жил в Эстляндии.

ГИППИУС (с. 205)

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэтесса, драматург, публиковала критические статьи под псевдонимом Антон Крайний. В связи с выходом *ГК* она неодобрительно отзывалась о творчестве Северянина, считала его стихи "описательством", где "ego" и не ночевало (Новая жизнь. 1913. Февр. № 2), называла поэта "обезьянкой Брю-

сова". Северянин посвятил Гиппиус стихотворение "Балтийское море" (1913) и сонет "Гиппиус" (1926). Он упомянул Антона Крайнего в сатире "Парижские Жоржики" (1927) и статье "Новая простота...". В 1931 г. он писал: "Я человек большой веротерпимости ⟨...⟩ Люблю Гумилева и одновременно Гиппиус" (Письмо Софье Карузо от 12 июня 1931 г. – *5, 253*).

ПЯТЬ ПОЭТОВ (с. 206)

Сохранилось признание Северянина: "Нравится ли Вам Гумилев, Гиппиус, Бунин, Брюсов, Сологуб – как поэты? Это мои любимейшие" (Письмо Софье Карузо от 12 июня 1931 г. – *5, 254*). Напротив, критик русского зарубежья К. Мочульский считал, что в творчестве Северянина «в искаженном и извращенном виде изживается культура русского символизма ⟨...⟩ Солнечные дерзания и "соловьиные трели" Бальмонта, демоническая эротика Брюсова, эстетизм Белого, Гиппиус и Кузмина, поэзия города Блока – все слилось во всеобъемлющей пошлости И. Северянина. И теперь в эпоху "катастрофических мироощущений" эта скудость духа русского поэта ощущается особенно болезненно» (Русская мысль. Прага, 1921. № 8–9. С. 325).

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, теоретик символизма. Он называл Северянина "блудным сыном" муз, который "из поколения в поколение накопленные родительские книги начинает распродавать и покупает на них ликеры и тому подобное" (*Альтман М.С.* Из бесед с поэтом Вяч.И. Ивановым (Баку, 1921) // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 305).

Андрей Белый (Б.Н. Бугаев, 1880–1934) – поэт и прозаик, теоретик символизма. В. Брюсов отмечал близость северянинской "мещанской драмы" книге А. Белого "Пепел".

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – поэт и прозаик. 23 сентября 1910 г. Северянин писал своему другу Л.Н. Афанасьеву: "Не будете ли любезны, не пришлете ли мне Бунина: настроение читать его, изящного, тонкоперого, атласистого..." (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 45). Бунин в беседе с корреспондентом газеты "Южная мысль" весной 1913 г. говорил: "Странным и непонятным для меня являются серьезные статьи об Игоре Северянине – об этой слишком мелкой величине в литературе" (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 376). Личная встреча писателей состоялась лишь в 1938 г. в Таллине.

Кузмин Михаил Алексеевич (1875–1936) – поэт, прозаик, композитор. Северянин писал в сонете "Кузмин" (1926): "Он жалобен, он жалостлив и жалок. / Но отчего от всех его фиалок / И пошлых роз волнует аромат?"

Рокфорно... камамберно... – Определения образованы от названия деликатесных сортов сыра "рокфор" и "камамбер", отличавшихся специфическим запахом.

Костер – ассоциация с заглавием книги Н. Гумилева "Костер" (июль 1918).

ЕЕ КАПРИЗ (с. 207)

Посвящение. – В 1918 г. исполнилось пять лет со дня гибели Н. Львовой. *Львова* Надежда Григорьевна (1891–1913) – поэтесса, печаталась в альманахах близкой эгофутуристам группы "Мезонин поэзии". Ее сборник "Старая сказка" (1913; 2-е изд. – 1914) вышел с предисловием В.Я. Брюсова. "Я, как и Вы, – писала ему Н. Львова, – в любви хо-

чу быть и первой, и – единственной. А Вы хотели, чтобы я была одной из многих? Этого я не могу". Причудливым памятником печального романа В.Я. Брюсова с Н.Г. Львовой, окончившегося самоубийством поэтессы, осталась его книга "Стихи Нелли". Эта литературная мистификация стала известна одновременно с *ГК* (1913), в котором было одноименное стихотворение. Северянин отмечал: "Брюсов выпустил книжку северянизированных стихов под псевдонимом моей героини Нелли" (см.: *Лавров А.В.* "Новые стихи Нелли" – литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия 1985. Л., 1987. С. 70–96).

Дебют в Москве. – Брюсов организовал выступление Северянина в Обществе свободной эстетики 20 декабря 1912 г. На вечере присутствовали Н. Львова, Вл. Ходасевич, Б. Пастернак, М. Ларионов, Н. Гончарова и др.

ВИКТОР ГОФМАН (с. 207)

Посвящение – памяти В.В. Гофмана.

Гофман Виктор Викторович (1884–1911) – поэт, последователь В. Брюсова, соученик Вл. Ходасевича по московской гимназии. Автор двух сборников стихотворений и книги прозы "Любовь к далекой". Он оказал влияние на раннего Маяковского. Посмертное собрание сочинений В. Гофмана в двух томах вышло в изд-ве В.В. Пашуканиса (1917), где тогда печаталось собрание поэз Северянина. Рецензируя книги В. Гофмана, Д. Выгодский писал, что поэт сумел "не только привлечь симпатии читателей, но и оставить след своей небольшой, но яркой индивидуальности в современной поэзии". По мнению Д. Выготского, Северянин обязан ему многим, заимствовав у него некоторые синтаксические "изыски". Такова строфа В. Гофмана, которая, возможно, "послужила образцом для половины произведений Игоря Северянина:

Она мимоза. Она прекрасна.
Мне жаль вас, птицы! И вас, лучи,
Вы ей ненужны. Мольбы – напрасны.
О, ветер, страстный, о, замолчи!

Последнее обстоятельство говорит за то, что ранняя смерть Гофмана, быть может, лишила нас незаурядного поэтического дарования" (Летопись. Пг., 1917. № 7–8. С. 318–319). Северянин дал подзаголовок "На мотив Виктора Гофмана" стихотворению "Поэза Южину" ("Весеннее! весеннее! как много в этом слове...") (1917).

ПУШКИН (с. 208)

Впервые: Crême des Violettes: Избранные поэзы. [Юрьев]: Odamees, 1919, с датировкой: "1918" – и вариантом первой строки: "Он – это чудное мгновенье".

...чудное мгновенье... – Из стихотворения А.С. Пушкина "К***" ("Я помню чудное мгновенье...").

У МОРЯ (с. 208)

Впервые: *Pühajögi*, с датировкой "1918. Тойла".

К МОРЮ (с. 209)

Впервые: *Pühajögi*, с датировкой " 1918. Тойла".

РАЗБОР СОБРАТЬЕВ (с. 210)

Моя душа сказать готова / Всё, беспристрастье возлюбя. – Примером этого, безусловно, была книга (*Критика*), где Северянин собрал не только положительные отзывы, но и злые, несправедливые суждения критики, насмешливый "разбор собратьев". Так, А. Др⟨оздов⟩, рецензируя книгу Северянина *Pühajögi*, не находил в ней ничего нового: "...ни настроений, ни тем, ни техники, кроме двух-трех словообразований, свыше меры причудливых" (Русская книга. Берлин, 1921. № 2. С. 11).

ВАСИЛИЮ КАМЕНСКОМУ (с. 210)

Каменский Василий Васильевич (1884–1961) – поэт-кубофутурист, один из первых русских летчиков. Северянину он посвятил стихотворение "Карусель" из книги "Звучаль веснеянки" (1918):

Игорю Северянину –
твоему песнеянству

Карусель – улица – кружаль – блестинки
Блестель – улица – сажаль – конинки
Цветель – улица – бежаль – летинки
Вертель – улица – смежаль – свистинки
Весель – улица – ножаль – путинки.

...Идешь с распятия эстрад! – Ср. у В. Маяковского: "Это взвело на Голгофы аудиторий ⟨...⟩ распни его" ("Облако в штанах", 1915).

...в твоих глазах дитяти... – См. стихотворения В. Каменского "Сердце детское" (1916), "Слова и слова" ("Мой талант – мое детское сердце...)" и др.

Журчеек – неологизм В. Каменского встречается в стихах "Жить чудесно" (1909), "Чурлю-журль" (1910).

ПОСЛЕ "ОНЕГИНА" (с. 211)

Татьяна, Зизи – Татьяна Ларина, героиня романа "Евгений Онегин"; княжна Зизи – персонаж одноименной повести В.Ф. Одоевского.

РИСУНОК ИГЛОЙ (с. 212)

Рамо Жан-Филипп (1683–1764) – французский композитор.

Дидло Шарль Луи (1767–1837) – французский балетмейстер.

В ДЕРЕВНЕ (с. 212)

Содом и Гоморра – в Ветхом Завете (Бытие, 13–19) города, жители которых были сожжены небесным огнем за то, что погрязли в разврате. Б.В. Правдин слушал это стихотворение в исполнении Северянина в Тарту 7 февраля 1920 г. и написал: “Вы гневно пели о Гоморре, / Сплетали мирты Красоте…”.

“ЗОЛА В СТЕКЛЕ” (с. 213)

…Ты, человек, – “зола в стекле”! – Возможно, образ связан с немецким выражением “непрозрачный человек”.

А.К. ТОЛСТОЙ (с. 214)

Посвящение – княгине Лидии Михайловне Ухтомской (урожд. Лотарёвой), кузине Северянина, вышедшей замуж за племянника к.-адм. П.П. Ухтомского.

Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – поэт, прозаик и драматург, произведения которого Северянин знал и любил с детства.

Мария – имеется в виду стих. А.К. Толстого “Ты помнишь ли, Мария…”.

“Сватовство” – стихотворение А.К. Толстого.

ТАЙНА ПЕСНИ (с. 214)

Дебюсси Клод (1862–1918) – французский композитор-импрессионист.

Серов Александр Николаевич (1820–1871) – композитор, автор оперы “Вражья сила”, отец живописца Валентина Серова.

А. Толстой – А.К. Толстой.

ЧАРЫ СОЛОВЬЯ (с. 216)

И в пенье бестенденциозном… – “Соловьиное простодушие” поэта отмечали современники: например, по словам А. Дроздова, у Северянина “можно сыскать стихи той кисейной нежности, на которую он большой мастер…” (Русская книга. Берлин, 1921. № 2. С. 11).

ВОЗРОЖДЕНИЕ (с. 216)

Освободясь от исхищрений/Когтистой моды… – О новом этапе в северянинском творчестве писал М. Слоним: “…искусственность, модная маска и элегантно изысканная поза не окончательно убили поэтическую непосредственность И. Северянина, и подчас его талант блеснет свежо и молодо” (Воля России. Прага, 1921. 23 июня).

"ЭТИ" МУЖЧИНЫ (с. 217)

...критиков ухмылки... – Например, А. Бахрах писал: "...талант действительного поэта Игоря Северянина душим Игорем Северянином" (Дни. 1921. 22 нояб.).

...автор "Ананасов" – так именовали Северянина журналисты (см. примеч. к *АШ*).

ВНЕ ПОЛИТИКИ (с. 218)

...Здесь нет политики... – Северянин противопоставлял "дачный мир" Тойлы Петрограду, где после Февральской революции им был написан цикл политических стихов "Револьверы революции", в том числе "Гимн Российской республики" ("Мы, русские республиканцы...").

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАБСТВА (с. 218)

Запрещенье водки... – Речь идет о водочной монополии (см. "Прежде и теперь").

СОНАТА "ИЗЕЛИНА" (с. 219)

Впервые: Crème des Violettes: Избранные поэзы. [Юрьев]: Odamees, 1919, с датировкой: "1918. Toila".

Поэтическая соната на тему книги Кнута Гамсуна "Пан". "В последние дни я все думал и думал о вечном дне северного лета", – так начинается повествование от имени героя – Дидерика. В него вплетается миф о Пане и несколько фрагментов об Изелине. «В этих лесах бродила Изелина, здесь она склонялась на мольбы охотников ⟨...⟩ (с. 76) Изелина подманит Дидерика к дереву и скажет: "Постой-ка здесь, Дидерик, да поглядывай, стереги Изелину" (с. 29) ⟨...⟩ Я расскажу тебе о моей любви. Когда Изелине исполнилось 16 лет, она в первый раз увидала молодого Дундаса́. Он был ее первой любовью...» (с. 76; цит. по: *Гамсун К.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. СПб.: Шиповник, 1908; пер. С. Полякова). Игорь Северянин воссоздал монолог Изелины.

ГЕОРГИЮ ШЕНГЕЛИ (с. 223)

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт, критик, первые книги стихов написал под влиянием Северянина, с которым встретился в начале 1914 г. Совершил два турне с Северяниным в 1916 г., читая на поэзовечерах доклады о его творчестве. В 1927–1941 гг. переписывался с Северяниным и помог напечатать его стихи в СССР (1941). В стихотворении "На смерть Игоря Северянина" 15 марта 1942 г. Г. Шенгели благодарно писал: "Милый Вы мой и добрый, / Мою Вы пригрели молодость...".

...Аполлона... культ. – Упоминание о культе Аполлона, покровителя искусств и наук, о "мудрых кельях", сравнение Шенгели с дирижером, вероятно, связаны с его выступлениями на поэзовечерах в 1916–1917 гг.

Корнет-а-пистон – Cornet à pistons (*фр.*) – духовой музыкальный инструмент.

...Поющий смерть... – Намек на мотивы первых книг Шенгели "Розы с кладбища", "Зеркала потускневшие", "Лебеди закатные".

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Стихи 1922–1930. Белград, 1931. 135 с. (Серия "Русская библиотека", книга 33). Тираж 2500.

Книга вышла в сентябре 1931 г. попечением югославской Академии наук (на четвертой стороне обложки: "Издательская комиссия Палаты Академии наук"). До этого в серии "Русская библиотека" были изданы книги Амфитеатрова, Бальмонта, Бунина, Гиппиус, Куприна, Мережковского. Северянин дважды приезжал в Югославию, выступал в Академии наук с лекциями и концертами.

Книга предварялась посвящением Ее Величеству королеве Югославии Марии и стихотворением в ее честь. В качестве заглавного произведения было выделено стихотворение "Классические розы", на обороте страницы напечатан текст от автора:

"Эти стихи, за исключением особо отмеченных, написаны в Эстонии, в Тойла.

Estonie, Toila – эти два слова являются полным и неизменным с 1918 г. адресом автора этой книги".

Идея книги и ее заглавие возникли значительно раньше, чем появилась возможность ее напечатать. 23 октября 1927 г. в Тарту, 25 января 1928 г. в Таллине и 26 февраля 1928 г. в Вильно прошли вечера Северянина "Классические розы". Его выступление 2 ноября 1927 г. в Даугавпилсе (Двинске) носило название «От "Громокипящего кубка" до "Классических роз"». Р. Круус предположил, что к этому времени уже существовал какой-то вариант рукописи сборника с названием "Классические розы". Ранее, в 1925 г., первая публикация стих. "Запевка" сопровождалась пометой: «Из нового сборника "Чаемый праздник"» (впоследствии так был назван раздел книги). В интервью газете "Последние известия" (Таллин. 1925. 5 июня) Северянин говорил, что стихи цикла "Чаемый праздник" написаны в марте 1925 г.

13 стихотворений 1923–1924 гг., позже напечатанных в "Классических розах", включались автором в рукописный сборник "Лирика: 1918–1928". В ноябре 1930 г. в газете "Сегодня" сообщалось о том, что Русский культурный комитет в Югославии приобрел и выпускает книгу Северянина "Стихи о России". Замысел сборника менялся с годами, а возможности издания были ограничены. В письме Софье Карузо 12 июня 1931 г. Северянин отмечал: «А "Классические розы" все еще печатаются… Это уже похоже на анекдот: с января!» *(5, 254)*.

Сборник включал 159 стихотворений и два перевода: стихотворение А.С. Пушкина "Мой портрет" (с фр.) и Ю. Словацкого "Мое завещанье" (с *польск.*). Стихи объединялись в шесть тематических разделов. "Чаемый праздник" (21), "Бессмертным" (4), "Девятое октября" (22), "На колокола" (6), "У моря и озер" (41), "Там, у вас на Земле" (65). Текст печатался по нормам старой орфографии. Предварительно 115 стихотворений было опубликовано в газ. "Сегодня" (Рига), 17 – в "Последних известиях" (Ревель), 13 – в газ. "За свободу!" (Варшава), 7 – в газ. "Русское эхо" (Берлин), 5 – в газ. "Время" (Берлин), а также в газ. "Руль", "Последние новости", "Старый Нарвский листок", "Новое русское слово" (список составлен Игорем Северяниным, РГАЛИ). Часть публикаций осталась не просмотренной составителем ввиду недоступности газет.

Книга "Классические розы" полностью опровергала суждения критики об оскудении таланта Северянина. Она была итоговой и открывала новый период творчества Северянина. Автор видел в ней своеобразную точку отсчета и в примечаниях к рукописному сб. "Литавры солнца" указывал: «Работа периода "КР"». Об этом говорит и дарственная надпись сыну: "Дорогому сыну Вакху – стихи эстонского этапа моего всемирного пути. Автор. Toila. 8.IX.1931 г." Экземпляр книги Северянин подарил президенту Эстонии К. Пятсу.

Заглавие “Классические розы” связывало поэта с классической литературной традицией, о которой писал В.В. Набоков: “Роза пылала на ланитах пушкинских красавиц. В кущах Фета она расцветала пышно, росисто и уже немного противно. О, какая она была надменная у Надсона! Она украшала дачные садики поэзии, пока не попала к Блоку, у которого чернела в золотом вине или сквозила мистической белизной”. С первыми, классическими, розами связан другой важный мотив, воплощенный в этом хрестоматийном образе, – память об оставленной родине. Для Вл. Ходасевича так происходит восстановление духовной общности России и зарубежья. В стих. “Петербург“ он пишет о том, что “привил-таки классическую розу / К советскому дичку” (12 дек. 1925; вошло в сборник “Европейская ночь”. Париж, 1927). Иначе раскрывается семантика образа в книге Георгия Иванова “Розы” (Париж, 1931), где поэт прощается с прошлым навсегда “сквозь розы и ночь, снега и весну...” “Классичность” определяла принадлежность Северянина к каноническому литературному ряду и направление его творческой эволюции. Это сразу ощутили современники поэта, например, Георгий Адамович писал: “Северянин стал совсем другой, он больше не подвывает, а читает как все, вырос, стал мудр и прост” (Последние новости. 1931. 17 сент.). Одно из поздних выступлений Северянина 20 января 1938 г. в обществе “Витязь” (Таллин) с лекцией о русской поэзии XX в. носило заглавие “Путь к вечным розам”.

Одновременно с публикацией подборки стихов из книги “Классические розы” в журнале “Числа” (1931. № 5) была помещена благожелательная заметка Николая Оцупа “Северянин в Париже” в связи с выступлениями поэта в феврале 1931 г.: “Поэзия Северянина освежает и радует короткое время, но, раздражая нашу потребность к стихам, она не может насытить и утолить”.

В рецензии Петра Пильского (*П.* “Ни ананасов, ни шампанского” // Сегодня. 1931. № 255. 15 сент. С. 8) говорилось: “С этим именем связана целая эпоха. Игорь Северянин был символом, знаменем, идолом лет петербургского надлома ⟨...⟩. Умер Петербург, переродился Игорь Северянин ⟨...⟩ Столичные наваждения оказались минутными. Сейчас Игорь Северянин – поселянин”.

Среди новых черт его поэтического мира названо неприятие города и современной цивилизации, “искусство променявшей на фокстротт”, женщин “бездушных и практичных”, всей “рассудочно-черствой” Европы. Утешение, по мнению Пильского, поэт находит в семье, в тишине далекой Тойлы, в мюнхенской удочке, в ночных мечтах и книгах. Однако “ни скорбь по России, ни мечтательные надежды на ее новое воскрешение, ни любовь к родной стране, и жизненные потрясения, ни седина, ни года не изменяют, не разрушают основного строя души, не умерщвляют коренных, врожденных, взрощенных пристрастий” Северянина, которые более всего проявлялись в “склонности к словесной изобретательности”.

В личной библиотеке Северянина (РГАЛИ. Ф. 1157. Оп. 2) сохранился экземпляр с авторской правкой, вставками и зачеркиваниями. Последняя жена поэта, В.Б. Коренди, записала 10 июня 1940 г.: «Однажды я увидела Северянина, стоящего у окна. Он был в глубокой и настороженной думе... Две книги лежали на письменном столе: “Классические розы” и “Медальоны”. Он медленно, как будто в глубоком раздумьи, листал их... потом снова ходил по комнате, снова стоял у окна. В его душе что-то зрело, что-то вынашивалось, что-то пело. Вдруг он сел за стол, решительно взял ручку.

Я подошла сзади и заглянула в книги. То, что я увидела, потрясло меня: он широкими, уверенными взмахами ручки зачеркивал строки. “Боже мой! – воскликнула я, – что ты делаешь? Зачем калечишь чудесные книги!” Он повернулся ко мне, ласково и ободряюще улыбнулся и поднял руку, как бы защищая себя от моих укоров.

“Верушка, мембрана моя! Пойми, слушай, внимай, а главное пойми! Пойми, я рождаюсь вторично. Я рождаюсь совершенно иным, я перевоплощаюсь. Понимаешь? И строки мои тоже» (Коллекция М.Г. Рогозиной). Экземпляр использовался для подготовки нового издания, возможно, книги “Из последних стихотворений”, переговоры о которой велись с Госиздатом в 1940 г. Изъяты страницы с посвящением и стих. “Королеве Марии”, а также с. 9–10 и 17–18, зачеркнут текст стих. “Кто же ты?” “И будет вскоре...”, “Спящая красавица” и “Ужас пустынь”, снят ряд посвящений. Авторские пометы воспроизводятся в комментарии. Исправление опечаток, сделанное рукой Северянина, внесено в основной текст.

КОРОЛЕВЕ МАРИИ (с. 227)

Мария – дочь короля Румынии Фердинанда I, в 1922 г. стала супругой Александра Карагеоргиевича (1888–1934), сына короля Сербии. После создания единого королевства Александр и Мария стали королем и королевой Югославии (1929–1934). На поддержку русской эмиграции ими ежегодно выделялось около 80 млн динаров. В очерке “Гроза в Герцеговине” Северянин писал: “... к русским писателям там относятся бережно и радушно. Незадолго перед этим в Белграде был съезд зарубежных писателей. Король Александр принимал их сердечно” (*5, 154*).

...Я Вас увидел с удочкой в руках... – Северянин увлекался рыбной ловлей и ценил это в других – ср. стих. “Поэза верной рыболовке” (1920), “Моя удочка” (1927).

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ (с. 227)

В авторском экземпляре варианты:

в 6-й строке: Мы изменили матери-стране...

в 10-й строке: Вернуться в дом мы робко ищем троп...

В 1930-е годы А.Н. Вертинский исполнял песню на слова Игоря Северянина с небольшими различиями:

Игорь Северянин:	Александр Вертинский:
В те времена Моей любви, и славы, и весны Прошли лета, и всюду...	В те дни Моей прекрасной голубой страны Прошли года. И всюду...

(*Вертинский А.* Текст и ноты: За кулисами. М., 1991. С. 203–204.
Отмечено С. Блох)

Эпиграф – первая строфа стихотворения “Розы” И.П. Мятлева (1796–1844). Строки вошли в стихотворение в прозе И.С. Тургенева, написанное им во Франции и ставшее символом ностальгического чувства. Мятлевская рифма “розы–морозы”, спародированная Пушкиным, соотносится со сквозной рифмовкой текста: “розы–грёзы, слёзы, грозы”. Эта задающая смысловой стержень цепочка – очень устойчива для Северянина, в особенности для ранних стихов: “Я дряблый мир готовлю к сдаче, / Плетя на гроб себе венок”; “Цветов побольше на крышку гроба...”; “На гроб букеты вы положите...” (*Тезисы,* 66). Иронические мотивы “post mortem”, присущие романтикам, привлекали Северянина также в поэзии К.К. Случевского: “Умер я! Есть ощущения...”; “Будем уми-

рать!"; "...Но чтоб туда пройти, ты должен умереть!" Северянин цитировал в 1924 г. строки из "Траурных песен" К.М. Фофанова: "Мои надгробные стихи/Должны быть розовой окраски..." (см. стихи Северянина "Мои похороны", *ГК*, а также название первой книги Г. Шенгели "Розы с кладбища"). Художественное чтение стихотворения в прозе И.С. Тургенева "Как хороши, как свежи были розы..." Северянин включал в программу своих поэзоконцертов в 1916 г.

Как хороши, как свежи будут розы... – две последние строки стихотворения были выбиты на надгробии Северянина на Александро-Невском православном кладбище в Таллине.

ЧАЕМЫЙ ПРАЗДНИК

ЗАПЕВКА (с. 228)

Впервые: За свободу! Варшава, 1925. 6 апр.; с подзаголовком: «Из нового сборника "Чаемый праздник"» – и датировкой "1925. Ш. Toila".

В том же номере в статье Е.Ш.(Е.С. Шевченко) "Колокола оранжевого часа" о стих. "Запевка" говорилось: «Не сменится ли у Игоря Северянина "мороженое из сирени" куском насущного черного хлеба – хлеба мечты о возрожденной России? И кто знает, не искупит ли он своего прошлого поэтического карнавала новыми для него часами "пасмурных будней горя..."» (За свободу! Варшава, 1926. 6 апреля).

КТО ЖЕ ТЫ? (с. 228)

В авторском экземпляре стихотворение перечеркнуто.

Северянин читал стихотворение на вечере в Зале Шопена в Париже 27 февраля 1931 г. Марина Цветаева, присутствовавшая на выступлении, писала С.Н. Андрониковой-Гальперн 3 марта 1931 г.: "Единственная радость ⟨...⟩ за все это время – долгие месяцы – вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он – стал им. На эстраде стояло двадцатилетие ⟨...⟩ первый мой ПОЭТ, т.е. первое осознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России)" (*Цветаева М.И.* Об искусстве. М., 1991. С. 413).

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ (с. 229)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1925. 18 окт.; с датировкой: "1925 г., Тойла".
В авторском экземпляре варианты 2–4-й строк:

Твоя душа постичь стихию
Сердец вспененных не смогла.
Так смолкни, жалкий: увела

И БУДЕТ ВСКОРЕ... (с. 229)

Впервые: Русское эхо; Ревельское время. 1925. 18 мая (с пометой «Из "Эхо"»).
В авторском экземпляре – вычеркнуто.
Обращено к Ф.М. Круут, на которой Северянин был женат с декабря 1921 по 1935 г.

Ей также посвящены стихи “Фелисса Круут”, “Любовь коронная”, “Как хорошо…”, “Ведь только ты одна…” и др.

…И мы поедем домой, в Россию. – Северянин не оставлял надежд вернуться на родину. См. стих. “Ночь на Алтае”.

ИЛИ ЭТО ЧУДИТСЯ? (с. 230)

Цветаева, обращаясь к Северянину в неотправленном письме (1931), подчеркивала: “В *моей* памяти – и в памяти вчерашнего зала – Вы останетесь молодым. Ваш зал… Зал с Вами вместе двадцатилетних… Себя пришли смотреть: *свою* молодость: свою последнюю – как раз еще успели! – молодость, любовь…” (*Цветаева М.* Об искусстве. М., 1991. С. 412).

В ТОТ МАЙ (с. 230)

На подстриженной Стрелке… – Стрелка Васильевского о-ва в Петербурге.

…нежелись горизонталки. – Недалеко от Стрелки на берегу Невы расположен городской пляж.

…в Островской оправе. – Острова – место отдыха горожан. См. стих. “На острова!” (*ГК*).

Угаслыми были горелки… – Горелки газовых фонарей не зажигали с наступлением белых ночей.

РУССКИЕ ВИЛЫ (с. 231)

Впервые: Последние известия. 1925. 22 окт., с датировкой: “1925 г.”.

ОТЕЧЕСТВА ЛИШЕННЫЙ (с. 232)

В авторском экземпляре вариант 22–23-й строк:

…В бессмысленности борьбы
Достойным отдать врагам…

Я МЕЧТАЮ... (с. 233)

Впервые: Последние известия. Ревель. 1924. 11 июля, под названием “Бессмертная поэза” и с посвящением О.В. Гзовской; Иллюстрированная Россия. Париж, 1931. 23 мая, под названием “Я мечтаю о том, чего нет”.

В авторском экземпляре вариант 9–11-й строк:

Знаю: землю избавить от бед
Предназначено русскому краю.
Оттого и я русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

В “Заметках о Маяковском” Северянин упоминает, возможно ошибочно, о том, что осенью 1922 г. в Берлине Маяковский читал поэту его же новые стихи: “Их культурность” (из “Менестреля”) и “Я мечтаю о том, чего нет” (из газеты)” (*5, 172*).

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА (с. 233)

В авторском экземпляре зачеркнуто.

КОЛЫБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ НОВОЙ (с. 234)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1925. 31 янв.
В авторском экз. вариант 21-й строки:
А вдохновенно и радостно-вёсно,

СТИХИ МОСКВЕ (с. 234)

Впервые: Двинский голос. 1927; Последние новости. Париж(?).
Купэ – здесь: двухместная коляска.

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА (с. 235)

В авторском экземпляре вариант 7-й строки:
Размышлял о таком поступке

...в новгородских дебрях. – Имение Сойвола на р. Суде, близ Череповца, до 1918 г. относилось к Новгородской губернии.

...нашего завода... – Речь идет о картонном заводе, принадлежавшем тетке поэта Е.П. Журовой.

...В город, в котором учились дети... – В Череповце Северянин жил в 1895–1902 гг. См. автобиографическую поэму “Роса оранжевого часа”.

ПАСХА В ПЕТЕРБУРГЕ (с. 236)

В авторском экземпляре 6-я строфа вычеркнута.
...из торцов мостовая... – Мостовая из деревянных или каменных брусков.

НОЧЬ НА АЛТАЕ (с. 237)

Написано в ответ на рассказ Макара Дмитриевича Баранова, брата А. Барановой, о чтении стихов Северянина у костра на Алтае. В письме Северянина М. Баранову говорилось: “Итак Вы почувствовали Алтай, с давних пор меня к себе влекущий, воспетый мною в Петербурге ⟨...⟩ Читали на бивуаке мои стихи, – горжусь такой декорацией! Как хотелось бы самому быть там, самому читать водопадам”. Автор ссылается на “Алтайский гимн” (Алтайский Коктебель, *ГК*).

На горах Алтая... – Эту строку Б. Куняев взял эпиграфом к стих. “Встреча”: “...Игорь Северянин/Вдруг заговорил.../Не “поэзы”, “грёзы”/Слышались у скал:/Русские березы,/Русская тоска” (Венок Северянину. Таллин, 1987. С. 59).

СЛОВА СОЛНЦА (с. 239)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1925. 2 апр., с датировкой: “Март 1925 г.”.

БЫВАЮТ ДНИ (с. 240)

Впервые: Сегодня. Рига, 1930. 11 янв.; Старый Нарвский листок. 1933, 25 мая.

Слом Иверской часовни. – В 1928 г., во время реконструкции Красной площади, была сломана часовня в честь иконы Иверской Божией матери и Воскресенские (Иверские) ворота в Историческом проезде. Ныне восстановлены.

Китеж. – "Сказание о невидимом граде Китеже и чудесной деве Февронии" рассказывает о спрятанном от нашествия на дне озера Светлый Яр праведном городе Китеже.

МОЯ РОССИЯ (с. 241)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1924. 13 авг.; Русское эхо. Берлин; Старый Нарвский листок. 1932. 4 июня, датировано: "1924". Входило в сборник "Лирика. 1918–1928", оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3).

Эпиграф – строки из стих. А.А. Блока "Россия" (1908).

В авторском экземпляре вариант предпоследней строки: Моя бессмертная Россия.

БЕССМЕРТНЫМ

125 (с. 242)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1924. 8 июня, без заглавия, с указанием места написания: "Тойла". Под заглавием "125", с датировкой: " Toila. 1924" – входило в сборник "Лирика. 1918–1928", оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3).

Заглавие "125" связано с тем, что стихотворение написано к 125-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина и напечатано в специальном выпуске газеты. Пушкину было посвящено и последнее стихотворение – "О том, чье имя вечно ново", напечатанное в московском журнале "Огонек" (1941. № 13 (май). С. 6). В Оглавлении *КР* дано под заглавием "Бессмертные".

В авторском экземпляре вписано заглавие: "Змея Олегова коня…"

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! – Ключевые слова крылатых фраз "Солнце русской поэзии" А.А. Краевского и "Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!.." Ф.И. Тютчева.

Предажа – неологизм Северянина, образованный от глагола "предать" (по аналогии с "продать – продажа").

…Посредственная Natalie… – Северянин был знаком с пушкинистом П.Е. Щёголевым, автором книги "Дуэль и смерть Пушкина", где говорилось о роли Наталии Николаевны Пушкиной в судьбе поэта. В письме Г. Шенгели от 23 мая 1941 г. он пояснял: "Откровенно говоря, никто из нас не знает *ничего*. Смотря кого читает, каким источникам вверяется. Очень возможно, что она была идеальной женщиной. Не спорю и не могу спорить. Но когда я это писал, мне казалось так (1924). А теперь мне ничего не кажется" (*5, 295*).

…Змея Олегова коня… – Аллюзия к "Песни о вещем Олеге" А.С. Пушкина, где князь Олег "принял смерть от коня своего".

БАЛЬМОНТУ (с. 242)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 6 марта; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 27 марта.

Написано в ответ на стих. К. Бальмонта "Игорю Северянину", которое появилось в газете "Сегодня" 27 февраля 1927 г.:

> Наш час свиданья – помнишь? – был желанен.
> Там в Ревеле. Мы оба – из огня.

Машинописный текст с подписью и вырезку из газеты Бальмонт прислал Северянину (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед.хр. 36).

– Во всей стране нас только двое-трое... – Ср. "Нас мало – избранных..." (А.С. Пушкин. "Моцарт и Сальери"). Именно Бальмонт занял третье место при избрании Короля поэтов 27 февраля 1918 г. в Политехническом музее (см. примеч. "Соловей"). Возможна также аллюзия к стих. Б. Пастернака "Я их мог позабыть" ("Нас мало. Нас, может быть, трое...") из имевшейся в библиотеке Северянина книги "Темы и варьяции" (М.; Берлин, 1923; указано Р. Круусом: *Северянин.* Сочинения. Таллин, 1990. С. 464).

НЕЗРЯЧЕЙ (с. 243)

Иоланта, Бертран – персонажи оперы П.И. Чайковского "Иоланта" (см. *ГК*).

ЛИДИИ ЛИПКОВСКОЙ (с. 243)

Входило в сборник "Лирика. 1918–1928", оставшийся неизданным, под названием "Сонет Лидии Липковской" (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3).

О Л.Я. Липковской – см. "Кузина Лида" (*АШ*). Северянин писал: "В особенности часто, почти ежедневно, посещал я оперу в сезоны 1905–07 гг. При мне делали себе имена такие величи́ны, как Л.Я. Липковская...". 22 июня 1925 г. Северянин сообщал А.Д. Барановой: "В Берлине виделся почти ежедневно с Липковской, и Лидия Яковл⟨евна⟩ предложила мне в октябре устроить совместно с нею концерты в Париже и Бессарабии, где она постоянно живет. Мне это весьма улыбается" (*5, 232–233*). По ее приглашению выступал в концерте 2 июля 1934 г. в Кишиневе.

Сирень весны моей – "Сирень моей весны" – название 17-й брошюры Северянина (1908, см. Дополнения).

ДЕВЯТОЕ ОКТЯБРЯ

ДЕВЯТОЕ ОКТЯБРЯ (с. 244)

Впервые: Сегодня. Рига, 1925. 7 июня. Входило в сборник "Лирика. 1918–1928", оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3), под заглавием "9-ое октября 1919 г." и датировкой: "Tartu. X, 1923".

Название стихотворения и раздела в целом связано с датой знакомства Северянина и Ф.М. Круут – 9 октября 1919 г. В. Адамс вспоминал: “Этот высокий, в долгополом черном сюртуке, человек с лицом цыганского барона привлекает к себе все взоры… В Эстонии он встретился с первой женщиной, с которой решил обвенчаться” (“Венок Северянину”. Таллин, 1987. С. 15, 17). По словам Ю. Шумакова, присутствовавшего на венчании Северянина и Ф. Круут в Успенском соборе в Тарту, «шафером невесты был эстонский поэт-сатирик Аугуст Алле. Человек среднего роста, он, видимо, утомился держать венец над Фелиссой Михайловной. Ростом она была под стать высокому Северянину. Недолго думая, шафер надел венец на голову невесты, “короновав” ее» (Венок Северянину. Таллин, 1987. С. 73).

ДОРОЖЕ ВСЕХ... (с. 245)

Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 3), с указанием места и даты написания: “Toila – Uljaste. Авг. 1923”.

...дороже первой Златы! – Речь идет о Е.Т. Гутцан (см. сб. “Злата” и автобиографический роман “Падучая стремнина”).

Голгофа – гора, на которой был распят и терпел крестные муки Христос.

ЕЕ ПИТОМЦЫ (с. 245)

Впервые: Старый Невский листок. 1925, 24 окт. Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3).

Озеро Uljaste – Ульясте (*эст.*), озеро, на берегу «гора в форме дивана, на “сиденье” – новый, крепко строенный деревянный дом», в котором летом снимал дачу Северянин (см. очерк Северянина “Дом на диване” – *5, 112*).

“МОРЯНА” (с. 245)

Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3).

ФИОЛЕТОВОЕ ОЗЕРКО (с. 246)

Впервые: Сегодня. Рига, 1925. 22 марта. Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед.хр. 3); с указанием места и даты написания: “Toila, 31.XII, 1923”.

Фелисс – имя жены Северянина, Ф.М. Круут.

ЗАКАТЫ ОДИНОЧЕСТВА (с. 247)

Впервые: Сегодня. Рига, 1926. 7 марта.

Я пишу ей… – См. автограф Северянина Ф. Круут на фотографии: “Не омрачай лица моего словами, тебе не свойственными. Помни, кто ты для меня, ты ведь вечная, непреходящая, непреложная моя подруга. Игорь. 1923.X. Тарту. Eesti” (Северянину – 100. Каталог выставки. Таллин, 1987. С. 33).

И ТОГДА – (с. 247)

Впервые: Сегодня. Рига, 1926. 1 окт.

Посвящение – Правдин Борис Васильевич (1887–1960) – филолог, преподаватель Тартуского университета. Северянин назвал его" Принцем Нарциссов", в его альбом он вписал также стих. "Рондо" (1920) в ответ на посвящение Правдина "Как были холодны колонны..." (1920).

Шпильгаген Фридрих (1829–1911) – немецкий писатель; на русском языке в 1896–1899 гг. выходило его собрание сочинений в 23-х томах. В письме А. Барановой от 5 янв. 1930 г. Северянин упоминал, что Ф. Круут Шпильгагена "прочла полностью".

ЗЕЛЕНОЕ ОЧАРОВАНЬЕ (с. 248)

Впервые: Сегодня. Рига, 1928. 22 июня.

СЕРЕБРЯНАЯ СОНАТА (с. 249)

Впервые: Сегодня. Рига, 1925. 18 окт.

НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ СОН (с. 250)

Впервые: Числа. Париж, 1931. № 5; напечатано под цифрой "3" в подборке из пяти стихотворений. Не датировано. Варианты пунктуации.

Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока. – Круут хорошо знала поэзию и сама писала стихи. В письме Георгию Шенгели от 12 сентября 1927 г. Северянин отмечал: "Она пишет стихи и по-эст⟨онски⟩ и по-русски, целодневно читает, выискивая полные собрания каждого писателя. Она универсально начитана, у нее громадный вкус" (*5, 267*).

ПОЮЩИЕ ГЛАЗА (с. 250)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 4 дек.

Малларме Стефан (1842–1898) – французский поэт, теоретик символизма.

НА ЗАКАТЕ (с. 251)

Лесков Николай Семенович (1831–1895) – один из любимых писателей Северянина, назвавшего книгу своих воспоминаний словами Н. Лескова – "Уснувшие вёсны".

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ (с. 251)

Бурже Поль Шарль Жозеф (1852–1935) – французский романист.

Кюрасо – сорт ликера.

УЗОР ПО КАНВЕ (с. 252)

Впервые: Русское эхо. Берлин; Время. Берлин, 1925. 2 февр. Входило в сборник "Лирика. 1918–1928", оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 3); с указанием даты и места написания: "IX, 1923. Toila – Vallaste – Jārve" – и последней строфой, не вошедшей в текст книги:

Если в жизни нет девушек, кто глаза заневестили,
А бабища развратная без лица и без глаз,
Пусть возникнет огромное в этой маленькой Эстии:
Ведь у нас гениальная чудотворка – игла!

...за синими птицами... – Намек на философскую сказку М. Метерлинка "Синяя птица" (1908).

ОТЛИЧНОЙ ОТ ДРУГИХ (с. 253)

Впервые: Числа. Париж, 1931. № 5; напечатано под цифрой "1" в подборке из пяти стихотворений. Не датировано.

Смирнов Дмитрий Александрович (1882–1944) – оперный тенор, обладал голосом широкого диапазона и высокой музыкальной культурой. После революции жил за границей, но выступал и в СССР.

...Ты шестое печалишься лето. – Речь идет о том, что шесть лет минуло со дня прощания с Александром Блоком, скончавшимся 18 августа 1921 г.

ЛЮБОВЬ КОРОННАЯ (с. 254)

Впервые: Сегодня. Рига, 1929. 9 окт.

В авторском экземпляре снято посвящение "Ф.М.Л." (Фелиссе Михайловне Лотарёвой), поскольку после 1935 г. женой поэта стала Вера Борисовна Коренди (1903–1990). По той же причине Северянин зачернил свою надпись на книге "Адриатика": "Фелиссе – единственно – любимой – Игорь. Тойла... 1932... август".

ВЕДЬ ТОЛЬКО ТЫ ОДНА! (с. 255)

Впервые: Сегодня. Рига, 1929. 17 нояб.

Н. Оцуп отмечал: «Не очень изменился автор "Громокипящего кубка" и в лучшей части своего таланта. Правда, вместо "ананасов в шампанском" он воспевает сельскую природу и рыбную ловлю, вместо забав и соблазнов света воспевает семейную жизнь и свою жену» (*Н.О.* Северянин в Париже // Числа. Париж, 1931. № 5. С. 264).

ЛЮБОВНИЦА (с. 255)

В авторском экземпляре варианты:

4-я строка: Сама ли Патти его пропой

Третья часть зачеркнута.

Патти Аделина (1843–1919) – итальянская певица, гастролировала в России.

СТИХИ ОКТЯБРЬСКОГО ЗАКАТА (с. 257)

Волконский Сергей Михайлович (1860–1937) – директор Императорских театров, музыкальный критик, автор книги “Мои воспоминания”.

Я только что кончил работу с эстонского... – Вероятно, речь идет о сборнике переводов “Поэты Эстонии: Антология за сто лет (1803–1902 гг.)” (Юрьев, 1928).

НА КОЛОКОЛА

НА КОЛОКОЛА (с. 258)

Стихотворение и раздел в целом посвящены поездке в Пюхтицкий женский Успенский монастырь в Эстонии в 1927 г.

МОЛИТВА (с. 259)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 23 янв.; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 27 февр.

Посвящение – Ф.М. Достоевскому, в связи с 45-й годовщиной со дня смерти писателя, отмечавшейся в 1926 г.

Всё находимое порастерял... – Обращая внимание на эту строфу, критик Петр Пильский замечал: “С прошлым не расстаются. Его тащат, как горб, – до могилы. Былые видения не меркнут. Отсюда – вздохи и сожаления” (Сегодня. Рига, 1931. 15 авг. № 255. С. 8).

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ (с. 261)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 22 мая; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 12 июня.

Посвящено русскому композитору и пианисту Сергею Васильевичу Рахманинову (1873–1943), который написал романс на стих. Северянина “Маргаритки”. В 1926–1927 гг. Рахманинов помогал Северянину деньгами (см.: *Формаков А.* Встречи с Игорем Северяниным // Звезда. 1969. № 3. С. 176). В коллекции В.Ф. Зеелера (Бахметевский архив, США) сохранилось адресованное ему письмо С.В. Рахманинова, в котором композитор упоминает о благотворительном взносе в пользу Северянина. Поэт отправил Рахманинову стихотворение лишь в письме от 4 июня 1939 г. Обстоятельства написания точно не известны. Ю. Шумаков, ссылаясь на рассказ Б. Правдина, пишет, что “в 1926 году поэт побывал в Псковско-Печерском монастыре и стихотворение отражает впечатления от его посещения” (*Сочинения*, 466). Формаков описывает посещение Пюхтицкого монастыря вместе с Северяниным, Фелиссой Круут и ее сестрой и приводит текст этого стихотворения.

У МОРЯ И ОЗЕР

У МОРЯ И ОЗЕР (с. 262)

Заглавие стихотворения и третьего раздела *КР*, посвященного эстонской природе.

Цветаева отмечала: “Вы выросли, вы стали *простым*, Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто – *природу*, Вы, наконец, раз-нарядили ее” (*Цветаева М.* Об искусстве М., 1991. С. 412).

НА ЗЕМЛЕ В КРАСОТЕ (с. 263)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1926. 17 февр. Дата и место написания: "1925 г., Тойла".

Восемь лет я живу в красоте… – Северянин вел отсчет своей жизни в Эстляндии с 1918 г.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ (с. 264)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1926. 3/4 апреля.

Стихотворение связано с десятилетием Февральской и Октябрьской революций, в результате которых Северянин оказался в вынужденной эмиграции.

НЕ УСТЫДИСЬ (с. 265)

Впервые: Последние известия. 1926. 3–4 апр., без заглавия.

В ДЕРЕВУШКЕ У МОРЯ (с. 265)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 22 сент.; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 23 окт.

Северянин читал это стихотворение 21 февраля 1931 г. на поэзоконцерте в Париже.

СОБЛАЗНЫ ВЛАГИ (с. 266)

В авторском экземпляре в 11-й строке слово "щедрые" заменено на "юные"; текст вычеркнут от слов "и вскормленны" до "в лесах – Отчизны" и далее до "Их было…".

В ПУТИ (с. 267)

Кто я? Я – Игорь Северянин… – Цитируя эти строки, Пильский замечал: «Перед нами проходит поэтический самообман. В тайне и тут все еще не угомонившееся "Я"» (Сегодня. Рига, 1931. 15 авг.).

В ПУСТЫЕ ДНИ (с. 268)

…В свой девичий озерный монастырь. – Речь идет о Пюхтицком православном женском монастыре. Северянин писал в 1927 г.: "Монастырю уже тридцать шесть лет. Первая из церквей выстроена лютеранином, которому явилась Пюхтицкая Божия Матерь на дуб, о котором я рассказал выше. От домика княгини ⟨Шаховской⟩, тоже расположенного на горе, открывается красивый вид на окрестные леса и поля. Вдали синеет самое большое озеро округа Вирумаа – озеро Конзо. Кончается всенощная, умолкает прекрасный хор монахинь…" (*5, 107*).

Аглавена, Селизет⟨т⟩а – героини пьесы Метерлинка "Аглавена и Селизетта" (1896).

ВОДА ПРИМИРЯЮЩАЯ (с. 268)

Прочитано на вечере 27 февр. 1931 г. в Париже. Критик Петр Пильский, цитируя первую строфу стихотворения, писал в рецензии о том, что *КР* – “книга отречений, книга отказа от прошлого и от самого себя. Поверхностному слуху с этих страниц, прежде всего, зазвучит мотив успокоенности. Это неверное восприятие. В книге поселена тревожность. Здесь – обитель печали. Слышится голос одиночества” (Сегодня. Рига, 1931. 15 авг.).

ЛЕСНЫЕ ОЗЕРА (с. 269)

Впервые: Сегодня. Рига, 1926. 22 авг.

Пиен-Ярв (Peenjarv), *Изана-Ярв* (Isana, Isanda jarv), *озеро Рэк* (Raakjarv), *озеро Лийв* (Liivjarv), *озеро Пан* (Pannjarv), *озеро Акна* (Aknajarv) – группа озер Куртна, расположенных к юго-востоку от Тойлы. Северянин писал: “В лесах озера. Их семьдесят шесть. Они прекрасны. Я люблю ходить на них” (*5, 100*).

Ненюфара (*фр*. nenuphar) – род водных растений, излюбленный образ французских импрессионистов. Для Северянина он связан также со стихами Лохвицкой: “Лик поспорит белизной/ С нэнюфарой водяной” (*Лохвицкая*, 3, 185).

МОЯ УДОЧКА (с. 270)

Впервые: Числа. Париж, 1931. № 5; напечатано под цифрой “2” в подборке из пяти стихотворений. Не датировано.

В авторском экземпляре варианты строк:

27-я строка: С чисто женским коварством доверчивым рыбам

32-я строка: Мне добычу, лицо пообрызгав едва...

Северянин в письме Софье Ивановне Карузо (урожд. Ставроковой, 1893–1985) от 17 сентября 1931 г. касался этой публикации: «Вот и стихи мои в “Числах” Вам не нравятся, а между тем это одни из лучших моих стихов последнего времени. А мне кажется, непонимание Вами природы, неуменье проникнуться ею у Вас происходит оттого, что Вы бывали в ней не в той среде, в какой нужно. Не может быть, чтобы в Вас не жило к ней предрасположения. Это дремлет в каждом человеке. Нужно уметь только пробудить» (*5, 257–258*).

У ЛЕСНИКА (с. 271)

Впервые: Сегодня. Рига, 1928. 25 марта; Числа. Париж, 1931. № 5; напечатано под цифрой “5” в подборке из пяти стихотворений. Варианты пунктуации.

...На пути к леснику... – В очерке “По лесами и озерам” Северянин писал: «У лесника большой вместительный дом. Несмотря на свои семьдесят два года, старик жизнерадостен и бодр. Он хороший стрелок, и в его доме всегда найдется какой-нибудь вальдшнеп или рябчик. Он с женой радушно встречает нас и проводит в высокую светлую “нашу” комнату» (*5, 102*).

В ЗАБЫТЬИ (с. 272)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 12 июня; Новое русское слово. Нью-Йорк, 1927. 3 июля.

В ГИЧКЕ (с. 273)

Гичка – узкое и длинное гребное судно.

ИЗОЛЬДА ИЗО ЛЬДА (с. 274)

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1939) – актер и режиссер. Северянин был знаком с ним, в частности называл его среди посетителей салона Федора Сологуба (*5, 45*). В 1909 г. Мейерхольд поставил на сцене Мариинского театра оперу Рихарда Вагнера "Тристан и Изольда". Он писал: "Как скульптор мнёт глину, пусть так будет измят пол сцены и из широко раскинутого поля превратится в компактно собранный ряд плоскостей различных высот". По этому замыслу художник Константин Шервашидзе подчеркнул дикую, суровую простоту природы: хмурое море, голые скалы, одинокие деревья. Очевидно, Северянин не раз бывал на имевшем огромный успех спектакле и спустя 20 лет находил в тех декорациях нечто близкое природе Тойлы.

СЛЕЗЫ МЕРТВЫХ НОЧЕЙ (с. 274)

Был день Успения и нежное в нем торжество... – Пюхтицкий женский монастырь был основан в честь Успения Богородицы. "Собор – почти точная копия Успенского собора в Москве, – писал Северянин в 1927 г. – Конечно, в миниатюре. В настоящее время в монастыре девяносто монахинь" (*5, 106*). Престольный праздник 28 августа.

ОЗЕРО РЭК (с. 275)

Впервые: Сегодня. Рига, 1928. 5 окт.

В очерке "По лесам и озерам" Северянин писал: "...и вот наконец перед нами, внизу, под горой, окруженное сплошным лесом, возникает сонное и нежное озеро Рэк. Оно красиво и грустно" (*5, 103*).

...скрипнет коростель... – Название озера ассоциируется с эстонским названием коростеля (rukkiräük).

ОЗЕРО ЛИЙВ (с. 276)

Северянин рассказывал: "Озеро Лийв, продолговатое и глубокое, тоже окаймленное гористым бором, озеро, с берегов которого, крутых и скользких, открывается такой чудный вид на Пюхтицкий монастырь" (*5, 103*).

...И "спальней графини" пчела прожужжала... – Имеется в виду партия альтов, звучащая в сцене "В спальне графини" из оперы П.И. Чайковского "Пиковая дама". См. также стих. "Играй целый вечер".

ОЗЕРО КОНЗО (с. 277)

Впервые: Сегодня. Рига, 1928. 26 авг.

Озеро Конзо (Konsu jarv) – самое крупное из группы озер Куртна (см. стих. “Лесные озера”).

С ОЗЕР НЕЗАМЕРЗШИХ (с. 278)

Посвящено актерам Русского драматического театра в Риге.

НАКАНУНЕ ЛЕДОХОДА (с. 279)

В авторском экземпляре в 6-й строфе переписано:

В реку, в море умчавшую сломанный лед,
Лох войдет под последнюю льдину,
И когда на прокорм он из моря войдет,
Я реки ни за что не покину.

В 26-й строке: То прославлена гибкой и броской

БАБОЧКА ЛИМОННАЯ (с. 280)

В авторском экземпляре вариант 7-й строки: Уж лососка шустрая

ЧТО ШЕПЧЕТ ПАРК (с. 282)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1924. 3 авг.

ИСТОРИЯ ИМЕНИЯ “ЧУДЛЕЙЛЬ” (с. 283)

Впервые: Сегодня. Рига, 1924. 23 нояб.

Посвящение – Ф.М. Круут-Лотарёвой. В авторском экземпляре посвящение зачеркнуто (см. примеч. к стих. “Любовь коронная”).

Чудлейль – имя английской авантюристки (Elisabeth Chudleigh, 1720–1788), в замужестве герцогини Кингстон, которой в XVIII в. принадлежало имение Вока (Voka), недалеко от Тойлы.

Приорат – часть ансамбля императорского дворца в Гатчине.

Бандо (*фр*. bandeau) – повязка, головной убор.

Таврический князь – Григорий Александрович Потемкин (1739–1791), удостоен этого титула в 1783 г., после присоединения Крыма к России.

Конью (Konju) – поселок недалеко от Тойлы.

КУПАНЬЕ ЗВЕЗД (с. 284)

Посвящение – Петру Марковичу Костанову, болгарину, музыкальному критику. Северянин был знаком с ним в Петербурге, встречался в Берлине в 1920-х годах, по его приглашению выступал в октябре 1922 г. вместе с Маяковским в болгарском студенческом землячестве Берлина. В авторском экземпляре посвящение зачеркнуто.

МУДРОСТЬ ИДИЛЛИИ (с. 285)

Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 3); без даты, с указанием места: “Озеро Uljaste”.

ШАТЕНКА В РОЗОВОМ (с. 285)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1925. 6 сент., датировано: “28 августа, озеро Ульясте”.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ (с. 286)

Автограф. Впервые: Сегодня. Рига, 1929. 2 дек.; Числа. Париж, 1931. № 5; напечатано под цифрой “4” в подборке из пяти стихотворений.

Вариант 8-й строки:

Ведь, она ограничена, в том пруде вода.

НА ЭМБАХЕ (с. 287)

И лилию мне водяную Ыйэ... – Ср. у кубофутуристов: «Лилия прекрасна, но безобразно слово *лилия*, захватанное и “изнасилованное”. Поэтому я называю лилию *еуы* – первоначальная чистота восстановлена» (*Кручёных А.* Декларация слова как такового. 1913).

В ЛЕСАХ ПРИВОЛЖСКИХ (с. 288)

Берегини – в языческих поверьях – водяные, русалки.

Чаруса – топкое болото на Севере России.

Летасы – несбыточные мечты.

Лывины – лес по болоту.

ИГРАЙ ЦЕЛЫЙ ВЕЧЕР... (с. 288)

Впервые: Сегодня. Рига, 1927. 6 мая.

“*Пиковая дама*” – опера П.И. Чайковского, см. также стихотворение “Озеро Лийв”.

ТЯГА НА ЮГ... (с. 289)

Впервые: Сегодня. Рига, 1929. 17 нояб.

В авторском экземпляре – 2-я строка последней строфы:

На севере тихом, и тянет меня

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ... (с. 291)

Стихотворение дало название разделу книги. Спустя год после его создания в некрологе Ф.К. Сологубу Северянин использовал это выражение: «Итак, Сологуба, самого близкого мне после Фофанова из своих современников, я больше никогда не увижу. По крайней мере – “здесь, у вас на земле...”» (1927).

ФОКСТРОТТ (с. 291)

Король Фокстротт – этот популярный танец стал для Северянина символом пошлого бескультурья. В письмах А. Барановой он сетовал: “...офокстротились все слишком ⟨...⟩ Теперь, когда современная, с позволения сказать, цивилизация воздвигла вертикальную кроватку Shimmi и Fokstrott'а, есть ли людям надобность в чистой лирике и есть ли людям дело до лирических поэтов – как они живут, могут ли вообще жить” (*5, 230, 234*). Ср. в стих. К. Бальмонта: “Мы обкрадены своей эпохой, / Искусство променявшей на фокстрот...”

“КУЛЬТУРА! КУЛЬТУРА!” (с. 292)

Ср. в *ГК* – “...гнила культура, как рокфор”. В авторском экземпляре после первой строфы на полях вписано:

Убийца-ученый откроет мертвящие газы,
И вместо того, чтоб убить, превозносят его.
Войну сумасшедший правитель объявит: приказы
Исполнить спешит, не щадя живота своего!..

СТРЕНОЖЕННЫЕ ПЛЯСУНЫ (с. 294)

Стреноженные плясуны. – Речь идет о танцующих чарльстон. См. в стих. “Обидно поверить” – “стреноженный дохлый чарльстон”.

...Где скрываются поэты – человечьи соловьи... – см. примеч. к сб. “Соловей”.

ОТРАДА ПРИМОРЬЯ... (с. 296)

И слепит петухов золотых оперенье... – Восходит к образу оперного спектакля “Золотой петушок” Н.А. Римского-Корсакова (1844–1908), о премьере которого в Петербурге в 1909 г. Северянин написал в “Оперных заметках”.

ПОЭТУ (“Как бы ни был сердцем ты оволжен...”) (с. 296)

Возможно, это автопосвящение связано с десятилетием знакомства Северянина с Ф.М. Круут (см. раздел “Девятое октября”).

Терцины – строфы из трех строк, которыми писал Северянин (см. “Поэзоантракт”, “Менестрель”).

А МЫ-ТО ВЕРИЛИ!.. (с. 298)

...как при Владимире в Днепровском тереме... – Киевский князь Владимир (?–1015), установивший христианство на Руси.

Вильсон Томас Вудро (1856–1924) – 13-й президент США.

Бубикопф – модная стрижка “под мальчика” (от *нем.* Bubikopf). См.: “в скобку стрижены мальчуганки” (“Те, кто морит мечту...”).

ЭЛЕГИЯ НЕБЫТИЯ (с. 302)

Связано с другим стихотворением Северянина – “Тоска небытия” (Посвящается А.Э. Шульцу) и восходит к мотивам сонета “Жажда небытия” из книги Шарля Бодлера “Цветы Зла”.

...Очаровательные разочарования... – Это выражение стало заглавием рукописного сборника стихов Северянина 1930–1940 гг. (кн. 25), который не был издан. Сборник включал стихи “Тоска небытия”.

В ОПУСТОШЕНЬЕ (с. 303)

Впервые: Сегодня. Рига, 1929. 15 дек.

РОСКОШНАЯ ЖЕНЩИНА (с. 303)

“*Разлука*” – очевидно, популярная песня “Разлука ты, разлука...”

“*Родина*” – иллюстрированный журнал.

ГОДАМИ ДЕВОЧКА... (с. 304)

Впервые. Сегодня, 1930. 30 марта.

В заметке “Визит полпреда” (1939) Северянин, рассказывая о приезде к нему в Тойлу Ф.Ф. Раскольникова и его жены, писал: «Очень элегантная и миловидная молодая женщина с улыбкой, давшей мне понять, что творчество мое было ей знакомо и ранее сегодняшнего дня, протянула мне руку. ⟨...⟩

– Бедный поэт! Воображаю, как вы разочарованы в современных женщинах. Читала в “Сегодня” ваше “Годами девочка, а как уже черства...”

– Зато природа не изменяет...»

МОЯ ЗНАКОМАЯ (с. 306)

Ты вся из Houbigant! – Houbigant (*фр.*) – “убиган”, модные французские духи. Ср. в стих. Маяковского “Красавицы. (Раздумье на открытии Grand Opera)”: “Крашеные губки / розой убиганятся”.

ВСТРЕЧА В КИЕВЕ (с. 307)

...Вхожу в вагон... – По записям Северянина он выступал в Киеве один раз (1915).

Светлояр – озеро в "Сказании о невидимом граде Китеже и чудесной деве Февронии".

– Вы помните раскольников Печерского? – Романы А.П. Мельникова-Печерского (1818–1883) "В лесах" и "На горах" посвящены жизни старообрядческих (раскольничьих) скитов в Нижегородской губернии и на Урале.

Флёнушка – героиня романа Мельникова-Печерского "В лесах".

СТИХИ СГОРЯЧА (с. 308)

Впервые: Сегодня. Рига, 1930. 10 сент.

Р. Круус привел сообщение Ирины Константиновны Борман (1901–1985) о том, что в стихотворении воплощен реальный эпизод: в то время, когда у нее в курортном местечке Шмецке (часть Нарвы-Йыэссу) гостил Северянин, она получила и зачитала письмо от работавшего в Африке Ю. Шидловского (*Сочинения*, 485).

Кафровая – от устаревшего названия народов юго-восточной Африки (кафры).

ЛИЛИЯ В МОРЕ (с. 308)

Впервые: Сегодня. Рига, 1930. 24 мая.

Она заходила антрактами... – Речь идет о Софье Ставроковой, которая познакомилась с Северяниным на его поэзоконцерте весной 1915 г. в Харькове. Выйдя замуж за офицера царской армии графа А.Г. Карузо, эмигрировала в 1920 г. В 1931–1936 гг. между Софьей Карузо и Северяниным существовала переписка. Своей корреспондентке он сообщал из Парижа 25 февраля 1931 г., имея в виду "Лилию в море": "Еще прошлым летом я писал о Вас стихи" (*5, 252*).

ПИАМА (с. 309)

Зиянье – сочетание в слове или на стыке слов двух или более гласных звуков, что важно для пения и считается нежелательным в стихах.

Мы связаны в прошлом с тобою, Пиама... – Здесь повторяется мелодическая и ритмическая структура стихотворения "Тиана" (1914); "Тиана, мне больно, мне страшно, Тиана...".

И БЫЛО СТРАННО ЕЕ ПИСЬМО... (с. 310)

Киплинг Редьярд (1865–1936) – английский поэт и писатель, автор "Книги джунглей".

"*Гризельда*" – здесь: название лодки Северянина.

ОЛАВА (с. 312)

Руальд и *Олава* – имена варягов.

Владимир – князь Киевской Руси Владимир.

DAME D'AZOW (с. 313)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1923. 31 дек.; с указанием места написания – Тойла.

Стихотворение связано с сюжетом драмы И.В. Шпажинского "Самозванка. (Княжна Тараканова)". Экземпляр пьесы в издании 1904 г. с дарственной надписью автора актеру Малого театра Сумбатову-Южину хранился в библиотеке Северянина. Образ "самозванки" воплотил художник К.Д. Флавицкий в картине "Княжна Тараканова" (1864). Елизавета Тараканова (настоящее имя неизвестно, ок. 1745–1775), выдавшая себя за *Elisabeth*, дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа А.Г. Разумовского, была известна в Западной Европе под именем княжны Владимирской, принцессы Азовской (*Dame d'Azow*). Она претендовала на русский престол. В 1775 г. обольщена в Италии графом А.Г. Орловым, привезена в Петербург и заключена в Петропавловскую крепость, где, по преданию, погибла во время наводнения.

В 1931 г. Северянин побывал в Югославии, останавливался в Дубровнике, где "когда-то блистала загадочная и приманочная соперница Екатерины Великой – Dame d'Azow (мы даже смотрели ее полуразрушенное палаццо)...", дал вечер стихов, среди которых "с особенным настроением прочел стихи о ней самой..." (*5, 157*).

Орлов Алексей Григорьевич, граф (1737–1807/08) – один из участников дворцового переворота 1762 г., который возвел на трон Екатерину II; командовал русской эскадрой при Чесме.

Рибас Хосе де (Дерибас Осип Михайлович, 1749–1800) – испанец, русский адмирал, участник штурма Измаила. Дерибас сыграл важную роль в строительстве Одессы.

Адмирал Грейг Самуил Карлович (1736–1788) – русский флотоводец.

Разумовский Александр Григорьевич (1709–1771) – полководец, с 1742 г. морганатический супруг императрицы Елизаветы.

ПРАГА (с. 314)

В авторском экземпляре в 28-й строке исправлена опечатка: "Свои молитвы к небу, – там" – вместо к "нему".

...*Вступает та, чье смрадно имя...* – Фигура Смерти на башенных часах у Староместской площади.

БАЙКАЛ (с. 316)

...*я увидел Байкал.* – Северянин был на Байкале во время поездки с отцом в 1903 г. на Дальний Восток. См. стих. "Озеро Байкал", "Я плыл по мертвому Байкалу...".

МАРИЯ (с. 317)

Эпиграф – строки из стихотворения В.Я. Брюсова "Мария".

БАРЕЛЬЕФ (с. 318)

Впервые: Последние известия. 1924. 26 июня.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЭТА (с. 318)

Заглавие связано с текстом предисловия Сологуба к *ГК*: "Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны".

ЛЮБОВЬ – БЕСПРИЧИННОСТЬ (с. 319)

Впервые: Сегодня. Рига, 1928. 23 марта.

ПРИВЕТ ЗА ОКЕАН (с. 321)

Посвящение. – Михаил Константинович Айзенштадт (1900–1970) поэт, журналист. В 1919–1922 гг. работал в рижской газете "Сегодня", затем уехал в Америку.

ПЕСЕНКА О НАСТОЯЩЕМ (с. 322)

Не думайте вовсе о завтра – антитеза заявленным в 1911 г. основам эгофутуризма: "Я в Будущем".

УЖАС ПУСТЫНЬ (с. 324)

В авторском экземпляре вычеркнуто построчно.

В ПРОСТРАНСТВО (с. 325)

...Будь от Каина мы или будь от Авеля... – Дети Адама и Евы символизируют два пути человечества: Авель – пастух и жертва, Каин – кузнец и убийца своего брата. Ср. сонет Бодлера "Авель и Каин", а также цикл М. Волошина "Путями Каина: Трагедия материальной культуры".

МОДЕЛЬ ПАРОХОДА (с. 326)

Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – писатель. Северянин встречался с ним в 1920-х годах в Праге. В библиотеке поэта была книга Чирикова "Семья" с надписью: "Милому душе Игорю Северянину с искренним расположением. Евгений Чириков". В столовой дома в Тойле находилась подаренная Чириковым модель парохода, которую тот сделал сам.

ПАЛЛАДА (с. 326)

Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 3), без даты; с указанием места написания: “Estonia. Toila”.

Паллада Олимпиевна Гросс (Старынкевич, Богданова-Бельская, графиня Берг, Дерюжинская, Педди-Кабецкая, 1887–1968) – поэтесса, автор сборника “Амулеты” (Пг., 1915), адресат стихотворных посвящений завсегдатаев артистического кабаре “Бродячая собака”. “Не забыта и Паллада в титулованном кругу, словно древняя дриада, что резвится на лугу”, – говорилось и гимне “Бродячей собаки” (см.: *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программа “Бродячей собаки” // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 203).

...Гумилев / Любил низать пред нею жемчуг слов... – Намек на заглавие книги стихов Гумилева “Жемчуга” (1910).

Жорж Иванов – Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – поэт, первую книгу “Отплытие на о. Цитеру” (1912) выпустил под маркой эгофутуризма. Северянин остался недоволен воспоминаниями Г. Иванова об этом периоде – “Китайские тени” (см. статью Северянина “Шепелявая тень”).

Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) – режиссер, драматург, создатель теории “театра для себя”.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ (с. 327)

Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 3), с вариантами:

8-я строка: что в мечтаньях забыт

9-я строка: отважный

13-я строка: укутана

Я Гумилеву отдавал визит... – Вероятно, речь идет об ответном визите Северянина в конце 1912 г., после того как Гумилев побывал на Подьяческой улице у больного поэта, но не смог с ним увидеться (см. статью и стих. “Слава”).

...он, душою конквистáдор... (*исп.* конкистадор, завоеватель, часто заокеанских земель). До середины XX в. по-русски писалось и произносилость так; см., например, название первой книги Гумилева – “Путь конквистадоров” (1905).

МАРИИНСКИЙ ТЕАТР (с. 327)

Входило в сборник “Лирика. 1918–1928”, оставшийся неизданным (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 3), без даты; с указанием места написания: “Estonia. Toila”.

Пусть век прошел... – Мариинский театр был основан в Петербурге в 1860 г. Северянин с детских лет посещал оперные спектакли, а в 1910-е годы жил неподалеку от театра, на Средней Подьяческой улице.

PÉRISTEROS (с. 328)

Péristeros (от *лат.* Peristereos) – ботаническое название вербены.

VENERIS VENA (с. 328)

Впервые: Последние известия. 1926. 20 янв., с указанием места написания – Тойла.

Veneris vena (*лат.*) – вена Венеры.

...в дюжину Розенкрейцер ~ вложил Вервэну... – Розенкрейцер – легендарный основатель религиозно-мистического общества "Розы и креста", обряды которого повлияли на масонскую символику. Северянин также наделял цветок вервэны (вербены) магическими свойствами.

ВНЕЗАПНАЯ ГОРЛОМ КРОВЬ (с. 329)

Речь идет о жене эстонского поэта Генрика (Хенрика Виснапуу), Хильде Францдорф, известной под именем Инг. Северянин сообщал Г. Шенгели в письме от 10 марта 1928 г., что, возвращаясь из Варшавы, посетил курорт Эльва под Юрьевом, чтобы "навестить угасающую в чахотке (лилии алой...) очаровательную жену видного эстонского лирика, с которым нас связывают, – вот уже десять лет, – дружеские отношения" (*5, 269*). В марте 1931 г. Северянин писал Софье Карузо: "...она в последнем градусе чахотки".

ЛОКАРНО (с. 331)

Впервые: Последние известия. Ревель, 1926. 9 февр.; с указанием места написания – Тойла.

Локарно – город в Швейцарии, в котором в октябре 1925 г. состоялась международная конференция, подтвердившая неприкосновенность установленных после войны 1914–1918 гг. германо-французских и германо-бельгийских границ. В стихотворении обозначены все участники конференции: Франция (*страна Гюго*), Бельгия (*страна Верхарна*), Италия (*край Данта*), Великобритания (*Шекспира край*), поляки и чехи. Соглашение было нарушено Гитлером в ходе Второй мировой войны.

ПЕРЕВОДЫ

А.С. ПУШКИН. МОЙ ПОРТРЕТ
(Перевод с французского) (с. 332)

"*Mon portrait*" (1814) – предположительно, написано лицеистом Пушкиным на заданную преподавателем французского языка тему: "Мой внешний и духовный портрет".

...сплинней доктора Сорбонны... – Неологизм от *англ.* splin внесен в текст Северяниным.

ЮЛИЙ СЛОВАЦКИЙ. МОЕ ЗАВЕЩАНЬЕ
(Перевод с польского) (с. 333)

Словацкий Юлиуш (1809–1849) – польский поэт-романтик. Стихотворение датируется 1834–1840 гг.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. РАННИЕ КНИГИ (1904–1912)

В разделе Дополнения впервые приводятся тексты всех отдельных изданий произведений Северянина, предшествовавших публикации *ГК*. "Поэзы его, тетради его, – писал И.В. Игнатьев, – мне невольно хочется сравнить с раритетами антиквария, настолько привлекательно оживают под его пером образы и, порою, приемы времен "старого Петергофа с Альфами и Омегами грядущих дней" (Нижегородец. 1911. 17 нояб.).

К 1912 г. у Северянина вполне сложилась структура Полного собрания поэз в 4-х томах. Собрание объединяло все написанное и предварительно изданное автором, а также замыслы (три последних раздела т. 4).

Приводим первоначальный план 1912 г. – неосуществленные разделы заключены в скобки:

Том I. 1903–1908. **Настройка лиры**
1. (Морская война). 2. По владениям Кучума. 3. Из "Песен сердца". 4. Мимоза. 5. В северном лесу. 6. Лепестки роз жизни. 7. Памяти А.М. Жемчужникова. 8. На смерть Лермонтова. 80 стр. Цена 1 руб.

Том II. 1906–1909. **Сирень моей весны**
1. Зарницы мысли. 2. Сирень моей весны. 3. Злата. 4. Лунные тени. 5. Лазоревые дали. 6. Это было так недавно... 7. А сад весной благоухает!.. 8. За струнной изгородью лиры. 9. Интуитивные краски. С предисловием К.М. Фофанова. 130 стр. Цена 1 р. 50 к.

Том. III. 1907–1911. **За струнной изгородью лиры**
1. Колье принцессы. 2. Певица лилий полей Сарона. 3. Предгрозье. 4. Электрические стихи. 5. Ручьи в лилиях. 6. Пролог "Эго-футуризм". С предисловием автора. 100 стр. Цена 1 р. 25 к.

Том IV. 1909–1912. **Сады футуриста**
1. Качалка грёзэрки. 2. Очам твоей души. (3. Элегантные модели. 4. Полонезы. 5. Чайные поэзы). 100 стр. Цена 1 р. 25 к.

Впервые воспроизводится полный состав и авторская последовательность брошюр (исключение составила листовка "Эпиталама" – № 29а, не учтенная Северяниным в общем списке, поскольку текст вошел в следующую брошюру, и рукописная книжка, подготовленная автором к печати, но неизданная – № 35а). Описание книг сделано de visu с указанием места хранения, имеющихся дарительных надписей, авторских исправлений и других значимых помет. Стихотворения, вошедшие в книгу "Громокипящий кубок", отмечены одной звездочкой; в книгу "Ананасы в шампанском" – двумя звездочками. Примечания к ним содержатся в соответствующих разделах.

Брошюры 1–8 ("Морская война") ввиду их особой редкости воспроизводятся репринтно (см. вкл. 2).

1. К ПРЕДСТОЯЩЕМУ ВЫХОДУ ПОРТ-АРТУРСКОЙ ЭСКАДРЫ (с. 335)

Игорь Лотарёв. К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры: Стихотворение / Дозв. ценз. 25 сент. 1904 г. СПб.: Тип. К. Шлегельмильх, 1904. 4 с. Датировано: 15 сент. 1904 г. Экземпляр РНБ (СПб.).

Весной 1903 г. И. Лотарёв вместе с отцом отправился на Дальний Восток, откуда уехал за месяц до Русско-японской войны, которая началась 27 янв. (9 февр.) 1904 г. Порт-Артур был блокирован японскими войсками с 26 апреля по 20 декабря 1904 г. В июне и июле предпринимались попытки вывести русские корабли из узкой гавани во Владивосток, окончившиеся неудачей и гибелью командующего эскадрой контр-адмирала В.К. Витгефта. В августе командовать порт-артурским отрядом судов был назначен Роберт Николаевич *Вирен* (1856–1910), получивший звание контр-адмирала. В стихотворении выражается надежда на успешный выход русской эскадры под командованием адмирала Вирена из осажденной военно-морской крепости. Однако после наступления японских войск на суше планы изменились. Экипажи сошли на берег и приняли бой, в ходе которого Вирен был ранен. После принятия 16 декабря 1904 г. решения о сдаче Порт-Артура Вирен отдал приказ взорвать оставшиеся корабли.

Того Хэйхатиро (1847–1934) – адмирал японского флота, командовал Соединенным флотом под Порт-Артуром и в Цусимском сражении.

Камимура Х. – вице-адмирал японского флота, командовал эскадрой близ Владивостока.

Урио (С. Уриу) – контр-адмирал японского флота, командовал 2-й эскадрой.

“*Баян*” (крейсер первого ранга), “*Ретвизан*”, “*Пересвет*”, “*Полтава*” (броненосцы) – корабли 1-й Тихоокеанской эскадры русского флота, находившиеся в бухте Порт-Артура.

2. ГИБЕЛЬ “РЮРИКА” (с. 336)

Игорь Лотарёв. Гибель “Рюрика”: Стихотворение / Дозв. ценз. 12 окт. 1904 г. – СПб.: Тип. К. Шлегельмильх, 1904. – 6 с. – 200 экз. Датировано: 27 сент. 1904 г. На 1-й стороне обложки напечатан эпиграф к стихотворению, в котором автор вспоминает свой визит на крейсер во время поездки в Маньчжурию. Экземпляр Музея книги РГБ.

С этим стихотворением Северянин связывал начало литературного пути: «Одна “добрая знакомая” моей “доброй знакомой”, бывшая “доброй знакомой” редактора солдатского журнала “Досуг и дело”, передала ему (ген⟨ералу⟩ Зыкову) мое стихотворение «Гибель “Рюрика”», которое и было помещено 1 февраля 1905 г. во втором номере (февральском) этого журнала под моей фамилией Игорь Лотарёв. Однако гонорара мне не дали и даже не прислали книжки с моим стихотворением» (*5, 84*).

“*Рюрик*” – крейсер, погиб в августе 1904 г. в бою с четырьмя японскими крейсерами.

“Россия”, *“Громобой”* – крейсера 1-го ранга, направлявшиеся под командой контр-адмирала К.П. Эссена на помощь Порт-Артуру.

Витгефт Вильгельм Карлович (1847–1904) – контр-адмирал, после гибели вице-адмирала С.О. Макарова занял пост командующего Порт-Артурской эскадрой. Погиб 28 июля (10 авг.) 1904 г. на броненосце “Цесаревич”.

3. ПОДВИГ “НОВИКА” (с. 339)

Игорь Лотарёв. Подвиг “Новика”: Стихотворение / Дозв. ценз. 4 нояб. 1904 г. СПб.: Тип. “Самокат”, 1904. 7 с. 300 экз. Датировано: 5 окт. 1904 г. Экземпляр Музея книги РГБ.

На обложку вынесено поэтическое обращение автора «К крейсеру “Изумруд”».

Об этой брошюре идет речь в воспоминаниях Северянина: «...одна из книжонок по-

палась как-то на глаза Н. Лухмановой, бывшей в то время на театре военных действий с Японией. 200 экз⟨емпляров⟩ «Подвига "Новика"» я послал для чтения солдатам. Лухманова поблагодарила юного автора посредством "Петербургской газеты", чем доставила ему большое удовлетворение...» (*5, 85*) См. также статью "Согреет всех мое бессмертье..." (наст. изд.).

"Изумруд" – крейсер 2-й Тихоокеанской эскадры.

"Новик" – легкий крейсер, прорвавшийся в июле 1904 г. в Тихий океан и после тяжелых боев с японским флотом затопленный близ о. Сахалина.

4. ВЗРЫВ "ЕНИСЕЯ" (с. 342)

Игорь Лотарёв. Взрыв "Енисея": Стихотворение / Дозв. ценз. 3 февр. 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905 г. 4 с. Датировано: 11 окт. 1904 г. Экземпляр Музея книги РГБ.

"Енисей" – минный транспорт. 29 января 1904 г. взорвался, наскочив на мину заграждения. Тела двух офицеров и девяти матросов были захоронены в Дальнем, где в 1912 г. им установили памятник.

5. ПОТОПЛЕНИЕ "СЕВАСТОПОЛЯ" (с. 343)

Игорь Лотарёв. Потопление "Севастополя": Стихотворение / Дозв. ценз. 20 апр. 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано 27 марта 1905 г. Экземпляр Музея книги РГБ (без обложки).

"Севастополь" – броненосец 1-й Тихоокеанской эскадры.

6. ЗАХВАТ "РЕШИТЕЛЬНОГО" (с. 345)

Игорь Лотарёв. Захват "Решительного": Стихотворение / Дозв. ценз. 10 мая 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано ноябрем 1904 г. Экземпляр Музея книги РГБ.

На последней стороне обложки перечислены все предыдущие издания Игоря Лотарёва и указан его домашний адрес: "Продаются в складе изданий: СПб. Средняя Подьяческая ул., 5., кв. 3".

"Решительный" – минный крейсер 1-й Тихоокеанской эскадры. Из кн."Русско-японская война. Картины событий" (СПб., 1904): «Капитан Ростаковский, командир миноносца "Решительный", ударил японского офицера в лицо и столкнул его в воду, после того как японцы потребовали спустить русский флаг».

...по образцу январских дней... – Имеется в виду нападение Японии на Россию без объявления войны в январе 1904 г.

7. КОНЕЦ "ПЕТРОПАВЛОВСКА" (с. 347)

Игорь Лотарёв. Конец "Петропавловска": Стихотворение / Дозв. ценз. 20 июня 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905 г. 4 с. Датировано: 10 ноября 1904 г. Экземпляр Музея книги РГБ.

Флагман 1-й Тихоокеанской эскадры броненосец "Петропавловск" 31 марта 1904 г. подорвался на японской мине. Среди погибших были вице-адмирал С.О. Макаров и художник В.В. Верещагин.

Посвящение. – Макаров Сергей Осипович (1848/49–1904) в феврале–марте командовал эскадрой в Порт-Артуре.

8. БОЙ ПРИ ЧЕМУЛЬПО (с. 348)

Игорь Лотарёв. Бой при Чемульпо: Стихотворение / Дозв. ценз. 27 июля 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано 4 января 1905 г. Экземпляр Музея книги РГБ.

Посвящено годовщине гибели "Варяга" и "Корейца".

Чемульпо (Инчхон) – порт и залив в Желтом море, у берегов Кореи. После внезапного нападения японской эскадры, означавшего начало Русско-японской войны, крейсер "Варяг" и канонерская лодка "Кореец" вынуждены были вступить 27 января (4 февраля) 1904 г. в бой с 14-ю боевыми кораблями. Потопив 1 миноносец и повредив 3 крейсера противника, моряки по распоряжению командира "Варяга" В.Ф. Руднева затопили крейсер и взорвали канонерку, чтобы не сдавать их врагу.

9. ПО ВЛАДЕНИЯМ КУЧУМА (с. 350)

Игорь Лотарёв. По владениям Кучума / Дозв. ценз. 11 авг. 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано: "Порт-Дальний, июнь 1903 г." Экземпляр Музея книги РГБ.

На обложке ниже заглавия напечатано содержание: "Стихотворения: 1) На Урале. 2) Около Иртыша. 3) Озеро Байкал" (вошло в *ПА*).

Кучум (?–1598) – хан Сибирского ханства, в 1582–1585 гг. воевал с Ермаком, после поражения бежал в Ногайскую орду.

Победитель Сибири. – Речь идет о казачьем атамане Ермаке Тимофеевиче, погибшем в 1585 г., по преданию, в водах Иртыша. См. также "Думу о Ермаке" К.Ф. Рылеева.

10. ИЗ "ПЕСЕН СЕРДЦА" (с. 352)

Игорь Лотарёв. Из "Песен сердца" (I–V): Из стихотворений 1903 г. / Дозв. ценз. 11 августа 1905 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 8 с. Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ).

На обложке напечатано содержание книги.

Посвящение – пианистке Е.М. Половцевой-Ямцовой (?).

I. ЦАРЕВНА СУДЫ (с. 352)

Датировано: "Порт-Дальний. 6-го августа 1903 г." Вошло в *ПА*.

Эта царевна – из Суды русалка... – Речь идет о кузине Северянина Лиле (см. ее фотографию на берегу Суды). В канун отъезда с отцом на Дальний Восток он присутствовал на свадьбе кузины, в которую был влюблен. Этим разочарованием наполнен весь цикл.

II. ОБМАНЩИЦА-ВЕСНА (с. 354)

Датировано: "Порт-Дальний. Сентябрь. 1903 г." Вошло в *ПА*.

III. НЕСБЫТОЧНЫЙ СОН (с. 354)

Датировано: "Порт-Дальний. 7-го декабря. 1903 г." Вошло в *ПА*.

В рецензии на сб. "Поэзоантракт" (1915), включавший более ранние стихи, чем *ГК* и *АШ*, В. Шершеневич отмечал: «Всем поэтам свойственно писать вначале плохие сти-

хи, но то обстоятельство, что Северянин, еще ничего не дав по существу, уже роется в хламе детства, свидетельствует или о том, что у поэта нет впереди ничего, или о том, что у него слишком много “экспансивного” самомнения» (Свободный журнал. Пг.; М., 1915. № 11. Ст. 125).

IV. НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ (с. 355)

Датировано: “Порт-Дальний. 8-го октября. 1903 г.” Вошло в *АШ*.

V. БЕЗОТРАДНАЯ ЖИЗНЬ (с. 356)

Датировано: “Порт-Дальний. 28-го октября. 1903 г.” Вошло в *ПА*.

11. МИМОЗА ⟨1⟩ (с. 357)

Мимоза. 1-й сборник стихотворений / Дозв. ценз. 15 декабря 1905 г. СПб.: Издание Игоря Лотарёва. Тип. И. Флейтмана, 1906. 8 с. Экземпляр РНБ (СПб.). На последней стороне обложки список изданий Игоря Лотарёва и его домашний адрес в качестве места склада изданий. Сохранилась визитная карточка: «Игорь Васильевич Лотарев, редактор-издатель ежемесячных литературных выпусков “Мимоза”» (РГАЛИ. Ф. 525. Ед. хр. 622. Л. 33).

ПЕВИЦА СТРАСТИ (с. 357)

Вошло в *ПА*.

Написано в сентябре 1909 г., к 4-й годовщине со дня смерти М.А. Лохвицкой.

кн. Олег Сойволский – псевдоним Северянина, образован от названия имения его дяди М.П. Лотарёва – Сойвола, в 30 верстах от Череповца, где прошло детство поэта.

«ОНА ОСЧАСТЛИВИТЬ ЕГО ЗАХОТЕЛА...» (с. 357)

Вошло в *ПА*.

Эпиграф – из повести А.И. Куприна “Поединок”.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА (с. 360)

Вошло в *ПА*.

Квантунец – псевдоним Северянина, образован от названия “Квантун” (Гуаньдун), часть Ляодунского п-ва, где в 1903 г. побывал Северянин.

ОТЧЕГО? (с. 361)

Вошло в *ПА*.

Весенний Ветерок – псевдоним Северянина.

Г-же МАКАРОВОЙ (с. 362)

Макарова Александра Арсеньевна – певица, меццо-сопрано.

Я слышал Вас в "Нероне" и в "Кармене"... – "Нерон" – опера А. Рубинштейна, "Кармен" – опера Ж. Бизе; "Аида" – опера Дж. Верди; "Гугеноты" – опера Дж. Мейербера.

Беспристрастный – псевдоним Северянина.

К.-АДМ. КН. УХТОМСКОМУ (с. 362)

Адресат эпиграммы – контр-адмирал П.П. Ухтомский, участник Русско-японской войны.

Граф Евграф Д'Аксанграф – каламбурный псевдоним Северянина, где имя – Евграф – означает по-гречески "благопишущий", а фамилия образована от *фр. Accent* (ударение) и *grave* (серьезный, жесткий).

12. МИМОЗА ⟨2⟩ (с. 363)

Мимоза. 2-й сборник стихотворений / Дозв. ценз. 13 января 1906 г. СПб.: Издание Игоря Лотарёва. Тип. И. Флейтмана, 1907. 8 с. Экземпляр РНБ (СПб.).

Пагинация продолжается с 1-го сб. На 2-й стороне обложки объявление: «В следующих сборниках "Мимозы", между прочим, предполагается поместить, кроме произведений собственных сотрудников, стихотворения *Изабеллы Гриневской, Т.Л. Щепкиной-Куперник, Мирры Лохвицкой, Allegro, К.Д. Бальмонта, баронессы Остен-Сакен, кн. Цертелева, лейтенанта С. и мног⟨их⟩ других.* Редакция издания». В сборнике И. Лотарёв также использовал псевдонимы: Бич, Весенний ветерок, Беглец, князь Олег Сойволский, Изгнанник, Беспристрастный.

ПРИЗРАК ОТЦА (с. 366)

Посвящено памяти отца Северянина, В.П. Лотарёва.

МАДРИГАЛЫ

Г-же Н.Т. Ван-дер-Брандт (с. 368)

Ван-дер-Брандт (Клабановская) Надежда Тимофеевна (1882–1925) – оперная певица, "маленькая, изящная", по словам Северянина, была «сценически очаровательна в партии Филины из оперы Тома "Миньон"».

"*Искатели жемчуга*" – опера Ж. Бизе.

"*Травиата*" – опера Дж. Верди.

Г-же Н.К. Акцери (с. 369)

Акцери (Ирецкая) Наталья Константиновна (1874–1940) – певица, лирико-колоратурное сопрано.

13. В СЕВЕРНОМ ЛЕСУ (с. 369)

Игорь Лотарёв. В северном лесу: Очерк / Дозв. ценз. 3 марта 1906 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1906. 4 с. Вошло в *ПА*. Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Датировано декабрем 1905 г.

...На берега играющей реки. "Р. Суда, вытекающая из Сулозера в Олонецкой губ. и протекающая в северной части Новгородской губ., вследствие быстроты течения, в некоторых местах зимой вовсе не замерзает" (*примеч. Игоря Северянина*).

14. ЛЕПЕСТКИ РОЗ ЖИЗНИ (с. 371)

Игорь Лотарёв. Лепестки роз жизни (I–III): Из стихотворений 1906 г. / Дозв. ценз. 14 апреля 1906 г. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1906. 4 с. Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Вошло в *ПА*.

15. ПАМЯТИ А.М. ЖЕМЧУЖНИКОВА (с. 374)

Игорь-Северянин. Памяти А.М. Жемчужникова. Листок. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. 2 с. Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Датировано: "С.-Петербург. 26-го марта 1908 г." (т.е. на следующий день после кончины А.М. Жемчужникова). Вошло в *VR*.

Впервые подписано псевдонимом *Игорь-Северянин* (через дефис). На значение псевдонима указывает отрывок из очерка Северянина «Фофанов на мызе "Ивановка"» (1911): "После отъезда Фофанова выпал снег в конце мая. Снег белой ночью. Настоящий полярный север. И мне, как истому северянину, это явление было ближе и понятнее, чем всем вам, мои безвестные читатели..." (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 50).

Жемчужников Алексей Михайлович (1821–1908) – поэт, драматург, один из трех братьев Жемчужниковых, которые вместе с их кузеном А.К. Толстым писали под псевдонимом Козьма Прутков.

16. НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА (с. 375)

Игорь-Северянин. На смерть Лермонтова. 1-е изд. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. – 4 с. Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Вошло в *ЗЛ*.

На обложке объявление: "Весь сбор предназначен автором на сооружение памятника поэту".

На 4-й стороне обложки объявление: «Вскоре выйдет в свет новая книга стихов Игоря-Северянина "Лунные тени" (40 страниц). Продажа будет производиться во всех лучших книжных магазинах С.-Петербурга, Москвы и других больших городов». Там же объявление о подписке на журнал "За жизнь – жизнь" при участии Игоря-Северянина (Лотарёва И.В.).

Северянин вспоминал: "В 1908 г. промелькнули первые заметки о брошюрах. Было их немного, и критика в них стала меня слегка поругивать" (*5, 85*).

Эпиграф – из стихотворения М.Ю. Лермонтова "На смерть поэта".

17. ЗАРНИЦЫ МЫСЛИ (с. 376)

Игорь-Северянин. Зарницы мысли: 1-й сборник стихотворений. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. 8 с. Экземпляр Музея книги РГБ.

На 2-й стороне обложки "Акростих. (Посвящается Игорю-Северянину)":

И Вас я, Игорь, вижу снова,
Готов любить я вновь и вновь...
О, почему же нездорова
Рубаки любящая кровь?
Ь – мягкий знак, – и я готов!

К. Фофанов

Гатчина. 26 ноября 1907 г.

ОКЕАНУ – КАПЛЯ (с. 376)

Вошло в *ПА*.

Посвящение – Льву Николаевичу Толстому (1828–1910) (см. статью в наст. изд.).

У К.М. ФОФАНОВА (с. 377)

Вошло в *ПА*.

Северянин познакомился с Фофановым 20 ноября 1907 г. В стихотворении идет речь об одной из первых встреч поэтов, к которой, вероятно, относится приведенный выше акростих. О своем нездоровье Северянин написал Фофанову 30 декабря 1907 г. на визитной карточке "Игорь-Северянин, сотрудник-ритмик периодических изданий" (РГАЛИ. Ф. 525. Ед. хр. 622. Л. 1).

Дышало маем от тетради... – Северянин особенно ценил "очаровывающее против воли" стих. Фофанова "Май" (*5, 26*).

СТАНСЫ ("Скорбишь ли ты о смерти друга...") (с. 384)

Вошло в *ПА*.

Впервые: Газетчик. 1907. № 18.

18. СИРЕНЬ МОЕЙ ВЕСНЫ (с. 386)

Игорь-Северянин. Сирень моей весны: 2-й сб. стихотворений. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. 8 с.

На 2-й стороне обложки посвящение:

Чудному, новоявленному поэту
Игорю Васильевичу
Северянину-Шеншину-Лотарёву

Все люблю я в Игоре, –
Душу и перо!..
Жизнь Его, – ты выгори
В славу и добро!

Песнь Его прекрасная,
В мире разнесись,
И как зорька ясная,
Озари, всевластная,
На Парнасе высь!

К. Фофанов
1908 г. 31 января
Гатчина

В очерке “Стихи, мне посвященные” (1923) Северянин сообщает, что эти стихи были написаны Фофановым на своей книге “Иллюзии” (СПб., 1900).

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ (с. 387)

Вошло в *ЗЛ*.
Ср.: Вл. Соловьев. “Белая лилия. Мистерия-шутка”.

CHARLOTTE CORDÉ (с. 392)

Вошло в *ЗЛ*.
Charlotte Cordé d'Armont (*фр.*) – Шарлотта Корде д'Армон (1768–1793), французская дворянка, заколовшая кинжалом лидера буржуазной революции Марата и казненная за это.

МАДРИГАЛ (с. 394)

Посвящение – Александре Александровне Наумовой, подруге Зои, старшей сестры Северянина.

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ “ОБРЫВА” (с. 395)

Вошло в *ЗЛ*.
...“Обрыв”, поэму Гончарова. – Имеется в виду роман И.А. Гончарова “Обрыв”.
Вера, Райский, Марк – персонажи романа “Обрыв”.

19. ЗЛАТА (с. 396)

Игорь-Северянин. Злата. СПб.: Тип. И.Флейтмана, 1908. 4 с. Датировано: 30–31 марта 1908 г. Экземпляр Музея книги РГБ. Вошло в *ЗЛ*.
На 2-й стороне обложки – стихотворение К. Фофанова “Акварель”:

Я видел вновь весны рожденье,
Весенний плеск, зеленый гул...
Но прочитал Твои творенья,
Мой Северянин, – и заснул.
И снились мне в стране полярной.
В снегу и в инее сады,

Где лился свет луны янтарной
На зачарованные льды.
И спало все в морозной неге,
От рек хрустальных до высот,
И как гигант мелькал на снеге
При лунном свете лыжеход.

Гатчина
5 марта 1908 г.

На той же странице ответное стихотворение Северянина "Штрих":

Я околдован "Акварелью" –
В ней милый северный мороз,
Его печальное веселье,
Край луносветлый томных грёз,
Мой друг Поэт подметил чутко
Во мне недуг душевных ран
И как сонлива даже шутка
У мрачных сфинксов – северян.

С.-Петербург
3-го апреля 1908 г.

Подзаголовок "Из дневника одного поэта" определяет документальную структуру поэмы, но не исключает поэтического вымысла, в частности в финале.

Злата – Гутцан Евгения Тимофеевна (Менеке, 1887–1952), мать Тамары Шмук, дочери Северянина (родилась 5 декабря 1908 г.). На обороте фотографии Е. Гутцан (см. вкл. 1) рукой дочери написано: «"Злата" – Игоря С. первая и большая последняя любовь. Ей было 18 лет на снимке» (РГАЛИ).

20. ЛУННЫЕ ТЕНИ. Часть 1 (с. 401)

Игорь-Северянин. Лунные тени: Стихотворения. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. 8 с. 100 экз.

На 2-й стороне обложки посвящение:

Константину Михайловичу Фофанову
восторженно посвящаю:
Его Светозарности Королю Поэзии –
боготворящий наследник!

ПРЕЛЮДИЯ ("Лунные тени – тени печали...") (с. 401)

Написано под влиянием стихотворения М. Лохвицкой "Фея счастья". См. также "Миньонеты" (бр. 31. "Ручьи в лилиях").

"ЗАРЕЮ ЖИЗНИ Я СВЕТОМ ГРЕЗИЛ..." (с. 404)

Вошло в *ЗЛ* – под заглавием "Зарею жизни".

21. ЛУННЫЕ ТЕНИ. Часть 2 (с. 405)

Игорь-Северянин. Лунные тени: Стихотворения. Ч. 2. (С посвящением Л.Н. Афанасьеву). СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. 8 с. 100 экз.

Экземпляр Музея книги РГБ.

Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Автограф Северянина: "На хорошую память Григ⟨орию⟩ Конст⟨антиновичу⟩ Фофанову от автора. 1911 г., 31.X. СПб.".

Экземпляр из коллекции М.С. Лесмана. Музей А.А. Ахматовой. СПб. Запись рукой Северянина(?): «Мнение "Аполлона"?».

Посвящение – Афанасьеву Леониду Николаевичу (1864–1920), поэту, близкому другу Северянина (см. *ГК*).

На 4-й стороне обложки стихотворение К. Фофанова «На память Игорю-Северянину (стих.⟨отворение⟩ это напечатано в журн. "За Жизнь – Жизнь", № 9–10 за 1908 г.)»:

Это в юности все было –
Прежде я не так любил,
И одно мне изменило,
Я другому изменил.
  Эти струны, эта книжка –
  Грезы юности былой...
  Но теперь амур-мальчишка
  Стал и взрослый и седой –
Потому-то сердцу больно.
Вьюга веет на душе, –
И следы любви невольно
Я ищу на пороше.

1908 г. 23 мая
Мыза "Ивановка", на ст. Пудость

ЛЕОНИДУ НИКОЛАЕВИЧУ АФАНАСЬЕВУ (с. 405)

Вспоминая о встречах, которым посвящено это стихотворение, 11 ноября 1913 г. Северянин писал Афанасьеву: "Так рад возобновлению живого общения, всегда Вас любил и люблю. Захватите, пожалуйста, стихов: почитаем, как прежде, как еще в 1908 году" (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 47).

ПАМЯТИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО (с. 406)

Вошло в *VR*.

В стихотворении упомянуты названия опер Чайковского "Черевички" и "Чародейка", герои опер "Евгений Онегин", "Иоланта", "Пиковая Дама", "Орлеанская Дева".

"МОЯ МЕЧТА – МОРЯК-СКИТАЛЕЦ..." (с. 406)

Вошло в *ЗЛ* – под заглавием "Моя мечта".

"Я ЗАПОЮ НА ЛИРЕ ЗВОНКОЙ..." (с. 410)

Вошло в *ЗЛ* – под заглавием "Я запою".

22. ЛАЗОРЕВЫЕ ДАЛИ (с. 410)

Игорь-Северянин. Лазоревые дали: Стихотворения. (С двумя посвящениями К.М. Фофанова). – СПб., 1908. 12 с. Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ).

На 2-й стороне обложки напечатано: “Ничего лучшего не мог я придумать, что мне показал Игорь-Северянин. Чту Его душу глубоко. Читаю Его стихи – и все говорит мне: в Тебе – Бог! К. Фофанов. 22 мая 1908 г. Пудость”.

На 3-й стороне обложки напечатано “Посвящение К.М. Фофанова”:

«ПРОРОК ИЛЬЯ

(Посвящается Игорю-Северянину)

Пророки шли дубровой темной;
Один Илья, чья речь – как гром...
Другой – его преемник скромный,
Босой, с лысеющим челом.

И говорит Илья: “Довольно
Мне в мире быть среди людей...
Гряди и властвуй речью вольно!
Греми, преемник Елисей!

Я ухожу! Земного хлеба
Не надо мне, – бессильна плоть!
Я ухожу к Творцу на небо...
Пора, пора! Зовет Господь!”

И вышли старцы из дубровы...
Смеркалось, засыпала степь;
Вдали теснился град суровый,
И огоньков далеких цепь

Вдали рассеянно блестела. –
И сон пустыни был глубок...
И за Ильею шел несмело
Другой, обиженный пророк.

Вдруг шум раздался из дубровы.
В пустыне был разрушен сон...
И был по воле Иеговы
Илья на небо вознесен.

И в страхе, падший на колени,
Воззрел на небо Елисей,
Где мчались кони, – рвали тени, –
Среди молниеносных змей.

И роковая колесница
Гремела тяжко меж огней,
И мчалась, легкая, как птица,
Четверка пламенных коней.

И между тем как пламенея
Гремел и плакал небосклон
К ногам скатился Елисея
Илья разодранный хитон.

К. Фофанов
Гатчино. Весна. 1908 г.

(Это стих. напечатано в журн. “За жизнь – жизнь”, № 5–6 за 1908 г.)».

На последней стороне обложки перечень книг Северянина (1908), начиная с “Зарниц мысли”.

ПАМЯТИ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА (с. 412)

Впервые: “За жизнь – жизнь”, 1908, № 9–10; Вервэна. Юрьев, 1919. Посвящено памяти одного из любимых композиторов Северянина – Н.А. Римского-Корсакова (1844–1908).

...Снегурочка воскреснет в Мая Ночь... – аллюзии заглавий опер Римского-Корсакова “Снегурочка” и “Майская ночь”.

“ТВОЙ ДОМИК ЗАТЕРЯН В УСНУВШЕМ ЛЕСУ...” (с. 412)

Вошло в *ПА* – под заглавием “Твой домик”. Адресат *посвящения* – “*И.Д.*” – не установлен.

23. ЭТО БЫЛО ТАК НЕДАВНО... (с. 417)

Игорь-Северянин. Это было так недавно... Стихи (С посвящением Л.Н. Афанасьева). СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1909. 8 с. 100 экз.

Экземпляр из коллекции М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб. Надпись рукой Северянина(?): «Мнение “Аполлона?”»

Северянин писал: «...я стал издавать свои стихи отдельными брошюрами, рассылая их по редакциям – “для отзыва”. Но отзывов не было...» (*5, 84*).

На 2-й стороне обложки “Посвящение Л.Н. Афанасьева” Игорю-Северянину (И.В. Лотарёву) – ответ на стихотворение Северянина в брошюре 21:

Солнце на закате,
Набегают тени...
Дышит в аромате
Нега томной лени...
С тихого балкона,
У стремнин каскада,
Звуки граммофона
Льются в сумрак сада...

Под трубой хрипливой
Ходит круг пластинки...
Ловит слух мотивы
Из Гуно, из Глинки...
    Музыки и пенья
    Звуки льются, тают...
    Будят умиленье,
    За душу хватают...
А каскад мятежный,
Сетуя, что тесно,
Гривой белоснежной
Падает отвесно...
    И стремясь, рокочет:
    “Сила ль не дана мне?”
    И безумно хочет
    Сдвинуть с места камни.
И бежит к березкам,
В серебре атласном,
То с веселым всплеском,
То со вздохом страстным...

Леонид Афанасьев

1908 г.

На 4-й стороне обложки объявление: “Портреты автора (4 позы) продаются в фотографии Д. Здобнова (Невский пр., 10)”. По поводу этого объявления К.М. Фофанов написал на своем экземпляре иронический экспромт “Нарциссу”.

24. А САД ВЕСНОЙ БЛАГОУХАЕТ!.. (с. 422)

Игорь-Северянин. А сад весной благоухает!.. Стихи / С откликом И.А. Гриневской. – СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1909. – 8 с. – 100 экз.

На 2-й стороне обложки посвящение: “Памяти почившей Королевы Поэзии Мирры Александровны Лохвицкой – страстно скорбящий автор, благоговейно склоненный”.

На 3-й стороне обложки отзыв писательницы Изабеллы Аркадьевны Гриневской (1864–1942): «От всей души благодарна поэту Игорю-Северянину, автору “Лунных теней”, “Златы” и др., за добрую память обо мне. Горячо желаю его звучным и задушевным стихам широкого распространения. Прошу его принять уверения в моем глубоком уважении. 1909, 21 февраля. С.-Петербург». (См. также сборник “Мимоза” ⟨2⟩, где среди участников упоминается Гриневская.)

На 4-й стороне обложки перечень книг Северянина и объявление: «Готовятся книги: “За струнной изгородью лиры”; “Интуитивные краски”; “Догадки сердца”; “Очам твоей души”. Адрес автора: Ст. Пудость, Балтийской жел. дор., Мыза “Ивановка”.

Экземпляр из коллекции М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб.

В рецензии на сборник говорилось: «Книжечка, заключающая в себе восемь страниц, посвящена “страстно скорбящим автором, благоговейно склоненным”, памяти “почившей Мирры Лохвицкой”. ⟨...⟩ От культа бесплотного образа “царицы из цариц” г. Игорь-Северянин не прочь перейти и к более материальному культу. Некоей Зое Ч. он посвящает, ме-

жду прочим, такие строки (она, очевидно, цыганка): “Вина, вина!..” (Биржевые ведомости. 1909. 13 июня. Утр. вып.). Другой рецензент отмечал: «То стихотворения его изысканны, грациозны, задушевны, то представляют из себя что-то дикое, кричащее. “Хабанера” – тяжело запутанный выкрик» (газ. “Красноярский вестник”. 1910. 14 окт.).

ИЗ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА (с. 425)

Вошло в *ЗЛ*.

Сюлли-Прюдом Франсуа (1839–1907) – французский поэт, член группы “Парнас”, автор сборника стихов “Напрасная нежность”. В 1901 г. удостоен Нобелевской премии.

“*Ne jamais la voir, ni l'entendre...*” (*фр.*) – Никогда не увидеть, не услышать...

ГЛАЗЕНКИ (с. 426)

Вошло в *ЗЛ*.

Впервые: Весна. СПб., 1909. № 14.

Стихотворение отмечено в рецензии в “Биржевых ведомостях”: «В грациозном стихотворении “Глазенки” он воскликнул: “Нет места грусти, нет места слёзам...”. Редкое свободолюбие! Как жаль, что на свете существует грамматика, о чем многие забывают. Автор вообще свободно распоряжается со словами и ломает ударения».

25. ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ (с. 426)

Игорь-Северянин. За струнной изгородью лиры: Стихи. (С посвящением К.М. Фофанова и послесловием В.В. Уварова-Надина). СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1909. 16 с. 100 экз.

Экземпляр из коллекции М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб. Надпись Северянина(?): «Мнение “Аполлона”?»

На 2-й стороне обложки “Посвящение К.М. Фофанова”:

СТРЕКОЗА

(Посвящается Игорю-Северянину)

Над прудом кружилась долго
Голубая стрекоза,
Закрывая от восторга
Изумрудные глаза.

Чуть колеблелась осока,
Наклоняя тощий стан,
А в саду неподалека
Цвел оранжевый тюльпан.

И, предвидя новолунья,
Он влюбился в стрекозу, –
И летит к нему шалунья
Утереть его слезу.

1909 г.
СПб., 24-го апреля

На 3-й стороне обложки напечатано послесловие В.В. Уварова-Надина: «– "Овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един", – говорит евангельская притча, аллегорически рисуя идею разумного, производительного пользования дарованиями, влагаемыми Творцом мира в нас.

И по этой теории Игорь-Северянин также должен дать прирост на свой лирический талант.

Хорошее начало в области поэзии он уже показал: его стихотворения дышат лучшими чувствами и светятся полной красотой мысли, образов, картин природы, явлений на фоне глубокой мечты.

Его лира, освежая от сантиментализма школы прошлых времен и не отражая в себе непонятного мрака стиля "nouveau", является самостоятельной, оригинальной.

Будет время, когда поймут и оценят его и печать, и просвещенное русское общество. Ведь все большое не сразу дается разумению толпы.

И пророческий глагол большого нашего поэта К.М. Фофанова сбудется:

– "Гряди и властвуй речью вольно.
Греми, преемник Елисей!" –

как сказал он ему устами пророка Илии.

С.-Петербург.
16 ноября 1908 г.»

В.В. Уваров-Надин несколько лет входил в круг знакомых Северянина, о чем свидетельствует письмо Л.Н. Афанасьеву от 7 сент. 1910 г.: "Собирался К.Е. Антипов. Константин Михайлович ⟨Фофанов⟩ был с Костей, часто навещает меня Дорин-Николаев, Арельский, Пуни, Лукаш и мн. др. ⟨...⟩ Привет от мамы и Владимира Вячеславовича Уварова" (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 47).

На 4-й стороне обложки проспект двухтомника Игоря-Северянина (бр. 1–25) и объявление о новых брошюрах (26–28).

ВЕЛИКОМУ СОВРЕМЕННИКУ (с. 427)

Вошло в *ПА*.

День 20 ноября 1907 г. – день знакомства с К.М. Фофановым, который Северянин отмечал ежегодно как праздник. В письме Фофанову от 20 ноября 1909 г. он сообщал: "Известные Вам обстоятельства воспрепятствовали мне провести день второй годовщины нашего знакомства вместе с Вами. Правда, я очень скорблю об этом, но нахожу себе утешение в воспоминании дня нашей встречи, в переживаниях отжитого. Я буду сегодня читать Вас, всегда благоговейно боготворимого мною, я буду сегодня думать о Вас и верить в Ваше бессмертие" (РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Ед. хр. 622).

ИЗ ШАРЛЯ БОДЛЭРА: БОЛЬНАЯ МУЗА (с. 434)

Вошло в *ПА* – под заглавием "Под Шарля Бодлэра. Больная муза".

"Больная муза" – сонет Бодлера из цикла "Сплин и Идеал" ("Цветы Зла"). О том, что Северянин начал переводить стихи Бодлера, он сообщал К.М. Фофанову в письме 16 июля 1909 г.: "Перевожу Бодлэра (при помощи maman); есть уже 8 сонетов из него" (РГАЛИ. Ф. 525. Ед. хр. 622).

Эпиграф – "О Муза! Бедная! Скажи мне, что с тобой..." (начальная строка сонета, пер. А. Эфроса).

26. ИНТУИТИВНЫЕ КРАСКИ (с. 438)

Игорь-Северянин. Интуитивные краски: Немного стихов. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1909. 16 с.

Экземпляр Музея книги РГБ. На обложке надпись Северянина(?): "Ваш взгляд?".

Экземпляр из собрания М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб.

Экземпляр с автографом Северянина И.А. Пуни: "Я передаю тебе, Женя, эту книжку в день душевной обнаженности и слияний, – с тем большим удовольствием я это делаю. Игорь. 21.XI.1909" (Аукцион книг 81-й. М., 2003. С. 24).

Об этой брошюре говорилось в очерке И.Ф. Наживина "В Ясной Поляне" (Утро России. 1910. 27 янв.).

ИНТРОДУКЦИЯ ("Не было, может быть, этого?..") (с. 438)

Вошло в *ПА*.

Посвящение – писателю Каменскому Анатолию Павловичу (1876–1941), автору скандально известных рассказов "Леда" (1906), "Четыре" (1907), романа "Люди" (1908), в которых критика отмечала "засилие мужчин-неврастеников, женщин-эротичек". Северянина привлекала пряная атмосфера "тайного *этого*". См. также упоминание фамилий А. Каменского и Северянина среди участников издания газ. "За жизнь – жизнь".

МИНЬОНЕТЫ (I. "Твои уста – качели лунные..."; II. "Гудят погребальные звоны...") (с. 439)

В газ. "Утро России" (1910. 29 янв.), в отклике на очерк Наживина "В Ясной Поляне", говорилось: «Еще один перл того же автора – стихотворение "Миньонета" ⟨приводится полностью⟩. Не мудрено, что Л.Н. Толстой с горечью восклицал: "Чем занимаются! Чем занимают! И *это* литература!"»

Твои уста – качели лунные... – Ср. в стихотворение М. Лохвицкой "Фея счастья" (1889): "Качели из лунных лучей / Спускаются тихо с небес..."

ГРАД (с. 440)

Вошло в *ЗЛ*.

Посвящение – Д.А. Дорину-Николаеву, знакомому Северянина.

На обложке бр. 24 имелось сообщение, что готовится книга "Догадки сердца" с посвящением Д.А. Дорина-Николаева (не сост.).

НА СТРОЧКУ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СОНЕТ (с. 441)

Вошло в *ЗЛ*.

Посвящение – Н.С. Гумилеву (см. стих. "Гумилеву", *КР*).

ВЕСНА (с. 441)

Вошло в *ЗЛ*.

...С незабудками с канавок... – Это выражение использовано затем в названии раздела "Незабудки на канавках" в *АШ*.

ПОД НАСТРОЕНЬЕМ ЧАЙНОЙ РОЗЫ (с. 442)

Вошло в *ЗЛ*.

От вздохов папирос вся комната вуалевая – Ср. начало стих. В. Маяковского "Лиличка!": "Дым табачный воздух выел. Комната – глава в крученыховском аде..." (1915).

ХАБАНЕРА ("Вонзите штопор в упругость пробки...") (с. 443)

Вошло в *ЗЛ*.

Привлекло внимание Л.Н. Толстого (см. статью в наст. изд.).

ИЗ ШАРЛЯ БОДЛЭРА: КРЕОЛКА (с. 444)

Вошло в *ЗЛ* – под заглавием "Креолка. (Из Ш. Бодлера)".

Эпиграф (*фр.*) – "Под солнцем той страны, где аромат струится" – начальная строка сонета Бодлера "Даме креолке" (A une Dame créole) из цикла "Сплин и Идеал" ("Цветы Зла").

27. КОЛЬЕ ПРИНЦЕССЫ (с. 449)

Игорь-Северянин. Колье принцессы. Первая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 27. СПб.: Тип. И. Флейтмана. 1910. Весна. 16 с.

Экземпляр из собрания М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб.

Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Дарственная надпись Северянина К.М. Фофанову:

Поэту Славному дарю я книгу эту.
Поэзии прекрасной королю...
Дарю любовь Великому Поэту
И, как Любовь, Его люблю!

Автор

Сергиево. Май. 1910 г.

На 2-й стороне обложки посвящение: "Памяти Амбруаза Тома, аккомпаниатора моей Музы".

На 3-й стороне обложки: "Готовятся брошюры: 28. Очам твоей души. 29. Ручьи меж лилий. 30. Сады футуриста. 31. Певица лилий полей Сарона. 32. Предгрозье".

УВЕРТЮРА ("Колье принцессы – аккорды лиры...") (с. 449)

Вошло в *ЗЛ*.

Примеч. Северянина: "Читано автором в концерте, 13-го марта 1910 года, в зале Заславского".

РЕКВИЕМ (с. 449)

Вошло в *ПА*.

Посвящено памяти Мирры Лохвицкой в год пятилетия ее кончины.

ЛИЛИИ ДУШИ (с. 451)

Вошло в *ПА*.

Посвящено А.А. Наумовой (?).

"*Звезды саронских полей...*" – Северянин развивал образ цветущей долины Сарона в сборнике "Певица лилий полей Сарона".

"СОЛНЦЕ ВСЕГДА ВДОХНОВЕННО!.." (с. 452)

Вошло в *ЗЛ*.

Впервые: Сибирские отголоски. Томск, 1910. № 2.

АРНОЛЬДСОН (с. 456)

Вошло в *ПА*.

Арнольдсон Сигрид (1861–1943) – шведская певица, колоратурное сопрано. "Лучшей Миньон, чем Арнольдсон, я не слышал и не видел. Это было само воплощение героини Гёте", – отмечал Северянин (*5,92*).

Сонет-nouveau – сонет в новом стиле, "новосонет" (см. "Издевательство").

Эпиграф – строка из стихотворения Ш. Бодлера "Призрак" ("Un Fantome"): "И время, бессовестный старик, трет жестким крылом день ото дня..." (пер. Эллиса).

Je vous connais (*фр.*) – Я вас знаю.

РЫЦАРЬ ДУХА (с. 462)

Вошло в *ПА*.

Впервые: За жизнь – жизнь. СПб., 1908. № 3–4.

28. ПЕВИЦА ЛИЛИЙ ПОЛЕЙ САРОНА (с. 464)

Игорь-Северянин. Певица лилий полей Сарона. Вторая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 28. СПб.: Тип. И. Флейтмана. 1910. Лето. 8 с. 100 экз.

Экземпляр Музея книги РГБ.

Экземпляр из коллекции М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб. На обложке автограф: «Граалю-Арельскому – "Ландышу Сарона". 27 августа 1910 г. Игорь Северянин».

Заглавие книги и автограф связаны с названием Саронской долины (Палестина) славившейся цветами, о чем упоминается в "Песне песней". Нарциссом или Гиацинтом Сарона называли царя Соломона. С Лилией или Розой Саронской сравнивали царицу Савскую Балькис. См. стих. "Балькис и Валтасар" (*ГК*).

На 2-й стороне обложки посвящение: "Бессмертной Мирре Лохвицкой".

ВСТУПЛЕНИЕ ("Певица лилий полей Сарона...") (с. 464)

Вошло в *ЗЛ*; без заглавия.

Обращено, как и вся книга, к Лохвицкой, воспевшей эти сюжеты в поэме "Балькис", в стих. "Царица Савская", "Элегия" и др. Она писала о себе: «Я "мертвая роза", я лилия чистая, / Я нежусь в сияньи серебряном грез» ("Мертвая роза").

Эпиграф – из стихотворения М. Лохвицкой "Песнь торжествующей любви".

СИМФОНИЯ (с. 464)

Вошло в *ЗЛ*.

Эпиграф – из стих. Лохвицкой “Среди лилий и роз”. Второй эпиграф из стих. Черубины де Габриак (Е.И. Дмитриевой) “Золотая ветвь”, посвященного “Моему учителю” (М. Волошину). Оно входило в первую подборку стихотворений Черубины – мистификацию в журнале “Аполлон” (1909. № 2). Северянин, вероятно, сочувствовал стихам Черубины, писавшей, например, о цветах: “Я знаю души как лаванда, / Я знаю девушек-мимоз, / Я знаю, как из чайных роз / В душе сплетается гирлянда” (“Цветы”).

У старой лавры... – Мирра Лохвицкая была похоронена на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

...За струнной изгородью лиры... – выражение стало заглавием книги избранных поэз Северянина (М., 1918).

БАЛЬКИС (с. 466)

Вошло в *ЗЛ*.

Эпиграфы – из поэмы М. Лохвицкой “Балькис” и из стихотворения Е. Баратынского “Она” (1827).

САРОНСКАЯ ФАНТАЗИЯ (с. 467)

Вошло в *ЗЛ*.

Посвящение – Граалю-Арельскому (С.С. Петрову), поэту, прозаику, который выступал под маркой эгофутуризма, затем перешел в “Цех поэтов”. См. поэтическую рецензию Северянина на его книгу “Голубой ажур” (1911).

ОКТАВЫ (“Хочу туда – где море бюрозово...”) (с. 468)

Вошло в *ЗЛ*.

Впервые: Голос Правды. 1910. № 1320.

“КОГДА НОЧАМИ ВСЕ ТИХО-ТИХО...” (с. 469)

Вошло в *ЗЛ*.

Впервые: Сибирские Отголоски. Томск, 1909. № 256.

29. ПРЕДГРОЗЬЕ (с. 469)

Игорь-Северянин. Предгрозье: Третья тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 29. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1910. Осень. 16 с.

Экземпляр ОР РГБ. Дарственная надпись Северянина В.Я. Брюсову: “Умному и славному Валерию Брюсову – безумный и изнемогающий Игорь-Северянин. 911. окт. СПб.”.

Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Дарственная надпись Северянина К.К. Фофанову (Олимпову): “Дорогому Константину Константиновичу Фофанову – любящий и ожидающий автор. 1910. 25. X”.

На 2-й стороне обложки посвящение: “Памяти Шарля Бодлэра”.

9 стихотворений вошло в *ГК*, 1 – в *АШ*.

ВУАЛЕТКА (с. 470)

Вошло в *ЗЛ*.

Посвящение – Евгению Пуни, как Северянин, очевидно, называл художника Ивана (Жана) Пуни (см. примеч. к стих. "Евгению Пуни" – *Соловей*).

АВИАТОР (с. 471)

Вошло в *ЗЛ*.

Стихотворение создало Северянину славу "певца авиации": «Авиация, наконец, нашла своего поэта. Это г. Игорь Северянин 〈...〉 Если некогда Бенедиктов открыл зубы у голубей, то почему же не быть и плечам у орлов? Тем более, что, по собственному определению г. Северянина, – он "интуит с душой мимозной", а такому все простительно» (Новое время. 1910. 1 нояб.).

ПАМЯТИ МАЦИЕВИЧА (с. 474)

Вошло в *VR*.

Посвящено Льву Макаровичу Мациевичу (1877–1910), корабельному инженеру, одному из первых русских летчиков, погибшему в авиационной катастрофе. В 1912 г. в Петербурге был издан "Сборник памяти Л.М. Мациевича".

"*Гном*" – марка авиационного мотора.

ВНЕ (с. 478)

Вошло в *ЗЛ*.

Посвящение – поэту Ивану Созонтовичу Лукашу (см. *ГК*).

Заглавие созвучно названию поэтической книги эгофутуриста П. Широкова "В и вне" (1913).

29а. ЭПИТАЛАМА (с. 481)

Игорь-Северянин. Эпиталама. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1911. Февраль. 1 с.

Экземпляр РНБ (СПб.) в виде листовки, текст на одной стороне. Вошло в бр. 31 и *ГК*. Экземпляр ОР РНБ ошибочно описан как верстка 1915 г.

Лариса Рейснер писала в статье "Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому", цитируя "Эпиталаму": « Он принес с собой радость, этот странный человек с мертвым лицом и глубочайшим голосом.

В ночных кафе, после трех часов ночи, перед ошеломленными профессионалами его "поэзы" кипели, как брага, цвели, как цветет счастье 〈...〉 Он дерзал любить и благословлять» (Рудин. Пг., 1916. № 1. С. 7).

30. ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СТИХИ (с. 482)

Игорь-Северянин. Электрические стихи. Четвертая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 30. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1911. Предвешняя зима. 24 с.

Экземпляр Музея книги РГБ. Надпись Северянина(?): «Для отзыва в редакцию журнала "Русская мысль"».

Экземпляр из собрания М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб. Надпись Северянина(?): "Для отзыва в редакцию журнала".

На 2-й стороне обложки посвящение: “Тринадцатой”. Адресат не установлен. Позже Северянин использовал эту форму посвящения в *ГК*, обращаясь к М. Домбровской, с которой познакомился в марте 1915 г.

На 4-й стороне обложки анонс полного собрания стихотворений Северянина в трех томах. В рецензии на “удивительно интересную” 30-ю брошюру (Нижегородец. 1911. 1 дек.) И.В. Игнатьев замечал: “Мне и нравится и не нравится заголовок тетради. Пусть он нов. Но стиль содержания испрашивает другого, столь же стильного наименования”. Критик признавал, что Северянин “кропотливую работу свою совершает как крот, невидимо, неслышимо, лишь изредка напоминая о себе небольшими кусочками земли – плодом собственного травайлирования. Зато кусочки-тетради чистый чернозем, ароматный, густой, жирово-растительный”. Для Северянина характерны словообразования по типу “чернозем – роднозём, слезозём”.

18 стихотворений вошло в *ГК*, 6 – в *АШ*.

СИРИУСОТОН (с. 498)

Вошло в *ПА*.

Посвящение – Н.А. Тэффи (Бучинская Надежда Александровна, 1872–1952), писательница, автор юмористических рассказов, сестра Мирры Лохвицкой. Неоднократно писала эпиграммы на Северянина. С текстом этого стихотворения, где упомянуты экзотические “ландыши с Сирьюса” и ирис “лунно-линялый”, вероятно, связан автограф Тэффи на ее книге стихов “Городок” (1927); “Помните синий тюльпан?” См. также в стих. К.М. Фофанова “Стрекоза”, посвященном Северянину: “...цвел оранжевый тюльпан” (Брошюра 25).

31. РУЧЬИ В ЛИЛИЯХ (с. 501)

Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях: Поэзы. Пятая тетрадь третьего тома. Брошюра 31. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1911. Лето. 20 с.

Экземпляр из библиотеки А. Блока (ИРЛИ). На 1-й странице автограф: “Александру Александровичу Блоку: Поэт! Я слышал Вас на похоронах Врубеля. Незабвенна фраза Ваша о гении, понимающем слова ветра. Пришлите мне Ваши книги: я должен познать их.

Игорь-Северянин. 1911–XII.3. СПб.”.

Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). На 1-й странице надпись Северянина: “Конст⟨антину⟩ Олимпову – любящий автор. 1911 г., УП, 31. – Сиверская, на даче Веймара”.

Эпиграф – из стихотворения Мирры Лохвицкой (*Лохвицкая*, V, 8):

...Как жизни и смерти созвучие,
Мне снятся пути совершенные,
Меня превозносят могучие,
Меня ненавидят презренные.

На последней стороне обложки объявление о Полном собрании стихов Северянина в трех томах. Указаны адреса автора: 1) С.-Петербург, Средняя Подьяческая ул., д. 5, кв. 8; 2) ст. Елизаветино, Балтийской жел. дор., село Дылицы, дача Егора Киселева.

Первоначальный вариант заглавия – “Ручьи меж лилий”.

А. Измайлов отметил выход брошюры: «Новая книга стихов “Ручьи в лилиях”. Из каждой строки ⟨...⟩ сквозит желание ошеломить, удивить, огорошить. Игорь Северянин опоздал лет на двадцать со своими, как он выражается, поэзами. Два десятилетия назад, может быть, о нем говорили бы. Теперь читатель видел виды, и его не удивишь» (Русское слово. 1911, 5(18) авг.).

Критик Аякс в заметке “Поэт в атласном интервале. (Рецидив декаданса)” иронизировал: «Но что, если назвать свою книгу или брошюру “Электрическими стихами”? Или “Садами футуриста”? Или “За струнной изгородью лиры”? Что, если написать вместо обычного подзаголовка “стихотворения” новое слово “поэза”? Что, если издать эти стихи брошюрами до тридцати, до сорока, и в каждой прогрессировать по части всячески необычайностей... Все эти планы осуществил Игорь Северянин...» (Биржевые ведомости. 1911. 2 авг.).

15 стихотворений вошло в *ГК*.

БРИНДИЗИ (с. 508)

Вошло в *ЗЛ*.

Северянин относил бриндизи к смысловым формам, как стихотворение вакхического или застольного содержания.

ВИНА́ БАЛЬКИС (с. 509)

Вошло в *ЗЛ*.

Вариация на тему поэмы Мирры Лохвицкой “Балькис”.

ПАМЯТИ К.М. ФОФАНОВА (с. 512)

Вошло в *VR*.

Написано под впечатлением похорон К.М. Фофанова. О той роли, которую сыграл в судьбе Северянина Фофанов, говорилось, в частности, в заметке М. Сокольского: “Передо мною 6 изящных томиков-тетрадок со стихотворениями Игоря Северянина. Это тоненькие книжечки ценою 10–15 копеек, но в них немало изящных, грациозных стихов. Моя похвала, впрочем, мало значит: музу Игоря-Северянина отметил рядом дружеских, приветственных писаний К.М. Фофанов” (Петербургская газета. 1909. 1 апр.).

32. ПРОЛОГ “ЭГО-ФУТУРИЗМ” (с. 514)

Игорь-Северянин. Пролог “Эго-футуризм”: Поэза-грандиоз. Апофеозная тетрадь третьего тома. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1911. Осень. 4 с. Вошло в *ГК*.

На 2-й стороне обложки текст “От автора”: “Я принимаю редакторов, желающих иметь мои поэзы на страницах своих изданий, по вторникам от 5 до 6 час⟨ов⟩ веч⟨ера⟩. Мои условия: 1 р. за строку рукописи и годовой экземпляр издания. В некоторых случаях – gratis.

Издателей я принимаю по средам от 5 до 6 часов веч⟨ера⟩.

Начинающих поэтесс и поэтов, так часто обращающихся ко мне за советами, я с удовольствием принимаю по воскресеньям от 1 до 2 час⟨ов⟩ дня.

Для литераторов, композиторов, художников и артистов я дома по четвергам от 1 до 3 час⟨ов⟩ дня.

Устроители концертов и читатели принимаются мною по пятницам от 3 до 4 час⟨ов⟩ дня.

Интервьюеры могут слышать меня по субботам от 2 до 3 час⟨ов⟩ дня".

На 3-й стороне обложки напечатана реклама изданий "Ego". На 4-й стороне обложки – объявление о готовящемся к печати полном собрании поэз Игоря-Северянина.

Сохранился экземпляр с автографом Северянина А.Н. Мелик-Шахназаровой: "Я утесно вздрогнул (…утёс вздрагивает только при землетрясении…), порывно и очарованно заглянув в ветровую и грозовую душу светло-мрачной княжны Аруси Мелик-Шахназаровой, – и я приветствую в ее душе – поэта. 1911. XI, 15" (Библиотека РГАЛИ).

В рецензии на брошюру И.В. Игнатьев писал: «К чему эта королевская напыщенность предисловий? ⟨...⟩ Признаться откровенно, предисловие ошарашивает на первый взгляд. Но все-таки не любить И.С. со всеми его достоинствами и недостатками интеллигент, аристократ духа не может. Ибо он, подобно автору "Эго-футуризма", "идет к снегам недоступных вершин", в то время как человекоподобные "идут обычной тропой". Я лично постоянно читаю "ажурные", по меткому выражению Северянина, поэзы. ⟨...⟩ Северянин идентифицировался с своею mania grandiosa» (Нижегородец, 1911. 17 нояб.).

...Крест изменен на мавзолей... – См. стих. "Симфония" (Брошюра 28).

...К нему пришла принцесса мая... – Речь идет о том, что К.М. Фофанов скончался в мае 1911 г. Кроме того, здесь созвучие выражений "принцесса мая" и "Царица Мая" (героиня "Весенней сказки" Лохвицкой, скончавшейся ранее Фофанова).

Для нас Державиным стал Пушкин... – Апелляция к стихам А.С. Пушкина: "Старик Державин нас заметил..."

Да, я влюблен в свой стих державный... – И.В. Игнатьев отмечал, что в этих строфах Северянин "велелепствует", но презрение "рабами" не заслужено по весьма простой причине: "Северянин – "пиит" не для широкой публики.

Я одинок в своей задаче... – По наблюдению И.В. Игнатьева, "это правда, но из этого не следует, чтобы инвентность поэта уживалась с миражными грандизциями, злоупотребление которыми рисует высокоталантливого автора милым, но чрезвычайно капризным ребенком!"

33. КАЧАЛКА ГРЁЗЭРКИ (с. 518)

Игорь-Северянин. Качалка грёзерки: Поэзы. Т. IV: Сады футуриста. Кн. 1. Брошюра 33. С предисловием К.М. Фофанова. Столица на Неве: Ego; тип. "Улей", 1912. Предвесенье. – 16 с.

Экземпляр Музея книги РГБ с надписью: "Вячеславу Иванову – Игорь-Северянин. 1912".

Экземпляр из собрания М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб.

Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Надпись Северянина К.К. Фофанову (Олимпову); "Безумно-смелому Константину Олимпову, моему дорогому, – Игорь-Северянин, упоенно следящий его осолнеченный взлет! 1912.II.27. СПб.".

На 2-й стороне обложки "Предисловие К.М. Фофанова":

МУЗЫКА БЕЗ СЛОВ

О, Игорь, мой единственный.
Шатенный трубадур!
Люблю я твой таинственный,
Лирический ажур

К. Фофанов

1911. Февраль,
ст. Сергиево

На 4-й стороне обложки объявление об изданиях "Ego": "Готовится к печати новая книга: К.М. Фофанов. Поэзы Игорю-Северянину".

В рецензии "Футуристы и футуризм: Игорь-Северянин. К выходу в свет его "Качалки Грёзэрки" И.В. Игнатьев отмечал: «...величайшей трагедией современного литературного периода была бы *непонятость* творца тридцати трех креатюр, замыкающих *четыре* тома. Многие, даже из числа компетентов, так и полагают: Северянин недоступен для восприятия его. О, далеко нет. 〈...〉 Отец российской эго-поэзии, ядро отечественного футуризма – Игорь Северянин – *уже* и *теперь* достоин венчанием венком мистическим, ибо "даль со всех миров вселенной" претворяется им с каждою новою эдицею все более успешно, чаруя новыми, неиссякаемыми запасами красоты Слова...» (Петербургский глашатай. 1912. 11 марта).

10 стихотворений вошло в *ГК*, 3 – в *АШ*.

34. ОЧАМ ТВОЕЙ ДУШИ (с. 530)

Игорь-Северянин. Очам твоей души: Поэзы. Т. IV: Сады футуриста. Кн. 2. Брошюра 34. Столица на Неве: Ego, 1912. Весна–Лето. 22 с.

Экземпляр ОР РГБ. Дарственная надпись Северянина В.Я. Брюсову: "Валерию Брюсову, мне дорогому. Игорь-Северянин. 912. IV.17. СПб.", с правкой автора и пометами В. Брюсова.

Экземпляр из библиотеки А. Блока (ИРЛИ). На 1-й странице надпись Северянина: "Александру Блоку – автор. 912".

Экземпляр из собрания М.С. Лесмана. Музей А. Ахматовой. СПб. Пометы А. Блока красным карандашом в стихотворениях: "Намеки жизни" – подчеркнуты неологизмы "утрела", "заденела"; "День на ферме" – "майно"; "Канон Св. Иосафу" – "интуитивный крест", "как вздрагивал окрест"; отчеркнуты две последние строки стих. "Янтарная элегия". Опечатки исправлены Северяниным в стих. "Рондель" (2-я строка – "пою тебя" вместо "пою тебе"); "Перекат" (9-я строка – "больный путь" вместо "больной путь").

Экземпляр из фонда Северянина (РГАЛИ). Дарственная надпись Северянина К.К. Фофанову (Олимпову): "Константину Олимпову – дорогому Косте Фофанову – горячо любящий автор. Игорь-Северянин. 912.IV.16. СПб.".

На 4-й стороне обложки проспект Полного собрания поэз Северянина в четырех томах.

Критик, подписавшийся "А.И.", в статье "Рецидивисты декадентства" отмечал: «Сейчас вышла 34-я брошюра поэз "Очам твоей души". Всего характернее в ней то чувство пресыщения своим величием, какое наконец овладело автором со всех сторон» (Русское слово. 1912. 9 мая).

19 стихотворений вошло в *ГК*.

РОНДЕЛИ (“Я – лунопевец Лионель…”) (с. 538)

Вошло в *ПА*.

Лионель – под именем Лионеля Лохвицкая воспела Константина Бальмонта, посвятившего поэтессе свою книгу “Будем как солнце”: “Лионель, певец луны, / Любит призрачные сны, / Зыбь болотного огня, / Трепет листьев и – меня...”

35. ЭПИЛОГ “ЭГО-ФУТУРИЗМ” (с. 548)

Игорь-Северянин. Эпилог “Эго-футуризм”. Столица на Неве: Ego, 1912. 4 с.

Экземпляр Музея книги РГБ с дарственной надписью: “Мне Дорогому Валерию Брюсову – Игорь-Северянин. 1912.XII.8”.

В “Журнале журналов” (1915. № 2) Северянин рассказывал: «В конце 1912 г. я выпустил “Эпилог” и перестал быть эго-футуристом: моя задача была выполнена, доктрина: “Я – в будущем” – стала для меня нелепой… Конечно, я сочувствую всем эго-футуристам, но, к сожалению, среди них много вечных, которые никогда не узнают способа перестать быть эго-футуристами… Мешает им отчаянная бездарность и тупые трюки. Что же касается кубо-футуристов и – нео-футуристов, – это сплошное шарлатанство, и я о них даже говорить не желаю! Равно я не признаю и футуризма иностранного».

Экземпляр из библиотеки Блока (ИРЛИ). На 1-й странице надпись: “Александру Блоку – с сочувствием и уважением Игорь-Северянин. 1912”.

Экземпляр из библиотеки ИРЛИ с дарственной надписью: “Мне Дорогому Федору Сологубу – любящий Игорь-Северянин. 1912.XII.8”.

Вошло в *ГК*.

Я зрил в Олимпове Иуду... – Северянин считал К. Олимпова предателем, поскольку Олимпов, сын Фофанова, заявлял о том, что именно он изобрел слово “поэза”.

К.И. Чуковский писал о Северянине в статье “Футуристы”: «У него есть ученики и апостолы, есть даже, как увидим, Иуда, и в разных газетах и журналах, они возглашают о нем: “Отец Российской эгопоэзии! Ядро Отечественного футуризма! Ее Первосвященник. Верховный Жрец!”»

Бежали двое в тлен болот... – Речь идет о переходе Грааля-Арельского и Г. Иванова в “Цех поэтов”, к акмеистам.

35а. ЭЛЕГАНТНЫЕ МОДЕЛИ (с. 550)

Элегантные модели. Том IV: Сады футуриста. Книга 3, брошюра 35. СПб., 1912. 23 с. (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 45.).

Последняя из серии брошюр была подготовлена к печати в августе 1912 г. На последней стороне обложки альманаха эгофутуристов “Оранжевая урна. Памяти К.М. Фофанова” (июль 1912) напечатаны “Анонсетты”: “*Игорь-Северянин* проведет лето в Пятигорье, готовя к осеннему эстампажу “Элегантные Модели”. Брошюра не вышла в свет, очевидно, в связи с подготовкой издания книги “Громокипящий кубок”, в которую Северянин включил 7 стихотворений из брошюры (см. статью в наст. изд.), и разрывом с эгофутуристами.

Сохранилась беловая рукопись брошюры без заглавия. Она подписана и подготов-

лена к печати, содержит разметку для набора и надпись автора вверху последней страницы: “Изменений и сокращений не допускается”.

6 стихотворений вошло в *ЗЛ*.

ХАБАНЕРЕТТА (с. 563)

Вошло в *ПА*.

Впервые: Нижегородец. 1912. 20 окт.

II. ТЕОРИЯ ВЕРСИФИКАЦИИ. (Стилистика поэтики) (с. 564)

Беловой автограф. Впервые: *Игорь Северянин.* Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1995–1996, с большими пропусками и искажениями текста. Полностью по сверке с автографом публикуется впервые.

В рукописи после заглавия – помета Северянина: “Авторукопись. Работа выполнена исключительно по памяти в сентябре-октябре 1933 г. в замке Hrastovac, Slovenija, Jougoslavie” (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 12). Выполнена в форме рукописной книги. В начале и конце помещены шаржи на Северянина. Имеется правка. Первоначальный вариант заглавия раздела: “Смешанные (сложные) размеры, т.е. правильные паузники”. В разделе “Заключение” (п. 5) есть вставка-дополнение: “у́род, зна́ток, на́рочно, сквозни́к, кружи́тся (Гербель); ба́гровый, а́лкоголь, верба́, вьюга́, туфе́ль, шимпа́нзе, листы (листья), дрогну́ли (Н. Берг), хозяева́, поня́л, два раза́”.

Северянин очень точно по памяти цитирует свои стихи.
Встречаются варианты:
Роман в канцонах (7) (“Любовь по существу банальна…”):
10-я строка: Любви к мечтанной и любимой
Перекат I (“На кладбище, на родственных могилах…”):
3-я строка: В глазах ее, доверчивостью милых
5-я строка: (то же)
8-я строка: Я отдыхал, печальный и больной.

Версификация (от *лат.* versus – стих и facio – делаю) – то же, что стихосложение. Ср. “версификатор” – ироничное название ремесленника от поэзии – “не поэт, а версификатор”.

Северянин называл себя “самоучкой-интуитом”, но с первых сборников проявлял интерес к вопросам стихотворного мастерства. В “Автопредисловии” к 8-му изданию “Громокипящего кубка” поэт писал: “Работаю над стихом много, руководствуясь не только интуицией...”

Не желая писать “примитивно”, он сознательно экспериментировал со словом, стихом и рифмой. Особый интерес представляют десять придуманных Северяниным новых строфических форм: миньонет, дизель, кэнзель, секста, рондолет, перекат, квадрат квадратов, квинтина, перелив, переплеск, которые Северянин использовал в своем творчестве и описал в “Теории версификации”.

“Теория версификации” Северянина еще недостаточно изучена и осмыслена исследователями. Наиболее полно ее охарактеризовал М.Л. Гаспаров: «Это догматическое, типа учебника, изложение элементарных понятий стихосложения (отчасти смешанного со стилистикой), своей интонацией неожиданно напоминающее средневековые учебные пособия. План: Введение, Хорей, Ямб, Дактиль, Амфибрахий, Анапест,

Размеры с кодами внутри стиха, Смешанные (сложные) размеры, Гекзаметр, Александрийский стих, Рифма, Ассонанс, Аллитерация, Градация, Вспомогательные термины (преимущественно по стилистике), Строфа, Белый стих, Вольный стих, Свободный стих, Формы смысловые (стансы, элегия и пр.), Формы стилистические (сонет, триолет и пр.), Заключение. Подход к материалу – описательный, "как определить размер стиха" ("Методы раскладки на стопы"); главным образом – как осмыслить наличие неполных или наращенных стоп в конце стиха или полустишия. Для этого Сев⟨ерянин⟩ прибегает к понятию "кода", обозначая этим словом все слоги, безударные и ударные, после последней полной стопы: "Когда не в шутку занемог" – 4-ст. ямб, "Мой дядя самых честных правил" – 4-ст. ямб с кодой, "Помнишь ли озеро синее" – 3-ст. дактиль с кодой в 2/3 стопы. Размер "Онегина" – 4–4 1/2-ст. ямб. Любопытно, что вопрос о пропусках ударений и сверхсхемных ударениях, столь мучивший стиховедов, для Сев⟨ерянина⟩ не существует, он спокойно ставит знаки ударения на безударных слогах. Все это интереснейший материал для картины авторского самоосмысления. Источником такого представления о стопах для Сев⟨ерянина⟩, видимо, была "Наука о стихе" Брюсова; источник его представления о строфах (фантастические определения канцоны, вирелэ, лэ и пр.) остается пока загадочным» (*Гаспаров М.Л.* Северянин-стиховед // *Тезисы*, 67–68).

В качестве примеров стихотворных размеров Северянин цитирует отдельные строки из своих стихов, а также других русских поэтов. Ниже даны источники стихотворений, которые поэт приводит полностью в разделе "Формы стилистические".

Лови крылатые мгновенья... – М.А. Лохвицкая. Она и он. Триолеты (1896–1898).

Шебуев Николай Георгиевич (1874–1937) – поэт, прозаик, журналист, издатель еженедельного журнала "Весна". В журнале "Весна" в 1914 г. опубликован ряд стихотворений Северянина и материалов о нем. В этом же году в журнале печаталась работа Н. Шебуева "Искусство писать стихи". В книжном варианте под названием "Версификация. (Как писать стихи)" она рассылалась годовым подписчикам (см. об этом информацию в "Весне" за 1914 г.).

В моем безрадостном томительном запустьи... – Альманах "Винтик". Пг., "Венера", 1915.

Мы сходимся у моря под горой... – Терцины-колибри (2) – Менестрель. Новейшие поэзы. Т. XII. Берлин; М., 1921.

Мой мозг словами "Ты – больной" сжимаешь ты... – Газэлла. 1912, *ГК*.

Нарцисс Сарона, Соломон... – Рондели. 1911, *ГК*.

Бородаевский Валериан Валерианович (1879–1923) – горный инженер, поэт, в 1917 г. комиссар Курского губернского земства.

Ее уста сближаются с моими... – Рондо о поцелуях, 1924, Литавры солнца (*4, 240*).

О, не рыдай над мертвым телом... – Рондо. 1907, *ПА*.

Пока не поздно, дай же мне ответ... – Рондо XX, Вервэна. Поэзы 1918–1919 гг. Юрьев, 1920

Любовь по существу банальна... – Роман в канцонах (7) – Фея Eiole. Поэзы 1920–1921 гг. Т. XIV. Берлин, 1922.

Я голоса ее не слышал... – С утесов Эстии. Риторнель (1) – Virelai. 1912, *ГК*.

Который день? Не день, а третий год... – Фея Eiole, указ. соч.

О, среброголубые кружева... – Нона, Менестрель, указ. соч.

Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) – поэт, прозаик, переводчик. См. его "Поэму в нонах" (М., 1911). Подробнее о нем – Дополнения.

Витает крыльный ветерок... – Баллада XXI. Вервэна, указ. соч.
Эстония, страна моя вторая... – Секстина VI. Вервэна, указ. соч.
Мей Лев Александрович (1822–1862) – русский поэт.
Покаран мир за тягостные вины... – Лэ III, Вервэна, указ. соч.

Черубина де Габриак – мистификационный псевдоним, под которым выступала в журнале "Аполлон" Васильева (урожд. Дмитриева) Елизавета Ивановна (1887–1928). Одним из блестящих примеров использования лэ (по определению Северянина) является ее "Золотая ветвь" (1909), посвященная Максимилиану Волошину.

Наша встреча – Виктор Регия... – Виктория Регия. 1909, *ГК*.
Ветер ворвался в окно... – Дизэль I, Вервэна, указ. соч.
Птицы в воздухе кружатся... – Кэнзель XII. Вервэна, указ. соч.
Озвень, окольчивай, опетливай... – В Миррэлии. Сексты. 1912, *ЗЛ*.
Смерть над миром царит, а над смертью – любовь! – Рондолет. 1910, *VR*.
На кладбище, на родственных могилах... – Перекат I. 1909, *ПА*.
Как эта грустная обитель... – Перекат II. 1908, *АШ*.
Никогда ни о чем не хочу говорить... – Квадрат квадратов. 1910, *ГК*.
Любовь приходит по вечерам... – Квинтина IV. Вервэна, указ. соч.
Я слышу в плеске вёсла галер... – Образ прошлого. Вервэна, указ. соч.
В мое окно глядит луна. – У окна. Вервэна, указ. соч.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АШ – Игорь Северянин. Ананасы в шампанском. М.: Наши дни, 1915.
ГК – Игорь Северянин. Громокипящий кубок. М.: Гриф, 1913.
ЗЛ – Игорь Северянин. Златолира. М., 1914.
Качалка грёзэрки – Игорь-Северянин. Качалка грёзэрки. Поэзы. Том IV: Сады футуриста. Кн. 1. Брошюра 33. Столица на Неве: Ego, 1912. Предвесенье.
Колье принцессы – Игорь-Северянин. Колье принцессы. Первая тетрадь третьего тома стихов. СПб., 1910.
КР – Игорь Северянин. Классические розы. Белград, 1931.
Очам твоей души – Игорь-Северянин. Очам твоей души. Поэзы. Том IV: Сады футуриста. Кн. 2. Брошюра 34. Столица на Неве: Ego, 1912. Весна–Лето.
ПА – Игорь Северянин. Поэзоантракт. М.: Наши дни, 1915.
Певица лилий полей Сарона – Игорь-Северянин. Певица лилий полей Сарона. Вторая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 28. СПб., 1910. Лето.
Ручьи в лилиях – Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях. Поэзы. Пятая тетрадь третьего тома. Брошюра 31. СПб., 1911. Лето.
Северянин И. Сочинения: В 5 т. / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева и В.А. Сапогова. СПб.: Logos, 1995–1996 (в скобках фиксируется том и страница).
Соловей – Игорь Северянин. Соловей. М.; Берлин: Накануне, 1923.
Сочинения – Северянин Игорь. Сочинения / Сост. С. Исаков, Р. Круус. Таллин: Ээсти Раамат, 1990.
Тост безответный – Игорь Северянин. Тост безответный / Сост., вступ. ст., прим. Е. Филькиной. М.: Республика, 1999.
Электрические стихи – Игорь-Северянин. Электрические стихи. Четвертая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра 30. СПб., 1911. Предвешняя зима.
Это было так недавно – Игорь-Северянин. Это было так недавно. Стихи. СПб., 1912.
Pühaiögi – Игорь Северянин. Pühaiögi: Эстляндские поэзы. Юрьев: Odamees, 1919.
VR – Игорь Северянин. Victoria Regia. М., 1915.

Критика – Критика о творчестве Игоря-Северянина. М.: Изд-во В.В. Пашуканиса, 1916.
Лохвицкая – Лохвицкая М.А. Стихотворения. Т. 1–5. СПб., 1900–1904.
Тезисы – О Игоре Северянине: Тезисы докладов научной конференции. Череповец, 1987.
Фофанов – Фофанов К.М. Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. В.В. Смиренского. Вступ. ст. Г.М. Суриковой. М.; Л., 1962. (Серия "Б-ка поэта").

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА, ВКЛЮЧЕННЫХ В ИЗДАНИЕ

* Курсивом даны страницы примечаний.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК

СОЛОВЕЙ
Поэзы

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научное издание

Игорь Северянин

ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК
АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ
СОЛОВЕЙ
КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Утверждено к печати редколлегией серии
"Литературные памятники"

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,*
Е.Л. Сысоева, Т.А. Печко, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 26.03.2004
Формат 70 x 90[1]/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная
Усл.печ.л. 69,2. Усл.кр.-отт. 76,6. Уч.-изд.л. 43,6.
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 9599

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6